М 68
121

кн.2

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА БѢЛЯЕВА.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

1864.

РАЗСКАЗЫ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА БѢЛЯЕВА.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

1864.

ИСТОРІЯ

НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО

ПАДЕНІЯ

—

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІЯ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

1864.

Дозволено цензурою. Москва. 12 Апрѣля, 1864 года.

2007042948

I.

СТРОИ ЖИЗНИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Новгородскія владѣнія.

Владѣнія Новгородскія раздѣлялись на три вида: къ первому виду принадлежалъ самъ господинъ Великій Новгородъ, второй видъ составляла Новгородская земля, и третій волости Новгородскія. Великимъ Новгородомъ, называлось первоначальное поселеніе Ильменскихъ Славянъ на Волховѣ, гнѣздо Новгородскаго могущества, бывшее постоянно и неизмѣнно средоточіемъ силы и власти Новгородскаго племени Славянъ. Землю Новгородскую составлялъ край ближайшій къ Новгороду, занятый древнѣйшими Новгородскими колоніями и дотого пропитанный Новгородскимъ духомъ, что составлялъ одно неразрывное цѣлое съ самимъ Новгородомъ. Волостьми Новгородскими назывались тѣ земли, которыя хотя и были подчинены Новгороду, но несоставляли съ нимъ одного цѣлаго и скорѣе представляли Новгородскія провинціи въ чужой землѣ, притянутыя къ Новгороду силою и большею частію неколонизованныя Новгородскимъ племенемъ, даже иногда управляемыя своими племенными князьями и старшинами. Виды Новгородскихъ владѣній.

Новгородъ и его стороны

Господинъ Великій Новгородъ, какъ городъ, раздѣлялся на двѣ половины или стороны: на Софійскую и торговую; первая лежала на лѣвомъ берегу Волхова, а вторая на правомъ. По всему вѣроятію старѣйшею половиною была торговая сторона; ибо на этой сторонѣ находился Славенскій конецъ, главное поселеніе Славянъ, основателей Новгорода; на этой же сторонѣ было городище, т. е. мѣсто стараго города, крѣпости; на Софійской же сторонѣ стоялъ дѣтинецъ, новая крѣпость, построенная Рюрикомъ по переходѣ его изъ Ладоги въ 864 году. Самыя названія мѣстностей на Софійской сторонѣ,—Пруссы, Неревляне, Тигожане, Пидбляне и др. указываютъ на пришельцевъ, присоединившихся къ коренному Славянскому поселенію. Торговая и Софійская стороны, очевидно неодновременныя по заселенію, разнились между собою и по значенію въ общественномъ строѣ. На Софійской сторонѣ, какъ мы уже видѣли, стоялъ дѣтинецъ или крѣпость, главный кремль Новгорода; здѣсь же находимъ главную святыню, символъ Новгородской свободы и самостоятельности,—соборную церковь Софіи премудрости Божіей; здѣсь же живетъ въ дѣтинцѣ владыка Новгородскій (епископъ, потомъ архіепископъ), главный представитель религіозной власти въ Новгородѣ; здѣсь же при церкви св. Софіи, у владыки на сѣняхъ, главный судъ и управленіе; здѣсь же у св. Софіи на полатяхъ хранилась общественная казна и всѣ законы, постановленія и договорныя грамоты Нов-

города. Напротивъ того, на торговой сторонѣ находились: дворъ Ярославовъ. при которомъ обыкновенно собиралось правильное вѣче, главный представитель земской власти Новгорода; на торговой же сторонѣ находилась главная торговая площадь или торговище, и на ней церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ производился торговый судъ; на торговой же сторонѣ и, кажется, при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ было обычное мѣсто, гдѣ производился судъ тысяцкаго; здѣсь же находились и торговые дворы иноземныхъ гостей, составлявшіе отдѣльную часть торговой стороны подъ названіемъ Варяжской или Варецкой улицы, примыкавшую съ одной стороны къ Ярославову двору и торговищу, а съ другой стороны къ берегу Волхова, на которомъ для каждаго торговаго двора была особая пристань или вымолъ, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ уставъ князя Ярослава Ярославича о мостовыхъ, въ которомъ сказано: „Князю мостить отъ Ярославля двора до Нѣмецкаго вымола, Нѣмцемъ до Еваня вымола, отъ Еваня вымола Готомъ до Геральдова вымола и проч.“ Иноземные торговые дворы, стоявшіе въ этой части торговой стороны, были слѣдующіе: Варяжскій дворъ старѣйшій изъ всѣхъ дворовъ иноземныхъ гостей, имѣвшій свою Варяжскую церковь св. Пятницы, за тѣмъ слѣдовали Нѣмецкій, Готьскій и Псковскій гостиные торговые дворы.

Концы города.

Какъ Софійская сторона такъ и торговая, раздѣлялись на концы; концовъ этихъ во время Нов-

городской самостоятельности было пять: три на Софійской сторонѣ и два на торговой. Софійскіе концы были 1-й *Неревскій*, лежавшій на сѣверъ отъ дѣтинца и однимъ бокомъ протянувшійся по берегу Волхова, а съ другой стороны примыкавшій къ Загородскому концу, по Чудинцеву улицу; 2-й *Людинъ или Гончарскій*—на югъ отъ дѣтинца, однимъ бокомъ лежавшій по берегу Волхова, а другимъ примыкавшій къ Загородскому концу Добрыниной улицей, и 3-й *Загородскій*, лежавшій на западъ отъ дѣтинца, между Людинымъ и Неревскимъ концами. Концы торговой стороны: 1-й, *Славенскій* конецъ по берегу Волхова, занимавшій южную половину торговой стороны по Боянно улицу и Рогатицу; отъ этого конца шелъ большій мостъ черезъ Волховъ на Софійскую сторону; 2-й, *Плотницкій конецъ*, также по берегу Волхова, занималъ сѣверную половину торговой стороны и отдѣлялся отъ Славенскаго конца Ѳедоровскимъ, ручьемъ. Концы Софійской стороны примыкали къ дѣтинцу или къ Кремлю, какъ къ центру; но дѣтинецъ непринадлежалъ ни къ одному концу и былъ отдѣленъ отъ нихъ стѣнами и рвомъ; онъ былъ общій для всего Новгорода и какъ, святыня изъятая изъ частнаго обращенія, управлялся и устроивался отдѣльно отъ управленія и устройства концовъ. Въ такомъ же положеніи на торговой сторонѣ былъ Ярославовъ дворъ съ вѣчевою площадью и торговищемъ; онъ также непринадлежалъ ни къ одному изъ концовъ торговой стороны и управ-

лялся отдѣльно и независимо отъ кончанскихъ старостъ Славенскаго конца, хотя и занималъ часть Славенскаго конца.

Каждый конецъ въ Новгородѣ составлялъ отдѣльную общину, состоящую изъ союза меньшихъ общинъ,—улицъ, имѣлъ свое управленіе и судъ. Герберштейнъ, посолъ Императора Германскаго, бывшій въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія, говоритъ, что „городъ, Великій Новгородъ, раздѣлялся на пять частей, изъ которыхъ каждая часть не только въ публичныхъ и частныхъ дѣлахъ вѣдалась у своихъ опредѣленныхъ начальниковъ, которымъ она была подсудна; но и каждый житель части во всѣхъ сношеніяхъ съ своими согражданами могъ заключать контракты только въ своей части и у своихъ правителей, а не въ другихъ частяхъ у тамошнихъ правителей; равнымъ образомъ и въ судъ могъ звать только къ судьямъ своей части“, т. е. конца. Главными представителями, судьями и управителями концовъ были выборные кончанскіе старосты; отъ нихъ зависѣли всѣ общественныя распоряженія по концу, они были главными представителями своихъ концовъ на общемъ вѣчѣ и въ общихъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода, такъ что договоры съ иноземными государями, и разныя узаконенія или постановленія, выходящія отъ общаго вѣча, обыкновенно утверждались печатьми пятиконецкихъ старостъ; равнымъ образомъ въ посольствахъ и переговорахъ съ иноземцами непремѣнно участвовали или пятиконецкіе

старосты, или по двое и по трое выборныхъ людей отъ каждаго конца. Новгородскіе концы не были административными клѣтками, разбитыми по какой либо теоріи или по прихоти какого либо распорядителя, а напротивъ, представляли собою органическое цѣлое, въ которомъ всѣ части были соединены другъ съ другомъ бытовыми и даже нравственными узами, такъ что за обиду однокончанина вступался цѣлый конецъ; такъ напримѣръ въ 1418 году Славенскій конецъ вмѣстѣ съ Плотницкимъ концомъ вступился за своего одноконча-нина Степанка, схваченнаго бояриномъ изъ Перевскаго конца; Славенскіе и Плотницкіе кончане зазвонили вѣче на Ярославомъ дворѣ и съ знаменемъ и въ доспѣхахъ пошли на Неревскій конецъ и разграбили тамъ Козмодемьянскую, Яневу и другія улицы. Или въ 1421 году Славенскій конецъ за боярина своего Климентія Артемьина воевалъ съ Неревскимъ концомъ, который защищалъ своего боярина, посадника Андрея Ивановича; и Славенцы разграбили домъ посадника и много другихъ боярскихъ дворовъ у Неревлянъ. Концы въ Новгородѣ не были представителями сословій или отдѣльныхъ классовъ Новгородскаго общества; а напротивъ, въ каждомъ концѣ безразлично жили и бояре, и житые люди, и купцы, и черные люди; такъ что въ случаѣ надобности назначить на какое либо общее дѣло выборныхъ людей отъ конца, выбирались и отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей. Концы даже

имѣли свои знамена, или воинскіе стяги. и въ военныхъ походахъ каждый конецъ составлялъ особый полкъ и имѣлъ своего воеводу.

Концы въ Новгородѣ, какъ уже сказано выше, состояли изъ союза улицъ; улицъ въ каждомъ концѣ было неодинаковое число въ разное время: они то дробились то соединялись. Впрочемъ болѣе важными и болѣе извѣстными и постоянными улицами были: въ Людиневѣ или Гончарскомъ концѣ—Редятина, Волосова, Черпятинская и Добрынина; въ Загородскомъ концѣ—Прусская и Чудинцева; въ Неревскомъ концѣ—Янева, Розважа, Козмодемьянская, Люгоща, Холопья и Яковлевская; въ Славенскомъ концѣ—Славно, Ильинская, Варяжская или Варецкая, Лубяница и Нутная; и наконецъ въ Плотницкомъ концѣ—Бояня, Рогатица, Славкова, Ѳедоровская, Никитская, Молоткова и Радоковичи. Улицы.

Каждая улица въ Новгородѣ составляла отдѣльную общину съ своимъ управленіемъ, съ своими уличанскими старостами и съ своимъ въ нужныхъ случаяхъ вѣчемъ; у каждой улицы была своя уличанская печать и своя контора, по тогдашнему названію—обчина, гдѣ хранились общественныя уличанскія деньги и дѣла между своими уличанами, гдѣ вѣроятно засѣдали уличанскіе старосты и держали уличанскій судъ и управу. Такъ подъ 1342 годомъ лѣтопись говоритъ, что когда Псковичи прислали къ Новгородцамъ просить помощи на Нѣмцевъ; то Новгородцы „ни мало не умедливши, отправились въ походъ въ великую пятницу, и

иные въ великую собботу, а обчины всѣ попечатали". Уличанскіе старосты съ своими уличанами участвовали на общемъ вѣчѣ и имѣли право собирать частныя вѣча своей улицы; но уличанскихъ старостъ мы не встрѣчаемъ ни въ Новгородскихъ посольствахъ, ни въ переговорахъ Новгорода съ иноземными послами, ни въ договорахъ съ князьями. Даже въ общемъ Новгородскомъ судѣ у владыки на сѣняхъ, или какъ тогда говорилось, у доклада, засѣдали выборные не отъ улицъ, а отъ концовъ; такъ въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года сказано: „А докладу быти во владычней компатѣ, а у докладу быть изъ конца по боярину, да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли да и приставомъ". Но очевидно, что въ другихъ судахъ уличанскіе старосты, или особые для суда старосты отъ улицы, всегда являлись, какъ посредники и защитники своихъ уличанъ; ибо таковъ былъ общій порядокъ суда во всей Русской землѣ, чтобы не судить ни одного суда безъ судныхъ мужей или приставовъ отъ сторонъ, т. е. отъ истца и отвѣтчика, данныхъ каждому своею общиною. Въ Новгородской судной грамотѣ прямо сказано: „а въ тіуновой одринѣ (т. е. въ судѣ у тіуна) быть по приставу въ сторону, людемъ добрымъ, а судити имъ въ правду, крестъ цѣловавъ". Такимъ образомъ каждый членъ улицы былъ постоянно подъ защитою своей общины—улицы, и всѣ члены улицы, т. е. домохозяева, владѣвшіе уличанскою землею отъ своего имени, состояли въ кру-

говой порукѣ другъ по другѣ и защищали другъ друга отъ стороннихъ притѣсненій. И защита улицы для уличанина имѣла важное значеніе; пбо главные представители и вожди улицы, уличанскіе бояре, пользовались огромнымъ значеніемъ въ Новгородскомъ обществѣ: всѣ важныя выборныя должности принадлежали имъ исключительно, сверхъ того они имѣли большій вѣсъ въ общественныхъ дѣлахъ по своимъ богатствамъ и связямъ. Бояре же съ своей стороны дорожили расположеніемъ своихъ уличанъ, потому что при ихъ только помощи и расположеніи могли расчитывать на занятіе важныхъ выборныхъ должностей; уличанскою только поддержкою боринъ могъ имѣть успѣхъ въ своихъ спорахъ съ соперниками на высшія должности. Уличане иногда даже открытою силою доставляли важныя должности своимъ боярамъ; такъ напримѣръ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1359 году, уличане Славенскаго конца, чтобы добыть посадничество своему боярину Сильвестру Лентѣевичу, явились на вѣче въ доспѣхахъ, произвели рѣзню и разогнали Зарѣчанъ или Софійскую сторону. При такихъ отношеніяхъ естественно уличанскіе бояре были самыми усердными и самыми сильными защитниками своихъ уличанъ, безъ различія къ какому бы классу они ни принадлежали. Этого требовалъ самый сильный мотивъ къ усиленному покровительству,—обоюдная польза бояръ и уличанъ: уличане были сильны своими боярами, а бояре были сильны своими уличанами.

Такимъ образомъ улица въ Новгородѣ не была мертвымъ рядомъ дворовъ, вытянутыхъ въ линію, а также, какъ и конецъ, составляла живую общину, члены которой составляли плотный союзъ, связанный и бытовыми и нравственными интересами, и при томъ такой союзъ, который имѣлъ юридическое значеніе, признанное за нимъ закономъ. Улица въ Новгородѣ на столько пользовалась самостоятельностію, что даже могла дѣйствовать мимо своего конца; такъ напримѣръ, когда въ 1218 году торговая сторона, заступившись за своего боярина Матвѣя Душильчевича, пошла на посадника Твердислава, боярина изъ Людина конца; то Людинъ конецъ, вступившись за Твердислава, какъ своего боярина, пригласилъ къ себѣ на помощь Прусскую улицу, бывшую въ сосѣдствѣ, и Пруссы вмѣстѣ съ Людинцами вооружились за Твердислава, тогда какъ Загородскій конецъ, къ которому принадлежала Прусская улица, оставался нейтральнымъ и невступался ни за Твердислава, ни за Матвѣя Душильчевича.

Новгородская земля.

За предѣлами Новгорода, какъ города, начиналась Новгородская земля; она обнимала пространство на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, рѣки Наровы, Чудскаго и Псковскаго озеръ и вообще до границъ Ливоніи, на югъ до Великихъ Лукъ и на сѣверъ до Ладожскаго озера и частію до Онежскаго озера. Эта страна хотя не была заселена сплошнымъ Новгородскимъ племенемъ, особенно около Ладожскаго озера, въ

землѣ Корѣлянъ и въ земляхъ Води и Ижеры, ближе къ Финскому заливу. тѣмъ не менѣе здѣсь были старѣйшія поселенія Новгородскія, и вся страна такъ была пропитана Новгородскимъ духомъ, что и чужеплеменники туземцы, Водь, Ижера и Корѣла, здѣсь остававшіеся были устроены совершенно на Новгородскій ладъ и считали свою землю уже Новгородскою землею, и потому принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Новгорода и были уже большею частію крещены въ православную вѣру. Пригороды, находившіеся въ этой странѣ въ иныхъ случаяхъ даже приглашались на Новгородское вѣче, и все тамошнее населеніе безъ различія племенъ участвовало въ военныхъ походахъ Новгородцовъ, или по требованію вѣча являлось на защиту Новгорода Такъ напримѣръ Князь Александръ Невскій въ 1241 году велъ на Шведовъ къ Копорью и Новгородцовъ, и Ладожанъ, и Корѣлянъ и Ижерянъ. Или подъ 1370 годомъ лѣтопись, описывая вооруженіе Новгородцовъ противъ Князя Ярослава Ярославича Тверскаго, говоритъ: „Совокупися въ Новгородъ вся волость Новгородская, Псковичи, Ладожане. Корѣла, Ижера и Водь, и идоша въ Голино отъ мала до велика, истояша недѣлю на бродѣ“. Или въ 1136 году Новгородцы, для совѣщанія объ изгнаніи Всеволода Мстиславича, приглашали къ себѣ на вѣче и Псковичей и Ладожанъ, какъ участниковъ въ Новгородскихъ дѣлахъ, для которыхъ интересы Новгорода были собственными интересами.

На Новгородской землѣ было разсѣяно до тридцати Новгородскихъ пригородовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ, а можетъ быть ихъ тамъ было и гораздо больше. Важнѣйшіе изъ пригородовъ, лежащихъ на Новгородской землѣ, были въ прежнее время: Псковъ, въ послѣдствіи отдѣлившійся отъ Новгорода и составившій свое независимое владѣніе; за Псковомъ слѣдовала Ладога, одинъ изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ пригородовъ, стоявшій въ низовьяхъ Волхова, не подалеку отъ впаденія въ Ладожское озеро; потомъ слѣдовала Руса, тоже одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ этомъ краѣ, стоявшій на югъ отъ озера Ильменя при впаденіи рѣки Порусья въ Полистъ; далѣе такой же древній городъ Изборскъ, стоявшій на западъ отъ Пскова, нѣсколько южнѣе Псковскаго озера; за тѣмъ Великіе Луки, тоже древній Новгородскій пригородъ, при верховьяхъ рѣки Ловати, на границахъ съ Полотскими и Смоленскими владѣніями, и составлявшій самый южный предѣлъ Новгородской земли. За сими, несомнѣнно древними пригородами Новгорода слѣдовали иные пригороды, изъ которыхъ одни также можетъ быть довольно древніе, а другіе поздніе. время построенія которыхъ уже отмѣчено въ въ лѣтописяхъ. Таковы были: Орѣховъ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, построенный въ 1323 году; Корѣла или Корѣльскій городокъ при устьѣ Узервы въ Ладожское озеро, на острову; Тиверскій городокъ на сѣверъ отъ Невы, въ глубинѣ Корѣльской земли, это нынѣшній Кексгольмъ (Вы-

боргск. губерніи), почти на границѣ Новгородскихъ владѣній съ Финляндіею; Тесовъ въ Вотьской землѣ, на югъ отъ Орѣхова; Копорье на югъ отъ Невы, неподалеку отъ Финскаго залива при рѣчкѣ Копоркѣ, построенный въ 1280 году; Яма на рѣкѣ Лугѣ, въ ея низовьяхъ, и Луга при Верховьяхъ рѣки того же имени. Далѣе на югъ отъ Новгорода слѣдовали пригороды по рѣкѣ Шелони и около ея: Шелонь при впаденіи Мшаки въ Шелонь, не подалеку отъ озера Ильменя: Дубровна на западъ отъ Шелони не подалеку отъ Псковской границы: Порховъ на Шелони, не много повыше устья Узы; Вышгородъ на югъ отъ Порхова и нѣсколько на западъ отъ Шелони, и еще югозападнѣе Вышгорода Ржева, не подалеку отъ Псковской и Полотской границы. На югѣ отъ Ильменя озера, по рѣкѣ Ловати и около ея были Новгородскіе пригороды: Городецъ на западъ отъ Русы; Курескъ на Ловати въ 70 верстахъ отъ Ильменя озера: Холмъ также на Ловати, на 90 верстъ южнѣе Куреска. На востокъ отъ Ловати, въ такъ называемыхъ Деревахъ, были пригороды Демань по рѣчкѣ Явони, впадающей въ Полу, которая въ свою очередь вливается въ Ловать съ восточной стороны, или праваго берега; Лубно на самой Полѣ, и Молвятицы на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Полы, не подалеку отъ Селигера, и нѣкоторые другіе, которыхъ мѣстности, по недостаточности лѣтописныхъ извѣстій, до насъ дошедшихъ, указать нельзя. Судя по расположенію пригородовъ собственно въ Новго-

родской землѣ, оказывается, что построеніе ихъ большею частію вызывалось не столько необходимостію въ защитѣ края или по военнымъ соображеніямъ, сколько промышленными цѣлями и необходимостію развитія Новгородскаго строя въ земляхъ населенныхъ туземцами не Новгородскаго племени.

Пригороды на Новгородской землѣ.

Пригороды, находящіеся собственно на Новгородской землѣ, а не въ провинціяхъ или въ колоніяхъ. пользовались большею долею самостоятельности, хотя и были въ самой тѣсной связи съ Новгородомъ; они были какъ бы продолженіемъ Новгорода, или повтореніемъ его въ данныхъ мѣстностяхъ, сколками, подобіемъ своего первообраза, или младшими Новгородами. Они управлялись совершенно по Новгородски, имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ,—сотскихъ старостъ; даже посадники въ пригородахъ, хотя назначались большею частію Новгородскимъ вѣчемъ. тѣмъ не менѣе и самое Новгородское вѣче безразлично выбирало въ посадники какъ Новгородскихъ. такъ и пригородскихъ бояръ Даже не рѣдко бывало такъ. что лица, бывшія посадниками въ въ пригородахъ, выбирались въ посадники въ Новгородъ; и наоборотъ—лица, бывшія посадниками въ Новгородѣ, назначались посадниками въ пригороды Такъ напримѣръ въ 1280 году Новгородцы отнявши посадничество въ Новгородѣ у Михаила Мишинича, дали оное Ладожскому посаднику Семену Михайловичу, выведши его изъ Ладоги. Или въ 1257 году, посадили у себя посадникомъ Ладожскаго посадника Михаила Ѳеодоровича. Или въ 1164

году. Новгородцы перевели посадника Нежату изъ Новгорода въ Ладогу; точно также въ 1229 году отняли у Иванка Дмитровича посадничество въ Новгородѣ и назначили его посадникомъ въ Торжекъ. Въ пригородахъ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, были свои бояре, гриди, купцы и черные люди; такъ напримѣръ въ 1234 году при нападеніи Литовцовъ на Русу, лѣтопись говоритъ: „и сташа Рушане и засада огнищане, гридьба, и кто купецъ и гости, и выгнаша Литву изъ посада.“ Между боярами и купцами Новгородскими и пригородскими не было никакого различія, всѣ они одинаково считались Новгородскими боярами и купцами. Нѣкоторые изъ пригородовъ даже раздѣлялись на концы, подобно Новгороду, напримѣръ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ Псковъ и Корѣльскій городокъ, а можетъ быть и другіе. Въ каждомъ пригородѣ была своя соборная церковь въ дѣтинцѣ, подобно Новгородской; напримѣръ, во Псковѣ церковь св. Троицы, въ Порховѣ Святителя Николая, въ Русѣ Преображенія Господня. Пригороды имѣли свои вѣча, но вѣча сіи въ дѣлахъ общихъ должны были повиноваться приговору Новгородскаго вѣча, по общему въ Русской землѣ правилу: „на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ.“ Впрочемъ въ Новгородской землѣ пригородскимъ вѣчамъ предоставлялась большая свобода и самостоятельность: они имѣли право не только заниматься внутреннимъ управленіемъ и судомъ въ своей волости; но даже могли объявлять войну, заключать міръ и вступать

въ договоры съ сосѣдними владѣтелями. Такъ напримѣръ въ 1228 году, Псковское вѣче, опасаясь нападенія Князя Ярослава Всеволодовича, заключило миръ съ Ригою отдѣльно отъ Новгорода, и когда Новгородскій князь Ярославъ потребовалъ, чтобъ Псковичи вмѣстѣ съ Новгородцами и его полками шли на Ригу; то Псковское вѣче отвѣчало: „мы нейдемъ на путь, мы заключили съ Рижанами миръ.“ А въ слѣдъ за тѣмъ и Новгородцы сказали Ярославу мы безъ своей братьи безъ Псковичъ не можемъ идти на Ригу. Или въ 1237 году Псковичи посылали помощь Рижанамъ противъ Литвы, не спрашивая на это разрѣшенія отъ Новгородскаго вѣча. Или въ 1428 году, Порховъ заключилъ отдѣльный миръ съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, и обязался заплатить ему 5000 рублей окупа. И Новгородское вѣче признавало отдѣльныя сдѣлки пригородскихъ вѣчей законными. Оно только наблюдало за тѣмъ, что бы пригородское вѣче недѣлало опредѣленій противныхъ общей пользѣ всей земли Новгородской, или оскорбительныхъ для Новгорода. Такъ напримѣръ, пригородъ законнымъ образомъ не могъ выдѣлиться изъ Новгородской земли самовольно и подчиниться какому либо сосѣдшему князю, или отказаться отъ платежа опредѣленныхъ доходовъ въ Новгородъ; такъ, когда въ 1436 году Ржева и Луки отказались платить опредѣленную дань въ Новгородъ; то Новгородцы за это пошли на нихъ войною и пожгли Ржевскія села. Но приглашеніе пригородомъ князя безземельнаго

или отказавшагося отъ своего отчиннаго владѣнія ненарушало законныхъ отношеній пригорода къ Новгороду; лишь бы приглашенный князь согласился управлять пригородомъ, какъ владѣніемъ зависимымъ отъ Новгорода. Такъ на примѣръ, въ 1266 году Псковичи приняли къ себѣ безземельнаго князя Довмонта: и Новгородцы не только этому не препятствовали; но даже когда князь Ярославъ Ярославичъ вздумалъ было съ своими низовыми полками идти на Псковичей и Довмонта; то Новгородцы остановили его и сказали: „ты, князь, безъ нашего согласія не имѣешь права идти на Псковъ.“ Но какъ Новгородцы не препятствовали своимъ пригородамъ припимать къ себѣ князей по своему усмотрѣнію; такъ наоборотъ, пригороды обязаны были припимать князей присылаемыхъ изъ Новгорода, и безпрекословно повиноваться, когда по рѣшенію Новгородскаго вѣча князь выводился изъ одного пригорода въ другій. Равнымъ образомъ пригороды должны были повиноваться Новгородскому вѣчу, когда оно давало въ кормленье нѣсколько пригородовъ одному князю; ибо князь, принятый въ пригородѣ или присланный въ пригородъ изъ Новгорода, одинаково считался на службѣ у Новгородцевъ, онъ являлся въ пригородъ какъ бы намѣстникомъ Новгорода; слѣдовательно пригородъ, принадлежа Новгороду, состоя на Новгородской землѣ, долженъ былъ повиноваться присланному князю. Мало этого, пригородъ даже не имѣлъ права выгнать отъ себя присланнаго князя. а напро-

тивъ, въ случаѣ неудовольствій долженъ былъ жаловаться Новгородскому вѣчу. Такъ напримѣръ Орѣховцы и Корѣльцы въ 1384 году, недовольные посаженнымъ у нихъ княземъ Патрикіемъ Наримантовичемъ, явились съ жалобою въ Великій Новгородъ, и уже по опредѣленію Новгородскаго вѣча князь Патрикій былъ переведенъ изъ Орѣхова и Корѣльскаго въ Русу и Ладогу.

Такимъ образомъ пригороды въ Новгородской землѣ съ одной стороны пользовались значительною долею самостоятельности, а съ другой стороны находились въ полной зависимости отъ своего господина Новгорода. Таковое повидимому несовмѣстное положеніе условливалось съ одной стороны происхожденіемъ пригородовъ, а съ другой стороны тѣмъ, что они стояли на Новгородской землѣ. По происхожденію пригороды были младшими братьями или сыновьями Новгорода, всѣ они построены самимъ Новгородомъ и населены Новгородцами же, и каждый Новгородецъ во всякое время могъ перейти въ любой пригородъ, и наоборотъ, пригорожанинъ поселиться въ Новгородѣ; слѣдовательно по самой необходимости по существу дѣла Новгородъ могъ относиться къ своимъ пригородамъ только какъ старшій къ младшимъ, какъ отецъ къ дѣтямъ, какъ свободный къ свободнымъ, а не какъ господинъ къ рабамъ, или завоеватель къ побѣжденнымъ, и слѣдовательно предоставлять имъ извѣстную долю самостоятельности. И дѣйствительно таковы и были отношенія Новгорода къ своимъ пригородамъ по-

чти до начала XV вѣка. Новгородцы во все это время не полагали никакого различія или неравенства своихъ горожанъ съ пригорожанами. Житель пригорода, стоящаго на Новгородской землѣ, по закону ничѣмъ не отличался отъ жителя самаго Новгорода: пріѣзжая въ Новгородъ, онъ пользовался совершенно одинакими правами съ Новгородцомъ; лучшимъ сему свидѣтельствомъ служитъ уставная грамота князя Всеволода Мстиславича, данная Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ около 1135 года. Въ этой грамотѣ мы читаемъ: о вѣсчихъ пошлинахъ: „а у гостя имъ имати у низовскаго (т. е. изъ Суздальской земли) отъ дву берковска вощаныхъ по гривнѣ серебра да гривенка перцу, а у Смолепскаго и у Полотскаго до двѣ гривны кунъ отъ берковска вощанаго, у Новоторжанина полторы гривны отъ берковска вощанаго, у Новгородца шесть мордокъ отъ берковска вощанаго.“ Здѣсь грамота, полагая высшій размѣръ пошлинъ съ разныхъ пріѣзжихъ гостей, съ Низовцовъ, Смолянъ, Полоцянъ и Новоторжцовъ ни слова не упоминаетъ ни о Ладожанахъ, ни о Рушанахъ, ни о Псковичахъ, ни о другихъ пригорожанахъ Новгородской земли, слѣдовательно считаетъ ихъ не гостями, а такими же Новгородцами, какъ и жителей самого Новгорода, и назначаетъ имъ одинаковую пошлину съ сими послѣдними: по шести мордокъ отъ берковска вощанаго. А когда житель пригорода считался Новгородцемъ, то и самый пригородъ не счелъ щитаться иначе какъ млад-

нимъ Новгородомъ; а какъ старшій Новгородъ былъ свободенъ и самостоятеленъ, то и младшій Новгородъ, по складу Новгородской жизни, долженъ также пользоваться свободою и самостоятельностію. Но какъ младшій Новгородъ, или пригородъ, стоялъ на землѣ составлявшей священную неотъемлемую собственность старшаго Новгорода, на землѣ святой Софіи, то отсюда вытекали отношенія зависимости младшаго отъ старшаго и право контроля старшаго надъ младшимъ. Старшій по существу самаго дѣла долженъ былъ заботиться, что бы младшій не вздумалъ передавать въ чужія руки землю святой Софіи; старшій имѣлъ непремѣнною обязанностію наблюдать, чтобы младшіе за землю святой Софіи, находящуюся въ ихъ владѣніи, платили опредѣленныя дани въ общую казну, которая хранилась на палатяхъ св. Софіи, и въ случаѣ не платежа наказывать младшихъ; старшій на томъ же основаніи имѣлъ право требовать, чтобы младшіе являлись на защиту св. Софіи, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, и помогать въ постройкѣ тѣхъ и другихъ укрѣпленій, необходимыхъ для защиты дома св. Софіи, т. е. Новгорода. Впрочемъ за помощь, какую пригороды обязывались подавать въ случаѣ нужды Новгороду, Новгородъ съ своей стороны исправно платилъ помощію пригородамъ, когда они въ ней нуждались; такъ въ 1253 году Новгородцы пришли помогать Псковичамъ противъ Нѣмцевъ и принудили сихъ послѣднихъ къ миру на всей воли Новгородской и Псков-

ской. Или въ 1348 году Новгородъ немедленно послалъ помощь Орѣховцамъ, когда Магнусъ король Шведскій напалъ на Орѣховъ; когда же, не смотря на Новгородскую помощь, Магнусъ завладѣлъ Орѣховымъ въ Августѣ мѣсяцѣ; то Новгородцы тойже осенью явились туда съ новою ратью, и стояли подъ Орѣховымъ около полугода, до тѣхъ поръ, пока не выгнали оттуда Шведовъ. Или когда въ 1371 году погорѣлъ Торжекъ; то Новгородцы на другій же годъ пришли ставить новыя стѣны погорѣлаго города; или въ 1384 году Новгородцы поставили новую каменную крѣпость въ своемъ пригородѣ Ямахъ, на рѣкѣ Лугѣ; или въ 1378 году Новгородское вѣче послало ставить каменный городъ въ Порховѣ. Новгородцы даже ставили своимъ усердіемъ церкви по пригородамъ; такъ въ 1365 году Новгородскіе купцы вмѣстѣ съ Новоторжцами поставили въ Торжкѣ церковь Преображенія Господня и самъ архіепископъ Новгородскій съ крылосомъ св. Софіи пріѣзжалъ освящать ее. Или въ 1403 году Новгородскіе купцы прасолы поставили въ Русѣ церковь св. Бориса и Глѣба. Новгородцы на томъ же основаніи, что пригороды стояли на Новгородской землѣ, при заключеніи мирныхъ договоромъ съ сосѣдними князьями, включали въ сіи договоры и свои пригороды, и обыкновенно цѣловали крестъ какъ за Новгородъ, такъ и за пригороды, какъ составляющіе одно цѣлое съ Новгородомъ.

Присуды и погосты.

Каждый Новгородскій пригородъ, также какъ и самый Новгородъ, имѣлъ свою волость или присудъ, т. е. опредѣленную окрестную страну, на которую простиралась его власть, которая тяпула къ нему судомъ и управою по землѣ и водѣ, съ которой сбирались въ пригородъ разныя дани и пошлины, которая въ пригородѣ находила свою защиту, и въ свою очередь сама была обязана участвовать въ защитѣ пригорода въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Волость или подчиненная пригороду страна раздѣлялась на погосты, которые состояли изъ нѣсколькихъ селеній, имѣвшихъ въ погостѣ свой ближайшій судъ и управу и своихъ выборныхъ начальниковъ или старостъ. Жители селеній, принадлежавшихъ къ тому или другому погосту, собирались туда для совѣщаній о дѣлахъ цѣлаго погоста, для раскладки лежащихъ на нихъ повинностей, для разбора споровъ и для разныхъ общественныхъ дѣлъ. Образованіе погостовъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ относится къ глубокой древности; о погостахъ упоминается уже при великой княгинѣ Ольгѣ. А въ началѣ XII столѣтія мы находимъ, что княжая дань въ Новгородскихъ владѣніяхъ раскладывалась по погостамъ и погосты уже были въ самыхъ отдаленныхъ владѣніяхъ Новгорода, куда только достигала Новгородская колонизація; въ грамотѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича, данной въ 1137 году на десятину, въ пользу Новгородской епископіи, десятина разложена уже на погосты и погосты упоминаются

уже на Онегѣ, въ Заволочьѣ и по берегамъ Бѣлаго моря.

Погостъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ былъ самою первоначальною бытовою формою Новгородской колонизаціи; гдѣ только заводились Новгородскія поселенія, тамъ прежде всего являлись и погосты. Погостъ въ волости значилъ тоже, что улица въ городѣ, т е. бытовую единицу, общину. Собственно селенія, деревни и починки въ Новгородскихъ владѣніяхъ были очень мелки и малолюдны, они болѣе походили на хуторы, чѣмъ на деревни, и состояли изъ одного или двухъ дворовъ и рѣдко-рѣдко изъ десяти, и по сему сами собою отдѣльно не могли составлять какое-либо сколько нибудь самостоятельное цѣлое и по необходимости спѣшили примыкать къ какому либо ближайшему центру, чтобы составить союзъ, въ которомъ имѣть постоянную защиту своей слабости, отпоръ внѣшнимъ нападеніямъ, судъ и управу въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, и таковымъ ближайшимъ центромъ или бытовымъ союзомъ, былъ погостъ. Такимъ образомъ погостъ былъ чисто бытовымъ учрежденіемъ, а не административнымъ; здѣсь администрація въ послѣдствіи только воспользовалась готовымъ учрежденіемъ жизни, чтобы съ распоряженіями изъ города относиться не къ мелкимъ, едва уловимымъ единицамъ селеній, разсыпаннымъ на большія пространства, а къ союзамъ болѣе замѣтнымъ и уже имѣющимъ свою бытовую организацію и свое управленіе. Лучшимъ доказательствомъ таковаго исто-

рическаго порядка при образованіи погостовъ, служитъ во-первыхъ то, что въ погостахъ постоянно управленіе было выборное мѣстное, безъ участія городскихъ властей; во вторыхъ тоже подтверждаетъ неравномѣрность населенія одного погоста съ другимъ; такъ напримѣръ, по переписной окладной книгѣ 1500 года въ Ладожскомъ присудѣ считалось: въ Ильинскомъ погостѣ 28 деревень, 31 дворъ и 53 человѣка населенія; въ Песотцкомъ погостѣ 43 деревни, 69 дворовъ и 106 человѣкъ; въ Теребужскомъ погостѣ 137 деревень, 201 дворъ и 337 человѣкъ. Или въ Орѣховскомъ уѣздѣ считалось: въ Городенскомъ погостѣ 82 деревни, 243 двора, 325 человѣкъ; въ Куйвошскомъ погостѣ 265 деревень, 360 дворовъ и 476 человѣкъ жителей. Очевидно, что администрація не могла бы допустить такой несоразмѣрности деревень, причисленныхъ къ погосту, ежели бы погосты были ее учрежденіемъ, а не бытовою формою жизни, образовавшеюся исторически.

Погостъ, какъ чисто бытовое, а не административное, учрежденіе, состоялъ изъ деревень разныхъ разрядовъ по праву владѣнія на землю; въ одномъ и томъ же погостѣ были деревни и черныя, и владѣльческія, и между владѣльческими рядомъ стояли и монастырскія, и боярскія, и своеземецкія, и принадлежащія тому или другому концу или улицѣ въ городѣ. Всѣ они въ экономическомъ отношеніи управлялись каждый разрядъ особо, черныя сами собою, а владѣльческія или самими владѣльцами,

тутъ же жившими, или присылаемыми отъ нихъ ключниками и посельскими; но судъ и управа и всѣ общественныя распоряженія были одни и тѣ же для деревень всѣхъ разрядовъ, и производились на погостѣ или старостами и сотскими, которые выбирались самими жителями погоста безъ отношенія къ владѣльцамъ, или погостскимъ вѣчемъ, сходкою, и до этого суда и управы землевладѣльцы не касались, выключая тѣхъ случаевъ, впрочемъ передкихъ, когда частные землевладѣльцы получали отъ Новгородскаго вѣча особыя грамоты на судъ и управу въ своихъ владѣніяхъ. Въ каждомъ погостѣ деревни и села по различію правъ на владѣніе землею раздѣлялись на три вида: къ первому принадлежали земли черныя, не составляющія ни чьей частной собственности, которыя были предоставлены во владѣніе всѣмъ свободнымъ людямъ, желавшимъ тамъ поселиться подъ однимъ необходимымъ условіемъ,—тянуть къ городу судомъ и данью по землѣ и водѣ, т. е. принять на себя обязанности въ отношеніи къ государству, лежащія на жилой и обработанной землѣ; на таковыхъ земляхъ и при таковомъ условіи, безъ различія въ правахъ, селились и жители города, и пришельцы, и исконные старожилы въ странѣ, хотя бы не Новгородскаго племени. Земли сіи не подлежали частному отчужденію, продажѣ или дареніо; хозяинъ, оставляя таковую землю, тѣмъ самымъ терялъ всякое право на нее, какъ на свою принадлежность. Ко второму виду принадлежали земли, составлявшія собственность или

цѣлаго города, или какой нибудь городской общины, конца, улицы, прихода; сіи земли отдавались на оброкъ всякому, кто возьметъ, безъ различія будетъ ли то горожанинъ или селянинъ, при чемъ земли, принадлежащія цѣлому городу нерѣдко приписывались какой либо общественной должности; а по сему лицо, получающее сію должность, съ тѣмъ вмѣстѣ получало право на пользованіе доходами съ приписанной земли, какъ жалованіемъ за службу. Земли сего разряда, не подлежали частному отчужденію на правахъ собственности. Къ третьему виду принадлежали земли, составлявшія частную собственность бояръ, купцовъ, монастырей, церквей и другихъ поземельныхъ собственниковъ, или своеземцевъ. Земли этого разряда свободно продавались, мѣнялись, дарилпсь и инымъ какимъ образомъ отчуждались своими хозяевами; они только не могли переходить во власть сосѣднихъ государей, т. е. выходить изъ государственной власти Новгорода. За симъ послѣднимъ условіемъ Новгородъ всегда наблюдалъ съ большею строгостію; такъ что во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями мы постоянно находимъ условіе, чтобы ни князья, ни княгини, ни ихъ бояре и дворяне не ставили селъ и свободъ на свое имя по всей Новгородской землѣ, не принимали закладчиковъ, не покупали и въ даръ не принимали никакихъ земель по всей волости Новгородской. А ежелибы князь или княгиня или ихъ бояре и дворяне покупили какія села или земли; то Новгородъ постоянно не признавалъ

такихъ покупокъ и требовалъ, чтобы они отступились отъ купленныхъ земель и возвратили ихъ Святой Софіи къ Новгороду безъ всякихъ отговорокъ, а заплаченныя деньги искали судомъ на продавцѣ. Новгородскою землею по исконному обычаю могъ владѣть, какъ собственникъ, только тотъ, кто самъ признавалъ надъ собою власть Новгорода, кто принималъ на себя обязанности Новгородскаго гражданина. Даже истый Новгородецъ по происхожденію, или какой Новгородскій пригорожанинъ, какъ скоро отказывался тянуть къ своему городу, которому принадлежала земля на государственномъ правѣ, то тѣмъ самымъ уже терялъ право собственности на землю, подчиненную городу. Такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ прямо сказано: „А кто живетъ въ Торжку на Новоторжской землѣ, а къ Св. Спасу не тянетъ къ Торжку, Княземъ отъемся (передавшись князю), а тіи идутъ съ Торжку, куды имъ годно.“

Городскія земли какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Новгородскихъ пригородахъ, такъ же какъ и волостныя земли, дѣлились на виды или разряды; главныхъ видовъ въ городскихъ земляхъ было два: *земли тяглыя* и *земли не тяглыя*. Тяглыхъ городскихъ земель было три разряда: 1-й разрядъ земли своеземцовы, т. е. принадлежащія собственникамъ, которые имѣютъ еще свои собственныя земли въ уѣздѣ; 2-й разрядъ земли городскихъ людей лучшихъ, среднихъ и молодшихъ; это земли того же

разряда, какъ и черныя земли въ уѣздѣ; 3-й разрядъ земли поземныя, т. е. тѣ, которыя отдаются городомъ въ пользованіе за опредѣленный оброкъ. Всѣ сіи три разряда тянутъ городское тягло, т е. на нихъ лежатъ извѣстные городскіе платежи и повинности по раскладкѣ. Не тяглыми землями назывались тѣ, на которыхъ не лежало городскихъ повинностей и платежей, къ такимъ землямъ принадлежали земли церковныя, и земли уступленныя или назначенныя служилымъ людямъ въ пользованіе вмѣсто жалованья.

Волостки. Въ погостахъ земли по владѣнію раздѣлялись на волости или волостки. Волостями или волостками назывались села и деревни, принадлежащія одному владѣльцу хозяину, что по нынѣшнему образу выраженія слѣдовало бы назвать вотчиною или имѣніемъ. Здѣсь слово волость выражало, что такія-то села и деревни подлежатъ власти такого-то, что онъ ихъ владѣлецъ, хозяинъ отъ чего въ описаніяхъ погостовъ мы встрѣчаемъ названія въ родѣ слѣдующихъ: „Въ Лопьскомъ погостѣ волость Васильевская Ананьина, или въ томъ же погостѣ волость Вихторцы Яковлевская Губина, или волость Нила Колмовскаго монастыря“, т. е. по нынѣшнему имѣніе или вотчина Василія Ананьина, Якова Губина, или вотчина Колмовскаго монастыря. Волости или волостки сіи, какъ частная собственность не соразмѣрялись съ погостами или другими административными дѣленіями: въ одномъ погостѣ часто бывало по нѣскольку волостей, и на оборотъ, одна

волость могла быть въ нѣсколькихъ погостахъ, смотря потому—сосредоточено ли имѣніе частнаго владѣльца въ одномъ погостѣ или разсыпано по нѣсколькимъ погостамъ.

Кромѣ волостей или волостокъ въ Новгородскихъ погостахъ бывали еще *рядки.* Рядками назывались селенія, занимающіяся торговлею и не имѣвшія за собою пахатной земли; жители таковыхъ селеній обыкновенно назывались рядовичами, посадскими людьми. Рядки преимущественно строились при рѣкахъ и на другихъ путяхъ сообщенія, гдѣ представлялись удобства для торговли; каждый рядокъ имѣлъ свою торговую площадь, лавки и амбары, гдѣ продавались и складывались товары. Рядокъ былъ предшественникомъ, починкомъ города и имѣлъ почти городовое устройство; но въ сущности еще не былъ городомъ; онъ тянулъ судомъ и данью къ городу, въ волости котораго стоялъ, и сверхъ того составлялъ часть погоста и былъ ему подчиненъ. Рядки.

Въ иныхъ погостахъ были еще *перевары*, такъ назывались союзы селъ и деревень, жители которыхъ занимались исключительно рыбною ловлею. Въ переварахъ, также какъ и въ рядкахъ, не было пашенныхъ земель, и жители переварскихъ деревень надѣлялись луками, т. е. опредѣленными участками, смотря по мѣстности, рѣчнаго или озернаго, или морскаго берега, для поселенія и для рыбной ловли. Число деревень въ каждой переварѣ было неодинаково; такъ напримѣръ, въ Корѣльскомъ присудѣ, въ Кирьяшскомъ погостѣ, въ Петкольской переварѣ Перевары.

было десять деревень, въ Кирьяшской переварѣ двадцать три деревни, въ Соральской переварѣ пятнадцать деревень. Въ погостѣ обыкновенно бывало по нѣскольку переваръ, и переварскія деревни не смѣшивались съ другими деревнями и причислялись къ одному погосту, гдѣ имѣли свое выборное управленіе, и куда сходились для разсужденія объ общихъ дѣлахъ всѣхъ переваръ одного погоста. Что собственно представляла перевара, административную или экономическую единицу, на это прямыхъ указаній нѣтъ; но съ достаточною вѣроятностію можно предположить, что она была экопомическою бытовою общиною, т. е. перевару составляли деревни рыболововъ, у которыхъ рыболовныя угодья или луки были отведены къ однимъ мѣстамъ, и гдѣ они главную ловлю рыбы производили общими силами цѣлою переварою, и можетъ быть неводомъ, или другою какою рыболовною снастью, построенною въ складчину цѣлою переварою, всѣми деревнями принадлежащими къ переварѣ, и можетъ быть самая рыболовная снасть называлась переварою. Перевары въ Новгородскихъ владѣніяхъ бывали и общинныя, когда переварскія деревни были построены на общинныхъ или черныхъ земляхъ, и перевары частныхъ землевладѣльцевъ, бояръ, монастырей, купцовъ и проч., когда переварскія деревни были построены на землѣ, составляющей частную собственность какого либо частнаго владѣльца.

Новгородскія волости.

Новгородскими волостьми назывались земли подчиненныя Новгороду, но несоставлявшія съ нимъ

одного цѣлаго, и управлявшіяся не совсѣмъ такъ, какъ управлялась собственно Новгородская земля. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ грамотахъ XIII, XIV и XV столѣтій, вплоть до уничтоженія Новгородской самостоятельности, волости постоянно и рѣзко отличались отъ Новгородской земли и удерживали названіе волостей; къ нимъ постоянно причислялись слѣдующія земли: Волокъ со всѣми волостьми, вѣроятно та страна, гдѣ нынѣ Волоколамскъ, далѣе Торжокъ, Бѣжичи, Залицъ, Городецъ, Мелеча, Шипино, Егна на рѣкѣ Мологѣ, Вологда, Заволочье, — огромный край отъ верховьевъ рѣки Онеги до Мезени, Тырѣ, т. е. Терскій или западный берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печера и Югра. Все это громадное пространство земель, принадлежащихъ Новгороду, простиравшееся на сѣверъ до Бѣлаго и Ледовитаго морей и на востокъ до сѣверной окопечности Уральскихъ горъ и даже за Уральскія горы до рѣки Оби въ Сибири, по отношенію своему къ Новгороду раздѣлялось на три разряда: 1-й разрядъ заключалъ въ себѣ земли отъ Торжка и Волока до Тверскихъ и Ростовскихъ владѣній и до верховьевъ рѣки Онеги; 2-й разрядъ, называвшійся Заволочьемъ, обнималъ собою земли отъ Онеги до Мезени и до Бѣлаго моря; 3-й разрядъ составляли земли лежащія на востокъ отъ Мезени, гдѣ сѣверный край, прилегавшій къ Ледовитому морю, назывался Печерою, южный, прикасавшійся къ древнему царству Камскихъ Болгаръ, носилъ названіе Перми, а восточный по Уральскимъ горамъ и до рѣки Оби назывался Югрою.

Первый разрядъ Новгородскихъ волостей, Торжекъ, Бѣжичи, и проч.

Къ первому разряду Новгородскихъ волостей, ближайшихъ къ Новгородской землѣ, принадлежали Волокъ, Торжекъ, Бѣжичи, Палицъ Городецъ Мелеча, Шипино, Егна и Вологда. Здѣсь по мѣрѣ приближенія къ Новгородской землѣ край принималъ, и по управленію и по населенію, характеръ чисто Новгородскій; Новгородская колонизація, хотя еще далеко не сплошная, здѣсь оказывалась гуще нежели въ другихъ волостяхъ, болѣе отдаленныхъ; тутъ уже являлось нѣсколько пригородовъ, устроенныхъ совершенно по Новгородски и управлявшихся посадниками, присылаемыми изъ Новгорода, каковы напримѣръ Торжекъ, Вологда, и особенно былъ важенъ здѣшній пригородъ Торжекъ, лежавшій почти на границахъ Новгородской земли, куда нерѣдко присылались въ посадники мужи уже бывшіе посадниками въ самомъ Новгородѣ. Но и Торжекъ уже не составлялъ Новгородской земли, а былъ только Новгородскою волостью, нетолько по присвоенному ему таковому названію въ Новгородскихъ грамотахъ и по историческому его имени. — Новый Торгъ, т. е. новая позднѣйшая Новгородская торговая колонія не въ Новгородской землѣ; но и по чувству самихъ жителей, которые хотя и признавали свой городъ Новгородскимъ пригородомъ и постоянно были въ зависимости отъ Новгорода, тѣмъ не менѣе уже не считали себя за одно съ Новгородцами и имѣли свои мѣстные интересы, не всегда согласные съ интересами Новгородскими А посему Новгородцы, чтобы дѣйствовать за одно

съ Новоторжцами, должны были напередъ уговариваться съ ними и даже цѣловать крестъ: такъ напримѣръ въ 1372 году, во время войны съ Михаиломъ Александровичемъ великимъ княземъ Тверскимъ, Новгородцы не иначе могли укрѣпить Торжокъ, какъ напередъ условившись съ Новоторжцами и утвердившись крестнымъ цѣлованіемъ; въ лѣтописи прямо сказано: „о Петровѣ заговѣньи Новгородцы, великаго Новгорода бояре, пріѣхали въ Торжокъ ставить городъ, совокупились и соединились съ Новоторжци и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ и сдумали думу, чтобы быть и стать за одинъ и заратились съ княземъ Михаиломъ Тверскимъ.“ Но ежели Новгородцы приходили въ Торжокъ, не согласясь съ Новоторжцами; то сіи послѣдніе иногда и выгоняли ихъ; такъ въ 1340 году они выгнали отъ себя пріѣхавшихъ Новгородцовъ и ограбили своихъ бояръ, которые ихъ пригласили. Впрочемъ Новоторжцы еще иногда являлись для защиты Новгорода наровнѣ съ прочими пригородами, хотя и очень рѣдко. Вообще въ Волокѣ, Торжкѣ и Бѣжичахъ еще сильно вѣяло Новгородскимъ духомъ, здѣсь еще сильно чувствовался Новгородскій строй жизни; но по мѣрѣ отдаленія отъ Новгородской земли чисто Новгородскій характеръ въ здѣшнихъ волостяхъ дѣлался слабѣе, и становилось замѣтнѣе, что это уже не Новгородская земля, хотя и зависящая отъ Новгорода. Здѣсь хотя и были города, слободы и погосты, построенные Новгородцами, и даже управлялись властями присылаемыми изъ Новгорода, хотя

собиралась дань и другія пошлины безъ помощи даньщиковъ сопровождаемыхъ воинскими отрядами и хотя Новгородцы охотно заводили здѣсь свои колоніи: но уже здѣшніе города не были младшими Новгородами, они носили на себѣ или характеръ военныхъ крѣпостей для удержанія въ повиновеніи мѣстнаго не Новгородскаго населенія, или торговыхъ колоній на путяхъ сообщенія, на большихъ судоходныхъ рѣкахъ: таковы напримѣръ Рыбанская слобода при впаденіи Шексны въ Волгу, Молога при впаденіи рѣки Мологи въ Волгу, Вологда на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Сухоны, составляющей верховье Сѣверной Двины. Здѣсь населеніе было чисто Финскаго происхожденія, Новгородскія же колоніи являлись только какъ бы островами въ Финскомъ морѣ. Конечно, колоніи сіи заправляли Финскимъ населеніемъ, владычествовали надъ нимъ, приучали его къ Новгородскому строю жизни и къ Новгородскимъ обычаямъ; но изъ здѣшнихъ городовъ уже не высылалось ратей на защиту Новгорода, какъ это дѣлали пригороды, стоявшіе на Новгородской землѣ; напротивъ того, здѣшній край былъ открытъ для внѣшнихъ нападеній, и Суздальскіе и Московскіе князья не разъ занимали ту или другую часть этого края и держали по тамошнимъ городамъ своихъ намѣстниковъ по нѣскольку лѣтъ: такъ напримѣръ въ 1393 году В. К Василій Дмитріевичъ Московскій заразъ овладѣлъ Торжкомъ, Волокомъ и Вологдою; потомъ въ 1397 году опять завладѣлъ Заволочьемъ, Торж-

комъ, Волокомъ, Бѣжецкимъ Верхомъ и Вологдою, и въ послѣдній разъ держалъ ихъ около четырехъ лѣтъ. Хотя Новгородцы владѣли этимъ краемъ съ давнихъ временъ, и уже въ XII столѣтіи тамъ было двадцать четыре погоста, которые раздѣлялись на два ряда: Обонѣжскій и Бѣжецкій, которыя, по уставу князя Святослава Ольговича, уже платили княжія дани и судебныя пошлины виры и продажи; но не смотря на это Новгородцы свое владычество въ этомъ краю всегда щитали далеко не такъ полнымъ и надежнымъ, какъ въ Новгородской землѣ, и въ своихъ договорныхъ грамотахъ съ князьями изъ опасенія постоянно ставили условіе, по которому князь обязывался свои дани и пошлины въ этомъ краю продавать Новгородцамъ и отнюдь непосылать туда намѣстниками своихъ мужей, а держать тамошнія земли мужами Новгородскими и получать отъ нимъ даръ, только на Волокѣ и въ Торжкѣ дозволялось держать князю своего тіуна, но и то непремѣнно пополамъ съ Новгородскимъ тіуномъ. По условію, постоянно повторявшемуся почти во всѣхъ грамотахъ, князь даже неиначе могъ посылать туда своего купца, какъ изъ Новгорода, который и на обратномъ пути непремѣнно долженъ былъ ѣхать на Новгородъ, и не больше какъ въ двухъ насадахъ; въ грамотахъ прямо говорится: „а за Волокъ ти, княже, слати своего мужа изъ Новгорода, въ дву насаду, по пошлинѣ; а опять ѣхати туды же на Новгородъ; а съ низу ти не слати, такоже и въ Бѣжицѣ.“

Вторый разрядъ Новгородскихъ волостей, Заволочье.

Вторый разрядъ Новгородскихъ волостей, называвшійся Заволочьемъ, хотя былъ пріобрѣтенъ Новгородцами издавна и уже въ XII вѣкѣ имѣлъ до тридцати погостовъ Новгородскаго поселенія, которыя были расположены по всему теченію рѣки Онеги до моря, по Пинегѣ, по всему теченію Сѣверной Двины и по впадающимъ въ нее рѣкамъ Емцѣ, Вагѣ и Вели, какъ показано въ уставной грамотѣ князя Святослава Ольговича, по которой всѣ сіи колоніи въ отношеніи къ сбору податей были поручены какому то Домажиричу, и хотя Новгородское поселеніе здѣсь было едва ли не гуще чѣмъ въ первомъ разрядѣ волостей, особенно по рѣкамъ Вели, Вагѣ и Сѣверной Двинѣ, и по духу своему ни въ чемъ не уступало кореннымъ Новгородцамъ и было въ самой тѣсной связи съ богатыми Новгородскими домами; но въ отношеніи къ Новгородскому правительству оно не только не равнялось съ населеніемъ Новгородской земли, а напротивъ, было отчужденнѣе чѣмъ волости перваго разряда; ибо тамошняя колонизація была плодомъ частной предпріимчивости, а не распоряженія правительства. Весь тамошній край былъ заселенъ по распоряженію богатыхъ Новгородскихъ бояръ, которые, набравъ ватаги вольницы, занимали тамошнія земли, подчиняли себѣ туземцовъ, строили села и города и владѣли ими, какъ частною собственностію, только на имя Великаго Новгорода, и съ платежемъ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ доходовъ въ Новгородскую казну. Хотя въ послѣдствіи

здѣсь принимало участіе и Новгородское правительство, имѣло тамъ нѣсколько волостей, назначало отъ себя начальниковъ или посадниковъ и посылало туда свои приказанія; такъ напримѣръ въ 1411 году, Заволочане. подъ предводительствомъ Двинскаго посадника, по повелѣнію Новгорода ходили войною на Мурманъ или Норвежцовъ; тѣмъ не менѣе почти весь этотъ край принадлежалъ, какъ частная собственность. утвердившимся тамъ Новгородскимъ боярамъ и другимъ богачамъ. первоначально заселившимъ тамошнія земли и подчинившимъ себѣ туземцовъ, и представлялъ собою собраніе боярскихъ волостей или вотчинъ; даже самыя начальники преимущественно назначались изъ тамошнихъ же Новгородскихъ землевладѣльцовъ, такъ что Новгородъ владѣлъ тамошнею страною чрезъ ихъ же посредство. Да это и не могло иначе быть, ибо знаменитѣйшія Новгородскія фамиліи, въ рукахъ которыхъ преимущественно сосредоточивалась власть въ самомъ Новгородѣ, были въ тоже время главными землевладѣльцами въ Заволочьѣ. Тамъ бояре, богатые землевладѣльцы, своевольничали, какъ хотѣли, воевали и въ самомъ Заволочьѣ, и по сосѣдству. Вотъ нѣсколько обращиковъ своеволія тамошнихъ бояръ, отмѣченныхъ въ лѣтописяхъ; такъ подъ 1342 годомъ лѣтопись говоритъ, что богатый Заволоцкій владѣлецъ Лука, сынъ бывшаго Новгородскаго посадника Варѳоломея, не послушавъ Новгорода и владычня благословенія, скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ, и поиде за Во-

локъ на Двину, и постави городокъ Орлецъ, и скопивъ Емчанъ (своихъ колонистовъ по рѣкѣ Емцѣ), и взя землю Заволоцкую по Двинѣ вси погосты на щитъ." Или въ 1366 году молодые Новгородскіе дѣти боярскіе, подъ предводительствомъ богатыхъ Заволоцкихъ землевладѣльцовъ Есифа Варфоломѣевича, Василья Ѳедоровича и Александра Аббакумовича безъ Новгородскаго слова ходили на Волгу и грабили купеческіе караваны, шедшіе по этой рѣкѣ. И когда великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ потребовалъ отъ Новгорода вознагражденія за этотъ грабежъ; то Новгородцы не иначе могли получить это вознагражденіе съ Заволоцкихъ землевладѣльцовъ, какъ отправивши въ 1386 году свое войско въ Заволочье подъ предводительствомъ посадника Федора Тимофѣевича и боярина Тимофѣя Юрьевича. Богатые Заволоцкіе землевладѣльцы, Двинскіе бояре, даже иногда вступали въ союзъ противъ Новгорода съ сосѣдними князьями; такъ напримѣръ въ 1397 году Двинскіе бояре и всѣ Двиняне задалися за великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича, цѣловали ему крестъ, и подѣлили между собою тамошнія волости Новгородскія и бояръ Новгородскихъ; такъ что Новгородцы на другій годъ должны были послать туда свое войско, отвоевать тамошнія волости и казнить измѣнниковъ. Но когда Заволоцкіе бояре землевладѣльцы оставались вѣрными Новгороду, они были на столько сильны своими собственными средствами, что почти всегда безъ помощи изъ Новгорода

удачно отражали внѣшнія нападенія на тамошній край; такъ когда въ 1401 году Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ, нечаянно среди мира послалъ свою рать въ Заволочье, подъ предводительствомъ Двинскихъ измѣнниковъ Анфала Никитина и Герасима Ростриги; то тамошніе бояре Степанъ и Михайло Ивановичи и Никита Головня, собравъ около себя Важанъ, разбили Московскую рать на Холмогорахъ. Точно также въ 1417 году, при нападеніи Москвичей съ Вятчанами на Заволочье, тамошніе бояре Иванъ и Аѳанасій Федоровичи, Гаврила Кириловичъ и Исакъ Андреевичъ (Борецкій) не только разбили ихъ подъ Моржомъ, но и въ погонѣ за ними пограбили Устюгъ, принадлежавшій великому князю Московскому. Такимъ образомъ Заволочье составляло почти отдѣльное владѣніе, только потому бывшее въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода, что главные тамошніе поселенцы были Новгородскаго происхожденія, не разрывали своихъ связей съ Новгородомъ, и даже нерѣдко принадлежали къ знаменитѣйшимъ и сильнѣйшимъ Новгородскимъ фамиліямъ.

Третій разрядъ Новгородскихъ волостей, какъ уже сказано выше, составляли громадиѣйшія земли, лежащія на востокъ отъ Заволочья до Уральскихъ горъ и за Уральскія горы до рѣки Оби, и можетъ быть еще за Обью въ Сибири, и носившія названіе Печеры, Перми и Югры. Земли сіи такъ были отдалены отъ собственно Новгородской земли, что въ нихъ даже мудрено было устроить Нов-

Третій разрядъ Новгородскихъ волостей, Пермь, Печера и Югра.

городскія колоніи, которыя бы оставались въ неразрывной связи съ Новгородомъ по крайней мѣрѣ заведенныя тамъ Новгородскія колоніи по рѣкѣ Вяткѣ и солепромышленныя поселенія на Вычегдѣ и Сысолѣ въ слѣдъ за своимъ появленіемъ отдѣлились отъ Новгорода: первыя образовали довольно значительную независимую республику подъ именемъ Вятки, состоящую изъ шести городовъ: Вятки, Шестакова, Хлынова, Слободы, Орловца и Котельнича, а вторыя примкнули къ сосѣднимъ владѣніямъ великаго княжества Владимирскаго и потомъ Московскаго. А посему Новгородъ, при владѣніи землями здѣшняго края, кажется, вовсе не имѣлъ въ виду заводить тамъ свои колоніи, оставлялъ всю тамошнюю землю во власти полудикихъ туземцовъ, которые управлялись своими начальниками и старшинами безъ участія Новгородскаго правительства, и довольствовался сборомъ дани или ясака, и выгодно устроенными торговлею и звѣроловными промыслами, при пособіи туземцевъ, которые указывали приходившимъ къ нимъ Новгородскимъ промышленникамъ удобнѣйшія и выгоднѣйшія станы и урочища для звѣроловства. Но для сбора дани или ясака обыкновенно нужно было посылать данщиковъ съ воинскими отрядами, которые нерѣдко встрѣчали сопротивленіе отъ туземцевъ этого дикаго края; такъ напримѣръ лѣтопись подъ 1187 годомъ говоритъ: „въ тоже время избиты были Печерскіе данщики и Югорскіе въ Печерѣ, а другіе за Волокомъ, и пало около ста

головъ удалыхъ людей". Или подъ 1193 годомъ въ лѣтописи сказано: „въ тоже время пошли изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣемъ, и пришли въ Югру и взяли городъ, и стояли подъ городомъ пять недѣль, а все это время Югра высылала съ лестію, и говорила: подождите, мы копимъ серебро и соболей и другія узорочья, не губите своихъ смердовъ и своей дани; между тѣмъ тайно собирала воевъ, и когда собрала, то выслала сказать воеводѣ,—ступай къ намъ въ городъ, взявши съ собою двѣнадцать лучшихъ мужей. Воевода пошелъ въ городъ, взявши съ собою попа Ивана Легена и другихъ лучшихъ людей; и ихъ тамъ убили, потомъ вызвали въ городъ еще 30 человѣкъ и тѣхъ убили, далѣе 50 мужей. За тѣмъ на праздникъ св. Николая (6 Декабря) Югра сдѣлала высадку изъ города и избила остальныхъ, такъ что едва спаслось 80 человѣкъ, которые уже на другой годъ возвратились въ Новгородъ. Подобное же сопротивленіе встрѣтили воеводы Новгородскіе, отправленные въ Югру въ 1448 году. „Югра сказала воеводамъ: мы хотимъ вамъ дань даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ станы и островы и урѣчища; а между тѣмъ собравшись съ силами ударила на острожекъ, въ которомъ укрѣпились Новгородцы, убила у нихъ 80 человѣкъ удалыхъ людей, а прочіе спаслись бѣгствомъ въ лѣса, и послѣ были собраны другимъ Новгородскимъ отрядомъ, сбиравшимъ дань въ другой мѣстности. Впрочемъ временное сопротивленіе тѣмъ

или другимъ сборщикамъ дани, можетъ быть неосторожно раздражавшимъ туземцевъ, нисколько не прекращало сношеній Новгорода съ здѣшнимъ краемъ; на мѣсто избитыхъ данщиковъ являлись другіе болѣе осторожные, и дань продолжала сбираться болѣе или менѣе исправно и доставляла Новгородской казнѣ большій ежегодный доходъ серебромъ и дорогими мѣхами. Но еще болѣе Новгородъ получалъ доходовъ съ этого края отъ торговли; Новгородскіе торговые караваны вдоль и поперекъ изкрещивали здѣшнія земли: еще въ XI столѣтіи знаменитый Новгородецъ Гюрята Роговичъ посылалъ своихъ прикащиковъ въ Печеру и Югру, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись. Новгородцы отсюда получали серебро, драгоцѣнные мѣха. моржовые клыки, мамонтовую кость и другія произведенія здѣшняго края Впрочемъ, повидимому, какъ не шатко было владычество Новгорода въ Перми, Печерѣ и Югрѣ, состоящее только въ сборѣ дани и торговлѣ; тѣмъ не менѣе Новгородцы всю эту страну постоянно называли Новгородскою волостью и въ своихъ договорахъ съ князьями обыкновенно включали условіе, чтобы князья не вступались въ здѣшнія земли, какъ принадлежащія Новгородской власти. И дѣйствительно продолжительныя и постоянныя сношенія Новгорода съ сими землями и хотя очень шаткая власть произвели какую то неопредѣленную связь здѣшняго края съ Новгородомъ, и вселили въ тамошніе полудикіе народцы убѣжденіе, что ихъ верховный господинъ—

Великій Новгородъ. Лучшимъ сему свидѣтельствомъ служитъ то, что почти въ слѣдъ за завоеваніемъ Новгорода Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1483 году послалъ свои войска и для завоеванія Печеры и Югры, какъ волостей Новгородскихъ, и войска его встрѣтили тамъ хотя несильное сопротивленіе отъ нѣкоторыхъ князьковъ и народцовъ; слѣдовательно тамошніе темные князцы и народцы, признававшіе почти безпрекословно власть Новгорода, не хотѣли признавать безъ боя власти другихъ пришельцевъ, и уступили только силѣ; стало быть считали себя принадлежащими Новгороду и обязанными защищаться противъ новыхъ доселѣ незнакомыхъ пришельцевъ. Такимъ образомъ Новгородъ и сіи отдаленныя земли не безъ основанія называлъ своими волостьми.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Новгородское общество.

Элементы Новгородскаго общества.

Населеніе, какъ Новгородской земли, такъ и всѣхъ волостей Новгорода, главнымъ образомъ состояло изъ двухъ элементовъ Финскаго и Славянскаго: старожилами Новгородской земли и всѣхъ Новгородскихъ владѣній были Финны раздѣленные на разныя племена; пришельцами же вторыми послѣ Финновъ по старшинству—Славяне. Но уступая въ старшинствѣ, Славяне во всемъ другомъ превосходили

Финновъ, они собственно сообщили краю то значеніе, которое онъ имѣетъ въ исторіи. Славянами построенъ Новгородъ и всѣ города тамошняго края; Славяне собственно устроили Новгородское общество, сообщили ему ту силу и энергію, которыя сдѣлали Великій Новгородъ господиномъ огромнѣйшихъ странъ отъ Финскаго Залива до рѣки Оби и главнымъ средоточіемъ торговли Европы съ Азіею. Въ устройствѣ Новгородскаго общества Финны собственно были сподручнымъ и удобнымъ матеріаломъ, вся же энергія, предпріимчивость и оборотливость, выдвинувшія Новгородское общество на поприщѣ исторической дѣятельности принадлежали Славянамъ. Славяне собственно были двигателями и руководителями въ устройствѣ Новгородскаго общества, ихъ языкъ и ихъ обычаи были господствующими въ обществѣ, хотя самое общество состояло не изъ однихъ Славянъ. Конечно нельзя отвергать, что и Финскіе обычаи и Финскій языкъ имѣли свою долю въ образованіи Новгородскихъ обычаевъ и Новгородскаго языка; но эта доля была такъ незначительна, или настолько проникнулась Славянскимъ духомъ, что отыскать ее и выдѣлить изъ цѣлаго строя Славянскихъ обычаевъ и Славянскаго языка почти нѣтъ возможности, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь отрывковъ. Вообще несмотря на смѣсь племенъ, въ Новгородскомъ обществѣ господствующимъ племенемъ было племя Славянское, и господствовало оно не столько численностію и матеріальною силою, которыя пер-

вначальпо были на сторонѣ Финновъ, сколько общественнымъ умомъ, нравственными силами и высшею цивилизаціею. Славяне, пришельцы въ Финской землѣ, не столько были завоевателями въ матеріальномъ смыслѣ этого слова, хотя и нельзя отвергать нѣкоторой доли завоеванія, сколько цивилизаторами; они не истребляли Финновъ, не обращали ихъ въ рабство, не отнимали у нихъ земли, а только селились между ними, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что до позднѣйшихъ временъ Новгородской исторіи, въ самый разгаръ могущества Господина Великаго Новгорода, Финскія племена Ижеры, Води, Корѣлы и другія жили свободно между Новгородцами не только въ Новгородской землѣ, но и въ самомъ Новгородѣ, и считались Новгородцами наровнѣ съ Славянами, и въ общественныхъ дѣлахъ имѣли одинаковое право голоса, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самое важное общественное дѣло —призваніе Варяго-Русскихъ князей. На Новгородскомъ вѣчѣ въ 862 году, на которомъ рѣшено было призвать князей, вмѣстѣ съ Славянами участвовали и Финны подъ именемъ Чудп; лѣтопись говоритъ: „рѣша Руси Чудь, Словѣни и Кривичи, вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣть нами“. Но, не обращая Финновъ въ рабство, не отнимая у нихъ земли, и принимая ихъ въ свое сообщество, Славяне завоевывали Финновъ нравственно, претворяли ихъ въ Славянъ, роднили ихъ съ собою и мало по малу довели дѣло

до того, что общественныя интересы Славянъ и Финновъ слились окончательно, что господинъ Великій Новгородъ сдѣлался такимъ же царственнымъ родпымъ городомъ для Финновъ, какъ и для Славянъ, что въ Новгородскомъ обществѣ и Финны и Славяне считались совершенно одноправными, что на общемъ Новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ Финна имѣлъ одинакое значеніе съ голосомъ Славянина, по даже въ выборѣ на высшія должности, разныхъ правителей, не было разницы между Финномъ и Славяниномъ, требовалось только одно, чтобы выбираемый былъ Новгородскимъ гражданиномъ, а былъ ли онъ по происхожденію Финнъ или Славянинъ, объ этомъ никто и не спрашивалъ, даже въ посадничьихъ именахъ Неревина, Нѣзды и Водовика не скрывается ли указаніи на Финское происхожденіе сихъ посадниковъ: Водовикъ не былъ ли по происхожденію изъ племени Води? По крайней мѣрѣ въ Чудинцовой улицѣ въ Новгородѣ ясно слышится Чудь. Чудинъ, Финнъ, а названіе одной изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ Новгородскихъ улицъ Чудинцевой, даетъ поводъ думать, что первый насельникъ ея Чудинъ. Финнъ былъ значительнымъ лицемъ въ Новгородѣ. А Неревскій конецъ Новгорода едва ли не получилъ свое названіе отъ Финскихъ поселенцовъ изъ края прилегающаго къ Наровѣ. Конечно теперь уже поздно розыскивать, которая изъ древнихъ боярскихъ фамилій въ Новгородѣ по происхожденію своему принадлежала къ Финскому племени и кото-

рая къ Славянскому; время и особенно принятіе христіанскихъ именъ уничтожили и послѣдніе слѣды, по которымъ бы можно добраться, какая Новгородская фамилія къ какому племени принадлежала въ древности; но самое слитіе и обезразличеніе племенъ въ Новгородѣ всего яснѣе показываетъ, какъ крѣпко было сплочено Новгородское общество, ибо исторически извѣстно, что Финны не были истреблены въ Новгородской землѣ.

Кромѣ главныхъ и основныхъ элементовъ Финскаго и Славянскаго, въ Новгородскомъ обществѣ были еще элементы Варяжскій и Литовскій; но сіи элементы вошли въ Новгородское общество позднѣе двухъ первыхъ. Конечно они также имѣли свою долю вліянія на устройство общества, и особенно Варяжскій элементъ, ибо по свидѣтельству Скандинавскихъ сагъ Новгородъ въ глубокой древности былъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Скандинавіею или Варяжскою землею, да и на самомъ дѣлѣ Новгородскіе и Скандинавскіе обычаи въ древности много имѣли сходнаго другъ съ другомъ; тѣмъ не менѣе и сіи два элемента въ Новгородскомъ обществѣ подчинились Славянскому элементу, и Литовцы и Варяги въ Новгородѣ обратились въ Славянъ Новгородцевъ. и для позднаго времени указаніемъ на сіи элементы остались только названія Прусской улицы, сосѣдяей съ Чудинцевою въ Новгородѣ, и города Русы въ Новгородской землѣ. Главною причиною обращенія Литовцовъ и Варяговъ въ Славянъ въ Новгородскомъ обществѣ былъ тотъ же ко-

ренный Новгородскій законъ одноправности всѣхъ членовъ Новгородскаго общества. не обращавшій вниманія на различіе произхожденія, который и Финновъ претворилъ въ Новгородцевъ. Въ Новгородѣ былъ одинъ общій порядокъ для всѣхъ пришельцевъ, по которому каждый пришлецъ, откуда бы онъ ни произходилъ, безъ всякаго препятствія принимался въ члены Новгородскаго общества и получалъ одинаковыя права со всѣми другими членами общества, подъ однимъ только условіемъ, чтобы пришлецъ подчинился Новгородскимъ порядкамъ, и это одно условіе сглаживало всѣ разноплеменности въ Новгородскомъ обществѣ, и было одною изъ главныхъ причинъ могущества Господина Великаго Новгорода, тянувшею къ Новгороду людей со всѣхъ сторонъ, и богатыхъ и бѣдныхъ и знатныхъ и безвѣстныхъ. Новгородъ для всѣхъ равно отворялъ ворота своей земли, всѣхъ радушно принималъ, только бы пришельцы подчинялись его законамъ. Новгородское общество, какъ при самомъ своемъ основаніи сложилось не изъ одного элемента, такъ и во все продолженіе своего существованія, нетерпѣло исключительности и обособленія.

Классы Новгородскаго общества.

Указавши на основные, первоначальные и позднѣйшіе элементы Новгородскаго общества, теперь слѣдуетъ указать на то, что выработалъ Новгородъ изъ сихъ элементовъ, претворивши ихъ въ одно крѣпко сплоченное общество, какую далъ имъ организацію и какъ размѣстилъ. Мы уже видѣли,

что Новгородъ состоялъ изъ союза разныхъ общинъ, что каждый конецъ, каждая улица составляли отдѣльную, самостоятельно организованную общину, въ которой были свои бояре, свои купцы и черные люди, или людины. Слѣдовательно разные элементы, составлявшіе Новгородское населеніе, были размѣщены въ три главные класса Новгородскаго общества: въ классъ бояръ, въ классъ купцовъ и въ классъ людиновъ, или черныхъ людей; и сіи классы не были отдѣлены другъ отъ друга или изолированы, а напротивъ, находились въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, какъ члены одного общества. Самое же общество не было сплошною пестрою массою сихъ трехъ классовъ, а состояло изъ союза мелкихъ общинъ, въ которыхъ представители каждаго изъ трехъ классовъ составляли одно крѣпкое, органически соединенное живое цѣлое, живущее общею жизнію цѣлаго общества и въ свою очередь сообщающее жизнь самому обществу, и при томъ жизнь высшаго порядка, членораздѣльную, въ которой одинъ членъ поддерживается другими и въ то же время самъ даетъ поддержку другимъ, а не жизнь состоящую изъ мертваго наслоенія пластовъ или классовъ другъ на друга, гдѣ нѣтъ живой связи, а только одно механическое давленіе. Такимъ образомъ въ Новгородскомъ обществѣ, особенно собственно въ Новгородѣ, бояре, купцы и людины, или черные люди, были въ живыхъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, сообщавшихъ Новгородскому обществу особый ха-

рактеръ, и каждый классъ имѣлъ свое значеніе, дававшее ему особое мѣсто въ обществѣ на пользу цѣлаго общества. Чтобы яснѣе указать какое значеніе имѣли сіи классы въ Новгородскомъ обществѣ, мы прослѣдимъ каждый классъ отдѣльно, покажемъ какъ онъ образовался и въ какихъ отношеніяхъ находился къ другимъ классамъ и къ обществу.

Бояре. Первый классъ въ Новгородскомъ обществѣ составляли бояре, они въ Новгородѣ носили разныя названія: ихъ называли вящшими людьми, передними людьми, большими людьми, т. е. лучшею сильнѣйшею частію Новгородскаго общества, — аристократіею; собственно же имя бояръ въ Новгородской лѣтописи встрѣчается въ первый разъ только подъ 1118 годомъ, гдѣ сказано: „томъ же лѣтѣ приведе Володимеръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскіе Кыеву, и заводи я честному кресту и отпусти я домовь.“ Но конечно не съ этого года явилось слово бояринъ въ Новгородѣ, оно по всей вѣроятности одновременно съ появленіемъ большихъ или вящшихъ людей въ обществѣ, и есть не что иное какъ техническое, спеціальное выраженіе слова *больший, болій*, а оттуда *боляринъ, бояринъ*.

Какъ и когда образовались большіе люди или бояре въ Новгородскомъ обществѣ, на это мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ ни въ какихъ древнихъ памятникахъ; знаемъ только, что Новгородцы постоянно раздѣлялись на большихъ и меньшихъ и что еще предъ призваніемъ Рюрика и его братьевъ въ

лѣтописяхъ упоминается о старѣйшинѣ Гостомыслѣ, который собиралъ владавцовъ Новгородской земли, сущихъ подъ нимъ, на разсужденіе о приглашеніи князей; слѣдовательно большіе люди, владавцы, бояре, были въ Новгородѣ еще до Рюрика. Знаемъ такъ же, что въ Новгородѣ народъ, черные люди, меньшіе люди, не былъ безгласною массою, порабощенною большими людьми, а принималъ дѣятельное участіе въ правленіи на вѣчѣ; слѣдовательно бояре, большіе люди не были особымъ племенемъ побѣдителей, поработителей, а припадлежали къ тому же племени, къ которому и остальные граждане, происходили изъ того же народа. Знаемъ еще, что въ Новгородѣ, при чистообщинномъ устройствѣ, каждая улица, каждый конецъ составляли свою общину; въ каждой же древней Новгородской улицѣ были свои бояре, находившіеся въ тѣсной связи съ своими уличанами; слѣдовательно бояре происходили изъ уличанъ же, составляли съ ними одно, и были только лучшими людьми изъ уличанъ. Наконецъ мы знаемъ, что по Новгородскому устройству, одинаковому со всею Русскою землею, поземельныя владѣнія раздѣлялись на общинныя и частныя Общинная земля принадлежала всей общинѣ, и члены общины имѣли только право пользоваться ею, и пользовались только тѣ члены, которые или не имѣли средствъ пріобрѣсти участокъ земли въ полную собственность, или не могли охранять ее и не находили въ пріобрѣтеніи расчета по своимъ промысламъ, и потому до-

вольствовались общинною землею, которую охраняла цѣлая община. Частную же поземельную собственность пріобрѣтали люди имѣвшіе больше средствъ къ пріобрѣтенію и охраненію своихъ поземельныхъ владѣній, и которые считали для себя недостаточнымъ пользоваться общинною землею Слѣдовательно пріобрѣтеніе земли въ полную собственность было первымъ признакомъ, отличающимъ частныхъ поземельныхъ собственниковъ, какъ людей пользующихся большими средствами передъ общинниками, какъ людей лучшихъ, болѣе сильныхъ передъ своими согражданами Такимъ образомъ первыми, древнѣйшими земскими боярами въ Новгородѣ, по всему вѣроятію, были богатые землевладѣльцы, имѣвшіе въ своей собственности большія поземельныя владѣнія Мы знаемъ уже, что Новгородъ и первоначально былъ Славянскою колоніею въ Финской землѣ, и постоянно распространялъ свои владѣнія посредствомъ торговли и колонизаціи между разными Финскими племенами; слѣдовательно пріобрѣтеніе земли Новгородскою ли какою общинною, частнымъ ли лицомъ дѣлалось не иначе какъ силою, чрезъ оттѣсненіе старожильцевъ Финновъ, а по сему и на охраненіе пріобрѣтенной земли отъ притязанія старыхъ хозяевъ требовались также силы и средства. Стало быть ежели какое частное лицо въ Новгородѣ имѣло столько силы, средствъ, ума и отваги, чтобы пріобрѣсти землю въ собственное владѣніе и защитить свое пріобрѣтеніе отъ нападенія старыхъ хозяевъ, также, какъ это дѣ-

лала сама община своими общинными средствами; то тѣмъ самымъ это лицо пріобрѣтало перевѣсъ надъ другими своими согражданами, которые дѣлали тоже только общими силами цѣлой общины; и такимъ образомъ естественно таковый человѣкъ дѣлался лучшимъ человѣкомъ, большимъ человѣкомъ, вліятельнымъ лицомъ той общины, къ которой онъ принадлежитъ. И дѣйствительно, по всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, начиная съ XI столѣтія, мы находимъ всѣ сіи качества въ Новгородскихъ земскихъ боярахъ. Иные памятники XII столѣтія Новгородскихъ бояръ даже прямо называютъ огнищанами, т. е. людьми имѣющими свое собственное огнище; а огнищемъ еще и въ настоящее время въ сѣверномъ краю Руси называется земля расчищенная кѣмъ либо подъ пашню посредствомъ пала или выжиганія дикаго лѣса, и этотъ способъ расчистки земли до сего времени общеупотребителенъ въ лѣсистыхъ уѣздахъ глубокаго Сѣвера: а конечно въ древности, когда весь Новгородскій край былъ покрытъ непроходимыми лѣсами, выжиганіе было единственнымъ способомъ расчистки земли. Слѣдовательно названіе бояръ огнищанами прямо указываетъ на нихъ, какъ на землевладѣльцевъ собственниковъ, т. е. на такихъ людей, которые собственными средствами сдѣлали себѣ огнище расчистили дикій лѣсъ подъ пашню и на собственный счетъ населили расчищенное мѣсто земледѣльцами, согласившимися жить на ихъ расчищенной землѣ, и на взаимныхъ условіяхъ состоять

подъ ихъ властію и производить земледѣльческія работы какъ на себя, такъ и на своихъ землевладѣльцевъ (*).

Частная поземельная собственность, образовавшая въ Новгородѣ классъ бояръ, большихъ людей, сообщила этому классу и то высокое значеніе которымъ онъ пользовался въ Новгородскомъ обществѣ Значеніе сіе, въ сущности одинаковое, имѣло свои степени развитія собственно въ Новгородѣ, въ той Новгородской волости, гдѣ находилось поземельное имѣніе землевладѣльца и въ самомъ имѣніи. 1) Въ собственномъ имѣніи или вотчинѣ землевладѣлецъ былъ полнымъ хозяиномъ владыкою и даже самое имѣніе по Новгородски называлось не иначе какъ волостью такого то: волость Апаньина, волость Тучина, волость Марѳы Борецкой и подоб. Здѣсь владѣлецъ, что хотѣлъ, то и дѣлалъ, заводилъ села, де-

---

(*) Нѣкоторые изслѣдователи огнищанъ производятъ отъ огнища, очага, т. е. двора государева, и называютъ бояръ огнищанами потому, что они состоятъ на службѣ при государевомъ дворѣ, очагѣ; но огнище въ древности никогда не означало очага, да и теперь очагъ не называется огнищемъ. Конечно и княжіе бояре могли называться и иногда дѣйствительно назывались огнищанами, но не по очагу государеву, а потому что они имѣли свое огнище, свои поземельныя владѣнія. Поземельныя владѣнія въ древнихъ юридическихъ актахъ обыкновенно опредѣлялись слѣдующими словами: «*а земля моя, куда топоръ, коса и соха ходила,*» т. е. границы моей поземельной собственности опредѣляются тѣмъ пространствомъ, которое захватилъ мой трудъ, а первымъ трудомъ въ обработкѣ земли въ древности было выжиганіе дикаго лѣса, слѣдовательно мое огнище, выжженное мною пространство дикаго лѣса, значитъ тоже, что моя поземельная собственность, и огнищанинъ значитъ землевладѣлецъ.

ревни, починки, торжки, собиралъ вольныхъ охочихъ людей, давалъ имъ пашни и разныя угодья для обработки, налагалъ на нихъ по взаимнымъ условіямъ оброки и дани, даже судилъ сихъ людей, ежели они на такомъ условіи поступали къ нему въ службу; снаряжалъ торговые караваны для продажи произведеній своей земли на сторонѣ; содержалъ военныя дружины изъ тѣхъ же охочихъ людей, кормилъ, поилъ, обувалъ и одѣвалъ ихъ на свой щетъ, и дѣлалъ съ ними походы, и водянымъ путемъ и сухопутьемъ, не только на сосѣднія земли, но иногда въ отдаленныя страны, ежели гдѣ провѣдывалъ, что можно нажиться грабежемъ или даже захватить выгодную землю; такъ напримѣръ изъ Новгородскихъ своихъ имѣній бояре ходили на добычу въ Заволочье, или въ Пермь, или Печеру. Хотя поземельныя имѣнія Новгородскихъ бояръ были обильно разсыпаны по всѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ, но какъ мы уже видѣли, особенно много было сосредоточено богатыхъ и обширныхъ боярскихъ имѣній въ Заволочьѣ. на Двинѣ, Вагѣ и Онегѣ; то здѣсь, въ этомъ отдаленномъ краю, во всемъ своемъ разгарѣ дѣйствовала, ничѣмъ не стѣсняемая, власть бояръ землевладѣльцевъ въ своихъ имѣніяхъ. Сюда они выводили колоніи своихъ кліентовъ ротниковъ, строили тамъ городки, слободы и деревни, здѣсь они съ своими дружинами ротниковъ, собранными изъ всякой сволочи, отнимали земли у туземныхъ Финновъ и отважно разгоняли ихъ нестройныя и пугливыя толпы; въ этомъ-то

дикомъ краю выработывались чудные типы Новгородскихъ бояръ воителей, въ родѣ боярина Ставра, о которомъ древнія былины разсказываютъ, что Чудь бѣлоглазая трепетала отъ одного его зычнаго голоса; здѣсь-то складывались тѣ желѣзные самовластные характеры Новгородскихъ бояръ, увлекавшихъ за собою толпу и нерѣдко производившихъ смуты въ самомъ Новгородѣ, куда они иногда являлись съ дружинами своихъ ротниковъ; такъ напримѣръ, въ 1219 году Семенъ Еминъ явился изъ Заволочья съ четырмя стами головорѣзовъ своихъ ротниковъ, сталъ шатрами подъ Новгородомъ возмутилъ весь городъ и при помощи головорѣзовъ ротниковъ и своей партіи лишилъ должностей посадника Твердислава и тысяцкаго Якуна

2. Власть, развиваемая боярами до крайнихъ предѣловъ самовластія въ своихъ собственныхъ поземельныхъ имѣніяхъ, не останавливалась на рубежахъ сихъ имѣній, а напротивъ распространялась и на цѣлую область или страну, въ которой находились ихъ имѣнія. Конечно, за рубежемъ собственныхъ имѣній боярская власть дѣлалась гораздо слабѣе и принимала закономъ опредѣленныя формы, она тамъ не была уже самовластіемъ; но тѣмъ не менѣе бояре землевладѣльцы имѣли высокое значеніе въ цѣломъ краю, гдѣ находились ихъ поземельныя владѣнія, они тамъ подъ именемъ скотниковъ, и помужниковъ имѣли вліяніе и на тѣ земли края, которыя не составляли ихъ поземельной собственности, такъ что участвовали въ распоряженіяхъ

объ отдачѣ сихъ земель въ частное владѣніе и сообщеніи имъ разныхъ льготъ. Бояре землевладѣльцы въ томъ краю, гдѣ находились ихъ имѣнія, являлись какою-то особенною, по дошедшимъ до насъ памятникамъ еще неопредѣленною, земскою властію, стоящею рядомъ съ властію присылаемыхъ изъ Новгорода посадниковъ и другихъ правителей? Чтобы сколько нибудь указать на эту, еще не замѣченную въ исторіи, земскую власть Новгородскихъ бояръ землевладѣльцовъ, я здѣсь представляю цѣликомъ, единственную мнѣ извѣстную, еще не напечатанную Новгородскую грамоту начала XV столѣтія, объ отдачѣ нѣкоторыхъ земель на Онежскомъ озерѣ въ Толвойскомъ краю Богородицкому монастырю; въ этой грамотѣ написано: „Се даша скотницы и помужницы Толвойской земли, посадникъ Новгородскій Андрей Ивановичь, тысяцкій Новгородскій Дмитрій Васильевичь, Богданъ Васильевичь, Афонасъ Остафьинъ, тысяцкій Мануйло Даниловичь Ермола Лентѣевъ, Селифонтъ Твердиславль съ дѣтьми, Іевъ Олфромѣевъ съ дѣтьми, Ермола Мелентьевъ, Яковъ Сидоровъ съ братомъ, Максимъ Ивановъ съ дѣтьми, Игнатей Амосовъ съ братьею, Ермола Емельяновъ съ дѣтьми. и вси скотникѣ и помужникѣ Толвойской земли въ Палья острова оба земля и ожнѣ, и конецъ Палья острова малѣи островки съ лудушами, и Кобылей островъ съ лудушами и Зайцовъ островъ съ ожнѣ и съ лудушами, вкругъ Палья острова и Игрецкаго острова тонь не ловити селяномъ и

съ лучомъ не ѣздити; а на Пальи островѣ и на малыхъ островахъ станомъ не стояти, лѣса не сѣцѣ, ягодъ не брати, лыкъ не драти; монастырю Святѣй Богородицы и игумену и его братіи и въ вѣкъ земля и вода и ловища. А потомъ не надобѣ вступатися въ тыи островы ни въ ловища бояромъ ни сельникамъ, ни купцамъ, ни ихъ селяномъ А кто почне наступаться на домъ Св. Богородицы матери Божіи; а на того Богъ и Пречистая Богородица и мнозѣи люди." Здѣсь скотниками и помужниками Толвойской земли очевидно называются мѣстные землевладѣльцы, принимавшіе участіе въ мѣстномъ управленіи въ качествѣ землевладѣльцовъ, а не сановниковъ, назначаемыхъ отъ Новгорода; ибо въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, по свидѣтельству грамоты, они участвуютъ и съ братьями своими и дѣтьми, что конечно невозможно для сановниковъ дѣйствующихъ по службѣ: притомъ между скотниками и помужниками и посадникъ Новгородскій и тысяцкій помѣщены за урядъ; слѣдовательно званіе скотника и помужника лежало на нихъ мимо сана посадника и тысяцкого, и едвали было выборное, а напротивъ необходимо вытекало изъ права на поземельную собственность. Что собственно значило выраженіе скотникъ и помужникъ, по дошедшимъ памятникамъ неизвѣстно; но мы имѣемъ прямое свидѣтельство одной грамоты XIII столѣтія, что скотникъ былъ распорядитель или мѣстный начальникъ, низшій противъ посадника и высшій противъ старосты; въ этой грамотѣ В. К. Андрей

Александровичъ пишетъ на Двину: „отъ великаго князя отъ Андрея къ посадникамъ и къ скотникамъ и къ старостамъ. Како есмь докончалъ съ Новымъ городомъ, ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватманъ Андрей Критцкый, ать даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ.“ (Ак. Ар. Эк. т. I. № 1). Оффиціальныя грамоты признаютъ за мѣстными боярами землевладѣльцами какую то довольно большую земскую власть надъ цѣлымъ краемъ, гдѣ находятся ихъ имѣнія, и не придавая имъ названія скотниковъ и помужниковъ; такъ въ одной грамотѣ В. К. Ивана Даниловича и Новгородскаго правительства на Двину сказано: „Отъ В. К. Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкаго Аврама и отъ всего Новгорода къ Двинскому посаднику на Холмогоры и къ боярамъ Двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати человѣкъ: а вы бояре Двинскіе не вступайтесь въ гнѣздные потки ни въ мѣста (ibid № 2) Такимъ образомъ дошедшіе до насъ памятники хотя не опредѣляютъ въ чемъ состояла земская власть мѣстныхъ бояръ землевладѣльцевъ, проистекающая изъ права поземельной собственности; но тѣмъ не менѣе ясно свидѣтельствуютъ, что мѣстные бояре землевладѣльцы имѣли какую-то и довольно большую власть надъ цѣлою страною, гдѣ лежали ихъ недвижимыя имѣнія.

3. Власть, сообщавшаяся Новгородскимъ боярамъ поземельными владѣніями въ провинціяхъ или колоніяхъ, сообщала имъ могущество и власть въ са-

момъ Новгородѣ, гдѣ они прежде всего являлись представителями той улицы или того конца, въ которомъ они жили въ самомъ Новгородѣ, такъ что древнія Новгородскія улицы не рѣдко носили названіе того боярскаго рода, который принадлежалъ къ той или другой улицѣ, напримѣръ: Добрынина улица, Чудинцова улица, Редятина улица. Кромѣ того уличанскіе бояре находились въ такой тѣсной связи съ своими уличанами, что обидѣть улицу или уличанина, значило обидѣть тѣ боярскіе роды, которые принадлежали къ улицѣ, и на оборотъ, обидѣть который либо изъ сихъ родовъ, значило обидѣть всю улицу; а посему, какъ бояре поддерживали и защищали своихъ уличанъ такъ въ свою очередь уличане поддерживали и защищали своихъ уличанскихъ бояръ; такъ что Новгородскія лѣтописи, какъ мы уже частію видѣли, не рѣдко представляютъ извѣстія о побоищахъ одной улицы съ другою, гдѣ улица поголовно идетъ въ оружіи на защиту своего боярина, или мстить его обиду, и иногда бьется по нѣсколько дней съ своими противниками. Вообще уличанскій бояринъ имѣлъ большое вліяніе въ своей улицѣ и по своей волѣ могъ вести уличанъ, куда хотѣлъ, и почти всѣ свои замыслы въ самомъ Новгородѣ приводилъ въ исполненіе главнымъ образомъ при помощи своихъ уличанъ и потомъ однокончанъ; но здѣсь власть боярина преимущественно держалась на сочувствіи уличанъ: бояринъ, возбудившій къ себѣ нерасположеніе своихъ уличанъ, не имѣлъ ни права ни

средствъ заставить ихъ, чтобы они дѣйствовали въ его пользу. Сочувствіе же уличанъ къ боярину опредѣлялось сколько характеромъ боярина, столько или даже еще больше богатствомъ его владѣній на сторонѣ, гдѣ нибудь въ Заволочьѣ, или другомъ краю Новгородскихъ волостей; слѣдовательно и успѣхи бояръ въ Новгородѣ обусловливались богатствомъ и успѣхами въ волостяхъ. Уличане, такъ сказать, льнули къ боярину, извѣстному своею предпріимчивостью и обширностью и богатствомъ владѣній на сторонѣ; ибо надѣялись отъ него не только успѣшнаго покровительства и защиты, но и прямыхъ выгодъ. Богатый боринъ, владѣлецъ большихъ поземельныхъ имѣній, могъ доставлять своимъ уличанамъ выгодныя порученія по управленію своими дѣлами, покупать у нихъ необходимыя въ хозяйствѣ произведенія ихъ промышленности, для отправленія въ свои имѣнія. А что всего болѣе дѣйствовало на толпу, боринъ, пріѣзжая изъ своихъ отъѣзжихъ имѣній, поражалъ сограждан блескомъ богатства, многочисленностію прислуги и обильными угощеніями уличанъ при наборѣ ротниковъ. Наборъ охотниковъ въ ротники какого либо богатаго уличанскаго боярина, составлялъ настоящій праздникъ для безпокойной уличанской молодежи въ Новгородѣ, и не только молодежи, но и всѣхъ удальцовъ; тутъ, по словамъ народной былины о Васькѣ Буслаевѣ разсылались ярлыки скорописчаты, приглашались молодцы къ боярину пить, ѣсть готовое, носить платье разноцвѣтное съ

одного плеча съ бояриномъ, тутъ выставлялись чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, съ брагой хмѣльною, отворялись ворота на широкій дворъ, и гуляли охотники на весь Новгородъ во славу тороватаго боярина. пили, ѣли до отвалу нѣсколько дней сряду, и потомъ, поступившіе въ ротники, вооруженные и снаряженные какъ слѣдуетъ, отправлялись въ походъ. Два-три такихъ набора охотниковъ, особенно ежели походы боярина были удачны и ротники воротились домой съ большими добычами, дѣлали боярина любимцомъ народа, и его вліяніе и даже власть надъ улицею чуть не равнялись его власти въ собственныхъ имѣніяхъ; онъ въ непродолжительномъ времени получалъ отъ вѣча самыя важныя порученія; такъ напримѣръ, молодый бояринъ Александръ Аббакумовичъ, послѣ двухъ своевольныхъ походовъ съ повольниками на Волгу въ 1372 году, получилъ отъ вѣча главное начальство надъ Новгородскимъ войскомъ, отправленнымъ на защиту Торжка. А боярин Семенъ Емин даже и послѣ неудачнаго своевольнаго похода на Тоймокары въ 1219 году, помощію своихъ ротниковъ, получилъ санъ тысяцкаго въ Новгородѣ

Необходимымъ, чисто историческимъ слѣдствіемъ обширности поземельныхъ боярскихъ владѣній и соединеннаго съ ними богатства и вліянія на общество было то, что бояре въ Новгородѣ постоянно держали въ своихъ рукахъ все управленіе Новгородомъ и всѣ выборныя власти, такъ что при всѣхъ перемѣнахъ посадниковъ тысяцкихъ и другихъ

важныхъ сановниковъ, выборъ всегда падалъ на того или другаго боярина, и всѣ сіи перемѣны выражали только споръ немногихъ боярскихъ фамилій, изъ которыхъ то та, то другая, то падала, то возвышалась. Чтобы яснѣе видѣть это, я считаю нелишнимъ представить для примѣра постоянное то повышеніе, то пониженіе одной изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ фамилій, боярской фамиліи Гюряты Роговича. Первое извѣстіе о Гюрятѣ Роговичѣ встрѣчается у Нестора подъ 1096 годомъ, гдѣ Гюрята является богатымъ Новгородскимъ боярином, имѣвшимъ торговыя сношенія съ отдаленными Югрою, Печерою и Самоядью; потомъ одна Новгородская лѣтопись называетъ его Новгородскимъ посадникомъ въ первые годы XII столѣтія, конечно назначеннымъ отъ князя Мстислава Владиміровича. За тѣмъ сынъ Гюряты Мирославъ въ 1126 году является первымъ посадникомъ, выбраннымъ отъ народа; но черезъ два года посадничество перешло къ знаменитому боярину Завиду Дмитровичу, который впрочемъ умеръ въ тотъ же годъ, и изъ Кіева былъ присланъ въ посадники Даніилъ; но черезъ годъ Новгородцы дали посадничество своему выборному Петрилѣ. Въ 1132 году выбрали въ Новгородскіе посадники Рагуйла, а Мирославу дали посадничество во Псковѣ; но въ 1134 году послѣ Суздальской войны Мирославъ опять получилъ посадничество въ Новгородѣ; въ слѣдующемъ году онъ вмѣстѣ съ владыкою Нифонтомъ ходилъ мирить Кіевлянъ съ Черниговцами

и, возвратившись домой, въ тотъ же годъ скончался, будучи на посадническої степени. Сынъ Мирослава Якунъ является въ первый разъ посадникомъ въ 1137 году, т. е. на третій годъ по смерти отца, въ самый разгаръ ссоры Новгородцевъ съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, и посадничаетъ пять лѣтъ; опъ, держась стороны князя Святослава Ольговича, успѣлъ въ это время повыгнать многихъ Новгородскихъ бояръ, державшихся князя Суздальскаго Юрія Владимировича. А посему, когда въ 1141 году Святославъ принужденъ былъ бѣжать, то съ нимъ бѣжалъ и Якунъ, но Якуна нагнали и вмѣстѣ съ братомъ его Прокопьемъ чуть не убили до смерти на вѣчѣ, и раздѣвши до нага сбросили съ моста въ Волховъ; когда же опъ выплылъ, то взявши съ него 1000 гривенъ, а съ Прокопья 100 гривенъ, обоихъ заточили въ Чудь, приковавши руки къ шеи, а посадничество дали Якунову врагу Судилѣ. Якунъ прожилъ въ изгнаніи 15 лѣтъ, частію въ Чуди, частію у князя Суздальскаго Юрія; въ продолженіи этого времени было три перемѣны посадниковъ; но когда вторично ыбраннаго Судилу выгнали въ 1156 году; то Якунъ Мирославичъ снова сдѣланъ былъ посадникомъ, и опять посадничалъ около пяти лѣтъ. Въ 1160 году дали посадничество старому Якунову врагу Нежатѣ; то на этотъ разъ Якунъ неподпалъ изгнанію, и черезъ семь лѣтъ, когда у Новгорода началась борьба съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ, поддерживаемымъ княземъ Суздальскимъ

Андреемъ Боголюбскимъ, то Якуну сперва дали начальство надъ войскомъ, посланнымъ для отраженія Святослава отъ Лукъ, а потомъ выбрали и въ посадники, убивши напередъ посадника Захарію, державшаго перевѣтъ съ Святославомъ. Въ это время Якунъ одинъ безъ князя управлялъ Новгородомъ слишкомъ семь мѣсяцевъ, а черезъ годъ прославился знаменитою защитою Новгорода противъ многочисленной рати Андрея Боголюбскаго и такою побѣдою надъ Суздальцами, что Новгородцы продавали плѣнныхъ Суздальцевъ по двѣ ногаты за человѣка Но эта побѣда не выпутала Новгорода изъ затрудненій и Новгородцы черезъ годъ должны были примириться съ Андреемъ; а въ слѣдъ за тѣмъ Якунъ былъ лишенъ посадничества и на его мѣсто выбранъ былъ Ярославъ, потомъ Ярослава замѣстилъ Иванко Зарыничъ, потомъ опять Ярославъ, и опять Иванка Зарыничъ, и опять Ярославъ и за тѣмъ Завидъ Неревиничъ, а послѣ Завида Михаль Степаничъ. Якунъ болѣе уже не былъ выбираемъ въ посадники и доживалъ свой вѣкъ въ Новгородѣ въ званіи стараго посадника. Въ 1176 году князь Мстиславъ Ростиславичъ вступилъ въ супружество съ дочерью Якуна. Когда скончался Якунъ неизвѣстно; но какъ бы то ни было, послѣ 1170 года Якунова фамилія стала упадать, не смотря на свои богатства, а между тѣмъ фамилія Михаля Степанича и Незды начали усиливаться, и въ продолженіи сорока лѣтъ никто изъ Якуновой фамиліи не былъ посадникомъ, и кажется дѣти Яку-

новы перебрались изъ Новгорода въ Приднѣпровье, къ своему зятю князю Мстиславу Ростиславичу. Впрочемъ, эта фамилія все еще считалась старшею, и когда въ 1211 году Якуповъ сынъ Дмитръ пришелъ изъ Приднѣпровья, то тогдашній степенный посадникъ Твердиславъ, сынъ Михаля Степанича. уступилъ ему посадничество добровольно, какъ старѣйшему, и Дмитръ Якуничъ былъ посланъ княземъ Мстиславомъ съ ратью на Луки, ставить городъ. Но должно быть Дмитръ въ это время былъ уже очень старъ и скоро умеръ; ибо въ 1214 году, въ походѣ Мстислава къ Смоленску, мы уже встрѣчаемъ посадникомъ Твердислава Михалича и о Дмитрѣ Якуничѣ уже нигдѣ не упоминается, а вездѣ первенствуетъ Твердиславъ и фамилія Михаля Степанича. Но когда въ 1220 году Твердиславъ уже больной, отказался отъ посадничества и поступилъ въ монастырь; то выбрали въ посадники Иванка Дмитровича; слѣдовательно фамилія Мирослава и Якуна еще пользовалась уваженіемъ въ Новгородѣ. Иванка Дмитровичъ посадничалъ въ Новгородѣ девять лѣтъ безсмѣнно и своею энергическою дѣятельностію напомнилъ Новгородцамъ своихъ дѣда Якуна и прадѣда Мирослава; онъ твердо и съ достоинствомъ защищалъ въ 1224 году Новгородъ противъ Юрія и Ярослава Всеволодовичей, князей Суздальскихъ; и когда Юрій съ большою ратью перешелъ уже Тверцу, и требуя выдачи нѣкоторыхъ Новгородскихъ бояръ, съ гордостію послалъ сказать: „я попилъ кони Тверью, а еще Волховомъ

напою"; то Иванко Дмитровичъ, отъ имени Новгородцевъ отвѣчалъ: „княже, кланяемся тебѣ, а братьи своей не выдасмъ, а крови не проливай, или твой мечь, а наши головы", и принудилъ Юрія къ миру выгодному Новгородцамъ. Потомъ, когда, по удаленіи изъ Новгорода князя Михаила Черниговскаго въ 1225 году, Новгородцы согласились принять къ себѣ въ князья Ярослава Всеволодовича Переяславскаго; то Иванко Дмитровичъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ такъ ловко велъ дѣла, что властолюбивый и энергическій Ярославъ ничего не могъ успѣть противъ него, и принужденъ былъ оставить Новгородъ и вывести оттуда свои войска. Въ 1229 году, по происканъ Черниговской партіи, у Иванка было отнято посадничество въ Новгородѣ и передано Черниговскому сторонику Вишезду Водовику; тѣмъ не менѣе Иванко, какъ человѣкъ надежный, былъ отправленъ посадничать въ Торжекъ, гдѣ послѣ осьми лѣтняго управленія тамошнимъ краемъ, въ 1238 году погибъ въ битвѣ, защищая Торжекъ отъ Батыевой Татарской рати Иванко Дмитровичъ былъ послѣднимъ посадникомъ въ Новгородѣ изъ фамиліи Мирослава. Его сынъ Твердило Иванковичъ, неимѣя успѣха въ своихъ искательствахъ въ Новгородѣ вошелъ въ сношенія съ Ливонскими Нѣмцами, памѣною передалъ имъ Псковъ и отъ имени Нѣмцевъ сталъ владѣть этимъ городомъ; и вѣроятно погибъ въ 1242 году, при взятіи Пскова Александромъ Невскимъ и Новгородцами, или можетъ быть бѣжалъ къ Нѣмцамъ. Но

какъ бы то ни было, измѣна Твердилы Иванковича и переходъ его къ Нѣмцамъ навсегда погубили знаменитую фамилію Мирослава Гюрятинича, и во всей послѣдующей исторіи Новгорода о ней болѣе неупоминается. Подобную же исторію поперемѣннаго возвышенія и упадка представляютъ и другія боярскія фамиліи въ Новгородѣ. И даже замѣтно, какъ одни фамиліи замѣнялись другими въ извѣстные періоды времени, и какъ постепенно въ позднѣйшее время Новгородской исторіи боярскіе фамиліи рѣзче и рѣзче отдѣляли свои интересы отъ интересовъ народа, постоянно поддерживаемые сосѣдними князьями, которые, начиная съ Юрія Долгорукаго, неуклонно держались одной политики, чтобы владѣть Новгородомъ при помощи своихъ сторонниковъ изъ Новгородскихъ бояръ, и мало по малу довели дѣло до того, что Новгородскіе бояре, продавая свое отечество князьямъ, совершенно разошлись съ народомъ, и въ XV столѣтіи такъ стали тѣснить его, что великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, перемѣнивъ политику своихъ предшественниковъ и принявъ подъ свою защиту народъ, обижаемый боярами, безъ большихъ затрудненій овладѣлъ Новгородомъ, переловилъ большую часть бояръ и переселилъ ихъ въ Московскія владѣнія, и народъ разумѣется не вступился, какъ нужно было, за своихъ притѣснителей. Бояре въ борьбѣ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ много выказали энергіи, и даже искуственно умѣли поднять на время и народъ; но по привычкѣ про-

должали вести себя слишкомъ гордо въ отношеніи къ народу и въ тоже время тѣснить его, и потому всѣ ихъ старанія успѣшно вести роковую борьбу и исканія чужеземной помощи остались безуспѣшными. и по ихъ винѣ пала самостоятельность Великаго Новгорода.

Посадничьи и боярскіе дѣти.

Члены семействъ посадничьихъ и боярскихъ назывались въ Новгородѣ сыновьями или дѣтьми посадничьими и боярскими, чисто въ семейномъ значеніи, т. е. пока они были еще подъ властію отца; но какъ скоро выдѣлялись изъ семьи и дѣлались самостоятельными, то съ тѣмъ вмѣстѣ теряли названіе дѣтей или сыновей, и назывались просто боярами, также какъ и ихъ отцы; но они отнюдь не составляли особаго класса, подобно какъ боярскіе дѣти въ другихъ краяхъ Русской земли; ибо въ Новгородѣ бояре всегда составляли классъ, а не чинъ, какъ въ Москвѣ, тамъ сыновья бояръ по самому рожденію своему, были уже боярами, когда дѣлались самостоятельными, независимыми отъ отцовъ, выдѣлялись изъ отцовскаго семейства. Всѣ лѣтописныя извѣстія о посадничьихъ и боярскихъ дѣтяхъ въ Новгородѣ прямо свидѣтельствуютъ, что значеніе боярскихъ и посадничьихъ дѣтей тамъ было чисто семейное, а не государственное; такъ въ первомъ же извѣстіи, относящемся къ 1259 году, прямо сказано, что Александръ Невскій, по просьбѣ Татарскихъ пословъ, пріѣхавшихъ въ Новгородъ для исчисленія народа, повелѣлъ стеречи ихъ сыну посадничу и всѣмъ дѣтемъ боярскимъ. Здѣсь

ясно, что Александръ для большаго увѣренія Татарскихъ пословъ въ ихъ безопасности приставилъ къ нимъ караулъ изъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ почетнѣйшимъ семействамъ, которые имѣли огромное вліяніе на народъ. А еще яснѣе таковое значеніе боярскихъ дѣтей высказывается въ свидѣтельствѣ лѣтописи, относящемся къ 1364 году, гдѣ сказано: „той же зимы съ Югры Новгородцы пріѣхаша дѣти боярстіи и молодые люди, и воеводы Александръ Абакумовичъ, Степанъ Ляпа, воеваша по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша“. Тотъ же Александръ Абакумовичъ въ 1366 году въ ушкуяхъ ходилъ съ молодыми людьми на Волгу грабить купеческіе караваны; и когда въ 1367 году Московскій великій князь Дмитрій Ивановичъ, объявляя за это Новгороду войну, говорилъ Новгородцамъ, за что ходили на Волгу и гостей моихъ грабили много; то Новгородцы отвѣчали: ходили люди молодыи безъ нашего слова; и князь, довольный объясненіемъ, примирился съ Новгородцами Или когда за Волжскій грабежъ Новгородскихъ ушкуйниковъ изъ Заволочья, бывшій въ 1375 году, Московскій великій князь въ 1386 году потребовалъ удовлетворенія; то Новгородцы предоставили князю самому взыскать 5000 руб. съ Заволочанъ за этотъ грабежъ; и для успѣшнѣйшаго сбора этихъ денегъ послали въ Заволочье приставами посадника Ѳедора Тимоѳеевича, Тимоѳея Юрьевича, сына посадника Юрья Дмитріевича, (который въ 1398 году былъ уже посадни-

комъ) и иныхъ дѣтей боярскихъ и молодшихъ людей. Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ боярскими дѣтьми ясно названы молодые люди изъ боярскихъ фамилій, которые по Новгородскимъ изстариннымъ обычаямъ своевольничали на чужой сторонѣ и производили воинскіе походы и грабежи безъ Новгородскаго слова, и въ лѣтописяхъ прямо называются молодыми людьми, а не особымъ какимъ классомъ или сословіемъ Новгородскаго общества. Тоже значеніе боярскихъ дѣтей, какъ молодыхъ людей изъ боярскихъ фамилій, еще яснѣе высказывается въ лѣтописномъ извѣстіи подъ 1398 годомъ, гдѣ сказано, что передъ походомъ на Двину: „били челомъ владыкѣ посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ посадникъ Юрьи Дмитріевичъ, Василій Борисовичъ и бояре, и дѣти боярскіе, и житьи люди, и купеческіе дѣти, и вси вои ихъ; благослови, господине отче владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей“. Здѣсь рядомъ поставлены бояре и боярскіе дѣти, житьи люди и купеческіе дѣти, т. е младшіе члены боярскихъ фамилій и купеческихъ или житьихъ названы дѣтьми. А Никоновская лѣтопись, переводя Новгородскія извѣстія на свой оффиціальный языкъ, Новгородскихъ боярскихъ дѣтей прямо называетъ молодыми дворянчиками, а не боярскими дѣтьми въ Московскомъ значеніи этого слова; такъ описывая походъ Новгородской вольницы на Волгу въ 1366 году, лѣтопись сія говоритъ: „того же лѣта изъ Новгорода Великаго младые дворянчики совокупиша себѣ рать безъ Новгородскаго совѣта, а воеводы былп

у нихъ Осипъ Варѳоломѣевичъ, Василій Ѳедоровичъ, Александръ Аввакумовичъ".

Гриди, или своеземцы.

Впрочемъ и въ Новгородѣ былъ особый классъ гражданъ съ служебнымъ значеніемъ, соотвѣтствовавшій боярскимъ дѣтямъ, какъ понималось это слово въ Москвѣ во 2 й половинѣ XVI столѣтія, только у Новгородцовъ этотъ классъ назывался не боярскими дѣтьми, а гридями или гридьбою. Начало этого класса относится къ X-му, а можетъ быть и къ IX столѣтію; лѣтопись говоритъ о Ярославѣ великомъ, когда онъ былъ еще Новгородскимъ княземъ: „Ярославу сущу Новгородѣ, и урокомъ дающу Кіеву отъ года до года двѣ тысячи гривенъ, и тысячу гривенъ въ Новгородѣ гридемъ раздаваху; а тако даяху посадницы Новгородстіи". По этому свидѣтельству лѣтописи гридями прямо называются люди состоящіе на службѣ и получающіе жалованье отъ Новгородскаго посадника; конечно гриди первоначально составляли княжую дружину, назначаемую состоять при Новгородскомъ посадникѣ; ибо прежде и сами посадники присылались отъ князя, какъ его слуги. Но когда посадники изъ княжихъ слугъ превратились въ выборныхъ отъ народа; то съ тѣмъ вмѣстѣ и гриди сдѣлались земскимъ постояннымъ войскомъ, хотя и не перемѣнили своего прежняго названія, и по лѣтописнымъ извѣстіямъ мы уже встрѣчаемъ ихъ въ числѣ земскихъ людей во второмъ разрядѣ послѣ бояръ или огнищанъ; такъ подъ 1166 годомъ лѣтопись говоритъ: „Ростиславъ великій князь Кіевскій, пришед-

ши на Луки позвалъ къ себѣ Новгородцовъ на порядъ, т е. для договору, огнищанъ, гридь и купцовъ вящшихъ. Или подъ 1195 годомъ сказано: „позва Всеволодъ Новгородцы на Черниговъ; и Новгородцы не отпрѣшася ему, идоша съ княземъ Ярославомъ,—огнищане, гридьба и купцы, и быша на Новомъ Торгу“. Или подъ 1234 годомъ лѣтопись говоритъ: „изгониша Литва Русу оли до торга, и сташа Рушане и засада, огнищане и гридьба, и кто купецъ и гости и выгнаша Литву изъ посада“. Всѣ сіи единственныя лѣтописныя извѣстія о гридьбѣ въ Новгородѣ прямо указываютъ на гридьбу какъ на служилыхъ Новгородскихъ людей, составлявшихъ постоянный особый классъ земскаго войска, получавшій отъ Новгорода жалованье, а послѣднее изъ приводимыхъ извѣстій говоритъ, что гридьба посылалась засадою или какъ гарнизонъ по пригородамъ; но очевидно гридьба, кромѣ военнаго значенія, имѣла еще и земское значеніе, ибо Ростиславъ въ 1166 году пригласилъ для переговоровъ гридьбу вмѣстѣ съ чисто земскими классами, огнищанами и купцами вящшими. Въ послѣдствіи названіе гридьба, гриди, не встрѣчается въ Новгородскихъ извѣстіяхъ, а напротивъ, появляется другое названіе земетцкіе люди, съ тѣмъ же характеромъ какъ и гриди; слѣдовательно въ XIV и XV столѣтіяхъ гриди стали называться въ Новгородѣ земетцкими людьми, или какъ въ другихъ краяхъ Руси—помѣщиками; отъ того что они по тогдашнему общему на Руси обычаю получали за службу

вмѣсто жалованья землю, и отъ этой то данной вѣчемъ земли, съ условіемъ нести военную службу, они вмѣстѣ съ тѣмъ получили сперва значеніе земскаго класса, наравнѣ съ другими земскими классами, а потомъ и стали называться земетцкими людьми и даже своеземцами, потому что получали землю отъ Новгорода въ собственность, и не на общинномъ а на личномъ правѣ. т. е. каждому гридѣ или своеземцу земля давалась отдѣльно, а не на общину гридей. Кажется, гриди не были многочисленнымъ и сильнымъ классомъ въ Новгородѣ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ извѣстій, изъ которыхъ было бы видно. что гриди участвовали въ переворотахъ Новгородскихъ, какъ замѣтные двигатели.

Купцы. Послѣ бояръ или огнищанъ и гридей, составлявшихъ какъ бы двѣ степени одного класса, въ Новгородѣ слѣдовали *купцы*, какъ отдѣльный самостоятельный классъ Новгородскаго общества съ своимъ управленіемъ, съ своими начальниками и съ своими правами, и принимавшій дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода Въ Новгородѣ торговать никому не запрещалось торговать могъ всякій—и князь, и бояринъ, и людинъ; но тѣмъ не менѣе купцы не смѣшивались съ другими классами общества, чтобы быть настоящимъ купцомъ требовались особыя условія Чтобы быть полнымъ настоящимъ купцомъ, нужно было принадлежать къ какой-либо купеческой общинѣ; а каждая купеческая община составляла собою самостоятельное организованное

цѣлое, она имѣла свой капиталъ, свое начальство, свой судъ и управленіе и свою печать Купцы въ Новгородѣ, принадлежа по мѣсту жительства къ какой-либо улицѣ или концу и состоя членами конца или улицы вмѣстѣ съ боярами и людинами, въ тоже время составляли свои общины, которыя въ XIII столѣтіи уже назывались сотнями, какъ это свидѣтельствуетъ договорная грамота Новгорода съ Тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, писанная въ 1270 году, въ которой сказано: „А что закладниковъ за тобою княже или за княгинею или за мужи твоими, кто купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ пойдетъ въ свой погостъ тако пошло въ Новгородѣ.“ Чтобы попасть въ члены какой-либо Новгородской купеческой общины, по свидѣтельству уставной грамоты князя Всеволода Мстиславича нужно было непремѣнно вложить опредѣленную долю въ общинный капиталъ, именно не менѣе 50 гривенъ серебра, или около 40 фунтовъ серебра на нынѣшній вѣсъ; таковый взносъ давался только однажды при самомъ вступленіи въ общину, и послѣ сего взносшій оставался навсегда пошлымъ купцомъ не только самъ, но и его потомство. Такимъ образомъ купечество въ Новгородѣ держалось на принадлежности гражданина къ той или другой купеческой общинѣ; а эта принадлежность основывалась на взнесенномъ въ общину опредѣленномъ капиталѣ и на правѣ наслѣдства по взнесенному капиталу. Только таковые члены купеческой общины, или пошлые купцы составляли настоящее Новгород-

ское купечество, выбирались въ старосты своей общины и имѣли право на участіе въ правленіи и судѣ по торговымъ дѣламъ своей общины. Каждая купеческая община въ Новгородѣ имѣла свою контору, называвшуюся общиною, гдѣ хранился общинный капиталъ; этою конторою завѣдывали выборные старосты общины. Ихъ по Всеволодовой грамотѣ полагалось пятеро: трое отъ зажиточнѣйшихъ купцовъ или житьихъ людей, и двое отъ менѣе зажиточныхъ или рядовыхъ купцовъ; имъ то принадлежали судъ и управа по торговымъ дѣламъ и защита членовъ своей общины. Такъ что въ случаѣ обиды пошлаго купца, его защищала та община или сотня, къ которой онъ принадлежалъ, она въ случаѣ нужды отвѣчала за него и его никто не могъ взять безъ дозволенія сотскаго, или главнаго выборнаго начальника общины. По тогдашнимъ обычаямъ, соблюдавшимся торговыми людьми во всей Европѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, пошлый купецъ состоялъ подъ защитою и управою своей общины не токмо дома въ своемъ городѣ, но и во время своихъ торговыхъ путешествій по другимъ городамъ и странамъ; тогда торговыя путешествія не только у Европейскихъ, но и у Азіатскихъ торговыхъ народовъ, обыкновенно предпринимались не иначе, какъ значительными караванами, при которыхъ всегда находился выбираемый отъ общины или отъ нѣсколькихъ общинъ, участвующихъ въ караванѣ, караванный староста, или какъ было въ Нѣмецкихъ торговыхъ общинахъ—ольдерманъ, которому

всѣ участники каравана клялись быть послушными на все время его управленія караваномъ, и потому въ народныхъ былинахъ обыкновенно назывались дружиною, ротниками. По свидѣтельству договорной грамоты Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ, писанной въ 1270 году, всѣ судебныя дѣла между Новгородскими и Нѣмецкими торговцами разбирались въ особомъ судѣ передъ тысяцкимъ и Новгородскими выборными купеческими старостами во дворѣ св. Іоанна; по той же грамотѣ ни Новгородца въ Готландѣ, ни Нѣмцевъ, ни Готландцевъ въ Новгородѣ за долги нельзя было посадить въ погребъ, ни посылать за ними бирючей, ни брать ихъ за одежду, но съ каждой стороны должно было требовать пристава отъ тысяцкаго или старосты той купеческой общины, къ которой принадлежитъ виноватый. Тоже почти подтверждается въ Новгородской договорной грамотѣ въ 1195 году, заключенной съ Нѣмецкими и Готландскими послами. А по Новгородскимъ скрамъ, которыя были обязательны и для Новгородцевъ, и для Ганзейцовъ, прямо требуется, чтобы пріѣзжіе гости выбирали себѣ ольдермана и четырехъ ратмановъ, и ежели когда произойдетъ ссора между хозяевами и прикащиками, то объ этомъ должно доносить ольдерману.

Въ Новгородѣ, какъ государствѣ по преимуществу торговомъ, купцы, какъ богатый и хорошо организованный классъ общества, пользовались большимъ уваженіемъ и принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ какъ въ мирное, такъ и

въ военное время. Голосъ купцовъ на вѣчѣ имѣлъ большое значеніе, по ихъ настоянію нерѣдко начинапалась и прекращалась война; и тѣмъ сильнѣе былъ голосъ купцовъ на вѣчѣ, что въ Новгородѣ и бояре занимались торговлею, слѣдовательно у нихъ не рѣдко были одни интересы съ купцами. Еще въ XII столѣтіи мы имѣемъ извѣстіе, что изъ за обиды Новгородскихъ купцовъ на островѣ Готландѣ Новгородъ прекратилъ мирныя сношенія съ Готландцами и всѣми Варягами, не отпустилъ за море ни одного купца и не принялъ Варяжскаго посольства. А по сему сосѣдніе Русскіе князья въ спорахъ своихъ съ Новгородомъ обыкновенно старались захватить Новгородскихъ купцовъ, пришедшихъ для торгу въ ихъ владѣнія и загородить торговые пути, дабы тѣмъ скорѣе принудить Новгородъ къ принятію условій мира, предлагаемыхъ княземъ; такъ поступали и Кіевскіе, и Черниговскіе, и Суздальскіе князья, и особенно часто пользовались этою мѣрою послѣдніе и всегда съ успѣхомъ, ибо для Новгородцевъ особенно была важна торговля съ Камскою Болгаріею. куда путь лежалъ чрезъ Суздальскія владѣнія Кромѣ сильнаго голоса на вѣчѣ купцы проявляли свое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и въ другихъ формахъ. Такъ 1-е, они лично участвовали въ военныхъ походахъ и, конечно, были не плохими воинами; ибо тогдашняя торговля съ полудикими племенами и по пустынямъ и рѣкамъ, не рѣдко занятымъ разбойниками, была тѣсно связана съ военнымъ ремесломъ. Купеческій

караванъ обыкновенно отправлялся въ походъ вооруженнымъ, и здѣсь купцы только въ своей отвагѣ и ловкости находили обезпеченіе своей безопасности. Лѣтописи представляютъ довольно свидѣтельствъ объ участіи Новгородскаго купечества въ военныхъ походахъ; такъ напримѣръ въ 1137 году, во время войны Новгорода съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, купцамъ выдано было полторы тысячи гривенъ, собранныхъ съ Всеволодовыхъ пріятелей на приготовленіе къ походу. Или въ 1195 году Новгородскіе купцы вмѣстѣ съ боярами и гридями участвовали въ походѣ Всеволода Юрьевича, князя Суздальскаго на Черниговъ. Или подъ 1315 годомъ лѣтопись, описывая битву Новгородцовъ съ Михаиломъ княземъ Тверскимъ подъ Торжкомъ, говоритъ: „и тамъ убили много добрыхъ мужей и бояръ Новгородскихъ, и купцовъ добрыхъ много, а иныхъ Новгородцовъ и Новоторжцевъ Богъ вѣсть“. 2-е. Купцы участвовали въ переговорахъ Новгорода съ Русскими князьями о правахъ князей. Князь, желая условиться съ Новгородцами, на какихъ правахъ владѣть ему Новгородомъ, обыкновенно приглашалъ для переговоровъ бояръ и купцовъ; такъ подъ 1166 годомъ лѣтопись говоритъ: „Князь Ростиславъ пришелъ изъ Кіева на Луки и позвалъ Новгородцовъ на порядъ (для утвержденія взаимныхъ условій на управленіе Новгородомъ) огнищанъ, гридьбу и купцовъ вящшихъ“. 3-е. Лучшіе купцы вмѣстѣ съ боярами правили посольства и къ Русскимъ князьямъ и къ Нѣмцамъ, ѣздили приглашать князей въ Нов-

городъ и вели переговоры; такъ подъ 1215 годомъ въ лѣтописи сказано: „Новгородцы много думавши, послали по Ярослава Всеволодовича Юрья Ивановича посадника и Якуна тысяцкаго и купецъ старѣйшихъ десять мужъ“. Или подъ 1391 годомъ сказано: „и послали Новгородцы пословъ на съѣздъ съ Нѣмцами въ Изборскъ: посадника Василья Ѳедоровича, посадника Богдана Аввакумовича, тысяцкаго Есипа Фалелѣевича, Василья Борисовича и купцовъ“. 4-е. Купцы участвовали вмѣстѣ съ боярами въ высшемъ Новгородскомъ судѣ, или, какъ говорилось тогда у Новгородцевъ, у докладу во владычнѣ комнатѣ; такъ въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года читаемъ: „у докладу быть по боярину да по житьему“, т е. зажиточному купцу.

Новгородское купечество издавна раздѣлялось на вящшихъ или лучшихъ, зажиточнѣйшихъ купцовъ и просто на купцовъ. Вящшіе богатѣйшіе купцы еще въ XII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Всеволодова грамота, назывались житьими людьми; но это послѣднее названіе не было еще тогда постояннымъ, богатѣйшіе купцы еще безразлично назывались и вящшими купцами и житьими людьми; но съ XIV столѣтія названіе лучшихъ богатѣйшихъ купцовъ житьими людьми сдѣлалось постояннымъ и оффиціальнымъ Этотъ обычай или законъ такъ называть лучшихъ купцовъ въ первый разъ является въ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, писанной въ 1317 году; грамота начинается такъ: „отъ посадника отъ Ми-

хаила, отъ тысяцкаго отъ Матѣя, отъ бояръ и отъ житьихъ людей и отъ черныхъ людей и отъ всего Новгорода, послалъ Новгородъ Юрья и Якима къ князю Михайлѣ въ Тверь, а велѣли миръ взять". Подъ тѣмъ же названіемъ житьихъ людей вящшіе купцы являются въ лѣтописи подъ 1398 годомъ, гдѣ сказано: „ходили послы изъ Новгорода: архимандритъ Парѳеній, посадникъ Есипъ Захарьичь и тысяцкій Онанья Костянтиновичь и житьи люди Григорій и Давыдъ къ Великому князю Василью Дмитріевичу и взяша миръ". Или подъ тѣмъ же годомъ, предъ отправленіемъ Новгородской рати на Двину, лѣтопись говоритъ: „били челомъ владыкѣ посадникъ Тимоѳѣй Юрьевичь, посадникъ Юрій Дмитріевичь, Василій Борисовичь и бояре, и дѣти боярскіе, и житьи люди, и купецкіе дѣти, и всѣ вои ихъ; благослови, господине, отче, владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волости". Или подъ 1441 годомъ также лѣтопись говоритъ: „Новгородцы послали архіепископа Еуѳимія и съ нимъ бояръ, а и житьихъ людей, и наѣхали князя у города у Демана и докончали съ нимъ миръ по старинѣ". Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ житьи люди постоянно занимаютъ то самое мѣсто, гдѣ до XIV столѣтія помѣщались вящшіе купцы; отсюда ясно, что житьими людьми здѣсь назывались прежніе вящшіе купцы и это названіе принадлежало богатѣйшимъ и старинным торговымъ домамъ, зажиточнѣйшимъ противъ молодыхъ и новыхъ купцовъ, еще не разжившихся.

Купцы въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ пригородахъ были и значительными землевладѣльцами, имѣли иногда довольно большія вотчины или волости какъ въ Новгородской землѣ, такъ и въ Новгородскихъ волостяхъ, особенно въ Заволочьѣ по Двинѣ, Онегѣ, по Бѣломорскому поморью и въ Перми, гдѣ въ ихъ владѣніи находились богатѣйшія соляныя варницы и разные морскіе промыслы. По богатствамъ своимъ купцы соперничали съ боярами; но будучи сильно заняты своими частными промыслами, они должно быть не настолько принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, насколько бояре; а по сему они далеко неимѣли того значенія въ управленіи Новгородомъ, какое имѣли бояре: изъ купцовъ мы не встрѣчаемъ ни посадниковъ, ни тысяцкихъ, ни другихъ высшихъ сановниковъ. Вообще во всѣхъ чисто политическихъ движеніяхъ купцы являлись на второмъ планѣ, видная же роль народныхъ двигателей въ Новгородѣ всегда принадлежала боярамъ, которые видимо пользовались большимъ расположеніемъ у народа. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и не оффиціальныхъ, мы выносимъ одно впечатлѣніе, что купцы въ Новгородѣ занимали второе мѣсто послѣ бояръ, и тоже самое находимъ и въ Новгородскихъ пригородахъ

Черные люди.

Третій классъ жителей Новгорода и всѣхъ его владѣній составляли черные люди; къ этому классу принадлежали какъ городскіе, такъ и сельскіе жи-

тели низшаго разряда, иначе называемые меньшими или молодшими людьми. Сюда въ городахъ относились: 1-е, торговцы не записанные членами ни въ одну купеческую общину, или иначе не пошлые купцы, занимавшіеся мелочнымъ торгомъ; 2-е, ремесленники и 3-е, разные чернорабочіе люди, жившіе трудами рукъ своихъ. Въ селахъ же къ чернымъ людямъ принадлежали земледѣльцы и другіе сельскіе промышленники, жившіе на земляхъ, принадлежащихъ общинамъ или частнымъ землевладѣльцамъ, а можетъ быть и мелкіе землевладѣльцы собственники изъ сельскихъ промышленниковъ и земледѣльцевъ. Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, непремѣнно тянули къ какой либо городской черной сотнѣ или сельской общинѣ, къ погосту, губѣ, переварѣ, и непремѣнно должны были имѣть осѣдлость, т. е. домъ и извѣстную долю городской или сельской земли, что въ городахъ называлось дворомъ, а въ селахъ обжею. Только домохозяинъ, владѣлецъ опредѣленнаго двора, щитался гражданиномъ какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ пригородахъ; равнымъ образомъ и въ селахъ только тотъ признавался членомъ той или другой сельской общины, кто владѣлъ извѣстною долею общинной земли или обжею Люди же неимѣющіе опредѣленной доли общинной земли, или не причисленные ни къ какой общинѣ, назывались изгоями, и оставались въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не получали опредѣленной доли земли и не причислялись къ какой либо общинѣ. По свидѣтель-

ству Ярославова устава о мостовыхъ въ Новгородѣ, въ XIII столѣтіи даже были особыя двѣ улицы для изгоевъ; но улицы сіи не составляли самостоятельныхъ общинъ, имѣвшихъ свое управленіе чрезъ старостъ или сотскихъ и свой голосъ на вѣчѣ, и состояли подъ покровительствомъ церкви, какъ люди безпріютные и неимѣющіе своего голоса въ Новгородскомъ обществѣ. Самыя улицы или слободы изгоевъ по всему вѣроятію были устроены на церковной землѣ; ибо въ уставѣ изгойскія слободы обозначены по обоимъ концамъ епископской улицы Очевидно, что церковь, какъ покровительница изгоевъ, давала имъ свою землю для поселенія, какъ людямъ неимѣющимъ земли ни въ одной общинѣ и по законамъ Новгородскимъ немогшимъ управляться своими выборными начальниками. Холопій городокъ, лежавшій собственно въ Новгородской землѣ, первоначально не былъ ли городомъ изгоевъ, городомъ рабовъ освобожденныхъ отъ рабства и слѣдовательно не принадлежащимъ ни къ одной общинѣ, и называвшихся по уставу Всеволода Мстиславича изгоями. Конечно это значеніе Холопьяго городка было только первоначальное, въ послѣдствіи же онъ сравнялся съ другими Новгородскими пригородами и только одно названье Холопья Городка теперь можетъ указывать на его первоначальное значеніе. Въ селахъ также изгои имѣли особыя поселенія, отдѣльно отъ сельскихъ общинъ и вѣроятно на церковныхъ земляхъ и подъ покровительствомъ церкви, для которой конечно они обязаны

были дѣлать разныя послуги и можетъ быть обрабатывать на нее землю Но не всѣ изгои были на церковныхъ земляхъ, они могли жить и у мірскихъ людей въ услуженіи подъ именемъ или работниковъ, казаковъ, или подсусѣдниковъ и захребетниковъ. Даже иные изъ нихъ, по свидѣтельству писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, имѣли особые дворы и извѣстную долю земли; но не отъ своего имени, а отъ имени того, у кого тотъ или другой изгой былъ захребетникомъ или подсусѣдникомъ; впрочемъ таковый дворъ не дѣлалъ изгоя членомъ той общины, въ которой онъ жилъ, община его не знала и не налагала на него никакихъ общинныхъ обязанностей и не давала никакихъ правъ, кромѣ права на свободную жизнь и работу у того или другаго члена общины; его знала только та семья, при которой онъ жилъ; домохозяинъ семьи только былъ членомъ общины и несъ общинныя повинности и за свою семью и за захребетниковъ или подсусѣдниковъ; захребетники же и подсусѣдники отвѣчали только передъ нимъ, хотя они и были людьми свободными и могли безпрепятственно отойти отъ хозяина и сами поступить въ члены общины, ежели имѣли средства и силы принять на себя общинныя обязанности.

Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, будучи членами своихъ общинъ, считаясь полноправными людьми въ Новгородскомъ обществѣ и въ Новгородѣ, равно какъ и въ пригородахъ, имѣли своихъ представителей и свой голосъ на вѣчахъ;

они несли всѣ общественныя обязанности наровнѣ съ боярами и купцами, разумѣется, только въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ они были меньшими людьми и имѣли меньше средствъ; ибо въ Новгородскомъ государствѣ раскладка всѣхъ повинностей и податей производилась по капиталамъ приносящимъ хозяину доходъ, а не по головамъ. Въ селахъ точно также крестьянскія общины имѣли своихъ старостъ и свое земское управленіе и судъ, и каждый членъ общины, каждый домохозяинъ имѣлъ голосъ на сельскомъ вѣчѣ или сходкѣ и участвовалъ въ выборѣ общинныхъ начальниковъ, въ раскладкѣ податей и другихъ общественныхъ дѣлахъ.

По черныя общины, какъ городскія, такъ и сельскія, будучи меньшими, молодшими, почти всегда подчинялись старѣйшимъ, т. е. боярамъ и купцамъ и шли за ними. Такъ въ Новгородѣ и въ пригородахъ, какъ мы уже видѣли, каждая улица и каждый конецъ имѣли своихъ бояръ и своихъ купцовъ, съ которыми за одно дѣйствовали и черные люди въ общественныхъ дѣлахъ; даже по закону, какъ свидѣтельствуетъ Всеволодова уставная грамота, черные люди въ уличанскихъ общинахъ неимѣли своихъ выборныхъ изъ своего класса старостъ, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь городъ изъ бояръ, слѣдовательно были поставлены и по закону въ нѣкоторую зависимость отъ своихъ старѣйшихъ уличанъ. Въ селахъ же большая часть крестьянскихъ поселеній была на земляхъ богатыхъ землевладѣльцовъ, бояръ или купцовъ; слѣдователь-

по тамошнія черныя общины уже по самой землѣ были въ большей или меньшей зависимости отъ своихъ землевладѣльцовъ вотчинниковъ. Да и тѣ сельскія общины черныхъ людей, которыя селились на общинныхъ, а не владѣльческихъ земляхъ, были въ нѣкоторой зависимости отъ старшихъ, т. е. богатыхъ землевладѣльцовъ, частію по своей волѣ ища у нихъ покровительства, частію, какъ мы уже видѣли, потому, что и по закону богатые землевладѣльцы въ качествѣ скотниковъ и помужниковъ имѣли довольно значительную земскую власть и надъ землями черныхъ людей, находящихся въ той мѣстности, гдѣ были ихъ поземельныя владѣнія. Кромѣ того Новгородъ нерѣдко отдавалъ черныя сельскія общины въ кормленье своимъ служилымъ людямъ изъ бояръ, а съ симъ вмѣстѣ общины сіи конечно поступали въ большую или меньшую зависимость отъ своихъ кормленщиковъ Вообще въ Новгородѣ, гдѣ по преимуществу всѣмъ завѣдывала аристократія, черные или меньшіе люди хотя и были полноправными и принимали дѣятельное участіе на общемъ вѣчѣ, на которомъ рѣшались судьбы Новгородской земли, тѣмъ не менѣе состояли въ большей зависимости отъ старшихъ, отъ бояръ и частію отъ купцовъ. Но эта зависимость не столько была юридическая, установленная закономъ, сколько нравственная, основанная на довѣріи младшихъ къ старшимъ, и бытовая или экономическая, по которой бѣдные глядѣли изъ рукъ у богатыхъ. Впрочемъ эта зависимость не мѣшала младшимъ воз-

ставать на старшихъ и заявлять свои права, какъ скоро старшіе нарушали довѣріе какими либо неправдами и сильными притѣсненіями; при чемъ разумѣется старшимъ доставалось порядкомъ: иные за свои неправды платились жизнію, иные изгнаніемъ и разграбленіемъ ихъ имуществъ; чему конечно много помогали постоянныя партіи и ссоры между старшими, отъ чего и происходило, что младшіе почти всегда находили себѣ старшихъ, принимавшихъ ихъ сторону противъ притѣснителей. Такъ напримѣръ въ 1209 году Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія посадникомъ Дмитромъ Мирошкиничемъ и его партіею старшихъ, поддерживаемою княземъ Суздальскимъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, составили вѣче, и на этомъ вѣчѣ осудили Дмитра и его товарищей въ томъ, что они повелѣли собирать на Новгородцовъ серебро, а по волости собирали куны, а съ купцовъ дикую виру и повозы, и учинили другія обиды и притѣсненія; потомъ прямо съ вѣча пошли грабить ихъ дворы, при чемъ Мирошкинъ и Дмитровъ дворъ зажгли, захватили все ихъ имущество, а села и рабовъ ихъ распродали и набрали такое множество богатства, что при дѣлежѣ досталось по три гривны на человѣка, а кто сколько взялъ тайно, о томъ Богъ вѣсть, только многіе отъ того разбогатѣли; что же нашли по счетамъ въ долговыхъ книгахъ, то отдали князю. Въ этомъ возстаніи руководителями меньшихъ были пріятели Твердислава, которому вѣче тутъ же поручило посадничество. Или въ 1230 году, во вре-

мя народнаго возстанія на посадника Водовика и его партію бояръ, дѣло началось убіеніемъ Водовикова пріятеля боярина Семена Борисовича (самъ же Водовикъ тогда былъ съ княземъ въ Торжкѣ); потомъ черные люди, руководимые бояриномъ Степаномъ Твердиславичемъ, разграбили домы убитаго Семена, Водовиковъ, брата его Михаля, Даньслава, тысяцкаго Бориса и многихъ другихъ ихъ сторонниковъ; за тѣмъ все имѣніе ихъ раздѣлили по сотнямъ, посадничество же дали Степану Твердиславичу и тысяцкое Никитѣ Петриловичу. Или въ 1255 году, при нашествіи на Новгородъ Александра Невскаго, младшіе, т. е. черные люди, замѣтивъ, что бояре тайно сносятся съ княземъ, отдѣлились отъ старшихъ и стали особымъ полкомъ у церкви св. Иліи, и составивъ отдѣльное вѣче, цѣловали святую Богородицу, какъ стать всѣмъ любо въ животъ, любо въ смерть, за правду Новгородскую, за свою отчину, и стояли полкомъ три дня, и на четвертый день разошлись только тогда, когда князь заключилъ миръ.

Собственно юридическія, закономъ опредѣленныя права меньшихъ, или черныхъ людей въ Новгородѣ, относительно общественныхъ дѣлъ, были почти одинаковы съ правами старшихъ или вящшихъ людей. 1. Меньшіе или черные люди на вѣчѣ имѣли такое же участіе какъ и вящшіе люди; ихъ голосъ имѣлъ такую же силу, какъ и голосъ вящшихъ или старѣйшихъ, и при несогласіи меньшихъ съ большими вѣче распадалось и составлялось два вѣча, и дѣло

кончалось или битвой на улицахъ, или умиротворительнымъ вмѣшательствомъ владыки и духовенства, которое въ такомъ случаѣ выходило въ полныхъ облаченіяхъ, съ церковными хоругвями, иконами и крестами; слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ взаимнымъ согласіемъ большихъ и меньшихъ; но одни большіе безъ меньшихъ не могли держать вѣча и рѣшать дѣло. 2. Меньшіе вмѣстѣ съ большими участвовали въ защитѣ Новгородской земли и во всѣхъ военныхъ походахъ; такъ мы читаемъ въ лѣтописи подъ 1216 годомъ, между Новгородцами, убитыми на Липецкомъ бою, Антона котельника и Ивана опонника, т. е. ремесленниковъ принадлежащихъ къ классу черныхъ людей. 3. Представители меньшихъ на равнѣ съ представителями большихъ вели переговоры съ сосѣдними князьями, участвовали въ посольствахъ и даже договорныя граматы Новгорода заключались отъ имени большихъ и меньшихъ. Такъ напримѣръ въ договорной Новгородской грамотѣ, заключенной съ Тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ въ 1265 году, читаемъ: „Благословеніе отъ владыки, поклоняніе отъ посадника Михаила и отъ тысяцкаго Кондрата и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю Ярославу.“ Или въ договорной грамотѣ 1317 года сказано: „отъ посадника отъ Михаила, отъ тысяцкаго Матвѣя, отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Новгорода, послали Новгородъ Юрья и Якима къ князю къ Михайлѣ на Тверь, а велѣли миръ имати на семъ.“ Или въ договорной грамотѣ Новгорода съ

великимъ княземъ Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ, заключенной въ 1370 году, даже поименованы особые посланники отъ черныхъ людей; грамота начинается такъ: „Се пріѣхали ко мнѣ, къ великому князю Дмитрію Ивановичу всеа Русіи, отъ отца моего владыки Алексѣя, и отъ посадника Юрья, и отъ тысяцкаго Олисѣя, и отъ всего Новгорода, Иванъ посадникъ, Василій Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ поповичь, Василей Агафоновъ. Кончалъ есмь съ своими мужи, въ одиначество и цѣловали есмы крестъ". Впрочемъ, какъ мы уже видѣли, юридическая одноправность меньшихъ съ большими неизбавляла первыхъ отъ зависимости къ послѣднимъ; и хотя большіе ни на одномъ вѣчѣ не могли провести закона, который бы умепьшилъ или уничтожилъ равноправность черныхъ людей, тѣмъ не менѣе всегда находили средства руководить черными людьми по своимъ видамъ; такъ что при всякомъ возстаніи черныхъ людей на бояръ, или большихъ людей, борьба кончалась тѣмъ, что черный народъ поражалъ одну боярскую партію, и въ тоже время подчинялся другой также боярской партіи, которая держала его сторону во время возстанія.

Исчисленные нами три класса Новгородскихъ гражданъ: бояре, купцы и черные люди, еще не даютъ полнаго понятія о составѣ Новгородскаго общества; за этими классами была еще огромная масса Новгородскихъ людей, состоящихъ подъ Новгородскимъ закономъ, пользующихся полными правами личности; но въ тоже время имѣющихъ свои особенности, по

которымъ они вполнѣ не причислялись къ помянутымъ тремъ классамъ. Особенности сіи главнымъ образомъ состояли въ томъ, что сія масса Новгородскихъ людей не имѣла по закону никакой общественной организаціи, не несла никакихъ общественныхъ обязанностей отъ своего имени, не принимала въ общественныхъ дѣлахъ никакого участія, признаннаго закономъ, и большею частію даже не имѣла за собою земли отъ своего имени; въ этой массѣ были и свои богачи и свои бѣдняки, она собственно состояла изъ двухъ разрядовъ людей: изъ вольныхъ людей и повольниковъ.

Вольные люди.

Вольными людьми въ Новгородѣ назывались тѣ, которые несостояли членами ни въ какой общинѣ, и потому не несли никакихъ общинныхъ обязанностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ разумѣется не пользовались и тѣми правами, которыя община даетъ своимъ членамъ. Новгородское вѣче и власти имъ поставленныя какъ бы не знали о существованіи вольныхъ людей, или по крайней мѣрѣ не имѣли къ нимъ прямыхъ отношеній; вольный человѣкъ состоялъ только подъ покровительствомъ Новгородскихъ законовъ, которые защищали его отъ обидъ; онъ могъ требовать суда и защиты, когда кто его обижалъ, а равнымъ образомъ и самъ отвѣчалъ передъ закономъ, когда являлся нарушителемъ чьихъ либо правъ; далѣе этаго отношенія вольнаго человѣка къ власти и закону не простирались. Ему была предоставлена полная свобода заниматься чѣмъ хочетъ, жить какъ знаетъ и тамъ гдѣ его примутъ, для него была открыта вся Новго-

родская земля и Новгородскія волости; онъ имѣлъ полное право странствовать изъ края въ край по всѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ, и пока не хотѣлъ этого самъ, не былъ привязанъ ни къ одной Новгородской мѣстности; по закону ему никто не могъ сказать, что ты не смѣешь выйдти изъ такого то села, или изъ такого-то города, или изъ такого то двора; ежели онъ самъ не принялъ на себя обязанности жить у какого либо домохозяина

Къ вольнымъ людямъ во первыхъ принадлежали всѣ младшіе члены семействъ, не выдѣлившіеся еще изъ семьи и состоящіе подъ властію родителей, или того старшаго родственника, котораго семья признала своимъ домохозяиномъ; они оставались на правахъ вольныхъ людей до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены общины, не дѣлались самостоятельными домохозяевами, или выдѣлившись изъ семьи, или заступивши въ семьѣ мѣсто домохозяина. Таковое положеніе было одинаково для младшихъ членовъ, какъ въ богатыхъ семействахъ, такъ и въ бѣдныхъ; и сынъ богатаго боярина одинаково съ сыномъ бѣднаго селянина считался вольнымъ человѣкомъ, пока не сдѣлался самостоятельнымъ домохозяиномъ; общество и законъ не признавали его еще боярином, а только еще сыномъ боярина, и посему онъ нещитался еще членомъ Новгородскаго общества, и ни вѣче, ни власти, поставленныя вѣчемъ, не имѣли къ нему отношеній и какъ бы не знали его. Въ переписныхъ Новгородскихъ книгахъ обыкновенно писалось такъ: „домъ Якова Петровича Тучина, а у

Якова дѣти Иванъ, Петръ, Семенъ, Кузма, да внуки его Ивановы дѣти, Яковъ, Борисъ, Никита и подобп. И по дому и по имѣнью, какъ бы оно ни было велико, отвѣчалъ только самъ домохозяинъ, а не его дѣти, хотя бы взрослые, самъ же только хозяинъ имѣлъ голосъ и на вѣчѣ, сыновья же, хотя бы взрослые, пока не заводили собственпаго отдѣльнаго хозяйства, не имѣли голоса на вѣчѣ, и не могли участвовать въ немъ; они были вольными людьми, не связанными никакими общественными обязанностями. Вторый разрядъ вольныхъ людей составляли люди уже выдѣлившіеся изъ родительскихъ семействъ, по не поступившіе въ члены ни въ одну общину и и не имѣющіе ни земли, ни домохозяйства отъ своего имени; это были почти сплошь бѣдняки, или люди начинающіе только разживаться. Одни изъ нихъ ходили изъ края въ край Новгородской земли, питаясь ручною работою и разными мастерствами, какія кто зналъ; кто ходилъ по селамъ учить ребятишекъ грамотѣ, кто читалъ псалтырь надъ покойниками, кто портняжничалъ и переходилъ съ своимъ мастерствомъ изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, кто былъ шерстобитомъ и тоже таскался по деревнямъ, кто промышлялъ другимъ какимъ ремесломъ, кто присоединялся къ той или другой бродячей ватагѣ скомороховъ и таскался съ ними по городамъ и селамъ, плясалъ, пѣсельничалъ, игралъ на гудкѣ, или на другомъ какомъ инструментѣ и занималъ любителей веселья прибаутками и другими скоморошьими продѣлками, и тѣмъ добывалъ себѣ деньгу и

кормился. Это большею частію былъ самый буйный и безпокойный отдѣлъ вольныхъ людей въ Новгородѣ; тутъ выращивались отчаянные пьяницы и гуляки, кулачные бойцы, непрошенные посѣтители чужихъ кармановъ и сундуковъ; отсюда выходили отчаянные молодцы, поджидавшіе путниковъ и обозы по лѣсамъ и большимъ дорогамъ; это былъ собственно произвольный и неугомонный пролетаріатъ Новгорода, самый горючій матеріалъ для всѣхъ возможныхъ мятежей и безпорядковъ.

Но къ счастію Новгорода, это бродячая и буйная масса людей далеко не вся оставалась постоянно въ своемъ безпріютномъ положеніи; наибольшая часть этой неугомонной вольницы, перебѣсившись и наскучивъ своею безпріютною и бродячею жизнію, съ лѣтами старалась гдѣ нибудь пріютиться и осѣсться, и такимъ образомъ поступала во второй отдѣлъ втораго разряда вольныхъ людей; иные дѣлались работниками у зажиточныхъ хозяевъ, другіе изъ нихъ поступали въ подсусѣдники и захребетники; они хотя по прежнему не были членами общины и не несли никакихъ общинныхъ обязанностей и были людьми вольными, за нихъ отвѣчали въ общину хозяева и они жили у хозяевъ по взаимному условію; но они уже могли имѣть свои дворы и свои участки земли на имя хозяина и обзаводиться своимъ хозяйствомъ; ихъ положеніе было уже не прежнее безпріютное и бродячее; они уже были не далеки отъ того, чтобы поступить въ члены общины; и община, ежели находила ихъ людь-

ми мирными и заботящимися о хозяйствѣ, всегда охотно принимала ихъ, какъ людей уже извѣстныхъ, надѣляла участками земли и на первые годы съ значительными льготами въ податяхъ и повинностяхъ. Наконецъ у Новгорода было и еще средство и очень важное избавляться отъ буйной вольницы; это средство составляло повольничество, куда большею частію сбывалась самая буйная и неугомонная молодежъ, которая не успѣла еще перебѣситься и приладиться къ мирной трудовой жизни, и которая по характеру своему или по обстоятельствамъ жизни безъ повольничества долго еще не могла бы придти въ себя, отрезвиться и полюбить мирный трудъ.

Повольники Новгородскіе.

Повольничество было одно изъ древнѣйшихъ учрежденій Новгорода, незнакомое другимъ Славянскимъ племенамъ на Руси. Скандинавскія саги упоминаютъ о Новгородскихъ повольникахъ еще задолго до приглашенія Рюрика Новгородцами. Новгородскіе повольники были тоже самое, что Викинги въ Скандинавіи; они уже не составляли пестрой массы вольныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ, а напротивъ, уже принадлежали къ извѣстному организованному обществу, считались его членами, несли извѣстныя обязанности, налагаемыя этимъ обществомъ, и какъ члены общества пользовались опредѣленными и довольно большими правами. Но общество повольниковъ еще не было Новгородскою общиною, а составляло только дружину, въ которой члены были связаны другъ

съ другомъ одними личными отношеніями, обѣщаніемъ стоять другъ за друга и клятвою, или ротою, не измѣнять дружинѣ ни въ какихъ опасностяхъ. не выдавать товарищей; постоянныхъ же имущественныхъ отношеній у нихъ еще не было, ибо ни одна дружина повольниковъ не имѣла своей земли.

Въ повольники легко и безпрепятственно могъ поступить каждый вольный человѣкъ, не связанный съ общиной, и богатый, и бѣдный, и изъ боярской или купеческой фамиліи, и изъ черныхъ людей; не спрашивалось ни о состояніи ни о пропзхожденіи пришельца, а требовались только сила, ловкость и охота; и посему дружины повольниковъ обыкновенно составлялись изъ самой буйной и неугомонной молодежи, которая не знала куда дѣваться съ своею силою и молодечествомъ; у кого душа не терпѣла обузы скучныхъ житейскихъ обязанностей, а просилась на волю погулять по бѣлому свѣту, людей посмотрѣть и себя показать; у кого молодая кипучая кровь не боялась никакихъ трудностей. никакихъ опасностей, лишь бы трудъ былъ свободенъ и велъ за собою полный разгулъ, лишь бы забота не глодала сердца. Предводителями и собирателями повольничьихъ дружинъ преимущественно были сыновья богатыхъ бояръ и купцовъ Новгородскихъ, которые бы могли хорошо вооружить и на первое время содержать дружину на свой щетъ. Но случалось, что собирали дружины повольниковъ и люди не очень богатые, впрочемъ только въ такомъ случаѣ, когда собиратель уже не разъ бывалъ въ отдаленныхъ

походахъ и прославился подвигами своего удальства и молодечества, когда о его удали уже пѣлись пѣсни скоморохами. Къ таковому молодцу и богатая молодежъ охотно шла въ ротники и даже сами отцы этой молодежи помогали ему своими матеріальными средствами на содержаніе дружины; ибо видѣли въ немъ надежнаго руководителя своихъ сыновей въ дальнихъ и опасныхъ странствованіяхъ. Повольничество, хотя и было иногда соединено и съ грабежами и съ разбойничествами и разными буйствами, не только не считалось безчестнымъ, но и пользовалось большимъ уваженіемъ у Новгородцовъ; какъ въ Скандинавіи Викингамъ, такъ въ Новгородѣ повольникамъ пѣлись даже пѣсни, въ которыхъ прославлялись ихъ удалые подвиги. И молодые люди изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій, достигнувъ осьмнадцати или двадцатитѣтняго возраста, другъ передъ другомъ спѣшили собирать дружины удалыхъ молодцовъ и съ ними пробовать свою удаль гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ, въ древности на Варяжскомъ морѣ, а попозднѣе на Волгѣ или на берегахъ студенаго моря.

И дѣйствительно повольникъ хотя иногда и грабилъ и убивалъ людей и былъ страшенъ для купеческихъ каравановъ, тѣмъ не менѣе по тогдашнимъ понятіямъ онъ не былъ безчестнымъ разбойникомъ и пьянымъ головорѣзомъ, котораго бы нельзя принять въ порядочномъ обществѣ и стоило только сбросить съ Волховскаго моста или вздернуть на висѣлицу. Напротивъ того, отъ Новгородскаго повольника тре-

бовалось, чтобы онъ былъ человѣкомъ образованнымъ по тогдашнимъ понятіямъ, ловкимъ, учтивымъ и умѣющимъ вести себя съ достоинствомъ, въ какомъ угодно обществѣ; повольникъ долженъ былъ горячо любить родину и заботиться о славѣ господина Великаго Новгорода, онъ долженъ быть великодушнымъ и защищать нещастныхъ людей отъ обидъ и притѣсненій; разумѣется это великодушіе должно было оказывать къ Русскимъ людямъ православнымъ христіанамъ, а отнюдь не къ собакамъ бусурманамъ. Довольно вѣрный и полный типъ Новгородскаго повольника представляетъ намъ извѣстная народная былина объ Акундинѣ Акундиновичѣ. Былина называетъ Акундина сыномъ Новгородскаго посадника Акундина Путятича. Молодой человѣкъ, наскучивъ сидѣть дома или таскаться по Новгородскимъ улицамъ, снаряжается въ дальній безвѣстный походъ, - людей посмотрѣть и себя показать. „И садится, говоритъ былина, Акундинъ на суденышко оснащеное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовыя, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волхову по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня; и прибыло суденышко ко круту бережку. На ту пору Акундинъ пробуждается отъ сна, а самъ съ собой думу думаетъ: а и что то за городъ, а и что то за люди?“ Узнавши и осмотрѣвши, что за земля, повольникъ Акундинъ, какъ истый Новгородецъ, какъ вѣрный и преданный сынъ Новгорода, прежде всего думаетъ и говоритъ про се-

бя: а кабы ту сторону Рязань, т. е. открытую имъ страну, покорить Новгороду. Далѣе Акундинъ, какъ настоящій повольникъ, подобно Скандинавскимъ королямъ моря, человѣкъ благовоспитанный, учти во обходится съ встрѣтившимся на берегу Оки старцемъ, въ которомъ изъ разговоровъ узнаетъ своего роднаго дядю Замятню Путятича, а еще учтивѣе и съ достоинствомъ ведетъ себя передъ княземъ Рязанскимъ и его боярами. Подошедши къ городу Ростиславлю, осажденному Татарами, Акундинъ вступается за нещастныхъ Ростиславльцевъ, и нещадя себя, сражается съ Татарами и освобождаетъ Ростиславль отъ осады; пріѣхавши въ Кіевъ, онъ заставляетъ калекъ перехожихъ пѣть славу Новгорода. Наконецъ возвратившись домой послѣ долгаго странствованія, повольникъ Акундинъ съ молодою и богатою женою начинаетъ жить мирною степенною жизнію Новгородскаго гражданина, самостоятельнаго члена одной изъ Новгородскихъ общинъ. Конечно, не всѣ повольники были подобны представленному въ былинѣ Акундину Акундиновичу; но то несомнѣнно, что Акундинъ представленъ какъ идеалъ Новгородскаго повольника, къ которому живые повольники только приближалися по мѣрѣ силъ, и по всему вѣроятію ни одинъ живый повольникъ не подходилъ къ идеалу вполнѣ, какъ это всегда бываетъ у людей. Но идеалъ повольника, изображенный въ былинѣ Акундина, самъ по себѣ безукоризненъ: въ немъ нѣтъ и тѣни грязи, даже не упоминается ни о буйствахъ, ни о грабежахъ, безъ

которыхъ едвали когда обходились живые поволь-ники; слѣдовательно Новгородъ въ повольничествѣ хотѣлъ видѣть главнымъ образомъ не грабежи и буйство молодыхъ людей на чужой сторонѣ, а спод-ручное средство дать буйной молодежи случай исправиться, перебѣситься, и въ тоже время выз-вать ее на дѣятельность вполнѣ согласную съ тре-бованіями молодости, жадной до подвиговъ и опа-постей, и не терпящей строгости и надзора стар-шихъ Старики Новгородскіе, выросшіе сами не на печкѣ у матушки, хорошо понимали, вѣроятно ими же сложенную пословицу —„нужда научитъ калачи ѣсть а чужа дальняя сторона прибавитъ ума разума,“ и крѣпко держались ее; а посему охот-но отпускали буйную молодежъ повольничать на чужой сторонѣ даже помогали своими средствами при сборѣ дружины повольниковъ, особенно еже-ли выискивался предводитель человѣкъ бывалый и надежный; на грабежи же и буйство, которымъ предавалась молодежь на чужой сторонѣ, не обра-щали вниманія; ибо знали, что все это пройдетъ и надоѣстъ само собою, а опытность, осмотритель-ность и находчивость, которую молодой человѣкъ, предоставленный самому себѣ на чужой сторонѣ пріобрѣтетъ по необходимости, останется за нимъ навсегда и приведетъ съ собою солидность, степен-ность и любовь къ порядку.

Какъ думали старики, такъ и оправдывалось на дѣлѣ. Повольники большею частію и грабитель-ство и буйство оставляли на чужой сторонѣ, домой

же приносили тѣ выгоды, которыя доставляло повольничество. Съ одной стороны повольники, предоставленные самимъ себѣ съ раннихъ лѣтъ пріучались дѣйствовать самостоятельно: привыкши лицомъ къ лицу встрѣчать всякую опасность и отыскивать средства къ защитѣ и побѣдѣ только въ самихъ себѣ, въ собственной смѣтливости, ловкости и мужествѣ, они въ сильной степени развивали свою личность, дѣлались людьми твердыми, дѣйствующими по убѣжденію и съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Такимъ образомъ повольничество было искони разсадникомъ такихъ людей, какіе были нужны для Новгородскаго общества; Новгородъ при помощи повольничества пріобрѣталъ для себя гражданъ обогащенныхъ опытностію, людей бывалыхъ, которыхъ можно было употребить на какое угодно дѣло, которые въ случаѣ нужды привычно встрѣтятъ любую опасность и найдутся какъ отразить ее. Съ другой стороны молодежъ, составлявшая повольничество, въ своихъ странствованіяхъ по чужимъ землямъ открывала для Новгородской торговли новыя земли и новые рынки; она знакомилась съ племенами отдаленными, болѣе или менѣе узнавала въ чемъ они нуждаются и чего у нихъ было много. Возвратившись на родину, повольники по миновапіи разгульнаго возраста, наскучивши буйствомъ, принимали участіе въ занятіи своихъ старшихъ соотечественниковъ; и какъ люди бывалые, опытные, или сами начинали торговлю на свои капиталы, можетъ быть соб-

ранные изъ добычь, пріобрѣтенныхъ во время удалыхъ походовъ, или дѣлались помощниками старшихъ, водили ихъ караваны въ новооткрытыя земли Кромѣ того, повольники. имѣя постоянно въ виду выгоды и славу своего господина Великаго Новгорода, естественно не опускали случаевъ и разпространить Новгородскія владѣнія, сему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что ни одно изъ Славянскихъ племенъ на Руси, не смотря на обычную и дѣятельную торговлю иныхъ, по неимѣнію повольничества, нераспространило такъ далеко, своихъ владѣній, какъ распространили ихъ Новгородцы съ своими повольниками. Былина недаромъ приписала Акундину желаніе покорить Новгороду только что открытую имъ самимъ широкую Рязань: это желаніе было общимъ для всякаго повольника открывшаго какую нибудь землю.

Все это ставило повольничество въ почетное положеніе въ Новгородскомъ обществѣ, не смотря на наружную разпущенность повольниковъ; о нихъ не только складывались и пѣлись пѣсни, частію дошедшія до насъ; но даже иные походы повольниковъ заносились въ лѣтописи, наряду съ другими историческими событіями Новгородской жизни. До нашего времени дошелъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ извѣстій о повольничьихъ походахъ, гдѣ разказывается о повольникахъ то подъ именемъ молодцовъ, то подъ именемъ молодыхъ людей, а съ XIV столѣтія подъ именемъ ушкуйниковъ отъ особаго вида употребляемыхъ ими лодокъ, называ-

мыхъ ушкуями, точно также какъ Скандинавскіе Викинги получили свое названіе отъ Скандинавскаго слова Wikar, „морской заливъ“, гдѣ они скрывались съ своими ладьями. Лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородскихъ повольниковъ очень важны для исторіи, какъ достовѣрныя свидѣтельства о существованіи повольниковъ въ Новгородѣ и ихъ походахъ, такъ и по тѣмъ чертамъ, разсыпаннымъ въ нихъ, которыя характеризуютъ какъ самихъ повольниковъ, такъ и ихъ отношеніи къ Новгородскому обществу. Самое старшее лѣтописное извѣстіе о Новгородскихъ повольникахъ относится къ 1064 году, изъ котораго узнаемъ, что повольники Порей и Вышата, сынъ посадника Остромира, собравши дружину удальцовъ, добыли Тмутараканское княжество проживавшему въ Новгородѣ безземельному князю Ростиславу Владимировичу, выгнавши изъ Тмутаракани тамошняго князя Глѣба Святославича Этотъ древнѣйшій походъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ повольничьихъ походовъ былъ въ тоже время одинъ изъ самыхъ отважныхъ походовъ; повольники должны были вести князя Ростислава или чрезъ всю Русскую землю, занятую князьями недружелюбными къ Ростиславу, или чрезъ обширныя степи, гдѣ были разсыпаны кочевья Половцевъ, Печенеговъ и другихъ недружелюбныхъ и разбойничьихъ племенъ. Потомъ лѣтопись подъ 1186 годомъ, упоминаетъ о походѣ Новгородскихъ повольниковъ въ южную Финляндію, [illegible] воинственнымъ племенемъ Еми; объ этомъ

походѣ лѣтопись говоритъ: ходила на Емь дружина молодцовъ, собранная Вышатою Васильевичемъ, и воротилась благополучно, добывши полона. Далѣе въ 1219 году, дружина повольниковъ въ 400 человѣкъ, собранная Семьюномъ Еминымъ, ходила зимою на Тоймакары, и была прогнана съ дороги Суздальскимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ; эта дружина, воротившись въ Новгородъ, стала лагеремъ, и по согласію съ своими сторонниками, подняла бунтъ на посадника Твердислава и тысяцкаго Семена Борисовича. Или еще прежде, въ 1193 году, повольники съ воеводою Ядреемъ ходили въ отдаленную Югру и большею частію были тамъ избиты, по оплошности воеводы и по измѣнѣ товарищей. Немногіе оставшіеся отъ избіенія, воротившись въ Новгородъ на другой годъ, сами казнили тѣхъ изъ своихъ товарищей, которыхъ подозрѣвали въ измѣнѣ: и Новгородское общество не вступилось въ это дѣло, ибо повольники, какъ люди вольные, не принадлежали ни къ одной Новгородской общинѣ, и управлялись своимъ дружиничимъ судомъ Въ 1267 году, дружина Новгородскихъ повольниковъ, собранная Елеферіемъ Сбыславичемъ, помогала Довмонту князю Псковскому грабить Литовскую землю. А въ 1292 году, повольники собрались по приглашенію воеводъ Новгородскаго князя и подъ ихъ предводительствомъ ходили воевать землю Еми и, пограбивши Емь, возвратились домой благополучно. Говоря объ этомъ походѣ, лѣтопись называетъ повольниковъ прямо

молодцами: „ходиша молодьцы Новгородскіе съ княжими воеводами“. Такимъ образомъ за XI, XII и XIII столѣтія лѣтопись отмѣтила шесть повольничьихъ походовъ. которые направлены были и на югъ и на западъ и на сѣверо-востокъ отъ Новгорода, и въ трехъ изъ нихъ повольники являлись помощниками князей какъ Новгородскихъ, такъ и постороннихъ. Кажется къ разряду повольничьихъ походовъ должно отнести и походъ Милонѣга, бывшаго въ послѣдствіи Новгородскимъ тысяцкимъ, на помощь Суздальскому князю Всеволоду противъ Глѣба Рязанскаго, бывшій въ 1177 году Объ этомъ походѣ Суздальская лѣтопись говоритъ: „пріѣхали къ Всеволоду Новгородцы Милонѣжкова чадь, и рѣкоша ему: княже! не ходи безъ Новгородскихъ сыновъ, пойди на него за одно съ нами“. Здѣсь названіе Новгородцовъ, пришедшихъ на помощь къ Всеволоду, Милонѣжковою чадью, прямо указываетъ, что это была дружина Новгородскихъ повольниковъ, собранная и вооруженная Милонѣгомъ въ помощь Всеволоду, который въ послѣдствіи помогалъ Милонѣгу въ Новгородѣ, какъ своему сторонику и союзнику.

Но особенно обиленъ лѣтописными извѣстіями о походахъ Новгородскихъ повольниковъ XIV вѣкъ. Такъ Повгородская лѣтопись подъ 1338 годомъ говоритъ: „Молодьцы Новгородскіе съ воеводами ходили воевать Городецкую Корѣлу Нѣмецкую, опустошили много земли, сожгли весь хлѣбъ, изсѣкли скотъ и возвратились домой всѣ благополучно съ

множествомъ плѣнниковъ Потомъ таже лѣтопись упоминаетъ подъ 1340 годомъ: Молодьцы Новгородскіе ходили въ лодьяхъ на Устюжну, повоевали тамошнюю страну, сожгли городъ; но Устюжане, собравшись съ силами, нагнали ихъ лодьи и отняли плѣнниковъ и добычу Потерпѣвъ такую неудачу здѣсь, повольники бросились къ Бѣлу озеру и ограбили тамошнюю волость. А еще прежде въ 1320 году, предводитель дружины повольниковъ Лука, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Игнатомъ Молыгинымъ, двумя отрядами ходили на Мурманъ, т. е. въ сѣверную Норвегію, вѣроятно изъ Заволочья, и ушкуи Молыгина были избиты Нѣмцами, т. е. Норвежцами. Въ 1360 году Новгородскіе повольники, названные въ Никоновской лѣтописи Новгородскими разбойниками, взяли и опустошили Татарскій городъ Жукотинъ, избили тамъ множество Татаръ и захватили большую добычу; этимъ набѣгомъ повольники такой навели страхъ на Жукотинскихъ князей, что тѣ послали челобитье въ Орду къ хану Хидырю. чтобы онъ оборонилъ ихъ. И Хидырь отправилъ посольство къ Русскимъ князьямъ съ приказаніемъ переловить и прислать къ нему этихъ разбойниковъ; и князья Владимирскій, Нижегородскій и Ростовскій, по ханскому приказу ходили ратью на повольниковъ, продолжавшихъ свои грабежи, и тѣхъ изъ нихъ, которыхъ успѣли переловить, выдали ханскимъ посламъ. Въ 1364 году Новгородскіе повольники, молодежъ изъ боярскихъ сыновей и другихъ удальцовъ, собранные Александ-

ромъ Аввакумовичемъ (*) и Степаномъ Ляпою, ходили двумя дружинами въ Югорскую землю и одни воевали внизъ по рѣкѣ Оби до моря, а другіе вверхъ по Оби. На возвратномъ пути Двиняне, вѣроятно хотѣвшіе завладѣть ихъ добычею, загородили было имъ дорогу, но они разбили и Двинянъ на Курьи. Въ 1366 году тотъ же удалый вождь повольныхъ дружинниковъ, съ товарищами своими Іосифомъ Варѳоломѣевичемъ (**) и Васильемъ Ѳедоровичемъ, водилъ повольниковъ въ ушкуяхъ на Волгу и пробрался до Нижняго Новгорода, грабя встрѣчающіеся по дорогѣ купеческіе караваны Бесермень. И когда разгнѣванный такимъ грабежемъ великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ обвинялъ въ этомъ Новгородское правительство то господинъ Великій Новгородъ отвѣчалъ въ свое оправданіе: „ходили на Волгу молодые люди безъ нашего слова (самовольно); но твоихъ гостей не грабили, а только били Бесермень". Въ этомъ отвѣтѣ слышится рѣчь въ оправданіе повольниковъ. Новгородцы не только необвиняютъ ихъ своеволіе (по Новгородски законное): но и стараются ихъ защитить, говоря что молодые люди били и грабили Бесерменъ, т. е. такихъ собакъ, за которыхъ и вступаться не стоитъ. Въ 1369 году новая дружина повольниковъ въ десяти ушкуяхъ, опять ходила на Волгу, пробиралась до Камы и была побита Татарами подъ Болгаромъ; а въ слѣдующемъ

(*) Сынъ боярина съ Чудинцовой улицы.
(**) Сынъ посадника Варѳоломѣя.

году повольники два раза ходили на Волгу и произвели страшные грабежи. Чрезъ два же года послѣ сего удалый предводитель повольниковъ Александръ Аввакумовичъ получилъ отъ Новгородскаго вѣча главное воеводство надъ ратью, посланною защищать Торжекъ противъ Тверскаго князя Михаила Александровича, и въ первой же отчаянной схваткѣ съ Тверичами легъ костью за св. Софію и за своего господина, Великій Новгородъ; а братья Александра чрезъ нѣсколько лѣтъ были посадниками въ Новгородѣ; слѣдовательно Александръ Аввакумовичъ принадлежалъ къ знаменитой боярской фамиліи въ Новгородѣ, и молодые люди знатныхъ боярскихъ фамилій и въ XIV столѣтіи еще небрезговали повольничествомъ. Въ 1375 году какіе то Прокопій и Смольнянинъ, вѣроятно прежніе спутники Александра Аввакумовича, собрали дружину повольниковъ въ семьдесять ушкуевъ и по прежнему пошли гулять по Волгѣ, взяли и разграбили Кострому, прожили тамъ недѣлю, наполнили свои ушкуи драгоцѣннѣйшею добычею и плѣнниками, а что подешевлѣ, то побросали въ Волгу или сожгли; потомъ отъ Костромы пошли Волгою къ Нижнему Новгороду и его также разграбили и сожгли; затѣмъ проникли въ Каму и, пограбивши тамъ, опять воротились въ Волгу, подошли къ городу Болгару, продали тамъ плѣнниковъ и внизъ Волгою спустились къ Сараю, грабя по дорогѣ караваны христіанскихъ, т. е Русскихъ гостей и убивая Бесермен; и наконецъ спустились Волгою въ Астра

хань, гдѣ тамошній Музульманскій князь принялъ ихъ очень ласково, напоилъ и сонныхъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ до одного, а ихъ богатыя добычи взялъ себѣ. Дружина Прокопія и Смольняпина по свидѣтельству лѣтописей простиралась до двухъ тысячь человѣкъ. За годъ до Прокофьева похода, какія то двѣ дружины Новгородскихъ повольниковъ въ 90 ушкуевъ напали и ограбили Вятку, потомъ захватили Болгары и взяли съ города окупа 300 руб.; далѣе, раздѣлившись, одна дружина въ 50 ушкуевъ спустилась вниз къ Сараю, а другая въ 40 ушкуевъ, пошла вверхъ по Волгѣ, дошла до Обухова, ограбила Засурье и Марквашъ, перешла за Волгу, истребила суда свои и на коняхъ прошлась по берегамъ Ветлуги, ограбила села и ушла къ Вяткѣ Предводители сихъ двухъ дружинъ по лѣтописямъ не извѣстны. Московскіе лѣтописцы сихъ повольниковъ иначе не называютъ какъ разбойниками; но конечно они еще не считались разбойниками въ Новгородѣ; ибо Новгородцы не предпринимали противъ ихъ никакихъ мѣръ, и даже по прежнему предводителями повольниковъ еще являлись Новгородскіе бояре; сами повольники по прежнему еще называются молодыми людьми; такъ подъ 1377 годомъ лѣтопись Новгородская говоритъ: ходили, подъ начальствомъ Ивана Ѳедоровича, Василья Борисовича и Максима Онапьинича, молодые люди изъ Новгорода къ Новугородку Нѣмецкому на Овлѣ рѣкѣ, довольно долго стояли подъ городомъ, сожгли посадъ, потравили всю тамошнюю волость и съ мно-

жествомъ плѣнниковъ и богатою добычею благополучно воротились домой. Подъ 1379 годомъ упоминается о походѣ повольниковъ, подъ начальствомъ предводителя своего Рязана, въ Арскую землю, гдѣ они были разбиты Вятчанами, при чемъ попался въ плѣнъ самъ ихъ предводитель Рязанъ. Въ 1392 году дружина повольниковъ, состоявшая изъ Новгородцевъ и Устюжанъ, рѣкою Вяткою напала на Жукотинъ и Казань и грабила гостей по Волгѣ. Наконецъ, въ 1409 году Новгородскіе повольники изъ Заволочья, сговорясь съ Двинскимъ бояриномъ Анфаломъ, передавшимся Московскому князю, по Двинѣ вверхъ Сухоною и Костромою вошли въ Волгу, взяли провизіи въ Костромѣ, и пошли внизъ Волгою къ Нижнему Новгороду, воюя по дорогѣ взяли Нижній и потомъ спустились къ устью Камы на соединеніе съ Анфаломъ, который шелъ задними водами въ Каму, и обманомъ завлеченный Болгарскими и Жукотинскими князьями для переговоръ, былъ схваченъ ими на Камѣ и убитъ, а дружина его частію была истреблена, частію разбѣжалась; такъ что Новгородскіе повольники уже не нашли на Камѣ ни его, ни его дружины, и вѣроятно воротились домой. Въ этомъ походѣ у Анфала было сто насадовъ, а у повольниковъ сто пятьдесятъ насадовъ Послѣ этого похода по лѣтописямъ не встрѣчается болѣе извѣстій о походахъ Новгородскихъ повольниковъ; но походы сіи по всему вѣроятію продолжались по прежнему; ибо изъ Новгородскихъ лѣтописей не видно, чтобы Новго-

родъ принималъ какія нибудь мѣры для прекращенія повольничества; притомъ около половины XV столѣтія въ самомъ Новгородѣ начались такіе безпорядки и нестроеніе, что объ укрощеніи повольниковъ некогда было и думать, да въ этомъ не было и надобности, ибо повольники какъ чистый продуктъ Новгородской жизни, для Новгорода никогда не могли быть помѣхою, а напротивъ, прекращеніе и стѣсненіе повольничества могло имѣть худыя послѣдствія и быть причиною безпорядковъ въ самомъ Новгородскомъ обществѣ. По всему вѣроятію, выводимому изъ самаго устройства Новгорода, повольничество пало вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности господина Великаго Новгорода.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Новгородская церковь.

Строй Новгородской церкви.

Христіанство началось въ Новгородѣ въ слѣдъ за утвержденіемъ его въ Кіевѣ; но утвердилось оно у Новгородцовъ не прежде XII столѣтія. Новгородцы первоначально оказали нерасположеніе къ перемѣнѣ своей старой вѣры, которая выросла у нихъ вмѣстѣ съ обществомъ, и по всему вѣроятію сначала въ Новгородѣ была крещена только княжеская дружина и лишь немногіе изъ княжескихъ приверженцевъ. Еще черезъ 83 года по принятіи св. крещенія Владимиромъ, въ Новгородѣ при появленіи одного вол-

хва весь народъ на вопросъ князя: — „кто хочетъ стоять за крестъ Христовъ и кто за прежнюю вѣру?“ сталъ на сторону старой вѣры, и защитниками креста оказались только князь и его дружина. Самое духовенство христіанской церкви въ Новгородѣ состояло изъ пришельцевъ: Корсунянъ, Грековъ, Болгаръ и нѣсколькихъ Кіевлянъ; первый епископъ Новгородскій Іоакимъ, заподлинно извѣстно. былъ пришелецъ изъ Корсуня. Отроки (300 человѣкъ) учившіеся въ Ярославовомъ училищѣ въ Новгородѣ, конечно не скоро получили степень священства; и они-то вѣроятно были первыми священниками изъ Новгородцовъ; а епископы очевидно были всѣ до одного пришельцами, включительно до знаменитаго Нифонта, скончавшагося въ 1156 году; ибо Новгородецъ Ефремъ, ученикъ Іоакима, назначенный имъ заступить его мѣсто, хотя и управлялъ Новгородскою церковію пять лѣтъ, однако не былъ посвященъ въ Епископы, и на Іоакимово мѣсто былъ присланъ Лука Жидята. Самъ знаменитый Нифонтъ былъ изъ Кіевопечерскихъ иноковъ Но какъ трудно и медленно утверждалось христіанство въ Новгородѣ, такъ, утвердившись, оно столь крѣпко слилось со всѣмъ строемъ Новгородской жизни, что святая Софія, каѳедральная Новгородская церковь, обратилась въ символъ Новгорода и его свободы и самостоятельности; и Новгородцы во всѣхъ важныхъ случаяхъ говорили: „постоимъ за св. Софію, или умремъ за св. Софію“, т. е. постоимъ. сложимъ головы за Новгородъ и его свободу и самостоятель-

ность; и съ тѣмъ вмѣстѣ православное духовенство мало по малу сдѣлалось народнымъ духовенствомъ, образовало изъ себя особую служебную корпорацію Новгородскихъ гражданъ, и притомъ корпорацію самую близкую къ народу, пользующуюся народнымъ довѣріемъ и принимающую дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ Новгорода. Но таковое слитіе духовенства съ народомъ вполнѣ совершилось только тогда, когда духовенство отъ клирика до епископа включительно, сдѣлалось выборнымъ отъ Новгородскаго общества; а это конечно послѣдовало не ранѣе, какъ по смерти Нифонта, послѣ котораго владыки Новгородскіе стали избираться народнымъ вѣчемъ

Христіанская церковь въ Новгородѣ первопачально, въ продолженіи 168 лѣтъ, почти ничѣмъ не отличалась въ отношеніи своихъ правъ отъ другихъ христіанскихъ церквей въ Русской землѣ; она состояла въ полной зависимости отъ митрополита Кіевскаго и неимѣла и тѣни самостоятельности. Митрополитъ Кіевскій по своему усмотрѣнію назначалъ епископовъ въ Новгородъ, не посвящалъ въ епископскій санъ тѣхъ, которыхъ предлагали ему Новгородцы (какъ напримѣръ это случилось съ Іоакимовымъ ученикомъ Ефремомъ, пять лѣтъ управлявшимъ Новгородскою церковью безъ посвященія), принималъ жалобы на Новгородскихъ епископовъ, судилъ ихъ и держалъ въ заточеніи, какъ напримѣръ это было со вторымъ Новгородскимъ епископомъ Лукою Жидятою, котораго митрополитъ, по клеветѣ

холопа его Дудика, держалъ въ заточеніи три года. А преемникъ Луки, епископъ Стефанъ, будучи вызванъ въ Кіевъ, даже былъ удавленъ тамъ своими холопами. Но съ Нифонта отношеніе Новгородской церкви къ Кіевской митрополіи сильно уже измѣняется, и церковь Новгородская мало по малу начинаетъ пріобрѣтать самостоятельность и до нѣкоторой степени свободное устройство касательно отношеній клира къ епископу и обществу. Энергичный Нифонтъ, пользуясь безпорядками въ Кіевской митрополіи по смерти митрополита Михаила, возсталъ на новаго митрополита Климента, поставленнаго Русскими епископами безъ патріаршаго благословенія, и нетолько нехотѣлъ служить съ нимъ, но и вошелъ по этому дѣлу въ переписку съ патріархомъ Константинопольскимъ, и кажется окончательно рѣшился совершенно отложиться отъ Кіевской митрополіи и пристать къ епископу Ростовскому Нестору (*), который при помощи Суздальскаго

(*) Недавно найденъ въ одной Новгородской церкви древній антиминсъ, освященный Нифонтомъ въ 1149 году. На этомъ антиминсѣ имѣется надпись: «Жьртвьникъ св. мученика Георгія священъ отъ Нифонта архіепископа Новгородьскаго, повелѣніемъ епископа Ростовскаго Нестера при благочестивомъ князи Георгіи сыну Мономахову, мѣсяца Сентября въ 1-й, въ лѣто 6757, индикта въ 12-й». Эта надпись на антиминсѣ прямо показываетъ съ одной стороны, что Нифонтъ уже называлъ себя архіепископомъ, а съ другой стороны епископа Ростовскаго Нестора, по степенямъ іерархіи, сложившимся въ Россіи, стоявшаго ниже Новгородскаго епископа, признавалъ старшимъ надъ собою, такъ что и антиминсы церквамъ своей епархіи освящалъ по его повелѣнію; слѣдовательно ведетъ къ заключенію, что у Нифонта съ Несторомъ была уже сдѣлка, по которой Нифонтъ, желая отложиться отъ Кіевскаго митрополита, при-

князя Юрія Долгорукова, также недовольнаго избраніемъ Климента, хотѣлъ устроить самостоятельную митрополію въ Ростовѣ; впрочемъ устройство самостоятельной митрополіи въ Ростовѣ не состоялось, и переписка по этому дѣлу, веденная Нифонтомъ и Несторомъ съ патріархомъ, кончилась тѣмъ, что патріархъ Константинопольскій не разрѣшилъ учрежденіе новой митрополіи въ Русской землѣ, и такимъ образомъ Нифонтъ принужденъ былъ по неволѣ покориться Клименту и по его вызову пріѣхалъ въ 1148 году въ Кіевъ, гдѣ Климентъ засадилъ его въ Печерскій монастырь и держалъ около года, и выпустилъ только по требованію князя Юрія Долгорукова, завладѣвшаго Кіевомъ, а конечно бы Нифонту безъ князя Юрія навсегда пришлось остаться въ Кіевѣ за сношенія съ Несторомъ.

Судъ митрополита Климента надъ Нифонтомъ былъ послѣднимъ судомъ митрополитовъ надъ Новгородскими владыками. По смерти Нифонта владыки Новгородскіе стали избираться Новгородскимъ вѣчемъ, и митрополиту оставалось только посвятить избраннаго вѣчемъ; онъ конечно не могъ отказать въ этомъ Новгороду, или бы его отказъ былъ недѣйствительнымъ; ибо Новгородцы, не дожидаясь посвященія отъ митрополита, вводили избраннаго во владычень дворъ, и передавали ему все управленіе Новгородскою церковію; бывали случаи, что избран-

---

зналъ свою зависимость отъ Нестора, искавшаго уже отдѣльной митрополіи для Ростова, а Несторъ въ благодарность далъ Нифонту степень архіепископа.

ные народомъ на владычень престолъ управляли Новгородскою церковію годъ и болѣе до посвященія своего отъ митрополита; такъ напримѣръ первый выборный Новгородскій епископъ Аркадій былъ избранъ и принялъ управленіе церковію въ 1156 году, а посвященъ отъ митрополита въ 1158 году. Или архіепископъ Митрофанъ принялъ управленіе Новгородскою церковію вмѣстѣ съ избраніемъ въ 1199 году, а посвященъ отъ митрополита въ 1201 году. Вмѣстѣ съ введеніемъ обычая избирать владыку вѣчемъ, Новгородъ хотя не разрывалъ союза своей церкви съ Кіевскою митрополіею и даже явно не отрицалъ митрополичьяго суда по номоканону; тѣмъ не менѣе поставилъ свою церковь и своего владыку въ такое положеніе, что власть митрополита почти не простиралась на Новгородскую церковь или по крайней мѣрѣ не заявляла себя. Мало этого, самъ владыка Новгородскій, при всемъ уваженіи къ нему народа, поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать согласно съ народною волею; ибо Новгородцы еще при Нифонтѣ успѣли присвоить себѣ право народнаго выбора не только священниковъ къ приходскимъ церквамъ, но и игуменовъ къ монастырямъ. Первымъ, по свидѣтельству лѣтописей, выборнымъ отъ народа игуменомъ былъ игуменъ Андрей, заступившій мѣсто Антонія Римлянина въ Антоніевѣ монастырѣ, въ 1147 году, а приходскіе священники къ церквамъ сдѣлались выборными отъ прихожанъ или уличанъ еще прежде, какъ значится въ уставной грамотѣ князя Всеволода Мстиславича, гдѣ ска-

зано: „и поповъ, и діакона, и діака, и сторожей святаго Іоанна призирати старостамъ Иванскимъ, и старостамъ побережанскимъ и побережанамъ“. Такимъ образомъ еще въ XII столѣтіи весь клиръ Новгородской церкви, отъ епископа до церковнаго сторожа, сдѣлался выборнымъ излюбленнымъ Новгородскаго общества и тѣмъ самымъ сталъ въ такія отношенія къ народу, что его интересы слились съ народными интересами, и отсюда вытекала самая тѣсная связь Новгородской церкви съ Новгородскимъ обществомъ; такая связь, что ни церковь не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ общества, ни общество не отдѣляло своихъ интересовъ отъ интересовъ церкви. А съ тѣмъ вмѣстѣ главный представитель Новгородской церкви, владыка, сдѣлался первенствующимъ сановникомъ Новгорода и такимъ пользовался уваженіемъ, что безъ его благословенія не начиналось ни одно общественное дѣло цѣлаго Новгорода. Духовенство Новгородское, вслѣдствіе принятія выборнаго начала для замѣщенія церковныхъ должностей, избѣгло необходимости быть отдѣльнымъ классомъ въ обществѣ; ибо выборъ въ церковныя должности не ограничивался только семействами духовныхъ лицъ, а напротивъ, прихожане избирали себѣ священника, или діакона, или причетника изъ всѣхъ классовъ общества, только бы былъ угоденъ приходу и способенъ занять ту должность, на которую его избираютъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ ни само духовенство, ни его дѣти не были стѣснены въ избраніи себѣ рода занятій внѣ церков-

ной службы, такъ что въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ извѣстія, что разпопы и раздьяконы, т. е. лица оставившія церковную службу, занимали разныя свѣтскія должности, иногда довольно значительныя, или занимались разными промыслами наровнѣ съ другими гражданами, а дѣти священно-церковнослужителей, пока не занимали церковныхъ должностей, считались въ числѣ вольныхъ людей и имѣли полное право вступить въ число членовъ любой Новгородской общины.

Духовенство Новгородское, по его правамъ и отношеніямъ къ обществу, имѣло три степени. Самую высшую степень представлялъ владыка Новгородскій, сперва епископъ, а съ 1165 года архіепископъ; вторую степень составляли монастыри и третью бѣлое или приходское духовенство.

Епископы или владыки Новгородскіе.

Владыки Новгородскіе, какъ мы уже видѣли, до Нифонта включительно, присылались отъ митрополита изъ Кіева; но по смерти Нифонта этотъ порядокъ измѣнился, Новгородское вѣче присвоило себѣ право избирать владыку въ самомъ Новгородѣ и потомъ отсылать его къ митрополиту на посвященіе. Первый преемникъ Нифонта, прямо слѣдовавшій за нимъ, епископъ Аркадій, по свидѣтельству лѣтописи, былъ избранъ слѣдующимъ образомъ: „собрался весь градъ людіе, изволиша себѣ епископомъ поставити мужа Богомъ избраннаго Аркадія; и пошелъ весь народъ, взяли его изъ монастыря св. Богородицы, и князь Мстиславъ Юрьевичь, и весь клиръ св Софіи, и всѣ священники городскіе, и игумены, и черпецы

и ввели его и поручили епископію во дворѣ св. Софіи, пока пріидетъ митрополитъ въ Русь". Но таковый порядокъ выбора соблюдался только тогда, когда на кого падалъ выборъ единогласный всего Новгорода; въ случаѣ же разногласія каждая сторона представляла своего избранника и между ими бросали жеребій. Такъ лѣтопись объ избраніи архіепископа Мартирія говоритъ: „по смерти архіепископа Гавріила Новгородцы съ княземъ Ярославомъ, и съ игуменами, и съ Софіянами, и съ священниками разсуждали между собою; одни хотѣли поставить Митрофана, другіе Мартирія, иные Гречина, и была у нихъ распря. И положили на святой трапезѣ три жребія, и послали съ вѣча слѣпца, да кого намъ Богъ дастъ, и вынулся Божіею благодатію жребій Мартирія, и послали за нимъ, и привезли изъ Русы, и посадили во дворѣ святыя Софіи". Былъ еще и третій видъ избранія владыки,—по указанію князя; такъ по словамъ лѣтописи, при избраніи Митрофана по смерти Мартирія, великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, подумавши съ пріѣзжавшимъ къ нему Новгородскимъ посадникомъ Мирошкою, прислалъ въ Новгородъ Митрофана и велѣлъ ввести его во дворъ св. Софіи. Но таковые архіепископы обыкновенно кончали тѣмъ, что по удаленіи или по смерти князя ихъ избравшаго, и ихъ удаляли съ владычня двора и вѣчемъ избирали новаго владыку. Былъ еще и четвертый видъ избранія владыки по указанію прежняго владыки, оставляющаго каѳедру, котораго народъ просилъ указать себѣ преемника.

Такъ передъ смертію архіепископа Далмата, по свидѣтельству лѣтописи: „посадникъ Павша съ старѣйшими мужами били челомъ Далмату: кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя? Далматъ назвалъ двухъ игуменовъ, св. Георгія Іоанна и отца своего духовнаго Климента, коего себѣ излюбите, того вамъ и благословлю. И пошелъ посадникъ на Ивановъ дворъ, и созвалъ Новгородцовъ, и сказалъ имъ слово Далматово, и возлюбили всѣ Богомъ возлюбленнаго Климента; и благословилъ его Далматъ своею рукою, и по преставленіи Далмата послали его въ Кіевъ ставиться". По установившемуся въ Новгородѣ обычаю, избранію подвергались одинаково какъ бѣлое духовенство, такъ и монашество, игумены, іеромонахи и простые черпецы, еще не посвященные ни въ діаконскій, ни въ іерейскій чинъ; здѣсь все дѣло выбора зависѣло отъ расположенія общества къ избираемому, а на его чинъ не обращалось никакого вниманія; такъ напримѣръ знаменитѣйшіе изъ Новгородскихъ архіепископовъ Илія и Василій были избраны изъ бѣлыхъ священниковъ, первый отъ церкви священномученика Власія на Волосовой улицѣ, а второй отъ церкви св. Козмы и Даміана съ Холопей улицы. Или въ 1359 году, когда владыка Моисей оставилъ епископію, то при избраніи новаго владыки были представлены три кандидата: черпецъ Алексѣй, Софійскій ключникъ, еще неимѣвшій діаконскаго чина, игуменъ Антоніева монастыря Савва и бѣлый священникъ отъ церкви св. Варвары, и вынулся жребій Алексѣя, и

онъ прежде посвященія въ архіепископы сперва былъ поставленъ во діаконы, потомъ во священники. При избраніи во архіепископы Новгородскіе, соблюдалось только одно правило, утвержденное обычаемъ, чтобы не избирать изъ людей не состоящихъ въ церковной службѣ.

Значеніе владыки Новгородского было двухъ видовъ: одно каноническое, опредѣляемое греческимъ номоканономъ и Русскими церковными правилами или уставами, и было почти одинаково съ каноническимъ значеніемъ прочихъ Русскихъ архіепископовъ и епископовъ; другое значеніе—политическое, исключительно принадлежавшее только Новгородскому владыкѣ и опредѣленное Новгородскими обычаями. По канонической власти Новгородскому владыкѣ было подчинено все духовенство не только въ Новгородѣ и пригородахъ, лежащихъ въ Новгородской землѣ, но и въ отдаленныхъ Новгородскихъ волостяхъ, какъ напримѣръ въ Заволочьѣ; такъ въ 1419 году владыка Спмсонъ ѣздилъ въ Корѣльскую землю, или въ 1446 году владыка Евфимій ѣздилъ въ Заволочье, благословити Новгородскую вотчину, и свою архіепископію и своихъ дѣтей. По канонической же власти въ вѣдѣніи владыки былъ надзоръ за общественною нравственностію не только церковныхъ, но и всѣхъ мірскихъ людей во всѣхъ Новгородскихъ владѣніяхъ; а по сему и всѣ преступленія противъ нравственности и уставовъ церкви, кѣмъ бы они ни были учинены, подлежали суду владыки Далѣе суду владыки под-

лежали всѣ дѣла по семейнымъ отношеніямъ, какъ личнымъ, такъ и имущественнымъ. т. е. ссоры членовъ семейства между собою, споры по имуществу, по наслѣдству и подоби. Еще далѣе въ вѣдѣніи владыки были всѣ богоугодныя и человѣколюбивыя заведенія. И наконецъ, владыка, вмѣстѣ съ Софійскимъ клиромъ и Иванскимъ старостою церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, завѣдывалъ всѣми торговыми мѣрами и вѣсами. Въ грамотѣ Всеволода Мстиславича сказано: „торговыя всѣ вѣсы, мѣры и скальвы вощаныя, и пудъ медовый, и гривенка рублевая и всякій вѣсъ, что на торгу между людьми, епископу блюсти безъ поврежденія, ни умаливать, ни умножать, а на всякій годъ повѣрять; а изкривится, а кому приказано, казнить близко смерти, а имѣнье его на трое: треть имѣнья св. Софіи, другая треть св Іоанну, а третья треть сотскимъ и Новугороду.“ Для завѣдыванія всѣми сими дѣлами при Новгородскомъ владыкѣ, или скорѣе при Новгородской архіерейской каѳедрѣ, т. е. при церкви св. Софіи, былъ особый штатъ состоящій изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ подъ именемъ Софіянъ. Этотъ штатъ составляли протопопы, священники, священноиноки, діаконы и другіе служители церкви, а также владычни бояре и слуги изъ свѣтскихъ людей. Всѣ они жили въ Новгородскомъ дѣтинцѣ, гдѣ былъ храмъ св. Софіи и владычень дворъ. Софіяны въ первый разъ упоминаются подъ 1193 годомъ, при избраніи владыки Мартирія, гдѣ они помѣщены впереди Новгород-

скихъ священниковъ и въ слѣдъ за игуменами. Софіянамъ владыка поручалъ всѣ дѣла по управленію и суду церковному, а также управленіе селами и городами, приписанными къ владычней Новгородской каѳедрѣ, или къ церкви св. Софіи, и надзоръ за Новгородскими и пригородскими священниками и причтами; изъ Софіянъ владыка выбиралъ своихъ десятинниковъ и намѣстниковъ по Новгородскимъ пригородамъ и волостямъ. Судъ собственно по церковнымъ или духовнымъ дѣламъ принадлежалъ владыкѣ и избраннымъ отъ него духовнымъ лицамъ изъ Софіянъ; въ дѣлахъ же мірскихъ или гражданскихъ, подвѣдомыхъ суду владычнему, судили владычни бояре и дьяки, а при нихъ было всегда по шести соборныхъ Софійскихъ священниковъ и мірскіе старосты или судные мужи, и дѣла ихъ суда представлялись на утвержденіе къ самому владыкѣ. Разумѣется, Новгородскій владыка, на основаніи своей канонической власти, былъ главнымъ охранителемъ православія въ Новгородской землѣ, онъ заботился о распространеніи христіанской вѣры между язычниками, признававшими власть Новгорода, посылалъ къ нимъ проповѣдниковъ, онъ наблюдалъ, чтобы въ Новгородѣ не было еретиковъ и отступниковъ отъ православной церкви и преслѣдовалъ таковыхъ, ежели окажутся; впрочемъ въ таковыхъ дѣлахъ принимало большое участіе и вѣче, которое не терпѣло отступниковъ отъ церкви, такъ что здѣсь дѣло владыки состояло почти только въ указаніи, въ разъясненіи, что люди такъ-то мыслящіе отступаютъ отъ церкви,

что такія-то мнѣнія и ученія не православны, преслѣдовалъ же отступниковъ большею частію самъ народъ. Такъ напримѣръ въ 1375 году самъ народъ побилъ и сбросилъ съ Волховскаго моста начальниковъ стригольнической ереси: діакона Никиту, діакона Карпа и еще одного человѣка, имени котораго лѣтопись не приводитъ. Или когда, въ 1348 году, Шведскій король Магнусъ требовалъ, чтобы Новгородцы прислали на съѣздъ своихъ книжныхъ людей спорить съ Латинянами о вѣрѣ; то владыка Василій не одинъ, а съ посадникомъ, тысяцкимъ и всѣми Новгородцами, считая споры о вѣрѣ неприличными и опасными, отвѣчалъ Магнусу: „ежели хочешь увѣдать, которая вѣра лучше наша или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху, потому что мы приняли православную вѣру отъ Грекъ, а съ тобою о вѣрѣ не споримъ; а ежели есть какая обида между нами, то о томъ пошлемъ къ тебѣ на съѣздъ. Точно также въ 1358 году, по убѣжденію владыки Моисея, Новгородцы поставили на вѣчѣ цѣловать крестъ на томъ, чтобы прекратить еще существовавшій языческій обычай бить бочки. Или въ 1227 году, Новгородцы на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ сами сожгли четырехъ волхвовъ, даже не спрашиваясь владыки, такъ что лѣтописецъ, изъ духовныхъ, даже сомнѣвался въ виновности сихъ нещастныхъ и отмѣтилъ въ лѣтописи такъ: „обвиняли ихъ, что будто они дѣлали потворы, а Богъ вѣсть.“

Политическое значеніе Новгородскаго владыки, какъ мы уже сказали, опредѣлялось собственно Нов-

городскими обычаями и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ владыка находился въ отношеніи къ Новгородскому обществу; здѣсь власть его состояла въ слѣдующемъ: 1. Владыка Новгородскій, какъ первый по князѣ сановникъ въ Новгородѣ, имѣлъ своихъ бояръ и свои полки ратныхъ людей съ своимъ знаменемъ и воеводами; полки сіи не только щитались владычними полками и содержались на владычныя средства, но и состояли въ полномъ разпоряженіи отъ владыки; онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію посылать ихъ или не посылать вмѣстѣ съ Новгородскою ратью, даже пославши, давалъ воеводамъ свои наказы какъ дѣйствовать во время похода, а не подчинялъ ихъ безусловно главному воеводѣ великаго Новгорода. Такъ напримѣръ въ 1471 году, во время войны Новгорода съ княземъ Московскимъ, лѣтопись говоритъ: „а конная рать не пошла къ пѣшей рати на срокъ въ пособіе, запеже владычень стягъ (знамя) не хотѣлъ ударить на княжую рать, говоря: владыка намъ не велѣлъ на великаго князя руки поднять, послалъ насъ владыка на Псковичей.“ 2 Владыка Новгородскій былъ богатѣйшимъ землевладѣльцомъ въ Новгородѣ; ему не только принадлежали разныя села въ Новгородской землѣ, но даже цѣлыя огромныя и богатыя волости въ Заволочьѣ; такъ напримѣръ, когда воеводы Новгородскіе въ 1398 году явились въ Заволочьѣ, то ихъ встрѣтилъ у городка Орлеца владычень волостель съ Вели Исаія, и говорилъ: „господа воеводы Новгородскіе! бояринъ великаго князя Андрей наѣхалъ въ самый

велікъ день па св. Софіи волость Вель и повоевалъ волость св. Софіи, а на головахъ окупъ поималъ[4]. У владыки Новгородскаго даже были свои города; такъ въ лѣтописяхъ упоминается владычень городъ Молвятичи. 3 Владыка Новгородскій по своему политическому значенію принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ Новгорода съ князьями, нерѣдко правилъ отъ Новгорода посольства къ князьямъ, самъ ѣздилъ для приглашенія князей въ Новгородъ и для заключенія мирныхъ договоровъ; такъ въ 1135 году епископъ Нифонтъ ходилъ въ Русь съ лучшими мужами и мирилъ Кіевлянъ и Черниговцовъ; или въ 1172 году архіепископъ Ілія ходилъ посломъ къ Андрею Боголюбскому и заключилъ миръ на всей правдѣ Новгородской; или въ 1386 году владыка Алексѣй ѣздилъ къ Московскому князю Дмитрію Ивановичу и докончалъ съ нимъ миръ; или наконецъ въ 1471 году, во время войны съ Московскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всѣ переговоры Новгорода были ведены чрезъ владыку Ѳеофила. Участіе владыки требовалось не только въ переговорахъ съ Русскими князьями; но и въ сношеніяхъ Новгорода съ Швеціею, Даніею, Ливонскимъ орденомъ и Литвою; такъ напримѣръ, въ 1339 году владыка Василій вмѣстѣ съ Новгородскимъ посольствомъ отправлялъ своего посла, своего сестричича Матвѣя, за море къ Шведскому королю, которое посольство и докончало миръ по старымъ грамотамъ. Или въ 1428 году владыко Евфимій вмѣстѣ съ Новгородскимъ посольствомъ ѣздилъ къ Порхову и заключилъ миръ съ

великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ. Да и вообще всѣ договорныя грамоты Новгорода, какія только дошли до насъ, писались по благословенію владыки и утверждались владычнею печатью; имя владыки, какъ представителя Новгорода, необходимо употреблялось даже въ договорахъ иноплеменныхъ государей съ Новгородомъ; такъ въ Орѣховскомъ договорѣ Шведовъ съ Новгородцами, заключенномъ въ 1326 году, королевскій посолъ въ своей договорной грамотѣ пишетъ, что онъ заключилъ миръ между Норвегіею и Новгородомъ, съ епископомъ Новгородскимъ Моисеемъ, съ посадникомъ Варѳоломѣемъ, съ тысяцкимъ Евстафіемъ и со всѣми Новгородцами. 4. Владыка Новгородскій, по обязанности пастыря и учителя своихъ дѣтей Новгородцовъ, имѣлъ огромное вліяніе на усмиреніе враждующихъ партій въ Новгородѣ; онъ нерѣдко самъ являлся среди разъяренной толпы и своимъ голосомъ, своимъ посредничествомъ останавливалъ разъяренныхъ противниковъ и заставлялъ ихъ расходиться по домамъ: такъ въ 1359 году престарѣлый владыка Моисей, уже удалившійся на покой, и новонареченный на владычество Алексѣй, явились среди враждующихъ партій, уже взявшихъ оружіе, чтобы начать битву, начали благословлять ту и другую сторону и уговаривать, чтобы не начинали битвы, и тѣмъ заставили примириться. Или въ 1418 году владыка Симеонъ, въ сопровожденіи крестнаго хода въ полныхъ священныхъ облаченіяхъ, вышелъ на Волховскій мостъ, сталъ посреди враждующихъ, началъ

благословлять крестомъ обѣ стороны; это умилило народъ до слезъ, и въ слѣдъ за тѣмъ явились посадники съ обѣихъ сторонъ, и по повелѣнію владыки всѣ разошлись мирно по домамъ. 5. Владыка Новгородскій нерѣдко принималъ на себя значительныя издержки на общественныя дѣла, и давалъ денежныя пособія во время войны и при отправленіи посольствъ къ князьямъ на заключеніе мира: такъ въ 1230 году владыка Спиридонъ, во время мора, построилъ скудельницу на Софійскія деньги и приставилъ своихъ людей собирать тѣла умершихъ, остававшіяся безъ погребенія. А владыка Василій, въ продолженіи своего владычества въ Новгородѣ, построилъ на Софійскія деньги каменный городъ, заложилъ каменный острогъ на торговой сторонѣ, и выстроилъ великій мостъ черезъ Волховъ Владыка Іоаннъ построилъ вновь каменный дѣтинецъ. Или въ 1428 году владыка Евѳимій, для заключенія мира съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, изъ Софійской казны выдалъ тысячу рублей на выкупъ плѣнниковъ. Впрочемъ Софійская казна до нѣкоторой степени считалась общественною казною и въ крайнихъ случаяхъ употреблялась на общественныя нужды по опредѣленію вѣча; такъ подъ 1391 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что послѣ большаго пожара, бывшаго въ этомъ году, Новгородцы взяли серебра пять тысячь рублей у св. Софіи съ полатей, скопленія владычня Алексѣева, и раздѣлили на пять концовъ, по тысячи на конецъ, и поставили каменные костры по обѣ стороны острога, у всякой

улицы. 6. Новгородцы начинали войну или заключали миръ по благословенію владыки. Мы уже видѣли, что Новгородскія договорныя грамоты всѣ начинались благословеніемъ владыки, слѣдовательно Новгородцы безъ участія своего архіепископа не приступали къ заключенію мира; а подъ 1398 годомъ есть прямое извѣстіе лѣтописи, что и на начатіе войны испрашивалось благословеніе владыки; въ лѣтописи сказано: Новгородцы сказали своему господину владыкѣ „Іоанну: не можемъ, господине отче, терпѣти сего насилія отъ великаго князя, что у насъ отнялъ нашу дѣдину и отчину, но хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей; благослови, господине отче, владыко! или паки отыщемъ свою отчину къ св. Софіи и къ великому Новгороду, паки ли свои головы положимъ за св. Софію и за своего господина за великій Новгородъ;“ и владыка Іоаннъ благословилъ дѣтей своихъ воеводъ Новгородскихъ и все ихъ войско. 7. Въ Новгородѣ даже раздача земель, и выдача жалованныхъ грамотъ на разныя льготы отъ вѣча, дѣлалась по благословенію владыки; такъ напримѣръ въ жалованной Новгородской грамотѣ, данной въ 1447 году Троицкому Сергіеву монастырю сказано: „по благословенію владыки Евѳимія, по старой грамотѣ по жалованной, се пожаловали посадникъ и тысяцкій, и бояре и житые люди, и купцы, и весь господинъ великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, и дахомъ сю жалованную грамоту въ домъ св. Троицы въ Сергіевъ монастырь.“ Таже форма повторяется

въ другой Новгородской жалованной грамотѣ, данной Сергіеву же монастырю въ 1477 году. Слѣдовательно, по Новгородскимъ порядкамъ, владыка былъ дѣятельнымъ участникомъ и главнымъ лицомъ во всѣхъ дѣлахъ Новгородскаго управленія А поэтому Новгородскому владыкѣ, въ случаѣ его старости или болѣзни, вѣче придавало помощниковъ изъ мірскихъ людей; такъ въ 1228 году, когда престарѣлый владыка Антоній сдѣлался болѣнъ и только по усильной просьбѣ народа согласился не оставлять владычня престола, то Новгородцы въ помощь ему посадили съ нимъ двухъ выборныхъ Якуна Моисѣевича Никифора и Щитника.

За епископомъ въ Новгородѣ въ духовенствѣ слѣдовали монастыри съ ихъ архимандритами, игуменами и старцами. Монастырей было довольно какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ Новгородскихъ владѣніяхъ. Уже въ XII столѣтіи по лѣтописямъ нащитывается до двадцати монастырей въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Старѣйшіе и знаменитѣйшіе изъ Новгородскихъ монастырей были: Юрьевъ монастырь при истокѣ Волхова, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна. Этотъ монастырь считается древнѣйшимъ изъ Новгородскихъ монастырей, построеніе его приписываютъ Ярославу Великому, во св. крещеніи Юрію; онъ отличался богатствомъ и имѣлъ большія привиллегіи, данныя въ древности князьями; настоятель этого монастыря одинъ во всѣмъ Новгородѣ имѣлъ степень архимандрита, тогда какъ настоятели другихъ монастырей Монастыри.

были только игуменами. Вторымъ послѣ Юрьева монастыря былъ монастырь Антоніевскій, у подгородскаго села Волховскаго, построенный въ началѣ XII столѣтія; по свидѣтельству лѣтописей, онъ былъ основанъ игуменомъ Антоніемъ. о которомъ преданіе говоритъ, что онъ прибылъ изъ Рима на каменной скалѣ, которая, переплывши морскія пучины, черезъ Неву и Ладожское озеро, приплыла вверхъ по Волхову и остановилась у подгороднаго села Волховскаго въ то самое время, какъ въ Новгородскихъ церквахъ ударили въ колоколъ къ заутрени. Святый Антоній, погруженный въ молитвенное созерцаніе, не замѣтилъ путешествія скалы по морскимъ пучинамъ, и только звукъ Новгородскихъ колоколовъ заставилъ его осмотрѣться, гдѣ онъ находится; принятый радушно въ Новгородѣ и тогдашнимъ епископомъ Никитою, и народомъ, онъ остался тамъ; по просьбѣ епископа, посадничьи дѣти, которымъ принадлежало Волховское село, уступили ему 50 саженей земли, на которой Антоній и построилъ, по настоянію епископа, монастырь съ церковію, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; ибо на канунѣ этого праздника онъ прибылъ въ Новгородъ. Впрочемъ этого сказанія въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ не встрѣчается, оно принадлежитъ собственно житію св. Антонія. Третьимъ древнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ монастыремъ въ Новгородѣ былъ Хутынь монастырь. построенный въ 1192 году однимъ богатымъ Новгородцомъ Алексою Михайловымъ, который еще въ

молодыхъ лѣтахъ, оставивъ родительскій домъ, ушелъ въ монастырь и тамъ, вмѣстѣ съ постриженіемъ въ иночество, принялъ имя Варлаама; а потомъ оставилъ и монастырь и поселился въ одной дикой пустынной мѣстности надъ Волховомъ, которая у народа слыла подъ именемъ Худыни, худаго мѣста, гдѣ будто бы гнѣздилась нечистая сила. Здѣсь Варлаамъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ и въ борьбѣ съ разными искушеніями, потомъ мало помалу стали къ нему стекаться подвижники и такимъ образомъ устроился монастырь, къ которому Варлаамъ приписалъ все недвижимое имѣніе, доставшееся ему послѣ родителей. Сіи три монастыря пользовались большимъ уваженіемъ у Новгородцовъ; но были въ томъ же XII столѣтіи и другіе монастыри, также пользовавшіеся уваженіемъ. которыхъ нѣтъ надобности здѣсь изчислять. Въ послѣдующія столѣтія число Новгородскихъ монастырей постоянно умножалось; такъ что въ 1386 году, при нападеніи Димитрія Донскаго на Новгородъ, упоминается, что Новгородцы сами сожгли двадцать четыре монастыря, стоявшіе не подалеку отъ города. чтобы недать мѣста. гдѣ бы укрѣпился непріятель.

А еще болѣе было монастырей въ разныхъ Новгородскихъ владѣніяхъ. Благочестивые иноки отшельники были своего рода колонизаторами въ пространныхъ и дикихъ пустыняхъ и лѣсахъ, принадлежащихъ къ Новгородскимъ владѣніямъ. Благочестивыхъ отшельниковъ. своего рода повольниковъ,

все тянуло на востокъ, покрытый дикими лѣсами, болотами и озерами; и они въ этомъ направленіи, по озерамъ Ладожскому, Онежскому и по тамошнимъ рѣкамъ проникли до Бѣлаго моря, гдѣ въ XV столѣтіи преподобными Зосимою и Савватіемъ былъ построенъ Соловецкій монастырь. И такимъ образомъ по всей пустынной странѣ на сѣверовостокъ отъ Новгорода до сѣвернаго поморья была разкинута сѣть монастырей, которые вмѣстѣ съ христіанствомъ несли въ этотъ дикій край и Новгородскую колонизацію. По тогдашнему обычаю, около монастырей и подъ ихъ покровительствомъ и на ихъ средства, которыя быстро стекались отъ богатыхъ и ревностныхъ къ распространію христіанства Новгородцовъ къ благочестивымъ отшельникамъ, незамѣтно населялись обширныя пустыни разными пришельцами; такъ что у каждаго монастыря, построеннаго въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, образовывалось нѣсколько селъ, частію изъ мѣстныхъ жителей, которые съ принятіемъ христіанства, проповѣдываемаго иноками, принимали и Новгородскую цивилизацію, изъ бродячихъ дикарей обращались въ осѣдлыхъ земледѣльцовъ, получавшихъ отъ монастыря пособія на обзаведеніе осѣдлымъ хозяйствомъ, и въ свою очередь платившихъ за это монастырю своими работами. Самые городскіе монастыри имѣли большое вліяніе на колонизацію; они, получая отъ Новгородскаго вѣча или отъ частныхъ лицъ большія земли и хорошія угодья въ отдаленныхъ краяхъ Новгородскихъ владѣній съ разными

льготами и привиллегіями, обыкновенно старались заселить ихъ, созывали вольныхъ охочихъ людей, давали имъ подмогу и разныя льготы и съ своимъ повѣреннымъ слугою или старцемъ отправляли во вновь пріобрѣтенное имѣніе, строили тамъ церковь, а иногда и подчиненный себѣ монастырь. около котораго мало по малу заводились новыя поселенія Монастырскія владѣнія въ Новгородѣ почти всегда отличались довольствомъ и благоустройствомъ. чему съ одной стороны способствовало богатство монастырей, получавшихъ доходы и мимо своихъ поземельныхъ владѣній, а съ другой стороны монастырь между своими старцами и слугами легко могъ находить хорошихъ сельскихъ хозяевъ, которыхъ обыкновенно и отправлялъ посельскими или управителями въ свои отдаленныя вотчины и держалъ ихъ подъ строгимъ контролемъ Лучшимъ свидѣтельствомъ о благоустройствѣ и сравнительномъ благосостояніи монастырскихъ имѣній въ Новгородѣ для насъ служатъ разныя дошедшія до насъ уставныя грамоты объ управленіями монастырскими имѣніями, гдѣ порядокъ управленія описывается съ большими подробностями и изъ которыхъ между прочимъ видно, что монастыри заботились о благосостояніи своихъ поселенцевъ, помогали имъ значительными ссудами, и при строгости въ управленіи старались не стѣснять управляемыхъ. Монастырскія вотчины въ Новгородѣ по всему вѣроятію пользовались извѣстностію, какъ имѣнія благоустроенныя и богатыя; ибо великій князь Иванъ Василье-

вичъ, покоривши Новгородъ, прежде всего обратилъ вниманіе на владычни и монастырскія земли и потребовалъ себѣ половину владычныхъ и монастырскихъ волостей. При чемъ оказались особенно богатыми шесть монастырей: Юрьевъ, Благовѣщенскій, Аркадіевскій, Антоніевскій, Никольскій съ Неревскаго конца и Михайловскій на Сковородкѣ; съ перваго великій князь взялъ 720 обежъ, со втораго 253 обжи, съ третьяго 333 обжи, съ четвертаго 150 обежъ, съ пятаго 251 обжу и съ шестаго 97 обежъ.

Монастыри въ Новгородѣ не всѣ имѣли одинаковое начало, а по сему и пользовались не одинакимъ значеніемъ. Одни монастыри были построены князьями и содержались изъ княжескихъ доходовъ, или ругою, и отъ этого назывались ружными. Эта руга или содержаніе монастырей изъ княжескихъ доходовъ утверждалась вѣчемъ и навсегда оставалась за монастыремъ, не смотря на то, что князья мѣнялись; такъ до насъ дошла роспись ружныхъ Новгородскихъ монастырей и церквей отъ XVI вѣка, когда Новгородъ принадлежалъ уже Московскимъ государямъ, и въ этой росписи мы находимъ содержаніе многихъ ружныхъ церквей и монастырей, положенное въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ прежними князьями и Новгородскимъ вѣчемъ. Ружные монастыри, ежели они не имѣли другихъ средствъ къ содержанію, были въ полной зависимости отъ вѣча; впрочемъ это бывало рѣдко, ибо и у ружныхъ монастырей почти всегда бывали средства кромѣ руги.

Вторый разрядъ монастырей составляли монастыри построенные и содержимые богатыми людьми, или мѣстнымъ обществомъ, пли приходомъ; монастыри сіи были въ большой зависимости отъ своихъ содержателей и строителей; такъ что нерѣдко они пытались выдти изъ подчиненія и суда владыки Новгородскаго и прямо ставили себя подъ покровительство мірскаго общества или своихъ богатыхъ покровителей; въ таковыхъ монастыряхъ даже бывали выборные старосты изъ приходскихъ людей. Впрочемъ таковый порядокъ болѣе принадлежалъ Пскову; въ Новгородѣ же власть владыки недавала ему усиливаться, хотя и немогла его уничтожить совсѣмъ Третій разрядъ Новгородскихъ монастырей составляли монастыри построенные благочестивыми отшельниками; таковые монастыри, вообще первоначально бѣдные, по мѣрѣ распространенія славы о благочестивыхъ подвигахъ ихъ отценачальниковъ и братіи, скоро богатѣли разными приношеніями и жертвами; они пользовались бо́льшею самостоятельностію противъ монастырей первыхъ двухъ разрядовъ и состояли подъ непосредственнымъ судомъ и властію владыки Новгородскаго, который не оставлялъ ихъ своимъ покровительствомъ; и это были лучшіе монастыри въ Новгородскихъ владѣніяхъ, отличавшіеся болѣе строгимъ устройствомъ и пользовавшіеся большимъ уваженіемъ у народа

Внутреннее управленіе Новгородскихъ монастырей по общимъ началамъ было выборное,—игуменъ,

келарь и ключникъ избирались всею братіею и управляли монастыремъ вмѣстѣ съ соборными старцами; игуменъ только утверждался Новгородскимъ владыкою. Впрочемъ это общее правило далеко не всегда соблюдалось. Особенно въ монастыряхъ, по своему содержанію поставленныхъ въ зависимость отъ мірскаго общества, на выборъ игумена и другихъ начальныхъ людей имѣли большое вліяніе мірскіе ктиторы и старосты, избираемые мірскою общиною, которой принадлежалъ монастырь. На это намъ указываютъ грамоты Русскихъ митрополитовъ Кипріана. отъ 1391 года, и Ѳеодосія, отъ 1463 года, къ Новгородскимъ архіепископамъ Іоанну и Іонѣ, писанныя вѣроятно по ихъ жалобамъ: въ этихъ грамотахъ оба митрополита пишутъ что всѣ монастыри, игумены съ чернецами, попы, дьяконы и всякъ церковный человѣкъ должны быть въ послушаніи у своего святителя, по преданію св. Апостолъ и святыхъ отецъ уставу; а посадники бы, и тысяцкіе и бояре великаго Новгорода не вступалися въ церковныя пошлины. Даже въ монастыряхъ независимыхъ и знатныхъ допускалось участіе мірскихъ людей въ избраніи монастырскихъ настоятелей; такъ по свидѣтельству лѣтописей мы это встрѣчаемъ въ Антоніевѣ и въ Юрьевѣ монастыряхъ. Сами настоятели, оставляя управленіе монастыремъ, призывали и владыку и посадниковъ для избранія себѣ преемника; такъ подъ 1226 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „прежде своего преставленія, Савватій, архимандритъ Юрьева монасты-

ря, призвалъ владыку Антонія и посадника Ивана и всѣхъ Новгородцовъ, и сказалъ: изберите себѣ игумена; они же отвѣчали, кого ты благословишь; и онъ велѣлъ постричь въ свое мѣсто попа Гречина, отъ церкви св. царя Константина и Елены, и по его указанію Гречина поставили архимандритомъ въ Юрьевъ монастырь". Иногда высшая церковная и граждэнская власть смѣняла монастырскаго настоятеля; такъ въ 1230 году князь Ярославъ и владыка Спиридонъ и весь Новгородъ, т. е. Новгородское вѣче дали игуменство въ Юрьевѣ монастырѣ Хутынскому игумену Арсенію, а прежняго Юрьевскаго игумена Савву лишили этого званія и повелѣли сидѣть ему въ кельи Иногда чернь возставала на инаго игумена; такъ въ 1337 году, по словамъ лѣтописи: стали простая чадь на Юрьевскаго архимандрита Есипа, и створили вѣче, заперли Есипа въ церкви св. Николы, и сидѣли около церкви крамольники день и ночь, карауля его.

Монастыри въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ краяхъ Русской земли, кромѣ религіознаго значенія, имѣли еще характеръ благотворительныхъ заведеній, ихъ богатства въ основаніи своемъ имѣли назначеніе помогать бѣднымъ, давать пристанище безпомощнымъ, успокоивать старыхъ и немощныхъ На сколько исполнялось это назначеніе монастырями, мы не имѣемъ подробныхъ свидѣтельствъ; но то несомнѣнно и засвидѣтельствовано лѣтописями и другими памятниками древности, что при устроеніи монастырей мірскимъ обществомъ какъ въ Новгородѣ,

такъ и во всѣхъ Новгородскихъ владѣніяхъ, всегда имѣлось въ виду приготовить убѣжище для старости и немощи; слѣдовательно монастыри, особенно устроиваемые мірскимъ обществомъ, до нѣкоторой степени имѣли характеръ нынѣшнихъ богадѣленъ. Этотъ характеръ монастырей стараго времени замѣтенъ даже въ составѣ монастырской братіи; въ большей части монастырей, по дошедшимъ до насъ указаніямъ, мы встрѣчаемъ одного и много двухъ или трехъ священниковъ и соотвѣтствующее число другихъ клириковъ, остальная же братія обыкновенно вся состоитъ изъ старцевъ, не посвященныхъ ни въ какой церковный чинъ и часто даже не постриженныхъ въ монашество. И сіи-то старцы, нерѣдко были знатные, богатые и заслуженные посадники, тысяцкіе, бояре и купцы, которые наскучивъ мірскими тревогами или истощивши свои силы въ общественной дѣятельности, удалялись въ монастыри, чтобы успокоиться и окончить дни свои въ молитвѣ и монастырскомъ уединеніи; такъ напримѣръ въ 1220 году, знаменитый посадникъ Твердиславъ Михайловичъ, сложивши съ себя посадничество, удалился въ Аркадіевъ монастырь, принялъ иноческій образъ и тамъ скончался. Или подъ 1243 годомъ лѣтопись упоминаетъ о кончинѣ знаменитаго боярина Вячеслава Прокшинича, который, удалясь отъ мірскихъ тревогъ, постригся въ Хутынѣ монастырѣ и принялъ имя Варлаама; его погребеніе совершалъ самъ владыка Новгородскій Спиридонъ. А подъ 1247 годомъ лѣтопись упоминаетъ о кончинѣ боярина Коп-

стантина Вячеславича, также окончившаго жизнь въ Хутынѣ монастырѣ, подъ именемъ инока Акиндина. Сіи богачи и заслуженные люди при поступленіи въ монастырь несли за собою богатые вклады, приписывали къ монастырямъ свои вотчины, и на сіи вклады, по волѣ вкладчиковъ или по разпоряженію монастырскаго начальства, содержались бѣдные и немощные. Наконецъ, Новгородскіе монастыри имѣли еще значеніе укрѣпленныхъ и надежныхъ мѣстъ для храненія частныхъ сокровищъ, и даже носили на себѣ характеръ своего рода банковъ. Такъ какъ священныя мѣста въ то время пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ и болѣе или менѣе считались неприкосновенными, да и самое законодательство строго наказывало тѣхъ, которые бы покусились ограбить монастырь или церковь; то посему частные люди, для лучшаго и надежнѣйшаго сбереженія своихъ богатствъ, отдавали деньги и другія цѣнныя вещи на храненіе преимущественно въ монастыри, гдѣ имѣлись для сего особые подвалы, кладовыя и другія крѣпкія мѣста, куда за извѣстный вкладъ частныя лица ставили свои сундуки и коробьи съ сокровищами, деньги же отдавали на храненіе монастырскимъ властямъ подъ росписки съ надлежащимъ укрѣпленіемъ А монастырскіе власти въ свою очередь сими деньгами, равно какъ и собственно монастырскими капиталами дѣлали обороты въ пользу монастыря, отдавали ихъ взаймы съ извѣстными выгодами подъ надежные залоги. Отъ чего сильные монастыри скоро богатѣли, они

пріобрѣтали такимъ образомъ большія поземельныя владѣнія по просроченнымъ закладнымъ; такъ что такими оборотами монастыри едва ли не больше пріобрѣтали имуществъ. чѣмъ пожертвованіями и покупками. У монастырей. для занятія сими дѣлами и ходатайства по судамъ, обыкновенно имѣлись особые стряпчіе и подъячіе, которые ежегодно подавали монастырскимъ властямъ отчеты по своимъ занятіямъ. Вообще всѣмъ было извѣстно, что въ монастыряхъ и церквахъ хранятся деньги и имущества частныхъ лицъ и посему во время мятежей народъ иногда грабилъ монастыри и церкви именно въ той увѣренности, что тамъ хранятся сокровища богачей. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1418 году разъяренная чернь торговой стороны. во время мятежа, ограбивши нѣсколько боярскихъ домовъ на Чудинцевѣ улицѣ, тутъ же разграбила и монастырь св. Николы на полѣ, говоря: „здѣсь животы боярскіе.“ Или подъ 1447 годомъ лѣтопись говоритъ, что во время мятежа, по оговору Ѳедора Жеребца, скинули съ моста 18 человѣкъ, а иныхъ домы разграбили и изъ перквей выносили животы ихъ, а прежде того по церквамъ не искивали.

Бѣлое духовенство.

За монастырями въ порядкѣ церковной іерархіи слѣдовало бѣлое духовенство, его составляли священники и клирики при соборныхъ и приходскихъ церквахъ, какъ въ самомъ Новгородѣ. такъ и въ пригородахъ и по всей Новгородской волости. Въ Новгородѣ главною соборною церковію была церковь св. Софіи, состоящая на Софійскомъ или лѣ-

вомъ берегу Волхова, въ кремлѣ или дѣтинцѣ, при этой церкви находился и владычень дворъ. Клиръ этой церкви состоялъ какъ изъ бѣлаго духовенства, такъ и монашествующихъ. очевидно принадлежавшихъ къ владычню двору. Этотъ клиръ вмѣстѣ съ владычними боярами и слугами или дворянами носилъ общее названіе Софіянъ. При церкви св. Софіи находилось все управленіе владыки Новгородскаго. Софійскій клиръ щитался образцовымъ въ Новгородѣ; а посему при церкви св. Софіи поочередно служили опредѣленное время всѣ священники Новгородскіе, чтобы знать всѣ Софійскіе порядки въ священнослуженіи и соблюдать ихъ въ своихъ церквахъ. Старшіе Софійскіе священники и протопопы посылались владыкою время отъ времени по всѣмъ владѣніямъ Новгородскимъ съ владычними поученіями какъ къ клиру, такъ и къ мірянамъ, для наблюденія за порядкомъ священнослуженія въ разныхъ церквахъ, а равно для надзора за священниками и клириками, какъ они исправляютъ свои пастырскія обязанности. и для поученія мірянъ. Сіи же посыльные должны были смотрѣть въ какомъ состояніи находятся церкви и не терпитъ ли клиръ церковный какихъ притѣсненій и обидъ Вообще клиръ св. Софіи состоялъ на особомъ положеніи противъ прочихъ причтовъ церковныхъ и имѣлъ характеръ административный. Софіяне при выборѣ владыкъ и въ другихъ общественныхъ дѣлахъ писались въ слѣдъ за игуменами и въ переди всѣхъ другихъ священниковъ. Самое содержаніе Софіянъ

зависѣло не отъ приходскихъ людей, а отъ доходовъ св. Софіи и Софійскихъ вотчинъ; при Софійской церкви даже не было прихода; ибо въ кремлѣ или дѣтинцѣ Новгородскомъ были другія церкви, къ которымъ были приписаны приходы. Софійская же церковь была не приходская а всеновгородская церковь. Кромѣ доходовъ отъ Софійскихъ вотчинъ, Софійскій клиръ имѣлъ и другіе источники доходовъ. Такъ въ соборномъ приговорѣ 1551 года сказано: „велѣти игумепомъ, попомъ и дьякономъ градскимъ и ружнымъ въ Великомъ Новѣгородѣ у соборныя церкви у св. Софіи впредь недѣли служити по старинѣ; а который игуменъ или попъ недѣли не служитъ, ино ему давати за службу за недѣлю Софѣйскому собору по гривнѣ по Новгородской по старинѣ же". Далѣе, по старинѣ же, Софійской протопопъ съ священниками получали пошлину съ просвирницъ и праздничныя гривны, т. е. когда въ какой приходской церкви былъ храмовый праздникъ, то протопопъ Софійскій посылалъ туда для службы Софійскаго діакона, и за это приходскій причтъ долженъ былъ давать въ Софійскій клиръ праздничную гривну.

Кромѣ Софійскаго собора въ Новгородѣ было еще шесть соборовъ, наименованія которыхъ мы незнаемъ, и на какихъ улицахъ они находились также неизвѣстно. Къ каждому же собору причислялось нѣсколько приходскихъ церквей и монастырей, вѣроятно также приходскихъ; такъ что въ Новгородѣ не было ни одной приходской церкви и ни одного

приходскаго монастыря, которые бы не причислялись къ какому-либо Новгородскому собору. Каждый соборъ имѣлъ своихъ священноиноковъ и священниковъ и старшаго надъ ними протопопа или поповскаго старосту. Соборы сіи очевидно учреждались, какъ для непосредственнаго ближайшаго надзора надъ приходскимъ духовенствомъ и за порядкомъ службы, такъ еще болѣе для ближайшей защиты приходскихъ причтовъ Новгородцы постоянно стремились къ тому, чтобы у нихъ вездѣ были общины и союзы общинъ; какъ въ мірской жизни каждая улица составляла общину и причислялась къ какому-либо концу, составлявшему союзъ общинъ; такъ точно и въ жизни церковной каждый приходъ составлялъ общину съ своими старостами, и причислялся къ своему союзу общинъ церковныхъ,—къ собору, который имѣлъ своего поповскаго старосту. Какъ въ мірской жизни центральныя власти относились не прямо къ частнымъ лицамъ, а къ выборнымъ начальникамъ, — кончанскимъ и уличанскимъ старостамъ; точно также и въ церковной жизни центральная власть—владыка Новгородскій непосредственно относился не къ причтамъ а къ союзу причтовъ,—собору и къ поповскому старостѣ собора. Соборы, какъ можно видѣть изъ прямыхъ указаній Псковской лѣтописи, учреждались по желанію самаго приходскаго духовенства, которое соглашалось между собою, избирало одну изъ приходскихъ церквей, въ которой быть собору, и просило владыку Новгородскаго утвердить составив-

шійся соборъ; въ этой просьбѣ вмѣстѣ съ священниками и діаконами участвовали и мірскія власти города, ибо приходское духовенство прежде просьбы къ владыкѣ обыкновенно должно было заявить свое желаніе на вѣчѣ объ учрежденіи собора, и получивъ согласіе отъ вѣча, уже било челомъ владыкѣ. Впрочемъ къ соборамъ причислялось только городское духовенство въ Новгородѣ и Псковѣ, а можетъ быть въ другихъ Новгородскихъ пригородахъ; сельское же духовенство не имѣло соборовъ и подчинялось непосредственно владычню десятильнику своего уѣзда. Причиною отсутствія соборовъ между сельскимъ духовенствомъ очевидно было то, что сельскія приходскія церкви большею частію строились на земляхъ частныхъ владѣльцовъ или монастырскихъ; а по сему они по тогдашнему порядку дѣлъ состояли подъ патронатомъ тѣхъ землевладѣльцовъ, на земляхъ которыхъ были построены, и слѣдовательно, какъ зависимыя отъ своихъ патроновъ, не могли составлять своихъ союзовъ, или соборовъ; тогда какъ городскія церкви, пользовавшіяся большею самостоятельностію, имѣли болѣе средствъ вступать въ союзы между собою и составлять соборы. Правду сказать, что и между сельскими церквами бывали такія, которыя стояли не на владѣльческихъ, а на общинныхъ земляхъ, слѣдовательно не состояли подъ чьимъ либо частнымъ патронатомъ; но они такъ были разрознены владѣльческими церквами что имъ не было возможности составлять между собою союзы; впрочемъ и у сельскихъ

причтовъ были свои выборные ближайшіе начальники—поповскіе старосты и десятскіе, выбиравшіеся или изъ городскаго духовенства или изъ сельскаго; слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ составляли группы, хотя и не такъ хорошо организованныя, какъ соборы городскихъ церквей, тѣмъ не менѣе имѣвшія нѣкоторую связь между собою.

Городскія приходскія церкви въ Повгородѣ и въ Новгородскихъ пригородахъ обыкновенно устроялись самими приходскими общинами; какъ напримѣръ лѣтопись подъ 1194 годомъ говоритъ: „уличане Нутной улицы построили церковь св. апостола Филиппа“, или подъ 1392 годомъ есть извѣстіе, что посадникъ Богданъ Аввакумовичъ съ своею братьею съ уличаны поставили церковь каменну св. Симеона на Чудинцевѣ улицѣ. Но иногда приходскія церкви строились и частными людьми, безъ участія своихъ общинъ; такъ въ 1167 году Садко Сытиничъ заложилъ каменную церковь Бориса и Глѣба; или въ 1176 году Михаль Степаничъ построилъ церковь святаго Михаила, а Моисей Доманѣжичъ церковь Іоанна Предтечи усѣкновеніе главы, па Чудинцевѣ улицѣ; или въ 1183 году, Радько съ братомъ поставили церковь св. Евпатія на Рогатѣй улицѣ. Иногда приходскія церкви строились Новгородскимъ владыкою: такъ въ 1182 году архіепископъ Илія съ братомъ Гавріиломъ построилъ каменную церковь св. Іоанна на Торговищѣ; или въ 1189 году архіепископъ Гавріилъ построилъ церковь св Трехъ Отроковъ на Жатуни Иногда строили церкви князья: такъ въ

1130 году князь Всеволодъ Мстиславичъ построилъ церковь Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворищѣ или на Опокахъ; или въ 1191 году князь Ярославъ построилъ церковь св. Николая на Городищѣ. Но кѣмъ бы ни была построена приходская церковь въ Новгородѣ, или въ Новгородскихъ владѣніяхъ, она непремѣнно имѣла при себѣ приходскую общину и состояла съ нею въ тѣсномъ соединеніи, получала отъ нее свое содержаніе. А что всего важнѣе, Новгородцы и въ приходскихъ дѣлахъ были Новгородцами и твердо стояли за выборное начало; община приходская непремѣнно сама выбирала и священника и причетъ къ своей церкви, и это было уже утверждено закономъ, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ соборный приговоръ 1551 года, въ которомъ сказано: „въ Великомъ Новгородѣ по всѣмъ церквамъ и по улицамъ старостамъ и уличаномъ избирати поповъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ, и житіемъ непорочныхъ, а денегъ у нихъ на церковь и себѣ мзды не искати ничего: и приходятъ съ ними къ архіепископу, и архіепископъ, поучивъ и наказавъ, благословляетъ его, и не ѣмлетъ у нихъ ничего, развѣ благословенныя гривны. А отъ діаконовъ, и отъ проскурницъ, и отъ пономарей попомъ и уличаномъ прихожаномъ посуловъ неимати“. Конечно это свидѣтельство сравнительно позднее, и относится къ тому времени, когда Новгородъ болѣе семидесяти лѣтъ уже потерялъ свою независимость и состоялъ подъ властію Московскаго государя; но оно для насъ тѣмъ важнѣе, ибо указываетъ, что обычай выбирать

причетъ приходомъ такъ былъ силенъ въ Новгородѣ, что его даже не могло уничтожить Московское правительство черезъ семьдесятъ лѣтъ по покоренiи Новгорода и даже нашло необходимымъ утвердить его закономъ. А что этотъ обычай не былъ введенъ вновь соборнымъ приговоромъ 1551 года это подтверждаетъ посланiе Новгородскаго владыки Геннадiя, перваго Новгородскаго архiепископа, поставленнаго не по выбору вѣча, а по указу Государеву, въ которомъ онъ пишетъ митрополиту Симону объ этомъ обычаѣ Новгородцовъ выбирать священника прихожанамъ и приводить къ владыкѣ только для посвященiя. Въ городскихъ приходскихъ церквахъ въ Новгородѣ большею частiю бывало по нѣскольку священниковъ при одной церкви, которые отправляли службу понедѣльно; такъ въ Кириковомъ въпрошанiи XII вѣка сказано: что „священникъ, получивши вознагражденiе за сорокодневное поминовенiе усопшаго на литургiи, долженъ, при наступленiи не своей чередовой недѣли, просить чередоваго священника, чтобъ онъ въ продолженiи своей чередовой недѣли поминалъ на литургiи такого-то усопшаго. Да и по росписи XVI вѣка мы дѣйствительно находимъ при церкви Козмы и Даміана, на Козмодемьянской улицѣ, двухъ священниковъ и одного дiакона: при церкви архангела Михаила, на Прусской улицѣ, двухъ священниковъ и одного дьякона; при церкви Благовѣщенiя на Городищѣ четырехъ священниковъ и одного дьякона; при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ двухъ священниковъ

и одного дьякона, каковый причтъ при этой церкви былъ установленъ еще въ XII столѣтіи княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ. Впрочемъ не мало было церквей въ Новгородѣ, и особенно въ Новгородскихъ волостяхъ, въ которыхъ находилось только по одному священнику, безъ діакона, съ дьячкомъ и пономаремъ Вообще уменьшеніе и увеличеніе причта зависѣло отъ богатства или бѣдности прихода Богатъ былъ приходъ и прихожане выбирали двухъ и трехъ священниковъ съ діакономъ и нѣсколькими дьячками и пономарями; бѣденъ былъ приходъ и прихожане довольствовались однимъ священникомъ съ однимъ или двумя причетниками.

Содержаніе приходскаго духовенства состояло вообще изъ двухъ статей доходовъ. Первая и главная статья въ содержаніи приходскаго духовенства была земля; къ каждой приходской церкви, какъ городской, такъ и сельской, было приписано извѣстное количество земли; въ городѣ—на церковный погостъ и причетническіе дворы, а въ селахъ—на погостъ, дворы и пашню съ сѣнокосомъ; земля эта постоянно была свободна отъ всѣхъ городскихъ и казенныхъ сборовъ и повинностей, на основаніи номоканона. Вторую статью дохода для духовенства составляли опредѣленная плата за церковную службу и добровольныя неопредѣленныя приношенія прихожанъ за разныя церковныя требы; объ этой платѣ и добровольныхъ приношеніяхъ мы имѣемъ свидѣтельство, относящееся еще къ XII столѣтію, — въ вспрашаніи Кирика указано за гривну служить

пять сорокоустовъ, а на шесть кунъ однажды, а на 12 купъ два раза, или сколько кто дастъ, все это и за пѣніе, и за службу, а за вино, и за темьянъ, и за свѣчи должно платить особо по разсчету. По свидѣтельству того же вспрашанія священнику давались отъ духовныхъ дѣтей особые дары за исповѣдь, и вѣроятно таковые же дары или приношенія давались приходскому духовенству и за другія церковныя требы, и въ томъ числѣ плата за славленье въ храмовые и другіе праздники; этотъ послѣдній доходъ вѣроятно былъ приведенъ въ опредѣленный размѣръ по чемъ съ двора; ибо въ владычнихъ росписяхъ значится, что причты изъ славленнаго дохода должны были платить владыкѣ опредѣленные проценты. Кромѣ сихъ двухъ главныхъ статей, общихъ для всѣхъ приходовъ, были еще двѣ статьи, принадлежащія не всѣмъ церквамъ, — это руга, или оброкъ, и вотчины. Руга принадлежала только такъ называемымъ ружнымъ церквамъ и означала постоянную опредѣленную плату за извѣстныя службы, а отнюдь не выражала полнаго содержанія причту, какъ объ этомъ ясно говоритъ грамота князя Всеволода Мстиславича. данная причту церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ; въ этой грамотѣ сказано: „Иванскимъ попомъ по осьми гривенъ серебра, а діакону четыре гривны серебра, а дьяку три гривны серебра, а сторожамъ три гривны серебра; а имати имъ тотъ оброкъ изъ вѣка на всякій годъ по моему данью великаго князя Всеволода. А попомъ пѣти у св. Ивана вседенная, у св. Захарья на

полатѣхъ пѣти по недѣлямъ и въ вѣки; а дьякону пѣти у св. Ивана суббота да недѣля изъ того оброка и въ вѣкъ". Слѣдовательно, по прямому свидѣтельству грамоты, оброкъ, или руга, и въ ружныхъ церквахъ назначался только за опредѣленное число церковныхъ службъ; всѣ же другія требы и церковныя службы сверхъ опредѣленнаго числа оплачивались прихожанами своему духовенству особо. Вторую побочную статью доходовъ приходскаго причта какъ мы уже сказали, составляли вотчины, ежели таковыя имѣлись при церквахъ: въ этой статьѣ на пользованіе доходомъ имѣли большое вліяніе прихожане и выборные отъ прихода старосты, которые принимали дѣятельное участіе въ управленіи церковными имуществами Прихожане были главными защитниками и патронами своей приходской церкви и причта, они ходатайствовали за свои церкви и причты у владыки. а равнымъ образомъ и у мірскихъ властей; такъ напримѣръ въ 1577 году, крестьяне Юсковской волости били челомъ Новгородскому архіепископу Ѳеодосію объ облегченіи владычнихъ даней съ ихъ приходской церкви и причта; и архіепископъ далъ имъ на это жалованную грамоту. Или въ 1577 году боярскіе дѣти, помѣщики Березовской волости, били челомъ архіепископу Новгородскому Александру о пожалованіи тарханной грамоты ихъ приходской церкви и причту; и архіепископъ далъ требуемую грамоту.

Приходскія церкви, равно какъ и монастыри, по общему порядку въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ

владѣніяхъ были обложены разными данями и повинностями въ пользу св. Софіи или Новгородскаго владыки. Приходскія церкви, по отношенію къ раскладкѣ и платежу даней и разныхъ пошлинъ на владыку Новгородскаго, раздѣлялись на старыя или становыя церкви, которыя облагались полнымъ платежемъ владычнихъ даней, и на выставочныя или новыя церкви, которыя или вовсе освобождались отъ платежа владычнихъ даней на опредѣленный срокъ, или только помогали въ платежѣ даней тѣмъ старымъ церквамъ, отъ которыхъ на ихъ долю отдѣлялась часть прихода. Владычни дани и пошлины, которыя платились церковными причтами въ Новгородскихъ владѣніяхъ, были слѣдующія: 1, подъѣздъ, т. е. опредѣленный платежъ, ежели бы владыка посѣтилъ церковь; этотъ платежъ былъ ежегодный, хотя бы владыка и не думалъ осматривать и посѣщать церкви своей епархіи; 2. благословенная куница, или пошлина отъ браковъ, которая увеличивалась или уменьшалась смотря потому, былъ ли первый бракъ, второй, или третій; за третій бракъ платилось пошлины въ четверо болѣе противъ перваго брака; 3, казенныя пошлины; 4, десятиньничи пошлины; 5, десятиньнику даръ; 6, десятиньничь кормъ; 7, черный кормъ: 8, записное и заѣздъ; 9, повозъ, т. е. снаряженіе подводъ и проводниковъ для владычней казны и на проѣздъ посыльныхъ владычнихъ людей, и 10, славленные деньги, т. е. процепты съ дохода отъ славленья въ праздники.

Кромѣ даней и пошлинъ на Новгородскаго владыку соборы, церкви и монастыри съ своихъ недвижимыхъ имуществъ, собственно съ вотчинъ, несли всѣ податные сборы и повинности въ пользу государства наровнѣ съ прочими вотчинниками. Съ недвижимыхъ населенныхъ имѣній они даже наряжали своихъ слугъ въ военные походы вмѣстѣ съ другими вотчинниками; но личная военная служба, на основаніи номоканоновъ, не распространялась на лица состоящія въ церковной службѣ и имѣющія посвященіе. Впрочемъ въ Новгородѣ въ крайнихъ случаяхъ военная служба иногда простиралась и на лица принадлежащія къ духовнымъ семействамъ, и даже на состоящихъ въ церковной службѣ, но еще не посвященныхъ. такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1148 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ позвалъ Новгородцевъ въ походъ на Юрія князя Суздальскаго, то Новгородцы на его зовъ отвѣчали: „ради съ тобою идемъ своихъ дѣля обидъ, княже! ать пойдетъ и всяка душа, аче дьякъ, а гуменцо ему постриженo, а не поставленъ будетъ, и тотъ пойдетъ, а кто поставленъ. тотъ пусть молится Богу“ Часто ли бывали подобные случаи въ Новгородѣ. неизвѣстно; въ лѣтописяхъ же мы встрѣчаемъ только одинъ этотъ случай. Да по всему вѣроятію, этотъ случай едва ли не былъ единственнымъ; ибо по тому уваженію, которымъ архіепископъ и духовенство пользовались въ Новгородскомъ обществѣ, мудрено допустить. чтобы Новгородцы употребляли принужденіе для верстанія въ военную

службу лицъ изъ семействъ духовнаго званія. Иное дѣло члены духовныхъ семействъ по доброй волѣ, какъ люди свободные, нерѣдко участвовали въ военныхъ походахъ, подобно другимъ вольнымъ людямъ, еще не зачисленнымъ въ число членовъ той или другой общины, на что мы имѣемъ довольно указаній въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ Вообще въ Новгородѣ духовенство, хотя и довольно зависѣло отъ свѣтскаго общества, тѣмъ не менѣе всегда находило себѣ защиту и надзоръ въ своемъ архіепископѣ; такъ что безъ согласія архіепископа и само вѣче немогло произвольно распоряжаться духовенствомъ. Въ Новгородѣ, какъ символъ неподвѣдомственности духовенства свѣтской власти, въ Софійскомъ храмѣ былъ мѣстный образъ Спасителя, о которомъ въ народѣ хранилось преданіе, что онъ привезенъ изъ Греціи и писанъ Греческимъ царемъ Эммануиломъ, и что царь. однажды замѣтивъ священника поступающаго неприлично сану, велѣлъ наказать его; послѣ чего во снѣ царю явился Спаситель въ томъ видѣ, въ какомъ изображенъ на иконѣ, и сказалъ: „Зачѣмъ восхищаешь ты святительскій судъ? Тебѣ дана власть надъ людьми, и твое дѣло оборонять ихъ отъ враговъ, святителямъ же поручено духовнѣ вязать и рѣшить“. И велѣдъ за тѣмъ, указуя пречистымъ своимъ перстомъ, какъ нынѣ видимъ на иконѣ, повелѣлъ пришедшимъ ангеламъ возложить раны на царя. И царь, проспувшись, чувствовалъ на тѣлѣ боль отъ ранъ, и увидѣлъ, что на иконѣ у Спасителя рука протянута и

указываетъ перстомъ внизъ, а не такъ, какъ она была написана прежде; и съ того времени царь пересталъ восхищать святительскій судъ Этотъ образъ, стоя въ Софійскомъ храмѣ на главномъ мѣстѣ въ иконостасѣ, постоянно какъ бы напоминалъ вольнымъ и, особенно во время мятежей, буйнымъ Новгородцамъ, что по Божію повелѣнію ихъ власть не простирается на духовенство, что это дѣло владыки, а не народа, что Господь не пощадилъ и Греческаго царя, дерзнувшаго восхитить святительскій судъ. Какъ бы то ни было, это преданіе было весьма знаменательно для Новгорода, гдѣ подъчасъ буйство народа не хотѣло знать предѣловъ.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Новгородское правительство.

Правительство Новгородское составлялъ самъ господинъ Великій Новгородъ и власти имъ избранныя; сіи послѣднія были или собственныя Новгородскія власти, или приглашенныя Новгородомъ со стороны, не изъ Новгородской земли.

Вѣче. Выраженіемъ власти самаго господина Великаго Новгорода было вѣче, или народная дума; эта власть была непрерывная и продолжалась до завоеванія Новгорода великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ Вѣче было самою верховною властію въ Новгородѣ, выше которой уже не было,

оно рѣшало всѣ дѣла и въ своихъ рукахъ держало судьбы Новгорода. Во 1-хъ вѣче приглашало князя въ Новгородъ и вѣче указывало ему путь изъ Новгорода, когда почему либо князь оказывался неугоднымъ народу; во 2-хъ вѣче наряжало судъ надъ всѣми властями въ Новгородѣ, даже надъ княземъ; такъ въ 1136 году вѣче судило Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, и обвинило его въ томъ, что 1-е, онъ не обороняетъ смердовъ; 2-е, что хотѣлъ сѣсть княземъ въ Переяславлѣ; 3-е, первый бѣжалъ съ поля битвы во время Суздальской войны и 4-е, сперва велѣлъ вступить Новгороду въ союзъ съ Черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, а потомъ велитъ отступить отъ этого союза. Или еще въ 1270 году вѣче судило князя Ярослава Ярославича и послало къ нему на Городище грамоту, въ которой прописало слѣдующія его вины: „чему отнялъ Волховъ гогольными ловцы, а поля заячьими ловцы, за чѣмъ завладѣлъ дворомъ Алексы Мортынича, за чѣмъ поималъ серебро на Никифорѣ Манускиничѣ, а иное за чѣмъ выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ? А нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья поѣди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ". Въ 3 хъ вѣче избирало всѣхъ властей по Новгородскимъ владѣніямъ. Въ 4-хъ вѣче казнило и жаловало, ему приносились жалобы на неправый судъ и на всякія обиды по Новгородской землѣ, на которыя не давали управы другія власти. Въ 5-хъ вѣче издавало и отмѣняло законы,

давало грамоты на земли и разныя привиллегіи. Въ 6-хъ вѣче объявляло войну и заключало миръ съ сосѣдними государствами: договорныя грамоты писались обыкновенно отъ всего Новгорода, отъ старѣйшихъ и меньшихъ, т. е. отъ вѣча. Въ 7-хъ, наконецъ. вѣче установляло подати и повинности, увеличивало ихъ и уменьшало по своему усмотрѣнію, и опредѣляло какую употреблять монету. Вообще всякое выраженіе воли цѣлаго Новгорода принадлежало вѣчу.

На вѣчѣ, въ правильномъ его составѣ, имѣли право участвовать и имѣть голосъ, всѣ члены Новгородскаго общества, т. е всѣ домовладѣльцы. хозяева, бывшіе дѣйствительными членами той или другой Новгородской общины, какъ богатые, такъ и бѣдные. какъ бояре и купцы такъ и черные люди; ибо, по свидѣтельству всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, приговоры или рѣшенія вѣча давались какъ отъ большихъ, такъ и отъ меньшихъ; но это отнюдь незначило, что на правильномъ вѣчѣ, собранномъ въ узаконенномъ порядкѣ, на узаконенномъ мѣстѣ и узаконенными властями, собирался поголовно весь народъ, т. е. и такъ называемые вольные люди, не состоящіе членами ни въ одной Новгородской общинѣ Но совсѣмъ иное бывало, когда во время борьбы партій собиралось заразъ по нѣскольку вѣчей даже по домамъ; здѣсь уже едвали соблюдался какой порядокъ и вѣроятно неспрашивалось. кто домохозяинъ кто бездомный бродяга; здѣсь вся забота состояла въ томъ только, чтобы

набрать побольше народу, оставить толпу и имѣть задорныхъ предводителей толпы. Таковыя вѣча иногда собиралъ одинъ черный народъ безъ участія старѣйшихъ или большихъ; такъ напримѣръ лѣтопись подъ 1228 годомъ, описывая изгнаніе владыки Арсенія, говоритъ: „діаволъ воздвиже на Арсенія крамолу велику, простую чадь, и сотворше вѣче на Ярославлѣ дворѣ и придоша на владычень дворъ". Тогда какъ на правильномъ вѣчѣ должны были присутствовать степенный посадникъ и степенный тысяцкій; какъ напримѣръ подъ 1418 годомъ лѣтопись говоритъ: послалъ владыка Симеонъ архимандрита Варлаама и отца своего духовнаго и протодіакона на Ярославль дворъ на вѣче, да подадутъ благословеніе степенному посаднику Василью Есиповичу и тысяцкому Кузмѣ Терентьевичу, да идутъ въ домы своя.

Обычнымъ и законнымъ мѣстомъ собранія правильнаго вѣча были Ярославль дворъ и площадь у Софійской церкви; кромѣ того обычными законными мѣстами частныхъ вѣчей по концамъ города щитались тѣ площади, гдѣ находилось мѣстное управленіе того или другаго конца. Вѣча же чрезвычайныя, неправильныя, собиравшіяся во время борьбы партій, неимѣли опредѣленныхъ мѣстъ для своего собранія; впрочемъ они собирались преимущественно около церквей, чтобы воспользоваться для сбора народа церковнымъ колоколомъ. Иногда таковыя вѣча сбирались по всему городу, у всѣхъ церквей: такъ подъ 1418 годомъ лѣтопись говоритъ: „и начаша звони-

ти по всему городу, и начаша людіе срыскивати-ся съ обою странъ аки на рать, въ доспѣсѣхъ, на великій мостъ“ Или подъ 1218 годомъ въ лѣтописи сказано: „и звониша Онипоповици черезъ ночь у св. Николы, а Неревскій конецъ у сорока святыхъ копяче люди на Твердислава“. Правильное вѣче созывалось или княземъ или посадникомъ, и для этого князь или посадникъ посылали отъ себя биричей или подвойскихъ, которые ходили по улицамъ и созывали людей, которымъ должно идти на вѣче; такъ подъ 1345 годомъ въ лѣто́писи сказано: „вста угъ вѣтеръ съ снѣгомъ, и снесе ледъ въ Волховъ, и выдра семь городень (моста) о обѣднѣ, только успѣлъ посадникъ степенный перейти со всѣмъ вѣчемъ на торговую сторону, т. е. на Ярославль дворъ или обычное мѣсто собранія законнаго вѣча. Это извѣстіе показываетъ, что правильное законное вѣче первоначально собиралось не на Ярославовомъ дворѣ или у церкви св. Софіи, а вѣроятно на той улицѣ, гдѣ жилъ степенный посадникъ, а потомъ уже торжественно шествовало подъ предводительствомъ посадника на Ярославль дворъ или къ церкви св. Софіи Звонъ колоколовъ для сбора вѣча преимущественно употреблялся только во время вражды партій, или при какомъ возстаніи, когда вдругъ являлось по нѣскольку вѣчей и когда не было возможности обращаться къ правильному приглашенію черезъ биричей и подвойскихъ. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ извѣстій о сборѣ вѣча по звону колокола, мы имѣемъ

только одно извѣстіе, что въ спокойное время было собрано вѣче по звону колокола, именно подъ 1299 годомъ въ лѣтописи сказано: „по представленіи же Климентовѣ (архіепископа), Новгородцы много гадавше съ посадникомъ Андреемъ, взлюбиша вси Богомъ назнамѣнанна мужа добра и смиренна, Θеоктиста игумена св. Благовѣщенія; и съзвонивше вѣче у св. Софіи, князь Борисъ Андреевичъ со всѣми Новгородцы введоша его съ поклономъ и посадили на владычнемъ дворѣ“. Но и изъ этого извѣстія нельзя еще заключить, чтобы граждане были собраны на вѣче звономъ колокола, ибо въ этомъ извѣстіи прямо сказано, что еще до звона колокола посадникъ и Новгородцы много разсуждали кого избрать на мѣсто скончавшагося владыки, и уже только согласившись избрать Θеоктиста съзвонили вѣче; слѣдовательно по этому извѣстію звонъ колокола употреблялся не для сбора гражданъ, а только для открытія вѣча, когда граждане уже были на обычномъ вѣчевомъ мѣстѣ. Звонъ колокола слѣдовательно употреблялся только для открытія засѣданій правильнаго вѣча, и для сбора гражданъ на чрезвычайныя вѣча и на вѣча неправильныя, собираемыя во время возстанія

На правильное вѣче Новгородцы собирались каждый конецъ и каждая улица съ своими кончанскими и уличанскими старостами; какъ бояре, житьи люди, купцы, такъ и черные люди шли съ своими старостами и сотскими сперва къ степенному посаднику, повѣщавшему о сборѣ, и потомъ отъ не-

го и подъ его предводительствомъ и при степенномъ тысяцкомъ отправлялись на вѣче на Ярославль дворъ или къ церкви св. Софіи. А когда вѣче собиралъ князь, и вообще когда князь былъ въ согласіи съ Новгородцами и на это время былъ въ Новгородѣ то и онъ являлся на вѣче, а за его отсутствіемъ приходилъ его намѣстникъ Но на вѣчѣ никогда не присутствовали ни владыка Новгородскій и никто изъ духовнаго чина; объ отсутствіи духовенства на вѣчѣ лѣтописи говорятъ прямо, даже и тогда, когда вѣче сбиралось для избранія архіепископа; такъ подъ 1388 годомъ въ лѣтописи сказано, что по удаленіи на покой владыки Алексѣя, много гадавъ посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ игумены и попове... изволиша, отъ Бога пріяти извѣщенія и уповати на милость его; и избрали трехъ мужей и положили три жеребьи на престолѣ св Софіи.... И въ слѣдъ за тѣмъ іереи начали соборомъ обѣдню пѣти, а Новгородцы стояша вѣчемъ у св. Софіи". Владыка только иногда приглашался вѣчемъ для преподанія благословенія, да и то уже по окончаніи разсужденій и споровъ, когда уже вѣче на что либо рѣшилось; такъ въ 1398 году Новгородцы, порѣшивши на вѣчѣ начать войну съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, просили на это благословенія у своего владыки Іоанна; въ лѣтописи сказано: „и били челомъ посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ и посадникъ Юрьи Дмитріевичъ. Василій Борисовичъ и бояре. и дѣти боярскіе, и житьи люди,

и купетскіе дѣти и всѣ ихъ вои: благослови, господине отче владыко, поискати св Софіи пригородовъ и волостей, паки ли свои головы положить за св. Софію.... И владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей и воеводъ Новородскихъ и всѣхъ воиновъ".

Граждане, собранные на правильное вѣче узаконеннымъ порядкомъ, пришедши на Ярославль дворъ, садились на приготовленныхъ для вѣча степеняхъ, вѣроятно каждый конецъ и каждая улица особо, при своихъ старостахъ и сотскихъ, степенный же посадникъ и степенный тысяцкій и старые посадники и старые тысяцкіе особо. На это мы имѣемъ указанія лѣтописей и другихъ памятниковъ; такъ на сидѣніе членовъ вѣча указываетъ одно лѣтописное извѣстіе подъ 1359 годомъ, въ которомъ сказано: „створися поторжъ не мала на Ярославлѣ дворѣ и сѣча бысть, понеже Славляне въ поспѣхахъ подсѣли и разогнали Зарѣчанъ, а тѣ безъ доспѣха были". Или въ грамотѣ, данной вѣчемъ Соловецкому монастырю на Анзерскій и другіе острова, сказано, что грамота дана по благословенію владыки посадникомъ, тысяцкимъ и всѣми пятью концами Новгорода, и къ грамотѣ приложены печати владыки, степеннаго посадника, степеннаго тысяцкаго и пяти концевъ. На вѣчѣ, собранномъ правильно, всегда при посадникѣ и тысяцкомъ находился вѣчевый или вѣчный дьякъ и при немъ конечно подьячіе, на которыхъ лежали всѣ письменныя дѣла по вѣчу, дьякомъ составлялись и скрѣплялись вѣчевыя грамоты. При правиль-

номъ вѣчѣ были свои оффиціальные служители Новгородскіе биричи и подвойскіе, которые приводили въ исполненіе опредѣленія вѣча вмѣстѣ съ вѣчевымъ дьякомъ; такъ по приговору и по рѣшенію вѣча, въ 1456 году, Новгородскіе подвойскіе Степанъ Ильинъ, Степанъ Григорьевъ и вѣчный дьякъ Яковъ платили великому князю Василью Васильевичу условленные тысячу рублевъ и возвратили къ Новгороду Новгородскія земли, бывшія у великаго князя въ залогѣ. Когда рѣшеніе вѣча состоялось и нужно было писать грамоту; то эта грамота писалась отъ всего Новгорода такимъ порядкомъ: „отъ посадника великаго Новгорода степеннаго (такого-то) и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго Великаго Новгорода степеннаго (такого-то) и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ положили сдѣлать то-то.“ Вѣче имѣло свою печать, на которой писалось такъ: „печать Новгородская, или печать Великаго Новгорода.“ Вѣчевыя грамоты иногда утверждались еще печатьми посадниковъ, тысяцкихъ и пяти концовъ.

Когда Новгородцы почему-либо ненадѣялись на успѣхъ вѣча, составленнаго только изъ гражданъ самаго Новгорода; то приглашали на свое вѣче и выборныхъ изъ Новгородскихъ пригородовъ; такъ въ 1136 году Новгородцы пригласили Псковичей и Ладожанъ и общимъ вѣчемъ рѣшили изгнать своего князя Всеволода Мстиславича. Впрочемъ таковыя

приглашенія были весьма рѣдки и нисколько не были нормальны и отнюдь не щитались необходимыми, чтобы приговоръ вѣча былъ обязателенъ для всѣхъ Новгородскихъ пригородовъ; ибо обязательность приговоровъ Новгородскаго вѣча для пригородовъ нисколько не отрицалась, когда правильное вѣче собрано было только изъ однихъ гражданъ самаго Новгорода, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „на чѣмъ то старшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“ Ибо государемъ всей Новгородской земли и всѣхъ волостей былъ господинъ Великій Новгородъ, и по сему пригороды постоянно должны были находиться въ повиновеніи у Новгородскаго вѣча, оно посылало туда и своихъ посадниковъ и другихъ начальниковъ, или по крайней мѣрѣ утверждало выбранныхъ пригородомъ. Хотя и въ пригородахъ были свои вѣча; но этимъ ни мало не нарушалось и не стѣснялось значеніе Новгородскаго вѣча, какъ выраженіе воли всего Новгорода; пригороды были независимы въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, и посему имѣли свои вѣча; но въ общихъ дѣлахъ всей Новгородской земли они повиновались Новгородскому вѣчу.

Кромѣ правильно составленныхъ общихъ вѣчъ отъ всего Новгорода и частныхъ вѣчъ по концамъ и улицамъ, было еще много вѣчъ неправильныхъ, чрезвычайныхъ, собранныхъ безъ соблюденія обычныхъ формъ. Сіи неправильныя или чрезвычайныя вѣча иногда составлялись однимъ концомъ, или одною улицею, иногда нѣсколькими концами и ули-

цами, иногда торговой стороной противъ Софійской стороны и наоборотъ, иногда одними черными людьми безъ участія другихъ классовъ. Такъ въ 1218 году Онциоловцы, т. е. торговая сторона, съзвонили вѣче у святаго Николы, а Неревляне у сорока святыхъ, собирая народъ на посадника Твердислава; а Твердиславъ съ Людинымъ концомъ и Пруссами составилъ свое вѣче, и вѣча сіи собирались цѣлую недѣлю. Или въ 1228 году черные люди, простая чадь, составляли вѣче на Ярославлѣ дворѣ противъ владыки Арсенія, отправили его въ Хутынь монастырь и возвели на владычень дворъ прежняго владыку Антонія; а на другій день всѣмъ городомъ прямо съ вѣча пошли въ оружіи на тысяцкаго Вячеслава и другихъ бояръ, разграбили ихъ дворы и выбрали новаго тысяцкаго. Или въ 1384 году Словенскій конецъ принялъ сторону князя Патрикія Наримантовича и поставилъ вѣче на Ярославлѣ дворѣ, а противники Словенцевъ составили вѣче у св. Софіи. Бывали вѣча даже во время военныхъ походовъ, въ которыхъ разумѣется нельзя было соблюдать всѣхъ формъ, требовавшихся въ спокойное время, и въ которыхъ одинаковый голосъ подавали всѣ участвующіе въ походѣ. Впрочемъ неправильныя самовольныя вѣча начались въ Новгородѣ не раньше втораго десятилѣтія XIII вѣка, по крайней мѣрѣ по лѣтописямъ первое неправильное вѣче упоминается только съ 1218 года. Иногда неправильныя самовольныя вѣча принимали такіе размѣры и такую силу, что для правильнаго

вѣча не было уже и мѣста, такъ что сами степенные посадникъ и тысяцкій присоединялись къкоторому-либо изъ самовольныхъ вѣчей и весь городъ разпадался на двѣ противныя стороны. Какъ это, напримѣръ, было въ 1418 году, когда во время народнаго мятежа составилось два вѣча,—одно у св. Софіи, а другое на Ярославлѣ дворѣ, и къ послѣднему пристали степенный посадникъ Василій Есиповичъ и степенный тысяцкій Козма Терентьевичъ, и когда по усильной просьбѣ старыхъ посадниковъ и старыхъ тысяцкихъ архіепископъ Симеонъ вышелъ на Волховскій мостъ въ полномъ облаченіи и съ крестнымъ ходомъ, и подавая благословеніе той и другой сторонѣ, убѣдилъ посадниковъ и тысяцкихъ разпустить то и другое вѣче. А иногда неправильное самовольное вѣче одерживало верхъ надъ правильнымъ, лишало власти прежнихъ главныхъ начальниковъ, именно посадника и тысяцкаго, и выбирало своихъ новыхъ начальниковъ; такъ это было въ 1230 году, когда Степанъ Твердиславичъ самовольно составилъ вѣче на посадника Водовика, и это самовольное вѣче, одержавъ верхъ надъ правильнымъ вѣчемъ, выбрало въ посадники своего предводителя Степана Твердиславича, и въ тысяцкіе Никиту Петриловича.

За вѣчемъ въ Новгородскомъ правительствѣ слѣдовали выборныя власти, назначенныя самимъ вѣчемъ и прежде всего власти собственно Новгородскія, свои домашнія, избранныя изъ Новгородскихъ же гражданъ. Къ этому разряду Новгородскихъ вла-

стей принадлежали: 1. посадникъ, 2. тысяцкій, 3. старосты, 4. сотскіе, 5. бирячи и 6. подвойскіе.

Посадникъ. Посадникъ въ Новгородѣ былъ первою выборною властію (изъ Новгородцевъ) послѣ владыки. Посадники первоначально, также какъ и епископы, присылались въ Новгородъ изъ Кіева и были не больше какъ намѣстниками князя; но со времени борьбы Новгорода съ своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ этотъ порядокъ измѣнился, и посадники изъ княжескихъ чиновниковъ обратились въ выборныхъ отъ народа съ властію немногимъ меньшею противъ княжеской власти, такъ что князь въ Новгородѣ ничего не могъ дѣлать безъ посадника Первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный Новгородскимъ вѣчемъ въ 1126 году. Въ посадники по Новгородскимъ порядкамъ выбирались исключительно одни бояре и притомъ изъ извѣстныхъ, богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ боярскихъ фамилій; такъ что въ продолженіе времени отъ 1126 до 1400 года по лѣтописямъ мы можемъ насчитать не болѣе сорока фамилій изъ которыхъ выбирались посадники и тысяцкіе: изъ нихъ нѣкоторые дали по нѣскольку посадниковъ почти слѣдовавшихъ одинъ за другимъ: такъ напримѣръ фамилія Михаила Степанича дала Новгороду двѣнадцать посадниковъ, ясно засвидѣтельствованныхъ лѣтописями въ продолженіе времени съ 1180 по 1388 г., т. е. въ продолженіи двухъ сотъ осми лѣтъ (*).

(*) Михаль Степаничъ въ 1 разъ былъ выбранъ въ посадники въ 1180 году, а во второй разъ въ 1203 году; сынъ Михаля Твер-

Избирались ли посадники на опредѣленный срокъ или безсрочно, объ этомъ нельзя сказать съ полною увѣренностію; но можно догадываться, судя по общему порядку выборовъ въ Новгородѣ, что въ санъ посадника, равно какъ и въ санъ владыки и въ другія должности, Новгородцы выбирали безсрочно, только съ неотъемлемымъ правомъ вѣча смѣнять выбраннаго

дославъ Михайловичъ въ первый разъ былъ выбранъ въ посадники въ 1209 году, а въ 1211 году уступилъ посадничество Дмитру Якуничу какъ старѣйшему, потомъ опять былъ посадникомъ въ 1214 году, а въ 1215 году далъ посадничество Юрью Ивановичу, но въ 1216 году опять выбрали въ посадники Твердислава, и на этотъ разъ онъ управлялъ до 1220 года. Сынъ Твердислава Степанъ получилъ посадничество въ 1230 году и правилъ до 1243 года. Сынъ Твердислава Михаль получилъ посадничество въ 1255 году. Сынъ Михаля Михаль Мишинничъ выбранъ въ посадники въ 1273 году и былъ посадникомъ до 1280 года, потомъ другій сынъ Юрій Мишинничъ былъ посадникомъ съ 1290 по 1292 годъ. Сынъ Юрья Мишинича, Варѳоломей былъ выбранъ въ посадники въ 1321 году, а двоюродный его братъ Захарій Михайловичъ, сынъ Михаля Мишинича, получилъ посадничество въ 1332 году, а Варѳоломѣевъ сынъ Матвѣй въ 1345 году, потомъ въ 1350 году былъ выбранъ въ посадники Варѳоломѣевъ внукъ, отъ сына Луки. Анцифоръ, а въ 1357 году Онцифоровъ дядя Андреянъ Захарьинничъ, сынъ Захарія Михайловича, въ 1359 году другій внукъ Варѳоломѣя Никита Матвѣевичъ, и наконецъ въ 1388 году Юрьи Захарьинничъ, дядя Никиты Матвѣевича. Кромѣ того упоминаются посадники, кажется также изъ фамиліи Михаила Степанича, подъ 1402 годомъ Кириллъ Андреяновичъ, вѣроятно сынъ Андреяна Захарьинича, посадничавшаго въ 1357 году; потомъ еще посадники: подъ 1407 годомъ Исаакъ Онцифоровичъ, подъ 1411 годомъ Юрьи Онцифоровичъ и подъ 1422 годомъ Лукьянъ Онцифоровичъ, вѣроятно дѣти Онцифора Лукинича. Кромѣ фамиліи Михаила Степанича, и по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ можно указать въ Новгородѣ еще нѣсколько фамилій, изъ которыхъ преимущественно выбирались посадники; таковы фамиліи: Мирослава Гюрятинича, давшая Новгороду четырехъ посадниковъ, фамилія Дмитра Завидича, фамиліи Онаньи, Захарія и другія.

посадника, какъ скоро вѣче признаетъ его неугоднымъ. А посему нѣкоторые посадники исправляли свою должность по нѣскольку лѣтъ сряду; напримѣръ Мирошка Нездиничъ 14 лѣтъ. Степанъ Твердиславичъ безъ двухъ мѣсяцевъ 13 лѣтъ, Онанья 12 лѣтъ, Михайло Ѳедоровичъ 11 лѣтъ. Иванко Дмитровичъ 9 лѣтъ; а другіе посадники избирались по нѣскольку разъ; такъ первый выборный посадникъ Мирославъ Гюрятиничъ избирался три раза: въ 1126, въ 1132 и въ 1134 годахъ; сынъ его Якунъ также избирался три раза въ 1137, въ 1156 и въ 1167 годахъ. Посадникъ Андрей Климовичъ въ первый разъ былъ выбранъ въ 1286 году и правилъ шесть лѣтъ. А были посадники, которые смѣнялись до истеченія года; какъ напримѣръ въ 1175 году дали посадничество Ярославу, и въ томъ же году отняли у него и дали Завиду Неревиничу. Лучшимъ свидѣтельствомъ, что посадники избирались не на срокъ, служитъ то, что въ лѣтописяхъ смѣна посадниковъ обыкновенно обозначалась выраженіями: *отъяша посадничество у такого-то и даша такому-то* или *выгнаша такого-то*, или *убиша*. А конечно, ежели бы посадникъ выбирался на срокъ, то не было бы надобности употреблять такія выраженія. При правильномъ выборѣ посадниковъ, кажется, наблюдалось старшинство боярскихъ фамилій; такъ подъ 1211 годомъ читаемъ: „прінде Дмитръ Якуничъ изъ Руси, и съступися Твердиславъ посадничества по своей воли старѣйшему себе, и даша посадничество Дмитру“ Посадники по приго-

родамъ выбирались также изъ Новгородскихъ боярскихъ фамилій. Мы имѣемъ нѣсколько извѣстій, въ которыхъ прямо говорится, что пригородскими посадниками были члены Новгородскихъ боярскихъ фамилій, выбираемые на эту должность Новгородскимъ вѣчемъ, и которые потомъ опять изъ пригородовъ выбирались вѣчемъ въ Новгородскіе посадники, или смѣненные съ посадничества въ Новгородѣ посылались посадниками по пригородамъ: такъ напримѣръ Мирославъ Гюрятиничъ, въ 1126 выбранный въ посадники Новгородскіе, въ 1132 году былъ назначенъ посадникомъ въ Псковъ, и чрезъ два года опять выбранъ въ посадники въ Новгородъ. Или Нежата въ 1160 году былъ выбранъ въ посадники въ Новгородъ, а въ 1164 году его перевели посадникомъ въ Ладогу Или въ 1229 году отняли посадничество у Иванка Дмитровича въ Новгородѣ и дали ему въ то же время посадничество въ Торжкѣ. Или въ 1257 году Ладожскаго посадника Михаила Ѳеодоровича перевели посадникомъ въ Новгородъ. Вообще посадники Новгородскіе выбирался преимущественно изъ однихъ и тѣхъ же боярскихъ фамилій.

Въ Новгородѣ посадники раздѣлялись на *степенныхъ* и *старыхъ посадниковъ*. Степеннымъ посадникомъ назывался тотъ, который въ данное время правилъ городомъ, исправлялъ прямыя обязанности посадника; старымъ же посадникомъ назывался тотъ, который прежде былъ посадникомъ и въ данное время не управлялъ городомъ. Какъ въ

древнемъ Римѣ разъ бывшій консуломъ на всю жизнь оставался консуляромъ, такъ и въ Новгородѣ разъ бывшій степеннымъ посадникомъ на всю жизнь оставался старымъ посадникомъ и имѣлъ нерѣдко преимущество въ общественной службѣ предъ другими боярами, не бывшими въ посадникахъ. Старымъ посадникомъ въ Новгородѣ преимущественно поручались разныя важныя государственныя дѣла, они предводительствовали войсками и правили посольства въ сосѣднія государства, участвовали въ пріемѣ пословъ отъ сосѣднихъ государей и утверждали договорныя грамоты вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ; но ихъ имена въ самыхъ грамотахъ не прописывалось, они только прикладывали къ грамотамъ свои печати, которыя отличались отъ печати степеннаго посадника тѣмъ, что въ нихъ прописывалось имя того, чья печать, напримѣръ: „Яковлева печать, посадника Новгородскаго.“ „Юрьева печать Ивановича, посадника Новгородскаго“, тогда какъ на печати степеннаго посадника имени не прописывалось, а обозналась просто: „Новгородская печать посадника.“ Впрочемъ печати старыхъ посадниковъ не всегда прикладывались къ договорнымъ грамотамъ, и притомъ рядомъ съ печатями старыхъ посадниковъ помѣщались и печати бояръ не бывшихъ посадниками; такъ напримѣръ изъ одиннадцати печатей, приложенныхъ къ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, писанной въ 1317 году, впереди помѣщены двѣ печати посадника и тысяцкаго степен-

ныхъ, потомъ печать боярина Спльвестра, на четвертомъ мѣстѣ печать стараго тысяцкаго Филиппа, на пятомъ, шестомъ и седьмомъ мѣстахъ печати старыхъ посадниковъ Якова Андрѣянова и Юрья Ивановича; осьмое мѣсто занимаетъ печать стараго тысяцкаго Онисія; девятое, десятое и одиннадцатое мѣста занимаютъ печати бояръ Іева Еремѣевича, Семена Андреевича и Степанова. Изъ этаго порядка печатей видно, что основаніе старшинства полагалось не въ томъ, занималъ ли какой бояринъ прежде должность посадника или тысяцкаго, а вѣроятно въ старшинствѣ фамилій; ибо печать боярина Спльвестра помѣщена впереди всѣхъ печатей старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ Такимъ образомъ старые посадники не составляли въ Новгородѣ какого-либо отдѣльнаго правительственнаго класса, а сошедши съ степени настоящаго правительствующаго посадника, поступали въ разрядъ бояръ, удерживая только за собою имя старыхъ посадниковъ, но отнюдь не дѣлаясь чрезъ это выше бояръ не бывшихъ посадниками; между боярскими фамиліями былъ свой счетъ старѣйшинства безъ отношенія къ тому, какую кто занималъ должность.

Старый посадникъ, т. е. человѣкъ лишившійся достоинства степеннаго посадника, обыкновенно продолжалъ поддерживаться своею партіею, и при удобномъ случаѣ опять получалъ званіе степеннаго посадника; а до пріисканія таковаго случая занималъ какую либо низшую должность напримѣръ должность посадника въ пригородѣ, или должность

тысяцкаго, или должность кончанскаго, или уличанскаго старосты; а когда его партія вновь получала побѣду надъ противниками, то и онъ возвращалъ свое достоинство, разумѣется по новому выбору вѣча, на которомъ руководила его торжествующая партія; такъ напримѣръ первый выборный посадникъ Мирославъ въ 1128 году былъ лишенъ степени посадничества въ Новгородѣ, а въ 1132 году получилъ посадничество во Псковѣ, черезъ два же года опять получилъ посадничество въ Новгородѣ Иногда же старый посадникъ вовсе не получалъ никакой общественной должности, но тѣмъ не менѣе оставался предводителемъ своей партіи и нерѣдко дѣйствовалъ противъ степеннаго посадника; такъ напримѣръ въ 1418 году старые посадники и тысяцкіе во время мятежа составили съ своими сторонниками вѣче на Софійской сторонѣ, а степенные посадникъ Василій Есиповичъ и тысяцкій Козма Терентьичъ созвали вѣче на Ярославовомъ дворѣ; и старые посадники принудили степенныхъ посадника и тысяцкаго распустить свое вѣче и разойтися по домамъ. Впрочемъ все это дѣлали старые посадники, не потому что они были старыми посадниками, а потому что они предводительствовали достаточно сильною боярскою партіею; оставленная же степень посадника имъ не сообщала ни особой силы, ни особого значенія.

Степенный посадникъ въ Новгородѣ былъ собственно главнымъ и полнымъ представителемъ Нов-

города въ дѣлахъ мира и войны и въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, замѣняющимъ на данное время волю вѣча. Всѣ договоры Новгорода съ сосѣдями, ежели они не были писаны прямо отъ имени вѣча, писались отъ имени посадника, владыки и тысяцкаго; впрочемъ имена послѣдникъ иногда и пропускались, отъ ихъ же имени безъ имени посадника немогла быть написана ни одна грамота, относящаяся къ цѣлому Новгороду. Посадникъ собственно былъ правителемъ Новгорода отъ земщины, постояннымъ органомъ народной воли, выбраннымъ на эту службу вѣчемъ. Западные Европейцы въ сношеніяхъ своихъ съ Новгородомъ обыкновенно посадника Новгородскаго называли Бургафомъ. Значеніе степеннаго посадника въ Новгородѣ такъ было велико, что Новгородцы въ иное время оставались довольно продолжительно безъ князя за однимъ посадникомъ; такъ напримѣръ лѣтопись подъ 1167 годомъ говоритъ: „тогда дали посадничество Якуну; и сидѣли Новгородцы безъ князя за Якуномъ отъ Семеня дни до велика дни“, т. е. слишкомъ семь мѣсяцевъ, и притомъ въ самое трудное время, когда Новгородъ тѣснили сосѣдніе князья и навязывали Новгородцамъ князя противъ ихъ воли. Посадникъ въ своемъ управленіи на столько былъ самостоятеленъ, что по закону неиначе могъ быть смѣненъ княземъ, какъ только по опредѣленію вѣча, и то по суду, когда онъ окажется въ чемъ нибудь виноватымъ. Такъ когда въ 1218 году князь Святославъ прислалъ сказать

на вѣчѣ, что не можетъ быть съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество; то вѣче спросило въ чѣмъ виноватъ Твердиславъ; и на отвѣтъ князя, что онъ лишаетъ его посадничества безъ вины, Новгородцы отвѣчали: „княже! ежели нѣтъ за нимъ вины, то ты къ намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа не лишити; а тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ посадникъ, мы не уступимъ“.

Права и обязанности степеннаго Новгородскаго посадника состояли въ слѣдующемъ: 1-е. Посадникъ былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ; такъ что князь безъ посадника неимѣлъ права ни судить, ни управлять въ Новгородѣ; даже военные походы князя всегда были въ сопровожденіи посадника, князь былъ непосредственнымъ и главнымъ начальникомъ только надъ своею дружиною, или надъ повольниками, ежели они къ нему присоединялись; полки же Новгородскіе, правильно собранные по раскладкѣ, всегда были подъ непосредственнымъ начальствомъ посадника или того воеводы, которому посадникъ или вѣче поручитъ ихъ; и посадникъ или воевода, предводительствуя войскомъ Новгородскимъ, отвѣчали не передъ княземъ а передъ вѣчемъ. 2-е. У посадника была Новгородская печать съ такимъ штемпелемъ: „Новгородская печать посадника“; эта печать прикладывалась ко всѣмъ граматамъ, выдаваемымъ отъ имени посадника. 3-е. Посадникъ созывалъ вѣче, велъ его торжественно на Ярославовъ дворъ и открывалъ собраніе, предлагалъ на разсмотрѣніе вѣ-

ча вопросы по дѣламъ требовавшимъ вѣчеваго рѣшенія; правильно собранное вѣче обыкновенно находилось подъ руководствомь посадника, онъ смотрѣлъ за порядкомъ, и разсуждалъ съ членами вѣча. Въ лѣтописяхъ о правильныхъ вѣчахъ обыкновенно говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „гадавъ посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ, рѣшили такъ-то". Или: „много гадавше съ посадникомъ и тысяцкимъ рѣшили то-то". Или подъ 1264 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „сдумавше съ посадникомъ Михайломъ, послаша по князя Ярослава брата Александрова". 4-е. Посадникъ предводительствовалъ Новгородскимъ войскомъ и водилъ его въ походы даже безъ князя; такъ въ 1167 году посадникъ Якунъ водилъ Новгородскіе полки къ Русѣ, противъ князя Святослава и его союзниковъ Онъ же защищалъ Новгородъ 1169 году противъ рати Андрея Боголюбскаго. Или въ 1270 году Новгородскою ратью, противъ князя Ярослава Ярославича, предводительствовалъ посадникъ Павша Ананьичъ. 5-е. Посадникъ укрѣплялъ какъ самый Новгородъ, такъ и пригороды по приговору вѣча, или распоряженію князя; такъ въ 1211 году князь Мстиславъ, отправившись самъ защищать Торжекъ, посадника Дмитрія Якунича съ Новгородцами послалъ на Луки ставить городъ. 6-е. Посадникъ отъ имени Новгорода велъ переговоры съ сосѣдними владѣтелями; а посему во всѣхъ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ прописывалось имя посадника, при которомъ заключенъ миръ Иногда посадникъ для

переговоровъ ѣздилъ къ тому князю, съ которымъ у Новгорода было какое либо дѣло, требовавшее переговоровъ; также иногда посадникъ съ владыкою и другими выборными ѣздили приглашать князя въ Новгородъ. 7-е. Посадникъ былъ защитникомъ гражданъ противъ князя, ежели бы тотъ вздумалъ обижать ихъ; по закону князь не имѣлъ права арестовать и осудить Новгородца безъ согласія посадника а посему князья всегда старались о томъ, чтобы посадникъ былъ изъ ихъ сторонниковъ. 8-е. Посадникъ съ тысяцкимъ новоизбраннаго владыку Новгородскаго вводилъ въ домъ св. Софіи на сѣни, т. е. передавалъ новоизбранному управленіе Новгородскою церковію. 9-е. Должности посадника, равно какъ и должности тысяцкаго были предоставлены опредѣленные доходы съ разныхъ областей, подъ именемъ поралья посадника и тысяцкаго.

Вліяніе посадника въ Новгородѣ такъ было сильно, что за посадника, въ случаѣ нападеній отъ князя, вступался народъ, бралъ оружіе и защищалъ посадника; такъ въ 1220 году за посадника Твердислава вооружились противъ князя Всеволода Прусы, Людинъ конецъ и Загородцы и стали около Твердислава пятью полками. Вообще, чтобы сдадить посадника, на это требовалось согласіе большинства, и ежели у посадника была сильная партія, то дѣло необходилось безъ боя и грабежа на улицахъ; такъ напримѣръ въ 1388 году три конца Софійской стороны возстали на посадника Есипа Захарьинича, созвонили вѣче у св. Софіи и пря-

мо съ вѣча въ оружіи бросились на его дворъ и сожгли хоромы и все разграбили. Посадникъ бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ и за него стала вся торговая сторона, начали грабить людей отбивать перевозниковъ отъ берега, а перевозныя суда рубить; и въ такомъ положеніи городъ находился цѣлыхъ двѣ недѣли; и только по истеченіи этого времени обѣ сторопы успѣли согласиться и смѣнили посадника Есипа Захарьинича, и дали посадничество Василью Ивановичу. При общемъ же согласіи народа смѣна посадника по приговору вѣча производилась тихо, безъ споровъ. Степень посадничества вѣче передавало новому избранному лицу, а посадникъ, лишенный своей степени, или оставался почетнымъ лицомъ съ именемъ стараго посадника, или получалъ другое назначеніе, посылался посадникомъ куда въ пригородъ, или отправлялся воеводою въ какой либо походъ, или посланникомъ къ какому либо государю. Впрочемъ такъ мирно кончалась смѣна посадника только тогда, когда посадникъ просто былъ неугоденъ народу или торжествующей партіи; но когда смѣненный посадникъ подозрѣвался въ измѣнѣ или въ недоброжелательствѣ господину великому Новгороду, то дѣло кончалось далеко не мирно. таковый посадникъ при смѣнѣ нерѣдко платился жизнію. Такъ въ 1141 году посадникъ Якунъ Мирославичъ за свою преданность князю Святославу Ольговичу едва не былъ убитъ на вѣчѣ; его уже раздѣли до нага и сбросили съ моста въ Волховъ; когда же онъ неуто-

нулъ, то взяли съ него 1000 гривенъ, а съ брата его Прокопья 100 гривенъ и заточили обоихъ въ Чудь, оковавши руки и шею цѣпями. А въ 1167 году посадникъ Захарія былъ убитъ на вѣчѣ за измѣнническія сношенія съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ. Точно также въ 1257 году вѣче казнило смертію посадника Михаила Степанича за его потворство самовластію князя Александра. А въ 1209 году народъ даже хотѣлъ лишить погребенія умершаго посадника Дмитра Мирошкинича и разграбилъ домы его и его родственниковъ.

Тысяцкій. Тысяцкіе, также какъ и посадники, выбирались вѣчемъ изъ боярскихъ фамилій, изъ тѣхъ же самыхъ, изъ которыхъ выбирались и посадники. Санъ тысяцкаго въ Новгородѣ очевидно былъ ниже сана посадника; ибо изъ тысяцкихъ выбирали въ посадники, такъ что санъ тысяцкаго былъ, хотя не необходимою, ступенью къ посадничеству. Тысяцкіе, судя по грамотѣ князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, были собственно начальниками черныхъ людей; такъ какъ посадникъ былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода. Тысяцкій имѣлъ большое значеніе, онъ черезъ подчиненныхъ ему черныхъ людей могъ многое сдѣлать на вѣчѣ; черные люди, составляли большинство, и по его указанію могли пересилить лучшихъ людей А посему бывали случаи, что иногда князь, поддерживаемый своею партіею, поднималъ вѣче на тысяцкаго; такъ въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ поднялъ вѣче на тысяцкаго

Якуна Намнѣжича. Также иногда и народъ возставалъ на тысяцкаго; такъ въ 1228 году сказано въ лѣтописи: „взмятеся весь городъ и пошли съ вѣча въ оружіи на тысяцкаго Вячеслава и разграбили дворъ его и брата его Богуслава и другихъ ихъ пріятелей, говоря, что они на зло князя водятъ, и отняли тысяцкое у Вячеслава и дали Борису Негочевичу".

Тысяцкій сперва назначался княземъ. какъ прямо сказано въ Всеволодовой грамотѣ, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ: „язъ, князь Всеволодъ, поставилъ есми три старосты отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ людей тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты". Но вмѣстѣ съ появленіемъ въ Новгородѣ посадниковъ выборныхъ отъ вѣча, а не по назначенію князя, и тысяцкіе также стали выбираться вѣчемъ. но съ котораго именно года—неизвѣстно ; и конечно, сдѣлавшись выборнымъ отъ вѣча, тысяцкій получилъ бо́льшее значеніе, нежели какъ былъ чиновникомъ князя. И уже въ XII столѣтіи имя тысяцкаго въ договорныхъ грамотахъ Новгорода ставится въ слѣдъ за именемъ князя и посадника; такъ договорная грамота князя Ярослава Владимировича и Новгородцовъ съ Нѣмцами. заключенная 1195 году начинается такъ: „Се язъ князь Ярославъ Володимиричь, сгадавъ съ посадникомъ Мирошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и со всѣми Новгородцы, подтвердили мира стараго". Подобно тому какъ посадники, сошедшіе съ посадни-ческой степени, получали на всю жизнь званіе ста-

рыхъ посадниковъ, точно также и тысяцкіе, сошедши со степени, получали названіе старыхъ тысяцкихъ, въ отличіе отъ степенныхъ тысяцкихъ, и принимали дѣятельное участіе и въ военныхъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ сношеніяхъ Новгорода съ сосѣдними государствами; мы ихъ печати встрѣчаемъ въ договорныхъ и въ другихъ Новгородскихъ грамотахъ въ слѣдъ за печатьми степенныхъ тысяцкихъ, а по лѣтописямъ старые тысяцкіе наровнѣ съ старыми посадниками бывали воеводами въ Новгородскихъ полкахъ и участниками въ посольствахъ и переговорахъ съ сосѣдними государями, а также членами вѣча вмѣстѣ съ другими боярами.

Права и обязанности степеннаго тысяцкаго были слѣдующія: 1) Степенный тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ предводительствовалъ Новгородскимъ войскомъ, какъ вождь и начальникъ черныхъ людей; такъ въ лѣтописи подъ 1268 годомъ сказано, что когда въ Ракоборскомъ бою палъ степенный посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ и пропалъ безъ вѣсти степенный тысяцкій Кондратъ; то по возвращеніи домой, Новгородцы на мѣсто убитаго Михаила выбрали въ посадники Павшу Ананьича, а тысяцкое не дали никому, поджидая вѣстей, не живъ ли еще Кондратъ. У иностранцевъ въ ихъ договорныхъ грамотахъ съ Новгородцами, писанныхъ по латыни, Новгородскій тысяцкій прямо называется dux (вождь, полководецъ). 2) На обязанности тысяцкаго лежало заботиться вмѣстѣ съ

посадникомъ о городскихъ укрѣпленіяхъ; такъ подъ 1335 годомъ въ лѣтописи сказано: „Владыка Василій съ своими дѣтьми съ посадникомъ Ѳедоромъ Даниловичемъ и съ тысяцкимъ Остафіемъ и со всѣми Новгородцами заложили острогъ каменный.“ 3) Тысяцкій вмѣстѣ съ посадникомъ ведутъ переговоры съ сосѣдними государями, отправляютъ посольства и заключаютъ миръ, разумѣется по рѣшенію вѣча. Такъ въ 1348 году король Шведскій Магнусъ велъ переговоры съ владыкою, посадникомъ и тысяцкимъ, и требовалъ, чтобы Новгородцы прислали на съѣздъ своихъ ученыхъ спорить о вѣрѣ, чья лучше; на что владыка Василій, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ и тысяцкій Аврамъ со всѣми Новгородцами отвѣчали Магнусу: „ежели хочешь узнать которая вѣра лучше, пошли въ Царьградъ къ патріарху, а съ тобою не споримъ о вѣрѣ; ежели же между нами есть какая обида, то о томъ шлемъ къ тебѣ на съѣздъ“; и послали къ Магнусу тысяцкаго Авраама, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ. Или въ договорной грамотѣ 1372 года съ в. княземъ Дмитріемъ Донскимъ сказано: „се пріѣхали къ в. к. Дмитрію Ивановичу отъ владыки Алексѣя, отъ посадника Юрья, отъ тысяцкаго Олисѣя и отъ всего Новгорода Иванъ посадникъ, Василій Ѳедоровъ и проч. 4) Степенный тысяцкій былъ необходимымъ товарищемъ и помощникомъ посадника при открытіи народнаго вѣча, они вмѣстѣ наблюдали за порядкомъ на вѣчѣ, вмѣстѣ предлагали дѣла на разсужденіе; во всѣхъ извѣстіяхъ

о правильно созванныхъ вѣчахъ мы непремѣнно встрѣчаемъ степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго; во всѣмъ грамотахъ, издаваемыхъ вѣчемъ, писались имена степенныхъ посадника и тысяцкаго, въ слѣдъ за именемъ владыки Новгородскаго или за именемъ князя, ежели онъ участвовалъ въ изданіи грамоты; всѣ переговоры съ иностранными государствами велись отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ договорныхъ грамотахъ также непремѣнно прописывалось имя степеннаго тысяцкаго во всякомъ случаѣ, т. е. писалась ли грамота отъ имени Новгородскаго князя или отъ имени вѣча. 5) Тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника, судъ чисто земскій, народный, на которомъ не участвовали княжіе судьи и съ котораго не шло судебныхъ пошлинъ въ казну князя. По свидѣтельству грамоты князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, тысяцкій съ пятью старостами преимущественно завѣдывалъ судомъ по торговымъ дѣламъ, а также вѣроятно судомъ между черными людьми. Въ грамотѣ Всеволода прямо сказано о судѣ тысяцкаго и старостъ: „управливати имъ всякая дѣла торговая Иванская и гостинная; а Мирославу посаднику въ то невступатися, ни бояромъ Новгородскимъ.“ Тоже говоритъ и судная Новгородская грамота 1471 года: „а тысяцкому судъ свой судити“. 6) Тысяцкіе имѣли свою печать, которая прикладывалась къ договорнымъ, жалован-

нымъ и другимъ Новгородскимъ грамотамъ въ слѣдъ за печатью посадника; а конечно дѣла подлежащія суду тысяцкаго утверждались и печатью тысяцкаго. 7) Тысяцкій также какъ и посадникъ имѣлъ по закону опредѣленные доходы съ разныхъ Новгородскихъ областей, которыя были приписаны на путь тысяцкаго.

Сотскіе подобно тысяцкимъ выбирались вѣчемъ, и судя по грамотѣ Всеволода Мстиславича о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ, они въ Новгородѣ изкони были выборными отъ народа; даже тогда, когда посадники и тысяцкіе еще назначались княземъ; въ грамотѣ сказано: „язъ князь Всеволодъ созвалъ есмь десять сотскихъ и старосту Болеслава и бирюча Мирошку, и старосту Иванскаго Васяту; и погадавъ со владыкою и съ своею княгинею, и съ своими бояры и съ десятью сотскими и съ старостами, далъ есмь судъ и мѣрила„ которыя на торгу въ Новгородѣ св. Софіи.“ Здѣсь князь приглашаетъ къ себѣ на совѣтъ сотскихъ и старостъ, какъ выборныхъ представителей Новгорода, и разсуждаетъ съ ними о привиллегіяхъ церкви, между тѣмъ незоветъ къ себѣ для разсужденія объ этомъ предметѣ ни посадника, ни тысяцкаго, которые тогда еще не были выборными отъ народа, и назначались княземъ. Сотскихъ по свидѣтельству Всеволодовой грамоты было десять; тоже число ихъ оказывается и по уставу о мостахъ, принадлежащему Ярославу, княжившему въ Новгородѣ во 2-й половинѣ XIII столѣтія. Сотскіе судя по Ярос-

Сотскіе.

вову уставу были изъ значительныхъ боярскихъ фамилій, и бывшіе сотскими выбирались въ тысяцкіе, слѣдовательно и посадники; такъ напримѣръ изъ сотскихъ Ярославова устава Кондратъ былъ тысяцкимъ въ 1268 году, а другій сотскій Ратиборъ по настоянію Ярослава былъ выбранъ въ тысяцкіе въ 1269 году, когда Кондратъ въ Раковорскомъ бою пропалъ безъ вѣсти. Сотскіе подобно тысяцкимъ имѣли большое значеніе и принимали дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ; такъ по лѣтописямъ знаемъ, что въ 1118 году сотскій Ставръ, какъ опасный человѣкъ, былъ отправленъ Мономахомъ и Мстиславомъ въ заточеніе вмѣстѣ съ другими Новгородскими боярами, вѣроятно недоброжелательными къ князьямъ Или въ 1195 году сотскій Никифоръ съ посадникомъ Мирошкою и Борисомъ Жирославичемъ были отправлены послами къ Всеволоду князю Суздальскому просить у него сына въ Новгородскіе князья. Или въ 1197 году лѣтопись говоритъ: „позваны Всеволодомъ и отправились изъ Новгорода передніе мужи и сотскіе и взяли Ярослава со всею правдою и честію.“ Или въ 1216 году сотскій Иларіонъ былъ въ походѣ противъ Суздальскихъ князей Юрія и Ярослава Всеволодовичей, вмѣстѣ съ Новгородскимъ княземъ Мстиславомъ удалымъ и Новгородскими полками, и передъ Липецкою битвою правилъ отъ Мстислава и Новгородцовъ посольство къ князю Юрію Всеволодовичу. А по договорной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ Ярославичемъ великимъ княземъ

Тверскимъ. писанной въ 1265 году значится, что иногда и самыя договорныя грамоты писались отъ владыки, посадника, тысяцкаго и отъ сотскихъ; въ грамотѣ сказано: „благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила, и отъ тысяцкаго Кондрата и отъ всѣхъ сотьскихъ". Слѣдовательно сотскіе были одни изъ старѣйшихъ представителей Новгорода, наровнѣ съ посадникомъ и тысяцкимъ.

Но какія прямыя и постоянныя права и обязанности принадлежали сотьскимъ, какъ начальникамъ сотенъ, и что такое въ Новгородѣ значила сотня, и какъ она относилась къ концамъ и улицамъ, и какое было отношеніе сотскаго къ старостамъ кончанскимъ и уличанскимъ, къ посаднику, тысяцкому и вѣчу, все это по дошедшимъ до насъ памятникамъ заподлинно неизвѣстно. Впрочемъ, судя по Ярославову уставу о мостовыхъ, сотни въ Новгородѣ не были топографическими единицами, или бытовыми общинами какъ концы и улицы; ибо онѣ носятъ названіе не по мѣстностямъ, а по именамъ сотскихъ; такъ въ уставѣ сказано: „Давыджа ста Слѣпцева ста, Бовыкова ста, Олексина ста, Ратиборова ста, Кондратова ста, Сидорова ста"; слѣдовательно въ другое время тѣже сотни носили другія названія, по именамъ современныхъ сотскихъ: Клементьева ста, Борисова ста, Мирославля ста, Нездилова ста и подоб. А по сему должно предполагать, что дѣленіе Новгорода на сотни было чисто административное, а не бытовое; сотня по всему вѣроятію выражала десятую долю всего Новго-

рода, ибо по дошедшимъ до насъ памятникамъ полагалось десять сотенъ и десять сотскихъ; подобно тому какъ въ послѣдствіи было иное дѣленіе всѣхъ владѣній Новгородскихъ на пятины, точно также административное, а не бытовое. По Всеволодову уставу о судѣхъ церковныхъ и о мѣрилахъ торговыхъ, сотскимъ вмѣстѣ съ владыкою было поручено попеченіе о главной святынѣ Великаго Новгорода, о церкви св. Софіи; въ уставѣ сказано: „а домъ святой Софіи владыкамъ строити съ сотьскими; а старостамъ и торговцамъ докладывая владыки, или кто будетъ нашего роду князей въ Новгородѣ, строить домъ св. Іоанна". Сотскіе, будучи въ Новгородѣ помощниками или подчиненными тысяцкаго, начальниками десятой доли Новгорода, по пригородамъ и волостямъ замѣняли тысяцкихъ, и какъ въ Новгородѣ на весь городъ былъ одинъ тысяцкій, такъ въ волостяхъ на всю страну, составляющую ту или другую волость Новгорода, былъ одинъ сотскій; такъ и уставная грамота в. к. Василья Дмитріевича Двинской землѣ въ 1398 году говоритъ о сотскомъ, какъ о начальникѣ черныхъ людей во всей Двинской землѣ; въ грамотѣ сказано: „се язъ князь великій пожаловалъ есть бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскія земли". По всему вѣроятію сотскимъ принадлежалъ непосредственный надзоръ за порядкомъ и тишиною въ своей сотнѣ, онъ же конечно долженъ былъ водить свою сотню на вѣче, подъ его же наблюденіемъ, кажется, находилась разкладка

сбора податей и повинностей въ сотнѣ, т. е въ десятой долѣ города; въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ мы не рѣдко встрѣчаемъ выраженіе: „кто купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ поидетъ въ свой погостъ, или потугъ, какъ пошло къ Новгороду“, т. е куда онъ тянетъ судомъ и данью.

Старосты по времени учрежденія были самыми старшими выборными начальниками въ Новгородѣ, они первые стали выбираться вѣчемъ, когда еще не выбирались ни сотскіе, ни тысяцкіе, ни посадники; по лѣтописямъ старосты упоминаются еще при Ярославѣ Великомъ. Въ 1019 году Ярославъ, побѣдивши окончательно Святополка, отпуская помогавшихъ ему Новгородцовъ, далъ старостамъ по десяти гривенъ. Въ Новгородѣ каждая община имѣла своего выборнаго старосту, и потому старосты были нѣсколькихъ разрядовъ, отъ выборнаго старосты въ томъ или другомъ погостѣ между крестьянами, до кончанскаго старосты въ Новгородѣ, представителя цѣлаго конца, т. е пятой части Новгорода. Къ высшему разряду старостъ, принимавшему самое дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода со всѣми его владѣніями, принадлежали старосты кончанскіе и уличанскіе; за ними слѣдовали старосты отъ житыхъ людей и отъ купцовъ, какъ представители и непосредственные выборные начальники торговаго класса въ Новгородѣ, и заправлявшіе торговыми дѣлами, слѣдовательно также имѣвшіе большое вліяніе и вообще на общественную Новгородскую жизнь, такъ какъ Новго- Старосты

родъ велъ обширную торговлю и по преимуществу былъ торговымъ государствомъ въ Русской землѣ.

Кончанскіе и уличанскіе старосты созывали кончанскія и уличанскія вѣча и разбирали всѣ дѣла своего конца или улицы. А какъ въ кончанскихъ и уличанскихъ вѣчахъ одинаково участвовали всѣ классы жителей, конца или улицы; а каждая улица и каждый конецъ, какъ мы уже видѣли, имѣли своихъ бояръ, и своихъ купцовъ, и своихъ черныхъ людей, изкопныхъ жителей конца или улицы; и конечно главными представителями каждой улицы и за тѣмъ конца были изкопные уличанскіе бояре, которые постоянно пользовались уваженіемъ своихъ уличанъ и руководили ими въ общественныхъ дѣлахъ; то отсюда естественно и уличанскіе и кончанскіе старосты изключительно избирались изъ уличанскихъ боярскихъ фамилій. Уличанскіе и кончанскіе старосты представляли чисто бытовое учрежденіе. независимое отъ административныхъ разпоряженій; уличанскій или кончанскій староста былъ собственно представитель данной мѣстности, безъ отношенія къ тому, къ какому классу принадлежатъ жители этой мѣстности, т. е. конца или улицы; онъ собственно представлялъ конецъ или улицу, и его выбирали всѣ жители улицы или конца безъ различія классовъ, и также всѣ безъ различія подчинялись ему по мѣсту жительства, и онъ ихъ судилъ и рядилъ только какъ жителей его конца или улицы. Кончанскіе или уличанскіе старосты, будучи изъ почетнѣйшихъ боярскихъ фамилій

своего конца или улицы, имѣли въ Новгородскомъ правительствѣ большое значеніе не только какъ представители своихъ избирателей, всегда готовыхъ поддержать ихъ своею силою; но и вообще какъ люди богатые, знаменитые и имѣющіе свои связи и партіи; они иногда имѣли такую силу, что дѣлались опасными для вѣча, могли легко поднять не только свою улицу или конецъ, но по своимъ связямъ возмутить и другія улицы, особенно во время борьбы партій, что не рѣдко бывало въ Новгородѣ. А посему бывали случаи, что на иного старосту вмѣстѣ съ другими боярами поднималось цѣлое Новгородское вѣче; такъ подъ 1228 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „и поидоша съ вѣча въ оружьи на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его, и брата его Богуслава, и Андреичевъ владычня стольника, и Давыдковъ Софійскаго, и Судимировъ; а на Душильца на Липьньскаго старосту, тамо послаша грабить, а самаго хотѣли повѣсить; но онъ убѣжалъ къ Ярославу, а жену его схватили, говоря: „сіи на зло князя водятъ“.

Кончанскіе и уличанскіе старосты, какъ главные начальники концовъ и улицъ, собирали, открывали и руководили кончанскія и уличанскія вѣча, водили своихъ кончанъ и уличанъ на общее вѣче на Ярославовъ дворъ, или къ св. Софіи, и присутствовали на общемъ вѣчѣ съ своими уличанами и кончанами, имѣли свои кончанскія и уличанскія печати, которыми утверждали не только дѣла своего конца или улицы; но кончанскіе старосты даже нерѣд-

ко прикладывали свои печати къ договорнымъ и другимъ грамотамъ отъ общаго Новгородскаго вѣча: такъ въ жалованной грамотѣ, данной отъ Новгородскаго вѣча Троицкому Сергіеву монастырю въ 1477 году, въ концѣ сказано: „Къ сей грамотѣ господинъ преосвященный архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, владыка Ѳеофанъ приложилъ свою печать, а посадникъ степенный Михайло Семеновичъ приложилъ свою печать, а тысяцкій степенный Ѳедоръ Лукиничъ приложилъ свою печать, а изо всѣхъ пяти концовъ приложиша по печати". Кончанскіе и уличанскіе старосты участвовали и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ отъ Новгородскаго вѣча.

Старосты житыихъ людей и купеческіе, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, непремѣнно должны быть пошлыми купцами, т. е. дѣйствительными членами извѣстной купеческой общины, которыми, какъ мы уже видѣли, можно было быть или по вкладу въ общинную купеческую казну, состоящему изъ 50-ти гривенъ сереб. или по наслѣдству отъ предковъ, уже вложившихъ свою долю въ общинную казну. Купеческія общины очевидно не опредѣлялись мѣстомъ жительства членовъ; въ купеческую общину каждый могъ вложиться свободно, на какой бы улицѣ онъ ни жилъ, здѣсь не спрашивалось мѣста жительства, а нуженъ былъ только вкладъ и опредѣленное мѣсто торга, или разрядъ товаровъ, которыми кто торгуетъ, напримѣръ прасолы, суконники, Иванскіе купцы, Побережанскіе, Обонѣжскіе и проч. А посему уличанскіе старосты, опре-

дѣляемые мѣстомъ жительства, немогли быть старостами купеческихъ общинъ, и по этой причинѣ житьи люди и купцы, чтобы по своимъ промысламъ имѣть свою управу, и выбирали особыхъ старостъ отъ житьихъ людей и купцовъ, которые и занимались только разборомъ торговыхъ и купеческихъ дѣлъ и у которыхъ было свое мѣсто управы при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, засѣдали трое старостъ отъ житьихъ людей, два старосты отъ купцовъ и тысяцкій отъ черныхъ людей; и въ ихъ управу уже неимѣли право вступаться ни посадникъ, ни бояре Новгородскіе. Такимъ образомъ житьи люди и купцы въ Новгородѣ подчинялись непосредственно двумъ выборнымъ начальствамъ, уличанскимъ и кончанскимъ старостамъ по мѣсту жительства, и старостамъ отъ житьихъ людей и отъ купцовъ по принадлежности къ той или другой купеческой общинѣ. Старосты отъ житьихъ людей и отъ купцовъ по всему вѣроятію участвовали на общемъ вѣчѣ, какъ представители, весьма важнаго въ Новгородѣ, торговаго класса гражданъ. Черные люди, собственно въ Новгородѣ, неимѣли своихъ особыхъ старостъ, они, по мѣсту жительства, подчинялись кончанскимъ и уличанскимъ старостамъ, въ выборѣ которыхъ они участвовали наровнѣ съ прочими уличанами. Кромѣ того у нихъ былъ свой, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, выборный начальникъ, тысяцкій, одинъ на весь Новгородъ, который, какъ мы уже видѣли, выбирался на общемъ вѣчѣ

изъ бояръ, и былъ послѣ посадника первымъ сановникомъ въ Новгородѣ. По пригородамъ же и уѣздамъ черные люди избирали старостъ черныхъ сотенъ и погостовъ сами изъ своей среды; и сіи старосты имѣли только мѣстное значеніе и не участвовали въ дѣлахъ Новгородскаго вѣча.

Бирячи и подвойскіе.

Бирячи и подвойскіе въ Новгородѣ были собственно исполнителями приказаній вѣча и властей поставленныхъ вѣчемъ, и должность ихъ состояла въ вызовѣ гражданъ по требованію вѣча или по суду, въ сборѣ гражданъ на вѣче по распоряженію князя или посадника, въ взысканіи недоимокъ и въ расплатѣ изъ общественной казны по распоряженію вѣча, и можетъ быть въ исполненіи другихъ какихъ общественныхъ распоряженій. Должности бричей и подвойскихъ въ Новгородѣ имѣли довольно важное значеніе, и на сіи должности вѣче, кажется, исключительно выбирало людей изъ боярскихъ фамилій, особенно въ древнее время, когда каждая общественная должность пользовалась большимъ уваженіемъ и указывала на исправляющаго ее какъ на народнаго избранника, который по этому вездѣ имѣлъ предпочтеніе передъ людьми неудостоившимися выбора. Да и кромѣ общаго уваженія къ выборнымъ должностямъ, самая власть бирича или подвойскаго была довольно велика, ибо они одни были уполномочены вѣчемъ взять или арестовать свободнаго гражданина, и по закону имъ въ этомъ никто несмѣлъ сопротивляться. Все это бирячамъ и подвойскимъ сообщало довольно высокое положеніе,

такъ что за обиду бирича иногда поднимался чуть не весь городъ, и наоборотъ, иногда цѣлое вѣче поднималось на бирича съ другими высшими сановниками, какъ на людей опасныхъ для цѣлаго Новгорода; такъ въ лѣтописи читаемъ, подъ 1167 годомъ, что „Новгородцы убили Захарію посадника, и Неревина, и Нѣзду бирича, подозрѣвая, что они находились въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ кн. Святославомъ, съ которымъ тогда была война у Новгородцовъ“. А потомъ сынъ Нѣзды бирича, Мирошка Нѣздиничъ, въ 1189 году былъ выбранъ въ посадники, и подобно отцу держался стороны Суздальскихъ князей, равно какъ и его дѣти. Или, когда въ 1218 году боярипъ Матвѣй Душильчевичъ схватилъ Моисѣича бирича ябедника (вѣроятно судебнаго, который вызывалъ въ судъ по жалобамъ), то за Моисѣича вступился весь Новгородъ. Точно также и подвойскіе пользовались большимъ уваженіемъ и принимали участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ, по лѣтописямъ мы ихъ встрѣчаемъ и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ; такъ въ 1200 году, въ битвѣ съ Литвою, подъ Церняпами, былъ убитъ подвойскій Осипъ; или въ 1230 году, въ битвѣ подъ Можайскомъ былъ убитъ подвойскій Антонъ; или въ 1268 году, въ битвѣ подъ Раковоромъ, убитъ подвойскій Парамонъ. А въ 1456 году упоминается о подвойскомъ Есифѣ, который былъ посланникомъ отъ Новгородскаго вѣча во Псковъ, съ просьбою о помощи противъ великаго князя Московскаго Василія Васильевича. Или въ томъ же 1456

году, подвойскіе Степанъ Ильинъ и Степанъ Григорьевъ съ вѣчнымъ дьякомъ Яковомъ были отправлены Новгородскимъ вѣчемъ на съѣздъ съ Московскими боярами для сдѣланія разсчета въ платежѣ Новгородомъ 9000 рублей по Деманскому докончанію. Подвойскіе точно также какъ и биричи были кромѣ вѣчевыхъ и судебные. о чемъ свидѣтельствуетъ судная Новгородская грамота 1471 года, въ которой сказано: „а кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ шестинку на сто верстъ по старинѣ; а подвойскимъ, и Софьяномъ. и биричемъ, и извѣтникомъ, на сто верстъ четыре гривны“, т е. по сей грамотѣ биричамъ и подвойскимъ платилась извѣстная пошлина за вызовъ въ судъ свидѣтелей.

Князья. Власть. приглашенную Новгородомъ со стороны, не изъ Новгородской земли, составлялъ князь. Первое приглашеніе князей Новгородцами было въ 862 году. Въ этомъ году Новгородское вѣче. на которое были приглашены и Кривичи съ Чудью, состоявшіе тогда въ союзѣ съ Новгородомъ, порѣшило для прекращенія междоусобій, раздиравшихъ Новгородскую землю. призвать князей изъ сосѣдняго племени Варяговъ-Руси, жившаго по обоимъ берегамъ Ботническаго залива, состоявшаго въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Новгородомъ и частію уже переселившагося въ Новгородскую землю и построившаго тамъ городъ Старую Русь. Новгородское посольство, отправленное къ Варягамъ Руси, предложило тамошнимъ князьямъ, Рюрику, Синеусу

и Трувору, условія, на которыхъ Новгородъ желаетъ ихъ имѣть своими князьями. Рюрикъ съ братьями принялъ предложенныя условія и со всѣмъ племенемъ Руси прибылъ въ Новгородскую землю. Условія, принятыя Рюрикомъ, состояли въ слѣдующемъ: чтобы князь судилъ и управлялъ въ Новгородѣ по изкоиным Новгородскимъ обычаямъ и по взаимному согласію съ земскимъ Новгородскимъ правительствомъ; Новгородъ же уступаетъ за это свои пригороды съ прилежащею къ нимъ областью: Рюрику—Ладогу, Синеусу—Бѣлоозеро и Трувору—Изборскъ; въ самомъ же Новгородѣ и въ другихъ Новгородскихъ владѣніяхъ управленіе по прежнему останется за Новгородскимъ вѣчемъ и выборными отъ вѣча властями, а князьямъ съ этихъ областей будетъ идти опредѣленный доходъ.

Новгородцы, приглашая Рюрика и его братьевъ, по всему вѣроятію имѣли въ виду, что Рюрикъ и его потомство навсегда останутся князьями Новгородскими, что княжеская власть будетъ въ Новгородѣ домашняя, подобно прочимъ, уже существовавшимъ, властямъ; но условія, принятыя Рюрикомъ, были слишкомъ тяжелы для того, чтобы какой нибудь самостоятельный князь согласился постоянно жить въ Новгородской землѣ, ненарушая сихъ условій, а по сему уже Рюрикъ незамедлилъ нарушить ихъ, и чрезъ два года по приглашеніи перебрался изъ Ладоги въ самый Новгородъ и построилъ тамъ себѣ крѣпость. Преемникъ же Рюрика, Олегъ, совсѣмъ оставилъ Новгородскую землю и сдѣлался

самостоятельнымъ княземъ въ Кіевѣ на Днѣпрѣ. Удаленіе Олега въ Кіевъ поставило Новгородцовъ въ затруднительное положеніе: имъ нужно было отыскивать новаго князя или вступить въ новыя условія съ Олегомъ; они рѣшились на послѣднее. Новыя условія, предложенныя Олегомъ, были слѣдующія: Новгородъ долженъ уступить Олегу и его преемникамъ всѣ города, уступленные прежде Рюрику, а съ прочихъ владѣній Новгородскихъ платить князю опредѣленную дань и, сверхъ того, доставлять въ Кіевъ по 300 гривенъ для свободной торговли Новгородцовъ по Днѣпру. Князь же за это обязывался держать въ Новгородѣ своего посадника или намѣстника съ отрядомъ дружины, подъ названіемъ гридей, на содержаніе которыхъ изъ Новгородской казны должно выдавать въ годъ по тысячѣ гривенъ. Намѣстникомъ или посадникомъ князя могъ быть только тотъ, кому это довѣритъ князь,—старшій ли дружинникъ, или сынъ, или племянникъ князя. Княжеская власть по этому новому договору была прежняя. Князь, или его посадникъ, былъ верховнымъ судьею или примирителемъ всѣхъ распрей въ Новгородѣ, верховнымъ блюстителемъ согласія и правды между Новгородскими общинами; здѣсь совмѣщалась и гражданская и военная власть; все что переходило за эту черту, уже принадлежало вѣчу и домашнимъ властямъ, отъ него поставленнымъ, а не князю. Начинать войну, заключать міръ, вести переговоры съ сосѣдними владѣніями могло только вѣче. Ежели князь, самъ пріѣхавши въ Новгородъ

или его посадникъ, желалъ начать съ кѣмъ нибудь войну, то это могъ сдѣлать неиначе, какъ созвавши вѣче и получивши на это отъ него согласіе. Всѣ финансовыя распоряженія, сборы и раскладка податей и повинностей, также принадлежали вѣчу; князь или его намѣстникъ даже неимѣли права въ этомъ участвовать, онъ довольствовался только доходами, проистекавшими изъ его судебной власти и тѣми данями, которыя ему уступлены по договору. Земля вся, населенная и ненаселенная, принадлежала господину Великому Новгороду; князь владѣлъ только тѣми областями и городами, которые даны ему вѣчемъ какъ бы въ кормленье, и собственно на помѣстномъ, а не на вотчинномъ правѣ, ибо они принадлежали не лично князю, а княжеской власти, и князь, оставляя Новгородъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишался и данныхъ ему областей и городовъ.

Новгородъ въ такихъ отношеніяхъ къ своимъ князьямъ находился до кончины великаго князя Владиміра Святославича, крестившаго Русскую землю, какъ прямо сказано въ лѣтописяхъ о Владиміровомъ посадникѣ въ Новгородѣ, его сынѣ Ярославѣ, подъ 1015 годомъ: „Ярославъ жилъ въ Новгородѣ и каждогодно, по договору, посылалъ въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ, да тысячу гривенъ раздавалъ гридямъ въ Новгородѣ, какъ это дѣлали всѣ посадники Новгородскіе“. Ярославъ, получивши по смерти отца Кіевъ рѣшительно при помощи Новгородцевъ, въ благодарность за это вступилъ съ Новгородомъ въ новыя отношенія, еще болѣе льготныя для Нов-

городцовъ и стѣснительныя для княжеской власти, и условія этихъ новыхъ отношеній были внесены въ особыя договорныя грамоты князя съ Новгородомъ, которыя были извѣстны подъ именемъ грамотъ Ярославлихъ. Грамоты сіи до насъ не дошли и въ чемъ они состояли по своимъ подробностямъ — мы незнаемъ; но то несомнѣнно, что таковыя грамоты были между Ярославомъ и Новгородцами, и заключали въ себѣ именно условія отношеній князя къ Новгороду, и условія болѣе выгодныя для Новгородцевъ, нежели всѣ прежнія условія съ князьями ибо въ послѣдствіи Ярославовы грамоты были постояннымъ закономъ, опредѣляющимъ отношенія князей къ Новгороду; и Новгородцы, приглашая къ себѣ князей, всегда указывали на Ярославовы грамоты какъ на законъ, на основаніи котораго они принимаютъ къ себѣ князя, и обыкновенно говорили приглашенному князю такъ: „на всей воли Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь“. Впрочемъ по нѣкоторымъ чертамъ сохранившимся въ лѣтописяхъ, мы, хотя приблизительно, можемъ опредѣлить тѣ условія отношеній князя къ Новгороду, которыя находились въ Ярославовыхъ грамотахъ.

Условія сіи были слѣдующія: 1) Княземъ Новгородскимъ могъ быть только тотъ князь изъ племени Ярослава, котораго излюбятъ сами Новгородцы, котораго сами пригласятъ или согласятся добровольно принять. Новгородъ въ этомъ отношеніи совершенно свободенъ, ему не слѣдуетъ навязывать князя

насильно; Новгородцы такого князя имѣли право не принять или прогнать его, ежели онъ пріѣдетъ, показать ему путь. Новгородъ государство самостоятельное, онъ не принадлежитъ къ удѣламъ Русской земли и воленъ въ своихъ князьяхъ. Это условіе Новгородцы самымъ дѣломъ приводили въ исполненіе; такъ они въ 1095 году показали путь Давыду Святославичу, присланному къ нимъ по распоряженію князей, безъ ихъ согласія; потомъ тоже повторили въ 1102 году, когда Святополкъ, тогдашній Кіевскій князь, хотѣлъ посадить въ Новгородъ своего сына. то Новгородцы отправили въ Кіевъ посольство, которое прямо сказало великому князю: „Нехочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ головы имѣетъ сынъ твой, то пошли его, а Мстислава далъ намъ Всеволодъ, а мы вскормили его себѣ княземъ, ты же ушелъ отъ насъ“: и постояли на своемъ. воротили къ себѣ Мстислава, уже уѣхавшаго, по распоряженію старшихъ князей, въ Ростовъ. 2) Князь Кіевскій пересталъ уже получать съ Новгородской земли урокъ въ 2000 гривенъ; по смерти Владиміра святаго объ этомъ урокѣ уже нигдѣ не упоминается въ лѣтописяхъ слѣдовательно Новгородъ по Ярославовымъ грамотамъ сталъ свободнымъ отъ обязательныхъ отношеній къ Кіевскому князю. 3) Но за княземъ Новгородскимъ осталось прежнее право, утвержденное Олеговымъ договоромъ, имѣть въ Новгородѣ своихъ посадниковъ по собственному усмотрѣнію, а не по выбору вѣча, и притомъ какъ изъ Новгородцевъ, такъ и изъ своихъ дружинни-

ковъ; такъ напримѣръ по лѣтописямъ мы знаемъ, что въ 1120 году былъ присланъ въ Новгородъ посадникомъ Борисъ, а въ 1129 году пришелъ посадникомъ Данилъ изъ Кіева. Равнымъ образомъ изъ Кіева же приходили, конечно, по выбору князей, и владыки или епископы Новгородскіе включительно до епископа Нифонта; слѣдовательно и назначеніемъ такого важнаго сановника, какъ епископъ, еще распоряжался князь безъ участія вѣча. 4) Наконецъ, по Ярославовымъ грамотамъ Новгородскій князь еще могъ судить и казнить Новгородскихъ гражданъ даже не въ Новгородѣ, а въ своей отчинной землѣ; такъ въ въ 1118 году Новгородскій князь Мстиславъ, съ своимъ отцомъ Владиміромъ Мономахомъ, вызвали въ Кіевъ Новгородскихъ бояръ, привели ихъ къ присягѣ и нѣкоторыхъ изъ нихъ, тамъ же въ Кіевѣ, судили и казнили заточеніемъ.

Но съ 1126 года отношенія Новгорода къ князьямъ, опредѣленныя грамотами Ярослава, начали измѣняться. 1) Съ этого года Новгородцы стали брать съ своихъ князей присягу, что имъ неоставлять Новгорода и управлять по Новгородскимъ порядкамъ; такъ въ этотъ годъ взята была первая присяга съ князя Всеволода Мстиславича, только что пріѣхавшаго изъ Кіева въ Новгородъ. 2) Потомъ съ 1130 года князь лишился окончательно права назначать посадника по своему усмотрѣнію и посадникъ сдѣлался выборнымъ отъ вѣча, и сталъ почти въ совершенно независимое положеніе въ отношеніи къ князю. 3) Съ 1136 года вѣче стало наряжать судъ

надъ княземъ,не исполнившимъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ Новгороду; такъ въ этомъ году былъ первый судъ надъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ; и по этому суду Всеволодъ былъ обвиненъ : a) въ томъ, что не оберегаетъ смердовъ; b) что хотѣлъ оставить Новгородъ и княжить въ Переяславлѣ, тогда какъ далъ присягу не оставлять Новгорода до смерти; c) что прежде всѣхъ бѣжалъ съ битвы во время Суздальской войны. 4) Съ этаго же 1136 года началось изгнаніе князей и приглашеніе новыхъ по приговору вѣча такъ что князья въ Новгородѣ съ изгнанія Всеволода Мстислава обратились совершенно въ выборныхъ сановниковъ точно также какъ посадники, и поступили въ зависимость не только отъ вѣча, но и отъ партій Новгородскихъ, и стали искать Новгородскаго престола при помощи партій и партіи же стали изгонять князей и приглашать новыхъ. Съ этого времени Новгородскій княжескій престолъ потерялъ всякую самостоятельность и прочность, и князья искали его только для пріобрѣтенія доходовъ, нисколько уже не думая упрочить его за собою или за своимъ потомствомъ. 5) Князь съ 1156 года потерялъ право разпоряжаться назначеніемъ епископа въ Новгородъ, съ этого года по смерти владыки Нифонта, епископы Новгородскіе сдѣлались выборными отъ вѣча. 6) Притязанія Новгородцовъ на свободный выборъ князей на основаніи Ярославовыхъ грамотъ въ 1196 году были признаны и самими князьями разныхъ Русскихъ владѣній, на съѣздѣ

князей, бывшемъ въ этомъ году, какъ сказано въ лѣтописи: „вси князья выложиша Новгородъ въ свободу, гдѣ имъ любо, туже себѣ князя поимаютъ“. 7) Подъ 1218 годомъ мы уже встрѣчаемъ извѣстіе, что князья, принимаемые Новгородцами, клялись ни казнить, ни лишать должностей выборныхъ Новгородскихъ начальниковъ безъ суда и безъ объявленія вины: подъ симъ годомъ въ лѣтописи сказано, что Новгородцы сказали князю своему Святославу, хотѣвшему отнять посадничество у Твердислава, не объявивъ его вины: „княже! ежели онъ не виноватъ, а ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа волости не лишити, а мы тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ посадникъ, и мы не уступимъ“. 8) Наконецъ съ 1228 года мы имѣемъ постоянныя извѣстія въ лѣтописяхъ, что князья не иначе получали Новгородскій престолъ, какъ по договору съ Новгородцами, при чемъ каждый разъ писалось на какихъ условіяхъ князь принимаетъ Новгородскій престолъ; а съ 1265 года мы уже имѣемъ и подлинныя договорныя грамоты Новгородцевъ съ своими князьями, продолжающіяся съ этого года слишкомъ двѣсти лѣтъ до 1471 года, т. е. почти до уничтоженія самостоятельности господина великаго Новгорода

Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ своими князьями, какія только дошли до насъ, начиная съ грамоты 1265 года, отношенія Новгородскаго князя къ Новгороду опредѣляются слѣдующими условіями. 1-е. Князь, соглашающійся на при-

глашеніе Новгородцовъ, долженъ былъ присягать Новгороду. что будетъ управлять по старинѣ и по пошлинѣ; въ грамотахъ прямо пишется: „на семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду; на чемъ то цѣловали дѣды и отцы,—Новгородъ тебѣ держать по старинѣ и по пошлинѣ“ Это условіе мы находимъ и въ грамотѣ съ Ярославомъ Ярославичемъ княземъ Тверскимъ, писанной въ 1265 году, и въ грамотѣ съ великимъ княземъ Московскимъ, писанной въ 1471 году, и во всѣхъ другихъ грамотахъ; слѣдовательно это условіе было постояннымъ и не новымъ даже при князѣ Ярославѣ Ярославичѣ, и ежели Ярославъ долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, на чемъ цѣловали отцы и дѣды. то значитъ таковый порядокъ былъ введенъ никакъ не позже Суздальскаго князя Всеволода Юрьевича, дѣда Ярославу Ярославичу, а конечно гораздо раньше. ибо грамота говоритъ не о дѣдѣ и отцѣ. а о дѣдахъ и отцахъ, то есть указываетъ на изконный обычай. 2-е условіе требуетъ, чтобы князь держалъ Новгородскія волости, т. е. обширныя владѣнія Новгорода, которые были за рубежемъ Новгородской земли, начиная отъ Волока и Торжка, непначе какъ Новгородскими мужами, а отнюдь не посылалъ туда своихъ правителей или намѣстниковъ, и пользовался отъ сихъ волостей только опредѣленными дарами, а не требовалъ даней со всего тамошняго края. Вотъ подлинныя слова грамотъ: „что волостей всѣхъ Новгородскихъ, того же, княже, недержати своими мужи, но дер-

жати мужи Новгородскими, а даръ имати тебѣ отъ тѣхъ волостей. А се, княже, волости Новгородскія: Волокъ со всѣми волостьми, Торжекъ, Бѣжиче, Городечь, Палець, Мелеча, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Тре, Пермь, Печера, Югра". Весь этотъ пространный край отъ Торжка до рѣки Оби и даже за Обь въ Сибири даже не платилъ дани Новгородскому князю, а только давалъ опредѣленные дары и управлялся начальниками изъ Новгородцовъ; да и Новгородца князь не иначе могъ послать туда, какъ по согласію съ посадникомъ; какъ прямо писались въ грамотахъ: „а безъ посадника, княже, тебѣ волостей не раздавати". 3-е условіе: князь не имѣлъ права ни судить, ни давать грамотъ, ни назначать въ должности по всѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ безъ участія посадника; всякое распоряженіе князя, по Новгородскому управленію, тогда только имѣло силу и считалось законнымъ, когда оно сдѣлано по согласію съ посадникомъ; въ грамотахъ постоянно писалось: „а безъ посадника, княже, тебѣ суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ ти даяти". 4-е. Князь не имѣлъ права лишить власти выборнаго начальника по какому нибудь вѣдомству, не обвинивъ его, и не доказавъ по суду вины, по которой онъ его лишаетъ власти: „а безъ вины мужа волости не лишити" — обыкновенно пишется въ грамотахъ. 5-е. Князь не имѣлъ права отмѣнять прежде данныя грамоты, и перевершать рѣшенныя дѣла: „ни грамотъ не посужати". писалось во всѣхъ Новгородскихъ

договорахъ съ князьями. 6-е. Князь Новгородскій не могъ ни судить Новгородцовъ, ни дѣлать другихъ какихъ распоряженій относительно Новгорода внѣ Новгородской земли или въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ; объ этомъ даже говорится въ договорной грамотѣ съ Московскимъ великимъ княземъ, писанной въ 1471 году: „на Низу Новгородца не судити, ни дани раздавати, ни приставовъ вамъ (князьямъ) во всю волость Новгородскую съ Низу невсылати; также намъ Новгородцамъ, вашихъ великихъ князей торговцевъ изо всего великаго княжепія вашего въ Новгородѣ не судити". 7-е Княжіе судьи имѣли право ѣздить по Новгородскимъ владѣніямъ, которыя имъ назначены, только около Петрова дни и должны были судить по Новгородскимъ порядкамъ, а самосуда не замышлять и новыхъ судныхъ пошлинъ, неизвѣстныхъ въ Новгородѣ, не заводить. 8-е Новгородъ обыкновенно уступалъ князю и его мужамъ опредѣленное пространство пахатной и сѣнокосной земли, и болѣе этой отведенной земли князь не имѣлъ права занимать въ свою пользу или въ пользу своихъ мужей. 9-е Князь не имѣлъ права выводить людей изъ Новгородскихъ владѣній въ свои отчинныя владѣнія, ни давать грамотъ, ни принимать закладниковъ; также ни князь, ни княгиня, ни княжіе бояре и слуги не могли покупать селъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ, ни ставить слободъ и мытовъ на свое имя 10-е. Князь не имѣлъ права затворять Нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ, ни приставлять при-

става къ Нѣмецкому двору, да и торговать съ Нѣмцами долженъ былъ только чрезъ Новгородцовъ. а не чрезъ своихъ людей. 11-е. Охотиться за кабанами князю представлялось право на 60 верстъ отъ Новгорода во всѣ стороны; на этомъ пространствѣ Новгородцы неиначе могли охотиться, какъ доложа о томъ князю, далѣе же 60 верстъ всякій могъ охотиться не спрашиваясь князя; въ Русу князь имѣлъ право ѣздить на охоту или посылать своихъ людей для ловли звѣря только на третью зиму; точно также въ Ладогу для рыбной ловли князь имѣлъ права ѣздить только на третіе лѣто. 12-е. Въ Торжкѣ и Волокѣ князь имѣлъ право держать своего тіуна на своей части, но съ тѣмъ чтобы въ тоже время былъ тамъ тіунъ и отъ Новгорода на своей части 13-е Князю предоставлялось право посылать своего купчину въ Заволочье въ двухъ насадахъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы княжій купчина ѣхалъ изъ Новгорода и назадъ возвращался непремѣнно на Новгородъ, изъ своей же земли князь не могъ посылать своего купчину ни въ Заволочье, ни въ Бѣжичи. 14-е. Гостямъ Новгородскимъ князь обязывался давать полную свободу торговли по всѣмъ своимъ отчиннымъ владѣніямъ съ платежемъ мытныхъ пошлинъ не болѣе, какъ по двѣ вѣкши съ воза, и съ ладьи, и съ хмѣльнаго, и льнянаго короба. И наконецъ 15-е. Новгородцамъ всѣ княжія пошлины платить по старинѣ и по крестному цѣлованію и не скрывать, а князьямъ пошлинъ не прибавливать.

Такимъ образомъ всѣ условія, на которыхъ князь долженъ былъ владѣть Новгородомъ. сохранившія-ся въ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотахъ, постоянно одинаковыя въ продолженіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ и съ явнымъ указаніемъ, что таковыя же условія постоянно требовались и прежде, ясно опредѣляютъ положеніе князя въ Новгородѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ, почему ни одинъ князь не оставался постоянно Новгородскимъ княземъ, хотя Новгородцамъ этаго очень хотѣлось и они даже брали съ иныхъ князей клятву до смерти не оставлять Новгорода. Судя по симъ условіямъ князю просто не у чего было жить въ Новгородѣ; не даромъ древній Святославъ говорилъ Новгородскому посольству, просившему у него князя: „да кто къ вамъ пойдетъ.“ Здѣсь прямая и ясная разгадка всѣмъ спорамъ и войнамъ Новгородцовъ съ своими князьями. Условія княжеской власти въ Новгородѣ такъ были стѣснительны въ сравненіи съ условіями княжей власти въ другихъ владѣніяхъ Руси, особенно какъ она стала развиваться съ конца XII столѣтія. что ни одинъ Русскій князь не могъ постоянно оставаться Новгородскимъ княземъ, и въ тоже время всѣ сколько нибудь сильные Русскіе князья желали владѣть Новгородомъ, какъ придачею къ своимъ отчиннымъ владѣніямъ, ибо съ Новгорода шли князю большіе доходы. Притомъ же каждый Русскій князь ясно видѣлъ, по ходу дѣлъ въ Новгородѣ, что тамъ. не смотря на крайне стѣснительныя условія по договорамъ, можно дѣ-

лать многое при помощи сильной партіи, необращая вниманія на договоры. Все это вело къ тому, что князья держались въ Новгородѣ только при помощи партій, и какъ скоро партія, поддерживающая князя терпѣла пораженіе отъ соперниковъ, то и князь долженъ былъ немедленно оставлять Новгородъ—или противная партія предавала его суду и изгоняла сплою, приглашая на его мѣсто другаго князя; здѣсь уже не принимались въ разчетъ никакія заслуги князя Новгороду, и самые усердные на пользу Новгорода князья, вмѣстѣ съ паденіемъ ихъ партіи, изгонялись точно также, какъ и князья ни о чемъ болѣе не думавшіе, какъ о стѣсненіи Новгородскихъ вольностей и о доставленіи выгодъ своей партіи, и даже послѣдніе не рѣдко держались долѣе первыхъ.

Но сколько смутъ не порождала въ Новгородѣ частая смѣна князей; тѣмъ не менѣе княжеская власть была необходимостію въ Новгородскомъ устройствѣ, безъ князя Новгородцы не могли оставаться на продолжительное время. Обстоятельства, вызвавшіе Новгородцовъ въ 862 году на приглашеніе Рюрика съ братьями, продолжали существовать во всѣ 616 лѣтъ, пока Новгородъ пользовался самостоятельностію и независимостію. Въ Новгородскомъ устройствѣ верховная власть князя была необходимостію, безъ которой въ правительствѣ оставался ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ: такъ что Новгородцы, порѣшивши изгнать одного князя, большею частію старались удерживать его у себя до тѣхъ поръ, пока не придетъ

другій князь, приглашенный ими занять его мѣсто. И не смотря на стѣснительныя условія, княжеская власть въ Новгородѣ въ дѣйствительности никогда не теряла того большаго значенія, какое она имѣла при Рюрикѣ первомъ, Варяго-Русскомъ, князѣ приглашенномъ въ Новгородъ; Новгородцы, постоянно любившіе строго держаться старины, только заботились о томъ, чтобы княжеская власть въ ихъ землѣ по возможности не выходила изъ границъ опредѣленныхъ первымъ приглашеніемъ и не принимала того опаснаго для Новгородской вольности развитія, которое постоянно возрастало въ другихъ владѣніяхъ Русской земли. А посему князь, державшійся договорныхъ условій и не нарушавшій ихъ, всегда могъ разчитывать на преданность Новгородцовъ, они усердно помогали ему во всѣхъ дѣлахъ и обыкновенно говорили такому князю: „камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами своими вержемъ“. Таковый князь пользовался вполнѣ властію ему опредѣленною договорами; онъ былъ верховнымъ владыкою Новгорода, всѣ государственные акты писались отъ его имени. его намѣстники управляли городами въ Новгородской землѣ, его судьи ѣздили по всѣмъ владѣніямъ въ Новгородской землѣ; князь, по согласію съ вѣчемъ, велъ войну и заключалъ миръ, онъ былъ верховнымъ предводителемъ войскъ Новгородскихъ, отъ его имени и отъ имени Новгорода отправлялись и принимались посольства Князь имѣлъ право созывать вѣче и участвовать въ законодательствѣ, и даже издавать за-

коны отъ своего лица, ежели они не противорѣчили правамъ Новгорода. Приглашеннаго князя при его принятіи, обыкновенно сажали на престолъ въ церкви св. Софіи; но князь не имѣлъ постояннаго двора въ самомъ Новгородѣ; его законное мѣсто жительства было на городищѣ, за два поприща отъ Новгорода, гдѣ жила и княжеская дружина.

III.

ЖИЗНЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

Новгородъ отъ прибытія Рюрика до кончины Юрія Владимировича Долгорукова, князя Суздальскаго.

Приглашеніе князей въ Новгородъ.

Новгородъ Великій, древнѣйшая колонія Дунайскихъ Славянъ на сѣверѣ Россіи, въ самой глубинѣ Финскихъ племенъ Води, Чуди, Корѣлы и другихъ. по свидѣтельству Исландскихъ сагъ и Нестора Кіево-Печерскаго, уже въ IX столѣтіи господствовалъ на огромномъ пространствѣ земель отъ Финскаго залива на востокъ до Уральскихъ горъ и за Уральскія горы до рѣки Оби въ Сибири, и отъ Бѣлаго и Ледовитаго морей на югъ до рѣки Оки. О прежней жизни Новгорода мы почти не имѣемъ прямыхъ извѣстій, кромѣ свидѣтельства о его огромныхъ владѣніяхъ. да знаемъ еще, что Новгородцы выдѣлили отъ себя сильныя колоніи Кривичей и Сѣверянъ по Днѣпру и Полочанъ по Западной Двинѣ (*). изъ которыхъ впрочемъ Криви-

*) Что Новгородцы были древнѣйшими Славянскими пришельцами прямо съ Дуная, удержавшими за собою родовое названіе Славянъ, тогда какъ другія Славянскія племена, поселившіяся въ Русской землѣ, утратили свое родовое названіе, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Кіевопечерскій инокъ Несторъ, писавшій свою лѣтопись въ концѣ XI и началѣ XII столѣтій. Вотъ подлинныя

чи и Полочане долго не прекращали своихъ связей съ Новгородомъ и составляли съ нимъ одинъ огромный Славянскій союзъ среди Финскихъ и Литовскихъ племенъ По свидѣтельству Нестора, во 2-й

слова Нестора о первомъ поселеніи Славянъ Новгородскихъ: «Словѣни же сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ». Далѣе разсказывая преданіе о путешествіи апостола Андрея Первозваннаго на сѣверъ, къ Балтійскому морю, Несторъ продолжаетъ: «иде Андрей по Днѣпру горѣ вверхъ), и по приключаю прінде и ста подъ горами на брезѣ, и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: «видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ воздвигнути имать». Вшедъ на горы сія, благослови я, поставн крестъ, и помолився и слѣзъ съ горы сея, идеже послѣ же бысть Кіевъ, и попде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни иде же нынѣ Новгородъ, и видѣ ту люди сущая, яко есть обычай имъ, и како ся мыютъ и хвощутся, и удивися имъ. Иде въ Варяги и приде въ Римъ, исповѣда елико научи и елико видѣ, и рече имъ: дивно видѣхъ Словѣнскую землю идучи ми сѣмо». Далѣе Несторъ говоритъ: «Словѣни держатъ свое княженіе въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане, отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдятъ Кривичи, таже Сѣверъ (Сѣверяне) отъ нихъ». Сіи три прямыя древнѣйшія свидѣтельства ясно говорятъ, что Новгород. Славяне были самыми старшими поселенцами, пришедшими на Русь съ Дуная, что даже во время Андрея Первозваннаго ихъ земли около озера Ильменя уже называлась Словѣнскою землею, когда земля Полянъ была еще пустынею и не имѣла названія, и что Полочане, Кривичи и Сѣверяне были колонистами Новгородскими, такъ что послѣ такихъ свидѣтельствъ нѣтъ и надобности въ иныхъ доказательствахъ этаго дѣла столько яснаго само по себѣ. А между тѣмъ въ нашей литературѣ недавно пущено мнѣніе, что Новгородцы были колонистами изъ Кіева въ землѣ Кривичей, а Кривичи были не колонистами Новгорода, а какими-то иными пришельцами, занимавшими всѣ земли Сѣверо-восточной Руси за долго до пришествія туда Новгородцовъ. Въ подтвержденіе этаго мнѣнія авторъ его не представляетъ никакихъ прямыхъ и древнѣйшихъ свидѣтельствъ, а основываетъ его на книжныхъ сказкахъ XVI и XVII столѣтій и на разныхъ натяжкахъ и кривыхъ

половинѣ IX столѣтія въ этомъ союзѣ, къ которому примыкали и нѣкоторыя Финскія племена, какъ равноправные члены. начались сильныя несогласія и междоусобія, грозившія окончательнымъ разпаденіемъ союза. И Новгородцы, какъ старѣйшіе, чтобы прекратить гибельныя междоусобія, въ 862 году отъ Р. Х. собрали общее вѣче, на которое были приглашены и Кривичи, и разныя Финскія союзныя племена; и на этомъ вѣчѣ было рѣшено пригласить, для прекращенія междоусобій, Варяго-Русскихъ князей, ближайшихъ своихъ сосѣдей въ Скандинавіи, и вручить имъ управленіе Новгородскою землею, т. е. всѣмъ союзомъ племенъ.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, Варяго-Русскіе князья, прибывшіе въ 862 году по приглашенію въ Новгородъ изъ Скандинавіи (*), привели съ со- Князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

толкованіяхъ и на этимологической дыбѣ, на которой слово пищитъ такъ, какъ хочется изслѣдователю. На сколько заслуживаетъ уваженія это мнѣніе я представляю судить безпристрастному суду читателей, и только для объясненія дѣла привелъ здѣсь помянутыя ясныя свидѣтельства Нестора.

(*) Что Варяго-Русскіе князья, приглашенные Новгородцами, были Скандинавами или Норманами, на это мы имѣемъ множество свидѣтельствъ и своихъ и чужеземныхъ, и притомъ свидѣтельствъ древнихъ, относящихся и къ IX, и къ X, и къ XI столѣтіямъ, и такихъ свидѣтельствъ, которыхъ ясность и достовѣрность не подлежитъ сомнѣнію и спору; такъ что мнѣніе о скандинавскомъ произхожденіи Варяговъ Руси въ нашей исторической литературѣ получило вполнѣ заслуженный авторитетъ и обратилось почти въ аксіому, утвержденную всею исторіею Варяго-Руссовъ и Скандинавовъ. Но въ недавнее время явилась новая теорія произхожденія Варяговъ-Руси, утверждающая что Варяги-Русь произходятъ изъ Литвы, именно изъ Литовскаго племени Жмуди; основаніемъ этой новой теоріи полагается то, что въ Жмудской землѣ есть одинъ притокъ Немана,

бою и все племя Руси, и на основаніи договора, заключеннаго ими съ Новгородцами по взаимному согласію, получили отъ Новгородцовъ въ непосредственное управленіе: Рюрикъ Ладогу въ землѣ Ко-

---

называющійся *Русь*, и что писатель XIV столѣтія Петръ Дюзбургскій, говоритъ, что Неманъ отдѣляетъ Русскую землю отъ Прусской земли. Дѣйствительно одинъ изъ притоковъ Нѣмана, впадающій съ правой стороны называется Русь, и небольшій притокъ этотъ проходитъ именно по Жмудской землѣ, и вѣроятно получилъ свое названіе отъ народа Русь, но это еще нисколько не доказываетъ, что Варяги-Русь имѣли своею родиною Жмудскую землю, и составляли одно изъ Литовскихъ племенъ, ибо съ одной стороны ни лѣтописецъ Несторъ, ни другіе древніе и ясные писатели Литовскихъ племенъ не относятъ къ Варягамъ; а Русь, приглашенная Новгородцами, у Нестора именно названа Варяги-Русь и отнесена къ Скандинавскому племени; вотъ слова Нестора: «Сіи называются Варягами-Русью, какъ другіе Варяги называются Шведами, иные Урманами (Норвежцами), иные Англянами, иные Готами.» А съ другой стороны Варяги-Русь, какъ извѣстно по исторіи, вмѣстѣ съ Олегомъ по смерти Рюрика перебрались изъ Новгорода въ Кіевъ, и мало по малу подчинили себѣ всѣ Славянскія племена, жившія въ русской землѣ, и всѣмъ имъ сообщили общее названіе Русь, а изъ Славянскихъ племенъ Полочане и Кривичи колонизировали Литовскую землю, и пронесли свою колонизацію и въ страну племени Жмуди, гдѣ главнымъ рѣкамъ, прорѣзывающимъ эту землю, и впадающимъ въ Неманъ, дали чисто свои Славянскія названія въ такомъ порядкѣ: первую рѣку, текущую по восточной границѣ Жмудской земли, назвали *Святою*, слѣдующую рѣку, текущую параллельно съ первой, наименовали *Невьяжей*, третьей рѣкѣ, также текущей параллельно съ первою и второю, дали именованіе *Дубисы*, четвертую рѣку назвали *Юрою*, и наконецъ пятую рѣку, самую западную, впадающую въ Неманъ не далеко отъ его устья, къ которой Полочане или Кривичи колонизаторы проникли позднѣе, когда уже сами стали называться Русью отъ Варяго-Русскихъ князей, назвали своимъ новымъ именемъ *Русью*, для обозначенія крайняго предѣла Русскихъ колоній по Нѣману. Такимъ образомъ, по историческому ходу событій, рѣка Русь, впадающая въ Неманъ, получила свое названіе отъ Полочанъ или Кривичей, проникнувшихъ туда въ X или XI столѣтіи, когда уже они

рѣльской, Синеусъ Бѣлоозеро въ земляхъ племени Веси и Труворскъ Изборъ одинъ изъ пригородовъ, принадлежавшій Кривичамъ. Черезъ два года по прибытіи въ Новгородскую землю Синеусъ и Труворъ умерли, и ихъ владѣнія перешли къ Рюрику, который такимъ образомъ одинъ сталъ владѣть во всей Новгородской землѣ, и началъ раздавать своимъ мужамъ города съ областями, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро, куда и отправились назначенные Рюрикомъ мужи съ своими дру-

---

стали называться Русью отъ Варяго-Русскихъ князей, а не вся Русская земля получила названіе Руси отъ безвѣстнаго, никогда не существовавшаго, а только воображаемаго, Жмудскаго или Литовскаго племени Руси. Свидѣтельство Петра Дюзбургскаго также нисколько не подтверждаетъ новой теоріи о Жмудскомъ происхожденіи Руси. Петръ Дюзбургскій, описывая границы Прусской земли, дѣйствительно говоритъ, что Неманъ отдѣляетъ Прусскую землю отъ Русской земли, но онъ очевидно подъ именемъ Русской земли разумѣетъ не мнимую Русь при устьяхъ Немана въ Жмудской землѣ, а современную ему Русскую землю, т. е. владѣнія княжества Волынскаго, которые дѣйствительно въ XIII въ XIV столѣтіяхъ отдѣлялись Неманомъ отъ земли Пруссовъ. Вотъ подлинное свидѣтельство Петра Дюзбургскаго: «Прусская земля границами своими, въ которыхъ она заключена, имѣетъ Вислу, Соленое (Балтійское) море, Неманъ, Русскую землю, княжество Мазовію и княжество Добриченское. Вислою называется рѣка, текущая отъ Кракова въ Померанію и около Данцигскаго замка впадающая въ море, и отдѣляющая Польшу и Померанію отъ Пруссіи Неманъ также рѣка, вытекающая изъ царства Русскаго и впадающая въ море около города и крѣпости Мельберга, она отдѣляетъ Руссію, Литву и Куронію отъ Пруссіи». Неманская граница, проведенная Петромъ Дюзбурскимъ, ясно говоритъ, что Русская земля не уголокъ Жмудской земли, а вся Русская земля, которой противополагается Литовская (слѣд. и Жмудская) и Куронская земля. Самый порядокъ земель съ юга на сѣверъ у Петра Дюзбургскаго указываетъ сперва на Русскую землю, т. е владѣнія Волынскія, какъ на самыя южныя на Прусской границѣ у Немана, потомъ на Литву и наконецъ на Куронію, самую сѣверную землю въ этомъ краю.

жинами, поселились тамъ и начали строить крѣпости, дѣтинцы, или города. А между тѣмъ самъ Рюрикъ передвинулся изъ Ладоги къ Новгороду и построилъ на противоположномъ берегу Волхова крѣпость, которую назвалъ также Новгородомъ. Противъ этаго новаго разпоряженія, несогласнаго съ первоначальнымъ договоромъ, Новгородцы возстали, и подъ предводительствомъ своего выборнаго воеводы Вадима Храбраго въ 864 году вступили въ бой съ Рюрикомъ и были разбиты, при чемъ самъ Вадимъ убитъ, а его сообщники частію также пали въ битвѣ, а частію были казнены Рюрикомъ, или бѣжали Эта неудача Вадима очевидно произошла отъ того, что большая и лучшая часть Новгородцовъ держались стороны Рюрика. Черезъ три года опять было возстаніе одной партіи Новгородцовъ, кончившееся также неудачно: возставшіе принуждены были бѣжать изъ Новгорода въ Кіевъ. Сіи неудачи возстававшихъ ясно показываютъ, что Рюрикъ не только былъ довольно силенъ, чтобы побѣдить противниковъ, но и умѣлъ вести себя такъ, что большинство Новгородцовъ, особенно лучшіе люди, держались его стороны, и при помощи ихъ онъ могъ прокняжить въ Новгородѣ цѣлые семнадцать лѣтъ, т. е. до самой своей кончины, которая послѣдовала въ 879 году. Лѣтописи, кромѣ показанныхъ выше разсылки мужей по городамъ и двухъ возстаній, затушенныхъ Рюрикомъ, ни слова не говорятъ о другихъ проявленіяхъ дѣятельности этаго перваго князя, приглашеннаго Новгородцами. Это

показываетъ, что дѣятельность Рюрика преимущественно состояла изъ мирныхъ разпоряженій, необходимыхъ для введенія порядка и тишины, для доставленія управы и суда Новгородскому обществу, потрясенному недавними междоусобіями, и для того именно пригласившему князей, что бы водворить миръ и тишину. Рюрикъ все время управленія своего въ Новгородской землѣ провелъ въ исполненіи тѣхъ княжескихъ обязанностей, которыя онъ принялъ на себя по договору съ Новгородцами; онъ разослалъ своихъ мужей съ отрядами дружины по тѣмъ городамъ, которые Новгородское вѣче передало княжеской власти, онъ самъ ѣздилъ по Новгородской землѣ и чинилъ судъ и управу, какъ это въ древности водилось у князей въ Скандинавіи, и какъ это дѣлали послѣдующіе Русскіе князья; и такою мирною дѣятельностію настолько успѣлъ пріобрѣсть себѣ разположеніе въ большинствѣ Новгородцовъ, которое и поддерживало его во время смутъ, произведенныхъ недовольнымъ меньшинствомъ, что смуты меньшинства должны были смолкнуть. Мало этого, большинство дозволило ему остаться въ новопостроенной имъ самимъ крѣпости, вѣроятно заключивъ съ нимъ сдѣлку, по которой Ладога отошла къ пригородамъ управляемымъ посадниками, назначаемыми Новгородскимъ вѣчемъ. Кромѣ того отдаленныя области Полотскъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль и Муромъ, кажется со времени Рюрикова княженія незамѣтно отошли отъ Новгорода и обратились въ княжескія волости, и таковыми остались навсегда.

Князь Олегъ и его преемники до Владимира.

Преемникъ Рюрика, князь Олегъ, которому, по словамъ лѣтописи, самъ Рюрикъ передалъ княжескую власть и своего малолѣтнаго сына Игоря, прожившіи въ Новгородѣ три года и очевидно тяготясь своимъ положеніемъ, въ 882 году ушелъ со всею своею дружиною и съ Игоремъ на Югъ, и захвативъ Кіевъ, остался тамъ жить, и такимъ образомъ сдѣлался самостоятельнымъ княземъ, нисколько независимымъ отъ Новгородскаго вѣча. Это новое положеніе Олега поставило Новгородъ въ необходимость или искать новаго князя, который бы согласился жить въ Новгородѣ, на тѣхъ условіяхъ, которыя ему предложитъ вѣче, или вступить въ новый договоръ съ Олегомъ. Новгородцы рѣшились на послѣднее, они вступили въ новый договоръ съ Олегомъ, по которому Олегъ согласился посылать къ Новгородцамъ своихъ посадниковъ или намѣстниковъ для суда и управы, а Новгородцы обязались платить съ своей земли условленную по взаимному согласію дань, и сверхъ того ежегодно высылать по 300 гривенъ Варягамъ Олеговымъ, за свободную торговлю по Днѣпру. Сіи новыя условія возстановили разорванную было связь Новгорода съ княземъ, и существовали неизмѣнными въ продолженіи 88 лѣтъ. Во все это время Новгородцы неучаствовали ни въ одномъ изъ многочисленныхъ походовъ Кіевскихъ князей, и Новгородъ, какъ совершенно отдѣльное государство, даже неупоминается ни въ одномъ договорѣ Кіевскихъ Руссовъ съ Греками, и мы неимѣемъ никакихъ извѣ-

стій о непосредственныхъ отношеніяхъ Кіевскихъ князей къ Новгороду до великой княгини Ольги, которая въ 947 году пріѣзжала въ Новгородъ. и съ согласія вѣча получила тамъ земли по Мстѣ и Лугѣ, гдѣ учредила погосты и наложила оброки въ пользу княжеской власти, и назначила разныя мѣста для княжескихъ ловищь, и даже посѣщала свою родину Псковъ, гдѣ памятникомъ ея посѣщенія оставались сани, хранившіеся тамъ даже во время Кіевскаго лѣтописца Нестора.

Князь Владимиръ Святославичъ.

Съ 970 года отношенія Новгорода къ князьямъ нѣсколько измѣнились. Передъ отправленіемъ Кіевскаго князя Святослава вторично въ Дунайскую Болгарію, Новгородцы, какъ вольные люди, отправили къ нему посольство съ требованіемъ, прислать къ нимъ въ князья котораго либо сына, и съ угрозою въ случаѣ отказа сыскать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ. Святославъ, зная какъ непривлекательно положеніе князя въ Новгородѣ, отвѣчалъ прямо: „да кто къ вамъ пойдетъ“. Новгородцы, получивши отказъ отъ старшихъ Святославовыхъ сыновей, Ярополка и Олега, уже имѣвшихъ удѣлы, выпросили себѣ младшаго Святославова сына Владимира, еще не имѣвшаго удѣла, который и отправился съ Добрынею, своимъ дядею по матери, въ Новгородъ, съ отцовскаго дозволенія. Такимъ образомъ Новгородцы получили себѣ особаго князя, и по видимому къ нимъ возвратились времена Рюрика. Кіевскій князь уже не могъ посылать въ Новгородъ своихъ посадниковъ; но черезъ пять лѣтъ

обстоятельства перемѣнились не въ пользу Новгорода. По смерти Святослава Владимиръ, услыхавши о самовластіи старшаго своего брата Ярополка и объ убіеніи имъ другаго брата Олега, ожидая и себѣ подобной участи и нерѣшаясь положиться на приверженность сильнаго Новгорода, ушелъ къ Варягамъ въ Скандинавію; а Ярополкъ, князь Кіевскій, узнавши объ этомъ, немедленно прислалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, разумѣется на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ уже прежде принимались княжіе посадники; и Новгородцы приняли присланныхъ посадниковъ, какъ нисколько неизмѣняющихъ отношенія князей къ Новгороду. На третій годъ послѣ бѣгства, Владимиръ возвратился въ Новгородъ съ Варяжскою дружиною, выгналъ оттуда Ярополковыхъ посадниковъ, которыхъ разумѣется Новгородцы не защищали, а напротивъ собрали войско въ помощь Владимиру для войны съ Ярополкомъ, надѣясь для себя болѣе пользы отъ Владимира, чѣмъ отъ Ярополка. Владиміръ, благодарный Новгородцамъ за помощь во время войны съ братомъ, занявши Кіевъ и управившись съ Ярополкомъ, отправилъ въ Новгородъ посадникомъ своего дядю по матери Добрыню, котораго любили Новгородцы, и въ 985 году вмѣстѣ съ Новгородцами и своею дружиною и полками Приднѣпровскими ходилъ на Камскихъ Болгаръ, въ пользу Новгорода, и заключилъ съ ними миръ по настояніямъ Новгородскаго посадника Добрыни.

Въ 988 году Владиміръ, какъ извѣстно, при- Князь Ярославъ Владимировичъ.
нялъ святое крещеніе и крестилъ Русскую землю, и для сего по разнымъ городамъ разослалъ своихъ сыновей съ епископами и священниками, приказывая имъ строить церкви и обращать народъ въ христіанство. Въ это же время, именно въ 989 году, былъ присланъ отъ Владимира въ Новгородъ въ князья-посадники старшій Владимировъ сынъ Вышеславъ и съ нимъ епископъ Якимъ Корсунянинъ съ священниками, которые начали обращать Новгородцовъ въ христіанство, строить церкви и низвергать идоловъ. По смерти Вышеслава Владиміръ прислалъ въ Новгородъ посадникомъ другаго своего сына Ярослава, который и оставался постоянно княземъ-посадникомъ Новгородскимъ въ продолженіи всей остальной жизни отца, и даже около двухъ лѣтъ по смерти Владимира. Ярославъ, подобно другимъ Новгородскимъ посадникамъ, исправно платилъ условленную дань въ Кіевъ, по двѣ тысячи гривенъ въ годъ и сверхъ того раздавалъ по тысячѣ гривенъ въ самомъ Новгородѣ, состоявшему при немъ полку или дружинѣ гридей; а за тѣмъ управлялъ Новгородомъ, не спрашиваясь отца и согласно съ Новгородскимъ вѣчемъ и народными обычаями, т. е. чинилъ судъ и управу, что собственно и требовалось для Новгорода. Лучшимъ сему доказательствомъ служитъ то, что когда въ 997 году Владиміру понадобилось Новгородское помощное войско для войны противъ Печенѣговъ, то онъ самъ отправился въ Новгородъ, просить у та-

мощняго вѣча, что бы оно дозволило собрать войско въ помощь княжой дружинѣ и Кіевскимъ полкамъ Дало ли эту помощь Новгородское вѣче — по лѣтописямъ неизвѣстно; но важно то, что великій князь Кіевскій въ самый разгаръ войны съ Печенѣгами, оставляя въ опасности Кіевъ и другіе Приднѣпровскіе города, долженъ былъ самъ ѣхать въ Новгородъ съ просьбою о помощи; это ясно показываетъ, что Владимировы отношенія къ Новгороду были такія же, какъ и отношенія прежнихъ князей, что онъ не могъ приказывать Новгородцамъ, не смотря на то, что сынъ его былъ въ Новгородѣ посадникомъ, и долженъ былъ искать согласія или дозволенія вѣча. Семнадцать лѣтъ послѣ Владимирова путешествія за помощнымъ войскомъ мы неимѣемъ никакихъ извѣстій о сношеніяхъ Новгородцовъ съ Кіевскимъ княземъ; знаемъ только, что Новгородскій князь-посадникъ Ярославъ исправно высылалъ въ Кіевъ условленную съ Новгорода дань двѣ тысячи гривенъ. Но очевидно отношенія сіи были неудовлетворительны; ибо вдругъ, послѣ семнадцатилѣтняго платежа дани, Ярославъ въ 1015 году пересталъ высылать дань и послалъ въ Скандинавію просить помощи у Варяговъ для войны съ отцемъ. Чѣмъ бы кончилась эта война, мы незнаемъ, ибо Владиміръ во время приготовленія къ ней скончался; но то несомнѣнно, что Ярославъ, любимый князь Новгородцевъ, подобный извѣстнымъ въ послѣдствіи двумъ Мстиславамъ, сражавшимся за св. Софію и Великій Новгородъ, вступая въ борьбу съ

отцемъ, ратовалъ бы за права вольнаго Новгорода, и война сія была бы ведена не одними Варягами, призванными Ярославомъ, но всѣмъ Новгородомъ; Новгородцы въ этой войнѣ воевали бы. какъ за любимаго своего князя. такъ и за неприкосновенность правъ вольнаго Новгорода.

Смерть Владимира не измѣнила отношеній Ярослава къ Новгороду. Новгородцы ему были нужны для борьбы съ Святополкомъ, занявшимъ Кіевъ, уже убившимъ братьевъ Бориса, Глѣба и Святослава, и добиравшимся до самаго Ярослава, а равнымъ образомъ и Ярославъ былъ дорогъ для Новгородцовъ, какъ князь, умѣвшій прожить съ ними почти двадцать восемь лѣтъ и хорошо знакомый съ ихъ обычаями, и уже объявившій войну отцу за права Новгорода. А по сему, когда Ярославъ, узнавши о смерти отца и объ избіеніи братьевъ Святополкомъ, на другой день по полученіи сей вѣсти созвалъ вѣче и объявилъ Новгородцамъ о грозящей ему опасности со стороны Святополка; то Новгородцы, хотя и были наканунѣ обижены самоуправствомъ Ярослава, приказавшаго избить нѣкоторыхъ значительныхъ Новгородцовъ, избившихъ недавно буйныхъ Варяговъ, тѣмъ не менѣе въ одинъ голосъ отвѣчали: „аще, княже, братья паша изсѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти“, и немедленно на томъ же вѣчѣ рѣшили выставить ему 40 тысячь войска для войны съ Святополкомъ. Война Ярослава съ Святополкомъ выказала вполнѣ привязанность Новгородцевъ къ своему любимому

князю; они какъ бы взялись во что бы то ни стало доставить Кіевскій престолъ Ярославу, три раза вооружались за него противъ Святополка; даже одинъ разъ изрубили Ярославовы ладьи, когда онъ, разбитый Болеславомъ Польскимъ и воротившійся въ Новгородъ только самъ-пятъ, хотѣлъ бѣжать къ Варягамъ за море; сами наняли для него Варяговъ, и для этого собрали добровольно по четыре куны съ человѣка, а съ старостъ по десяти гривенъ, съ бояръ же по осьмнадцати гривенъ. Равнымъ образомъ и въ послѣдующихъ войнахъ Ярославъ въ Новгородцахъ постоянно имѣлъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ союзниковъ и помощниковъ, и во всѣхъ своихъ невзгодахъ искалъ себѣ убѣжища и защиты въ Новгородѣ; такъ Ярославъ два года жилъ въ Новгородѣ послѣ неудачной битвы съ Мстиславомъ при Лиственѣ, и потомъ Новгородцами былъ приведенъ въ Кіевъ, и при ихъ помощи заключилъ съ Мстиславомъ миръ у Городца, по которому весь правый берегъ Днѣпра и Кіевъ утверждены за Ярославомъ. Потомъ въ 1036 году Новгородцы помогли Ярославу освободить Кіевъ отъ осады Печенѣговъ и дрались съ Печенѣгами цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера. И все это Новгородъ дѣлалъ добровольно, только по одной любви къ Ярославу, а отнюдь не потому, что отношенія Новгородцовъ къ своему князю измѣнились, что Ярославъ сдѣлался полнымъ владыкою Новгорода и Новгородъ утратилъ свою самостоятельность; ибо во всѣхъ изчисленныхъ выше войнахъ Ярославъ

самъ пріѣзжалъ въ Новгородъ просить помощи, или Новгородцы сами добровольно вызывались помогать любимому князю, о приказаніяхъ же нѣтъ нигдѣ и помину.

Ярославъ, хорошо понимавшій значеніе Новгорода, и благодарный за пособія, которыя ему оказывали Новгородцы во время упорныхъ войнъ съ Святополкомъ, утвердившись окончательно въ Кіевѣ въ 1019 году, вступилъ съ Новгородомъ въ новыя условія, которыми точнѣе опредѣлялись отношенія Новгорода къ князьямъ, и Новгородцы освобождались отъ многихъ прежнихъ обязательствъ и между прочимъ отъ платежа въ Кіевъ двухъ тысячь гривенъ дани: для опредѣленія сихъ новыхъ отношеній между Ярославомъ и Новгородцами были составлены особыя грамоты, извѣстныя подъ именемъ Ярославлихъ грамотъ, на которыя Новгородцы въ послѣдствіи постоянно ссылались въ своихъ сношеніяхъ съ Русскими князьями, и требовали, чтобы князья управляли Новгородомъ согласно съ Ярославовыми грамотами. Кромѣ грамотъ, Ярославъ постоянно во всю свою жизнь старался угождать и помогать Новгороду; такъ когда въ 1021 году Брячиславъ князь Полотскій нечаянно напалъ на Новгородскія владѣнія, и даже успѣлъ ворваться въ самый Новгородъ, ограбить его и увести плѣнниковъ; то Ярославъ, получивши объ этомъ вѣсть въ Кіевѣ, немедленно сѣлъ на коня, и на седьмый день нагналъ Брячислава на Судомѣри, разбилъ и принудилъ воротить Новгородскую добычу

и плѣнниковъ. Потомъ въ 1024 году онъ приходилъ въ Новгородъ усмирять мятежъ, произведенный волхвами, прежними толкователями и учителями языческой религіи, которые, пользуясь случившимся тогда въ той сторонѣ голодомъ, старались возмутить еще неокрѣпшихъ тамошнихъ христіанъ; онъ переловилъ волхвовъ, особенно разпространившихся по Суздальской землѣ, тогда еще не совсѣмъ отдѣленной отъ Новгорода, успокоилъ своимъ прибытіемъ народъ и отправилъ торговцовъ въ землю Болгарскую за хлѣбомъ. Далѣе въ 1030 году онъ ходилъ для Новгородцовъ на Чудь и построилъ тамъ городъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, а въ 1036 году привелъ къ Новгородцамъ въ князья своего старшаго сына Владимира, для чего самъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, и далъ Новгородцамъ епископа Луку Жидяту, на мѣсто умершаго Іоакима Корсунянина. А еще прежде въ 1032 году, Ярославъ устроилъ въ Новгородѣ училище на триста человѣкъ. Всѣ сіи дѣйствія показываютъ, что Новгородъ при Ярославѣ былъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ государствомъ, союзнымъ Ярославу и даже признававшимъ его власть въ извѣстныхъ предѣлахъ, но отнюдь не составлялъ одного цѣлаго съ прочею Русскою землею: Тоже подтверждаютъ и дѣйствія самихъ Новгородцовъ, изъ которыхъ видно, что Новгородцы во многомъ разпоряжались, какъ народъ совершенно независимый отъ Кіевскаго князя; такъ въ 1032 году Новгородское вѣче, безъ всякихъ отношеній къ Ярославу, посылало сво-

его выборнаго воеводу Улеба за Желѣзные ворота, куда-то на Сѣверъ; точно также въ 1042 году Владимиръ, сынъ Ярослава, княжившій въ Новгородѣ, по разпоряженію Новгородскаго вѣча и для Новгорода, а не для Кіева, ходилъ въ Южную Финляндію, на племя Емь, жившее тамъ. Самъ Ярославъ явно призналъ Новгородъ владѣніемъ независимымъ и самостоятельнымъ; ибо въ своемъ духовномъ завѣщаніи непомѣстилъ его въ число удѣловъ, назначенныхъ тому или другому изъ сыновей, и тѣмъ самымъ предоставилъ Новгородцамъ на волю выбрать себѣ князя.

Князь Изяславъ Ярославичъ.

По смертп Ярослава Новгородцы, помня любовь его къ нимъ, безпрекословно признали власть Кіевскаго князя, старшаго Ярославова сына, Изяслава, княжившаго у нихъ въ послѣдніе годы жизни отца. Изяславъ, подобно отцу, старался ладить съ Новгородцами; въ первые годы своего княженія въ Кіевѣ онъ далъ имъ въ князья своего старшаго сына Мстислава; потомъ самъ прибылъ въ Новгородъ и водилъ Новгородцевъ на Чудь, т. е. за Чудское озеро и взялъ тамъ городъ Осекъ Кидишивъ. Далѣе, въ 1060 году, снова пріѣзжалъ въ Новгородъ и опять водилъ Новгородцовъ въ землю Чуди и принудилъ тамошнее племя Сосолъ платить Новгороду по двѣ тысячи гривенъ въ годъ. Впрочемъ этотъ походъ не принесъ той пользы Новгороду, какую бы можно было ожидать по тому обѣщанію, какое дали Сосолы Изяславу, ибо въ слѣдъ за удаленіемъ его изъ Новгорода, они нетолько изгнали присланныхъ изъ

Новгорода даньщиковъ, но и сами съ большими силами напали на Юрьевъ, и хотя города не могли взять, тѣмъ не менѣе пограбили и пожгли всѣ окрестности, и даже доходили до Пскова; и Новгородцы съ Псковичами снова должны были воевать противъ нихъ, причемъ хотя и разбили Сосолъ, но и сами потеряли до 1000 человѣкъ своихъ ратниковъ. Въ 1066 году нечаянно напалъ на Новгородъ Полотскій князь Всеславъ Брячиславичъ, занялъ его до Неревскаго конца, ограбилъ храмъ св. Софіи, снялъ колокола, паникадилы и, кромѣ разныхъ богатствъ, захватилъ множество плѣнниковъ, женъ и дѣтей. Изяславъ Кіевскій, мстя за обиду Новгорода, поднялъ своихъ братьевъ, Святослава Черниговскаго и Всеволода Переяславскаго, и началъ войну съ Всеславомъ, которая, послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ, кончилась тѣмъ что Ярославичи обманомъ схватили Всеслава, и отправили въ Кіевъ, гдѣ и засадили его въ порубъ.

Князь Глѣбъ Святославичъ.

Когда въ 1068 году Изяславъ, изгнанный Кіевлянами изъ Кіева, бѣжалъ въ Польшу; то Новгородцы обратились къ Черниговскому князю Святославу Ярославичу и взяли у него въ князья сына его Глѣба, и такъ полюбили этого молодаго князя, что несмотря ни на какія смуты и перемѣны князей въ Кіевѣ, твердо держались за него въ продолженіи 12 лѣтъ, до самой его кончины. Глѣбъ съ своей стороны усердно служилъ Новгороду: онъ, предводительствуя Новгородцами, храбро дрался съ храбрѣйшимъ изъ тогдашнихъ князей Всеславомъ Полот-

скимъ, въ 1069 году вторично напавшимъ на Новгородъ, и разбилъ его въ страшной битвѣ подъ городомъ у Звѣринца на Гзени; потомъ въ 1071 году, въ самомъ Новгородѣ, усмирилъ возстаніе старовѣровъ, замышлявшихъ, подъ предводительствомъ какого-то волхва, возстановить старое идолопоклонство; и наконецъ въ 1079 году сложилъ свою голову за Новгородъ въ битвѣ съ Заволоцкою Чудью. По смерти любимаго князя Глѣба, Новгородцы обратились къ прежнему своему князю Изяславу Ярославичу, уже въ третій разъ княжившему въ Кіевѣ, и взяли себѣ въ князья его сына Святополка. Святополкъ, прокняживъ спокойно десять лѣтъ въ Новгородѣ, ушелъ въ Туровъ; а Новгородцы выпросили себѣ въ князья у тогдашняго Кіевскаго князя Всеволода Ярославича его внука Мстислава Владимировича, еще малолѣтнаго. Мстиславъ, выросши такимъ образомъ среди Новгородцовъ, такъ свыкся съ ихъ обычаями и такую заслужилъ у нихъ любовь, что они нехотѣли съ нимъ разстаться; и когда Святополкъ, по смерти Всеволода сдѣлавшійся великимъ княземъ Кіевскимъ. въ 1102 году хотѣлъ посадить въ Новгородѣ своего сына, а Мстислава вывесть оттуда; то Новгородцы отправили въ Кіевъ посольство. которое отъ ихъ имени прямо сказало Кіевскому князю: „не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли, княже, двѣ главы имѣетъ сынъ твой, то пошли его. А Мстислава далъ намъ Всеволодъ, и мы вскормили его княземъ, а ты ушелъ отъ насъ, ударилъ пятою въ Новгородъ“. Долго спо-

Князья Святополкъ Изяславичъ и Мстиславъ Владимировичъ.

рилъ Святополкъ съ Новгородскимъ посольствомъ, но ничего не успѣлъ сдѣлать, Новгородцы поставили на своемъ, и несмотря на сдѣлку, бывшую между Святополкомъ и отцомъ Мстислава Владимиромъ Мономахомъ, удержали у себя Мстислава. А еще прежде того, въ 1095 году, когда Святополкъ съ Владимиромъ Мономахомъ договорились передать Новгородъ Давыду Святославичу Смоленскому, Новгородцы на дорогѣ остановили Давыда, ѣхавшаго въ Новгородъ, и вызвали къ себѣ Мстислава, уже отправленнаго Мономахомъ въ Ростовъ Сими двумя поступками они ясно доказали Русскимъ князьямъ, что вольны въ своихъ князьяхъ и, какъ народъ независимый, кого хотятъ принимаютъ, ни сколько не соображаясь съ распоряженіями Кіевскаго или другаго какого князя.

Со времени смерти Ярослава великаго, въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ, Новгородцы не принимали никакого участія въ междоусобіяхъ князей другъ съ другомъ, и мы невстрѣчаемъ ихъ полковъ ни въ одной междукняжеской войнѣ того времени; но ихъ привязанность къ Мстиславу такъ была велика, что для него они рѣшились отступить отъ правила невмѣшательства, и въ 1096 году въ первый разъ, собственно для Мстислава, выступили въ походъ на защиту Ростовскаго и Суздальскаго края отъ нападенія Олега Святославича, хотѣвшаго отнять эту землю у Мстиславова отца Владимира Мономаха, и послѣ упорной битвы, неподалеку отъ Суздаля, на урочищѣ называемомъ Кулачьцѣ, раз-

били наголову Олега и принудили бѣжать изъ Суздальской земли. Въ отплату за такую услугу Новгородцовъ, Мстиславъ, по опредѣленію Новгородскаго вѣча, сдѣлалъ нѣсколько походовъ въ Прибалтійскій край: такъ въ 1111 году онъ вмѣстѣ съ Новгородцами ходилъ на Очелу, Финское племя, жившее въ предѣлахъ нынѣшней Эстляндіи; потомъ въ 1113 году разбилъ другое Финское племя—Чудь на Бору, а въ 1116 году взялъ у Чуди городъ Медвѣжью Голову, на границахъ Чуди съ Ливью, и въ тотъ же годъ заложилъ новыя стѣны вокругъ Новгорода, обширнѣйшія противъ прежнихъ. Наконецъ, въ 1117 году, послѣ двадцати осьми-лѣтняго княжествованія въ Новгородѣ, Мстиславъ былъ переведенъ своимъ отцемъ Владимиромъ Мономахомъ въ южный, или Русскій, Переяславль, а въ Новгородѣ вмѣсто себя оставилъ, вѣроятно по отцовскому распоряженію, своего, еще несовершеннолѣтняго, сына Всеволода Мстиславича.

Состояніе Новгорода при князѣ Мстиславѣ Владимировичѣ.

Продолжительное княжествованіе Мстислава было самымъ цвѣтущимъ временемъ для Новгорода. Новгородцы во все это время наслаждались внутреннимъ миромъ и согласіемъ. Новгородъ все это время спокойно торговалъ и распространялъ свои поселенія или колоніи въ дикихъ лѣсахъ Заволоцкой Чуди, и былъ грозенъ для своихъ сосѣдей по прибрежьямъ Финскаго залива, примучивалъ ихъ и бралъ съ нихъ дани. такъ что этотъ край признавалъ нѣкоторую зависимость отъ Новгорода, хотя еще и сопротивлялся. Заволочье, Печерскій край и Югра съ Само-

ядью давно уже платили дани Новгороду, и богатые Новгородскіе торговцы спокойно посылали свои торговыя партіи съ прикащиками даже за Уральскія горы въ Сибирь. Самый Новгородъ, вновь укрѣпленный Мстиславомъ, украшался построеніемъ многихъ церквей; а въ Ладогѣ въ 1116 году были возведены тамошнимъ посадникомъ Павломъ каменныя городскія стѣны. По Новгородскимъ пригородамъ вездѣ сидѣли правителями посадники, назначавшіеся Новгородскимъ вѣчемъ, и нисколько независѣвшіе отъ князей.

Князь Всеволодъ Мстиславичъ.

Разпоряженіе Владимира Мономаха о переводѣ Мстислава въ Переяславль крайне не понравилось Новгородцамъ. Имъ съ одной стороны тяжело было разстаться съ любимымъ княземъ, а съ другой стороны это разпоряженіе нѣкоторымъ образомъ ставило ихъ въ зависимость отъ Кіевскаго князя, чего они очень не любили. И, какъ кажется, неудовольствіе свое они выразили довольно ясно и не хотѣли повиноваться новому князю Всеволоду; ибо на другій годъ по удаленіи Мстислава Мономахъ и Мстиславъ нашли нужнымъ вызвать въ Кіевъ старѣйшихъ Новгородскихъ бояръ, и взять съ нихъ присягу, причемъ Мономахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно болѣе опасныхъ, удержалъ у себя и даже иныхъ сослалъ въ заточеніе, и особенно былъ гнѣвенъ на сотскаго Ставра. Все это ясно показываетъ, что въ Новгородѣ съ удаленіемъ Мстислава начались раздоры; лѣтопись упоминаетъ о разграбленіи какихъ то Даньслава и Ноздрьчи вѣроятно горячихъ кня-

жихъ сторонниковъ, а можетъ быть и княжихъ мужей. Впрочемъ на первый случай Новгородскія неудовольствія неимѣли большихъ послѣдствій. Очевидно Мстиславъ, во время своего продолжительнаго княжествованія, успѣлъ составить себѣ между Новгородцами сильную партію, которая на первыхъ порахъ могла еще поддерживать Мономаховы требованія, да и притомъ Мономахъ въ это время былъ очень силенъ для того, чтобы Новгороду вступать съ нимъ въ явную борьбу, неимѣя нигдѣ союзниковъ; въ слѣдствіе всего этаго Всеволодъ на первое время довольно утвердился въ Новгородѣ, княжилъ спокойно и даже тамъ женился, и въ 1123 году по разпоряженію Новгородскаго вѣча ходилъ войною въ Южную Финляндію и довольно удачно воевалъ противъ тамошняго Финскаго племени Еми. Самъ Мстиславъ, чтобы поддержать связи съ Новгородскими старѣйшими боярами, въ 1122 году вступилъ въ бракъ съ дочерью знаменитѣйшаго и богатѣйшаго Новгородца Дмитрія Завидича; но все это было только до перваго удобнаго случая.

Смерть великаго князя Кіевскаго Владимира Мономаха, послѣдовавшая въ 1125 году, взволновала Новгородцевъ; они, опасаясь, чтобы Мстиславъ, сдѣлавшись по смерти отца Кіевскимъ княземъ, не вызвалъ Всеволода изъ Новгорода, вступили въ новый договоръ съ Всеволодомъ, по которому онъ цѣловалъ Новгородцамъ крестъ, не оставлять Новгорода до свой кончины, и на этомъ новомъ условіи снова посадили его на княжемъ столѣ въ Новгородѣ,

т. е признали его своимъ княземъ, и жили съ нимъ въ согласіи семь лѣтъ, т. е. пока былъ живъ его отецъ Мстиславъ; они даже помогали Мстиславу въ 1128 году, въ войнѣ его съ Полоцкими князьями. Всеволодъ въ продолженіи этаго времени, по разпоряженіе Новгородскаго вѣча, или съ его согласія, два раза ходилъ на Чудь: въ первый разъ въ 1130 году, довольно удачно опустошилъ Чудскую землю и возвратился въ Новгородъ съ множествомъ плѣнниковъ; но второй походъ, бывшій въ слѣдующемъ году, былъ не такъ удаченъ, Новгородцы потеряли много знатныхъ мужей, побитыхъ Чудью. Въ самомъ управленіи Новгородомъ Всеволодъ въ это время имѣлъ довольно силы; онъ, заложивши въ 1127 году церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ, или на Петрятинѣ дворищѣ, далъ ей уставную грамоту, по которой къ этой церкви приписалъ особую купеческую общину съ разными привиллегіями. Впрочемъ въ дачѣ этой уставной грамоты Всеволодъ очевидно поступалъ согласно съ изконными Новгородскими правами, и тѣмъ нисколько не нарушалъ Новгородскихъ порядковъ; ибо привиллегіи, данныя этою грамотою, сохранялись за Ивановскою церковію даже въ XVI столѣтіи; а сего конечно не могло бы быть, ежели бы они даны были въ нарушеніе изкопныхъ Новгородскихъ правъ.

Видимо спокойное и сильное княжествованіе Всеволода въ Новгородѣ, на дѣлѣ не совсѣмъ было таковымъ. Дѣйствительно Всеволодова партія была еще довольно сильна, она состояла изъ пріятелей Мсти-

славовыхъ, людей богатыхъ и сильныхъ, и слѣдовательно прямаго возстанія на князя мудрено было и ожидать. Тѣмъ не менѣе и противная партія уже не безмолствовала, и ежели еще незатрогивала сильно самаго князя то уже значительно безпокоила княжихъ посадниковъ, которыхъ въ это время мѣняли очень часто, чего прежде не бывало; именно въ продолженіи семи лѣтъ передъ смертію Мстислава въ Новгородѣ перемѣнилось пять посадниковъ; и притомъ съ явнымъ указаніемъ колебанія княжей и народной партій; ибо посадничество давалось то княжескимъ сторонникамъ и даже боярамъ, присылаемымъ изъ Кіева, то предводителямъ народной партіи. Наконецъ смерть Мстислава, послѣдовавшая въ 1132 году, окончательно рѣшила отношенія Всеволода къ Новгородцамъ и Новгородцевъ къ нему. Преемникъ Мстислава на Кіевскомъ престолѣ, братъ его Ярополкъ, пригласилъ Всеволода въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы посадить его въ Русскомъ Переяславлѣ; и Всеволодъ, не смотря на клятву не оставлять Новгорода, поспѣшилъ на зовъ дяди и отправился въ Кіевъ, чтобы занять Переяславль. Это удаленіе сильно взволновало Новгородцовъ и подняло народную партію; Новгородцы здѣсь ясно увидали, что князья хотятъ подчинить ихъ своимъ разпоряженіямъ и втянуть въ коловоротъ княжескихъ междоусобій. А посему когда Всеволодъ, выгнанный изъ Переяславля своимъ дядею Юріемъ. княземъ Суздальскимъ, опять возвратился въ Новгородъ; то нашелъ тамъ полное возстаніе, — народная партія созвала вѣче,

на которое пригласила Псковитянъ и Ладожанъ, и при ихъ помощи выгнала Всеволода, сказавши: „ты крестъ цѣловалъ, что хочешь умереть въ Новгородѣ, а самъ ушелъ“. Впрочемъ торжество народной партіи было непродолжительно; милостинцы Всеволода поспѣшили собрать новое вѣче, на которомъ ихъ партія перекричала, и Всеволода нагнали на Устьяхъ и воротили въ Новгородъ.

Торжество Всеволодовой партіи, по видимому, было полное, и на другой годъ Всеволодъ водилъ Новгородцевъ на Чудь и взялъ тамъ городъ Юрьевъ, потерянный Новгородцами въ предшествовавшее время; но еще черезъ годъ дѣла сильно перемѣнились не въ пользу Всеволода. Всеволодовы милостинцы, имѣя въ виду недавній удачный походъ на Чудь и возвращеніе Юрьева, въ 1134 году пообѣщали Всеволоду собрать съ Новгородскихъ волостей войско для войны съ его дядею, Суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, и для этаго созвали вѣче наканунѣ Троицына дня, и на вѣчѣ стали говорить, что нужно помочь князю противъ Суздальскаго дяди; но противники зашумѣли и началась драка, кончившаяся тѣмъ, что тутъ же на вѣчѣ убили одного боярина и сбросили съ моста въ Волховъ, а четвертаго августа погорѣла торговая сторона отъ Плотницкаго ручья до Холма. Впрочемъ Всеволодовымъ милостинцамъ послѣ споровъ, продолжавшихся почти цѣлое лѣто, удалось поставить на своемъ и склонить народъ къ походу на Суздаль, имѣя въ виду посадить въ тамошнемъ краю Всеволодова

брата Изяслава, который за этимъ самъ пріѣзжалъ въ Новгородъ. Но на самомъ походѣ противная партія опять поднялась, составила новое вѣче и принудила Всеволода воротиться съ Дубны, при чемъ отняли посадничество у Петрилы, сторонника Всеволодова и дали Иванку Павловичу, вѣроятно сыну того знаменитаго Ладожскаго посадника Павла, который обвелъ Ладогу въ 1116 году каменными стѣнами. Впрочемъ Всеволодъ, имѣвшій еще сильную партію въ самомъ городѣ, воротившись съ Дубны, опять поднялъ дѣло о Суздальской войнѣ, и на свою голову добился того, что зимою опять собралось войско и 31 декабря, въ самую страшную непогоду съ сильнымъ морозомъ и мятелью, двинулось въ походъ; но это уже было въ послѣдній разъ для Всеволода. Этотъ новый Суздальскій походъ рѣшительно неудался; Всеволодъ былъ сильно разбитъ на Ждановѣ горѣ, и Новгородцы потеряли въ битвѣ много знаменитыхъ мужей и въ числѣ ихъ посадника Иванка Павловича и стараго посадника Петрилу Микульчича. Воротившись въ Новгородъ Всеволодъ нашелъ тамъ полное нерасположеніе къ себѣ, и хотя успѣлъ выхлопотать посадничество своему милостинцу Мирославу; но о новомъ походѣ нечего было и думать, партія его уже не имѣла прежней силы, неудачный Суздальскій походъ совершенно уронилъ ее въ народномъ мнѣніи, къ тому же вскорѣ послѣ похода умеръ и сильнѣйшій сторонникъ Всеволода, посадникъ Мирославъ Гюрятиничъ.

Пользуясь такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, народная партія въ 1136 году, т. е. почти черезъ полтора года послѣ послѣдняго Суздальскаго похода, по прежнему пригласила въ Новгородъ своихъ единомышленниковъ изъ Пскова и Ладоги, и составила многолюдное вѣче, которое прежде всего засадило Всеволода съ дѣтьми, женою, и тещею подъ стражу и нарядило надъ нимъ судъ Этотъ судъ обвинилъ Всеволода, какъ нарушителя правъ Новгородскихъ: во 1-хъ въ томъ, что онъ не заботится о защитѣ чернаго народа и особенно смердовъ, угождаетъ только однимъ боярамъ насильникамъ, приверженцамъ своей партіи; во 2-хъ, давши клятву неоставлять Новгорода до смерти, уѣхалъ въ Русскій Переяславль и хотѣлъ остаться тамъ княжить; въ 3-хъ, во время Суздальской войны прежде всѣхъ бѣжалъ съ битвы; въ 4-хъ, любитъ играть и тѣшиться, а людей неуправляетъ, собралъ собакъ и ястребовъ, а людей не судитъ и управы не даетъ; и въ 5-хъ наконецъ, велѣлъ Новгородцамъ приступить къ союзу съ Всеволодомъ Ольговичемъ, княземъ Черниговскимъ, и потомъ отступить велитъ. Вычитавши сіи вины, судъ вѣча рѣшилъ изгнать Всеволода, а на его мѣсто пригласить Святослава Ольговича, роднаго брата Черниговскому князю, и до прибытія Святослава держать Всеволода со всѣмъ семействомъ на епископскомъ дворѣ подъ стражею. И по этому приговору вѣча держали его подъ стражею цѣлыхъ два мѣсяца, и выпустили только тогда, когда пріѣхалъ Святославъ. Эта предосторожность

была принята за тѣмъ, чтобы Всеволодова партія и на этотъ разъ неповторила продѣлки 1132 года, т. е. до прибытія Святослава не воротила Всеволода съ дороги, когда онъ поѣдетъ изъ Новгорода.

Князь Святославъ Ольговичъ.

И недаромъ народная партія принимала такія предосторожности: милостинцы Всеволода, проигравши свое дѣло на вѣчѣ, недумали еще оставаться спокойными, а напротивъ искали всевозможныхъ средствъ поставить на своемъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали за Всеволодомъ въ Вышгородъ, который ему далъ дядя его Ярополкъ князь Кіевскій, съ ними ушелъ и посадникъ Константинъ Мпкульчичъ, вѣроятно братъ Петрилы, убитаго въ Суздальскомъ бою; иные же перебрались въ Псковъ, чтобы оттуда дѣйствовать на Новгородъ; а другіе оставались въ Новгородѣ, чтобы заявлять свое неудовольствіе на рѣшеніе послѣдняго вѣча и воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ къ возстанію. Изъ оставшихся въ Новгородѣ приверженцевъ Всеволода, первый заявилъ себя епископъ Нифонтъ, пришелецъ изъ Кіево-Печерскаго монастыря: онъ не далъ благословенія новому князю Святославу Ольговичу вступить въ бракъ и запретилъ Новгородскимъ священникамъ вѣнчать его, такъ что Святославъ нашелся вынужденнымъ вѣнчаться у своихъ священниковъ, во вновь выстроенной имъ церкви святителя Николая. Потомъ приверженцы Всеволода старались отдѣлаться отъ Святослава тайнымъ злодѣйствомъ; лѣтопись говоритъ: „милостинцы Всеволода стрѣляли въ князя изъ-за угла, но князь остал-

ся живъ". Была еще попытка и къ явному возстанію, но и та неудалась: предводитель возстанія, Юрій Ярославичъ, при семъ погибъ, будучи сброшенъ съ моста 1 сентября 1136 года. Наконецъ 7 марта слѣдующаго года, Всеволодъ, по вызову своей партіи, усилившейся во Псковѣ, самъ пріѣхалъ туда, чтобы изъ Пскова добывать себѣ Новгородъ; вслѣдъ за его пріѣздомъ побѣжали туда и остальные его приверженцы, еще проживавшіе въ Новгородѣ, стали тамъ укрѣпляться и засѣкли дороги отъ Новгорода. Но и народная партія не дремала; и лишь только пришли вѣсти, что Всеволодъ пріѣхалъ во Псковъ, какъ весь Новгородъ взволновался, народъ въ одинъ голосъ закричалъ: „нехотимъ Всеволода", и начался грабежъ домовъ, принадлежащихъ Всеволодовымъ приверженцамъ, бѣжавшимъ во Псковъ, стали отыскивать, кто еще изъ Всеволодовыхъ пріятелей, изъ бояръ, остались въ Новгородѣ, взяли съ нихъ, по выраженію лѣтописи, не съ полторы тысячи гривенъ и роздали купцамъ въ пособіе для приготовленія къ войнѣ со Всеволодомъ. Приготовленіе къ войнѣ шло дѣятельно и быстро; Святославъ, въ помощь своей дружинѣ и Новгородскому войску, пригласилъ брата своего Глѣба, князя Курскаго и Половцовъ; и всѣ вмѣстѣ отправились къ Пскову, надѣясь, что многочисленность войска заставитъ Псковичей примириться съ Новгородомъ и выгнать отъ себя Всеволода. Но Псковичи не думали уступать, и Новгородцы, какъ говоритъ лѣтопись, чтобы не проливать крови сво-

ихъ братьевъ, воротились домой съ Дубровны, а въ слѣдъ за тѣмъ Всеволодъ скончался во Псковѣ.

Бурное княженіе Всеволода Мстиславича, продолжавшееся чуть не двадцать лѣтъ и раздѣлившее Новгородцовъ на партіи – княжескую и народную, имѣло большое вліяніе на послѣдующую судьбу Новгорода. Съ этого времени Новгородъ много потерялъ своей прежней крѣпости и общественнаго единодушія. Пригороды, приглашенные къ участію въ борьбѣ Новгородскихъ партій, почувствовали свои отдѣльныя силы; и первый, богатѣйшій изъ пригородовъ, Псковъ, какъ мы уже видѣли, еще при Всеволодѣ отдѣлился отъ Новгорода и незадумался возстать войною на свою старую метрополію. Кромѣ того, Новгородцы въ это же время, волей неволей, принуждены были втянуться въ междоусобія Русскихъ князей; въ слѣдствіе чего у князей развилось желаніе подчинить Новгородъ тому или другому княжескому дому, окончательно обратить его въ отчину подобно другимъ удѣламъ. А въ самомъ Новгородѣ образовалась партія богачей и сильныхъ землевладѣльцевъ, которые находили для себя выгоднѣе подчиняться князю, чѣмъ зависѣть отъ народнаго вѣча, и стали продавать независимость Новгорода князьямъ. Но за то съ другой стороны Новгородцы, раздѣлившись на партіи, почувствовали необходимость яснѣе опредѣлить свои отношенія къ князьямъ и сколько-нибудь обезпечить огражденіе народной самостоятельности, постоянно угрожаемой княжескими милостинцами. До сего

Новыя отношенія Новгорода къ князьямъ.

времени Новгородъ, сильный своимъ единодушіемъ, мало заботился о введеніи опредѣленныхъ формъ для болѣе подробнаго разграниченія своихъ правъ и княжескихъ, довольствуясь старыми условіями съ князьями и особенно Ярославовыми грамотами. Но теперь, когда князья нашли себѣ опору въ самомъ міру Новгородскомъ, когда въ ихъ пользу составилась постоянная партія, которая для своихъ видовъ всегда была готова продать права народа любому князю, отъ котораго надѣялась получить болѣе выгодъ; то защитники правъ Новгородскихъ ясно увидали необходимость оградить самостоятельность и независимость отечества по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобы главные народные начальники, ближайшіе по своей власти къ князю, прямо зависѣли отъ народнаго вѣча, а не отъ князя, и чтобы князь безъ воли вѣча не могъ ни назначать ихъ, ни смѣнять, и чтобы разпоряженія князя безъ нихъ считались недѣйствительными. Народная партія такою мѣрою думала сколько нибудь замѣнить утраченное единодушіе, такъ необходимое для самостоятельнаго общества; и дѣйствительно до нѣкоторой степени достигла своей цѣли и надолго отодвинула паденіе самостоятельности Новгорода. Первымъ выборнымъ начальникомъ, ближайшимъ по своей власти къ князю, былъ посадникъ, за тѣмъ сдѣлались выборными тысяцкій и владыка, или епископъ Новгородскій. Первый выбранный вѣчемъ посадникъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, получившій это званіе въ 1126 году, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ вѣче обязало Все-

волода не оставлять Новгорода до смерти. За тѣмъ, кажется въ княженіе же Всеволода, сдѣлались выборными и тысяцкіе; но относительно епископовъ, первоначально избиравшихся митрополитомъ всея Руси, переходъ этого выбора отъ митрополита къ народному вѣчу послѣдовалъ уже черезъ 19 лѣтъ по смерти Всеволода, когда скончался послѣдній присланный изъ Кіева епископъ Нифонтъ, цѣлые 28 лѣтъ правившій Новгородскою епископіею.

Несмотря на множество волненій, бывшихъ въ княженіе Всеволода, Новгородъ по прежнему торговалъ и въ Русской землѣ, и у сосѣднихъ, и дальнихъ народовъ, и разпространялъ свои колоніи на сѣверо-востокѣ; въ лѣтописи упоминается подъ 1130 годомъ, что въ этомъ году, на возвратномъ пути изъ Готландіи, потонуло семь морскихъ Новгородскихъ лодій съ товарами, при чемъ погибло много и людей, а которые спаслись отъ потопленія, тѣ возвратились въ Новгородъ безо всего, чуть не нагишомъ. Потомъ, подъ 1134 годомъ, упоминается, что въ этомъ году были избиты Новгородскіе купцы въ Даніи Въ этоже смутное время въ Новгородѣ постоянно устроивались новыя церкви и монастыри; такъ лѣтописи къ Всеволодову княженію относятъ окончательное устройство знаменитыхъ Новгородскихъ монатырей—Юрьева и св. Антонія Римлянина.

Смертію Всеволода не кончились несогласія въ Новгородѣ: милостинцы Всеволодовы, засѣвшіе во Псковѣ, и недумали прекращать вражды; они вмѣ-

сто умершаго Всеволода выбрали себѣ въ князья брата его Святополка и вооружили противъ Новгорода всѣхъ князей, потомковъ Мономаха, бывшихъ тогда во враждѣ съ Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ, и потому враждовавшихъ на Новгородъ за то, что онъ взялъ себѣ въ князья Всеволодова брата Святослава. Союзники Псковичей, князья Кіевскій, Суздальскій, Смоленскій и Полотскій цѣлое лѣто морили Новгородцовъ голодомъ и ни воза хлѣба непускали въ Новгородъ. Такъ что Новгородцы, утомленные дороговизною съѣстныхъ припасовъ, наконецъ вынуждены были отказаться отъ своего выбраннаго князя Святослава Ольговича, и взять другаго у своего сильнаго сосѣда Юрія Долгорукаго, князя Суздальскаго, который и прислалъ въ Новгородъ своего сына Ростислава, а въ слѣдъ за тѣмъ примирились съ Новгородомъ и Псковичи, и державшаяся во Псковѣ Всеволодова партія Новгородцовъ.

Борьба съ Юріемъ Долгорукимъ.

Но ни Юрій, ни сынъ его Ростиславъ немогли ужиться съ Новгородцами; они недумали уважать народныхъ правъ, и Юрій, въ 1139 году, т. е. на другой же годъ, потребовалъ, чтобы Новгородцы вмѣшались въ княжескія междоусобія и выставили ему союзное войско для похода въ Кіевъ, гдѣ по смерти Ярополка утвердился Всеволодъ Ольговичъ; Новгородцы, нелюбившіе проливать кровь свою за чужіе интересы, разумѣется, отказали Юрію, и Ростиславъ вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ изъ Новгорода къ отцу; а Юрій, оскорбленный отказомъ, занялъ Тор-

жекъ; Новгородцы же послали въ Кіевъ опять звать къ себѣ, недавно изгнаннаго, Святослава Ольговича. Святославъ почти четыре мѣсяца не пріѣзжалъ въ Новгородъ и все это время Новгородскія партіи волновались; но съ прибытіемъ Святослава, его партія окончательно восторжествовала, и перехватавъ предводителей противной партіи—Константина Микульчича, Полюда Константиничa, Демьяна и еще троихъ, скованными отправила въ Кіевъ въ заточеніе. Но на другой годъ Святославъ понадобился старшему его брату Всеволоду Ольговичу, и онъ прислалъ за нимъ посольство, а Новгородцамъ обѣщалъ прислать своего сына. Новгородцы не противились таковому разпоряженію и отправили епископа Нифонта, съ другими своими посланниками, въ Кіевъ за новымъ княземъ, Святослава же просили, чтобы онъ пожилъ у нихъ, пока придетъ его племянникъ. Святославъ же, опасаясь, чтобы его не посадили подъ стражу, бѣжалъ тайно съ Якуномъ Мирославичемъ и другими своими приверженцами; впрочемъ Якуна и его единомышленниковъ нагнали на Плисѣ и воротили въ Новгородъ. И Суздальская партія, воспользовавшись Святославовымъ бѣгствомъ, произвела ужасный мятежъ, едва не убила Якуна и его брата Прокопія, сбросила Якуна съ моста, и когда онъ выплылъ, то заковала въ пѣпи и скованнаго сослала въ Чудь вмѣстѣ съ его единомышленниками; откуда потомъ Юрій Суздальскій перевелъ ихъ къ себѣ и держалъ въ милости, какъ это онъ всегда дѣлалъ съ Новгородскими изгнанниками, имѣя въ

виду въ послѣдствіи употребить ихъ въ свою пользу. Всеволодъ Ольговичъ, получивъ вѣсти о Новгородскихъ волненіяхъ, разгнѣвался на Новгородъ, задержалъ Новгородское посольство и купцовъ въ Кіевѣ; и Новгородцы девять мѣсяцевъ сидѣли безъ князя. Въ это время Суздальщинская партія вызвала, бѣжавшихъ въ Суздаль отъ Святослава, своихъ сторонниковъ—Судилу, Нежату и Стражка, и дала посадничество Судилѣ, а въ князья приняла Юрьева сына Ростислава, того же самаго, который княжилъ передъ Святославомъ Ольговичемъ.

Между тѣмъ епископъ Нифонтъ, послы и купцы Новгородскіе продолжали оставаться въ Кіевѣ, задержанные Всеволодомъ Ольговичемъ; это продолжалось уже слишкомъ девять мѣсяцевъ и торговля Новгорода съ Кіевомъ и всѣмъ Придиѣпровьемъ остановилась. Народъ, недовольный такимъ стѣсненнымъ положеніемъ и особенно прекращеніемъ Днѣпровской торговли, и нелюбившій Юрьевича Суздальскаго, продолжалъ сноситься съ княземъ Кіевскимъ и руководимый Псковскою партіею, просилъ прислать Святополка, брата покойнаго Всеволода Мстиславича, того самаго, который по смерти его защищалъ Псковъ. Всеволодъ Кіевскій, не желая, чтобы Новгородъ оставался за Суздальскимъ княземъ, наконецъ, послѣ четырехъ-мѣсячныхъ переговоровъ, согласился на требованіе Новгородцовъ, отпустилъ къ нимъ Святополка, доводившагося ему шуриномъ, и съ нимъ возвратилъ епископа Нифонта и всѣхъ Новгородскихъ мужей, задержанныхъ въ Кіевѣ, и

открылъ свободный путь для Днѣпровской торговли. Лишь только Новгородцы услыхали, что идетъ къ нимъ Святополкъ съ ихъ людьми, возвращенными Всеволодомъ, немедленно схватили Ростислава Юрьевича, княжившаго въ этотъ разъ только четыре мѣсяца, и засадили на епископскомъ дворѣ. Съ прибытіемъ Святополка Мстиславича партіи присмирѣли, и въ Новгородѣ, въ продолженіи шести лѣтъ его правленія, было все тихо; Новгородцы, довольные Всеволодомъ Ольговичемъ за присылку князя по ихъ хотѣнію, даже посылали, въ 1145 году, свое войско съ воеводою Неревиномъ въ Кіевъ на помощь Всеволоду. Но хитрый сосѣдъ Новгорода, князь Юрій Суздальскій, тайно составлялъ себѣ партію, принималъ и ласкалъ всѣхъ Новгородскихъ выходцовъ, недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, и не заключалъ мира съ Новгородомъ. Въ 1147 году Новгородское вѣче съ княземъ Святополкомъ начало было войну противъ Юрія и Новгородцы дошли уже до Торжка, но за разпутьемъ воротились, и на другой годъ, думая прекратить войну переговорами, отправили къ Юрію посломъ епископа Нифонта. Юрій принялъ епископа съ любовію и, заискивая разположеніе Новгородцовъ, отпустилъ съ честію прежде забранныхъ Новгородцовъ и задержанныхъ въ Суздальской землѣ Новгородскихъ гостей; но мира не далъ.

Между тѣмъ Всеволодъ Ольговичъ, великій князь Кіевскій, умеръ еще въ 1146 году и Кіевскимъ княземъ сдѣлался Изяславъ Мстиславичъ, непримиримый

врагъ Юрія Суздальскаго. Новгородцы, недовольные послѣдними мирными переговорами съ княземъ Юріемъ, въ 1148 году обратились къ Изяславу, чтобы онъ вывелъ отъ нихъ Святополка и прислалъ другаго князя. Изяславъ, исполняя желаніе Новгородцовъ, прислалъ въ Новгородъ своего сына Ярослава, а брата Святополка перевелъ во Владимиръ Волынскій, и въ томъ же году зимою самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Новгородцы такъ были довольны прибытіемъ Изяслава, что иные вышли къ нему навстрѣчу за три дни пути, другіе за день, а при вступленіи въ городъ его встрѣтили сынъ Ярославъ и всѣ бояре Новгородскіе и прямо повели въ храмъ св. Софіи слушать литургію; а между тѣмъ Изяславъ съ сыномъ послали подвойнихъ и бричей по улицамъ звать всѣхъ отъ мала до велика на обѣдъ къ князю Кіевскому. Угостивши вольныхъ Новгородцовъ обѣдомъ на первый день, Кіевскій князь на другой день созвалъ вѣче, и сказавъ Новгородцамъ, что онъ по ихъ приглашенію пришелъ мстить Новгородскія обиды Юрію, предложилъ на разсужденіе созванному народу,—воевать ли съ княземъ Суздальскимъ, или мириться? Въ отвѣтъ на такую рѣчь князя поднялись крики: „ты нашъ князь, ты нашъ Володимеръ, ты нашъ Мстиславъ! ради съ тобою мстить свои обиды, пойдемъ всѣ отъ мала до велика, даже церковные дьяки, которые еще не посвящены въ стихарь“. Послѣ таковаго отвѣта быстро собралось большое войско, даже пришли Псковичи и Корѣла; и Изяславъ пошелъ въ землю Суз-

дальскаго князя, взялъ нѣсколько городовъ, и опустошилъ ее до Углеча поля и Ярославля; но за весенней разпутицей долженъ былъ прекратить походъ и возвратился въ Новгородъ съ такою богатою добычею, какой Новгородцы давно не получали, и потомъ отправился въ Кіевъ, оставивши въ Новгородѣ своего сына Ярослава.

Но Изяславовъ походъ не смирилъ Юрія Долгорукаго, и на другой годъ Суздальское войско, предводительствуемое состоящимъ у Юрія на службѣ безземельнымъ княземъ Берладникомъ, напало на Новгородскихъ даньщиковъ и загородило имъ путь къ собиранію даней съ Новгородскихъ областей, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Суздальскою землею, и дани сіи сталъ собирать самъ Юрій. Тщетно Изяславъ требовалъ возвращенія сихъ даней къ Новгороду; Юрій твердо стоялъ на своемъ, задерживалъ Новгородскихъ даньщиковъ и не давалъ Новгороду мира, препятствовалъ торговлѣ Новгородцовъ съ востокомъ, хотя и не нападалъ на самый Новгородъ. Такъ прошло пять лѣтъ, наконецъ Новгородцы, не видя успѣховъ отъ Изяславова покровительства, въ 1154 году выгнали Ярослава и пригласили Ростислава Мстиславича, князя Смоленскаго, любимаго Юріева племянника, въ надеждѣ, что онъ скорѣе примиритъ ихъ съ княземъ Суздальскимъ. Между тѣмъ въ томъ же году скончался Изяславъ Кіевскій; и Ростиславъ, нисколько непримиривши Новгородскихъ партій и даже болѣе раздраживши ихъ, поспѣшилъ уйдти въ Кіевъ, въ Нов-

городѣ же оставилъ своего сына Давида, котораго Новгородцы, въ слѣдъ за отъѣздомъ отца, выпроводили изъ Новгорода. И Суздальщинская партія, пользуясь такою разладицею, въ которой конечно принимала большое участіе, отправила епископа Нифонта съ лучшими мужами въ Суздаль просить въ Новгородскіе князья Юріева сына Мстислава. Юрій, того только и ждавшій, немедленно отпустилъ сына; и Мстислава ввели въ Новгородъ 30 января тогоже года, т. е. черезъ два мѣсяца по изгнаніи Давида.

Но недолго торжествовала Суздальщинская партія въ Новгородѣ, черезъ годъ у ихъ предводителя Судилы было отнято посадничество; и Псковская партія, восторжествовавъ на вѣчѣ, сдѣлала посадникомъ своего предводителя Якуна Мирославича; къ тому же умеръ и епископъ Нифонтъ, съ 1149 года бывшій постояннымъ и усерднымъ сторонникомъ князя Суздальскаго. Въ слѣдъ за утвержденіемъ посадника изъ противной Суздальщинцамъ партіи должно было ждать возстанія и противъ князя; и дѣйствительно на другой (1157) годъ Псковская партія, уговорившись тайно съ Ростиславомъ Смоленскимъ, потребовала смѣны князя. Суздальщинцы, т. е. жители торговой стороны въ Новгородѣ, вступились за своего избранника Мстислава и приготовились къ битвѣ; тогда Псковитянцы, желая выиграть время, пока подойдетъ Ростиславъ, разломали мостъ черезъ Волховъ, и та и другая сторона разставили сторожей, одни у городныхъ

воротъ, а другіе на противоположномъ берегу; но до битвы недошло. Ростиславъ поспѣшилъ прислать своихъ сыновей Давида и Святослава, о чемъ какъ скоро узналъ Мстиславъ, ночью же бѣжалъ изъ Новгорода, а чрезъ три дня пріѣхалъ Ростиславъ; и возстаніе улеглось, Ростиславъ съумѣлъ на время примирить всѣ партіи. А между тѣмъ Юрій Долгорукій въ тоже время скончался въ Кіевѣ, и пока не кому было оспоривать Новгородъ у Ростислава и его сыновей

Слѣдствія борьбы Новгорода съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ.

Такимъ образомъ смертію Юрія покончилась борьба Новгорода съ его притязаніями, продолжавшаяся 19 лѣтъ; борьба эта была для Новгорода гибельнѣе борьбы съ Всеволодомъ Мстиславичемъ. Хотя Юрій не могъ утвердиться въ Новгородѣ, и въ продолженіи девятнадцати лѣтъ, только четыре года, да и то въ три пріема, сыновья его были Новгородскими князьями; тѣмъ не менѣе всѣ девятнадцать лѣтъ Новгородъ прожилъ подъ постояннымъ тяжелымъ вліяніемъ Суздальскаго князя, не смотря на постоянную и сильную борьбу. Самъ Юрій ни разу не былъ въ Новгородѣ и съ своими войсками непроходилъ далѣе Торжка, почти пограничнаго Новгородскаго пригорода съ Суздальскими владѣніями; онъ только девятнадцать лѣтъ недавалъ мира Новгороду, мѣшалъ сбору Новгородскихъ даней въ сосѣднемъ Заволочьѣ и постоянно держалъ въ своихъ рукахъ свободу Новгородской торговли съ востокомъ, то пропускалъ Новгородскихъ купцовъ чрезъ свои владѣнія, то задержи-

валъ ихъ. А посему вся торговая сторона въ Новгородѣ и всѣ богачи Софійской стороны, имѣвшіе поземельныя владѣнія въ верховьяхъ Сѣверной Двины и Онеги, или которые вели торговлю съ Камскою Болгаріею, волей-неволей постоянно держались стороны Юрія и то и дѣло возбуждали мятежи въ Новгородѣ. Юрій все это время усердно ласкалъ и поджигалъ своихъ сторонниковъ, и произвелъ то, что Новгородъ окончательно раздѣлился на двѣ партіи,—народную, или Псковитянскую и княжую. или Суздальщинскую. Суздальщинцы и слышать не хотѣли о другихъ князьяхъ кромѣ Суздальскихъ, и при всѣхъ своихъ неудачахъ постоянно имѣли прибѣжище, покровительство и поддержку у Юрія; такъ что ихъ партія не могла ни уничтожиться, ни примириться, или сойтися съ народною партіею.

Торговля Новгорода и отношенія его къ Финляндіи.

Продолжительная борьба съ Юріемъ Суздальскимъ, постоянно задерживавшая Новгородскую торговлю съ Камскою Болгаріею и другими странами на востокъ, также нѣсколько мѣшала торговлѣ Новгородцовъ съ югомъ и западомъ; на югѣ по Днѣпру иногда задерживали Новгородскихъ купцовъ князья Кіевскіе и Смоленскіе, желая отвести Новгородъ отъ Юрія; на западѣ по Балтійскому морю иногда нападали на Новгородскіе торговые корабли Шведы. Впрочемъ сіи нападенія были незначительны и храбрые Новгородскіе торговцы успѣвали отбиваться отъ Шведскихъ грабителей; такъ въ 1142 году какой то Шведскій князь съ епископомъ въ ше-

стидесяти шнекахъ напалъ на Новгородскихъ гостей, шедшихъ изъ за моря въ трехъ лодьяхъ; но былъ отбитъ Новгородцами и потерялъ 150 человѣкъ изъ своей дружины. Впрочемъ, не смотря на нѣкоторыя препятствія, Новгородская торговля съ западною Европою въ это время находилась въ цвѣтущемъ состояніи; въ Новгородѣ въ это время былъ уже постоянный торговый Варяжскій дворъ съ своею церковію, а у Новгородцовъ такой же дворъ былъ на островѣ Готландѣ съ своею церковію. Но пользуясь внутренними раздорами Новгородцовъ и ихъ продолжительною борьбою съ княземъ Суздальскимъ, сосѣднія Финскія племена, жившія на западъ отъ Новгорода, время отъ времени стали оказывать сопротивленіе Новгородцамъ и даже нападать на Новгородскія владѣнія. Впрочемъ племена сіи были тогда такъ слабы и разрознены, что ихъ нападенія и сопротивленіе неслишкомъ безпокоили Новгородцовъ и всегда кончались пораженіемъ. Такъ въ 1142 году племя Емь, жившее на югѣ нынѣшней Финляндіи, напало на Ладожскіе погосты и на Корѣлянъ, признававшихъ надъ собою власть Новгорода; но для отраженія этого нападенія даже не понадобились Новгородскіе полки, Ладожане одни справились съ непріятелями, избили ихъ четыреста человѣкъ, остальныхъ же побрали въ плѣнъ, не потерявъ съ своей стороны ни одного человѣка. А на другой годъ Корѣляне, подвластные Новгороду, сами ходили въ землю Еми, но потерпѣли пораженіе и потеряли двѣ свои морскія лодьи. Потомъ

въ 1149 году таже Емь, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ. напали на Новгородскія владѣнія, именно на Финское племя Водь, жившее по Лугѣ; но это нападеніе, какъ и прежнее, кончилось полнымъ пораженіемъ Еми, ворвавшейся въ землю Води. Новгородская дружина въ пятьсотъ человѣкъ, соединясь съ Водью, нагнала непріятелей и избила всѣхъ до одного. Внутренніе раздоры въ Новгородѣ и борьба съ Юріемъ Суздальскимъ особенно много причинили вреда Новгородцамъ въ Прибалтійскомъ краѣ тѣмъ, что Новгородцы, занятые этою борьбою, неимѣли достаточно времени обратить надлежащее вниманіе на Финскія племена, жившія по берегамъ Финскаго залива и вообще Балтійскаго моря, и не успѣли окончательно утвердить свою власть въ этомъ полуподчиненномъ краю; а между тѣмъ сюда стали проникать Шведы и Нѣмцы и заводить сношенія съ тамошними Финнами. Такъ Шведы уже завладѣли Аландскими островами, а въ 1156 году, подъ предводительствомъ своего короля Ериха святаго и Упсальскаго епископа Генриха, завели свою колонію въ Финляндіи, не подалеку отъ нынѣшняго Або.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

Борьба Новгорода съ дѣтьми Юрія Суздальскаго, съ князьями Андреемъ Боголюбскимъ и братомъ его Всеволодомъ.

Святославъ и Давыдъ Ростиславичи.

Смерть Юрія Долгорукаго не освободила Новгородцовъ отъ раздоровъ и происковъ Суздальщинской партіи; а слѣдовательно и отъ тяжелаго вліянія Суздальскихъ князей, преемниковъ Юрія. Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій только на время усмирилъ Новгородскія партіи; онъ вскорѣ по смерти Юрія самъ долженъ былъ отправиться въ Смоленскъ, чтобы добывать оттуда Кіевскій престолъ, а у Новгородцовъ оставилъ своихъ сыновей, Святослава въ Новгородѣ и Давыда въ Торжкѣ. Но прошло не болѣе двухъ лѣтъ, какъ Суздальщинская партія опять начала свои происки, вступила въ тайныя сношенія съ сыномъ покойнаго Юрія, Андреемъ Боголюбскимъ, княжившимъ въ Суздальской землѣ, и цѣловала ему крестъ, приглашая занять Новгородъ. Андрей, по зову этой партіи, въ 1160 году прислалъ сказать Новгородцамъ: „вѣдомо будп, хочу искати Новгорода добромъ и лихомъ; а крестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, что имѣти меня себѣ княземъ, а мнѣ вамъ добра хотѣти“. Съ этаго Андреева посланія начались волненія въ Новгородѣ и стали созываться частыя вѣча. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1161 году Суздальщинцы перекричали на вѣчѣ и послали сказать князю Святославу Ростиславичу: „не можемъ двухъ князей держати, пошли

вывести брата своего Давыда изъ Новаго-Торгу'. Святославъ уступилъ этому требованію мятежной партіи и отослалъ Давыда въ Смоленскъ, и тѣмъ конечно испортилъ свое дѣло. Мятежники зашумѣли сильнѣе прежняго и составили новое вѣче на самаго Святослава. Святославъ, ничего незнавши объ этомъ, спокойно сидѣлъ у себя на Городищѣ, гдѣ обыкновенно жили Новгородскіе князья, какъ вдругъ прибѣжалъ къ нему вѣстникъ съ такими рѣчьми: „княже! велико зло дѣется въ городѣ, тебя хотятъ схватить". Князь на это отвѣчалъ: „какое же зло я сдѣлалъ имъ, что хотятъ схватить меня, а цѣловали крестъ къ отцу моему, чтобы имѣть меня княземъ до моего живота; а еще вчера всѣ цѣловали ко мнѣ икону св. Богородицы". Пока шелъ этотъ разговоръ, толпа народа ворвалась въ горницу, схватила князя и заперла въ истопку, княгиню отправили въ монастырь, а дружину заковали въ цѣпи, имущество же княжее и дружинничье разграбили, и потомъ князя сослали въ Ладогу подъ стражу, откуда впрочемъ онъ успѣлъ убѣжать въ Смоленскъ. Управившись съ Святославомъ, торжествующая Суздальщинская партія ввела въ Новгородъ присланнаго Андреемъ Боголюбскимъ его племянника Мстислава Ростиславича, Юріева внука, а посадничество дала одному изъ своихъ предводителей Нежатѣ.

Но торжество Суздальщинцовъ было непродолжительно, надъ ними разразилась гроза съ той стороны, съ которой вовсе неожидали. Андрей Боголюбскій, для котораго было все равно, кто бы не княжилъ въ

Новгородѣ, лишь бы былъ его посаженникомъ, а не избранный народомъ на другій же годъ, по договору съ Ростиславомъ, отдалъ Новгородъ только что изгнанному сыну его Святославу. Такимъ образомъ Святославъ опять явился въ Новгородъ; но уже не по волѣ какой либо партіи или всего Новгорода, а на всей своей волѣ, какъ прямо сказано въ Новгородской лѣтописи. Горько и непривычно было Новгородцамъ видѣть у себя князя не на ихъ волѣ и не по народному избранію, чего у нихъ прежде не бывало. Да и Святославъ, въ прежнее время уступчивый, теперь сталъ дѣйствовать иначе; онъ, вѣроятно по согласію съ Андреемъ Боголюбскимъ, началъ править Новгородомъ именно по своей волѣ, а не по волѣ вольныхъ Новгородцовъ. Взаимныя неудовольствія дошли до того, что самъ отецъ Святославовъ, Ростиславъ князь Кіевскій, уже больной, принужденъ былъ пріѣхать на Великія Луки, чтобы разсудить сына съ Новгородцами, и пригласилъ туда представителей Новгорода огнищанъ, гридь и вящшихъ купцовъ, чтобы составить условія, на которыхъ бы Святославъ княжилъ въ Новгородѣ; но и это не помогло. Ростиславъ на возвратномъ пути въ Кіевъ умеръ на дорогѣ; а Святославъ, надѣясь на покровительство Андрея Боголюбскаго, и можетъ быть по его указанію, не думалъ исполнять условій договора, заключеннаго отцемъ. Наконецъ въ 1167 году Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія, начали въ тайнѣ собирать вѣча по домамъ, чтобы какъ нибудь порѣшить съ княземъ. Святославъ, увѣдомлен-

ный пріятелями и не дожидаясь явнаго всеобщаго возстанія, ушелъ на Луки и прислалъ сказать Новгородцамъ: „нехочу у васъ княжить“. Онъ вѣроятно разчитывалъ запугать этимъ Новгородцовъ и при помощи своей партіи опять воротиться въ Новгородъ, но разсчетъ его не оправдался. Новгородцы неиспугались и торжественно поклялись св. Богородицею нехотѣть Святослава. и отправились къ Лукамъ выгнать его и оттуда. Святославъ, узнавши объ этомъ, немедленно бѣжалъ въ Торопецъ и потомъ на Волгу къ Андрею Боголюбскому. Новгородцы съ своей стороны порѣшили отправить посольство въ Русь къ Мстиславу Изяславичу, князю Кіевскому, просить его, чтобы онъ прислалъ къ нимъ княжить своего сына Романа. Дабы непропустить Новгородскаго посольства въ Кіевъ, Святославъ и его союзники Андрей Боголюбскій и братья Романъ Смоленскій и Мстиславъ Полотскій заняли всѣ дороги къ Кіеву, сожгли Торжокъ и Луки, и двинулись къ Русѣ, требуя, чтобы Новгородцы приняли Святослава, и говоря: „нѣту вамъ князя инаго, развѣ Святослава“. Но несмотря на все сіе Новгородцы рѣшились настоять на своемъ,—убили Святославовыхъ перевѣтниковъ, посадника Захарію и бояръ Неревина и Нѣзду, отыскали незанятый путь въ Кіевъ, куда и отправили ловкаго Даньслава Лазутинича съ небольшою дружиною; потомъ, подъ предводительствомъ Якуна, выступили къ Русѣ противъ Святослава и его союзниковъ и заставили ихъ отступить и очистить Новгородскую землю; дали по-

садничество мужественному Якуну и жили подъ его управленіемъ болѣе семи мѣсяцовъ, пока не пріѣхалъ Романъ изъ Кіева.

Князь Романъ Мстиславичъ.

Наконецъ 14 апрѣля 1168 года прибылъ въ Новгородъ Романъ Мстиславичъ, князь молодый и храбрый. Новгородцы съ радостію приняли князя, прибывшаго по ихъ хотѣнію, и немедленно, соединясь съ Псковичами, пустились мстить свои обиды, опустошили землю Полотскую и не дошли только тридцати верстъ до самаго Полотска, потомъ къ концу зимы того же года, вмѣстѣ съ княземъ Романомъ вступили въ Смолепскія владѣнія, сожгли Торопецъ, и возвратились домой со множествомъ плѣнниковъ. Между тѣмъ Святославъ умеръ на Волокѣ во время набѣга на Новгородскія владѣнія Но смертію Святослава дѣло не кончилось; Андрей Боголюбскій былъ не такой князь, чтобы такъ легко отступиться отъ Новгорода. Потерявъ Святослава, онъ повелъ дѣло иначе и, подобно своему отцу Юрію, сталъ задерживать Новгородскихъ купцовъ и препятствовать сбору Новгородскихъ даней въ Заволочьѣ; но къ великой его досадѣ Новгородскимъ даньщикомъ на эту пору былъ ловкій и храбрый Даньславъ Лазутиничъ, который съ четырьмя стами своей храброй дружины не только разбилъ семь тысячь Суздальцевъ, высланныхъ противъ него Андреемъ, и собралъ дань въ Заволочьѣ, но ворвался и въ Андреевы владѣнія и взялъ другую дань на смердахъ Суздальскихъ. Это такъ раздражило гордаго Андрея, что онъ невытерпѣлъ и поднялъ чуть не всю землю

Русскую на Новгородъ; по его приказу знаменитый сынъ его, прославившійся недавнимъ завоеваніемъ Кіева, Мстиславъ съ полками Суздальцовъ, Смольнянъ, Торопчанъ, Муромцовъ, Рязанцовъ и Полочанъ и съ тамошними князьями, осадилъ Новгородъ. Но такой страшной рати Новгородцы неиспугались, и съ своимъ молодымъ княземъ Романомъ и посадникомъ Якуномъ рѣшились во чтобы то ни стало отстоять свою свободу и независимость, и устроили около города острогъ. Мстиславъ три дня къ ряду приступалъ къ городу и неимѣлъ успѣха, наконецъ рѣшился на четвертый приступъ. Этотъ послѣдній приступъ былъ самый жестокій, съ Новгородцами вышелъ на стѣны города и ихъ выборный архіепископъ Илія (называвшійся также Іоанномъ) съ церковнымъ клиромъ, и вынесли иконы Спасителя и Божіей Матери съ пѣніемъ и слезными моленіями о заступленіи града; битва продолжалась цѣлый день, стрѣлы частымъ дождемъ сыпались на защитниковъ города; но граждане, видя передъ собою св. иконы, любимаго архіепископа, князя и посадника, стояли какъ живая стѣна и кончили дѣло совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ несмѣтныхъ полковъ Мстиславовыхъ, и видя явную помощь Божію, пустились преслѣдовать бѣгущихъ, захватили весь ихъ богатый лагерь и столько набрали плѣнниковъ, что продавали Суздальца по двѣ ногаты (на нынѣшнія деньги по два рубля серебромъ Лѣтопись говоритъ, что во время приступа икона св. Богородицы, когда стрѣ-

лы сыпались дождемъ, обратилась лицемъ къ городу, и съ того мгновенія на противниковъ нашелъ мракъ, и они какъ слѣпые смѣшались. Какъ бы то ни было, Новгородцы свою побѣду приписали пособію Божіей Матери, уставили ей особый праздникъ 27 ноября, извѣстный подъ именемъ праздника знаменія пресвятыя Богородицы, и сложили особую молебную службу, въ которой такъ пѣли о своей побѣдѣ надъ врагами: „мнящеся непокоривіи отъ основанія разорити градъ твой, Пречистая, неразумѣвше помощь твою, Владычице; но силою твоею низложени быша, на бѣжаніе устремляхуся, и якоже узами желѣзными слѣпотою связани бывше, и мракомъ, якоже древлѣ Египетъ, объяти неразумѣвше, дондеже конечнѣ побѣждени быша“. Этотъ праздникъ и молебная служба, сложенная Новгородцами, и въ настоящее время совершается нашею церковію.

После Романа Мстиславича.

Битвы подъ Русою и Новгородомъ хотя и возвратили Новгородцамъ временное согласіе, утраченное среди раздоровъ партій, продолжавшихся слишкомъ сорокъ лѣтъ; Новгородцы, увидавъ передъ глазами конечную бѣду, хотя и стали какъ одинъ человѣкъ, и съумѣли отстоять св. Софію и своего общаго господина, Великій Новгородъ; но борьба съ внѣшними врагами тѣмъ не кончилась. Непреклонный Андрей Боголюбскій, видя полную неудачу въ открытомъ нападеніи, обратился къ старому отцовскому порядку, не далъ мира Новгороду и продолжалъ задерживать торговлю и сборъ Двинскихъ и Заволочскихъ даней; отъ чего въ Новгородѣ сдѣ-

лалась ужасная дороговизна на всѣ припасы и особенно на хлѣбъ, который преимущественно получался изъ Суздальской земли, и который теперь задерживался Андреемъ. Къ тому же храбрый защитникъ Новгорода, князь Романъ Мстиславичъ, получивъ вѣсть о смерти отца, по совѣту съ дружиною, ушелъ на родину, во Владимиръ Волынскій. Съ отъѣздомъ Романа, среди голоднаго народа, опять поднялась Суздальщинская партія, и въ крайности принудила голодныхъ просить у Андрея мира и князя. Андрей, довольный такою покорностію недавнихъ побѣдителей его несмѣтной рати, немедленно далъ миръ Новгороду и отправилъ туда княземъ Святославова брата Рюрика Ростиславича, изъ Смоленскихъ князей. Рюрикъ, по договору Новгорода съ Андреемъ, долженъ былъ управлять на всей волѣ Новгородской, но онъ пошелъ по братѣ и хотѣлъ владѣть Новгородомъ на своей волѣ, отнялъ самовольно посадничество у Ярослава и выгналъ его изъ города; и таковымъ образомъ дѣйствія возбудилъ противъ себя общее негодованіе, и, не умѣя какъ справиться, черезъ годъ ушелъ изъ Новгорода. Новгородцы, по настоянію Суздальщинской партіи, опять обратились за княземъ къ Андрею Боголюбскому; и онъ далъ имъ своего сына Юрія, еще несовершеннолѣтняго, прислалъ съ нимъ своихъ мужей, и возвратилъ посадника Ярослава, выгнаннаго Рюрикомъ. На этотъ разъ Андрей прислалъ своего сына не больше какъ намѣстникомъ, полную же власть управленія предоставилъ себѣ; такъ что Новгородскій

архіепископъ Илія, печалуясь о своихъ дѣтяхъ Новгородцахъ, въ тотъ же годъ (1172) долженъ былъ ѣхать къ нему во Владимиръ и просить, что бы онъ былъ справедливѣе къ Новгороду и не нарушалъ его старинныхъ правъ. Но кажется ходатайство архіепископа не много помогло; Андрей на другій же годъ, въ нарушеніе изконныхъ Новгородскихъ правъ отправилъ Новгородскіе полки съ своимъ сыномъ Юріемъ подъ Кіевъ; гдѣ Новгородцы, вмѣстѣ съ другими союзниками Андреевыми, потерпѣли пораженіе. Какъ бы пошли дѣла Новгородцовъ съ Андреемъ далѣе, неизвѣстно; ибо Андрей въ слѣдующемъ же 1174 году былъ убитъ своими слугами въ Боголюбовѣ, и тѣмъ кончилась борьба Новгорода съ Андреемъ, продолжавшаяся 14 лѣтъ.

Слѣдствія борьбы съ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ.

Борьба Новгородцовъ съ Андреемъ Боголюбскимъ была собственно продолженіемъ ихъ борьбы съ Юріемъ Долгорукимъ и имѣла почти такое же тягостное вліяніе на судьбу Новгорода. Новгородцы въ этой борьбѣ хотя показали большую энергію; но тѣмъ не менѣе нисколько неподвинулись впередъ въ своемъ освобожденіи отъ Суздальскаго вліянія, это вліяніе какъ какой то неотразимый рокъ тяготѣло надъ ними и постепенно стѣсняло ихъ дѣятельность. Торговля съ востокомъ по прежнему зависѣла отъ воли Суздальскаго князя, а вліяніе Новгородцовъ на Балтійское побережье годъ отъ году слабѣло. Мы уже видѣли, что въ самый годъ кончины Юрія Долгорукова, Шведскій король Эрихъ святый утвердился въ Финляндіи и неволею началъ

обращать тамошнихъ жителей, полуданниковъ Новгородскихъ, въ латинское христіанство. Это обстоятельство давало поводъ Новгородцамъ удачно вмѣшаться въ Финляндскія дѣла, принять подъ свою защиту Финновъ, противившихся Шведскимъ религіознымъ нововведеніямъ, и такимъ образомъ вытѣснить оттуда Шведовъ; но внутреннія раздоры и борьба партій такъ тогда занимали Новгородцовъ, что они безъ пользы пропустили этотъ удобный случай, и допустили Шведовъ до того утвердиться въ Финляндіи, что они въ 1164 году сами напали на Ладогу въ 55 шнекахъ. Конечно это нападеніе не имѣло успѣха; Ладожане отбились и принудили Шведовъ отступить къ рѣкѣ Воронаю; а потомъ, по зову Ладожанъ явился туда, княжившій въ то время въ Новгородѣ князь Святославъ съ посадникомъ Захаріею и произвелъ сильное пораженіе; Шведы большею частію или пали въ битвѣ. или взяты въ плѣнъ, и изъ 55 шнекъ только 12 успѣли спастись бѣгствомъ Но тѣмъ дѣло и покончилось; Новгородцы, занятые своими внутренними дѣлами, не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться побѣдой, и Шведы продолжали спокойно утверждаться въ Финляндіи. Эстонская Чудь также продолжала усиливаться и тѣснить тамошнихъ Новгородскихъ колонистовъ, а Новгородцамъ некогда было подать имъ надлежащую помощь и окончательно смирить враждебныхъ Эстонцевъ.

Торговля Новгородцовъ.

Но ни Чудь, ни Шведы еще немогли загородить дорогу Новгородской торговлѣ съ западною Евро-

пою; торговля эта продолжалась по прежнему. Варяжскіе и Нѣмецкіе гости зимой и лѣтомъ пріѣзжали въ Новгородъ и имѣли тамъ свои торговыя дворы, конторы и церкви; Новгородцы также ѣздили для торговли и къ Нѣмцамъ и къ Варягамъ и имѣли тамъ свои дворы На востокѣ, какъ мы уже видѣли, торговля Новгородцовъ и сборъ даней въ Заволочьѣ много терпѣли отъ князя Суздальскаго; впрочемъ Суздальскій князь только стѣснялъ эту торговлю, отнять же ее у Новгородцовъ онъ немогъ, ибо и Суздальцы въ этой торговлѣ не могли обойтися безъ Новгородцовъ. отъ которыхъ они получали произведенія западной Европы, требовавшіяся восточнымъ рынкомъ; притомъ же Новгородцы проникали въ Камскую Болгарію и сѣвернымъ путемъ чрезъ свои колоніи по Двинѣ и черезъ Пермь, куда еще не могло простираться вліяніе Андрея Боголюбскаго. Въ этомъ краю Новгородцы не только торговали свободно, но и распространяли свои колоніи; такъ въ послѣдніе годы Андреева княженія Новгородскіе повольники завели поселенія по Камѣ, потомъ проникли до рѣки Вятки, отняли у тамошнихъ жителей Вотяковъ крѣпкій городъ, названный въ лѣтописи Болванскимъ, и давъ ему имя Микульцина поселились тамъ, потомъ заняли Черемисскій городъ Кокшаровъ, и еще выстроили себѣ городъ Хлыновъ, при впаденіи рѣчки Хлыновицы въ Вятку, и напригласивши себѣ жителей изъ Двинскихъ областей, устроили особое владѣніе, независимое отъ Новгорода, но управлявшее-

ся по Новгородскимъ обычаямъ—выборными посадниками и тысяцкими.

Борьба съ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ

По смерти Андрея Боголюбскаго, въ самой Суздальской землѣ начались междоусобія, продолжавшіяся четыре года, и Новгородцы въ это время были свободны въ выборѣ князей; но они неуспѣли воспользоваться такимъ удобнымъ временемъ, Суздальщинская партія уже такъ была сильна въ Новгородѣ, что Новгородцы и въ это время не могли высвободиться отъ Суздальскаго вліянія, они продолжали принимать къ себѣ Суздальскихъ же князей. Наконецъ Суздальскія междоусобія прекратились и тамъ утвердился братъ Андреевъ Всеволодъ Юрьевичъ. Этотъ князь какъ разъ удался въ отца и брата, и только что утвердился во Владимирѣ, какъ и началъ тѣснить Новгородцовъ, задерживать ихъ купцовъ, мстя за то, что Новгородцы тогда держали у себя княземъ его соперника Ярополка Ростиславича, доводившагося ему роднымъ племянникомъ. Чтобы помириться съ Всеволодомъ, Новгородцы выпроводили отъ себя Ярополка; но вмѣсто мира Всеволодъ, не объявляя войны, захвативъ Новый Торгъ и сожегъ Волокъ Ламскій Тогда Новгородцы, видя крайность, обратились къ князю Смоленскому Роману Ростиславичу, который прибылъ по ихъ приглашенію въ Новгородъ, но пробывъ не болѣе полгода, возвратился въ Смоленскъ. А между тѣмъ во Псковѣ начались волненія, не предвѣщавшія ничего добраго для Новгорода; Всеволодъ по прежнему не давалъ мира, продолжалъ задер-

живать Новгородскихъ купцовъ и не возвращалъ Торжка.

Мстиславъ Ростиславичъ.

Не желая покориться Всеволоду, Новгородцы обратились къ Романову брату, знаменитому тогдашнему воителю Мстиславу Ростиславичу, тому самому, который прославился отраженіемъ многочисленныхъ полковъ Андреевыхъ отъ Вышгорода. Мстиславъ долго отговаривался, но убѣжденный братьями и дружиною наконецъ далъ слово пріѣхать въ Новгородъ. Пріѣздъ Мстиславовъ былъ настоящимъ праздникомъ для Новгородцовъ, его вышли встрѣчать съ иконами и крестами архіепископъ Илія, церковный клиръ и весь Новгородъ. Мстиславъ, пріѣхавши въ Новгородъ, составилъ себѣ планъ мстить Новгородскія обиды, и немедленно началъ готовиться къ походу на Эстонскую Чудь, которая въ недавніе годы нападала на Псковъ и другія Новгородскія владѣнія. Въ ноябрѣ же мѣсяцѣ 1179 года, т. е. въ слѣдъ за пріѣздомъ въ Повгородъ, онъ собралъ вѣче, на которомъ сказалъ Новгородцамъ: „Братья! се обидятъ васъ погапые, а быхомъ узрѣвше на Бога и на помощь св. Богородицы, помстили себя, и свободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ“. На этотъ зовъ Новгородцы въ одинъ голосъ отвѣчали: „княже! аще се Богови любо и тебѣ, а се мы готовы есмы“. По этому отвѣту до двадцати тысячь Новгородскихъ ратниковъ собрались подъ знаменемъ Мстислава, и съ любимымъ княземъ прошли всю Чудскую землю до моря, опустошили ее и возвратились домой съ мно-

жествомъ плѣнниковъ и богатою добычею; Чудь нигдѣ не могла противостать полкамъ Новгородскимъ и спасалась бѣгствомъ къ морю. Мстиславъ на возвратномъ пути зашелъ во Псковъ и усмирилъ Псковичей, волновавшихся противъ Новгорода На другой годъ раннею весною Мстиславъ съ Новгородскими полками отправился на Полотскъ, мстить Полотскому князю за старыя Новгородскія обиды; онъ пришелъ уже на Луки, чтобы вступить въ Полотскую землю; но просьбы старшаго брата его Романа Ростиславича Смоленскаго, остановили этотъ походъ, Мстиславъ не захотѣлъ ослушаться брата, которому Полотскій князь доводился зятемъ. Возвратившись въ Новгородъ, Мстиславъ вскорѣ занемогъ и умеръ 14 іюня 1180 года. Новгородцы похоронили его съ честію и положили въ соборной церкви св. Софіи, въ одной могилѣ съ прапрадѣдомъ его Владимиромъ Ярославичемъ. Лѣтопись, описывая кончину Мстислава, говоритъ: „и плакася по немъ вся земля Новгородская“. И дѣйствительно было о чемъ плакать Новгородцамъ; въ Мстиславѣ они лишились такого защитника своихъ правъ, имени котораго трепетали всѣ враги Новгорода, и съ которымъ имъ нестрашенъ былъ грозный Всеволодъ.

Владимиръ Святославичъ, присланный изъ Кіева Святославомъ Всеволодовичемъ.

По смерти Мстислава Ростиславича, Новгородцы обратились за княземъ къ Святославу Всеволодовичу Кіевскому, который и прислалъ къ нимъ своего сына Владимира. Новгородцы, полагаясь на могущество Святослава, думали при его помощи сми-

рить Всеволода и сдѣлать его неопаснымъ для Новгорода. А посему, когда Святославъ зимою 1180 года открылъ походъ на Всеволода Суздальскаго, то и Новгородцы съ своимъ княземъ Владимиромъ также выступили въ походъ и, соединясь съ Святославомъ на устьѣ Тверцы, пустились вмѣстѣ опустошать Суздальскую землю. Съ начала полки Святославовы и Новгородскіе шли довольно успѣшно и опустошили всѣ города по Волгѣ; но не доходя до Переяславля сорока верстъ, были остановлены Всеволодомъ на рѣкѣ Вленѣ. На этой рѣкѣ Всеволодъ отыскалъ такое неприступное мѣсто и такъ успѣлъ укрѣпиться, что Новгородцы и Святославъ цѣлыхъ двѣ недѣли бились изъ за перехода черезъ рѣку; но немогли ни перейдти, ни выпудить Всеволода къ битвѣ. Новгородцы, которымъ особенно нужна была побѣда надъ Всеволодомъ, нѣсколько разъ бросались на его полки, стоявшіе отдѣльно отъ главной рати, думая что онъ выступитъ на защиту своихъ; но Всеволодъ неподавался на это и не выходилъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Между тѣмъ начиналась весенная оттепель, рѣки стало подмывать; и Святославъ съ Новгородцами, чтобы убраться по добру по здорову до вскрытія рѣкъ, принуждены были отступить и такъ поспѣшно, что даже неуспѣли снять всего своего лагеря. Впрочемъ Всеволодъ, довольный отступленіемъ сильныхъ противниковъ, не преслѣдовалъ ихъ; и Новгородцы вмѣстѣ съ Святославомъ, который съ дороги отпустилъ свои полки по домамъ, безпрепятственно

возвратились въ Новгородъ. Святослава въ Новгородѣ приняли съ большою честію и по его желанію дали Торжекъ, оставленный уже Всеволодомъ, прежнему своему князю Ярополку Ростиславичу, доводившемуся ему родственникомъ, и безпрекословно согласились помогать самому Святославу въ войнѣ съ Полотскими князьями, противъ которыхъ онъ сбирался идти на слѣдующій годъ.

Новгородцы послѣ Суздальскаго похода думали, что они уже довольно смирили Всеволода, и что его уже не чего много опасаться; и по сему такъ были неосторожны, что посаженному ими въ Торжкѣ Ярополку Ростиславичу, лично непріязненному къ Всеволоду, дозволили воевать Суздальскіе города и селенія по Волгѣ. Между тѣмъ Всеволодъ не спускалъ глазъ съ Новгорода, и когда Новгородцы, по условію съ Святославомъ, пошли воевать Полотскую землю; то онъ со всѣмъ своимъ войскомъ и союзными Муромцами и Рязанцами двинулся на Новгородскія владѣнія и ударилъ на Торжокъ. Новгородцы и князь ихъ Ярополкъ защищались крѣпко цѣлыя пять недѣль, не сдавались и тогда, когда у нихъ не было уже хлѣба, перерѣзали и переѣли лошадей, бывшихъ въ городѣ, и продолжали драться. Храбрый и находчивый Ярополкъ всѣхъ воодушевлялъ, являлся всюду самъ и на стѣнахъ города, и на вылазкахъ, и между унывающимъ народомъ; но стрѣла, пропзившая Ярополка, рѣшила участь города. Новоторжцы, не видя предъ собою дѣятельнаго князя и терпя страшный голодъ,

впали въ такое уныніе, что не могли долѣе защищаться и сдались. Всеволодъ заковалъ раненаго Ярополка въ цѣпи и отправилъ во Владиміръ, туда же погналъ Новоторжцевъ съ женами и дѣтьми, а городъ сжегъ. Новгородцы, возвратившіеся съ безполезнаго для себя Полотскаго похода, узнавши о несчастіи Торжка и ожидая новыхъ нападеній отъ немирнаго сосѣда, отказали Владимиру Святославичу и послали къ Всеволоду Суздальскому просить у него новаго князя. Очевидно Суздальщинская партія, долго остававшаяся на заднемъ планѣ, теперь пользуясь случаемъ, здѣсь не дремала съ своими происками и убѣдила народъ оставить Святослава и его сына, неумѣвшихъ защищать Новгородскихъ владѣній отъ Суздальскаго князя.

Ярославъ Владимировичъ, присланный Суздальскимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ.

Всеволодъ незамедлилъ удовлетворить просьбѣ Новгородцовъ и прислалъ къ нимъ своего свояка, безземельнаго князя Ярослава Владимировича, внука Мстиславова, проживавшаго у него во Владимирѣ. Но этотъ князь, посаженникъ Суздальскій, хотя и внукъ знаменитаго Мстислава, не могъ такъ хорошо ужиться съ Новгородцами, какъ жилъ его дѣдъ; онъ, напротивъ, поступалъ такъ, какъ поступали Суздальскіе князья, т е. притѣснялъ Новгородцовъ и грабилъ ихъ волости; такъ что Всеволодъ на третій годъ, по требованію Новгородцовъ, принужденъ былъ его вывести изъ Новгорода. По удаленіи Ярослава, Новгородское вѣче, или скорѣе народная партія, перекричавшая на вѣчѣ, рѣшила послать за княземъ въ Смоленскъ, къ Давыду Ростислави-

чу, который и отпустилъ въ Новгородъ сына своего Мстислава, въ 1184 году. Пріѣздъ Мстислава былъ очень угоденъ Новгородцамъ, освободившимся отъ Суздальской опеки; они даже согласились участвовать въ походѣ Давыда Ростиславича на Полотскъ. Походъ этотъ былъ очень удаченъ; Полочане, испугавшись полковъ Смоленскихъ и Новгородскихъ, не вступая въ борьбу, еще на границу выслали свое посольство и заключили миръ, какой былъ угоденъ Давыду, и какъ Смольнянъ, такъ и Новгородцовъ одарили богатыми дарами. Всеволодъ все это время молчалъ и явно не выражалъ неудовольствія, будучи занятъ войною съ Рязанскими князьями; но тайно продолжалъ дѣйствовать посредствомъ Суздальщинской партіи, и три года Мстиславова княженія постоянно держалъ народъ въ волненіи; и Суздальщинская партія такъ успѣла усилиться, что въ 1186 году отняла посадничество у Завида Неревинича, сторонника Смоленскихъ князей, къ которымъ онъ и ушелъ, а на его мѣсто посадила Михаля Степанича; потомъ, въ томъ же году, на зимнемъ вѣчѣ убила и сбросила съ моста Завидова брата, Гаврилу Неревинича, и другаго ихъ сторонника Ивана Свеневича и, наконецъ, въ слѣдующемъ году возстала на самого Мстислава, выгнала его изъ Новгорода и послала къ Всеволоду Суздальскому за прежнимъ княземъ Ярославомъ.

Ярославъ Володимировичъ прибылъ въ Новгородъ 20 ноября 1187 года, и на этотъ разъ. поддерживаемый Всеволодомъ и при дѣятельной помощи Суз-

дальской партіи, княжилъ девять лѣтъ и, какъ Всеволодовъ посаженникъ, велъ дѣла такъ, какъ угодно было Суздальскому князю Первые пять лѣтъ прошли спокойно для Ярослава, по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ за это время не записано ни одной встрѣчи, ни одного спора между имъ и Новгородцами. Противники Суздальщинской партіи молчали и тайно копили силы; а самъ Ярославъ велъ себя умѣреннѣе и осторожнѣе прежняго. Даже сильный голодъ, бывшій въ Новгородѣ въ первый годъ Ярославова княженія, прошелъ безъ смятеній, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „не бысть пакости въ людяхъ“. Мало этого, въ слѣдующемъ году былъ выбранъ въ посадники Мирошка Нѣздиничъ, самый горячій приверженецъ Суздальскихъ князей, сынъ того Нѣзды, котораго убили Новгородцы въ 1167 году за перевѣты съ Андреемъ Боголюбскимъ; а въ 1190 и 1191 годахъ, Ярославъ водилъ Новгородцовъ и Псковичей на Чудь и успѣлъ завоевать тамошніе города Юрьевъ и Медвѣжью Голову. Но съ 1193 года, Ярославъ и Суздальщинская партія встрѣтили уже сильное противорѣчіе отъ народной партіи, именно при избраніи новаго архіепископа Гавріила. При этомъ избраніи явились три партіи: одна хотѣла Мартирія, другая Митрофана и третья Гречина; и распря партій такъ была сильна, что рѣшились покончить споры жребіемъ, по которому епископство досталось Мартирію. За тѣмъ вражда Ярославовыхъ противниковъ разгоралась все болѣе и болѣе; неимѣя еще силы дѣйствовать явно, они

стали смущать и волновать народъ пожарами Въ Новгородѣ, въ 1194 году, съ недѣли Всѣхъ Святыхъ до Успеньева дни, пожары продолжались чуть не каждый день; еще не успѣвали потушить пожара на одной улицѣ, какъ загоралась другая, совсѣмъ на противоположномъ концѣ города; такъ что граждане оставляли свои домы, боясь сгорѣть, и жили на полѣ; наконецъ сгорѣло и Городище, гдѣ жилъ князь съ своимъ дворомъ. Безпорядки и неудовольствія продолжались, но Всеволодъ необращалъ на нихъ вниманія и на слѣдующій годъ позвалъ Новгородцовъ въ походъ на Черниговъ; Новгородцы не противились этому, и съ Ярославомъ пришли уже въ Торжекъ, откуда съ честію отпущены Всеволодомъ назадъ; но вслѣдъ за тѣмъ Новгородское вѣче отправило посольство къ Суздальскому князю съ просьбою, чтобы онъ вывелъ изъ Новгорода Ярослава и прислалъ въ князья своего сына. Здѣсь противъ Ярослава дѣйствовала даже Суздальщинская партія, ибо послами были приверженцы Суздальскихъ князей,—посадникъ Мирошка, Борисъ Ярославичъ, Никифоръ сотскій, Иванко и Ѳома. Но Всеволодъ, несмотря на желаніе Суздальщинской партіи, задержалъ пословъ и на просьбу не далъ никакого отвѣта, вѣроятно незная еще чѣмъ кончится война, начатая имъ съ Черниговскими князьями, въ которой были замѣшаны всѣ князья Приднѣпровскіе Между тѣмъ, на другой годъ Новгородцы опять отправили посольство къ Всеволоду, съ просьбою отпустить прежнихъ пословъ; но Всеволодъ и на

это посольство не далъ отвѣта, а послалъ сказать Новгородцамъ, чтобы они съ своимъ княземъ Ярославомъ шли на Луки и тамъ ждали, когда онъ позоветъ ихъ на Черниговскихъ князей. Между тѣмъ Черниговская война кончилась и безъ участія Новгородцовъ; но далеко не такъ, какъ бы хотѣлось Всеволоду, а по сему онъ, при заключеніи общаго мира съ Приднѣпровскими князьями, долженъ былъ принять условіе, по которому всѣ князья признали Новгородъ свободнымъ въ выборѣ князей.—гдѣ хотятъ Новгородцы, тамъ и берутъ себѣ князя. По заключеніи таковаго мира Всеволодъ, возвращаясь домой отпустилъ въ Новгородъ одного изъ задержанныхъ пословъ — Ѳому, а Мирошку и Иванка оставилъ при себѣ. Это такъ раздражило Новгородцовъ, что они осенью того же года (1496), на Юрьевъ день, выгнали отъ себя Ярослава и послали за новымъ княземъ въ Черниговъ, къ тамошнему князю Ярославу.

Но рѣшеніе Новгородскаго вѣча въ настоящемъ случаѣ неимѣло полной силы. Ярославъ, выгнанный изъ Новгорода, не оставилъ Новгородскихъ владѣній, а напротивъ, дѣйствуя за одно со Всеволодомъ, засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ приняли его съ честію, да и въ самомъ Новгородѣ Суздальщинская партія, состоящая изъ богачей, жалѣла объ немъ, и такъ была сильна, что хотя на весну слѣдующаго года и прибылъ въ Новгородъ сынъ Черниговскаго князя Ярополкъ, но ничего не могъ сдѣлать. Ярославъ упорно сидѣлъ въ Торжкѣ и бралъ Новгородскія дани

въ Бѣжецкомъ Верху, по Мстѣ и въ Заволочьѣ; Всеволодъ же по всей Суздальской землѣ забиралъ Новгородскихъ купцовъ и держалъ у себя во Владимирѣ, впрочемъ давалъ имъ въ городѣ полную свободу, и тѣмъ старался привлечь ихъ къ себѣ. Наконецъ Ярополкъ, безъ пользы для себя и для своей партіи просидѣвши полгода, былъ изгнанъ изъ Новгорода и торжествующая партія Суздальцинцовъ опять стала звать Ярослава. Но Всеволодъ приказалъ ему ѣхать къ себѣ во Владимиръ и не прежде отпустилъ въ Новгородъ, какъ Новгородцы, въ лицѣ лучшихъ своей мужей, прибыли во Владимиръ съ просьбою отъ народа. Въ третій разъ возвращенный въ Новгородъ, Ярославъ привелъ съ собою посадника Мирошку и всѣхъ Новгородцовъ, задержанныхъ Всеволодомъ, и прежде всего озаботился примириться съ народомъ. Лѣтопись, описывая возвращеніе Ярослава, говоритъ: „и обуявся съ людьми, и добро все бысть, и ради быша всѣ въ Новгородѣ отъ мала до велика“. И дѣйствительно было чему радоваться: миръ съ Всеволодомъ, свобода торговли по всей Суздальской землѣ, возвращеніе всѣхъ задержанныхъ, возвратили спокойствіе и довольство Новгородцамъ; да и самъ Ярославъ воротился не тѣмъ княземъ, какимъ былъ прежде. Собственнымъ опытомъ дознавши, что князю безъ любви народной трудно жить въ Новгородѣ, Ярославъ сталъ заботиться о выгодахъ Новгородскихъ. Онъ посадилъ старшаго сына своего, храбраго Изяслава, на Лукахъ, для отраженія нападеній со сто-

роны Литвы; а когда Изяславъ слѣдующею весною тамъ умеръ, и Полочане съ Литовцами приходили къ Лукамъ и пожгли подъ городомъ слободы, то на зиму Ярославъ съ Новгородцами, Псковичами, Ладожанами, Новоторжцами и со всею областью Новгородскою, пошелъ на Полотскъ и такъ устрашилъ Полочанъ, что они вышли на границу съ поклономъ и стали просить мира, на что Новгородцы и согласились, довольные покорностію своихъ противниковъ. Самъ князь и его княгиня строили въ Новгородѣ церкви и заискивали расположенія Новгородцовъ.

Но недолго нынѣшній разъ Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ. Всеволодъ, не желая выпустить Новгорода изъ своихъ рукъ, и замѣчая, что его посаженникъ Ярославъ поладилъ съ Новгородцами и заботится объ ихъ пользахъ, кажется сталъ опасаться, чтобы этотъ безземельный князь не задумалъ навсегда остаться въ Новгородѣ и освободиться отъ Суздальской опеки. А посему, недавши Ярославу прокняжить и двухъ лѣтъ, Всеволодъ вдругъ, въ 1199 г., позвалъ его къ себѣ во Владимиръ и въ слѣдъ за тѣмъ вызвалъ туда же владыку Мартирія, посадника Мирошку и лучшихъ мужей. и далъ имъ въ князья своего малолѣтняго сына Святослава, разумѣется подъ опекою Суздальскихъ бояръ, вѣрныхъ и привычныхъ исполнителей его воли. Эта перемѣна князя съ первыхъ же дней показала важную перемѣну въ управленіи, выказавшуюся въ неуваженіи къ обычаямъ Новгорода. Архіепископъ Мар-

Князь Святославъ, сынъ Всеволода Суздальскаго.

тирій скончался на дорогѣ во Владимиръ; по Новгородскому обычаю новаго архіепископа, преемника покойному, должно было избрать вѣче всего Новгорода; Всеволодъ же, къ явному нарушенію сего обычая, переговоря съ посадникомъ и послами, самъ назначилъ въ архіепископы Митрофана, того самаго, котораго одна партія предлагала вѣчу по смерти архіепископа Гавріила въ 1193 году. Новгородцы на этотъ разъ не противились Всеволодову выбору и мирно приняли новаго архіепископа; Суздальщинская партія очевидно пользовалась въ это время большою силою и противники ея должны были молчать; Новгородское посольство, состоявшее изъ Суздальщинцовъ, пріѣхавши во Владиміръ, даже величало Всеволода своимъ господиномъ и называло Новгородъ его отчиною и дѣдиною. Но одна партія, при всей своей силѣ, не составляла Новгорода и немогла заразъ измѣнить всѣхъ Новгородскихъ обычаевъ; малолѣтній Святославъ, съ своими Суздальскими боярами-опекунами, волей-неволей долженъ былъ оставаться при тѣхъ правахъ, которыми пользовались и прежніе князья Новгородскіе. Новгородъ и теперь, по прежнему, оставался самостоятельнымъ, и когда умеръ Всеволодовъ приверженецъ посадникъ Мирошка, то Всеволодъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу Мирошкина сына Димитрія, и вѣче выбрало въ посадники, неугоднаго Всеволоду, Михалку Степанича. Этотъ выборъ новаго посадника такъ обезпокоилъ князя Суздальскаго, что онъ на другой же годъ (1205) вывелъ Свято-

слава и прислалъ старшаго своего сына Константина, сказавши Новгородцамъ: „въ землѣ вашей ратъ ходитъ, а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, а даю вамъ сынъ свой старѣйшій Константинъ“. Это новое назначеніе князя было придумано Всеволодомъ очень удачно; онъ этимъ угодилъ и вообще Новгородцамъ, которымъ не нравилась опека Суздальскихъ бояръ, пестуновъ малолѣтняго князя, и такъ усилилъ свою партію, что въ слѣдъ за назначеніемъ Константина, новое вѣче смѣнило выбраннаго народомъ посадника Михалку Степанича, и дало посадничество Всеволодову милостинцу Дмитру Мирошкиничу.

Князь Константинъ, сынъ Всеволода Суздальскаго.

Выборомъ Мирошкинича Всеволодъ такъ усилился въ Новгородѣ и такъ разпространилъ свое самовластіе что въ 1208 году прислалъ въ Новгородъ своего мужа Лазаря вмѣстѣ съ посадничьимъ братомъ Борисомъ Мирошкиничемъ и приказалъ, при всѣхъ на Ярославовомъ дворѣ, убить знаменитаго Новгородскаго боярина Ольксу Сбыславича, въ парушеніе всѣхъ Новгородскихъ правъ, и даже не щиталъ нужнымъ объявить народу, за какую вину онъ велѣлъ погубить Сбыславича. Народъ, стѣсненный Суздальцами, прибывшими съ княземъ Константиномъ, и своими измѣнниками Суздальщинскою партіею, не смѣлъ ни бунтовать, ни жаловаться на такую неправду и насиліе. Но ясно чуялось, что Новгородцы были крайне оскорблены такимъ попраніемъ правъ вольнаго народа; и ежели они не шумѣли и невопили на вѣчѣ, то за нихъ лилъ сле-

зы уважаемый народомъ образъ пресвятыя Богородицы; лѣтопись говоритъ: „а за утра (т. е. на другій день по убіеніи Сбыславича) плака св. Богородица у св. Іакова въ Неревскомъ концѣ“. А слезы сіи для Всеволода и его приверженцевъ были гибельнѣе всѣхъ вѣчевыхъ воплей и дракъ, они были затаеннымъ выраженіемъ вражды Новгородцовъ и готовили сильное возстаніе, которое скоро и разразилось надъ измѣнниками и притѣснителями Новгорода. Но пока вражда еще таилась и ждала удобнаго случая, видимо все было спокойно и послушно Всеволоду; Новгородцы, по его зову, съ своимъ княземъ Константиномъ даже участвовали въ Рязанскомъ походѣ (1209 г.) Всеволода и дрались усердно подъ Пронскомъ. Даже Всеволодъ такъ былъ доволенъ ими и такъ вѣровалъ въ прочность своей власти надъ Новгородомъ, что отпуская Новгородцовъ съ Коломны, богато одарилъ ихъ, и подтвердивъ изконную Новгородскую вольность и уставы прежнихъ князей, сказалъ на отпускѣ: „кто вамъ добръ, тѣхъ любите, а злыхъ казните“. Мало этаго, даже взялъ съ собою Новгородскаго князя, своего сына Константина, и раненаго подъ Пронскомъ посадника Дмитра Мирошкинича и семь человѣкъ лучшихъ мужей, конечно предводителей Суздальщинской партіи.

Казнь Мирошкиничей.

Но съ возвращеніемъ Новгородскихъ полковъ изъ Рязанскаго похода все перемѣнилось; народная партія, пользуясь отсутствіемъ князя, посадника и важнѣйшихъ приверженцевъ Суздальщинской партіи,

немедленно собрала вѣче на отсутствующаго посадника, его братьевъ и приверженцевъ, обвиняя ихъ во всѣхъ обидахъ и притѣсненіяхъ и излишнихъ сборахъ податей, въ послѣднее время тяготѣвшихъ надъ Новгородомъ. На этомъ вѣче не было заступниковъ Мирошкиничамъ и ихъ единомышленникамъ; народная ненависть, долго скрываемая, такъ была велика, что неимѣвшая на лицо предводителей Суздальщинская партія не смѣла подать голоса, и раздраженный народъ прямо съ вѣча, по вѣчевымъ законамъ приступилъ къ наказанію обвиненныхъ общимъ голосомъ. „И идоша, какъ говоритъ лѣтопись, на дворы ихъ грабежемъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша, а животы ихъ поимаша, а села ихъ разпродаша и челядь, а сокровища ихъ изыскаша и поимаша безъ числа, а избытокъ раздѣлиша по губу (на человѣка) по три гривны по всему городу и на щитъ, аще кто потай похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ, и отъ того мнози разбогатѣша, а что на дскахъ (т. е. долги Мирошкиничамъ), а то князю оставиша“. Дорого стоили Новгороду верховоды насильники Мирошкиничи, много они награбили, покровительствуемые Всеволодомъ; но не дешево и разплатились за свое грабительство, месть раздраженнаго народа не удовольствовалась разграбленіемъ ихъ огромныхъ богатствъ. Народъ потребовалъ суда и казни даже надъ мертвымъ Дмитромъ Мирокшиничемъ, и когда привезли бездыханный трупъ его изъ Владимира; то народъ хотѣлъ сбросить его съ моста, какъ обыкновенно казнили

въ Новгородѣ измѣнниковъ и предателей. и только убѣжденія и просьбы архіепископа Митрофана остановили месть народную надъ трупомъ. Но тѣмъ не менѣе съ пріѣздомъ присланнаго Всеволодомъ князя Святослава и съ избраніемъ новаго посадника Твердислава Михалковича (сына того Михалка Степанича, у котораго происками Суздальщинской партіи было отнято посадничество и дано Дмитру Мирошкиничу), весь народъ цѣловалъ на вѣчѣ крестъ честный, чтобы не держать въ Новгородѣ ни Дмитровыхъ дѣтей, ни его приверженцевъ, и всѣхъ ихъ по закону выдали князю для ссылки въ заточеніе. Такъ кончили Новгородцы съ знаменитѣйшими представителями Суздальщинской партіи, съ своими предателями, и покончили не переступая границъ, положенныхъ закономъ вѣчеваго суда, нисколько не нарушая своихъ обязанностей къ князю. и оставаясь совершенно правыми предъ Всеволодомъ Юрьевичемъ Суздальскимъ, который, отпуская ихъ съ Коломны, самъ сказалъ имъ: „кто до васъ добръ, того любите, а злыхъ казните“, и такимъ образомъ самъ выдалъ Мирошкиничей. Но не такими были Святославъ и Всеволодъ, чтобы вольный Новгородъ могъ съ ними жить въ мирѣ. Святославъ при самомъ вступленіи въ Новгородъ уже показалъ свое неуваженіе къ Новгородцамъ; онъ вмѣсто того, чтобы сослать въ заточеніе, согласно съ приговоромъ вѣча, дѣтей Мирошкинича и его приверженцевъ, отправилъ ихъ къ своему отцу, да и то не всѣхъ, а многихъ оставилъ въ Новгородѣ, взявши съ нихъ большія день-

ги и началъ дѣлать насилія и нарушать изконныя права и вольности Новгорода; Всеволодъ же, будучи въ мирѣ съ Новгородцами, сталъ задерживать въ своей волости Новгородскихъ гостей и ихъ товары и вообще держать себя въ отношеніи къ Новгороду, не какъ мирный сосѣдъ, а какъ врагъ состоящій въ войнѣ.

При такихъ обстоятельствахъ Новгородцамъ оста- Князь Мстиславъ Торопецкій, Удалый
лось одно, — искать себѣ новаго князя; и они въ слѣдующемъ же (1210) году обратились къ Торопецкому князю Мстиславу Мстиславичу Удалому, сыну того знаменитаго Мстислава, который 30 лѣтъ тому назадъ мстилъ обиды Новгорода; они тайно начали сноситься съ нимъ и просить помощи. Удалый не заставилъ долго ждать себя, занялъ неожиданно Торжокъ и заодно съ гражданами схватилъ Святославовыхъ бояръ, тамъ бывшихъ, заковалъ въ цѣпи тамошняго посадника, приверженца Святославова, и прислалъ своихъ гонцовъ въ Новгородъ съ такою рѣчью: „кланяюся святѣй Софіи и гробу отца моего; пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ насилье отъ князей, и жаль мнѣ Новгорода, своей отчины“. Новгородцы, выслушавши такую рѣчь, немедленно засадили Святослава подъ стражу на владычнемъ дворѣ, а къ Мстиславу отправили большое посольство съ просьбою, чтобы шелъ княжить въ Новгородъ Когда же пришелъ Мстиславъ, то народъ встрѣтилъ его съ радостію и немедля ни мало всѣ стали вооружаться и отправились въ походъ на Всеволода. Всеволодъ же съ своей стороны вы-

слалъ было къ Твери войско съ Константиномъ и другими своими сыновьями; но услыхавши о походѣ Новгородцовъ, отправилъ посольство къ Мстиславу съ просьбою—отложить войну и отпустить къ нему задержаннаго Новгородцами Святослава и его мужей. Въ лѣтописи записана слѣдующая рѣчь отъ Всеволода къ Мстиславу: „сыне! пусти ко мнѣ Святослава и мужи его, а еже что не подобно учинилъ, то азъ исправлю; а что азъ гости Новгородскіе поималъ и имѣнье ихъ и богатство взялъ, то отпущу ихъ со всѣмъ товаромъ, и иные гости Новгородскіе, аще будутъ закоснѣли въ какихъ дѣлѣхъ въ землѣ моей, и тѣхъ отпущу со всѣми ихъ товары“. Новгородцы, вообще не любившіе войны, приняли просьбу Всеволода; и Мстиславъ отпустилъ Святослава и его мужей, которые и были переданы Константину, стоявшему въ Твери, а Всеволодъ отпустилъ Новгородскихъ гостей съ ихъ товарами; и цѣловавши крестъ, обѣ стороны заключили миръ.

Новгородцы и Мстиславъ, управившись счастливо съ Всеволодомъ, воротились домой, и повели дѣла свои такъ, чтобы все было у нихъ въ порядкѣ, чтобы старшіе не были изобижены, и чтобы не было происковъ и неправды; и первый образецъ таковаго порядка показалъ избранный народомъ посадникъ Твердиславъ Михалковичъ, онъ добровольно уступилъ посадничество старшему, пріѣхавшему изъ Руси, Дмитру Якуничу, сыну того знаменитаго Якуна, который сорокъ лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ княземъ Романомъ защищалъ Нов-

городъ противъ войскъ Андрея Боголюбскаго. Этотъ Дмитръ Якуничъ только что возвратился изъ Руси, т. е. изъ Кіева или Смоленска, гдѣ онъ укрывался отъ Суздальщинской партіи верховодовъ, которые страшно преслѣдовали всѣхъ знаменитыхъ людей не ихъ партіи. Князь Мстиславъ новаго посадника отпустилъ съ Новгородцами на Луки, чтобы поставить и укрѣпить городъ противъ Литвы; а самъ съ своею дружиною отправился въ Торжекъ, чтобы быть готовымъ на защиту Новгородской земли въ случаѣ, ежели хитрый Всеволодъ вздумаетъ сдѣлать нападеніе. Увѣрившись же, что отъ Всеволода нападенія не будетъ, Мстиславъ пошелъ въ Торопецъ, и оттуда пришелъ на Луки, соединился съ Новгородскими полками и перевелъ туда сво-

его брата князя Владимира Мстиславича, княжившаго во Псковѣ, поручивъ ему защищать Новгородскія владѣнія съ этой стороны. Возвратившись съ Лукъ, Мстиславъ и Новгородцы возымѣли какое то подозрѣніе на владыку Митрофана, посаженника Всеволодова, велѣли схватить его, и не принимая никакихъ оправданій и даже недозволяя оправдываться, приказали отвести въ Торопецъ; а на его мѣсто по приговору вѣча избрали въ архіепископы знаменитаго Новгородскаго боярина Добрыша Ядрейковича, который незадолго предъ тѣмъ воротился изъ Царьграда съ дскою гроба Господня и подъ именемъ Антонія постригся въ монахи въ Хутынѣ монастырѣ. Такимъ образомъ Новгородцы на другій же годъ Мстиславова княженія

раздѣлались окончательно съ Всеволодомъ и его партіею; ибо по удаленіи владыки Митрофана у Суздальщинцовъ неосталось болѣе ни одного защитника и покровителя, и всѣ важныя должности перешли въ руки представителей народной партіи, безъ происковъ со стороны а по выбору самаго народа. А въ слѣдъ за тѣмъ умеръ во Владимирѣ и Всеволодъ Суздальскій, слишкомъ тридцать лѣтъ грозною тучею тяготѣвшій надъ Новгородомъ.

Войны съ Чудью и Литвою.

Но въ то время, какъ у Новгорода шла тяжелая борьба съ Всеволодомъ Суздальскимъ, Новгородцамъ приходилось еще отбиваться отъ безпокойныхъ сосѣдей на западѣ и усмирять своихъ данниковъ на сѣверовостокѣ своихъ владѣній. Такъ въ 1176 году, т. е. передъ началомъ борьбы съ Всеволодомъ Юрьевичемъ, Эстонская Чудь всѣми своими силами поднялась на Псковъ, и хотя была отбита Псковичами съ большимъ урономъ; но была только отбита, Псковичи только успѣли защитить свой городъ. Новгородцы же не раньше, какъ черезъ три года собрались отомстить Чуди за нападеніе на Псковъ; но и здѣсь все дѣло ограничилось опустошеніемъ страны, принадлежащей Чуди Очелѣ, о покореніи же этого племени Новгороду Новгородцамъ, кажется, некогда было и думать, и тѣмъ болѣе, что на другій годъ послѣ Чудскаго похода умеръ мститель обидъ Новгородскихъ князь Мстиславъ Ростиславичъ. А въ 1183 году Пскову явился новый врагъ Литва; врагъ этотъ на первый разъ ограничился набѣгомъ на Псковскія владѣнія, но

какъ говоритъ лѣтопись, набѣгъ этотъ много причинилъ зла Псковичамъ и былъ предшественникомъ будущихъ раззореній отъ того же безпокойнаго племени. Потомъ и Эстонская Чудь не долго помнила урокъ, данный ей Мстиславомъ Ростиславичемъ съ Новгородцами, и въ 1190 году въ числѣ семи шнекъ обошла пороги и вступила въ Псковское озеро; но Псковичи остереглись, дали битву и такую одержали побѣду, что всѣ шнеки привели въ свой городъ и ни одному Чудину не дали уйдти. Но опять Псковичи могли только защищаться, а не имѣли силъ мстить за нападенія; и только черезъ годъ Новгородцы съ своимъ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ пришли мстить обиды Пскова, вступили въ землю Эстонской Чуди, страшно разорили пройденную ими страну, захватили богатую добычу и множество плѣнниковъ и отняли у Чуди старый Русскій городъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, а потомъ въ другой походъ слѣдующимъ лѣтомъ взяли другій тамошній городъ Медвѣжу Голову. Но оба похода не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ опустошенія Эстонской земли и созженія взятыхъ городовъ; объ удержаніи же взятыхъ городовъ за собою ни Новгородцы, ни Псковичи не думали, имъ въ то время было вовсе не до завоеваній въ этой сторонѣ, они могли только отбиваться и наказывать нападающихъ, и притомъ наказаніе большею частію было позднее и болѣе или менѣе случайное, когда выйдетъ удобное время. А между тѣмъ въ этой сторонѣ за Эстоніею, въ земляхъ племени

Ливи, при западной Двинѣ и по берегу Балтійскаго моря въ это время укрѣплялись и распространяли свое владычество Нѣмцы Ливонскаго ордена, о которыхъ ни Псковичамъ, ни Новгородцамъ, запятымъ борьбою съ Суздальскимъ княземъ, не когда было и подумать. Именно какъ во время борьбы съ Юріемъ Долгорукимъ и Андреемъ Боголюбскимъ Новгородцы дали время Шведамъ разпространить свое вліяніе въ Финляндіи; такъ во время борьбы съ Всеволодомъ Юрьевичемъ они и Псковичи не могли помѣшать Нѣмцамъ утвердиться въ Ливоніи и вообще по Балтійскому поморью.

Литва, безпокоившая Псковъ, кажется еще болѣе безпокоивала югозападныя владѣнія Новгорода, здѣсь она иногда дѣйствовала одна, иногда вмѣстѣ съ Полочанами; такъ что пограничный въ этомъ краю Новгородскій пригородъ Луки постоянно долженъ былъ держать значительное войско, для отраженія Литовскихъ набѣговъ, и считался оплечьемъ Новгорода отъ Литвы, и князья Новгородскіе того времени обыкновенно посылали туда болѣе надежныхъ посадниковъ, — или своихъ сыновей, или братьевъ; но и эта предосторожность не всегда спасала Новгородскія владѣнія отъ Литовскихъ и Полотскихъ набѣговъ. Такъ въ 1198 году Полочане и Литва сожгли посадъ на Лукахъ и едва не взяли самаго города; такъ что тогдашній Новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ долженъ былъ вооружить и Новгородцовъ, и Псковичей, и Ладожанъ, и Новоторжцовъ, чтобы смирить Литву и

Полочанъ. Но и это усмиреніе было не надолго, въ 1200 году Литовцы, минувъ какъ то Луки, захватили почти всю Ловать, чуть не до Русы съ одной стороны, а съ другой стороны почти до Шелони; конечно этотъ набѣгъ кончился тѣмъ, что Новгородцы прогнали Литву, гнались за бѣгущими до Псковскихъ границъ и успѣли отбить полонъ; а въ слѣдъ за тѣмъ на Луки былъ отправленъ новый воевода Нѣздила Пхиницъ, который съ небольшею дружиною сдѣлалъ набѣгъ на Летголу и захвативъ ихъ въ разплохъ, значительно опустошилъ этотъ край и возвратился домой съ плѣнниками. Но разумѣется это не отучило Литву отъ набѣговъ, и въ 1210 году мы опять встрѣчаемъ Литовцовъ въ предѣлахъ Новгородскихъ владѣній; въ лѣтописи сказано: „Новгородцы угонивше Литву въ Ходыницахъ, и избиша съ княземъ Володимиромъ и посадникомъ Твердиславомъ“. А Мстиславъ Удалый, на другой же годъ по пріѣздѣ въ Новгородъ, нашелъ нужнымъ послать на Луки посадника Дмитра Якунича съ полкомъ, чтобы укрѣпить городъ на случай нападенія Литвы, а въ слѣдъ за тѣмъ и самъ пріѣхалъ туда же и поручилъ защиту Лукъ брату своему князю Владимиру Мстиславичу Псковскому.

Отношенія къ Финляндіи и Шведамъ.

Но за то сѣверовосточные предѣлы Новгородскихъ владѣній въ послѣдніе 30 лѣтъ были спокойнѣе прежняго времени, и во все продолженіе борьбы Новгорода съ Всеволодомъ Юрьевичемъ нѣтъ и помину о нападеніи Финновъ или Шведовъ; а на-

противъ, встрѣчаются извѣстія лѣтописи о нападеніи Новгородцовъ на племя Емь, жившее въ южной Финляндіи. Такъ подъ 1186 годомъ въ лѣтописи говорится, что молодьцы (т. е. повольники) Новгородскіе съ своимъ удалымъ предводителемъ Вышатою Васильевичемъ ходили на Емь и возвратились благополучно, добывши полона. Этотъ успѣшный набѣгъ вольницы вѣроятно былъ сдѣланъ для развѣдокъ, нельзя ли будетъ Новгороду повытѣснить или ослабить Шведовъ въ Финляндіи; но будучи сами въ войнѣ съ Русскими князьями, Новродцы, не смотря на успѣхъ Вышаты, не могли предпринять что либо серьезное противъ Шведовъ въ Финляндіи; впрочемъ, не желая упустить случая, обѣщавшаго успѣхъ, они вооружили противъ Шведовъ Корѣлянъ, которые, по свидѣтельству Шведскихъ лѣтописей, въ 1187 и 1188 году напали на самую Швецію, вошли въ Меларское озеро, убили Упсальскаго архіепископа Іоанна и сожгли многолюдный Шведскій городъ Сигтуну. Послѣ Корѣльскаго удачнаго набѣга Новгородцы прекратили торговыя сношенія со Шведами, а въ 1191 году вмѣстѣ съ Корѣлою сами напали на южную Финляндію; въ этотъ разъ нападеніе сдѣлано было съ моря, и Новгородцы страшно опустошили тамошнюю землю, пожгли селенія и изсѣкли скотъ; по свидѣтельству Финляндскихъ лѣтописей въ это время былъ созженъ Новгородцами главный Шведскій городъ въ Финляндіи Абовъ и всѣ Шведскія колоніи въ югозападной Финляндіи уничтожены, и тамош-

ніе Шведскіе поселенцы частію изтреблены, а частію разбѣжались; такъ что Новгородцы съ этой стороны могли считать свои владѣнія обезпеченными отъ нападенія непріятелей, и ежели бы имѣли свободное время, то не далеки были отъ того, чтобы окончательно подчинить себѣ южную Финляндію и уничтожить тамъ всякое вліяніе Шведовъ.

Отношенія къ Печерѣ и Югрѣ.

Но не такъ спокойны были владѣнія Новгородцовъ въ глубокомъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, за сѣверною Двиною, въ Печерѣ и за Печерою къ Уральскому хребту; въ тамошнемъ безмѣрномъ краю, дикомъ и рѣдко населенномъ, имѣвшемъ только одни Новгородскіе острожки, разные полудикіе народцы время отъ времени оказывались непокорными власти Великаго Новгорода и нападали на посылаемые туда отряды Новгородскихъ даньщиковъ. Такъ въ продолженіе борьбы со Всеволодомъ, въ лѣтописяхъ отмѣчено, что въ 1187 году были избиты Новгородскіе даньщики въ Печерѣ и Югрѣ, причемъ пало до ста человѣкъ значительныхъ удальцовъ. Новгородцамъ, занятымъ въ это время борьбою партій изъ за Смоленскаго и Суздальскаго князей, некогда было мстить возмутившимся полудикарямъ; но они немогли забыть избіеніе своихъ лучшихъ людей, и черезъ пять лѣтъ на шестый собралась Новгородская рать повольниковъ съ воеводою Ядрѣемъ, взяла съ собою даже священника и пустилась въ далекій походъ къ Уральскимъ горамъ, въ землю племени Югры. Походъ этотъ сначала былъ удаченъ, рать, благополучно прибывши въ

Югорскую землю, безъ потери взяла первый встрѣтившійся Югорскій городъ; но слѣдующей за тѣмъ городъ оказалъ сильное сопротивленіе и воинскую хитрость. Новгородцы подъ симъ городомъ стояли пять недѣль, и жители города все это время пересылались съ осаждающими, и откладывая день за день сдачу города, говорили осаждающимъ: не губите своихъ смердовъ и даней, подождите, пока мы соберемъ серебро. соболей и другія узорочья; а сами между тѣмъ собирали ратниковъ, и когда собрали ихъ довольно, то послали просить Новгородскаго воеводу, чтобы шелъ въ городъ, взявши съ собою двѣнадцать человѣкъ лучшихъ людей. Воевода, неподозрѣвая коварства, вошелъ въ городъ съ священникомъ Иваномъ Легеномъ и съ иными лучшими людьми, и былъ убитъ; потомъ Югра пригласила въ городъ еще 30 человѣкъ лучшихъ людей, и тѣхъ изсѣкла; потомъ еще 50 человѣкъ. Между тѣмъ въ Новгородскомъ лагерѣ открылись измѣнники, которые вступили въ тайныя сношенія съ Югорскимъ княземъ, и одинъ изъ нихъ Савка сказалъ Югорскому князю: „ежели ты не убьешь Якова Прокшинича и отпустишь его живымъ въ Новгородъ; то онъ опять приведетъ рать и опустошитъ твою землю“. Князь велѣлъ убить и Прокшинича, а за тѣмъ Югорцы, на праздникъ святителя Николая (6 декабря) выступили изъ города и изсѣкли всѣхъ Новгородцовъ, давно уже упавшихъ духомъ и страдавшихъ отъ голода; только 80 человѣкъ успѣли какъ-то спастись. Въ Новгородѣ

цѣлую зиму не было вѣсти объ этой рати ни на живыхъ, ни на мертвыхъ; и нераньше какъ на другой годъ бѣдные и ободранные остатки Ядрѣевой рати явились въ Новгородѣ. Это пораженіе Новгородской рати, кажется, осталось безъ отмщенія, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ о томъ извѣстій, да и Новгородцамъ тогда было не до отдаленной Югры и не до мщенія; у нихъ въ то время шла самая жестокая борьба съ Всеволодомъ Суздальскимъ, который задержалъ ихъ посольство и страшно стѣснялъ торговлю.

Торговля Новгорода.

Между тѣмъ, несмотря на внутренніе раздоры партій, ни на тревоги и нападенія отъ сосѣдей, торговля Новгородцовъ, какъ въ Русской землѣ, такъ и съ иноземцами во всѣхъ краяхъ, шла своимъ порядкомъ во все время борьбы Новгорода съ Всеволодомъ, хотя и терпѣла по временамъ значительныя остановки и препятствія. По свидѣтельству памятниковъ, мы встрѣчаемъ Новгородскихъ купцовъ за все это время и въ разныхъ княженіяхъ Русской земли, и на отдаленномъ сѣверо-востокѣ, въ Камской Болгаріи, и на югѣ въ Константинополѣ. и на западѣ у Нѣмцевъ и Варяговъ, съ которыми Новгородцы особенно были въ тѣсныхъ торговыхъ связяхъ (*); Нѣмцы и Варяги постоянно имѣли свои

(*) Привилегія, данная императоромъ Фридрихомъ I городу Любеку въ 1187 году, говоритъ, что въ этотъ городъ пріѣзжаютъ для торговли Руссы, Готы, Норманы и прочіе восточные народы. Здѣсь между Руссами, конечно, были и Новгородцы, что доказываютъ договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами.

торговые дворы и даже церкви въ Новгородѣ и Ладогѣ, и на оборотъ, Новгородцы имѣли свои торговые дворы у Нѣмцевъ и Варяговъ въ ихъ землѣ. Впрочемъ и съ Нѣмцами и Варягами не обходилось безъ ссоръ, которыя на время останавливали торговлю; такъ въ лѣтописи за это время отмѣчены два разрыва: 1-й подъ 1188 годомъ, когда Варяги и Нѣмцы засадили въ порубъ Новгородскихъ купцовъ на Готландѣ, а Новгородцы, въ отмщеніе, заключили въ темницу Нѣмцевъ и Варяговъ въ Хоружку и Торжкѣ, и на весну не пустили за море ни одного своего купца, не отправили посольства къ Варягамъ и недали имъ мира; 2-й въ 1201 году, когда Новгородцы отпустили Варяговъ за море безъ мира, и потомъ осенью того же года заключили съ ними миръ на всей своей волѣ, когда пришло новое Варяжское посольство сухимъ путемъ.

Договорныя грамоты съ Нѣмцами.

До насъ дошли двѣ договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами, относящіяся ко времени Всеволода Юрьевича; грамоты сіи съ довольною подробностію описываютъ тогдашній порядокъ торговли Новгорода съ Нѣмцами. Первая изъ сихъ грамотъ была заключена Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, при посадникѣ Мирошкѣ и при тысяцкомъ Яковѣ, по всему вѣроятію черезъ годъ или два послѣ разрыва Новгородцевъ съ Варягами и Нѣмцами въ 1188 году. Грамота сія написана отъ имени князя, посадника, тысяцкаго и всѣхъ Новгородцовъ; въ ней первымъ условіемъ положено, чтобы Новгородцы, согласно съ прежнимъ миромъ,

имѣли безпрепятственную торговлю въ Нѣмецкой землѣ и на Готландѣ, а Нѣмцы и Готландцы безпрепятственную торговлю въ Новгородѣ. Далѣе, во 2-мъ условіи, опредѣлены порядки суда въ тяжбахъ между Новгородцами и Нѣмцами: во 1-хъ, ежели будетъ убитъ Новгородскій посолъ въ Нѣмецкой землѣ, или Нѣмецкій посолъ въ Новгородѣ, то платится виры 20 гривенъ серебромъ, или 80 гривенъ кунами, согласно съ Русскою правдою, а за убійство купца виры 10 гривенъ серебра, или 40 гривенъ кунами. А ежели свяжутъ мужа безъ вины, то за безчестье 12 гривенъ старыми кунами: а кто кого ударитъ коломъ или оружіемъ, то за рану 6 гривенъ старыми кунами; а кто ихнетъ другаго или одежду разорветъ, то три гривны; а кто прибьетъ жену мужескую или дочь, то 40 гривенъ князю и 40 гривенъ женѣ или дочери старыми кунами; а кто сорветъ съ женщины или дѣвицы головную повязку, то 6 гривенъ старыми кунами за безчестье; во 2-хъ, въ дѣлахъ не уголовныхъ на судѣ какъ отъ Нѣмцевъ, такъ отъ Новгородцовъ требуются свидѣтели, или бросается жеребій, кому цѣловать крестъ, и кто поцѣлуетъ крестъ, тотъ возьметъ то, на чемъ цѣловалъ крестъ; въ 3-хъ, при взысканіи долговъ Варягу на Новгородцѣ, или Новгородцу на Варягѣ, въ случаѣ запирательства, истецъ долженъ представить 12 человѣкъ свидѣтелей и дать клятву, и тогда возьметъ свое; въ 4 хъ, ежели будетъ судъ у Новгородца въ Нѣмецкой землѣ, или у Нѣмчина въ Новгородѣ, то рубежа не чинить, а жаловаться

на другое лѣто, а ежели не исправятъ, то объявя князю и людямъ, взять свое у гостя, ежели судъ будетъ въ Новгородѣ; ежели же тяжба будетъ въ иной землѣ въ Русскихъ городахъ, то у тѣхъ и просить суда, а Новгородцамъ до такихъ тяжбъ дѣла нѣтъ, въ такихъ тяжбахъ и Нѣмцы и Новгородцы свободны (не отвѣчаютъ). 3 е условіе: Новгородца не сажать въ тюрьму въ Нѣмецкой землѣ, ни Нѣмца не сажать въ тюрьму въ Новгородской землѣ, а брать на виноватомъ свое; а ежели убьютъ заложника или попа, то за голову 20 гривенъ серебра. Для заключенія сего договора, князь Ярославъ и Новгородцы отправили въ Нѣмецкую землю своего посланника Грпгу. Настоящій договоръ свидѣтельствуетъ, что разрывъ у Новгородцовъ съ Нѣмцами и Варягами въ 1188 г. произошелъ главнымъ образомъ отъ недостаточнаго опредѣленія взаимнаго суда и управы по прежнимъ договорамъ, которая недостаточность и была устранена настоящею грамотою, заключающею въ себѣ только подробное опредѣленіе судебнаго порядка между договарпвающпмися сторонами, каковымъ порядкомъ отстранялись тѣ недоразумѣнія которыя послужили причиною помянутаго разрыва.

Второй договорной грамоты до насъ не дошло, но мы имѣемъ проэктъ этой грамоты, по всему вѣроятію относящійся къ первому или второму десятилѣтію XIII столѣтія. Изъ этого проэкта мы знаемъ: 1) что въ Новгородѣ и Ладогѣ были особые торговые дворы Нѣмецкіе и Готландскіе, съ своими

церквами и кладбищами; именно: въ Новгородѣ Готландскій дворъ съ церковію св. Олава и Нѣмецкій съ церковію св. Петра; а въ Ладогѣ у Нѣмцовъ при ихъ дворѣ была церковь св. Петра, и у Готландцевъ при ихъ дворѣ церковь св. Николая. Дворы сіи пользовались большими привиллегіями, они управлялись своими выборными старостами или ольдерманами, и имѣли свой судъ и управу, по общему въ то время порядку между всѣми пріѣзжими торговцами, которые обыкновенно тогда ѣздили большими караванами, съ своими начальниками и судьями. 2) Нѣмецкіе и Готландскіе гости раздѣлялись на зимнихъ и лѣтнихъ, которые составляли отдѣльныя общины; такъ что всѣ Нѣмецкіе и Готландскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Новгородскія владѣнія, принадлежали непремѣнно къ той или другой общинѣ, и вели торговлю неиначе, какъ по правиламъ или уставамъ своей общины, и зимніе гости никакъ не смѣшивались съ лѣтними; и такія же общины были и у Новгородскихъ гостей, отправлявшихся для торговли въ Нѣмецкую землю или Готландъ, и ихъ общины и дворы пользовались тамъ такими же правами и привиллегіями, какъ Нѣмецкіе и Готландскіе общины въ Новгородѣ. 3) Ссоры между Новгородцами и Нѣмцами, или Готландцами въ Новгородѣ, разбирались при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ была устроена особая судебная палата или притворъ, и судъ былъ смѣшанный, — съ Новгородской стороны судьями были тысяцкій и Новгородскіе судьи, а съ Нѣмецкой или Готланд-

ской стороны Нѣмецкій или Готландскій ольдерманъ. Ежели ссора будетъ между зимними гостями и Новгородцами, то лѣтнимъ гостямъ до этой ссоры нѣтъ дѣла, они не отвѣчаютъ, и на оборотъ, зимнимъ гостямъ нѣтъ дѣла до ссоры лѣтнихъ гостей. Ссора между гостемъ и Новгородцемъ тамъ и должна покончиться, гдѣ она началась. Ежели ссора не прекратится въ одинъ годъ, то отлагается до другаго года, а гость, причастный къ ссорѣ, свободно можетъ выѣхать изъ Новгородскихъ владѣній, тою же свободою пользуется гость, ежели ссора некончится и на другой годъ; ежели же ссора (т. е. тяжба) не рѣшится и на третій годъ, то имущество гостя подвергается аресту. 4) Вѣсы гостиннаго двора должны повѣряться два раза въ годъ, ежели покажутся поистертыми; товары гостей должны быть взвѣшиваемы на вѣсахъ гостинаго двора, при чемъ вѣсовщикъ получалъ отъ капи, т. е. отъ 12 пудовъ, девять вѣкшей пошлины, и вѣсовщикъ цѣлуетъ кресть, что будетъ вѣшать одинаково для обѣихъ сторонъ. 5) Новгородцы отвѣчали за безопасность гостей и ихъ товаровъ отъ грабежа, начиная съ Березовыхъ острововъ. При вступленіи въ Ижеру тамошній тіунъ высылаетъ на встрѣчу гостямъ лодочниковъ и лоцмановъ, которые должны вести гостиныя лодьи и получали за это опредѣленную по договору плату, которая выдавалась не прежде, какъ Нѣмецкіе лодьи будутъ приведены къ Рыбацкой слободѣ. При вступленіи Нѣмецкихъ лодій или кораблей въ гостиную пристань, они очищались

мытною или проѣзжею пошлиною по полгривнѣ съ корабля, нагруженнаго мясомъ и хлѣбомъ, и по гривнѣ съ корабля, нагруженнаго другими товарами; впрочемъ самая пошлина платилась по привозѣ товаровъ въ самый Новгородъ, въ гостиной же пристани мытникъ только пересматривалъ товары подлежащіе платежу пошлинъ и давалъ пропускъ.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

Борьба Новгорода съ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

Очистивши Новгородъ отъ Суздальщинцовъ и устроивши внутреннія дѣла, Мстиславъ и Новгородцы обратились противъ внѣшнихъ враговъ и сдѣлали два счастливыхъ похода: одинъ на Чудь Торму, жившую на Сѣверъ отъ нынѣшняго Дерпта, а другій на Чудь Ереву, жившую по нынѣшней рѣкѣ Перновѣ, ближе къ морскому берегу. Походы сіи доставили Новгородцамъ множество плѣнниковъ и богатую добычу; кромѣ того Чудь обязалась платить имъ дань. которую Мстиславъ раздѣлилъ на три части, двѣ части отдалъ Новгородцамъ, а третью своей дружинѣ. Походъ на Чудь Ереву былъ самый сильный, въ немъ кромѣ Мстислава и Новгородцевъ участвовали Псковичи и Торопчане съ своими князьями. Чудская земля была страшно разорена и опустошена; Новгородская рать прошла ее изъ конца въ конецъ до моря и разорила всѣ та-

Война съ Чудью.

мошнія села и осѣки, и только не взяла города Воробьина, при осадѣ котораго Чудь признала надъ собою власть Новгорода и обязалась платить дань.

Война съ Черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Чермнымъ.

Но лишь Мстиславъ съ Новгородцами возвратился изъ похода на Чудь Ереву, какъ въ Новгородъ пришли послы отъ Мстиславовыхъ родственниковъ, внуковъ Ростислава Смоленскаго, съ просьбою, чтобы Мстиславъ помогъ имъ воевать съ Всеволодомъ Чермнымъ, княземъ Черниговскимъ, который выгналъ ихъ изъ Приднѣпровья. Мстиславъ, по выслушаніи пословъ, созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сталъ звать Новгородцовъ, чтобы они помогли ему въ походѣ на Всеволода Черниговскаго. Новгородцы, довольные Мстиславомъ, отвѣчали ему: „камо, княже, очима позрѣли ты, тамо мы главами своими вержемъ“. И немедленно собрались въ походъ и пошли съ Мстиславомъ къ Кіеву. Новгородцы спокойно шли до Смоленска; но здѣсь, поссорившись съ Смольянами, поворотили назадъ и даже не пошли на вѣче, на которое ихъ звалъ Мстиславъ, впрочемъ скоро одумались, сами составили на походѣ вѣче, и стали разсуждать,—идти ли за Мстиславомъ или воротиться домой. Это вѣче было очень шумно и продолжительно; наконецъ посадникъ Твердиславъ порѣшилъ споръ въ пользу Мстислава, онъ обратился къ вѣчу съ такою рѣчью: „яко, братье, страдали дѣды наши и отцы за Русскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своемъ князи“. Эта рѣчь такъ подѣйствовала на Новгородскихъ ратниковъ, что они прямо съ вѣча пустились догонять Мсти-

слава, и соединясь съ нимъ, начали воевать внизъ по Днѣпру Черниговскіе города, потомъ разбили Черниговскихъ князей подъ Вышгородомъ, и тѣмъ заставили Всеволода бѣжать изъ Кіева. Въ слѣдъ за Вышегородскою битвою Мстиславъ съ Новгородцами торжественно вошелъ въ Кіевъ, гдѣ Кіевляне приняли ихъ съ честію и взяли себѣ въ князья Мстиславова двоюроднаго брата Мстислава Романовича. Изъ Кіева Мстиславъ Мстиславичъ съ Новгородцами двинулся къ Чернигову и, простоявъ подъ симъ городомъ 12 дней, заключилъ съ Всеволодомъ Черниговскимъ миръ. Послѣ чего Новгородцы, получивъ отъ Черниговскаго князя богатые дары, возвратились съ своимъ любимымъ княземъ домой.

Князь Ярославъ Всеволодовичъ изъ Суздальскихъ.

Но не долго Мстиславъ оставался въ Новгородѣ; въ слѣдующемъ послѣ Черниговскаго похода, 1215 году. къ нему пріѣхалъ гонецъ отъ Польскаго государя Лешка, который, разсорившись съ Венгерскимъ королемъ, приглашалъ Мстислава выгнать Венгровъ изъ Галича и самому занять это княженіе. Мстиславъ, постоянно ратовавшій за Русскую землю, съ охотою принялъ это приглашеніе и, собравъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, сказалъ Новгородцамъ: „есть до меня дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ“. Новгородцы какъ не любили Мстислава, но не могли удержать его у себя; ибо Мстиславу конечно выгоднѣе было быть полнымъ самостоятельнымъ княземъ въ Галичѣ, нежели оставаться въ Новгородѣ, гдѣ князь зависѣлъ отъ народнаго вѣча. И по сему Новгородцы, простившись

съ Мстиславомъ, принялись за избраніе новаго князя; много разъ собиралось вѣче по этому предмету, много было толковъ и споровъ о томъ, кого выбрать въ князья, и наконецъ порѣшили звать Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля Суздальскаго. Конечно въ этомъ рѣшеніи настояла Суздальщинская партія, которая по удаленіи Мстислава незамедлила возвысить свой голосъ, и тѣмъ болѣе могла успѣть въ своихъ происках, что на виду дѣйствительно не было такого князя, на котораго бы могли положиться Новгородцы; да и при томъ другія партіи могли думать, что Ярославъ не будетъ для нихъ очень опасенъ, ибо его отца страшнаго Всеволода уже не было въ живыхъ, и въ самой Суздальской землѣ начались междоусобія. И по сему, согласно съ послѣднимъ рѣшеніемъ вѣча, посланы были отъ Новгорода къ Ярославу посадникъ Юрій Иванковичъ, тысяцкій Якунъ и десять старѣйшихъ купцовъ звать его на Новгородскій престолъ По этому зову Ярославъ немедленно прибылъ въ Новгородъ и съ почестями былъ встрѣченъ архіепископомъ Антоніемъ и Новгородцами.

Но Ярославъ былъ истый Суздальскій князь, такой же самовластный, какъ и покойный отецъ его Всеволодъ, и такой же защитникъ и покровитель Суздальщинской партіи верховодовъ и притѣснителей. Онъ въ тотъ же (1215) годъ, какъ пришелъ въ Новгородъ, велѣлъ схватить многоуважаемаго Новгородскаго боярина Якуна Зуболомича и Новоторжскаго посадника Ѳому Добрынича, и оковавъ со-

слалъ ихъ въ Тверь; а въ слѣдъ за этою неправедною, безъ воли народа сдѣланною, ссылкою, по наговору Суздальщинцовъ Ѳеодора Лазутинича и Ивора Новоторжича, собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ противъ тысяцкаго Якуна Намнѣжича. Вѣче сіе, составленное по всему вѣроятію изъ Суздальщинцовъ, рѣшило, какъ хотѣлось князю, и бросилось тутъ же грабить домъ Якуна тысяцкаго и схватило его жену, самъ же Якунъ успѣлъ скрыться и на другій день вмѣстѣ съ посадникомъ пришелъ къ князю, который тутъ же велѣлъ схватить и его сына Христофора. Народъ, тѣснимый Суздальщинцами, цѣлые десять дней молчалъ противъ такой неправды и выжидалъ удобнаго случая отомстить за насиліе насиліемъ; наконецъ 30 мая произошло возстаніе, поднялась Прусская улица, сильно оскорбленная поимкою своего уличанскаго боярина Якуна, жители этой улицы убили Ярославовыхъ приверженцовъ Овстрата и Луготу и бросили трупы ихъ въ городскій ровъ. Это возстаніе Пруссовъ ясно показало Ярославу, что Великій Новгородъ не Переяславль, что здѣсь сидѣть не безопасно; а посему онъ поспѣшилъ убраться въ Торжекъ, чтобы оттуда съ большею безопасностію дѣйствовать на Новгородцовъ.

Между тѣмъ по случаю неурожая въ Новгородѣ начался голодъ, чѣмъ и незамедлилъ воспользоваться Ярославъ, онъ сталъ перехватывать всѣ обозы съ хлѣбомъ, шедшіе къ Новгородцамъ, такъ что, по словамъ лѣтописи, не пустилъ ни воза; отъ чего го-

лодъ такъ усилился, что кадь ржи покупалась по десяти гривенъ (т. е. на нынѣшнія деньги почти по девяти рублей серебромъ за четверть, или четвертую часть кади) и люди начали ѣсть сосновую кору, липовый листъ и мохъ, отцы стали продавать дѣтей. За голодомъ послѣдовалъ страшный моръ, наметали трупами полную скудельницу, вновь устроенную, и кромѣ того трупы валялись по торгамъ, улицамъ, и полямъ, и собаки грызли и таскали ихъ, неуспѣвая поѣдать. Тщетно Новгородцы въ такой крайности нѣсколько разъ отправляли свои посольства въ Торжокъ и молили Ярослава, чтобы шелъ въ Новгородъ и пустилъ туда обозы съ хлѣбомъ; Ярославъ оставался глухъ и нѣмъ къ таковымъ мольбамъ, даже вывезъ изъ Новгорода свою жену, дочь Мстислава Удалаго, задерживалъ у себя Новгородскихъ посланниковъ и не давалъ никакого отвѣта; и такъ прошло восемь мѣсяцовъ, люди умирали съ голоду, а Ярославъ продолжалъ молчать и не сводилъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода. Наконецъ Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія, послали къ нему Мануйла Ягольчевича съ послѣднею рѣчью: «поиди, княже, въ свою отчину къ св. Софіи, не поидешь ли, а повѣдай». Но Ярославъ по прежнему молчалъ, задержалъ у себя посланника и перехватывалъ Новгородскихъ гостей. Въ Новгородѣ былъ вопль и плачь и полное раззореніе, люди, не зная чѣмъ жить, разбѣгались; но это была уже послѣдняя бѣда, за которой шли торжество и радость. Новгородцы успѣли снестись съ Мстисла-

вомъ Мстиславичемъ; и этотъ удалый князь 11-го февраля 1216 года опять въѣхалъ въ Новгородъ и тутъ же схватилъ и заковалъ въ цѣпи намѣстниковъ и дворянъ Ярославовыхъ; потомъ собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и, поклявшись честнымъ крестомъ, сказалъ народу: «любо изыщю мужи Новгородскіи и волости, паки ли положу свою голову за Новгородъ», на что Новгородцы съ клятвою отвѣчали: «съ тобою, княже, въ животъ и въ смерть». И въ слѣдъ за тѣмъ начали готовиться къ борьбѣ съ Ярославомъ.

Князь Мстиславъ Удалый вторично и война съ Ярославомъ Суздальскимъ.

Ярославъ, получивши вѣсть о дѣйствіяхъ Мстислава, немедленно принялся укрѣплять Торжокъ и засѣкъ всѣ пути отъ Новгорода: а между тѣмъ послалъ туда сто Новгородскихъ мужей, своихъ приверженцевъ, выпроваживать Мстислава, надѣясь что Суздальщинская партія при помощи присланныхъ перекричитъ на вѣчѣ; но эта надежда нисколько неоправдалась. Новгородцы такъ сильно были оскорблены Ярославомъ, что никто не смѣлъ и заикнуться о его возвращеніи, даже и присланные сто человѣкъ пристали къ другимъ и весь Новгородъ единодушно всталъ на Ярослава. Впрочемъ Новгородцы такъ еще были слабы, что Мстиславъ и вѣче думали нельзя ли покончить дѣло миромъ; и отправили въ Торжокъ посланниками попа Юрія отъ церкви св. Іоанна на торговищѣ и княжихъ мужей съ такими рѣчьми отъ Мстислава: «сыну кланяютися, мужъ мой и гость отпустили, а самъ съ Торжку поиди, а со мною любовь возми». Но Ярославъ былъ

не такой человѣкъ, чтобы мирно отступиться отъ Новгорода; онъ. надѣясь на свою силу, безъ отвѣта отпустилъ попа Юрія, а всѣхъ Новгородцовъ, бывшихъ въ Торжкѣ, какъ посланниковъ, такъ и гостей, числомъ болѣе 2000 человѣкъ, выведши на поле, заковалъ въ цѣпи и разослалъ по своимъ Суздальскимъ городамъ, а товары ихъ и коней роздалъ своей дружинѣ. Вѣсть объ этомъ сильно опечалила Новгородцовъ, ибо Ярославомъ были захвачены лучшіе мужи, меньшіе же одни разбѣжались, а другіе померли отъ голода, народъ въ смущеніи незналъ что дѣлать. Но Мстиславъ Удалый, не робѣвшій ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ и во всемъ уповавшій на милость Божію, созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „идемъ искать своихъ мужей, вашей братьи и своей волости, не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ; но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ, а и во мнозѣ Богъ и въ малѣ Богъ и правда“.

Это вѣче было въ послѣдніе дни февраля, по тогдашнему щету въ концѣ года, а въ первый день новаго года, т. е. первое число марта, во вторникъ второй недѣли великаго поста, Мстиславъ съ Новгородцами отправился въ походъ на Ярослава; онъ пошелъ Селигеромъ, и вошедши въ свою Торопецкую область, сказалъ голоднымъ Новгородцамъ: идите запасаться кормомъ, и когда они запаслись, то отправился съ ними къ верховьямъ Волги, и тамъ получилъ вѣсть, что Ярославовъ братъ Святославъ съ десятью тысячами ратниковъ осаждаетъ Мстиславовъ

городокъ Ржевку, гдѣ намѣстникъ Ярунъ только съ сотнею дружинниковъ засѣлъ на смерть. Мстиславъ, имѣя при себѣ всего пятьсотъ ратниковъ (это было все его войско, и съ помощію, приведенною княземъ Владимиромъ изъ Пскова), бросился на выручку вѣрнаго Яруна и заставилъ Святослава бѣжать, потомъ взялъ Ярославовъ городъ Зубцовъ и оттуда перешелъ на рѣку Вазузу, гдѣ съ нимъ соединился его двоюродный братъ, Владимиръ Рюриковичъ, князь Смоленскій, который привелъ съ собою полки Смолянъ. Но и по присоединеніи Смоленскихъ полковъ рать Мстислава была еще очень малочисленна; а потому онъ опять отправилъ посольство къ Ярославу въ Торжекъ, требуя мира. Но Ярославъ отвѣчалъ: „не хочу мира, и коли пошли на меня, то идите, а и по одному вашихъ непридется на сто нашихъ“. Получивши такой отвѣтъ, Мстиславъ съ своимъ братомъ и съ Новгородцами вступили въ Тверскую область и начали опустошать села по Волгѣ, думая пробраться къ Переяславлю Залѣсскому, стольному городу Ярославову; храбрый Ярунъ съ передовымъ полкомъ уже пробрался за Тверь и разбилъ тамъ Ярославову заставу, Мстиславъ же съ Владимиромъ и Новгородцами спускался по Волгѣ, опустошая все по дорогѣ и поджидая вѣсти отъ третьяго своего союзника Константина князя Ростовскаго, и дошелъ такимъ образомъ до Кснятина, гдѣ ихъ встрѣтилъ передовый воевода Константина Еремей съ любовію и съ поклономъ отъ своего князя; и отъ Кснятина всѣ прямо двину-

лись къ Переяславлю, и когда уже были на городищѣ на рѣкѣ Сарѣ, то къ нимъ присоединился и самъ Константинъ съ Ростовскими полками, бывшій во враждѣ съ Ярославомъ и его союзникомъ Юріемъ Владимирскимъ

Ярославъ, продолжавшій жить въ Торжкѣ, услыхавши, что Мстиславъ съ своими союзниками воюютъ его волость, оставилъ Торжекъ, и забравши съ собою преданныхъ ему и бывшихъ при немъ Новгородцовъ и Новоторжанъ, поспѣшно пустился къ Переяславлю, вооружилъ приведенныхъ съ собою Новгородцовъ и Новоторжанъ, и поднялъ всю Переяелавскую область а въ слѣдъ за тѣмъ присоединили свои полки его братья и союзники—Юрій, Владиміръ и Святославъ, бывшіе во враждѣ съ Константиномъ Ростовскимъ. Они повели свою многочисленную рать навстрѣчу Мстиславу и Новгородцамъ, и расположились станомъ на рѣкѣ Хзѣ: Мстиславъ же и Новгородцы съ своими союзниками остановились на рѣкѣ Липицѣ. Увидавши многочисленные полки Юрія и Ярослава, Мстиславъ и его союзники отправили къ Юрію посланникомъ Новгородскаго сотскаго Иларіона съ такою рѣчью: „клаияемтися . у насъ съ тобою нѣтъ обиды у насъ обида съ Ярославомъ“. На это Юрій отвѣчалъ: „я одинъ братъ съ Ярославомъ“. За тѣмъ того же Иларіона послалъ Мстиславъ къ Ярославу съ рѣчью: „пусти мужи мои Новгородцы и Новоторжцы, возврати взятую тобою Новгородскую волость, возьми миръ съ нами, цѣлуй къ намъ крестъ и не проли-

вай крови“ Юрій и Ярославъ, видя малочисленность рати Мстиславовой и его союзниковъ, съ насмѣшкою отвѣчали: „не хочемъ мира и мужей не пускаемъ, а вы далекопько зашли, и вышли какъ рыба на сушу“. Послѣ таковаго отвѣта оставалось одно—бой на смерть; и Новгородцы, выслушавши Юріеву и Ярославову рѣчь отъ Иларіона, сказали Мстиславу: „княже! нехочемъ умирать на коняхъ, а будемъ биться пѣши, какъ и наши отцы на Кулачьскѣ“, и въ слѣдъ за тѣмъ, слѣзши съ коней и побросавъ верхнее платье и разувшись, бросились, съ крикомъ:—„за св. Софію“, на Ярославовъ полкъ, а за ними пустился и Мстиславъ съ своею дружиною на коняхъ. Натискъ Новгородцовъ и Мстислава такъ былъ силенъ и стремителенъ, что полкъ Ярослава, послѣ упорной сѣчи, дрогнулъ, и вмѣстѣ съ своимъ гордымъ княземъ обратился въ бѣгство. а въ слѣдъ за ними побѣжалъ и Юрій съ своимъ полкомъ, стоявшій противъ Константина и Ростовцовъ. Битва эта была самая жестокая, изъ одного только Ярославова полка было болѣе десяти тысячъ убитыхъ, легшихъ костьми на полѣ, а еще больше погибло въ бѣгствѣ, иные потонули въ рѣкѣ, другіе раненые разбрелись по лѣсамъ и болотамъ, и были поѣдены звѣрьми; стоны и крики сражающихся были слышны даже въ Юрьевѣ и около Юрьева. Такимъ образомъ Липецкая битва не оправдала самохвальныхъ надеждъ Юрія и Ярослава; они передъ началомъ боя хвалились закидать Новгородцовъ и Смольнянъ сѣдлами, и созвавши бояръ

и лучшихъ воиновъ передъ шатеръ, говорили имъ: „вотъ самъ товаръ пришелъ въ руки, берите себѣ оружіе, коней и платье, а людей бейте, чтобы ни одного не осталось въ живыхъ; кто же убѣжитъ не убитъ, тѣхъ поймавши вѣшайте и распинайте, а о князьяхъ, ежели будутъ въ нашихъ рукахъ, мы сами поразмыслимъ“. Вполнѣ надѣясь на побѣду, Юрій и Ярославъ еще въ ночь наканунѣ битвы подѣлили между собою города своихъ противниковъ, цѣловали другъ другу крестъ и написали грамоты, кому владѣть какими городами. Но какъ мы уже видѣли, не пришлось ни имъ, ни ихъ дружинникамъ заметать Новгородцовъ и Смольнянъ сѣдлами и бить, и вѣшать противниковъ; Юрій и Ярославъ сами побросали свои сѣдла, чтобы бѣжать скорѣе, а дружинники ихъ и бѣжать не успѣвали, и едва десятый нагишомъ и босикомъ приплелись во Владиміръ; самохвальныя же грамоты о раздѣлѣ городовъ попались въ руки къ Смольнянамъ, которые нашли ихъ при разграбленіи шатра Ярославова и принесли къ своимъ князьямъ Мстиславу и Владиміру.

Ярославъ, съ Липецкаго побоища прибѣжавши въ Переяславль, всѣхъ задержанныхъ тамъ Новгородцовъ и Смольнянъ приказалъ побросать кого въ погребъ, кого въ гридницу, гдѣ они большею частію и задохлись; онъ сначала думалъ отсидѣться, но услыхавши, что Мстиславъ со своими союзниками и Новгородцами уже не далеко, такъ перепугался, что началъ просить мира, сперва черезъ посланниковъ, а потомъ самъ поѣхалъ къ Кон-

стантину и, униженно кланяясь, говорилъ ему: „господине! я въ твоей волѣ, дѣлай что хочешь, только невыдай меня тестю моему Мстиславу и его брату Владимиру, а самъ, брате, накорми меня хлѣбомъ“. Мстиславъ, видя покорность и полное униженіе Ярослава, не пошелъ далѣе къ Переяславлю, и взявъ богатые дары, и вытребовавъ у Ярослава его жену, свою дочь, и всѣхъ задержанныхъ Новгородцовъ съ ихъ товарами, а равно и тѣхъ, которые были съ Ярославомъ въ полку, заключилъ миръ на всей своей волѣ, и съ богатою добычею отправился назадъ въ Новгородъ, а союзники его также пошли по домамъ.

Впрочемъ побѣда и торжество надъ Ярославомъ еще не уничтожили Суздальщинской партіи въ самомъ Новгородѣ, тамъ даже посадникомъ сидѣлъ Суздальщинецъ Юрій Ивановичъ, у котораго отняли посадничество только по возвращеніи Мстислава изъ похода; потомъ, когда на другой годъ Мстиславъ, по своимъ дѣламъ, долженъ былъ на время отправиться въ Кіевъ, то счелъ за нужное взять съ собою, какъ бы въ заложники, предводителей Суздальщинской партіи: Юрія Иванковича, бывшаго посадника, Сбыслава Степанича и Олексу Путилича. А возвратившись изъ Кіева, Мстиславъ схватилъ и заключилъ въ оковы двухъ знаменитыхъ Суздальщинцевъ— Станимира Дерновича и его сына Нѣздилу, и забралъ ихъ товары; впрочемъ Станимиръ и Нѣздила скоро были отпущены, можетъ быть оправдавшись передъ княземъ. Но очевидно

Суздальщинская партія въ это время преимущественно гнѣздилась въ Торжкѣ, куда въ 1218 году и ѣздилъ Мстиславъ; онъ захватилъ тамъ много бояръ и между ними знаменитаго богача Бориславa Некуришинича, котораго впрочемъ скоро отпустилъ, взявъ у него множество товара. Возвратившись изъ Торжка, Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „Кляняюся св. Софіи и гробу отца моего и вамъ, хочу поискать Галича, а васъ не забуду, дай Богъ лечи у отца и у св. Софіи". Тщетно Новгородцы умоляли его не оставлять Новгорода; онъ настоялъ на своемъ, и поклонившись народу, отправился искать Галича и болѣе уже не возвращался въ Новгородъ.

Князь Святославъ, сынъ Смоленскаго князя.

Съ удаленіемъ Мстислава, Суздальщинская партія стала дѣйствовать смѣлѣе; еще Мстиславъ, кажется, не успѣлъ выѣхать изъ Новгорода, какъ туда возвратился Суздальщинецъ архіепископъ Митрофанъ, удаленный народною партіею при Мстиславѣ; впрочемъ на первый разъ самовольное возвращеніе Митрофана кончилось тѣмъ что его не выгнали изъ Новгорода и приказали жить въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, Антоній же по прежнему оставался архіепископомъ По отбытіи Мстислава народная партія, руководимая знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ, на столько была еще сильна, что за княземъ Новгородцы послали не въ Суздаль, а въ Смоленскъ, откуда и привели Мстиславова двоюроднаго племянника Святослава Мстиславича. Но этотъ князь, хотя и не Суздальскій,

не могъ замѣнить Мстислава, что скоро замѣтили Суздальщинцы и подняли въ Новгородѣ мятежъ. Дѣло началось такъ: въ первый же годъ Святославова княженія, зимою, одинъ Суздальщинецъ Матвѣй Душильчевичъ, связавъ ябеднича бирича Мосѣйца, бѣжалъ изъ Новгорода; но его нагнали и свели къ князю на Городище, подъ стражу; а на другой день Суздальщинцы распустили по городу ложный слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ князю Матвѣя, и въ ночь зазвонили тревогу сперва на торговой сторонѣ Ониполовичи, у церкви св. Николая, а потомъ въ Неревскомъ концѣ у церкви Сорока Святыхъ, и стали собирать народъ на Твердислава. По утру князь, услышавъ шумъ и мятежъ въ городѣ, отпустилъ Матвѣя Душильчевича, думая тѣмъ умирить народъ. Но дѣло шло не на миръ; Матвѣй Душильчевичъ, освобожденный княземъ, тутъ же соединился съ своими и повелъ Ониполовичанъ и Неревлянъ отъ мала до велика, а Твердиславъ вывелъ на битву Людинъ конецъ и Пруссовъ, пятый же конецъ, Загородцы не пристали ни къ той, ни къ другой сторонѣ, выжидая кто одолѣетъ. Твердиславъ передъ самою битвою, выступивъ напередъ, обратился къ церви св. Софіи и сказалъ: „аже буду виноватъ, да буду ту мертвъ, буду ли правъ, а ты мя прави, Господи“. Въ слѣдъ за тѣмъ началась сѣча у городскихъ воротъ, въ которой Твердиславъ оказался дѣйствительно правымъ; Ониполовичи и Неревляне были разбиты и обратились въ бѣгство, оставивъ убитыми нѣсколькихъ изъ своихъ и въ томъ

числѣ Матвѣева брата Ивана Душильчевича. Это было 27 января 1218 года. Но дѣло тѣмъ не кончилось, послѣ битвы на улицахъ еще цѣлую недѣлю продолжались шумныя вѣча; впрочемъ Людинцы и Прусы, побѣдивъ въ битвѣ, перекричали и на вѣчахъ; такъ что когда Святославъ, непонимая путемъ положенія дѣлъ, прислалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать: „не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю у него посадничество“, то та и другая партія единодушно вступились за Твердислава и потребовали отъ князя, чтобъ онъ объявилъ, по какой винѣ лишаетъ его посадничества. И когда князь сказалъ: „безъ вины“, то всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: „Княже! оже нѣту вины его, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа волости не лишити; а тобѣ ся кланяемъ, а се нашь посадникъ, мы его не выдадимъ“. Послѣ чего обѣ партіи, какъ уже заключившія между собою миръ и цѣловавшія другъ другу крестъ, разошлись спокойно; а Твердиславъ, какъ правый по признанію самого князя и всего народа, остался по прежнему посадникомъ.

Князь Всеволодъ Мстиславичъ, братъ Святослава.

Послѣдняя побѣда Твердислава и народной партіи, въ битвѣ на улицахъ и на вѣчѣ, такъ была сильна, что когда на другой годъ Кіевскій князь Мстиславъ Романовичъ прислалъ въ Новгородъ своего младшаго сына Всеволода, а Святослава потребовалъ къ себѣ въ Кіевъ; то всѣ безпрекословно исполнили его волю, отпустили Святослава и приняли Всеволода, о приглашеніи же князя изъ Суздальской земли не было и помину. Но и Всеволодъ,

подобно Святославу, неумѣлъ ладить съ Новгородцами, и не по самовластію, а именно потому, что не зналъ какой держаться партіи; и въ слѣдствіе этого при немъ, какъ и при Святославѣ, опять начались междоусобія и споры, поднимаемые Суздальцинцами. Зимою того же (1219) года одинъ Суздальцинецъ, Семьюнъ Еминъ, съ четырьмя стами дружины отправился на Тоймакары, куда должно было идти сквозь Суздальскую землю. Князья Суздальскіе, Юрій и Ярославъ, дѣйствовавшіе за одно съ Суздальцинскою партіею, не пропустили Семьюна чрезъ свою землю. Семьюнъ возвратился въ Новгородъ въ лодьяхъ, и расположившись шатрами на полѣ, началъ смущать народъ, распуская нелѣпые слухи, что посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ нарочно напередъ заслали къ Юрію, чтобы онъ не пропускалъ Семьюнову дружину въ Тоймакары. А между тѣмъ въ это время не было въ Новгородѣ ни князя Всеволода, ни посадника Твердислава, они находились въ походѣ на Эстонскую Чудь; пользуясь такимъ случаемъ, Суздальцинцы, по наговорамъ Семьюна, взбунтовали народъ, и отнявъ посадничество у Твердислава, передали Суздальцинцу Семену Борисовичу, внуку Мирошкину, а вмѣсто Якуна сдѣлали тысяцкимъ самого Семьюна Емина, а въ слѣдъ за тѣмъ, пользуясь отъѣздомъ, по святительскимъ дѣламъ въ Торжекъ, архіепископа Антонія, объявили Новгородскимъ владыкою Митрофана, проживавшаго въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, а къ Антонію послали сказать:

„иди куда хочешь“. Впрочемъ съ возвращеніемъ князя и Новгородской рати изъ Эстонскаго похода, дѣла приняли другой оборотъ: народная партія снова усилилась и на созванномъ вѣчѣ одолѣла своихъ противниковъ и, по приговору вѣча, Твердиславъ опять былъ объявленъ посадникомъ, а Якунъ тысяцкимъ, Семенъ же Борисовичъ и Семьюнъ Еминъ лишены должностей, данныхъ имъ Суздальцинцами.

Но недолго торжествовалъ и Твердиславъ съ народною партіею. На другой (1220) годъ, князь Всеволодъ, по своимъ дѣламъ, ѣздилъ въ Смоленскъ и на возвратномъ пути заѣзжалъ въ Торжокъ, это тогдашнее гнѣздо Суздальцинцовъ, гдѣ, по всему вѣроятію, сошелся съ Суздальцинцами, и возвратясь въ Новгородъ, началъ искать головы посадника Твердислава, щитая его опаснымъ для себя врагомъ, какъ постояннаго защитника вольностей Новгородскихъ и упорнаго противника Суздальцинцамъ. Но Всеволодъ вовсе не умѣлъ повести этого, вообще не легкаго, дѣла; онъ, зная изъ опыта своего брата Святослава, что вѣче не откажетъ Твердиславу отъ посадничества, придумалъ съ своими сторонниками силою напасть на любимаго народомъ посадника и убить его; это ему тѣмъ болѣе казалось удобнымъ, что Твердиславъ тогда былъ боленъ и лежалъ въ постелѣ. Принявши такой планъ, Всеволодъ со всею своею дружиною, въ полномъ вооруженіи, приготовясь какъ бы на рать, выступилъ изъ Городища, этого обычнаго княжаго мѣстопребыванія въ Новгородѣ, и такимъ образомъ всту-

пилъ на Ярославль дворъ, это законное мѣсто Новгородскаго вѣча. Но вмѣсто вѣча, онъ тамъ нашелъ только своихъ вооруженныхъ сторонниковъ Суздальцинцовъ, которые тутъ же соединились съ нимъ и стали полкомъ на княжескомъ дворѣ. Больный же Твердиславъ приказалъ везти себя въ саняхъ къ церкви Бориса и Глѣба, гдѣ немедленно собрались около его Людинъ конецъ, Прусы и Загородцы, составлявшіе народную партію, и въ полномъ оружіи стали стройными пятью полками около больнаго своего предводителя, приготовившись защищать его во чтобы то ни стало. Но до битвы дѣло не дошло; ибо князь, увидавши, что народная партія очень сильна и рѣшилась крѣпко постоять за свое дѣло, не осмѣлился выступить изъ своего двора, а выслалъ для переговоровъ Суздальщинца архіепископа Митрофана. Этотъ хитрый старецъ такъ ловко умѣлъ обдѣлать княжее порученіе, что незамѣтно далъ такой перевѣсъ Суздальщинской партіи, какого она никакимъ образомъ не могла бы добыть оружіемъ. Митрофанъ, пользуясь саномъ духовнаго пастыря всѣхъ Новгородцовъ, объявилъ собранному народу, что князь соглашается на все доброе и подтвердитъ свои обѣщанія крестнымъ цѣлованіемъ, и что самъ онъ, какъ пастырь церковный, прежде всего заботится о христіанской любви и примиреніи всѣхъ гражданъ. Противъ такихъ рѣчей архипастыря спорить было не кому; народная партія всегда искала мира, а предводитель ея, больный Твердиславъ, уже охладѣлъ къ тревогамъ земной жизни, и помышлялъ

о жизни загробной, какъ предстать суду Божію. Все это стараніями Митрофана дало такой оборотъ дѣлу, что партіи примирились; князь и Твердиславъ сошлись и цѣловали другъ другу крестъ; и тутъ же, по болѣзни, Твердиславъ отказался отъ посадничества и, чувствуя себя все слабѣе и слабѣе, черезъ семь недѣль, тайно отъ жены и семейства, удалился въ Аркадіевъ монастырь и постригся въ монахи. Миръ, устроенный Митрофаномъ и удаленіе Твердислава, подняли Суздальщинскую партію, и она на первый разъ заявила свою силу тѣмъ, что на мѣсто удалившагося Твердислава, выбрала въ посадники Иванка Дмитровича, Якунова внука, а на другой годъ показала путь и самому князю Всеволоду. Народное вѣче, въ 1221 году, подговоренное Суздальщинцами, прямо сказало Всеволоду: „Княже! мы тебя не желаемъ, иди куда хочешь“. И Всеволодъ, непмѣя опоры въ народной партіи за вражду противъ Твердислава, удалился къ своему отцу въ Кіевъ.

Князь Всеволодъ Юрьевичъ.

Суздальщинцы, удаливъ Всеволода Мстиславича, естественно должны были обратиться за княземъ въ Суздальскую землю; но притѣсненія, которыя вытерпѣлъ народъ отъ Ярослава, были еще такъ памятны для Новгорода, что нелегко было убѣдить Новгородцовъ, чтобы они согласились искать себѣ князя въ Суздальской землѣ. А посему только на другой годъ архіепископъ Митрофанъ и посадникъ Иванко Дмитровичъ съ старѣйшими мужами были отправлены во Владимиръ Суздальскій къ та-

мошнему князю Юрію Всеволодовичу просить у него сына въ князья Новгородскіе. Юрій, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ ихъ съ честію, одарилъ богатыми дарами и отпустилъ съ ними своего сына Всеволода на всей воли Новгородской, а въ слѣдъ за тѣмъ прислалъ своего брата Святослава съ помощными полками для войны въ Ливоніи. Новгородцы были очень довольны Всеволодомъ и миромъ съ Суздальскою землею, который имъ былъ необходимъ для торговли съ Востокомъ. Но Юрій вовсе не думалъ помогать развитію Новгородской торговли, а напротивъ имѣлъ желаніе сколько возможно тѣснить Новгородъ, чтобы совершенно подчинить его Суздальской землѣ; а по сему Всеволодъ, по его тайному приказу, не проживъ и года, ночью ушелъ изъ Новгорода со всѣмъ своимъ дворомъ. Новгородцы, крайне опечаленные удаленіемъ Всеволода, отправили новое посольство къ Юрію, конечно по настоянію Суздальщинской партіи, это посольство отъ имени Новгорода сказано Юрію: „ежели тебѣ неугодно держать Новгорода сыномъ, а дай намъ своего брата“. Юрій не противорѣчилъ этой просьбѣ и отпустилъ къ Новгородцамъ на всей ихъ воли, ихъ прежняго князя Ярослава Переяславскаго.

Ярославъ Всеволодовичъ.

Торжествующая Суздальщинская партія съ радостію приняла Ярослава, своего прежняго покровителя; но Ярославъ былъ недоволенъ тѣмъ, что его припяли княземъ на всей воли Новгородской, ему хотѣлось княжить въ Новгородѣ на своей во-

ли, также какъ въ Переяславлѣ. А посему онъ, сдѣлавъ два похода на Литву и Чудь, и выбравши на мѣсто умершаго Митрофана въ архіепископы черпеца Хутынскаго монастыря Арсенія, уѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Переяславль. Новгородцы, руководимые Суздальщинскою партіею, снова отправили посольство къ Юрію Владимирскому просить, чтобы опъ прислалъ къ нимъ своего сына; и Юрій опять прислалъ Всеволода.

Всеволодъ опять.

Но Всеволодъ на этотъ разъ пріѣхалъ въ Новгородъ (1224 г.) не за тѣмъ, кажется, чтобы княжить тамъ въ любви и согласіи съ Новгородомъ, а за тѣмъ только, чтобы высмотрѣть положеніе Новгородскихъ партій и условиться съ Суздальщинцами; а посему вскорѣ по пріѣздѣ тайно ночью ушелъ со всѣмъ своимъ дворомъ въ Торжекъ, чтобы оттуда морить Новгородцовъ голодомъ, подобно тому, какъ это дѣлалъ десять лѣтъ назадъ дядя его Ярославъ. Тайное удаленіе Всеволода въ Торжекъ, очевидно, было сдѣлано по напередъ заготовленному плану и по приказу Юрія; ибо въ слѣдъ за Всеволодомъ пришли въ Торжекъ съ своими полками самъ Юрій, братъ его Ярославъ Переяславскій, племянникъ Василько Ростовскій и шуринъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій. Новгородцы, услыхавши о такой сильной рати, отправили къ Юрію двухъ мужей съ просьбою, чтобы отпустилъ Всеволода въ Новгородъ, а самъ вышелъ изъ Торжка. Юрій, ращитывая на свою партію въ Новгородѣ, далъ такой отвѣтъ посламъ: „выдайте мнѣ моихъ

противниковъ (конечно предводителей народной партіи) Якима Иванковича, Никифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Нѣздилу Савиновича и Вячерадка; не выдадите ли, а я поилъ есмь кони Тхверью, а еще Волховомъ напою". Такой гордый отвѣтъ, конечно, данъ былъ съ разчетомъ запугать Новгородцовъ; но дѣло вышло наоборотъ. Новгородцы, вмѣсто того, чтобы сробѣть отъ такаго отвѣта, опомнились, прекратили всѣ внутренніе раздоры, забыли о партіяхъ и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поклялись умереть за св. Софію и Великій Новгородъ Опасность явилась столь близкою, что даже Суздальщинцы замолкли и пресоединились къ народной партіи; любовь къ родинѣ еще такъ была велика, что передъ ней изчезали всѣ другіе разчеты. Посадникъ Иванко Дмитровичъ, потомокъ знаменитаго Мирослава Гюрятинича, перваго выборнаго посадника въ Новгородѣ, принялся за укрѣпленіе города, немедленно были собраны войска со всѣхъ волостей, засѣкли дороги и выставили на нихъ сторожевые отряды; а къ Юрію послали сказать: „княже! кланяемтися, а братьи своей невыдаванмъ, а крови не проливай, пока ли твой мечъ, а наши головы". Юрій, узнавши о томъ, что Новгородцы поклялись умереть за свою свободу, и боясь потерпѣть такое же пораженіе, какое лѣтъ 16-ть тому назадъ потерпѣлъ на Липецкомъ бою, умѣрилъ свою надмѣнность, отправилъ съ Новгородскими послами своихъ мужей и Михаилова тысяцкаго Романа, и велѣлъ сказать Новгородцамъ: „возмите у

меня въ князья шурина моего Михаила". Новгородцы согласились на это и прислали своихъ мужей за Михаиломъ; а Юрій съ своими союзниками, скрѣпя сердце, вышелъ изъ Торжка, и на возвратномъ пути въ свою землю съ досады много надѣлалъ опустошеній въ Новгородской области и взялъ съ самаго Новгорода 7000 рублей окупа.

Князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій.

Новгородцы съ радостію приняли своего новаго князя Михаила Всеволодовича, да и было чему радоваться, онъ былъ истый Новгородскій князь; по словамъ лѣтописи, „при немъ было легко по волости Новгороду". Онъ прежде всего уничтожилъ всѣ пововведенія и налоги, введенные передъ тѣмъ Суздальскими князьями, и началъ княжить такъ, какъ желательно было Новгородцамъ, какъ требовали ихъ изконные уставы. Мало этаго, онъ въ тотъ же (1225) годъ, какъ прибылъ въ Новгородъ, поѣхалъ съ Новгородскими мужами къ Юрію Владимирскому ходатайствовать о возвращеніи товаровъ и плѣнниковъ, захваченныхъ Юріемъ въ Торжкѣ и другихъ Новгородскихъ владѣніяхъ; и такъ успѣлъ въ своемъ ходатайствѣ, что Юрій возвратилъ все захваченное имъ во время послѣдней ссоры съ Новгородцами. Но недолго любимый князь княжилъ въ Новгородѣ, дѣла роднаго юга отзывали его въ Черниговъ; и онъ, возвратясь отъ Юрія, собралъ вѣче и сказалъ Новгородцамъ: „не хочу у васъ княжить, иду въ Черниговъ, гостей ко мнѣ пускайте, а ваша земля также какъ и моя". Новгородцы умаливали его остаться, но не могли умолить и проводили съ честію .

Оставшись безъ князя, Новгородцы опять обратились къ Юріеву брату Ярославу Переяславскому и отправили къ нему посольство въ Переяславль; а между тѣмъ выбраннаго прежде Суздальцинцами въ архіепископы инока Арсенія принудили удалиться въ Хутынь монастырь, а на владычень дворъ ввели любимаго народомъ прежняго архіепископа Антонія, шесть лѣтъ тому назадъ удаленнаго Суздальцинцами, а теперь только что возвратившагося въ Новгородъ изъ Перемышля. Очевидно, что не смотря на приглашеніе князя изъ Суздальской земли, Суздальцинская партія была еще не очень сильна въ Новгородѣ; но Ярославъ, прибывши по приглашенію, скоро поправилъ дѣла своей партіи, и послѣ двухъ удачныхъ походовъ на Емь и Липовцовъ, грабившихъ около Торжка, такъ усилилъ Суздальцинскую партію, что народный любимецъ архіепископъ Антоній, не дожидаясь изгнанія, самъ оставилъ владычень дворъ и удалился въ Хутынь монастырь, а Суздальцинцы опять возвели на владычень дворъ Ярославова избранника инока Арсенія. Впрочемъ и народная партія недумала еще уступить своимъ противникамъ, неимѣя возможности явно дѣйствовать въ самомъ Новгородѣ, предводители народной партіи съ нѣкоторыми изъ своихъ сторонниковъ удалились во Псковъ, чтобы тамъ не на виду у своихъ противниковъ собраться съ силами, и оттуда уже дѣйствовать на самый Новгородъ, гдѣ конечно еще много оставалось сочувствующихъ ихъ дѣлу.

Князь Ярославъ Всеволодовичъ.

Ярославъ, провѣдавши о такомъ замыслѣ, поспѣшилъ было съ посадникомъ Ивапкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ во Псковъ; но Псковичи, увѣдомленные объ этомъ изъ Новгорода, заперли передъ нимъ ворота и онъ, простоявъ нѣсколько дней на Дубровнѣ, принужденъ былъ воротиться назадъ. Воротившись въ Новгородъ, Ярославъ созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ (1228 г.) и началъ жаловаться народу, что Псковичи его обезчестили, что онъ вовсе немыслилъ на нихъ зла, а напротивъ везъ имъ въ коробьяхъ дары, паволоки и овощь; но жалоба эта не имѣла успѣха, вѣче не сдѣлало никакого разпоряженія въ пользу князя. Тогда Ярославъ придумалъ повести дѣло иначе, онъ вызвалъ къ себѣ полки изъ Переяславля и сказалъ народу, что хочетъ идти на Ригу. Прибытіе Переяславскихъ полковъ и квартированіе ихъ лагеремъ около городища и по дворамъ на Славянской улицѣ произвело большую дороговизну на съѣстные припасы и тѣмъ раздражило народъ. А между тѣмъ Псковичи, главные противники Ярослава, получивши изъ Новгорода вѣсть о прибытіи Переяславскихъ полковъ, и зная, что полки сіи собраны собственно противъ нихъ, заключили съ Ригою миръ и союзъ отдѣльно отъ Новгорода, взаимно обязались помогать другъ другу и дали заложниковъ. Ярославъ, видя тайное неразположеніе къ себѣ Новгородцовъ и явное вооруженіе Псковичей, продолжалъ хитрить и отправилъ во Псковъ посольство съ такими рѣчьми: „поидите со мною на путь (на

Ригу), а я зла на васъ не мыслилъ ни котораго, и выдайте мнѣ тѣхъ, которые оклеветали меня передъ вами". Въ отвѣтъ на Ярославово посольство Псковичи сами отправили къ нему посломъ одного Гречина, который по наказу отъ лица всѣхъ Псковичей сказалъ Ярославу и Новгородцамъ: „кланяемся тебѣ, князь, и своей братьи Новгородцамъ, а въ походъ нейдемъ и братьи своей не выдаемъ, съ Рижанами мы взяли миръ и изъ за васъ нарушать его не хотимъ. Вы уже не разъ насъ выдавали: ходили къ Колываню и взяли съ Колыванцевъ серебро, и сами ушли не взявши города и непомирившись путемъ съ Колыванцами; были также у Кеси и у Медвѣжей Головы, много повоевали и пограбили и ушли домой съ богатою добычею, не сотворивши мира; а нашу братью побили за то на озерѣ, а иныхъ увели въ плѣнъ, вы же задравши ушли прочь и оставили насъ однихъ. Или вы что удумали на насъ? то мы противъ васъ со св. Богородицею и съ поклономъ, уже лучше вы изсѣките насъ и возмите нашихъ женъ и дѣтей, а не выдайте поганымъ, въ томъ вамъ кланяемся". Выслушавши эту рѣчь Псковскаго посла, Новгородцы наотрѣзъ отказали Ярославу въ походѣ на Ригу: „нейдемъ на Ригу безъ своей братьи Псковичей, отвѣчало вѣче, а тебѣ, князь, кланяемся". Видя неудачу, Ярославъ отпустилъ Переяславскіе полки домой, а въ слѣдъ за ними и самъ съ своею женою ушелъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Ѳеодо-

ра и Александра съ бояриномъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ и тіуномъ Якимомъ.

Ярославъ своимъ отъѣздомъ думалъ смутить Новгородцовъ, онъ ждалъ, что въ слѣдъ за нимъ начнутся въ Новгородѣ безпорядки и смятенія и Новгородцы сами поклонятся ему. И дѣйствительно ожиданія Ярослава частію сбылись, смятенія начались, но только не въ его пользу. Съ Успеньева дни были страшные дожди, продолжавшіеся до Николина дня зимняго, такъ что не было ни одного яснаго дня и нельзя было ни собрать сѣна, ни обработывать нивъ. И простой народъ зашумѣлъ и собралъ вѣче; но это вѣче собралось на Суздальщинцовъ, Ярославовыхъ сторонниковъ, и на перваго изъ нихъ инока Арсенія, избраннаго Ярославовою партіею въ архіепископы. Прямо съ вѣча народъ отправился на владычень дворъ, толпа завопила: „изъ за него такъ долго стоитъ тепло, онъ выпроводилъ владыку Антонія въ Хутынь монастырь и самъ сѣлъ на владычнемъ столѣ, давши мзду князю“. Арсеній едва успѣлъ скрыться въ церкви св. Софіи, его чуть неубили, толкая въ шею за воротъ; и на другой день торжественно ввели Антонія на владычень дворъ, и по немощи посадили къ нему двухъ помощниковъ Якуна Моисѣевича и Никифора Щитника. Арсенія же отправили па Хутынь. Управившись съ Арсеніемъ. народная партія принялась за другихъ сторонниковъ Ярославовыхъ. Снова собралось вѣче. возсталъ весь городъ, и прямо съ вѣча въ оружіи пошли на ты-

сяцкаго Вячеслава и разграбили его домъ и домы другихъ Ярославовыхъ пріятелей, Вячеславова брата Богуслава, владычня стольника Андрея, Софійскаго стольника Давыдки и Судимира; и потомъ послали грабить домъ Лиьскаго старосты Душильца, а самаго повѣсить. Но и тѣмъ дѣло не кончилось, общій мятежъ еще только разгарался; Суздальцинцы недумали оставаться безгласными жертвами, они также успѣли вооружиться и укрѣпиться въ своихъ улицахъ на торговой сторонѣ. Но страшное наводненіе 8-го декабря разнесло Волховскій мостъ, и такимъ образомъ раздѣлило враждующія стороны, и мятежъ по неволѣ улегся. Торжествующая народная партія отняла тысяцкое у Вячеслава и дала своему стороннику Борису Негочевичу, а къ Ярославу отъ лица всего Новгорода послала сказать: „поѣзжай къ намъ, княже, но напередъ откажись отъ всѣхъ повинъ, которыя ты затѣялъ, преступивъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, не посылай своихъ судей по волостямъ, на всей нашей воли и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь. А ежели не такъ, то ты себѣ, а мы себѣ“. Въ отвѣтъ на это Ярославовы намѣстники Ѳедоръ Даниловичъ и тіунъ Якимъ. конечно по приказу князя, тайно ночью бѣжали изъ Новгорода и увезли съ собою малолѣтныхъ княжичей Ѳеодора и Александра. И тѣмъ кончилось на этотъ разъ княженіе Ярослава въ Новгородѣ, продолжавшееся слишкомъ три года

Князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій.

На утро послѣ бѣгства княжичей собралось вѣче, и на этомъ вѣчѣ разсудили: „должно быть князь задумалъ какое нибудь зло на св. Софію, и отъ того побѣжалъ, а мы ихъ не гнали и князю не сдѣлали никакого зла, казнили только свою братью; да судитъ имъ въ томъ Богъ и честный крестъ, а мы промыслимъ себѣ князя“. И тутъ же на вѣчѣ всѣмъ міромъ цѣловали икону св. Богородицы, чтобы быть всѣмъ заодно, и послали въ Черниговъ за княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ Хота Станимировича и Гаврилу съ Лубяницы. Это посольство перехватилъ князь Смоленскій, по просьбѣ Ярослава занявшій всѣ дороги изъ Новгорода; впрочемъ Михаилъ, бывшій тогда на Брыни, какъ то провѣдалъ, что Новгородскіе послы перехвачены въ Смоленскѣ, и не дожидаясь новаго приглашенія, наскоро примчался въ Торжокъ на вербное воскресенье (1229 года), а въ концѣ Ѳоминой недѣли прибылъ въ Новгородъ и цѣловалъ крестъ народу, — княжить на всей воли Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ. Михаилъ принесъ съ собою миръ и тишину, которыхъ уже давно не было въ Новгородѣ, смущеномъ происками Суздальщинской партіи, состоявшей подъ покровительствомъ Ярослава. Милосердуя къ крестьянамъ, Михаилъ возобновилъ старый законъ, чтобы крестьяне, перешедшіе на новую землю, пять лѣтъ были свободны отъ платежа даней, а платили бы только тѣ, которые живутъ на старой землѣ, какъ установили прежніе князи. Съ прибытіемъ Михаила Новгородцы, т. е. народная партія, тог-

да господствовавшая, принялась за своихъ противниковъ Суздальщинцовъ, пріятелей Ярослава, впрочемъ не прибѣгая ни къ мятежу, ни къ грабительству; ибо пріятели Ярослава безъ шума, мирно, по приговору вѣча были обложены особымъ поборомъ на построеніе моста черезъ Волховъ, который въ прошедшемъ году былъ разрушенъ наводненіемъ, и въ тоже время, можетъ быть по приговору того же вѣча, отняли посадничество у Иванка Дмитровича и передали Впѣзду Водовику, кажется по желанію князя Михаила, а Иванку дали Торжокъ. Потомъ князь Михаилъ Всеволодовичъ, по совѣту съ вѣчемъ, приступилъ къ избранію архіепископа; ибо любимый народомъ владыка Антоній былъ очень старъ и боленъ, и уже лишился языка. Избраніе новаго архіепископа было сдѣлано по старымъ Новгородскимъ порядкамъ; сперва были избраны три кандидата, потомъ имена трехъ избранныхъ, написавши на жеребьяхъ, положили на св. трапезу въ храмѣ Софіи, и послали Михаилова сына, княжича Ростислава, вынуть жеребій, и вынулся жеребій Спиридона, чернеца Юрьева монастыря, котораго и посадили на владычнемъ дворѣ.

Вскорѣ по избраніи архіепископа князь Михаилъ Всеволодовичъ пошелъ въ Черниговъ и взялъ съ собою шесть человѣкъ знатныхъ Новгородцовъ, какъ бы въ залогъ вѣрности всѣхъ гражданъ, а въ Новгородѣ оставилъ своего малолѣтняго сына Ростислава. На прощаньи Михаилъ сказалъ народу: „Дай Богъ мнѣ исправить правду Новгородскую и по-

томъ взять отъ васъ сына". Исправить Новгородскую правду въ настоящей рѣчи Михаила значило,— раздѣлаться съ Ярославомъ, который еще не давалъ мира Новгороду. Чтобы исправить эту Новгородскую правду, Михаилъ тутъ же съ вѣча отправилъ къ Ярославу посланниковъ Нѣздилу Прокшинича и Иванка Тудоровича, которые, пріѣхавши въ Переяславль, отъ имени Новгорода и князя сказали Ярославу: „отступися Волока и что взялъ силою въ Новѣгородѣ, и цѣлуй на томъ крестъ". Ярославъ съ насмѣшкою отвѣчалъ на это: „я не отступаюсь отъ того, чѣмъ завладѣлъ, и креста не цѣлую, а вы сами по себѣ и я самъ по себѣ", и задержалъ пословъ цѣлое лѣто. Такимъ образомъ Михайлово и Новгородское посольство не удалось и для возстановленія Новгородской правды слѣдовало начать войну съ Ярославомъ; но Михаилу было вовсе не до войны съ Ярославомъ за Новгородъ, у него уже началась война съ Мономаховичами Кіевскими и Смоленскими изъ за роднаго Чернигова. А по сему хотя онъ въ слѣдующемъ 1230 году и пріѣзжалъ на короткое время въ Новгородъ и обѣщалъ Новгородцамъ осенью ко дню воздвиженія честнаго креста явиться съ Черниговскими полками и идти вмѣстѣ на Ярослава, и требовать у него мира и Новгородской правды; но Черниговскія дѣла къ тому времени такъ запутались, что ему нельзя было и подумать объ исполненіи обѣщаннаго похода.

Между тѣмъ въ слѣдъ за отъѣздомъ Михаила въ Новгородѣ начались мятежи и ссоры. Суздальщинцы, сдерживаемые прежде присутствіемъ князя, теперь зашумѣли и стали волновать народъ. Дѣло началось ссорою Степана Твердиславича и Иванка Тимошкинича съ посадникомъ Водовикомъ. На первый разъ посадничьи слуги побили Иванка на Городищѣ; а на другой день Иванко собралъ вѣче изъ своихъ сторонниковъ на Ярославовомъ дворѣ, и прямо съ вѣча съ своими пріятелями пошелъ и разграбилъ дворъ посадника; съ своей стороны посадникъ Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ подняли весь городъ на Иванка и Якима Влунковича и другихъ Суздальщинцовъ, и прямо съ вѣча пошли грабить ихъ дворы, сожгли дворъ Прокши Лашнева, а Якимъ Влунковичъ убѣжалъ къ Ярославу, другіе же попрятались, но потомъ опять были захвачены и по приведеніи къ присягѣ отпущены; впрочемъ Водовикъ опять схватилъ Иванка Тимошкинича и приказалъ утопить въ Волховѣ, а еще прежде по приказу посадника на самомъ вѣчѣ убили Волоса Блуткинича, хотѣвшаго жечь Водовиковъ дворъ. Но эта рѣзня и грабежъ не усмирили Суздальщинцовъ, а только болѣе озлобили ихъ; къ тому же появилось новое страшное бѣдствіе,—голодъ со всѣми своими ужасами. Морозъ, бывшій на праздникъ воздвиженія честнаго креста, побилъ весь хлѣбъ и стали покупать кадь ржи по 20 и 25 гривенъ кунами; такая дороговизна заставила многихъ бѣдняковъ разбѣжаться по другимъ городамъ, а остав-

шіеся умирали голодною смертію; такъ что трупы валялись по улицамъ и собаки грызли младенцевъ. Архіепископъ Спиридонъ на свои деньги построилъ скудельницу и приказалъ одному честному мужу иконнику Станилѣ ѣздить по городу, собирать мертвецовъ и хоронить въ скудельницѣ, въ которую скоро натаскали 3030 труповъ и наполнили ее до верха. Княжичъ Ростиславъ въ посадникомъ Водовикомъ 8-го декабря уѣхали въ Торжокъ, а на другой день Суздальщинцы начали мятежъ, убили Водовикова пріятеля Семена Борисовича, разграбили его домъ и села и захватили жену, потомъ разграбили дворы и села Водовика, его брата Михаля, Даньслава, Бориса тысяцкаго, Творимирича и много иныхъ дворовъ. Посадникъ Водовикъ, услыхавши о Новгородскомъ мятежѣ, бѣжалъ съ своею братіею прямо изъ Торжка въ Черниговъ, туда же пустились и тысяцкій Борисъ съ Новоторжцами своей партіи; а Суздальщинцы въ Новѣгородѣ дали посадничество и тысяцкое своимъ предводителямъ Степану Твердиславичу и Никитѣ Петриловичу, имѣніе же Водовика и Семена Борисовича роздали чернымъ людямъ по сотнямъ въ раздѣлъ, что бы ихъ привлечь на свою сторону, и въ слѣдъ за тѣмъ отказали княжичу Ростиславу и, отпуская его къ отцу въ Черниговъ, сказали: „отецъ твой далъ слово и крестъ цѣловалъ сѣсть на конь и идти на войну съ Здвиженья, а се уже Николинъ день; съ насъ крестное цѣлованье, а ты поди прочь, мы себѣ князя промыслимъ“. И послали звать Ярослава Переяславскаго на всей воли Новгородской.

Ярославъ по зову своей партіи, конечно отъ лица всего Новгорода, не замедлилъ явиться и 30 декабря 1230 года былъ уже въ Новгородѣ, и собравъ вѣче, цѣловалъ икону св. Богородицы на томъ, что будетъ княжить на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, т. е. по старымъ Новгородскимъ обычаямъ; но это было только на словахъ, чтобы успокоить народъ, на дѣлѣ же онъ и не думалъ слѣдовать Новгородскимъ обычаямъ и, проживъ въ Новгородѣ только двѣ недѣли, уѣхалъ въ свой Переяславль и увезъ съ собою лучшихъ мужей, представителей народной партіи, которыхъ считалъ опасными для своей власти, а въ Новгородѣ оставилъ своихъ сыновей Ѳеодора и Александра. Между тѣмъ какъ богачи и сильные люди спорили между собою, возмущали черныхъ людей, производили грабежи и убійства и мѣняли князей, бѣдный народъ погибалъ отъ голода, хлѣбъ день отъ дня все дорожалъ и дошелъ до небывалой цѣны по гривнѣ серебра (около фунта) за четверть ржи; подвоза ни откуда не было. Ярославъ, чтобы въ конецъ ослабить и смирить Новгородъ, задерживалъ всѣ обозы, идущіе въ Новгородъ. Нещастные бѣдняки уже пріѣли мохъ, липовую и сосновую кору и листъ, конину, псину и кошекъ, и обезумѣвъ съ отчаянія и голода, принялись ѣсть валяющіеся по улицамъ человѣческіе трупы, а иные стали рѣзать и пожирать живыхъ людей. Лѣтопись говоритъ, что поймапныхъ въ этомъ страшномъ звѣрствѣ иныхъ жгли огнемъ, другихъ вѣшали, инымъ отрубали головы. Скудельница, по-

Князь Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій.

Страшный голодъ.

строенная Спиридономъ, давно уже была наполнена трупами, построили еще двѣ скудельницы и тѣ набили биткомъ безъ счету, и за тѣмъ еще множество труповъ валялось по улицамъ, площадямъ и на мосту. Отцы и матери продавали дѣтей въ рабство пріѣзжимъ купцамъ, только бы добыть хлѣба. Лѣтописецъ говоритъ, что люди въ отчаяніи потеряли всякое человѣческое чувство, изъ за хлѣба рѣзались другъ съ другомъ, даже отцы и матери не дѣлились добытымъ хлѣбомъ съ дѣтьми и безсмысленно смотрѣли, какъ дѣти умирали съ голода. Но мало этого, къ бѣдствіямъ голода присоединилось бѣдствіе пожара, который не пощадилъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Въ началѣ слѣдующаго 1231) года погорѣлъ весь Славенскій конецъ, пожаръ такъ былъ силенъ, что огонь перелеталъ даже черезъ Волховъ, и въ этомъ пожарѣ погибло множество людей. Наконецъ чаша бѣдствій переполнилась, съ раннею весною Нѣмцы пришлыли моремъ и привезли жита и муки, и тѣмъ спасли Новгородъ отъ конечной погибели. Но Ярославъ думалъ только о себѣ и нимало не заботился о Новгородцахъ, онъ не смотря на всѣ только что миновавшія бѣдствія, осенью же 1231 года приказалъ имъ собираться на войну противъ Михаила Черниговскаго. Впрочемъ ни Новгородцы, ни Переяславцы, приведенные Ярославомъ, не дошли до Чернигова, но сжегши Шеренскъ и даромъ простоявши подъ Мосальскомъ, разошлись по домамъ,—Новгороды въ Новгородъ, а Ярославъ съ Переяславцами въ Переяславь, страшно разгра-

бивъ тамошнюю страну и не помирившись съ Михаиломъ.

Между тѣмъ, не смотря на успѣхи Суздальцицовъ и страшное угнетеніе Новгорода, народная партія не совсѣмъ еще пала, предводители ея, большею частію удалившіеся къ Михаилу въ Черниговъ, еще не отчаявались въ своемъ дѣлѣ и, разсчитывая на страшное угнетеніе народа, думали, что стоитъ только сыскать князя, который бы согласился идти въ Новгородъ, то Новгородцы единодушно возстанутъ на Суздальщинцовъ и вѣче откажетъ Ярославу. Особенно горячо хлопотали объ этомъ: проживавшій въ Черниговѣ сынъ бывшаго посадника Водовика, Петръ Водовиковичъ, Борисъ Нѣгоцевичъ, Михаль съ братомъ, Глѣбъ, братъ Семена Борисовича, убитаго Суздальщинцами, и Миша; они, уговоривъ идти съ собою князя Трубчевскаго Святослава, въ 1232 году, на четвертой недѣлѣ великаго поста, отправились въ Новгородъ и пришли уже въ село Бунце, принадлежавшее Юрьеву монастырю. Но Святославъ, видя, что его прибытіе не производитъ волненія въ народѣ, что изъ Новгорода не бѣгутъ встрѣчать его, догадался, что приглашатели обманулись, и чтобы не попасться въ руки слугъ Ярославовыхъ, воротился назадъ. Петръ же Водовиковичъ, съ товарищами, разсчитывая на нелюбовь Псковичей къ Ярославу, убѣжали во Псковъ и не обманулись въ своемъ разсчетѣ. Лишь только они явились во Псковѣ, какъ тамошняя народная партія возстала на Ярославова намѣстника

Вячеслава, схватила его и бивши заковала въ цѣпи, потомъ отправила тайно нѣсколько Псковичей въ Новгородъ для возмущенія народа; и черный народъ, недовольный Ярославомъ, пользуясь его отсутствіемъ, дѣйствительно зашумѣлъ, лѣтопись говоритъ: „въ Новгородѣ бысть мятежъ великъ“. Впрочемъ дѣятельный Ярославъ успѣлъ пріѣхать въ пору изъ Переяславля, переловилъ возмутителей, присланныхъ изъ Пскова, и засадилъ ихъ подъ стражу на Городищѣ въ гридницѣ, а во Псковъ послалъ требованіе, чтобы отпустили его намѣстника Вячеслава и выпроводили отъ себя Петра Водовиковича съ товарищами. Но Псковичи не думали повиноваться Ярославову приказанію, и рѣшившись крѣпко защищать Водовиковича и его товарищей, отвѣчали Ярославу и Суздальцицамъ: „пришлите къ намъ женъ и имѣніе Водовиковича и его товарищей, а мы отпустимъ Вячеслава, или вы себѣ, а мы себѣ“. Ярославъ на это не отвѣчалъ ни слова, и думая усмирить Псковичей голодомъ, приказалъ перехватывать всѣ обозы, идущіе во Псковъ, и такъ прошло цѣлое лѣто. Во Псковѣ отъ этого страшно вздорожала соль; Псковичи въ крайности отпустили Ярославова намѣстника Вячеслава; а Ярославъ молча отпустилъ во Псковъ женъ Бориса Нѣгоцевича, Глѣба Борисовича и Миши, но о мирѣ не сказалъ ни слова и продолжалъ задерживать обозы, идущіе во Псковъ. Наконецъ зимою Псковичи поклонились Ярославу, отправили къ нему посольство въ Новгородъ и, назвавши его своимъ княземъ, про-

сили, чтобы прислалъ къ нимъ своего сына Ѳедора; но онъ Ѳедора не далъ, а послалъ во Псковъ своего шурина Юрія. Съ прибытіемъ этого князя Псковичи выпроводили отъ себя Петра Водовиковича и его товарищей; и такимъ образомъ надежда народной партіи на Псковъ рушилась.

Но Борисъ Нѣгоцевичъ, Петръ Водовиковичъ и ихъ товарищи еще не отчаявались въ своемъ дѣлѣ; и ихъ партія, хотя скрытно, еще существовала въ Новгородѣ. Выпровоженные изъ Пскова, они удалились къ Нѣмцамъ въ Медвѣжью Голову; тамъ въ это время княжилъ отъ имени Нѣмцевъ князь Ярославъ, сынъ покойнаго Псковскаго князя Владимира Мстиславича, къ нему-то прибѣгли Борисъ Нѣгоцевичъ съ товарищами и объявили его своимъ княземъ. Ярославъ Владимировичъ, по ихъ просьбѣ, вмѣстѣ съ Нѣмцами нечаянно захватилъ Изборскъ; но Псковичи не дали ему утвердиться въ новозанятомъ городѣ, напали на него и самого взяли въ плѣнъ, прочіе же разбѣжались, впрочемъ во время бѣгства многіе были переловлены и отданы Ярославу, который отправилъ ихъ въ Переяславль въ заточеніе. Такимъ образомъ и эта попытка народной партіи не удалась; впрочемъ упорные предводители недовольныхъ еще не отступились отъ своего потерянаго дѣла, не смотря на постоянныя неудачи. Они вмѣстѣ съ Нѣмцами стали тревожить границы Новгородскія, и во время отсутствія Ярослава успѣли захватить въ Тесовѣ знатнаго Суздальщинца Кирилла Синкинича и отправили въ цѣпяхъ въ Мед-

вѣжью голову, и такъ прошло цѣлое лѣто 1233 г. Наконецъ зимою пришелъ Ярославъ въ Новгородъ, привелъ съ собою Переяславскіе полки, и на весну слѣдующаго (1234) года съ Новгородскими и Переяславьскими полками отправился на Нѣмцевъ къ Юрьеву (нынѣшнему Дерпту); и на рѣкѣ Амовжѣ разбилъ Нѣмцовъ на голову и опустошилъ ихъ землю. Послѣ чего Нѣмцы поклонились Ярославу и заключили съ нимъ такой миръ, какого ему хотѣлось, и съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и послѣдняя надежда бѣглецовъ Новгородскихъ.

Заключивши выгодный миръ съ Нѣмцами, Ярославъ могъ уже спокойно властвовать въ Новгородской землѣ; можетъ быть въ Новгородѣ были еще недовольные, но они были безсильны и молчали. Лѣтомъ того же (1234) года, Ярославъ еще одержалъ важную побѣду надъ Литовцами, напавшими на Русу. Эта побѣда, очень дешево стоившая Ярославу, еще болѣе утвердила его власть въ Новгородѣ, народъ на возвратномъ пути встрѣчалъ его какъ защитника земли Новгородской. Прожившп мирно еще годъ въ Новгородѣ, Ярославъ въ 1236 году отправился въ Кіевъ для занятія тамошняго престола, а въ Новгородѣ оставилъ княземъ сына своего Александра, и взялъ съ собою знаменитѣйшихъ Новгородцовъ, предводителей Суздальщинской партіи и сто человѣкъ своихъ приверженцевъ изъ Торжка. Это взятіе въ Кіевъ надежнѣйшихъ своихъ приверженцевъ ясно показываетъ, что Ярославъ вполнѣ былъ увѣренъ въ совершенной покор-

Князь Александръ Ярославичъ.

ности Новгорода. И дѣйствительно, преступный союзъ народной партіи съ иновѣрными Нѣмцами очернилъ ее въ глазахъ народа; и каждый честный Новгородецъ щиталъ за лучшее повиноваться Русскому князю Ярославу и держаться его стороны, чѣмъ вступать въ союзъ съ такими бѣглецами, которые приводятъ иновѣрныхъ Нѣмцевъ опустошать Новгородскую землю. Предводители народной партіи не могли и придумать вреднѣйшаго для своего дѣла союза, какъ союзъ съ Нѣмцами, они симъ союзомъ въ конецъ погубили и себя и свое дѣло въ глазахъ народа; такъ что Новгородцы стали ихъ щитать врагами св. Софіи, а Ярослава заступникомъ земли Новгородской.

Такимъ образомъ Новгородъ послѣ упорной и продолжительной борьбы съ князьями Суздальскими, ослабленный внутренними раздорами, голодомъ, моромъ и другими бѣдствіями, палъ окончательно и почти обратился въ простый удѣлъ Ярославова семейства; Ярославъ его отдалъ сыну. а сынъ могъ отдать своему сыну, и можетъ быть уже немного недоставало къ тому, чтобы уничтожить и вѣче и выборныхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Но грозная, нежданная и негаданная буря Монгольскаго нашествія на Русскую землю спасла погибающую независимость Новгорода, обративши вниманіе Суздальскихъ князей на другія болѣе важныя для нихъ дѣла.

Время борьбы Новгорода съ Ярославомъ Всеволодовичемъ Переяславскимъ было также и време-

немъ борьбы Новгородцовъ съ своими сосѣдями на южныхъ и западныхъ границахъ Новгородскихъ владѣній. Съ юго-запада на Новгородскія земли напирала Литва, и на западѣ Ливонскіе Нѣмцы съ Чудью и Финское племя Емь въ Финляндіи, сіе послѣднее кажется не безъ участія Шведовъ, успѣвшихъ уже довольно утвердиться въ тамошнемъ краю.

Войны съ Литвою.

Литовцы въ 1213 году, пользуясь отсутствіемъ Псковичей, бывшихъ на озерѣ, ворвались въ самый Псковъ, и много пожгли строеній, впрочемъ недожидаясь возвращенія Псковичей, поспѣшили убраться домой. Потомъ въ 1217 году Литовскіе грабители пробрались до Шелони, пограбили ее берега; но услышавъ за собою погоню Новгородцовъ, такъ быстро бросились изъ Новгородскихъ владѣній, что Новгородцы неуспѣли нагнать ихъ. Далѣе Литовцы дѣлали набѣги на Новгородскія владѣнія: въ 1223 году отъ Смоленской границы, въ 1224 году на Русу, въ 1225 году на Торжекъ, въ этомъ набѣгѣ Литовцовъ было до 7000 человѣкъ, и они избили множество гостей; въ 1229 году они ограбили Любиѣ, Мореву и Серегеръ, и наконецъ въ 1234 году они ворвались было въ Русу, но сперва разбитые Русанами, а потомъ настигнутые Ярославомъ на Ловати потеряли триста коней и сами частію побиты на мѣстѣ битвы, а частію погибли во время бѣгства. Вообще всѣ Литовскіе набѣги этого времени ограничивались только грабежемъ; и Новгородцы почти всегда успѣвали отражать грабителей и отнимать у нихъ добычу

Войны съ Чудью и Ливонскимъ Орденомъ.

Но не таковы были отношенія Новгородцовъ къ Эстонской Чуди и Ливонскимъ Нѣмцамъ; тамъ нужно было защищать Новгородскія колоніи въ Чудской землѣ, и вообще отбиваться отъ близкихъ сосѣдей непріятелей, которые искали не грабежа только, но и старались разпространить свои владѣнія на счетъ Пскова и Новгорода. Посему Новгородцы въ продолженіе борьбы съ Ярославомъ нѣсколько разъ находили нужнымъ предпринимать походы въ землю Эстонской Чуди. Мы уже видѣли, что Мстиславъ Удалый на другій же годъ по прибытіи въ Новгородъ ходилъ въ Чудскую землю и проникъ до города Медвѣжей Головы, потомъ въ 1214 году ходилъ на Чудь Ереву и изходилъ всю Чудскую землю вдоль и поперекъ до моря, и взялъ съ тамошнихъ Чудскихъ племенъ дань. Далѣе въ 1217 году Новгородцы съ княземъ Владимиромъ Псковскимъ ходили къ Медвѣжей Головѣ и такой навели страхъ на Эстонцовъ, что тѣ пригласили въ помощь себѣ Ливонскихъ Нѣмцовъ; впрочемъ на этотъ разъ и Нѣмцы подверглись одной участи съ Чудью и были разбиты Новгородцами, потеряли трехъ своихъ воеводъ и 700 коней. Но съ сего времени Ливонскіе Нѣмцы стали утверждаться въ землѣ Эстонской Чуди, а въ слѣдъ за Нѣмцами туда же явились и Датчане и выстроили Ревель, первую укрѣпленную Датскую колонію въ этомъ краю, и стали вмѣстѣ съ Нѣмцами крестить Чудь въ Латинскую вѣру. Новгородцы еще нѣсколько времени удачно дѣйствовали противъ Нѣмцовъ и Датчанъ, такъ въ

1223 году они вмѣстѣ съ Ярославомъ ходили къ Колывани (Ревелю) и воротились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ; тѣмъ не менѣе продолжавшаяся борьба Новгорода съ Ярославомъ сильно мѣшала Новгородцамъ заняться дѣлами Эстонской Чуди, гдѣ все болѣе усиливались Нѣмцы, которые въ 1224 году успѣли занять Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, послѣдній Русскій городъ въ Чудской землѣ, и такимъ образомъ совершенно вытѣснили Новгородцовъ изъ Эстоніи. Мало этого Нѣмцы, пользуясь удобнымъ для нихъ случаемъ, вступили въ сношенія съ Новгородскою народною партіею, сильно стѣсненною Ярославомъ и частію удалившеюся во Псковъ, и заключили съ Псковомъ союзъ, обѣщаясь дать Псковичамъ помощь въ случаѣ, ежели Ярославъ съ Новгородцами своей партіи пойдетъ на Псковъ. Исполняя этотъ договоръ въ 1228 году, при слухѣ о походѣ Ярослава, Нѣмцы съ Чудью, Летголою и Ливью дѣйствительно явились на защиту Пскова; но походъ Ярослава, какъ мы уже видѣли, несостоялся по нежеланію Новгородцовъ, и Псковичи отпустили отъ себя Нѣмцовъ и ихъ союзниковъ. Впрочемъ союзъ Пскова съ Нѣмцами былъ непродолжителенъ; Псковичи его заключили только въ крайности и притомъ по настоянію партіи противной Ярославу, по минованіи же опасности, и когда партія противная Ярославу пала въ Новгородѣ именно за союзъ съ Нѣмцами; то и союзъ этотъ рушился и Нѣмцы въ 1233 году захватили было Изборскъ и были выгнаны от-

туда Псковичами. Наконецъ въ 1234 году Ярославъ, окончательно подавивши противную себѣ партію въ Новгородѣ, захотѣлъ раздѣлаться и съ Нѣмцами, онъ собралъ большую рать со всей Новгородской области, привелъ свои полки изъ Переяславля и прямо двинулся къ Юрьеву или Дерпту, и сталъ лагеремъ не подалеку отъ города, часть же войска разпустилъ опустошать страну. Нѣмцы изъ Юрьева и изъ Медвѣжей Головы сдѣлали нападеніе на его лагерь, но были разбиты и преслѣдуемые Новгородцами многіе потонули въ рѣкѣ Амовжѣ и только не многіе израненные успѣли спастись въ Юрьевъ и Медвѣжью Голову. Между тѣмъ ратники, отпущенные Ярославомъ на грабежъ, страшно опустошили страну и Нѣмцы принуждены были заключить миръ, по которому обѣщались платить дань съ Юрьева. Этотъ походъ Ярослава на время страшно разстроилъ дѣла Нѣмцовъ въ Ливоніи, такъ что Ливонскіе рыцари нашли необходимымъ вступить въ подчиненіе Нѣмецкому ордену въ Пруссіи, что и послѣдовало въ 1237 году.

Войны въ Финляндіи и со Шведами.

На сѣверо-западѣ, во все время борьбы съ Ярославомъ, у Новгородцовъ по прежнему были врагами племя Емь, жившее въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи. Походъ Новгородцовъ въ 1191 году, опустошившій и почти уничтожившій колоніи Шведовъ въ Финляндіи, на время обезопасилъ Новгородскія границы въ этомъ краю и около 36 лѣтъ не было и слуху о какихъ либо нападеніяхъ съ этой стороны. Между тѣмъ Шведы, необезпокоиваемые

вновь Новгородцами, мало по малу стали снова укрѣпляться и разпространять свое вліяніе на Финляндцовъ и обращать ихъ въ Латинскую вѣру; туда явился присланный изъ Швеціи епископъ Ѳома, человѣкъ вспыльчивый, жестокій и неуступчивый; онъ съумѣлъ возобновить связи съ Емью и поставить ее въ враждебныя отношенія къ Новгородцамъ. А посему Ярославъ, нѣсколько утвердившись въ Новгородѣ, въ 1227 году, сдѣлалъ нападеніе на землю Еми и опустошивъ ее возвратился въ Новгородъ съ множествомъ плѣнниковъ. Этотъ походъ такъ былъ удаченъ и Новгородцы столько набрали плѣнниковъ, что немогли всѣхъ вести за собою. а часть избили и часть отпустили на свободу. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, Емь въ слѣдующемъ (1228) году на лодкахъ явилась въ Ладожскомъ озерѣ и начала дѣлать опустошенія около Олонца и на Исадахъ, Новгородцы, получивши вѣсть объ этомъ нападеніи, вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ сѣли въ насады и вошли въ Ладожское озеро. Но Емь, награбившись, не думала медлить и пустилась назадъ домой; а посему Ладожскій посадникъ Володиславъ. недожидаясь Новгородцовъ, пустился въ лодьяхъ въ слѣдъ за отступающими грабителями, нагналъ ихъ, и давши битву, на ночь отступилъ на одинъ островъ Емь пыталась было просить у Володислава мира и свободнаго пропуска домой; но не получивши сего, перебила плѣнниковъ, бросила свои лодки и пустилась бѣжать лѣсами, гдѣ и была вся избита Ижерянами и Ко-

рѣлою. такъ что изъ двухъ тысячь вступившихъ въ Ладожское озеро ни одинъ неворотился домой. Между тѣмъ Новгородцы съ Ярославомъ нѣсколько дней стояли на Невѣ, и сколько Ярославъ непобуждалъ ихъ идти впередъ, недвинулись съ мѣста, составили вѣче и хотѣли убить одного боярина Судимира, котораго едва успѣлъ спасти Ярославъ, скрывши въ своемъ насадѣ, и потомъ, ничего несдѣлавши, возвратились въ Новгородъ, даже недождавшись Ладожанъ; объ отплатѣ же Еми за опустошенія опустошеніемъ Емьской земли некогда да и некому было подумать. Такимъ образомъ и съ этой стороны Новгородцамъ, раздираемымъ партіями, неудалось сдѣлать ничего прочнаго; а между тѣмъ Шведы на столько успѣли распространить свое вліяніе и владычество въ Финляндіи, что уже были не далеки до того, чтобы явно выступить врагами Новгорода, и уже дѣлали къ тому разныя приготовленія.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Новгородъ въ первые 60 лѣтъ владычества Татаръ надъ Россіею.

Нашествіе Батыя.

Гроза страшнаго Монгольскаго нашествія неминовала и Новгородскихъ владѣній. Батый, опустошивъ земли Рязанскую, Суздальскую, Ростовскую и Тверскую, явился подъ Торжкомъ, и такой на-

велъ страхъ на Новгородцовъ, что они съ молодымъ своимъ княземъ Александромъ рѣшительно разтерялись и не подали никакой помощи жителямъ Торжка, которые двѣ недѣли мужественно отбивали всѣ Татарскіе приступы; и Торжекъ, оставленный безъ помощи, палъ, жители его всѣ до одного были перерѣзаны и городъ созжепъ. Монголы, сожегши Торжекъ, двинулись было Селигерскимъ путемъ къ Новгороду, опустошая все по дорогѣ, и по словамъ лѣтописи, посѣкая людей какъ траву; они уже дошли до Игнача креста, за сто только верстъ отъ Новгорода, какъ вдругъ ихъ предводитель князь Батый. можетъ быть устрашенный болотами, наводнившимися отъ таянія снѣговъ, пбо дѣло было въ концѣ марта, приказалъ своротить своимъ полкамъ на югъ въ нынѣшнюю Калужскую губернію, а потомъ со всею своею многочисленною ратью ушелъ на отдыхъ въ Половецкія степи къ Дону и Волгѣ. И такимъ образомъ Новгородцы сверхъ всякаго чаянія избѣгли Монгольскаго нашествія и тѣхъ страшныхъ опустошеній, которыя выдержали отъ Монголовъ другіе города Россіи. Лѣтописецъ, говоря объ этомъ приписываетъ спасѣніе Новгорода особенному заступничеству Божію и молитвамъ святыхъ.

Война со Шведами, князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Но, сверхъ всякаго ожиданія спасенные отъ Монгольскаго нашествія, Новгородцы должны были выдержать упорную борьбу съ иными врагами Русской земли, борьбу тѣмъ болѣе опасную, что Новгородцамъ пришлось вести ее однимъ безъ всякой

помощи со стороны Русскихъ князей, оглушенныхъ Монгольскимъ погромомъ. Незадолго передъ нашествіемъ Монголовъ на Русскую землю безпорядки, бывшіе въ началѣ XIII вѣка въ Швеціи, прекратились; и Шведскій король Ерихъ Картавый, утвердившись на своемъ престолѣ, обратилъ вниманіе на Финляндію, для поддержанія Шведскихъ колоній въ этой странѣ и для обращенія тамошнихъ Финновъ въ Латинскую вѣру. Съ этою цѣлію онъ въ 1237 году выхлопоталъ у Папы Григорія IX буллу, которою былъ объявленъ крестовый походъ на богоотступниковъ и язычниковъ Финновъ; буллою этою обѣщалось отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто приметъ участіе въ этомъ походѣ. Охотниковъ на эту приманку оказалось много и въ Швеціи и въ Норвегіи, они сбирались слишкомъ два года и очевидно не скрывали своего предпріятія и неограничивали его одними Финнами, а хвалились навязать свою вѣру и Новгородцамъ, которыхъ также считали язычниками. И нѣтъ сомнѣнія, что до Новгородцовъ уже дошли вѣсти объ этомъ крестовомъ походѣ, и они ожидали, что въ непродолжительномъ времени нужно будетъ отражать нашествіе Шведовъ; и посему на всякій случай срубили нѣсколько городковъ по Шелони и устроили надежную стражу на морскомъ берегу. Наконецъ въ 1240 году сбылось то, чего опасались и къ чему готовились Новгородцы. Шведы съ Норвежцами и Финскими племенами Емп и Суми въ огромномъ числѣ появились на Невѣ при устьѣ Ижеры; они шли

прямо къ Ладогѣ, чтобы оттуда пуститься къ Новгороду, дабы покорить всѣ Новгородскія владѣнія и жителей обратить въ Латинскую вѣру, и для сей послѣдней цѣли въ этомъ сбродномъ войскѣ головорѣзовъ, которыхъ незнали какъ выпроводить изъ Швеціи, находились и епископы проповѣдники Латинства съ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой. Новгородцы лишь только получили отъ своихъ приморскихъ стражей вѣсть о появленіи Шведскихъ лодій на Невѣ, какъ тутъ же немедля ни мало, помолившись Богу въ соборной церкви св. Софіи и принявъ благословеніе отъ своего владыки Спиридона, подъ предводительствомъ своего молодаго князя Александра Ярославича, пустились на встрѣчу и вступили съ ними въ битву при впаденіи Ижеры въ Неву, гдѣ Шведы устроили свой главный лагерь. Въ этой битвѣ Александръ съ своею дружиною и Новгородцы бились мужественно и кончили тѣмъ, что на голову разбили сбродную Шведскую рать и даже убили главнаго предводителя этой рати Спиридона. Шведскіе головорѣзы, думавшіе омыть свои грѣхи Новгородскою кровію, сражались храбро цѣлый день и обратились въ бѣгство только тогда, когда были сбиты со всѣхъ мѣстъ; у нихъ однихъ начальныхъ людей пало столько, что ихъ трупами наполнили три корабля и повезли на родину, а прочихъ воиновъ безъ числа похоронили на мѣстѣ битвы. Эта знаменитая побѣда мужественныхъ и степенныхъ гражданъ надъ буйнымъ полчищемъ храбрыхъ, но безпорядочныхъ го-

ловорѣзовъ, доставила князю Александру славное прозваніе Невскаго, а Новгороду доказала, что его граждане еще не забыли доблести предковъ и при надобности могутъ постоять за себя и за св. Софію.

Но Невская побѣда еще невозвратила мира Новгороду и непрекратила раздора партій, немогшихъ выносить власти князя посаженника Ярославова; она только отразила одного сильнаго и грознаго врага, напротивъ того старый врагъ — Ливонскіе Нѣмцы, оправившись послѣ пораженія, потерпѣннаго ими отъ Ярослава шесть лѣтъ тому назадъ, снова подняли голову; они, соединившись опять съ недовольными, бѣжавшими изъ Новгорода во Псковъ, и при помощи прежняго своего союзника князя Ярослава Владимировича, успѣвшаго убѣжать изъ Суздальской земли, пошли на Изборскъ и взяли этотъ городъ, потомъ при помощи Твердислава Иванковича, сына посадника Иванка Дмитровича и другихъ измѣнниковъ, не только разбили Псковичей, пришедшихъ на выручку Изборска, но недопустили къ самому Пскову и зажгли посады; такъ что Псковичи, доведенные до крайности, принуждены были заключить миръ, по которому Псковъ долженъ былъ признать власть Твердислава Иванковича подъ руководствомъ Нѣмцовъ, которые оставили тамъ свой гарнизонъ, нѣкоторые же Псковичи съ женами и дѣтьми убѣжали въ Новгородъ, чтобы сыскать тамъ помощь и защиту отъ измѣнниковъ. Но и въ самомъ Новгородѣ не было единодушія, такъ что князь Александръ Ярославичъ

Война съ Ливонскими Нѣмцами.

на зиму нашелъ нужнымъ со всѣмъ своимъ семействомъ и дворомъ удалиться къ отцу въ Переяславль. Пользуясь такими благопріятными для себя обстоятельствами, Нѣмцы, руководимые Псковскою партіею недовольныхъ, двинулись по дорогѣ къ Новгороду, опустошили селенія Води и Чуди, наложили на нихъ дань и въ Копорскомъ погостѣ построили городъ, потомъ пошли дальше и взяли Новгородскій пригородъ Тесовъ и только 30 верстъ не дошли до Новгорода, избивая вездѣ Новгородскихъ и пріѣзжихъ торговцовъ, а по Лугѣ проникли до Сабельскаго погоста. Это опустошительное нашествіе Нѣмцовъ наконецъ открыло глаза Новгородцамъ; они увидали, что ссориться съ князьями теперь не время, и потому обратились съ просьбою къ Ярославу Всеволодовичу, чтобы прислалъ къ нимъ князя. Ярославъ прислалъ было къ нимъ младшаго своего сына Андрея, еще не совершеннолѣтняго; но время было не таково, чтобы княжить въ Новгородѣ не совершеннолѣтному, враги Нѣмцы, Чудь и Литва напирали на Новгородъ и по Лугѣ захватили весь скотъ, такъ что пахать было не на чѣмъ и не кому. А посему Новгородцы отправили своего архіепископа съ новымъ посольствомъ къ Ярославу, просить, чтобы прислалъ старшаго сына Александра. Ярославъ, чтобы совсѣмъ не лишиться Новгорода, согласился на просьбу пословъ и отпустилъ съ ними Александра.

Ледовое побоище Нѣмцевъ.

Князь Александръ Ярославичъ, въ 1241 году прибывши въ Новгородъ съ своею низовою дружиною,

повелъ дѣла по своему; онъ немедленно потребовалъ у вѣча собрать Новгородцовъ, Ладожанъ, Ижерцевъ и Корѣлянъ, и со всею этою ратью прямо отправился къ новопостроенному въ Новгородской землѣ Нѣмецкому городу Копорью, взялъ его, разорилъ до основанія, а Нѣмцовъ, взятыхъ тамъ, которыхъ привелъ въ Новгородъ, которыхъ отпустилъ, державшихъ же перевѣтъ съ Нѣмцами, Новгородскихъ измѣнниковъ, Вожанъ и Чудь перевѣшалъ. Потомъ на слѣдующій годъ съ Новгородцами и своею низовою дружиною пустился отыскивать Нѣмцовъ въ Чудской землѣ; онъ занялъ всѣ пути къ Пскову, неожиданно напалъ на Псковъ, взялъ его, сковалъ бывшихъ тамъ Нѣмцовъ и Чудь и отослалъ въ Новгородъ; а самъ съ дружиною и Новгородцами вступилъ въ Чудскую землю и скоро встрѣтился съ Нѣмцами у Чудскаго озера, и провѣдавши, что Нѣмцы стоятъ близко, отступилъ къ озеру и построилъ свои полки на Узмени, у Воронея Камени. Нѣмцы и Чудь, съ своей стороны построившись свиньею или клиномъ, врубилися въ полки Александровы и произошла ужасная сѣча, кончившаяся тѣмъ, что Нѣмцы большею частію легли костьми, а остальные вмѣстѣ съ Чудью обратились въ бѣгство; Новгородцы гнались за ними по Чудскому озеру на семь верстъ до Суболичьскаго берега; на этой погони Чуди перебито безъ числа, а Нѣмцевъ до 500 человѣкъ, и взято въ плѣнъ пятьдесятъ Нѣмецкихъ рыцарей. Эта битва происходила 1-го апрѣля 1242 года; она у лѣтописцевъ названа Ледовымъ

побоищемъ и долго, даже въ XVI вѣкѣ воспоминалась на эктеніяхъ по всѣмъ Новгородскимъ церквамъ, вмѣстѣ съ Невскою побѣдою надъ Шведами. Нѣмцы же такъ перепугались, что уже ждали Новгородцевъ къ стѣнамъ Риги и просили помощи у Датскаго короля. Но довольные побѣдою Новгородцы не пошли далѣе и Александръ съ торжествомъ вступилъ въ Псковъ, ведя за собою плѣнныхъ Нѣмецкихъ рыцарей; Псковичи его встрѣтили съ иконами и крестами. Изъ Пскова Александръ отправился въ Новгородъ, и оттуда вскорѣ уѣхалъ въ Суздальскую землю провожать своего отца Ярослава, потребовавшаго Татарскимъ великимъ ханомъ въ орду. Въ отсутствіе Александра пришли въ Новгородъ Нѣмецкіе послы съ поклономъ и дарами и стали просить мира, который и былъ заключенъ Новгородцами на тѣхъ условіяхъ, по которымъ Нѣмцы отказались отъ всѣхъ своихъ недавнихъ завоеваній, отъ Води, Луги, Пскова и Летголы, размѣнялись плѣнниками и даже отпустили Псковскихъ заложниковъ. Такъ кончилась упорная война съ Ливонскимъ Нѣмецкимъ орденомъ, продолжавшаяся почти десять лѣтъ, и первонально затѣянная Новгородскою партіею недовольныхъ, которая, не имѣя средствъ собственными силами бороться съ князьми Суздальскими, вступила въ союзъ съ Нѣмцами и Чудью въ 1233 году.

Набѣги Литвы.

Но Ледовымъ побоищемъ не были еще усмирены всѣ враги Новгорода, Литовскіе грабители продолжали еще дѣлать разбойническіе набѣги на Нов-

городскія владѣнія и въ 1245 году стали уже опустошать около Торжка и въ Бѣжичахъ Въ Торжкѣ тогда сидѣлъ князь Ярославъ Владимировичъ, тотъ самый, который прежде водилъ Нѣмцевъ и Чудь на Новгородскую землю; этотъ князь съ Новоторжцами бросился на Литовскихъ грабителей, но былъ разбитъ; и Литовцы многочисленными толпами съ множествомъ плѣнниковъ и большою добычею уже возвращались домой, какъ Ярославъ, соединясь съ Тверичами и Дмитровцами, снова пустился въ погоню и нагналъ поганыхъ у Торопца. Здѣсь произошла жестокая битва, и хотя Литовцы были разбиты, впрочемъ успѣли засѣсть въ Торопцѣ и продолжали отбиваться до тѣхъ поръ, пока не пришелъ Александръ съ своею дружиною и Новогородскими полками. Александръ немедленно взялъ Торопецъ, изсѣкъ всѣхъ засѣвшихъ тамъ Литовцовъ, при чемъ однихъ ихъ князьковъ погибло 8 человѣкъ. Новгородцы, довольные взятіемъ Торжка и возвращеніемъ плѣнныхъ и добычи, воротились домой; Александръ же, желая окончить за одинъ разъ съ Литовцами, продолжалъ съ одною своею дружиною преслѣдовать ихъ бѣгущія толпы, разбилъ ихъ еще подъ Зижьчемъ и всѣхъ до одного положилъ на мѣстѣ; потомъ пошелъ до Витебска, гдѣ взялъ своего сына, гостившаго у Полотскаго князя, и на возвратномъ пути у Усвята встрѣтился съ новою Литовскою ратью, и ту разбилъ и положилъ на мѣстѣ, а самъ возвратился въ Новгородъ.

Князь Василій, сынъ Александра Невскаго.

Осенью на другій годъ послѣ Литовскаго нашествія на Торжекъ, скончался у Татаръ въ ордѣ великій князь Владимирскій Ярославъ Всеволодовичъ; и Александръ, услыхавши о смерти отца, отправился во Владимиръ и оттуда къ Татарамъ въ орду, а въ Новгородѣ оставилъ княземъ своего сына Василія. Новгородцы съ симъ новымъ княземъ жили въ мирѣ и согласіи девять лѣтъ и въ 1253 году подъ его предводительствомъ удачно воевали съ Литвою и Ливонскими Нѣмцами. Литва въ этомъ году по прежнему собралась опустошать Новгородскія области, и пограбивши уже возвращалась домой, какъ Новгородцы съ своимъ княземъ нагнали ее по прежнему у Торопца, разбили на голову и отняли всю добычу. Въ этомъ же году Ливонскіе Нѣмцы подошли ко Пскову, сожгли посадъ, сдѣлали приступъ къ городу, но были отбиты съ большимъ урономъ; а между тѣмъ Новгородцы получивши вѣсть о нападеніи Нѣмцевъ, наскоро собрались и пришли на выручку къ Псковичамъ, при ихъ появленіи Нѣмцы обратились въ бѣгство. Но такимъ успѣхомъ на этотъ разъ Новгородцы, неудовольствовались, и собравъ новую рать, перешли Нарову и опустошили Нѣмецкую волость, за Новгородцами тоже сдѣлала Корѣла, а потомъ и Псковичи вступили въ Нѣмецкую землю; и Нѣмцы нигдѣ не могли противустоять ни Новгородцамъ, ни Корѣлѣ, ни Псковичамъ и при каждой встрѣчѣ терпѣли пораженіе, такъ что поспѣшили прислать посольство во Псковъ и Новгородъ съ просьбою о мирѣ и при-

няли условія мира на всей воли Новгородской и Псковской.

Война Новгорода съ княземъ Александромъ Невскимъ.

Побѣды сіи надъ Нѣмцами и Литвою такъ подняли Новгородцовъ, что они уже стали подумывать о прежнихъ своихъ порядкахъ,—о выборѣ князей по своей воли; и въ томъ же 1253 году посадили князем во Псковѣ Ярослава, бѣжавшаго изъ Суздальской, или какъ тогда говорилось, Низовой земли, а еще черезъ годъ выгнали отъ себя Александрова сына Василія и посадили Ярослава княземъ въ самомъ Новгородѣ. Но Василій Александровичъ, выгнанный изъ Новгорода, не думалъ оставить Новгородскихъ владѣній и, слѣдуя примѣрамъ отца, дѣда и прадѣда, засѣлъ въ Торжкѣ и послалъ вѣсть къ отцу, который немедленно явился въ Торжокъ съ своими полками и двинулся къ Новгороду. Ярославъ, услыхавши объ Александровомъ походѣ, бѣжалъ, а между Новгородцами произошло смятеніе; они хотя вооружились и стали полкомъ, но раздѣлились на двѣ партіи,—одна—богачи стали своимъ полкомъ за церковію рождества Христова,—а другая—бѣдняки, пѣшцы у церкви св. Иліи противъ Городища. Между меньшими, т. е. бѣдняками, пронесся слухъ, что богачи составили заговоръ побить меньшихъ и ввести князя Александра на своей воли, т. е. въ отягощеніе бѣднымъ; а по сему меньшіе собрали вѣче у церкви св. Николая и поклялись иконою пресв. Богородицы всѣмъ стать за одно, за Новгородскую правду и за свою отчину либо въ животъ, либо въ смерть; сторону мень-

шихъ принялъ любимый народомъ посадникъ Ананія. Между тѣмъ одинъ изъ богачей, внукъ знаменитаго посадника Твердислава, Михалко бѣжалъ изъ города къ Юрьеву монастырю, чтобы во время битвы напасть съ своимъ полкомъ на пѣшцевъ съ боку. Александръ, увѣдомленный своими пріятелями о несогласіи богачей съ бѣдняками и надѣясь на помощь первыхъ, прислалъ сказать на вѣчѣ: „выдайте мнѣ Онанью, не выдадите ли, то я вамъ не князь и иду на городъ ратью“. Вѣче въ отвѣтъ на это требованіе отправило къ Александру владыку Далмата и тысяцкаго Клима съ такими рѣчьми: „поѣди, княже, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, а Онаньи гнѣва отдай и всѣмъ мужамъ Новгородскимъ“. И когда князь не послушалъ прошенія владыки и тысяцкаго; то Новгородцы сказали: „аже, братье, князь нашъ такъ сдумалъ съ нашими крестопреступниками; ино имъ Богъ и св. Софія, а мы будемъ стоять на своемъ“. И стояли полкомъ цѣлыхъ три дни, и князь, не рѣшаясь вступать въ битву, на четвертый день прислалъ сказать: „ежели Онанья откажется отъ посадничества, то я отдаю свой гнѣвъ“. Онанья отказался отъ посадничества; и Александръ мирно вступилъ въ Новгородъ, обѣщаясь княжить на всей воли Новгородской по старымъ обычаямъ; но его пріятели Суздальщинцы верховоды стали дѣйствовать по своему старому обычаю и выбрали въ посадники измѣнника и крестопреступника Михалку Степановича, того самаго, который хотѣлъ напасть на полкъ меньшихъ отъ Юрьева монастыря.

Такимъ образомъ настоящая попытка возстановить прежніе порядки не удалась Новгородцамъ; но она была очень важна для послѣдующей судьбы Новгорода, она показала, что въ Новгородѣ опять образовалась довольно сильная народная партія, готовая защищать старые Новгородскіе порядки и противустоять властолюбивымъ замысламъ Суздальскихъ князей.

Война съ Шведами и Ливонскими Нѣмцами.

Умиривши Новгородцовъ, Александръ въ 1256 году опять отправился во Владимиръ. Между тѣмъ Шведскій ярлъ Биргеръ второе лице въ государствѣ послѣ короля, еще въ 1249 году окончательно присоединилъ Финляндію къ Швеціи, и чтобы удержать ее за Шведами вступилъ въ союзъ съ Рижскимъ архіепископомъ, замышлявшимъ учредить, по благословенію папы Александра IV. новую латинскую епископію въ Новгородскихъ земляхъ Ватландіи, Ингріи и Карѣліи. Сіи новые союзники, что бы оттѣснить Новгородцовъ, задумали построить на Наровѣ крѣпость; и въ исполненіе сего замысла въ 1256 году, въ отсутствіи князя Александра Ярославича, явились на Наровѣ Шведы съ Финскими племенами Емью и Сумью и одинъ богатый Эстонскій владѣлецъ Дидманъ или Тидеманъ съ Эстонскою Чудью, ему принадлежащею, и начали строить городъ на Наровѣ Новгородцы, узнавши объ этомъ, немедленно разослали гонцовъ по всей своей волости собирать полки и дали вѣсть Александру, по которой вѣсти Александръ съ своею Низовою ратью на зиму пріѣхалъ въ Новгородъ; но уже

до его пріѣзда непріятели, прослышавъ о вооруженіи Новгородцовъ, бросили построеніе своего города и разошлись по домамъ. Тѣмъ не менѣе Александръ объявилъ походъ и отправился съ своими и Новгородскими полками къ Копорью, и оттуда пошелъ въ Финляндію на тамошнее племя Емь. Новгородцы многіе отказались отъ этого похода и съ Копорья воротились домой, но Александръ, не смотря на это, съ своею дружиною и тѣми Новгородцами, которые не противились его приказанію, продолжалъ походъ и вступилъ въ землю Еми. Походъ этотъ былъ очень труденъ, зимнія вьюги и мятели, неперестававшія ни днемъ ни ночью, много погубили Александровыхъ ратниковъ, тѣмъ не менѣе Александръ страшно опустошилъ землю Еми и со множествомъ плѣнниковъ возвратился въ Новгородъ; потомъ, захвативши двухъ предводителей партіи непокорныхъ, уѣхалъ во Владиміръ, а въ Новгородѣ оставилъ княземъ своего сына Василія.

Попытка Татаръ наложить дань на Новгородъ.

Въ 1257 году въ Новгородѣ разнеслась вѣсть, что Татары хотятъ обложить Новгородъ разными данями и десятинами; эта вѣсть страшно смутила народъ, и все лѣто прошло въ смятеніяхъ. Наконецъ на зиму дѣйствительно явились въ Новгородѣ Татарскіе послы съ самимъ княземъ Александромъ и стали требовать даней; но князь Василій съ Новгородцами на это не согласились и Василій убѣжалъ во Псковъ. Впрочемъ послѣ долгихъ споровъ, Татарскіе послы, видя, что съ Новгородцами много не натолкуешь безъ войска, ушли мирно и доволь-

ствовались только дарами, которые Новгородцы дали Татарскому хану. Александръ же жестоко наказалъ совѣтниковъ Василіевыхъ, кому выкололъ глаза, кому обрѣзалъ носъ, а самаго Василія вывелъ изъ Пскова и отослалъ на Низъ. Но тѣмъ не кончились смятенія въ Новгородѣ, зимою народъ собралъ вѣче, убилъ посадника Мишу Степановича, вызвалъ изъ Ладоги тамошняго посадника Михаила Ѳедоровича, и далъ ему посадничество въ самомъ Новгородѣ, а тысяцкимъ сдѣлалъ Жироху.

Татарская перепись въ Новгородѣ.

Впрочемъ Татары неудовольствовались Новгородскими дарами ихъ хану, и въ 1259 году зимою пріѣхалъ въ Новгородъ посломъ отъ великаго князя Александра Ярославича, Новгородецъ Михайло Пинещиничъ съ такими рѣчьми къ народу: „ежели не согласитесь покориться Татарамъ и подчиниться ихъ перечисленію народа; то противъ васъ уже готовы полки въ Низовской землѣ“. Новогородцы, съ начала ошеломленные такою грозою, согласились уступить ханскому требованію и принять перечисленіе народа; но когда въ слѣдъ за тѣмъ явились Татарскіе послы съ самимъ княземъ Александромъ и потребовали даней и числа (перечисленія народа); то народъ зашумѣлъ и такъ грозно, что Татарскіе послы струсили и боясь быть убитыми, потребовали у Александра приставить стражу къ ихъ квартирамъ. Черные люди наотрѣзъ отказали отъ числа и дани и поклялись умереть за св. Софію и за домы ангельскіе; по лучшіе люди, бояре, видя невозможность сопротивляться ханскому повелѣнію, со-

гласились на число и дань, и положили съ своими и Александровыми полками ударить на черныхъ людей; тогда и черные люди въ крайности принуждены были согласиться; и по словамъ лѣтописи: „почаша ѣздити окаянніи по улицамъ, пишуче домы христіанскіе“. Татары, описавши и положивши въ число всѣ домы въ Новгородѣ и взявши дань, удалились; а за ними вскорѣ ушелъ и Александръ во Владимиръ, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Димитрія.

Князь Димитрій Александровичъ.

Новгородцы три года жили мирно и согласно съ своимъ новымъ княземъ Димитріемъ, и въ 1262 году въ союзѣ съ Литовскимъ великимъ княземъ Миндовгомъ предприняли войну противъ Ливонскихъ Нѣмцовъ; союзники уговорились напасть съ двухъ сторонъ, и дѣйствительно такъ и сдѣлали, но только не въ одно время: сперва явился подъ Венденомъ Миндовгъ, и недождавшись Новгородцовъ, опустошивъ Венденскія окрестности, ушелъ домой; а потомъ начали свой походъ къ Юрьеву или Дерпту Новгородцы. Въ этомъ походѣ вмѣстѣ съ Новгородцами и ихъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ участвовали съ своими дружинами князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій, зять Александровъ князь Константинъ и Полоцкій князь Товтивилъ съ Полочанами и Литвою; они осадили Юрьевъ, укрѣпленный тремя стѣнами и упорно защищаемый многочисленнымъ Нѣмецкимъ гарнизономъ, и однимъ приступомъ взяли посадъ и сожгли его; но крѣпости взять не могли, и набравши много плѣнниковъ

и всякаго товара возвратились по домамъ. Между тѣмъ великій князь Александръ Ярославичъ въ это время ѣздилъ въ орду къ Татарамъ, и на слѣдующій годъ, возвращаясь домой, занемогъ въ дорогѣ и умеръ. Смерть Александра развязала руки народной партіи въ Новгородѣ; въ слѣдъ за вѣстію о его кончинѣ, Новгородцы собрали вѣче и подъ предводительствомъ посадника Михаила Ѳеодоровича изгнали Александрова сына Димитрія, и на его мѣсто пригласили въ Новгородъ, уже прежде тамъ княжившаго по выбору, Александрова брата Ярослава Ярославича князя Тверскаго, и отправили за нимъ сына посадничьяго и лучшихъ бояръ.

Посланники Новгородскіе, прибывшіе въ Тверь, привезли съ собою отъ всего Новгорода грамоту, въ которой были прописаны условія, на какихъ Новгородцы желаютъ имѣть Ярослава у себя княземъ, грамота эта дошла до нашего времени въ подлинникѣ, и написана такъ: „Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила, и отъ тысяцкаго Кондрата, и отъ всего Новгорода и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ къ князю Ярославу. На семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду, на чемъ цѣловали дѣды и отцы и отецъ твой Ярославъ: 1-е Новгородъ держать тебѣ по старинѣ и по пошлинѣ, всѣ волости Новгородскія держать не своими мужами, а Новгородскими и брать только дары отъ тѣхъ волостей; 2-е безъ посадника князю ни судить, ни раздавать волостей и не давать грамотъ, а кому роздалъ волости князь Дми- Князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій.

трій съ Новгородцами или братъ твой Александръ, тѣхъ волостей безъ вины тебѣ ни лишить; 3-е въ волостяхъ Новгородскихъ ни князю, ни княгинѣ, ни княжимъ боярамъ и дворянамъ селъ не держать, ни покупать, ни въ даръ не принимать, людей оттуда не выводить въ свою землю, ни грамотъ не давать, ни закладниковъ не принимать, и неставить ни слободъ, ни мытныхъ заставъ; 4-е согласно съ старымъ порядкомъ, въ Торжкѣ и на Волокѣ быть тіунамъ пополамъ, въ княжей части княжему тіуну, а въ Новгородской Новгородскому; въ Русу для охоты за звѣрями князю ѣздить только осенью, а лѣтомъ не ѣздить, въ Ладогу князю посылать осетринника и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава; 5-е къ Бѣжичамъ и Обонежаномъ судей не посылать, ибо Димитрій съ Новгородцами отдали имъ судъ на три года; 6-е князю безъ вины не лишать волости мужа, не пересуживать грамотъ; 7-е князю и его мужамъ довольствоваться только тѣми пожнями, которыя уступлены Новгородцами изстари, и отступиться отъ тѣхъ поженъ, которыя захватилъ насильно покойный князь Александръ, и вообще отказаться отъ всякаго насилья, какое дѣлалъ Александръ въ Новгородѣ; 8-е гостю Новгородскому гостить по всей Суздальской землѣ безъ запрету, согласно съ жалованною грамотою Татарскаго хана; а въ Суздальской землѣ и во всей княжей волости не брать съ Новгородскихъ купцовъ на мытныхъ заставахъ болѣе двухъ вѣкшей съ воза или съ лодьи, или ото льну, или отъ хмѣльна короба, какъ пошло

изстари“ Ярославъ принялъ сіи условія и передъ Новгородскими послами цѣловалъ крестъ на договорной грамотѣ. Потомъ Новгородцы прислали въ Тверь новую договорную грамоту съ небольшими добавленіями противъ первой, состоящими въ томъ: 1-е, чтобы изъ Суздальской земли князю не управлять Новгородомъ, не судить и не раздавать волостей; 2-е, чтобы охотиться князю за кабанами не далѣе 60 верстъ отъ Новгорода, въ Русу ѣздить на третью зиму, а въ Ладогу на третье лѣто; 3-е, посылать судей князю куда пошло только въ межень послѣ Петрова дня“. На этой грамотѣ Ярославъ также цѣловалъ крестъ, и отправился въ Новгородъ, гдѣ и былъ посаженъ на княжескомъ столѣ по нынѣшнему щету 27 января 1266 года.

Ярославъ, пробывши въ Новгородѣ нѣсколько времени, уѣхалъ во Владимиръ, а Новгородцамъ оставилъ своего племянника князя Юрія Андреевича. Обезпеченные договорными грамотами съ Ярославомъ, Новгородцы вмѣстѣ съ Псковичами обратили свое вниманіе на Литву и Нѣмцовъ, которые сильно напирали на Псковъ и на другія Новгородскія владѣнія въ томъ краю. Между тѣмъ по убіеніи Великаго князя Литовскаго Миндовга (въ 1365 году), въ Литвѣ начались страшныя междоусобія, въ слѣдствіе которыхъ много значительныхъ Литовскихъ семействъ бѣжали во Псковъ и приняли тамъ крещеніе, и въ числѣ ихъ былъ одинъ Литовскій князь Довмонтъ, который также принялъ крещеніе и съ согласія Новгородцовъ выбранъ Псковичами въ князья

Война съ Литвою. Князь Довмонтъ.

Пскова. Этотъ князь Довмонтъ, пылая мщеніемъ и ненавистію къ своимъ врагамъ, оставшимся въ Литвѣ, обѣщался вѣрою и правдою стоять за Псковъ и Новгородъ противъ прежнихъ своихъ соотечественниковъ; и въ первый же годъ своего княженія во Псковѣ (1266 г.) вмѣстѣ съ Псковичами отправился воевать Литву. Набѣгъ его былъ весьма удаченъ, онъ успѣлъ захватить множество добычи и плѣнниковъ и въ числѣ ихъ жену и двухъ сыновей великаго князя Литовскаго Герденя. Довмонтъ уже возвращался съ добычею и плѣнниками во Псковъ, и уже двѣ трети своей небольшой рати отпустилъ впередъ, какъ сторожи его замѣтили погоню Герденя. Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ, что Довмонтъ, получивши вѣсть о большой и близкой погони Герденя, сказалъ остававшимся при немъ Псковскимъ ратникамъ: „братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ мнѣ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ. Слышалъ я мужество ваше во всѣхъ странахъ; се намъ предлежитъ животъ и смерть; братья мужи Псковичи! потягните за св. Троицу и за св. церкви и за свое отечество“. Этихъ братій мужей при Довмонтѣ всего было 90 человѣкъ, а погоня Герденева состояла изъ 700 человѣкъ; но не смотря на это Псковичи, воодушевленные рѣчью Довмонта, бросились на Литовскую погоню, какъ волки на стадо овецъ, и большею частію положили ее на мѣстѣ, или потопили въ Двинѣ, такъ что князь Гердень съ немногими едва успѣлъ спасти жизнь свою быстрымъ бѣгствомъ. Псковичи съ Довмонтомъ, имен-

но какъ волки съ стадомъ овецъ, управились съ Литовскою погонею; ибо изъ Псковичей палъ въ этой битвѣ только одинъ Антонъ Лочковъ, а всѣ прочіе съ богатою добычею возвратились во Псковъ здравы и невредимы. На зиму Довмонтъ опять ходилъ воевать Литовскую землю и опять воевалъ счастливо. Великій князь Ярославъ Ярославичъ, услыхавши о побѣдахъ Довмонта и о народной любви къ нему, и обижаясь тѣмъ, что Псковичи посадили къ себѣ Довмонта вмѣсто его сына Святослава, прибылъ въ Новгородъ съ своими низовыми полками съ тѣмъ, чтобы идти на Псковичей и Довмонта; но вѣче Новгородское не дозволило этаго, и прямо сказало Ярославу: „княже, безъ нашего совѣта и согласія ты не можешь ѣхать на Псковъ“. И князь, не рѣшаясь противорѣчить вѣчу, отослалъ Низовскіе полки назадъ, а въ слѣдъ за полками и самъ уѣхалъ во Владимиръ, оставивъ въ Новгородѣ по прежнему племянника своего Юрія Андреевича

Война съ Датчанами и Ливонскими Нѣмцами. Раковорская битва.

Надѣясь на миръ и согласіе съ Ярославомъ, Довмонтомъ и другими князьями, Новгородцы въ 1268 году съ своимъ княземъ Юріемъ подняли вопросъ на вѣчѣ: куда бы идти войною, на Литву къ Полотску, или на Нѣмцевъ къ Наровѣ, и послѣ многихъ споровъ рѣшились воевать съ Датскими Нѣмцами (Датчанами) за Наровой, которые построили тамъ Раковоръ (нынѣшній Везембергъ). Новгородцы перешли черезъ Нарову и сильно опустошили Раковорскую землю, но самаго города взять не могли и возвратились домой, потерявши изъ своего пол-

ка шесть храбрыхъ мужей и между ними добраго мужа Ѳеодора Сбыславича, котораго Раковорцы застрѣлили изъ своего города. Опасаясь, что бы Датчане на сіали мстить за опустошеніе Раковорской волости, Новгородцы вмѣстѣ съ Довмонтомъ рѣшили повторить походъ, но только съ большими силами; и для этого пригласили къ себѣ Переяславскаго князя Дмитрія Александровича съ его полками, послали также къ Ярославу звать его, но онъ самъ не поѣхалъ, а прислалъ двухъ сыновей Михаила и Святослава съ ихъ дружинами, отыскали стѣнобитныхъ мастеровъ, которые стали готовить на владычномъ дворѣ стѣнобитныя машины. Услыхавши о такихъ приготовленіяхъ, Ливонскіе нѣмцы прислали въ Новгородъ своихъ пословъ съ такою рѣчью: „добрые сосѣди Новгородцы, у насъ съ вами миръ, и мы непристаемъ ни къ Колыванскимъ, ни къ Раковорскимъ Датскимъ Нѣмцамъ, воюйте съ ними сколько хотите, и на томъ цѣлуемъ вамъ крестъ“. Новгородцы, довольные такимъ посольствомъ, сами отправили въ Ригу своего посланника Лазаря Моисѣевича, который и приводилъ ко кресту, какъ епископа Рижскаго, такъ и всѣхъ тамошнихъ рыцарей, чтобы имъ не помогать Колыванцамъ и Раковорцамъ, а Новогородцамъ не воевать земли Ливонскихъ Нѣмцовъ; и въ увѣреніе сего Новгородцы оставили въ Ригѣ заложникомъ своего добраго мужа Семьона и также цѣловали крестъ.

Утвердившись клятвою съ Ливонскими Нѣмцами, Новгородцы и Псковичи вмѣстѣ съ своими союз-

ными князьями отправились въ задуманный походъ; они перебрались уже за Нарову и пустились тремя дорогами опустошать тамошнюю землю; Чудь нигдѣ невыходила противъ нихъ и только пряталась по пещерамъ и другимъ скрытнымъ мѣстамъ; они уже миновали Раковоръ и подходили къ Колывани (нынѣшній Ревель), какъ клятвопреступные Ливонскіе Нѣмцы встрѣтили ихъ сильнымъ полкомъ подъ предводительствомъ своего магистра Отто-фонъ-Роденстейна и Юрьевскаго (Дерптскаго) епископа Александра. Въ этомъ полку была собрана вся Нѣмецкая земля, и полкъ былъ такъ великъ, что копья Нѣмцовъ казались большимъ лѣсомъ. Впрочемъ Новгородцы и Псковичи неиспугались ни неожиданнаго появленія Нѣмцевъ, ни ихъ сильнаго войска; они переправились черезъ рѣку Кеголь и построились въ три полка: Псковичи съ своимъ княземъ Довмонтомъ на правой рукѣ, князья Дмитрій и Святославъ также на правой рукѣ по выше, князь Михаилъ на лѣвой рукѣ съ своимъ полкомъ, Новгородцы же съ своимъ княземъ Юріемъ и посадникомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ стали по срединѣ, прямо противъ самаго сильнаго Нѣмецкаго полка, состоявшаго изъ однихъ Нѣмецкихъ рыцарей, закованныхъ съ ногъ до головы въ желѣзныя латы. Нѣмецкіе рыцари главнаго полка, построившись клиномъ или, какъ тогда говорилось, желѣзною свиньею, первые начали бой, и началась страшная сѣча, какой, по словамъ лѣтописца, невидали ни дѣды, ни отцы наши. Рыцари рѣшились во чтобы ни стало

прорубиться сквозь Новогородскій полкъ, думая что отъ этого Русскіе придутъ въ разстройство и обратятся въ бѣгство; но дѣло вышло не такъ, какъ надѣялись Нѣмцы. Новгородцы стояли крѣпко, и хотя уже потеряли посадника и другихъ знаменитыхъ воиновъ (*), но продолжали стоять полкомъ, смыкая свои ряды по мѣрѣ того какъ воины падали, и рыцари не могли сквозь ихъ прорубиться. А между тѣмъ Псковичи, дружина Дмитріева и Ладожане, управившись съ своими противниками на правой и лѣвой рукѣ, бросились съ двухъ сторонъ и на желѣзную свинью, и произвели въ ней такое опустошеніе, что рыцари, не выдержавши дружнаго натиска, обратились въ бѣгство; и Новгородцы съ своими союзниками гнались за ними на пространствѣ семи верстъ, усыпая дорогу ихъ трупами, которыхъ было такъ много, что лошади спотыкались на нихъ и немогли идти. Но только, что Новгородцы прекратили погоню, какъ увидали, что другой Нѣмецкій полкъ латинковъ врѣзался въ ихъ обозы; молодежъ Новогородская хотѣла броситься на кля-

---

(*) По свидѣтельству лѣтописи, вмѣстѣ съ посадникомъ Михаиломъ пали въ битвѣ съ желѣзною свиньею знаменитые мужи: Твердиславъ Чермный, Никифоръ Рядятинычъ, Твердиславъ Мопсѣевичъ, Михаилъ Кривцевичъ, Ивачъ, Борисъ Ильдятинычъ, его братъ Лазарь, Ратша, Василь Вонборзовичъ, Осипъ, Ярославъ Дорогомиловичъ, Парамонъ Подвойскій, Полюдъ и много добрыхъ боляръ, которые во чтобы то ни стало рѣшились неуступать Нѣмецкимъ латникамъ. Битва эта происходила 18 февраля въ сыропустную субботу, и подобно Невскому и Ледовому побоищу поминалась на эктиніяхъ во время общаго поминовенія во всѣхъ Новогородскихъ церквахъ.

твопреступниковъ, но было уже темно, и старшіе, боясь безпорядка, удержали молодежъ до утра. а между тѣмъ Нѣмцы ночью убѣжали. Новгородцы три дни стояли на костяхъ; но непріятель неявлялся, и они, нерѣшаясь идти далѣе, возвратились домой и привезли съ собою тѣла павшихъ въ битвѣ, и тѣло посадника Михаила за его мужество похоронили съ честію въ церкви св. Софіи, въ томъ храмѣ, гдѣ хоронились любимые князья Новогородскіе, а на мѣсто Михаила выбрали въ посадники Павшу, сына знаменитаго посадника Ананьи, въ свое время крѣпко стоявшаго за Новгородъ въ борьбѣ съ княземъ Александромъ.

Походъ къ Раковору и Колыванію, дорого стоившій и Новгородцамъ и Нѣмцамъ, не кончилъ враждебы. Нѣмцы, мстя за этотъ походъ, на слѣдующее лѣто, подъ командою своего магистра Отто, въ числѣ 18 тысячь человѣкъ, явились подъ Псковомъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ и стали подступать къ городу съ стѣнобитными машинами; но во Псковѣ сидѣлъ храбрый Довмонтъ; и Нѣмцамъ ничего неудалось сдѣлать, они съ большимъ для себя урономъ десять дней подступали къ городу и наконецъ разбитые Довмонтомъ принуждены были отодвинуться назадъ. А между тѣмъ ко Пскову пришелъ на помощь князь Юрій съ Новгородцами и началъ тревожить Нѣмецкій лагерь и тѣмъ принудилъ Нѣмцевъ отступить окончательно за рѣку Великую, откуда Нѣмцы вступили въ переговоры съ Новгородцами и заключили миръ, по которому и та и другая сторона остались при старыхъ владѣніяхъ.

Ссора съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ.

Только что Новгородцы воротились съ похода ко Пскову, какъ пріѣхалъ въ Новгородъ самъ великій князь Ярославъ Ярославичъ и на вѣчѣ началъ жаловаться на Новгородскихъ бояръ,—на Жирослава Давыдовича, на Михайлу Мишинича и на Юрья Сбыславича; онъ говорилъ вѣчу: „они поссорили Новгородъ съ Нѣмцами, и мои мужи и братья, и ваши братья побиты по ихъ винѣ, а хочу лишить ихъ волости.“ Но вѣче неприняло такого обвиненія и весь Новгородъ сталъ за трехъ обвиненныхъ бояръ. Ярославъ, чтобы запугать вѣче, сказалъ: „ежели не сдѣлаете по моей воли, то я уѣду.“ Вѣче отвѣчало: „кланяемся тебѣ, княже, отложи свой гнѣвъ, невыѣзжай изъ города, мы еще не совсѣмъ примирились съ Нѣмцами.“ Но Ярославъ не посмотрѣлъ на просьбу и выѣхалъ изъ города; тогда вѣче послало владыку и лучшихъ мужей съ мольбою, которые нагнали его въ Бронницахъ и воротили въ Новгородъ; а вѣче въ угоду Ярославу сдѣлало тысяцкимъ его любимца Ратибора Клуксовича. Ярославъ, довольный этою уступкою, остался въ Новгородѣ и по совѣту съ Новгородскимъ вѣчемъ, на зиму послалъ сына своего Святослава въ Низовую землю собирать полки, чтобы идти на Датскихъ Нѣмцовъ къ Колывани. Святославъ исполнилъ приказаніе отца и привелъ въ Новгородъ многочисленную рать, въ которой были полки нетолько союзныхъ Ярославу князей, но и Владимирскій великій баскакъ Амраганъ съ Татарскою ратью. Прослышавши о такомъ ратномъ сборѣ, Нѣмцы прислали въ Новгородъ своихъ пословъ съ

мольбою о мирѣ. Послы ихъ сказали на вѣчѣ: „кланяемся на всей воли вашей, Наровы всей отступаемся, а крови не проливайте.“ Новгородцы, поразумавши о прозьбѣ Нѣмцовъ, заключили съ ними миръ на всей своей воли. Ярославъ, такимъ образомъ неуспѣвши съ своими полками побывать въ Нѣмецкой землѣ, хотѣлъ сводить ихъ для поживы по крайней мѣрѣ въ Корѣлу; но Новгородцы упросили его оставить и этотъ походъ, ибо щитали Корѣлу за своихъ; и князь нехотя принужденъ былъ отправить Суздальскіе и Татарскіе полки назадъ, а самъ остался въ Новгородѣ.

Оставшись въ Новгородѣ, Ярославъ въ надеждѣ на свою партію началъ дѣлать нѣкоторыя нововведенія, не спрашиваясь у Новгородскаго вѣча, отнялъ у нѣкоторыхъ гражданъ дворы, съ другихъ не законно собралъ деньги, отнялъ нѣкоторыя вотчины у церкви св Софіи, и даже сталъ вступаться въ Нѣмецкую торговлю и выводить иноземцовъ. Таковые поступки естественно должны были раздражить Новгородцовъ; и вотъ вдругъ (въ1270 году) зашумѣлъ народъ по улицамъ, ударили въ колоколъ и собралось на князя вѣче на Ярославовомъ дворѣ. Княжая партія стала было защищать князя; но противники, чувствуя свою силу, убили на вѣчѣ же одного изъ княжихъ сторошниковъ Ивапка, что видя прочіе начали скрываться, иные спрятались въ церкви св. Николая, а другіе съ тысяцкимъ Ратиборомъ бѣжали на Городище къ князю; народъ же принялся грабить и раззорять домы бѣжавшихъ, а

вѣче послало къ князю слѣдующую обвинительную грамату: „за чѣмъ отнялъ Волховъ гогольными ловцы, а поле заячьими ловцы, за чѣмъ завладѣлъ дворомъ Алексинымъ Морткинича, за чѣмъ взялъ деньги у Никифора Мапускинича, у Романа Болдыжевича и Варѳоломѣя, за чѣмъ выводишь иноземцевъ, которые живутъ у насъ, и дѣлаешь иное не подобное? А нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья, уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ“. Ярославъ прислалъ на вѣче своего сына Святослава съ поклономъ и обѣщаніемъ отступиться отъ всего, въ чемъ его обвиняютъ, и цѣловать крестъ, чтобы впередъ управлять на всей воли Новгородской; но вѣче отвѣчало: „княже! поѣди прочь, не хотимъ тебя, а не то всѣмъ Новгородомъ идемъ прогнать тебя“. И князь по неволѣ поѣхалъ изъ Новгорода.

Новгородцы, по удаленіи Ярослава, послали за Переяславскимъ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, княжившимъ у нихъ прежде; но Дмитрій, бывъ въ союзѣ съ Ярославомъ, не принялъ приглашенія и сказалъ: „нехочу взять стола предъ роднымъ дядею“. Между тѣмъ Ярославъ, пріѣхавши во Владимиръ, сталъ собирать полки противъ Новгорода, послалъ Ратибора просить помощи у Татарскаго хана и пригласилъ своихъ родственниковъ, князей Переяславскаго Дмитрія и Смоленскаго Глѣба. Но нашелся защитникъ и Новгороду; князь Костромскій Василій Ярославичъ, меньшій братъ Ярославовъ, услышавъ о приготовленіяхъ своего старша-

го брата, прислалъ пословъ въ Новгородъ съ такою рѣчью: „кланяюся св. Софіи и мужамъ Новгородцамъ; слышалъ я, что идетъ Ярославъ на Новгородъ со всею силою своею, и Дмитрій съ Переяславцами и Глѣбъ съ Смолнянами; жаль мнѣ своея отчины“. А самъ поѣхалъ къ Татарскому хану, взявши съ собою Новгородскихъ бояръ Петрилу Рыгача и Михаила Пинещинича, и убѣдилъ хана воротить Татарскую рать, посланную противъ Новгорода. Новгородцы же въ это время укрѣпили городъ острогомъ и всѣ свои товары свезли въ крѣпость; а когда передовые полки Ярослава появились невдалекѣ отъ Городища; то вооружили весь городъ. и всѣ отъ мала и до велика выступили къ Городищу и стояли станомъ два дня пѣшіе за Жилотугомъ, а конники за Городищемъ. Ярославъ, узнавши объ этомъ, отступилъ другою сторопою озера къ Русѣ и засѣлъ тамъ со всею своею ратью, въ Новгородъ же послалъ сказать: „я отказываюсь отъ всего того, за что вы меня не взлюбили, а въ томъ поручатся за меня князья“. Но это посольство нисколько не помогло, Новгородцы стояли на своемъ и отправили къ Ярославу своего посла Лазаря Моисѣевича, который именемъ Новгорода сказалъ: „княже! ты вздумалъ на св. Софію; а иди, мы за нее готовы сложить свои головы; нѣтъ у насъ князя, но есть Богъ и правда и св. Софія; а тебя мы нехотимъ“. Въ слѣдъ за посломъ двинулась и вся рать Новгородская и Псковичи, и Ладожане, и Корѣла, и Ижера, и Во-

жане, и всѣ отъ мала до велика, и недоходя Русы остановились у Голина на бродѣ, и тамъ стояли цѣлую недѣлю, а Ярославовы полки противъ нихъ на другомъ берегу. Ярославъ между тѣмъ послалъ гонца къ митрополиту Кириллу и ждалъ отъ него грамоты въ Новгородъ. Наконецъ митрополитъ прислалъ къ Новгородцамъ слѣдующую грамоту: „мнѣ поручилъ Богъ архіепископью въ Русской землѣ, вамъ слушать Бога и меня, крови непроливайте, а Ярославъ отказывается отъ всего, чѣмъ озлобилъ васъ, и въ томъ я ручаюсь; а ежели и крестъ цѣловали, то я за васъ принимаю на себя епитимію и отвѣчаю за то предъ Богомъ“. Митрополичья грамота такъ подѣйствовала на Новгородцовъ, что они вступили въ переговоры съ послами Ярослава, прибывшими въ ихъ лагерь и заключили миръ, по которому опять приняли Ярослава себѣ въ князья; но обязали его новою договорною грамотою, на которой онъ въ присутствіи Татарскихъ пословъ цѣловалъ крестъ править Новгородомъ по старымъ Новгородскимъ уставамъ, отказаться отъ всѣхъ нововведеній и возвратить каждому то, что у кого отнялъ прежде, и не держать гнѣва ни на посадника, ни на владыку, и вообще на Новгородцовъ, не затворять торговаго Нѣмецкаго двора и приставовъ не приставливать, а торговать съ Нѣмцами только черезъ Новгородцовъ. Грамота эта дошла до нашего времени въ подлинникѣ, и на оборотѣ ея написано: „сажали Ярослава Татарскіе послы Чевгу и Бакши съ грамотою Менгу-Темира

царя". Слѣдовательно Новгородцы приняли Ярослава не по одному посланію митрополита Кирилла но и по требованію Татарскаго хана Менгу-Темира, который хотя и остановилъ войска свои по ходатайству князя Василія Ярославича Костромскаго, тѣмъ неменѣе приказалъ своему посольству сопровождать Ярослава въ походѣ на Новгородъ. Ярославъ, такимъ образомъ посаженный Татарскими послами, прожившн лѣто въ Новгородѣ, на зиму отправился во Владимиръ, оставивъ въ Новгородѣ своимъ намѣстникомъ Андрея Воротиславича, а черезъ годъ скончался на возвратномъ пути изъ Орды.

Отъ времени князя Ярослава Ярославича до насъ дошли два оффиціальные памятника: Уставъ Ярослава о мостовыхъ въ Новгородѣ и договорная грамота Новгородцовъ съ Нѣмецкими торговыми городами и Готландомъ. Первый памятникъ свидѣтельствуетъ о внутреннемъ устройствѣ Новгорода; изъ него мы видимъ, что устройство мостовыхъ въ Новгородѣ въ это время поручалось особымъ выборнымъ начальникамъ, называвшимся осменниками, которымъ за это каждая Новгородская община давала опредѣленную законом плату; и плата сія по уставу разпредѣлялась слѣдующимъ порядкомъ: починъ платы положенъ съ Людина конца до Добрыни улицы и до улицы Епископской, этотъ конецъ и улицы составляли одну общину плательщиковъ; 2-ю общину составляла Прусская улица, сосѣдняя съ Добрыниною, до церкви Бориса и Глѣба; 3-ю общину составляли Тигожане и Колом- Уставъ Ярослава о мостовыхъ.

ляне; 4-ю Нередичане до Бережанъ; 5-ю до Пидблянъ; 6-ю Пидбляне до Чудинцевой улицы, 7-ю Чудинцева улица съ Загородцами; 8-ю владыка съ двумя улицами изгоевъ до острой городни. За общинами по улицамъ слѣдовали въ платежѣ за мостовыя общины по сотнямъ, которыхъ въ то время въ Новгородѣ было девять, названныхъ по именамъ сотскихъ: 1-я Давыдова сотня; 2-я Слѣпцова сотня; 3-я Бовыкова; 4-я Олексина; 5-я Ратиборова; 6-я Кондратова; 7-я Романова; 8-я Сидорова: 9-я Гаврилова сотня; это кажется были сотни коренныхъ гражданъ Новгорода. За тѣмъ слѣдовали двѣ сотни княжихъ, можетъ быть населенныя княжими служителями. За княжими сотнями помѣщены сотни позднѣйшихъ поселенцевъ въ Новгородѣ изъ разныхъ краевъ Новгородской земли, таковыхъ сотенъ по уставу было восемь и за ними сохранились имена тѣхъ краевъ, откуда пришли поселенцы; они были слѣдующія: 1-я Ржевская сотня, конечно изъ Ржевы: 2-я Бѣжицкая сотня изъ Бѣжичей; 3-я Вочская сотня, по всему вѣроятію изъ Вотьской земли; 4-я Обониская изъ Заопежья; 5-я Луская сотня, конечно съ рѣки Луги: 6-я Лопьская, тоже изъ Заопежья изъ Лопьскаго погоста; 7-я Волоховская по берегу Волхова, у этой сотни было три пристани на Волховѣ; и наконецъ 8-я Яжелбицкая сотня, тоже около Волхова, имѣвшая двѣ пристани по Волхову. По всему вѣроятію сіи новыя сотни поселенцевъ, удержавшія свое названіе отъ мѣстностей откуда они были выведены, по-

селились въ Новгородѣ въ послѣднее время, послѣ тѣхъ страшныхъ опустошеній отъ голода, мора и войны, которыя выдержалъ Новгородъ при князьяхъ Суздальскихъ Всеволодѣ Юрьевичѣ и Ярославѣ Всеволодовичѣ. За новопоселенными сотнями по уставу въ платежѣ мостовщины слѣдовали общины: 1-я Софіяне до двора тысяцкаго; 2-я Тысяцкій до Вощниковъ; и 3-я отъ Вощниковъ посаднику до великаго ряду; здѣсь мы находимъ указаніе, что тысяцкій и посадникъ, кажется, имѣли казенные или общественные дворы, стоявшіе въ Неревскомъ концѣ. Наконецъ на торговой сторонѣ, или на правомъ берегу Волхова, по уставу для платежа мостовщины были слѣдующіе отдѣлы: 1-й отдѣлъ отъ княжаго двора до Нѣмецкаго вымола, т. е. пристани; 2-й отдѣлъ Нѣмцы, т. е. Нѣмецкій торговый дворъ да Еваня вымола; 3-й отдѣлъ Готы, т. е. Готландскій торговый дворъ, отъ Еваня вымола до Геральдова вымола задняго; 4-й отдѣлъ отъ Геральдова вымола до Будетина вымола; 5-й отдѣлъ Ильинская улица до Матвѣева вымола; 6-й Михайловская улица до Бардовой улицы; и наконецъ 8-й отдѣлъ составлялп Витковляне до Климятиныхъ сѣпей, т. е. жители Виткова переулка до паперти церкви св. Климента.

Договоръ съ Нѣмецкими городами и Готландомъ.

Вторый памятникъ Ярославова времени, какъ уже сказано, составляетъ договорная грамота Новгорода съ Нѣмецкими торговыми городами (Ганзою) и Готландомъ, по всѣмъ соображеніямъ писанная въ 1270 году; грамота эта довольно подробно опредѣляетъ

отношенія Новгорода къ Нѣмецкимъ городамъ и Готланду по торговымъ дѣламъ; она писана отъ имени князя Ярослава Ярославича, посадника Павла (или Павши по лѣтописямъ), тысяцкаго Ратибора и отъ всѣхъ Новгородцовъ, согласно съ желаніемъ Нѣмцевъ и Готландцевъ, выраженнымъ въ особыхъ посланіяхъ, представленныхъ Нѣмецкимъ и Готландскимъ послами. Въ ней, во 1-хъ, говорится о пути по Невѣ отъ Готланда до Котлина острова или Кетлингена, и отъ Новгорода до Котлина острова: ежели что случится съ Нѣмецкимъ или Готландскимъ лѣтнимъ гостемъ на этомъ пути, отъ Котлина до Новгорода, то за это отвѣчаютъ князь съ Новгородцами; а зимніе гости непремѣнно должны брать, согласно съ прежнимъ миромъ, Новгородскаго пристава и Новгородскихъ купцовъ; а ежели они ихъ не возьмутъ и съ ними что приключится на пути отъ Котлина до Новгорода, то князю и Новгородцамъ до того нѣтъ дѣла. А ежели Новгородцы не выплютъ пристава и купцы Новгородскіе не выѣдутъ, то Нѣмцамъ безпрепятственно ѣхать однимъ и безъ пристава. Ежели же Нѣмецъ или Готландецъ поѣдетъ для торга въ Корѣлію и что съ нимъ случится, то Новгородцамъ до того дѣла нѣтъ. Гостямъ безпрепятственно дозволяется для судовыхъ надобностей рубить лѣсъ по обоимъ берегамъ Невы. 2) Ежели гости поймаютъ вора между Котлинымъ и Ладогою, то должны вести его на судъ въ Ладогу; а ежели воръ будетъ пойманъ между Ладогою и Новгородомъ, то его судить въ Новгородѣ. 3)

Нѣмцы и Готландцы, прибывши къ порогу въ Волховѣ, должны требовать пороговыхъ лоцмановъ и принимать на свои корабли рабочихъ людей столько, сколько брали издавна, но не болѣе. Прибывши къ гостиной пристани, гость долженъ платить пошлину столько, сколько платилось прежде, и лоцману за проѣздъ по Невѣ внизъ и вверхъ пять марокъ купъ или окорокъ, а отъ Новгорода до Ладоги и назадъ лоцману три марки кунъ или полъокорока. Ежели разобьется барка, нанятая для перевозки товаровъ, то гости за барку не платятъ, а за наемъ барки должны заплатить. Ежели лоцманы на проѣздѣ поссорятся съ гостями и дорогою же помирятся, то этого дѣла въ Новгородѣ не поднимать; а ежели дорогою не примирятся, то ссора должна быть разобрана передъ тысяцкимъ и Новгородцами во дворѣ св. Іоанна, т. е. у Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ была судебная торговая палата. Извощики въ Новгородѣ должны получать съ каждой барки, приводимой къ Нѣмецкому двору, по 15 кунъ, а къ Готландскому двору по 10 кунъ. 4) Ежели Новгородецъ задолжаетъ въ Готландіи, то его за долги нельзя посадить въ погребъ, равнымъ образомъ и Нѣмца и Готландца нельзя посадить въ погребъ въ Новгородѣ; также къ должникамъ нельзя посылать бирича или брать ихъ за одежду, а должно дать съ каждой стороны пристава отъ тысяцкаго. А въ случаѣ ссоры между Новгородцами и Нѣмцами, она должна быть разобрана во дворѣ св. Іоанна при посадникѣ, тысяцкомъ и при купцахъ.

5) О Нѣмецкомъ и Готландскомъ дворахъ: ежели кто на который изъ сихъ дворовъ придетъ съ обнаженнымъ оружіемъ и кого ранитъ или похититъ товаръ, и будетъ пойманъ, то его судить по пошлинѣ, т. е. какъ узаконено. Ежели же кто сломаетъ ворота или ограду, то и за это также предается суду по пошлинѣ, а на мѣсто сломанной ограды выстроить новую. Луга, которыми Нѣмцы и Готландцы владѣютъ, должны принадлежать имъ въ собственность тамъ, гдѣ они ихъ объявятъ. 6) Ежели возникнетъ ссора во время лѣтняго поѣзда, то зимнему поѣзду за лѣтнихъ не отвѣчать, и на оборотъ лѣтнимъ гостямъ не отвѣчать за зимнихъ гостей. Въ случаѣ, ежели лѣтніе и зимніе гости имѣли въ чемъ либо раздѣлаться судомъ, то они должны покончить это передъ тысяцкимъ, старшинами и Новгородцами, и должны безпрепятственно ѣхать своею дорогою, гдѣ ссора возникнетъ, тамъ ее и должно покончить. Ежели возникнетъ споръ изъ-за ареста имущества, то въ первый годъ должно объявить объ этомъ, но товары не должны быть арестованы, также и на второй годъ; но если споръ не рѣшится и на третій годъ, то должно взять товаръ и подвергнуть аресту. 7) Въ случаѣ войны между Новгородомъ и сосѣдями, гостю путь чистъ ѣздить безпрепятственно водою и сухимъ путемъ такъ далеко, какъ далеко простираются владѣнія Новгородцовъ. 8) Въ случаѣ, когда Нѣмецъ и Новгородецъ должны представить свидѣтелей, и оба представятъ одного, то таковому свидѣтелю долж-

но вѣрить; но если не представятъ одного свидѣтеля и свидѣтели порознятъ, то бросить жеребій, и чей жеребій выпадетъ, на сторонѣ его свидѣтеля и право. Кто, вступивъ съ Нѣмцемъ или Готландцемъ въ торговыя дѣла, испортитъ или истратитъ его товаръ, то долженъ прежде всего удовлетворить гостей, а потомъ другихъ, кому долженъ. Ежели жена поручится за мужа, то должна вмѣстѣ съ нимъ отвѣчать за долгъ своимъ лицомъ, если заплатить не въ состояніи. Ежели же жена не поручилась за мужа, то не отвѣчаетъ за его долгъ. 9) Ежели Новгородскій посолъ будетъ убитъ за моремъ, то за него должно заплатить 20 марокъ серебра; равнымъ образомъ столько же платится за Нѣмецкаго посла въ Новгородѣ и его области; таже плата за священника и ольдермана, а за купца 10 марокъ серебра. Кто поранитъ человѣка острымъ оружіемъ или копьемъ, тотъ долженъ заплатить ему полторы марки серебра. Ежели одинъ ударитъ другаго въ ухо или по шеѣ, то долженъ заплатить три ферднига обиженному. 10) Вѣсы и гири для серебра и для другаго товара должно держать ровно и правильно. Кань должна заключать въ себѣ вѣсу восемь Ливонскихъ фунтовъ.

Князья Дмитрій и Василій Ярославичъ спорятъ о Новгородѣ.

По смерти князя Ярослава Ярославича явились два искателя на Новгородскій престолъ. Первый прислалъ своихъ пословъ съ поклономъ Димитрій Александровичъ князь Переяславльскій, княжившій прежде въ Новгородѣ отъ имени отца, и въ 1268 году усердно помогавшій Новгородцамъ

въ войнѣ съ Датчанами и Ливонскими Нѣмцами, и участвовавшій въ страшной битвѣ подъ Раковоромъ; а въ слѣдъ за нимъ, также съ поклономъ, прислалъ своихъ пословъ князь Костромскій Василій Ярославичъ, недавно ходатайствовавшій за Новгородцовъ у Татарскаго хана и теперь бывшій великимъ княземъ Владимирскимъ. Послы обоихъ князей въ одно время стояли на Ярославовомъ дворѣ, а Новгородцы съ своимъ посадникомъ Павшею разсуждали, кого избрать изъ двухъ князей; вѣче раздѣлилось на двѣ стороны, одна хотѣла Димитрія, а другая Василія, было нѣсколько споровъ, наконецъ выборъ палъ на Димитрія, сторону котораго держалъ самъ посадникъ; и 9 октября 1272 года, Димитрій, по приглашенію вѣча, прибылъ въ Новгородъ. Василій же Ярославичъ, не получивъ Новгорода посольствомъ, вздумалъ занять его силою; и на другой годъ, захвативъ Торжокъ и посадивъ тамъ своего тіуна, удалился въ Кострому, а союзникъ его Святославъ князь Тверской, началъ опустошать Новгородскія волости—Волокъ, Бѣжичи и Вологду, сталъ отнимать у Новгородскихъ гостей товары и не пускать хлѣба въ Новгородъ, отъ чего тамъ сильно поднялась цѣна на хлѣбъ. На зиму Димитрій съ Новгородцами пошелъ на Тверскаго князя, а къ Василью вѣче отправило посланниковъ съ просьбою, чтобы возвратилъ захваченныя Новгородскія волости и заключилъ миръ съ Новгородомъ. Но Василій, надѣясь на свою партію, отпустилъ посла съ честію, а мира не далъ. Между тѣмъ Новгород-

ская рать съ Димитріемъ, прибывши въ Торжокъ, составила вѣче, на которомъ Василіева сторона одолѣла противниковъ. Димитрій, видя это, самъ добровольно отказался отъ Новгорода и уѣхалъ въ Переяславль, куда за нимъ пустился и лишенный посадничества Павша съ другими пріятелями Димитрія. Въ слѣдъ за тѣмъ вѣче выбрало въ посадники Михаила Мишинича, внука Твердиславова, послали посольство за Василіемъ и въ Торжкѣ же цѣловали всѣ образъ Господень, чтобы всѣмъ быть за одно съ посадникомъ Михаиломъ. По зову изъ Торжка, Василій прибылъ въ Новгородъ и, принятый съ честію, спокойно оставался Новгородскимъ княземъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, до своей кончины; онъ вѣрно соблюдалъ старые Новгородскіе уставы и вскорѣ по прибытіи своемъ въ Новгородъ постарался возвратить посадничество своему противнику, народному любимцу. Павшѣ, чѣмъ, конечно, много угодилъ народу. Новгородцы съ княземъ Василіемъ жили въ мирѣ и согласіи, да и съ сосѣдями въ эти три года у нихъ не было ссоръ; Литва, Ливонскіе Нѣмцы, Датчане и Шведы, можетъ быть видя полное согласіе Новгородцовъ съ княземъ, довольно строго соблюдали миръ съ Новгородомъ.

Князь Дмитрій Александровичъ

Съ смертію великаго князя Василія Ярославича кончились и согласіе и спокойствіе въ Новгородѣ, и самые сосѣди Новгородскіе Шведы и Ливонскіе Нѣмцы принялись за старое и начали безпокоить Новгородскія владѣнія. Новгородцы, узнавши о кончинѣ великаго князя Василія Ярославича, немед-

ленно отправили во Владимиръ посольство, звать прежняго своего избранника князя Димитрія Александровича Переяславскаго, который теперь уже по смерти Василія былъ великимъ княземъ Владимирскимъ. По этому зову Димитрій весною 1277 года пріѣхалъ въ Новгородъ и былъ принятъ съ честію и посаженъ на княжескій престолъ. Но съ этимъ княземъ мудрено было Новгородцамъ жить въ мирѣ и согласіи; Димитрій по самовластію во многомъ походилъ на своего родителя Александра Ярославича, но не имѣлъ такого ума, какимъ былъ одаренъ его отецъ. А потому его княженіе, продолжавшееся слишкомъ 15 лѣтъ, было переполнено безпорядками, нарушеніями Новгородскихъ правъ и ссорами. Новгородскія партіи, мало покойныя прежде, при Димитріѣ дошли до крайности и такъ перепутались между собою, что иногда и разобрать трудно, изъ за чего которая партія поднимала шумъ и мятежъ.

На другій годъ по прибытіи своемъ въ Новгородъ, князь Димитрій Александровичъ съ Новгородцами и Низовыми полками отправился въ Корѣльскую землю казнить Корѣлу, и отдалъ весь этотъ край на разграбленіе своимъ ратникамъ. Новгородскія лѣтописи не говорятъ, въ чемъ провинилась Корѣла; впрочемъ еще въ 1269 году князь Ярославъ Ярославичъ замышлялъ идти на Корѣлу, но тогда Новгородское вѣче не дало на это своего согласіе и упросило отложить походъ; можетъ быть Корѣла, подстрекаемая Шведами, утвердившимися въ Финляндіи, стала оказывать непокорность Нов-

городу, а можетъ быть этотъ походъ былъ сдѣланъ по замысламъ князя Димитрія. На слѣдующій годъ послѣ Корѣльскаго похода, по замысламъ своей партіи, князь Димитрій построилъ себѣ городъ Копорью съ Новгородскаго дозволенія, а на другій годъ обвелъ его каменною стѣною при помощи посадника и большихъ мужей своей партіи. Таковое самовластіе Димитрія, хотя и прикрытое дозволеніемъ вѣча, очевидно составленнаго изъ княжихъ сторонниковъ, крайне смутило Новгородцовъ: ибо со временъ Рюрика на Новгородской землѣ никогда не бывало княжеской крѣпости, а Дмитрій выстроилъ еще каменную. А посему въ томъ же году собралось вѣче, на которомъ отняли посадничество у Димитріева приверженца Михаила Мишинича, вызвали изъ Ладоги Семена Михайловича и дали ему посадничество. На отнятіе посадничества у Михаила Мишинича былъ принужденъ согласиться даже самъ Димитрій Александровичъ; но это такъ раздражило его, что онъ немедленно оставилъ Новгородъ и объявилъ Новгородцамъ войну. Вѣче послало къ нему своего владыку архіепископа Климента съ мольбою, чтобы онъ отложилъ свой гнѣвъ; но князь не послушалъ просьбъ владыки, и на зиму вступилъ въ Новгородскія владѣнія съ Низовыми полками, надѣлалъ много зла Новгородской волости, дошелъ до Шелони, и потомъ, заключивъ миръ, удалился во Владимиръ.

Но Шелонскій миръ, учиненный не по волѣ Новгородцовъ, нисколько непрекратилъ неудоволь-

ствій между княземъ и вѣчемъ; ибо по этому миру Копорье, такъ ненавистное Новгороду, осталось за княземъ. и Димитрій ввелъ туда свою дружину съ своимъ зятемъ Довмонтомъ. А посему лишь только возсталъ на Димитрія его меньшій братъ Андрей, князь Городецкій; то и Новгородцы отказались повиноваться ему. И когда Димитрій, прогнанный Андреемъ изъ Переяславля, думалъ пробраться въ Копорье; то Новгородцы вышли полкомъ па озеро Ильмень и, загородивъ ему дорогу, принудили отступиться отъ Копорья и вывести оттуда свою дружину, взяли у него двухъ дочерей и нѣсколько бояръ съ женами и дѣтьми и послали въ Новгородъ въ заложники, пока не будетъ выведена княжая дружина изъ Копорья. Не смотря на это Довмонтъ не только недумалъ очистить Копорье, но даже нечаянно напалъ на Ладогу, забралъ тамъ все имущество Димитрія, причемъ захватилъ часть Ладожскихъ товаровъ Тогда Новгородцы отправили посольство къ Андрею Городецкому, звать его къ себѣ въ князья; а сами пошли ратью на Копорье, выгнали оттуда дружину Дмитріеву съ Довмонтомъ, а городъ срыли до основанія. Потомъ прибылъ въ Новгородъ и князь Андрей Александровичъ Городецкій; онъ, побывъ тамъ не долго и взявши съ собою посадника и старѣйшихъ Новгородскихъ мужей въ провожатые, отправился во Владимиръ, потомъ, дошедши до Владимира, отпустилъ Новгородскихъ мужей домой, а самъ ушелъ въ свой Городецъ; ибо Димитрій тѣмъ временемъ успѣлъ про-

браться въ Переяславль и началъ собирать войско. Новгородскій же посадникъ Семенъ Михайловичъ съ боярами, возвращаясь изъ Владимира, пришелъ въ Торжекъ и сѣлъ тамъ въ засадѣ, чтобы непропускать въ Торжекъ намѣстниковъ Димитріевыхъ, а весь лишній хлѣбъ препроводилъ въ Новгородъ, гдѣ уже въ немъ чувствовался довольно замѣтный недостатокъ.

Между тѣмъ князь Андрей Александровичъ, узнавши о приготовленіяхъ Димитрія къ войнѣ, ушелъ въ Орду искать Татарской помощи. а Новгородцы вмѣстѣ съ Андреевыми союзниками, князьями Святославомъ Тверскимъ и Даніиломъ Московскимъ, пустилиськ Переяславлю на Димитрія. Димитрій съ своими полками вышелъ къ нимъ на встрѣчу и остановился въ Дмитровѣ, куда скоро подошли и Новгородцы съ своими союзниками, и не доходя до Дмитрова пяти верстъ, обѣ стороны вступили въ переговоры, которые продолжались пять дней и кончились тѣмъ, что Димитрій заключилъ миръ на условіяхъ предложенныхъ Новгородцами, и Новгородцы возвратились домой. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ главной Новгородской рати, бывшей въ Переяславскомъ походѣ, Ливонскіе Нѣмцы Невою вступили въ Ладожское озеро и избили Новгородскихъ Обонежскихъ купцовъ; но принуждены были удалиться, когда на нихъ напали Ладожане.

На слѣдующій (1284) годъ пріѣхалъ въ Торжекъ князь Андрей Александровичъ, возвратившійся изъ Орды, и, пригласивъ къ себѣ Новгородскаго по-

Князь Андрей Александровичъ.

садника Семена Михайловича съ старѣйшими мужами, условился съ ними, какъ владѣть Новгородомъ, и цѣловалъ къ Новгородцамъ крестъ неотступаться отъ Новгорода, а Новгородцы цѣловали къ нему крестъ,—не искать другаго князя, жить ли, умереть ли съ княземъ Андреемъ. Но это цѣлованіе креста ни къ чему неповело; ибо въ то время какъ Андрей и Новгородцы цѣловали другъ къ другу крестъ, Димитрій, получилъ помощь отъ сильнаго Татарскаго хана Ногая; и Андрей, воротившись во Владимиръ, принужденъ былъ заключить съ Димитріемъ миръ, по которому онъ отказался отъ Новгорода. Мало этого, Димитрій вмѣстѣ съ Татарскою и Низовою ратью двинулся въ Новгородскія владѣнія и принудилъ Андрея участвовать въ этомъ походѣ; этимъ походомъ Новгородскія владѣнія были сильно опустошены; и Новгородцы, не имѣя въ сборѣ войска, принуждены были заключить миръ и признать Димитрія своимъ княземъ. И на этотъ разъ Димитрію удалось удержать за собою Новгородъ почти 10-ть лѣтъ.

Князь Димитрій Александровичъ въ другій разъ.

Сдѣлавшись снова Новгородскимъ княземъ, Димитрій при помощи своей партіи, черезъ годъ (въ 1286 году) отнялъ посадничество у Семена Михайловича и отдалъ Андрею Климовичу, а тысяцкое Андреяну Ольферьевичу, и въ слѣдъ за тѣмъ начались страшные безпорядки. Димитріева партія, не довольная еще отнятіемъ посадничества у Семена Михайловича, въ слѣдующемъ году подняла на него чуть не весь Новгородъ; всѣ вооружились, какъ на рать,

и безъ всякаго суда начали грабить Семеновъ дворъ, такъ что самъ Семенъ едва успѣлъ спастися къ владыкѣ, который проводилъ его въ церковь св. Софіи и на другій день съумѣлъ утишить мятежъ, послѣ чего Семенъ вскорѣ разболѣлся и умеръ. Но не долго торжествовала и Димитріева партія, самъ князь Димитрій своимъ самовластіемъ способствовалъ паденію своихъ сторонниковъ. Онъ на другій годъ по смерти Семена потребовалъ, чтобы Новгородцы шли съ его полками на Тверь; и его посаженникъ посадникъ Андрей съ своею партіею исполнилъ это требованіе, и самъ водилъ Новгородскіе полки и вмѣстѣ съ Димитріемъ сильно опустошилъ Тверскую область. Эта угодливость князю въ явное нарушеніе старыхъ Новгородскихъ правъ, такъ раздражила Новгородцовъ, что они, собравши вѣче, отняли посадничество у Андрея Климовича и дали Юрью Мишиничу, а посадничество въ Ладогѣ отдали Матвею Семеновичу, и начались снова безпорядки. Великимъ постомъ во вторникъ похвальной недѣли жители Прусской улицы убили на владычнемъ дворѣ Самойла Ратшинича въ то время, какъ онъ шелъ къ заутрени. Это убійство опять вооружило весь Новгородъ, зазвонили вѣче у св. Софіи и у св. Николы и въ доспѣхахъ, въ полномъ оружіи, всѣ бросились на Прусскую улицу, разграбили тамъ всѣ домы и сожгли улицу. Но и этимъ дѣло не кончилось,—на другій годъ крамольники разграбили торгъ; за тѣмъ собралось вѣче, по суду котораго двухъ главныхъ заводчиковъ крамолы сбро-

сили съ моста въ Волховъ. Наконецъ въ 1293 году пришелъ конецъ княженію Димитрія и во Владимирѣ и въ Новгородѣ. Князь Андрей Александровичъ вооружилъ противъ него всѣхъ Русскихъ князей и привелъ изъ орды Татарскую рать съ царевичемъ Дюденемъ. Дмитрій бѣжалъ во Псковъ къ своему зятю Довмонту, а Татары, опустошивши его владѣнія, выдвинулись къ границамъ Новгородскимъ и остановились на Волокѣ. Новгородцы, узнавши объ этомъ, выслали къ царевичу Дюденю дары, чтобы воротилъ рать, а къ князю Андрею отправили посольство звать его въ Новгородъ. Дюдень и Андрей, довольные дарами и посольствомъ, поворотили свои рати отъ Новгородскихъ границъ; потомъ Андрей самъ прибылъ въ Новгородъ, и тѣмъ кончилось бурное княженіе Дмитрія.

Войны съ Шведами и Литвою.

Княженіе Димитрія, обильное внутренними мятежами и ссорами, изобильно было также и войнами съ Нѣмцами и Шведами, но войнами безплодными и часто не удачными; Новгородцы, тѣснимые самовластіемъ князя и втянутые имъ въ княжескія междоусобія, плохо дѣйствовали противъ внѣшнихъ своихъ непріятелей. Такъ въ 1283 году Новгородцы оставили безъ наказанія Ливонскихъ Нѣмцевъ, избившихъ Обонежскихъ купцовъ; а въ 1285 году Литва невозбранно опустошила Новгородскія волости по Ловати. Между тѣмъ Шведы, болѣе и болѣе утверждаясь въ Финляндіи, начали разпространять свои виды и на Корѣлію; они въ 1284 году, подъ предводительствомъ своего воеводы Трунды, въ лойвахъ

и въ шнекахъ вошли въ Неву, имѣя въ виду взять дань на Корѣлѣ; впрочемъ этотъ походъ имъ неудался, Новгородцы съ посадникомъ своимъ Семеномъ и съ Ладожанами загородили устье Невы, и дождавшись здѣсь возвращенія Шведовъ, большую часть ихъ избили, а остальные принуждены были спасаться бѣгствомъ. Въ 1292 году Новгородская молодежъ, повольники, подъ предводительствомъ княжескихъ воеводъ, явились въ Финляндіи мстить Шведамъ за Корѣльскій набѣгъ, опустошили земли Еми, взяли одинъ изъ тамошнихъ городовъ, и награбившись досыта, благополучно возвратилась домой. На это Шведы въ тотъ же годъ отвѣчали набѣгомъ на Корѣлу и Ижеру въ числѣ 800 ратниковъ; но этотъ набѣгъ былъ для Шведовъ также неудаченъ, какъ и набѣгъ 1284 года. Корѣла и Ижерцы всѣхъ ихъ или избили или переловили. Тѣмъ не менѣе Шведы не оставляли своихъ замысловъ покорить Корѣлу и какъ можно болѣе стѣснить Новгородскую торговлю; съ этою цѣлію они въ 1293 году, пользуясь пашествіемъ царевича Дюденя и князя Андрея Александровича на Новгородскія земли, выстроили на границахъ Корѣльской земли городъ Выборгъ и укрѣпили его.

Князь Андрей Александровичъ, послѣ бѣгства Дмитріева пріѣхавшій въ Новгородъ по просьбѣ народа, княжилъ тамъ десять лѣтъ, и такъ строго соблюдалъ изконные Новгородскіе порядки, что пользовался общимъ уваженіемъ и любовію народа, и въ его десятилѣтнее правленіе не было ни возму-

Князь Андрей Александровичъ второ-рично.

щеній, ни безпорядковъ въ Новгородѣ, а равнымъ образомъ и дѣла съ безпокойными сосѣдями Нѣмцами и Шведами шли довольно счастливо. Андрей Александровичъ въ случаѣ нужды не только самъ усердно помогалъ Новгородцамъ, но умѣлъ и другихъ князей побуждать къ тому же. Онъ только что вступилъ въ Новгородъ, то немедленно одну рать съ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ, Юріемъ Мишиничемъ и тысяцкимъ Андреяномъ отправилъ противъ Шведовъ къ новопостроенному ими Выборгу, а съ другою ратью самъ и съ посадникомъ Андреемъ отправился въ Торжекъ, чтобы перехватить Димитрія, пробиравшагося изъ Пскова въ свой Переяславль. Походъ къ Выборгу, начатый съ небольшою ратью и въ весеннюю ростепель, былъ неудаченъ; Новгородцы, не имѣя возможности начать правильную осаду, вздумали покончить дѣло приступомъ; но по малочисленности Новгородской рати приступъ этотъ неудался, Шведы дрались отчаянно и многихъ ранили, и Новгородцы должны были безъ успѣха воротиться домой. Что же касается до похода князя Андрея въ Торжекъ, то хотя Димитрій окольными путями успѣлъ пробраться чрезъ Новгородскія владѣнія и не былъ настигнутъ Андреевою погонею; но онъ уже не заявлялъ притязаній на Новгородъ и изъ Твери прислалъ тамошняго епископа въ Торжекъ съ поклономъ и просьбою о мирѣ, обѣщаясь Новгородцамъ возвратить Волокъ и спокойно княжить въ Переяславлѣ; и Новгородцы въ Торжкѣ же заключили съ нимъ миръ, послѣ ко-

тораго онъ вскорѣ умеръ, не успѣвши даже выѣхать изъ Волока.

Князь Андрей Александровичъ, по заключеніи мира съ Дмитріемъ, изъ Торжка же отправился въ Низовую землю, т. е. во Владиміръ, а посадника Андрея отпустилъ въ Новгородъ. У Новгородцевъ въ слѣдъ за тѣмъ началась упорная борьба съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами, продолжавшаяся во все врéмя княженія Андреева. Въ годъ же заключенія мира съ Димитріемъ Ливонскіе Нѣмцы перешли Нарову и построили городокъ на Новгородской сторонѣ; Новгородцы, спокойные дома, немедленно вооружились, взяли городокъ приступомъ, разорили его до основанія и сожгли близъ лежащее Нѣмецкое селеніе. Но только что Новгородцы управились съ Ливонскими Нѣмцами, какъ на другой годъ (1295 г.) Шведы съ своимъ воеводою Сигге явились въ Корѣлію и заложили городъ Кексгольмъ; Новгородцы снова вооружились, взяли городъ приступомъ, разрыли его до основанія, убили самаго воеводу Сигге и непустили ни одного Шведа домой живаго; а сами, чтобы имѣть городъ по близости къ Финскому заливу, возобновили и укрѣпили Копорье въ 1297 году. На слѣдующій годъ Ливонскіе Нѣмцы, собравшись съ силами и желая отомстить за разореніе ихъ городка и селъ по Наровѣ, 4-го марта изгономъ напали на Псковъ, сожгли посадъ, разорили нѣсколько пригородныхъ монастырей, изрубили беззащитныхъ старцевъ иноковъ, избили множество женъ и дѣтей на посадѣ, а на другой день

Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами.

осадили и самый Псковъ; но во Псковѣ живъ еще былъ любимый народомъ старикъ князь Довмонтъ, незнавшій страха въ битвахъ; и Нѣмцы дорого поплатились за свой смѣлый набѣгъ. Псковичи, предводительсствуемые Довмонтомъ и знаменитымъ своимъ витяземъ Иваномъ Дорогомиловымъ, недожидаясь помощной рати отъ Новгорода, мужественно выступили изъ города, напали на Нѣмцовъ на берегу рѣки Великой, близъ церкви Петра и Павла, разбили на голову, вмяли въ рѣку и многихъ потопили, ранили въ голову самаго Нѣмецкаго командора и такое произвели опустошеніе въ ихъ полку, что большая ихъ часть легла костьми и только не многіе спаслись бѣгствомъ, побросавши оружіе. Таковой побѣды, по словамъ лѣтописи, Псковичи еще никогда не одерживали надъ Нѣмцами.

Моръ и пожаръ.

Но въ слѣдъ за побѣдами и успѣхами Новгородъ и Псковъ въ слѣдующемъ 1299 году потерпѣли большія нещастія. Во Псковѣ былъ сильный моръ, отъ котораго погибло множество людей и между ними любимый народомъ князь Довмонтъ; Новгородъ же постигнулъ страшный пожаръ, истребившій до половины города. Пожаръ этотъ начался въ часъ ночи въ великую субботу: прежде всего загорѣлось на Варяжской улицѣ, при чемъ поднялася страшная буря съ вихремъ, отъ чего огонь такъ сильно захватывалъ домы, что люди едва успѣвали выбѣгать, о спасеніи же имущества нечего было и думать. За Варяжской улицей захватило пламенемъ огромный торговый Нѣмецкій дворъ; потомъ съ Нѣ-

мецкаго двора пламя перекинуло въ Неревскій конецъ и охватило всю Холопью улицу и даже заняло великій мостъ черезъ Волховъ, далѣе перешло къ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ и истребило всѣ лавки и товары на тамошнемъ торговомъ дворѣ, за тѣмъ пожаръ, распространившись по торговой сторонѣ, истребилъ 12 церквей, причемъ погибло множество народа. Такъ что радостный день Свѣтлаго Христова Воскресенія Новгородцы на этотъ разъ встрѣтили съ воплемъ и слезами, — кто стенялъ на дымящихся пожарищахъ, оплакивая погорѣвшее и пограбленное имущество, нажитое потомъ и трудами, кто рыдалъ надъ обгорѣвшими трупами дѣтей и другихъ родственниковъ. А черезъ мѣсяцъ послѣ пожара Новгородцамъ пришлось оплакивать кончину своего любимаго архіепископа Климента, болѣе 23 лѣтъ управлявшаго Новгородскою церковію. По смерти Климента Новгородцы съ своимъ посадникомъ Андреемъ приступили къ избранію новаго владыки, и послѣ многихъ толковъ, излюбили Благовѣщенскаго игумена Ѳеоктиста, и, собравъ вѣче у св. Софіи, всѣмъ Новгородомъ вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ Андреевичемъ, который правилъ въ Новгородѣ отъ имени отца, ввели его на владычень дворъ, и посадили тамъ, пока неузнаютъ гдѣ митрополитъ. На другой годъ митрополитъ Максимъ съ епископами Ростовскимъ Симеономъ и Тверскимъ Андреемъ прибылъ въ Новгородъ и посвятилъ Ѳеоктиста въ архіепископы въ церкви св. Софіи, нареченіе же Ѳеоктисту передъ посвящені-

емъ было въ церкви Бориса и Глѣба. Въ этотъ годъ Новгородъ сталъ поправляться послѣ страшнаго пожара и при новомъ архіепископѣ было выстроено нѣсколько новыхъ церквей на мѣсто погорѣвшихъ.

Война со Шведами.

Между тѣмъ Шведы, не смотря на неоднократныя неудачи, не отступались отъ своего намѣренія построить себѣ крѣпкій городъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ, и въ настоящемъ 1300 году на сто одинадцати большихъ судахъ, подъ предводительствомъ королевскаго намѣстника, маршала Торкеля Кнутсона, вошли въ Неву, и при помощи искусныхъ градостроителей, построили на устьѣ Охты городъ, который назвали Вѣнцомъ земли (Ландскрона), утвердили его, по словамъ лѣтописи, твердостію несказанною и оставили тамъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ воеводы Стеня, мужа извѣстнаго своею храбростію. Построеніе Ландскроны страшно могло вредить Новгородской торговлѣ; Шведы теперь могли по своей волѣ запереть сообщеніе Новгородцевъ съ Балтійскимъ моремъ и ни одного заморскаго купца непропустить въ Новгородъ. А посему Новгородцы рѣшились во чтобы то ни стало сокрушить Шведскій вѣнецъ земли въ своихъ владѣніяхъ; они на другой же годъ раннею весною вызвали князя Андрея Александровича съ Низовыми полками, пригласили сосѣда своего и союзника Тверскаго князя Михаила Ярославича, и собравши и свою рать, пустились воевать со Шведами, осадили городъ, сожгли внѣшнія укрѣпленія и потомъ 19 мая пошли

на приступъ. Приступъ этотъ былъ самый сильный и рѣшительный, Шведы защищались отчаянно и много побили Новгородцевъ и Низовцовъ подъ стѣнами своего города; но тѣмъ неменѣе городъ неустоялъ. Новгородцы взяли его, Шведовъ же частію изрубили, частію повязавши отправили плѣнниками въ Новгородъ, а самый городъ сожгли и срыли до основанія, даже сравняли самую гору или берегъ, на которомъ стоялъ городъ. Взятіе этого Шведскаго города такъ высоко цѣнилось Новгородцами, что современный событію лѣтописецъ щиталъ эту побѣду особенною милостію Божіею, и въ лѣтописи своей отмѣтилъ такъ: „силою св. Софія и помощію св. Бориса и Глѣба, твердость та ни во что же бысть за высокоумье ихъ, зане всуе трудъ ихъ безъ Божія повелѣнія. Упокой, Господи, въ царствіи своемъ души тѣхъ, которые у города того головы свои положили за св. Софію, а князю великому Андрею умножи, Господи, многія лѣта съ своими мужами Суздальцами и съ своими мужами Новгородцами и Ладожанами.“ И долго до самаго паденія Новгорода по всѣмъ церквамъ Новгородскимъ въ установленные дни творилась память православнымъ воинамъ, побитымъ подъ Вѣнцемъ городкомъ.

Уничтоживши Шведскій городъ на своей землѣ, Новгородцы на другой годъ принялись укрѣплять самый Новгородъ и обвели его каменными стѣнами. Потомъ желая прекратить мелкія, но постоянныя взаимныя опустошенія между Псковичами и Датчана-

ми изъ Ревеля, отправили своихъ пословъ въ Данію и заключили съ тамошнимъ королемъ миръ на томъ условіи, чтобы ни Датчанамъ не воевать въ Псковскихъ и Новгородскихъ владѣніяхъ, ни Новгородцамъ, ни Псковичамъ во владѣніяхъ Датскаго короля, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Псковомъ. Слѣдующіе два года были тяжелы для Новгородцевъ: именно въ 1303 году, по случаю теплой и безснѣжной зимы, Новгородъ подвергся сильному голоду; лѣтописецъ говоритъ: „и недобыша людіе хлѣба и быть дороговь велика, тута велика и печаль людямъ.“ А въ 1304 году скончался въ Городцѣ великій князь Андрей Александровичъ, любимый Новгородцами, умѣвшій соблюдать древніе уставы вольнаго народа и удалять всѣ неудовольствія и раздоры партій; онъ точно унесъ съ собою въ могилу спокойствіе Новгорода.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

Борьба Новгорода съ Тверскими и Московскими князьями.

Князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій и борьба съ нимъ.

По смерти великаго князя Андрея Александровича, любимаго народомъ, началась у Новгородцовъ упорная борьба съ великими князьями Тверскими, продолжавшаяся слишкомъ семдесять лѣтъ. Князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій въ послѣднее время былъ въ союзѣ съ Новгородомъ; до насъ дошла даже его договорная грамота съ Новгородцами, писан-

пая въ 1295 году, по которой обѣ стороны обязывались помогать другъ другу. Новгородцы по этой грамотѣ даже обѣщались помогать Михаилу въ случаѣ притѣсненій отъ Андрея или отъ Татаръ, а Михаилъ далъ слово стоять за всякую обиду Новгородцевъ отъ кого бы то ни было. По смерти Андрея Александровича бояре его немедленно пріѣхали въ Тверь; а въ слѣдъ за тѣмъ Михаилъ Ярославичъ, безъ всякихъ сношеній съ Новгородцами, прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, оскорбленные такимъ неуваженіемъ къ ихъ изконнымъ правамъ, выпроводили Михаиловыхъ намѣстниковъ назадъ въ Тверь, и сильною ратью, собранною со всѣхъ Новгородскихъ волостей, двинулись къ Торжку охранять свои границы на случай нападенія со стороны Твери; Михаилъ же выдвинулъ свои полки противъ Новгородцевъ. Но вмѣсто битвы начались пересылки и переговоры, кончившіеся тѣмъ, что Новгородцы и Михаилъ заключили между собою договорную грамоту на основаніи грамотъ, заключенныхъ Новгородцами прежде съ Михаиловымъ отцемъ Ярославомъ; впрочемъ къ прежнимъ условіямъ Новгородцы еще присоединили: 1) Ежели у Новгорода будетъ война съ Нѣмцами, или Литвою, или съ иною землею, то князь долженъ помогать Новгороду безъ хитрости, а безъ Новгородскаго согласія войны не замышлять. 2) Сколько есть договорныхъ грамотъ у Новгорода со всѣми городами Нѣмецкими, тѣхъ грамотъ князю не нарушать, блюсти душу Новгородскую. 3) Князю не держать гнѣва

ни на одного Новгородца. 4) Суда Новгородскаго не пересуживать ни князю, ни его судьямъ. И 5) Новгородцы тогда только признаютъ Михаила своимъ княземъ, когда онъ получитъ отъ хана Татарскаго грамоту на великое княженіе Владимирское. Ежели же онъ не получитъ ханской грамоты, то Новгородцы выведутъ его намѣстниковъ изъ Новгорода и изъ пригородовъ, и это не щитать нарушеньемъ договора.

Въ ордѣ дѣло кончилось въ пользу Михаила, ханъ далъ ему грамоту на великое княженіе Владимирское, и Новгородцы, согласно съ договорною грамотою, также признали его своимъ княземъ и оставили у себя его намѣстниковъ; но въ слѣдъ за тѣмъ заключили съ нимъ новую договорную грамоту, по которой Михаилъ: во 1-хъ долженъ былъ отступиться отъ всѣхъ слободъ и селъ, которыя были даны Новгородцами прежнимъ князьямъ Дмитрію и Андрею Александровичамъ. 2) Рубежъ между Новгородскою и Суздальскою землею Михаилъ долженъ соблюдать тотъ самый, который былъ при его дѣдѣ и отцѣ. 3) Михаилу, подобно какъ и Андрею, дозволялось посылать своихъ ловцовъ за Волокъ къ Бѣлому морю, но не болѣе какъ въ двухъ насадахъ, и чтобы насады сіи посылались непремѣнно изъ Новгорода и возвращались назадъ черезъ Новгородъ. И 4) чтобы князь не держалъ гнѣва на Новгородъ и ни на одного Новгородца, не нарушалъ Новгородскихъ рядовъ и во всемъ поступалъ согласно съ договорными грамотами своего отца. Но эта гра-

мота плохо исполнялась княземъ, и потому въ слѣдъ за нею Новгородцы взяли съ Михаила другую такую же грамоту. Впрочемъ и отъ второй грамоты мало было пользы Новгороду; самъ Михаилъ продолжалъ жить въ Твери, а въ Новгородѣ управляли его намѣстники, которые и не думали исполнять договора, заключеннаго княземъ съ Новгородцами, и дѣлали разныя притѣсненія и злоупотребленія. Притѣсненія сіи вызвали общую жалобу Новгородцовъ къ Михаилу; владыка Новгородскій Ѳеоктистъ, посадникъ и тысяцкій, отъ лица всѣхъ Новгородцовъ, въ 1307 году послали къ Михаилу грамоту, въ которой писали, что намѣстникъ Псковскій Ѳеодоръ Михайловичъ, при нападеніи Лпвонскихъ Нѣмцевъ, бѣжалъ изъ Пскова, несмотря на просьбы Псковичей и Новгородцевъ, и бѣжавши ограбилъ нѣкоторыя Новгородскія села; а намѣстникъ Корѣльскій Борисъ Константиновичъ раззорилъ Корѣлянъ и тѣ пошли къ Шведамъ, и что Новгородъ нехочетъ долѣе держать у себя такихъ намѣстниковъ и проситъ, чтобы самъ князь пріѣхалъ къ св. Софіи и далъ имъ судъ передъ собою. Въ слѣдствіе этой просьбы Михаилъ Ярославичъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1308 году; но этотъ пріѣздъ еще не успокоилъ Новгородцовъ: князь не отказывался отъ притязаній на села и слободы, данныя Новгородомъ прежнимъ князьямъ Димитрію и Андрею только въ пожизненное владѣніе. А посему въ слѣдъ за отъѣздомъ князя въ Тверь, туда же явились и послы Новгородскіе съ грамотою, по кото-

рой Новгородъ требовалъ: 1) чтобы князь болѣе не посылалъ своихъ мужей въ Заволочье для сбора отписанныхъ на князя даней, а продавалъ бы тамошніе свои доходы Новгородцамъ; 2) чтобы окончательно отступился отъ селъ и слободъ, уступленныхъ пожизненно прежнимъ Новгородскимъ князьямъ Димитрію и Андрею; 3) чтобы отложилъ все (не разслѣдовалъ), что дѣлалось между имъ и его мужами, и между Новгородомъ и Новгородскими мужами до крестнаго цѣлованія; 4) чтобы не судилъ насильно купцовъ въ волости, пріѣзжающихъ для торговли (т. е. чтобы каждый судился тамъ, гдѣ живетъ, а не тамъ, куда временно пріѣзжаетъ торговать); 5) чтобы князь во время своихъ поѣздовъ въ Новгородъ бралъ по станамъ дары только въ одинъ конецъ, а на поѣздѣ изъ Новгорода даровъ не бралъ; и наконецъ 6) чтобы отложилъ свое нелюбье отъ старѣйшихъ и отъ меньшихъ и отъ всѣхъ, и на всемъ этомъ цѣловалъ крестъ при Новгородскихъ послахъ. Эта грамота была послѣдняя, заключенная Михаиломъ съ Новгородцами при архіепископѣ Ѳеоктистѣ, ибо въ томъ же 1308 году, зимою, Ѳеоктистъ, по старости и болѣзнямъ, отказался отъ Новгородской каѳедры и отошелъ въ Благовѣщенскій монастырь на покой, а на свое мѣсто благословилъ, избраннаго Новгородцами, своего духовнаго отца Давыда, который тутъ же былъ посаженъ на владычнемъ дворѣ, и на другой годъ ѣздилъ во Владиміръ на посвященіе къ митрополиту Петру.

Покончивши свои щеты съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, Новгородцы въ 1310 году, на лодьяхъ и лойвахъ, ходили въ Ладожское озеро, и изъ озера рѣкою Узьервой въ Корѣльскую землю, и на порогѣ этой рѣки построили и укрѣпили новый городокъ Корѣлу, а старый обвѣтшалый разметали. А на зиму того же года Шведы или Емь, изъ Финляндіи, грабили села около Новгорода; по сему Новгородцы съ княземъ Дмитріемъ Романовичемъ, жившимъ у нихъ, на слѣдующій годъ отправились въ морской походъ на Финляндію, принадлежавшую уже тогда Шведамъ, и прежде всего взяли Купецкую рѣку, разбили и пожгли села Еми и побрали множество плѣнниковъ, а скотъ весь перерѣзали; потомъ перешли рѣку Черную и этою рѣкою подошли къ Шведскому городу Ванаю, взяли и сожгли посадъ этого города, но самой крѣпости, стоявшей на неприступной скалѣ, взять не могли, простояли подъ нею три дня и три ночи, опустошили и пожгли всю окрестную страну, такъ что изъ домашняго скота не оставили жителямъ ни рога, и за тѣмъ рѣками Перною и Кавгалою опять вышли въ море и наконецъ Невою, Ладожскимъ озеромъ и Волховомъ воротились домой съ богатою добычею.

Война съ Шведами въ Финляндіи.

Пока Новгородская рать ходила въ Финляндію, опустошала и жгла тамошнія села, въ самомъ Новгородѣ было три ночныхъ пожара, страшно опустошившіе городъ: первый пожаръ былъ въ ночь на 19 мая и истребилъ на Яневой улицѣ 37 дворовъ; вторый — въ ночь на 28 іюня, начался съ Роз-

Пожары, и ссора съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ.

важей улицы, и истребилъ почти весь Неревскій конецъ, однихъ церквей обгорѣло болѣе сорока; и наконецъ 3-й пожаръ, въ ночь на 16 іюля, начался на Ильинской улицѣ и при помощи сильнаго вѣтра пожегъ торгъ, Рогатицу и Славно, при чемъ погорѣло 14 церквей—семь каменныхъ, шесть деревянныхъ и одна Варяжская. Пожары сіи явно были дѣломъ поджоговъ и предвѣщали приближеніе ссоръ и безпорядковъ; ибо лѣтописецъ жалуется, что злые люди, не боящіеся Бога, ни суда Божія помнящіе, ни жалующіе своей братьи, производили на пожарахъ страшные грабежи. Да и на самомъ дѣлѣ ссоры и безпорядки не замедлили явиться: въ томъ же году собралось шумное вѣче, на которомъ отняли посадничество у Михаила Павшинича, сторонника Михаила Ярославича, и передали посадничество Семену Климовичу, бывшему посадникомъ при князѣ Андреѣ Александровичѣ. А въ слѣдующемъ (1312) году князь Михаилъ Ярославичъ объявилъ войну Новгороду, вѣроятно недовольный смѣною посадника, свелъ своихъ намѣстниковъ, остановилъ обозы, шедшіе въ Новгородскую землю, захватилъ Торжекъ, Бѣжичи и всю тамошнюю область. Новгородцы, не совсѣмъ согласные между собою и захваченные въ расплохъ, не могли и думать о войнѣ; а по сему, несмотря на весеннюю распутицу, немедленно отправили своего архіепископа Давыда въ Тверь молить Михаила, чтобы возвратилъ имъ своихъ намѣстниковъ и пустилъ остановленные обозы. Архіепископъ Давыдъ нашелъ Михаила въ Городкѣ на

Волгѣ, близъ Твери, и заключилъ миръ, по которому Новгородцы обязались заплатить Михаилу полторы тысячи гривенъ серебра, а Михаилъ возвратилъ своихъ намѣстниковъ и далъ свободный пропускъ обозамъ идти въ Новгородъ. Михаилъ поспѣшилъ миромъ потому, что ему нужно было спѣшить въ орду, для полученія новой утвердительной грамоты на великое княженіе, по случаю смерти. стараго хана Тохты и вступленія на ханскій престолъ новаго хана Узбека.

Продолженіе войны съ Шведами.

По заключеніи мира съ Михаиломъ, Новгородцы продолжали прерванную войну со Шведами изъ за Корѣлы, которая въ то время тянула къ Шведамъ. Въ 1313 году Ладожскій посадникъ съ Ладожанами пошелъ опустошать Корѣльскую землю, а Шведы на оборотъ изгономъ напали на Ладогу и пожгли ее. Въ слѣдующемъ году Корѣла измѣнически избила Новгородцовъ, сидѣвшихъ въ Корѣльскомъ городкѣ и призвала къ себѣ Шведовъ. Получивши объ этомъ вѣсть, Новгородцы съ Михайловымъ намѣстникомъ Оеодоромъ немедленно пустились къ Корѣльскому городку, Корѣла, державшаяся Новгородской стороны, при самомъ приближеніи рати передалась имъ; и они такимъ образомъ безъ затрудненія взяли Городокъ и избили сидѣвшихъ тамъ Шведовъ и Корѣлянъ, державшихся Шведской стороны.

Союзъ съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ

Между тѣмъ Новгородъ, по послѣднему условію, заключенному въ Городкѣ на Волгѣ, постоянно тѣснимый Михаиловыми намѣстниками, нашелъ себѣ

Московскимъ и продолженіе войны съ Михаиломъ Ярославичемъ

союзника въ Московскомъ князѣ Юріѣ Даниловичѣ, бывшемъ во враждѣ съ Михаиломъ за Владимирское великое княженіе; и Юрій прислалъ въ Новгородъ своего намѣстника князя Ѳеодора Ржевскаго съ дружиною, который схватилъ намѣстниковъ Михаиловыхъ и отдалъ Новгородцамъ для содержанія подъ стражею на владычнемъ дворѣ. За тѣмъ Новгородцы съ княземъ Ржевскимъ и Московскою дружиною отправились на Волгу опустошать владѣнія Михаиловы: противъ нихъ вышелъ съ Тверскою ратью сынъ Михаиловъ Димитрій и сталъ на другомъ берегу Волги, и такимъ образомъ обѣ рати стояли другъ противъ друга до заморозовъ, и потомъ Димитрій за отсутствіемъ отца, бывшаго въ то время въ ордѣ, заключилъ съ Новгородцами миръ. Условія этого мира намъ неизвѣстны, мы только знаемъ, что Новгородцы съ Волги же отправили посольство въ Москву, звать Юрія къ себѣ въ князья на томъ условіи, чтобы княжить на всѣхъ правахъ и вольностяхъ Новгородскихъ. Юрій принялъ это условіе и передъ великимъ постомъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ. Впрочемъ прибытіе Юрія не принесло ожидаемаго спокойствія Новгородцамъ; самый Новгородъ и также Псковъ страдали дороговизною хлѣба по случаю неурожая и въ слѣдствіе остановки обозовъ со стороны Твери. кромѣ того въ Псковской области какъ по селамъ, такъ и въ самомъ городѣ были страшные грабежи, можетъ быть по случаю голода, а можетъ быть и по происканъ Михаиловой партіи.

Пробывши въ Новгородѣ не болѣе шести недѣль, Юрій по приказанію хана долженъ былъ ѣхать въ орду; а по сему онъ въ Лазареву субботу, разпростившись съ Новгородцами и оставивъ у нихъ своего брата Аѳанасія, отправился въ путь. Между тѣмъ князь Михаилъ Ярославичъ, утвержденный новымъ ханомъ на Владимирскомъ великомъ княженіи, съ многочисленною Низовою и Татарскою ратью, подъ предводительствомъ ханскаго воеводы Тайтемира, уже готовился въ походъ къ Новгородскимъ границамъ. Новгородцы, услыхавши объ этомъ, немедленно собрали войско и съ княземъ Аѳанасіемъ Даниловичемъ выступили къ Торжку, и стояли тамъ шесть недѣль, собирая вѣсти о разпоряженіяхъ Тверскаго князя. Наконецъ послѣ шести недѣль Михаилъ съ своею и Татарскою ратью двинулся прямо къ Торжку; Новгородцы и Новоторжане съ княземъ Аѳанасіемъ вышли противъ него, и началась страшная битва: Новгородцы всѣ, и бояре и купцы и черные люди, бились не на животъ, а на смерть, но сила и воинскія способности Михаила одолѣли, и Новгородцы принуждены были отступить и запереться въ Торжкѣ. Михаилъ, осадивъ Торжекъ, прислалъ сказать осажденнымъ: „выдайте мнѣ князя Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, и я съ вами заключу миръ“. Новгородцы на это отвѣчали: „Аѳанасія не выдадимъ, но измремъ всѣ честно за св. Софію“. Михаилъ послѣ такого отвѣта вторично прислалъ сказать: „выдайте мнѣ хотя Ѳедора Ржевскаго“. Новгородцамъ не хотѣлось согласиться и на

это; но доведенные до крайности и побуждаемые Новоторжскою партіею, принуждены были выдать Ѳеодора. Послѣ чего Михаилъ немедленно заключилъ миръ съ условіемъ, чтобы Новгородцы заплатили ему 50 тысячъ гривенъ серебра, и въ обезпеченіе уплаты зазвалъ къ себѣ князя Аѳанасія и Новгородскихъ бояръ, обманомъ оставилъ ихъ заложниками и отослалъ въ Тверь, со всѣхъ же Новгородцевъ и Новоторжцевъ, бывшихъ въ Торжкѣ, взялъ большій окупъ и отнялъ все оружіе, и потомъ отправилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ. Нещастная Новоторжская битва была 10 февраля 1315 года.

Въ слѣдъ за пріѣздомъ Михаила въ Тверь, явилось туда и Новгородское посольство съ владыкою Давыдомъ и заключило тамъ съ Михаиломъ новый договоръ, по которому: во 1-хъ, князь и Новгородцы согласились не искать другъ на другѣ убытковъ и грабежей, бывшихъ во время войны; 2-е, села и людей, которые во время войны заложились за князя, или за княгиню, или за бояръ, возвратить къ Новгороду по старой Ѳеоктистовой грамотѣ, заключенной въ Твери. и плѣнниковъ отдать безъ выкупа; 3-е, ни князю Михаилу, ни его боярамъ не наводить рати на Новгородъ и не задерживать гостей ни въ Суздальской землѣ и нигдѣ; и за это взять съ Новгорода 12 тысячъ серебра, и въ сіи двѣнадцать тысячъ зачислить и то, что взяли у заложниковъ княжіе повѣренные Ѳеодоръ Юрьевичъ и Ельферій Жидъ Слаличъ, а платить деньги въ три срока

въ низовой вѣсъ (т. е вдвое легче Новгородскаго); первыя три тысячи двѣсти взять князю на сборное воскресенье, т. е. 1-го марта 1316 года и по полученіи ихъ пустить въ Новгородъ хлѣбъ и всякихъ гостей; вторыя три тысячи взять на середокрестье, 14 марта; третьи три тысячи безъ двухъ сотъ двадцати пяти серебра на вербное воскресенье, 4-е апрѣля; а остальныя три тысячи взяты уже Ѳедоромъ и Ельферьемъ у заложниковъ; 4-е, князю отложить нелюбье отъ Новгорода и Пскова и отъ пригородовъ, а посаднику, тысяцкому и всему Новгороду не мстить тѣмъ, которые въ Торжкѣ выдали князю его недруговъ; 5-е, Новгороду держать Михаила честно и безъ обиды, а князю держать Новгородъ безъ обиды по старому порядку, согласно съ Ѳеоктистовой грамотой; и 6-е, когда будутъ уплачены Новгородомъ всѣ 12 тысячь серебра; то великому князю изрѣзать прежнія двѣ грамоты, предпослѣднюю Новоторжскую и ту, которая была заключена въ Городкѣ на Волгѣ

Условія сей Тверской грамоты хотя были гораздо легче Новоторжской, требовавшей 50 тысячь серебромъ; но и они тѣмъ не менѣе были такъ тяжелы и оскорбительны для вольнаго Новгорода, что Новгородцы въ отвѣтъ на эту грамоту выгнали отъ себя Михаиловыхъ намѣстниковъ и послали жалобу къ Татарскому хану. Михаилъ, узнавши объ этомъ, со всею Низовскою землею пошелъ на Новгородъ; Новгородцы же съ своей стороны сдѣлали вокругъ города острогъ и созвали всю Новгородскую во-

лость,—Псковичей, Ладожанъ, Рушанъ, Корѣлу, Ижеру и Вожанъ. Таковое сильное приготовленіе Новгородцовъ заставило Михаила пріостановиться походомъ, и не дошедъ 50 верстъ до Новгорода онъ сталъ лагеремъ на Устьянѣхъ, и постоявъ немного, поворотилъ назадъ. На обратномъ походѣ, думая пройдти ближайшею дорогою, войско Михаилово заблудилось въ озерахъ и болотахъ, и побросавши обозы въ непроходимыхъ мѣстахъ, принуждено было умирать съ голоду, ѣсть конину и обдирать кожу съ своихъ щитовъ, чтобы питаться ею, побросать всѣ обозныя тяжести, такъ что князь, съ безлошадными, ободранными и голодными ратниками едва добрался до Твери.

Новгородцы, избавившись такимъ образомъ отъ враждебнаго нашествія, въ 1316 году отправили къ Михаилу двухъ пословъ Юрія и Якима съ предложеніемъ слѣдующихъ условій: 1-е, Новгородцы мирятся, ежели князь отпуститъ безъ окупа всѣхъ Новгородскихъ и Новоторжскихъ бояръ, житыхъ и черныхъ людей, и всѣхъ заложниковъ; за это Новгородъ отступается отъ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ, взятыхъ Михаиломъ какъ до Новоторжскаго взятія, такъ и въ Торжкѣ. 2-е, Ежели князь приметъ старыя границы между Тверью и Новгородомъ по старымъ грамотамъ. И 3-е, ежели князь сведетъ своихъ намѣстниковъ съ Торжка. Но Михаилъ таковаго предложенія непринялъ и отпустилъ пословъ ни съ чѣмъ. Тогда Новгородцы на слѣдующій годъ отправили въ Тверь новое посольство

съ своимъ владыкою Давыдомъ, предлагая окупъ за своихъ заложниковъ, задержанныхъ въ Твери; но Михаилъ не принялъ и этого предложенія, непослушалъ просьбы архіепископа Давыда, продолжалъ задерживать обозы съ хлѣбомъ, идущіе въ Новгородъ, и на отрѣзъ отказалъ Новгородцамъ въ мирѣ. Не получивши мира отъ Михаила, Новгородцы въ тоже время должны были воевать со Шведами, которые приходили въ Ладожское озеро и побили Обонежскихъ купцовъ. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ Новгородцы въ слѣдующемъ 1318 году отправились войною за море. вошли въ рѣку Полную въ сѣверо-западной половинѣ Финляндіи, взяли тамъ городъ построенный мѣстнымъ Шведскимъ правителемъ Лидеромъ и городъ тамошняго Шведскаго епископа, нынѣшній Або, и опустошивъ страну, благополучно возвратились въ Новгородъ.

Между тѣмъ князь Юрій Даниловичъ Московскій успѣлъ выхлопотать себѣ Владимирское великое княженіе у Татарскаго хана, женился на ханской сестрѣ и съ Татарскимъ и своимъ Низовымъ войскомъ двинулся на Михаила Ярославича Тверского. Онъ прислалъ Татарскаго воеводу Телебугу сказать Новгородцамъ, чтобы они шли на соединеніе съ нимъ противъ общаго врага; и Новгородцы по этому зову пришли въ Торжекъ, но ненашедши Юрія, и не зная гдѣ онъ находится, заключили съ Михаиломъ Тверскимъ мирный договоръ на томъ, чтобы Новгороду не вступаться ни за Михаила, ни за Юрія. По заключеніи таковаго договора Новго-

родцы спокойно воротились домой; Юрій же Московскій, не доходя 40 верстъ до Твери, вступилъ въ бой съ Михаиломъ, былъ разбитъ на голову и прибѣжавъ въ Новгородъ, упросилъ Новгородцовъ чтобы они шли съ нимъ на Волгу не воевать, а только для того, чтобы заключить миръ съ Михаиломъ. Новгородцы, довольные просьбою Юрія, и надѣясь въ немъ имѣть себѣ въ случаѣ нужды заступника, собрали войско изъ Новгородцовъ и Псковичей и, взявши съ собою своего владыку Давыда, отправились вмѣстѣ съ Юріемъ на Волгу. Михаилъ, видя полки Новгородскіе и зная, что Юрій, зять ханскій, будетъ искать помощи у Татаръ, не рѣшился вступить въ новую битву и уговорился съ Юріемъ идти въ орду на судъ хана, а съ Новгородцами при посредствѣ Юрія заключилъ новый мирный договоръ. По этому договору, дошедшему до насъ, Михаилъ отказался отъ своего княженія въ Новгородѣ, обязался признать старыя границы между Новгородскими и Тверскими владѣніями, отдать безъ выкупа всѣхъ Новгородскихъ плѣнниковъ, возвратить Новгороду всѣ захваченныя въ разное время волости и села, всѣ неправильно собранныя дани и все пограбленное во время войны, дать свободный проходъ обозамъ съ хлѣбомъ и ни гдѣ незадерживать Новгородскихъ пословъ и гостей. При чемъ Михаилъ разодралъ двѣ прежнія грамоты, ненавистныя Новгородцамъ, заключенныя въ Городкѣ на Волгѣ и въ Торжкѣ. Такимъ образомъ при посредствѣ Юрія Московска-

го, какъ прямо обозначено въ самой договорной грамотѣ, Новгородъ окончательно раздѣлался съ Михаиломъ Тверскимъ, который на другой годъ былъ убитъ въ ордѣ по приказанію хана Узбека.

Новгородское княжествованіе Михаила, продолжавшееся четырнадцать лѣтъ, было одно изъ самыхъ тяжелыхъ и нещастныхъ для Новгорода; во всѣ четырнадцать лѣтъ Новгородцы были почти постоянно во враждѣ съ княземъ; и князь, имѣя въ Новгородѣ довольно сильную партію, не только ни въ чемъ не помогалъ Новгородцамъ, а напротивъ постоянно притѣснялъ ихъ. Впрочемъ, не смотря на силу Михаила, Новгородцы во все это время держали себя съ достоинствомъ и постоянно отстаивали свои изконныя права, и стараясь упрочить свою самостоятельность, заключили съ Михаиломъ болѣе десяти договорныхъ грамотъ, въ которыхъ опредѣлялись отношенія князя къ Новгороду.

Князь Юрій Московскій, походы повольниковъ и война съ Шведами.

По смерти Михаила Юрій Московскій, возвратившись изъ орды, прислалъ въ Новгородъ своего брата Аѳанасія. Въ княжествованіе, или скорѣе намѣстничество этаго князя, Новгородскіе повольники въ 1320 году двумя партіями предпринимали два довольно значительные и отдаленные похода моремъ. Одна партія подъ начальствомъ Луки, вѣроятно богатаго боярина въ Заволочьѣ или на Двинѣ, ходила Двиною и Бѣлымъ моремъ на сѣверныхъ Норвежцевъ, или по выраженію лѣтописей, на Мурманъ. А другая партія повольниковъ, предводительствуемая какимъ-то Игнатомъ Малыгинымъ, пусти-

лась въ ушкуяхъ грабить берега Швеціи. Чѣмъ кончился походъ Луки на Мурманъ, мы не знаемъ, объ Игнатѣ же Малыгинѣ прямо сказано въ лѣтописи, что его ушкуи были избиты Шведами. Въ 1322 году князь Аѳанасій скончался въ Новгородѣ. А между тѣмъ Шведы сдѣлали нападеніе на Корѣльскій Городецъ; тогда Новгородцы вызвали къ себѣ самаго Юрія Даниловича князя Московскаго. Князь Юрій, пріѣхавши въ Новгородъ, приказалъ готовить стѣнобитныя машины (пороки), и когда они были приготовлены пошелъ къ Шведскому городу Выборгу, осадилъ его и сталъ бить стѣны шестью машинами, но разбить не могъ; и Новгородцы, простоявши подъ городомъ цѣлый мѣсяцъ и побивши и перевѣшавши много Шведовъ, наконецъ рѣшились на приступъ; но и приступъ неудался, и они невзявши города воротились домой. Возвратившись съ Выборскаго неудачнаго похода, Юрій получилъ вѣсть, что сынъ покойнаго Михаила Тверскаго Дмитрій возвратился изъ орды съ ханской грамотой на великое княженіе Владимирское и съ сильнымъ Татарскимъ войскомъ. По этой вѣсти Юрій поспѣшилъ отправиться на Низъ и просилъ Новгородцовъ, чтобы они его проводили; но тѣ, вѣроятно не довольные неудачнымъ Выборгскимъ походомъ, отказали ему въ этомъ; и онъ пошелъ одинъ съ своею небольшею дружиною. А между тѣмъ другій сынъ Михаиловъ Александръ съ своимъ полкомъ уже стерегъ Юрія на Урдомѣ; только Юрій появился тамъ, какъ Тверичи напали

на него, разбили его дружину и захватили обозъ; такъ что Юрій только съ немногими спутниками успѣлъ спастися бѣгствомъ во Псковъ.

Псковичи хотя приняли Юрія съ честію, но ничего не могли сдѣлать для него; у нихъ у самихъ въ это время была война съ Ливонскими Нѣмцами. Впрочемъ Юрій не долго оставался во Псковѣ, Новгородцы, не думая разрывать съ нимъ союза, въ томъ же 1322 году, на основаніи договора, опять пригласили его въ Новгородъ, и поставили въ Загородьѣ, во дворѣ діакона Аѳанаса; и онъ у нихъ пробылъ два года, несмѣя выдти изъ Новгородскихъ владѣній и желая можетъ быть своею усердною службою Новгородскимъ интересамъ привлечь къ себѣ разположеніе Новгородцовъ. Въ продолженіи этаго времени, Юрій, въ 1323 году, ходилъ съ Новгородцами въ устье Невы и построилъ тамъ городъ Орѣховъ, чтобы загородить Шведамъ ходъ въ Ладожское озеро. Постройка Орѣхова сильно встревожила Шведовъ, и они, не желая начинать войны съ Новгородомъ, немедленно прислали свое посольство въ Орѣховъ, и заключили съ княземъ Юріемъ и Новгородцами вѣчный миръ, договорпая грамота котораго сохранилась въ Шведскомъ государственномъ архивѣ. Изъ этой грамоты видно, что Новгородцы по настоящему миру обезпечили себѣ свободную торговлю на Балтійскомъ морѣ, и провели ясную и утвержденную договоромъ границу между Новгородскими и Шведскими владѣніями въ Финляндіи, но при семъ должны были уступить значи-

тельную часть западной Корѣліи, такъ что граница была проведена отъ устья рѣки Сестры, впадающей въ Финскій заливъ, вверхъ по этой рѣкѣ чрезъ западную часть Кексгольмской области къ Каянебургской; впрочемъ, уступая часть Корѣліи Шведамъ, Новгородцы удержали за собою право сбирать по старому дань съ уступленной области.

Заключивши миръ съ Шведами, Юрій и Новгородцы пустились преслѣдовать Литовцевъ, грабившихъ берега Ловати; преслѣдованіе это кончилось благополучно. Новгородцы нагнали и избили Литовцевъ и только немногимъ изъ нихъ удалось спастися бѣгствомъ. Между тѣмъ въ отдаленномъ Заволочьѣ заратились старинные Новгородскіе данники Устюжане, перехватали Новгородцовъ, ходившихъ въ Югру и ограбили ихъ. Новгородцы, получивши объ этомъ вѣсть, собрали войско и въ слѣдующемъ же 1324 году отправились вмѣстѣ съ княземъ въ Заволочье казнить своевольныхъ Устюжанъ. Они взяли приступомъ Устюгъ и разграбили его въ конецъ; послѣ чего Устюжскіе князья поспѣшили прислать свое посольство на Двину съ просьбою о мирѣ; и Новгородцы, довольные покорностію Устюжскихъ князей, заключили съ ними миръ по старой пошлинѣ. По заключеніи сего мира, Новгородцы спокойно пошли домой; а князь Юрій Даниловичъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, прямо изъ Заволочья, рѣкою Камою, пошелъ къ Татарскому хану въ Орду, гдѣ вскорѣ и былъ убитъ собственноручно сыномъ покойнаго Михаила, Тверскимъ княземъ Димитріемъ.

Въ слѣдъ за отъѣздомъ Юрія Данпловича въ орду, умеръ архіепископъ Новгородскій Давыдъ и на его мѣсто Новгородское вѣче избрало игумена Моисея и послало въ Москву къ митрополиту Петру на посвященіе. Княземъ же своимъ Новгородцы признали Димитрія Михайловича Тверскаго, уже по ханской грамотѣ признаннаго великимъ княземъ Владимирскимъ. Но когда, въ слѣдующемъ 1326 году, былъ убитъ въ ордѣ и Димитрій Михайловичъ; и его братъ Александръ Тверскій, получивъ отъ хана грамоту на великое княженіе Владимирское, сталъ доискиваться и Новгорода; то между Новгородцами начались споры и безпорядки, одна партія радѣла Тверскому князю, а другая не хотѣла его. Наконецъ Тверская партія одолѣла и Александръ Михайловичъ былъ признанъ княземъ Новгородскимъ и заключилъ съ Новгородомъ договорную грамоту, дошедшую до нашего времени. По этой грамотѣ Александръ подтвердилъ всѣ прежнія права и вольности Новгорода, обѣщался не держать нелюбья къ Новгороду до посадника, до тысяцкаго и до всего Новгорода отъ мала до велика, не мстить ни судомъ и ни чѣмъ, и не поминать что дѣлалось противнаго до его княженія и въ его княженіе Князь также далъ слово не дѣлать того, что дѣлалъ въ Новгородѣ насильно дѣдъ его или иной князь, держать старый рубежъ между Новгородскими и Тверскими владѣніями, вольнаго Новгородскаго ряда не парушать и самосуда въ Новгородскихъ владѣніяхъ не замышлять по старинѣ.

Князь Александръ Михайловичъ и борьба съ нимъ.

Князь Иванъ Даниловичъ Московскій.

Но Александръ Михайловичъ не долго княжилъ въ Твери и Новгородѣ; 15 августа 1327 года онъ избилъ пріѣхавшихъ къ нему Татарскихъ пословъ и, спасаясь отъ ханскаго гнѣва, долженъ былъ оставить Тверь; передъ отъѣздомъ онъ присылалъ свое посольство въ Новгородъ съ просьбою, чтобы Новгородцы дали ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ; по вѣче отказало ему въ этой просьбѣ. А въ слѣдъ за тѣмъ князь Московскій Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита, прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, самъ же отправился въ орду. Новгородцы, помня службу князя Юрія Даниловича, охотно приняли намѣстниковъ Ивановыхъ, надѣясь въ немъ найти защитника отъ притѣсненій Тверскихъ князей, своихъ ближайшихъ сосѣдей; но князь Иванъ Даниловичъ далеко не походилъ на своего брата, покойнаго Юрія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Новгороду. Въ тотъ же годъ, какъ въ Новгородъ были присланы Московскіе намѣстники, на зиму явилась въ Тверскихъ владѣніяхъ сильная Татарская рать въ соединеніи съ Московскими полками. подъ главнымъ начальствомъ самого Ивана Даниловича. Эта рать пришла по приказанію хана Узбека, мстить Тверитянамъ за избіеніе Татарскаго посольства, и мстила страшно: Тверь и Кашинъ были опустошены, большая часть жителей тамошняго края были избиты или отведены въ плѣнъ. Князь Александръ бѣжалъ во Псковъ, а братья его Константинъ и Василій въ Ладогу. Опустошивъ Тверскія владѣнія, Татары вступили въ Новгородскую

область, опустошили Новгородскій край, и оттуда прислали своихъ пословъ въ самый Новгородъ съ требованіемъ дани; и Новгородцы едва успѣли откупиться посылкою двухъ тысячъ рублей и множествомъ даровъ Татарскимъ воеводамъ. При чемъ князь Московскій, главный предводитель Татарской рати, не только не остановилъ Татаръ отъ опустошенія Новгородской области, но и ни въ чемъ не помогъ Новгороду, и едва ли не самъ подвелъ Татаръ, чтобъ подъ рукою ослабить Новгородцевъ и поставить ихъ въ бо́льшую зависимость отъ себя, какъ это видно изъ послѣдующихъ отношеній этого князя къ Новгороду.

Нашествіе Татаръ такъ сильно перепугало Новгородцевъ, что они на слѣдующій годъ отправили къ Татарскому хану своего посла Ѳедора Колесницу, который ѣздилъ въ орду съ княземъ Иваномъ Даниловичемъ и другими князьями, и тамъ вмѣстѣ съ князьями получилъ ханское повелѣніе — искать князя Александра Михайловича во что бы то ни стало. По этому повелѣнію Новгородцы отправили во Псковъ съ Московскими послами своего владыку Моисея и тысяцкаго Аврама требовать, чтобы Александръ шелъ въ орду: но Псковичи не согласились исполнить этого унизительнаго требованія и объявили, что будутъ стоять за Александра, положившагося на ихъ защиту. Таковое отдѣленіе Пскова еще болѣе ослабило Новгородъ и подчинило его Московскому князю. Весною же слѣдующаго 1329 года, князь Иванъ Даниловичъ, съ иными Русскими

князьями и митрополитомъ Θеогностомъ, прибылъ въ Новгородъ, и съ князьями и Новгородцами ототправился ко Пскову добывать Александра Михайловича. Псковичи, узнавши объ этомъ, приготовились къ битвѣ; Московскій же князь съ своею и Новгородскою ратью сталъ на Опокѣ и, не желая безъ крайней нужды вступать въ сраженіе, придумалъ послѣднее средство склонить Псковичей къ послушанію,—онъ уговорилъ бывшаго при немъ митрополита Θеогноста предать проклятію и Александра и Псковичей; и это средство подѣйствовало. Александръ, какъ скоро пришло митрополичье проклятіе, собралъ вѣче, на которомъ сказалъ Псковичамъ: „Братіе и друзи! не буди на васъ проклятія мене ради, иду изъ града вашего вонъ, разрѣшаю себя и васъ отъ клятвы". И сказавъ это, уѣхалъ въ Литву. Псковичи же отправили посольство на Опоку сказать Московскому князю, что Александръ бѣжалъ въ Литву и что они просятъ мира. Князь Иванъ Даниловичъ, довольный покорностію Псковичей, далъ имъ миръ, и приведши Новгородскую рать назадъ, отправился въ Москву, не думая нисколько мстить обиды Новгорода и помогать Новгородцамъ, которыхъ теперь безнаказанно оскорбляли и Ливонскіе Нѣмцы, убившіе въ Юрьевѣ Новгородскаго послашника, знаменитаго мужа Ивана Сына, и Новгородскіе старые данники, князья Устюжскіе, въ ту же зиму избившіе измѣнически Новгородцовъ, ходившихъ въ Югру.

Таковое униженіе Новгорода естественно не могло не дѣйствовать на народъ, не привыкшій къ безусловной покорности князьямъ, и еще хорошо помнившій, какъ онъ предписывалъ условія и какъ княжескія посольства смиренно стаивали на вѣчѣ, дожидаясь рѣшенія отъ господина Великаго Новгорода. А по сему, въ слѣдъ за отъѣздомъ князя Ивана Данловича еще на Псковъ, начались неудовольствія, высказавшіяся сперва двумя пожарами въ Плотницкомъ концѣ и на улицахъ Ильинской и Лубяницѣ. Потомъ, когда на слѣдующій годъ архіепископъ Моисей отказался отъ каѳедры и постригшись въ схиму удалился въ монастырь; то споры при избраніи архіепископа продолжались цѣлые восемь мѣсяцевъ, и только къ концу этаго времени какъ то всѣ согласились на одномъ, избрали священника отъ церкви Козмы и Даміана съ Холопьей улицы, именемъ Григорія Калѣку, въ монашествѣ Василія. Наконецъ неудовольствія между Новгородцами достигли до того, что въ 1332 году недовольные явно возстали на посадника Ѳеодора Ахмыла, сторонника Московской партіи, отняли у него посадничество и дали своему избраннику Захарію Михайловичу, домы же и села Ахмыловыхъ пріятелей Семена Судокова и брата его Ксенофонта, разграбили.

Притѣсненія отъ Московскаго князя и внутреніе раздоры.

Князь Московскій, какъ только услыхалъ о Новгородскихъ волненіяхъ, немедленно объявилъ свой гнѣвъ Новгороду, потребовалъ, чего никогда не бывало, у Новгородцовъ Закамскаго серебра, и въ

обезпеченіе своего не бывалаго прежде требованія занялъ Торжекъ и Бѣжецкій верхъ. Въ Новгородѣ въ слѣдствіе этого требованія Московская партія ожила, и перекричавъ на вѣчѣ, отняла посадничество у Захарія и отдала Матвею Косткѣ, вѣроятно по указанію Московскихъ намѣстниковъ. Но Московскому князю этаго было мало, ему нужны были деньги и конечное униженіе Новгорода. А по сему онъ на другій (1333) годъ явился въ Торжекъ со всѣми Низовыми князьями, даже съ Рязанскими, свелъ съ Новгорода своихъ намѣстниковъ, и самъ сидя въ Торжкѣ отъ крещенья до сборнаго воскресенья, разослалъ свое войско опустошать Новгородскую волость. Тщетно Новгородцы посылали къ нему посольство съ просьбою о мирѣ; онъ пословъ не принялъ и на глаза, и уѣхалъ изъ Торжка, не давши мира, т. е. обрекши Новгородъ на голодную смерть. Новгородцы въ крайности отправили новыхъ пословъ,—владыку Василія и нѣсколько старѣйшихъ бояръ, которые нашли князя въ Переяславлѣ, поднесли ему отъ имени Новгорода пять сотъ рублей, молили о мирѣ и о томъ, чтобы онъ отступился отъ занятыхъ волостей; но князь и сихъ пословъ не послушалъ и отпустилъ не давши мира. А самъ по требованію хана уѣхалъ въ орду.

Союзъ Новгорода съ княземъ Гедиминомъ и миръ съ Московскимъ княземъ.

Враждебныя отношенія князя Московскаго поставили Новгородъ въ необходимость заботиться о надежнѣйшей оборонѣ и объ отысканіи союзниковъ; и первые озаботились этимъ архіепископъ Василій и архимандритъ Юрьева монастыря Лаврентій. Поль-

зуясь отъѣздомъ Московскаго князя въ орду, владыка Василій въ два года построилъ каменныя стѣны вокругъ всего Новгорода (1333—1334 года); а Лаврентій выстроилъ каменныя стѣны съ бойницами вокругъ Юрьева монастыря, такъ что монастырь этотъ въ случаѣ надобности могъ служить крѣпостію противъ непріятеля. Въ это же время архіепископъ Василій ѣздилъ во Псковъ, былъ принятъ тамъ съ честію и крестилъ у князя Александра сына его Михаила. Между тѣмъ Новгородцы стали пересылаться съ Литовскими князьями и взяли у тамошняго великаго князя Гедимина сына его Наримanта, принявшаго уже св. крещеніе. Наримантъ, пріѣхавши въ Новгородъ, былъ принятъ съ честію и цѣловалъ съ своею дружиною честный крестъ Новгороду — жить за одно, — и получилъ отъ Новгородцовъ въ отчину и дѣдину Ладогу, Орѣховъ, Корѣльскій, Корѣльскую землю и половину Копорья. Все это перемѣнило отношенія Московскаго князя къ Новгороду; предусмотрительный князь Иванъ Даниловичъ, по возвращеніи своемъ изъ орды, разъузнавши всѣ Новгородскія дѣла, вдругъ сдѣлался ласковымъ и уступчивымъ къ Новгородцамъ. Онъ съ любовію и честію принялъ Новгородское посольство, прибывшее къ нему въ Москву, и въ слѣдъ за тѣмъ, зимою въ концѣ 1334 года, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ миромъ и прожилъ тамъ довольно долго. Пользуясь случаемъ своего пребыванія въ Новгородѣ, онъ хотѣлъ было двинуться на Псковъ; но не получивъ на это согласія отъ Новгородска-

го вѣча, онъ благодушно и безъ гнѣва отложилъ походъ, хотя и не далъ мира Псковичамъ. Возвращаясь изъ Новгорода въ Москву, князь услыхавъ, что Литва воюетъ въ Новоторжской волости, отправилъ свои полки въ сосѣднія Литовскія владѣнія, желая тѣмъ угодить Новгородцамъ, и полки Московскіе пожгли тамъ города Осѣченъ, Рясну и другіе Возвратясь въ Москву князь Иванъ Даниловичъ, позвалъ къ себѣ въ гости владыку Новгородскаго Василія, посадника, тысяцкаго и нарочитыхъ бояръ, принялъ ихъ ласково, угощалъ пирами, честилъ и особенно выказывалъ свое расположеніе къ владыкѣ Василію.

Впрочемъ ни ласки, ни пиры Московскіе не могли усыпить Новгородцовъ. Владыка Василій и посадникъ продолжали укрѣплять Новгородъ и строить новые остроги. А одна изъ Новгородскихъ партій крѣпко не долюбливала Московскихъ пировъ, и въ то время какъ владыка съ старѣйшими боярами гостилъ у Московскаго князя, затѣяла мятежъ, весь Новгородъ раздѣлился на двѣ стороны, и та и другая сторона уже вооружились и готовы были начать битву; но буря разломила Волховскій мостъ, и враждующіе принуждены были разойтись по домамъ, а потомъ и примирились. И не даромъ одна сторона Новгорода плохо вѣрила ласкамъ Московскаго князя и не долюбливала Московскихъ пировъ. Князь Иванъ Даниловичъ, лаская Новгородскихъ старѣйшинъ, и недумалъ отступаться отъ своихъ замысловъ противъ Новгородскихъ вольностей. Не

получивши отъ Новгородцовъ Закамскаго серебра добровольно, онъ придумалъ завладѣть имъ насильно, и для этаго черезъ годъ послѣ Московскихъ пировъ, не объявляя войны вдругъ послалъ свою рать въ Двинскую область въ Заволочье, чтобы захватить этотъ край и такимъ образомъ загородить Закамскимъ даньщикамъ дорогу въ Новгородъ. Ловко было придумано это хитрое дѣло, да неловко кончилось Сильные и богатые Новгородскіе бояре, проживавшіе въ Двинскомъ краю, владѣвшіе тамъ огромными землями и постоянно имѣвшіе при себѣ не малочисленныя и удалыя дружины повольниковъ ротниковъ, дали такой отпоръ не прошеннымъ Московскимъ гостямъ, что Московская рать была разбита на голову и въ безпорядочномъ бѣгствѣ потеряла много убитыми и ранеными.

Возмущеніе Корѣлы и война съ Шведами.

Въ то время какъ въ Заволочьѣ Новгородцамъ пришлось сражаться съ Московскою ратью, у нихъ также не совсѣмъ спокойно было на западѣ: Псковъ не признавалъ церковнаго суда владыки Новгородскаго, хотя и самъ архіепископъ Василій ѣздилъ уговаривать Псковичей; а Корѣла вошла въ сношенія со Шведами противъ Новгорода. Въ томъ же 1337 году, когда были разбиты Московскія войска въ Заволочьѣ, Ваптъ Корѣляпинъ, бывшій воеводою въ Корѣльскомъ городкѣ отъ имени Новгорода, тайно пригласилъ Шведовъ и передалъ имъ городъ, при чемъ много было убито Корѣлою Новгородскихъ и Ладожскихъ купцовъ, ѣздившихъ туда для торговли; Корѣляне также не мало перерѣзали и

тѣхъ Новгородцовъ, которые поселились между ними, а сами бѣжали въ городки къ Шведамъ, и оттуда еще дѣлали набѣги на Новгородскія села въ томъ краѣ и рѣзали жителей. Это было зимою, а на весну (1338 года) Новгородцы съ посадникомъ Ѳеодоромъ ходили на Неву и стояли подъ Орѣховымъ, ссылаясь съ Шведскимъ воеводою Степемъ, но ничего не успѣли и не заключивъ мира, воротились домой. А въ слѣдъ за тѣмъ Шведы съ Корѣлою воевали Обонежье и сожгли Ладожскій посадъ, впрочемъ самаго города взять не могли. Въ отмщеніе за такія опустошенія, Новгородская молодежъ, состоящая изъ удалыхъ повольниковъ, избравши между собою самыхъ храбрыхъ въ воеводы, пустилась къ Шведскому городу Выборгу и страшными опустошеніями тамошнихъ Корѣльскихъ селеній такой навела страхъ, что Шведы не смѣли и показаться изъ своего Выборга. Но какъ скоро повольники обремепенные добычею воротились домой, Шведы вышли изъ своего города, напали на Толъдолу и Вотьскую землю, впрочемъ не имѣли успѣха; Новгородцы поостереглись, и когда Шведы подходили къ Копорью, то Копорьяне съ бояриномъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ такъ удачно напали на нихъ, что почти истребили весь отрядъ и только не многимъ удалось воротиться въ Выборгъ. Послѣ сего Шведы присмирѣли, и на зиму пришло отъ Выборгскаго воеводы посольство въ Новгородъ, которое говорило, что Шведскій король желаетъ мира съ Новгородцами, что онъ и не думалъ на-

падать на Новгородскую волость, что нападалъ прежній Выборгскій воевода Стенъ самовольно, котораго за это и смѣнили. Новгородцы на это отвѣчали своимъ посольствомъ въ Выборгъ; гдѣ и былъ заключенъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ былъ заключенъ миръ со Шведами на Невѣ при покойномъ князѣ Юріѣ Даниловичѣ. А про Кобылитскую Корѣлу положено отправить посольство къ самому Шведскому королю Магнусу, которое на другій годъ и ѣздило въ Швецію и въ городѣ Лундѣ заключило съ королемъ миръ по старымъ грамотамъ; въ этомъ мирѣ о Корѣлѣ сказано: „ежели къ вамъ побѣгутъ наши, то сѣките или вѣшайте ихъ; а ежели къ намъ ваши, то мы сдѣлаемъ тоже, чтобы не мутили между нами; тѣхъ же, которые приняли нашу вѣру, не выдадимъ“. Такъ кончились къ взаимному удовольствію дѣла со Шведами.

Но осталось еще неконченное дѣло поважнѣе Шведскаго, — пришла вѣсть, что Московскій князь возвратился изъ орды; и Новгородцы, не зная останется ли онъ съ ними въ мирѣ послѣ разбитія Московской рати въ Заволочьѣ, отправили къ нему посольствомъ Сильвестра Волошевича и Ѳедора Аврамова съ данью Татарскому хану; и тутъ только оказалось, что князь не добро мыслитъ на Новгородъ. Князь Иванъ Даниловичъ, взявши дань, прислалъ свое посольство въ Новгородъ съ требованіемъ, что бы прислали новую дань; ханъ-де проситъ новой дани. Это не бывалое требованіе такъ огорчило Новгородцевъ, что они чрезъ его посольство отвѣчали

Ссора съ Московскимъ княземъ.

князю: „того у насъ не бывало отъ начала мира, а ты цѣловалъ крестъ Новугороду по старой пошлинѣ Новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ“ (*). Но Московскій князь не хотѣлъ и думать о Ярославовыхъ грамотахъ; и получивши Новгородскій отвѣтъ отъ своихъ посланниковъ, немедленно послалъ приказъ своимъ намѣстникамъ выйдти изъ Новгорода и объявилъ Новгородцамъ войну. Впрочемъ эта войпа несостоялась, ибо въ слѣдующемъ 1340 году Московскій князь Иванъ Даниловичъ захворалъ и умеръ въ Москвѣ.

Такъ кончилось тяжелое для Новгорода княженіе великаго князя Ивана Даниловича, продолжавшееся почти 12 лѣтъ. Этотъ хитрый князь и педумалъ исполнять условій, на которыхъ былъ призванъ княжить въ Новгородѣ. и надѣясь на помощь Татарскаго хана постоянно держалъ Новгородцевъ въ страхѣ, а между тѣмъ, при первомъ сколько нибудь гласномъ неудовольствіи всегда умѣлъ во время явиться въ Новгородъ и подавить возстаніе. Такъ что Новгородцы, хотя вообще недовольные имъ, во всѣ двѣнадцать лѣтъ ни разу не успѣли отказать ему; а напротивъ того онъ самъ каждый разъ, подавивъ неудовольствіе, постоянно во время успѣвалъ выказывать свой гнѣвъ и выводилъ намѣстниковъ, а въ случаѣ нужды являлся съ Низовыми и

(*) Дѣйствительно Новгородцы до Ивана Даниловича почти не платили дани Татарскому хану, или платили очень рѣдко и неисправно, они не щитали себя данниками хана; а о запросѣ или о прибавкѣ новой дани въ Новгородѣ не было и помину.

Татарскими войсками или на границахъ Новгородской области, или и въ самомъ Новгородѣ. Да и вообще князь Иванъ Даниловичъ такъ умѣлъ поставить свои отношенія къ Новгороду, что и на будущее время какъ бы привязалъ Новгородъ къ Москвѣ. Тщетно Новгородцы думали противупоставить Московскому князю Литовскихъ князей; тѣмъ самимъ было не до Новгорода, у нихъ много было дѣла съ Прусскими и Ливонскими Нѣмцами. И Гедиминовъ сынъ Наримантъ, получившій отъ Новгородцовъ, какъ мы уже видѣли, Ладогу, Орѣховъ, Корѣльскую землю и половину Копорья, прожившіи въ данныхъ городахъ четыре года, удалился въ Литву, не смотря на то, что Новгородцы усильно просили его принять участіе въ усмиреніи Корѣлы, передавшейся Шведамъ.

Князь Семенъ Ивановичъ Московскій и война съ нимъ.

Новгородцы, по смерти князя Ивана Даниловича, еще не надумались, кого выбрать себѣ въ князья; какъ сынъ Ивановъ Семенъ, воротившись изъ орды съ ханскою граматою на великое княженіе Владимирское, немедленно послалъ своихъ намѣстниковъ и данщиковъ въ Торжекъ съ приказаніемъ собрать дань, которые и начали дѣлать насиліе жителямъ Новоторжцы, пораженные такимъ небываломъ самовластіемъ, поспѣшили извѣстить о томъ Новгородцовъ и просить пособія. Новгородцы, также вовсе неожидавшіе таковаго оскорбленія правъ вольнаго народа, немедленно отправили къ Торжку свои полки съ посадничьимъ сыномъ и четырьмя боярами. Новгородскіе полки безвѣстно вступили

въ Торжекъ и схватили княжихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани, заковали въ цѣпи вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми и начали укрѣплять городъ. А между тѣмъ изъ Новгорода было отправлено посольство въ Москву съ жалобою, которое отъ имени вѣча сказало князю Семену: „Княже! ты еще не успѣлъ сѣсть на княженіи; а твои бояре насильничаютъ у насъ“ Въ отвѣтъ на эту жалобу князь велѣлъ готовить Низовые полки, и на зиму (1340 г.) самъ пустился къ Торжку со всею Низовскою землею. А въ это время въ Новгородѣ и въ Торжкѣ собирались вѣча, и народъ раздѣлился на двѣ стороны. Изъ Торжка посылали въ Новгородъ, чтобы всѣ садились на конь; а въ Новгородѣ черпь, доведенная до крайности недавнимъ страшнымъ пожаромъ (*), отдѣлилась отъ бояръ и сказала, что не можетъ идти на войну. Въ Торжкѣ же черпь, видя что нейдетъ новая Новгородская рать, возстала на бояръ, завопила, — „за чѣмъ Новгородцовъ призвали, а они изымали княжихъ намѣстниковъ, а намъ по-

(*) Этотъ Новгородскій пожаръ, извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ Троицкаго, былъ въ 1340 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ начался на Розважи улицѣ отъ поля, истребилъ Перевскій конецъ до церкви св. Іакова и отъ этой церкви до Чудинцевы улицы, потомъ перекинулся въ кремль или дѣтинецъ, пожегъ владычень дворъ, церковь св. Софіи и другія бывшія тамъ церкви и дворы, оттуда пропикъ въ Людинъ конецъ и до Прусской улицы, наконецъ перекинуло огонь черезъ Волховъ на торговую сторону, и до вечерни выгорѣла вся сторона отъ Ѳедорова ручья въ Славно и до поля, такъ что большая часть города обратилась въ пожарище, много жителей погибло въ пожарѣ, а другіе лишились домовъ и послѣдняго куска хлѣба. Пожаръ былъ такъ силенъ, что неуспѣвали выносить имѣнія изъ домовъ, да и вынесенное горѣло на улицахъ.

гибнуть отъ князя.“ И за словами началось и дѣло: чернь, надѣвши брони и взявши оружіе, вломилась въ воеводскіе дворы, освободила княжихъ намѣстниковъ и даньщиковъ, Новгородцовъ выпроводила изъ города и начала грабить боярскіе дворы и села. Новоторжскіе же бояре, кто успѣлъ, бѣжали въ Новгородъ, только спасая свои головы и незахвативши съ собою ничего, а одинъ изъ нихъ Семенъ Внучекъ даже былъ убитъ чернью на вѣчѣ. Въ это то время сумятицы князь Семенъ Ивановичъ съ своими Низовыми полками пришелъ въ Торжекъ и засѣлъ тамъ, принятый Новоторжскою чернью. Новгородцы, получивши вѣсть о прибытіи Московскаго князя въ Торжекъ, начали копить волость всю въ городъ для выдержанія отчаянной борьбы; партіи недавно шумѣвшія смолкли, общая опасность всѣхъ примирила, хотя на время, и всѣ стали готовиться защищать права вольнаго Новгорода во чтобы то ни стало. А между тѣмъ владыка Василій отправился посольствомъ въ Торжекъ съ Авраамомъ тысяцкимъ и другими боярами, гдѣ уже Московскій князь стоялъ съ своими войсками и митрополитомъ Ѳеогностомъ. Это новое посольство было щастливѣе прежняго, оно было принято княземъ и митрополитомъ, и князь согласился заключить миръ и править Новгородомъ по старымъ грамотамъ; а Новгородцы согласились, чтобы онъ собралъ боръ въ 1000 рублевъ съ Новоторжекой области, и приняли княжихъ намѣстниковъ; и тѣмъ кончилось дѣло, страшно перетревожившее Новгородъ. Князь, до-

вольный уступкою, перѣшился доводить вольныхъ людей до отчаянія, которое, судя по прежнимъ примѣрамъ, могло измѣнить дѣло не въ его пользу.

Пожары и смятеніе народа.

Помирившись съ великимъ княземъ Московскимъ, Новгородцы принялись отстраивать свой погорѣвшій Новгородъ. Дѣятельный архіепископъ Василій въ слѣдующіе два года успѣлъ возобновить соборную церковь св. Софіи, выстроилъ вновь разрушенную церковь Благовѣщенія пресв. Богородицы на Городищѣ. Въ это же время выстроили новый мостъ черезъ Волховъ, вмѣсто погорѣвшаго, возобновили многія погорѣвшія улицы и продолжали очищать пожарища и строить новыя церкви и дома. Какъ вдругъ (1342 г.) вспыхнулъ новый пожаръ на Даньславли улицѣ и истребилъ всѣ домы и церкви по берегу Волхова. Этотъ пожаръ въ такое привелъ уныніе всѣхъ жителей Новгорода, что люди бѣжали изъ домовъ своихъ и разположились жить, кто на полѣ въ шалашахъ, кто на берегу рѣки, кто на рѣкѣ въ учанахъ и другихъ судахъ. Болѣе недѣли продолжалось такое смятеніе, что страшно было смотрѣть, одни суетились, бѣгали, незнали что дѣлать, другіе вывозили имущество, а негодяи и бездѣльники грабили и били людей. У намѣстниковъ княжескихъ и другихъ начальниковъ опустились руки и незнали за что приняться, одинъ неутомимый владыка, архіепископъ Василій, непотерялъ головы; онъ созвалъ игуменовъ и священниковъ, назначилъ постъ, учредилъ крестные ходы съ иконами и молебнымъ пѣніемъ по мо-

настырямъ и церквамъ; и весь Новгородъ обратился къ посту и молитвамъ и тѣмъ кончилось смятеніе, всѣ принялись опять за свои дѣла, стали возобновлять погорѣвшіе домы и церкви, люди, бѣжавшіе въ поле воротились въ домы, и водворилась тишина.

Но тишина эта была не надолго, осенью тогоже 1342 года скончался посадникъ Варфоломѣй, сынъ Юрья Мишинича. и на его мѣсто выбрали въ посадники Ѳедора Данилова. Сынъ Варфоломѣя Лука былъ не доволенъ такимъ выборомъ, и какъ богатый землевладѣлецъ, собравъ толпу повольниковъ изъ отчаянной голыдьбы и оборванцовъ, нарядилъ ихъ молодцами, кормилъ поилъ до отвалу, взялъ съ нихъ клятву жить и умирать за одно и пошелъ съ этой отчаянной ватагой и съ своимъ сыномъ Онисифоромъ въ Заволочье на Двину. Посадникъ и владыка уговаривали его незатѣвать похода; но онъ не за тѣмъ тратилъ отцовскую и дѣдовскую казну, чтобы слушать старшихъ. Пришедши въ Заволочье, Лука по Новгородскому старому обычаю построилъ на рѣкѣ Емцѣ городъ Орлецъ, и набравши тамъ еще разныхъ бродягъ захватилъ всю землю Заволоцкую и началъ опустошать погосты по Двинѣ, а сынъ его Онисифоръ съ другою ватагою грабителей отправился за тѣмъ же на Вагу. Въ отсутствіе Онисифора Лука въ одномъ набѣгѣ сложилъ свою го́лову; Заволоцкая Чудь, замѣтивъ, что онъ отошелъ отъ своего городка довольно далеко и всего съ двумя стами человѣкъ, напала на него

многолюдствомъ и убила. Вѣсть объ убіеніи Луки, дошедши до Новгорода, возмутила тамъ черныхъ людей; Лукины друзья разпустили нелѣпый слухъ, что посадникъ Ѳедоръ и его пріятель Андрей заслали нарочныхъ людей убить Луку. Чернь, незабывъ еще какъ Лука пировалъ съ своими новольниками и угощалъ встрѣчнаго и поперечнаго, легко повѣрила нелѣпому слуху, вздумала вступиться за покойнаго, отомстить его мнимымъ злодѣямъ, и съ шумомъ поднялась на посадника Ѳедора и его пріятеля Андрея и начала грабить ихъ домы и села. Ѳедоръ и Андрей, спасая свои головы, убѣжали въ Копорье и прожили тамъ всю зиму до великаго поста. Между тѣмъ Онисифоръ, сынъ Луки, воротился изъ Заволочья и на вѣчѣ подалъ жалобу, обвиняя посадника Ѳедора и Андрея въ посылкѣ нарочныхъ людей, чтобы убить его отца. Владыка Василій и вѣче послали Юрьевскаго архимандрита Іосифа съ боярами въ Копорье, звать Ѳедора и Андрея. Пріѣхавши въ Новгородъ, Ѳедоръ и Андрей явились на вѣчѣ и дали такой отвѣтъ: „мы недумали на брата своего Луку, чтобы убить его, и незасылали на него“. Но Онисифоръ съ своимъ пріятелемъ Матвеемъ Коскою не принимали оправданій и зазвонили свое вѣче у св. Софіи; а посадникъ Ѳедоръ и Андрей зазвонили другое вѣче на Ярославовомъ дворѣ. Онисифоръ и Коска послали на посадничье вѣче владыку Василія и, недождавшись возвращенія владыки, сами ударили на Ярославовъ дворъ; и началась свалка двухъ вѣ-

чей, кончившаяся тѣмъ, что Матвея Коску и его сына Игната схватили и засадили въ церковь, а Онисифоръ съ своими пособниками убѣжалъ. Это было поутру, а къ обѣду поднялся весь городъ; одна сторона стала за посадника, а другая за Онисифора; и только стараніями владыки Василія и княжаго намѣстника Бориса дѣло не дошло до схватки и кончилось миромъ, по которому Ѳедоръ долженъ былъ отказаться отъ посадничества, и на его мѣсто выбрали Остафья Дворянинцова. Миръ, устроенный владыкою Василіемъ, продолжался около трехъ лѣтъ; но партія фамиліи Варѳоломѣевой не совсѣмъ была довольна этимъ миромъ, и осенью 1345 году 8-го ноября, только что посадникъ Евстафій съ вѣчемъ въ обѣденную пору перешелъ Волховскимъ мостомъ на торговую сторону, какъ противники возстали на него и дали посадничество Онисифорову дядѣ Матвею Варѳоломѣевичу. А на слѣдующій годъ, по приговору вѣча, владыка Василій ѣздилъ въ Москву просить великаго князя, чтобы онъ посѣтилъ Новгородъ. Князь и мотрополитъ Ѳеогностъ приняли владыку Василія съ почестями, и по его приглашенію великій князь Семенъ Ивановичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, и побывъ тамъ три недѣли, отправился по ханскимъ дѣламъ въ Низовую землю.

Нападеніе Литовскаго князя Ольгерда.

Почти въ слѣдъ за отъѣздомъ Московскаго князя, явился на Шелони на устьѣ рѣки Пшаги великій князь Литовскій Ольгердъ со всѣми Литовскими князьями, и послалъ сказать Новгородцамъ:

„хочу видѣться съ вами, меня ругалъ вашъ посадникъ Остафей Дворянинецъ, называлъ псомъ“. Новгородцы по этому вызову стали вооружаться и вышли на рѣку Лугу; но несогласные между собою, замялись, воротились назадъ и собравши вѣче убили посадника Евстафія, говоря: „изъ за тебя враги пустошатъ наши волости“. А между тѣмъ Ольгердъ взялъ Шелонь и Лугу на щитъ, т. е. отдалъ на разграбленіе своимъ ратникамъ, а съ Порхова и Опокъ вытребовалъ окупъ; и довольный добычею возвратился въ Литву, чтобы воевать съ Ливонскими Нѣмцами.

Нападеніе короля Шведскаго Магнуса.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ольгердова нашествія, какъ Новгородцы должны были выдержать нашествіе другаго своего сосѣда Магнуса короля Шведскаго. Этотъ король, проведшій молодость развратно, вздумалъ по настоянію Латинскаго духовенства загладить грѣхи своей юности походомъ на Новгородскія владѣнія съ тѣмъ, чтобы обратить Новгородцовъ въ Латинскую вѣру. Онъ собралъ большое войско изъ Шведовъ и наемныхъ Нѣмцовъ и въ 1348 году прислалъ въ Новгородъ свое посольство съ такою рѣчью: „пошлите на съѣздъ своихъ ученыхъ, а я своихъ, и пусть они поговорятъ о вѣрѣ, мнѣ хочется узнать, которая вѣра лучше. И ежели ваша вѣра будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру; а ежели наша вѣра будетъ лучше, то вы идите въ нашу вѣру, и будемъ жить всѣ какъ одинъ человѣкъ и заживемъ согласно. А непойдете въ единачество; то я хочу идти на васъ со всею

моею силою“ Новгородцы собрали вѣче и разсудивши, что спорить о вѣрѣ нѣтъ надобности, рѣшили сказать Магнусу: „ежели хочешь увѣдать, которая вѣра лучше—наша или ваша; то пошли въ Царьградъ къ патріарху, ибо мы приняли православную вѣру отъ Грековъ, и съ тобой о вѣрѣ неспоримъ. А ежели есть какая обида между нами, то объ этомъ мы шлемъ къ тебѣ на съѣздъ“. И послали съ этою рѣчью тысяцкаго Авраама, Козму Твердиславля и иныхъ бояръ, которые остановились въ Орѣховѣ, и оттуда отправили Козму Твердиславля на Березовые острова, гдѣ стоялъ Магнусъ съ своею ратью. Магнусъ на эту рѣчь отвѣчалъ: „обиды мнѣ съ вами нѣтъ никакой, но идите въ мою вѣру, а непойдете, и я иду на васъ со всею моею силою“. И съ тѣмъ отпустилъ Козму, а самъ съ своею ратью осадилъ Орѣховъ и началъ крестить Ижерцевъ въ свою вѣру, а которые несоглашались, тѣхъ велѣлъ грабить. Новгородцы когда получили объ этомъ вѣсть, отправили на защиту Ижеры извѣстнаго уже намъ Онисифора Лукинича съ небольшею дружиною, который такъ ловко повелъ дѣло, что избилъ 500 человѣкъ Шведовъ, воевавшихъ въ Ижерѣ, а другихъ привелъ плѣнниками въ Новгородъ, а перевѣтниковъ, помогавшихъ королю, перевѣшалъ. Посадникъ же Ѳедоръ Даниловичъ съ намѣстниками великаго князя, съ Новгородцами, Псковичами, Новоторжцами и со всею Новгородскою волостью, двинулись къ Ладогѣ, а къ великому князю отправили посольство звать его

на помощь противъ Шведовъ Великій князь Семенъ Ивановичъ далъ обѣщаніе помочь Новгородцамъ и самъ пришелъ въ Торжекъ, но постоявъ тамъ недолго, воротился въ Москву, а въ Новгородъ прислалъ своего брата Ивана. Между тѣмъ король Магнусъ послѣ продолжительной осады взялъ Орѣховъ и, оставивъ тамъ свою рать, самъ возвратился въ Швецію. Князь Иванъ, услыхавши объ этомъ, выѣхалъ изъ Новгорода и не смотря на просьбы Новгородцовъ ушелъ въ Москву.

Новгородцы, оставшись одни съ Псковичами, наконецъ двинулись изъ Ладоги къ Орѣхову, чтобы выжить оттуда Шведовъ, оставленныхъ Магнусомъ; они пришли къ Орѣхову въ Успенскій постъ и стояли подъ городомъ до великаго поста, наконецъ сдѣлавши приступъ къ городу въ чистый попедѣльникъ пошли на приступъ въ ночь, и послѣ упорнаго боя къ утру слѣдующаго дня взяли городъ, а Шведовъ иныхъ избили, а другихъ побрали въ плѣнъ. Но взятіе Орѣхова нисколько не кончило Шведской войны, Шведскій король не заключалъ мира и невозвращалъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Орѣховѣ, и война продолжалась еще два года. Новгородцы, чтобы скорѣе принудить Шведскаго короля къ миру, въ слѣдъ за взятіемъ Орѣхова отправили небольшую дружину въ Корѣльскую землю, которая разбила Шведовъ подъ Кексгольмомъ. Потомъ Новгородцы на другій годъ открыли походъ изъ Двинской своей области въ Норвегію, ближайшую къ Бѣлому или Мурманскому морю и произ-

вели тамъ большія опустошенія; но Шведскій король все еще недумалъ мириться. Наконецъ въ 1350 году Новгородцы, собравши рать съ сыномъ княжескаго намѣстника. съ своимъ тысяцкимъ и другими воеводами, подступили къ Шведскому городу Выборгу, сожгли посадъ, разбили Шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ крѣпости, и страшно опустошивши сосѣднюю область возвратились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Этотъ послѣдній походъ наконецъ склонилъ Шведскаго короля къ миру. Мирные переговоры открылись въ Юрьевѣ (Дерптѣ), при посредствѣ Ливонскихъ Нѣмцовъ, и кончились тѣмъ, что король выдалъ всѣхъ Новгородскихъ бояръ, захваченныхъ въ Орѣховѣ, размѣнялись остальными плѣнниками и положили рубежъ Новгородской и Шведской землѣ. Черезъ недѣлю по заключеніи Шведскаго мира, вѣче отняло посадничество у Ѳедора Даниловича и дало Онисифору Лукинничу. А потомъ вскорѣ народъ возсталъ на того же Ѳедора Даниловича, на брата его Михаила и на пріятелей ихъ Юрія и Андреяна, выгналъ ихъ изъ города, разграбилъ домы и всю Прусскую улицу, въ которой они были боярами; изгнанные сперва бѣжали во Псковъ, а потомъ перебрались въ Копорье.

Отдѣленіе Пскова отъ Новгорода.

Въ 1352 году скончался неутомимый владыка Новгородскій Василій и на его мѣсто возвели опять прежняго владыку старца Моисея, двадцать одинъ годъ тому назадъ отказавшагося отъ престола и проживавшаго въ монастырѣ. Владыка Василій скоп-

чался на обратномъ пути изъ Пскова, гдѣ былъ отрашный моръ, извѣстный подъ именемъ черной смерти. Василій ѣздилъ во Псковъ по приглашенію самихъ Псковичей, чтобы сколько нибудь утѣшить жителей, доведенныхъ моромъ до отчаянія, успѣлъ поднять упавшій духъ гражданъ Пскова; но самъ заразился болѣзнію, и на возвратномъ пути въ Новгородъ скончался на дорогѣ, при устьѣ рѣчки Узы въ Шелонь. Въ слѣдъ за Псковомъ болѣзнь перебралась и въ Новгородъ, гдѣ продолжалась отъ праздника Успенія Прес. Богородицы до праздника пасхи. Но въ Новгородѣ болѣзнь была слабѣе нежели во Псковѣ, и еще слабѣе въ Москвѣ, гдѣ впрочемъ въ началѣ 1352 года скончались отъ нее митрополитъ Ѳеогностъ, вел. князь Семенъ Ивановичь и два его сына. Въ княженіе Семена Ивановича у Новгородцовъ произошла большая перемѣна въ отношеніи къ Пскову. Псковичи давно уже жили отдѣльною жизнію отъ Новгородцовъ и щитали свой городъ независимымъ отъ Новгорода, и дѣйствительно, поступали самостоятельно неспрашиваясь у Новгородскаго вѣча; но этой самостоятельности еще не признавали Новгородцы и продолжали щитать Псковъ Новгородскимъ пригородомъ. Въ княженіе же Семена Ивановича, именно во время грознаго похода Шведскаго короля Магнуса, Новгородцы, оставленные безъ помощи великимъ княземъ и другими своими союзниками, желая получить усерднѣйшую помощь отъ Псковичей, въ 1348 году, передъ самымъ походомъ къ Орѣхову, заклю-

чили формальный договоръ съ Псковичами, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду, и узаконили посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки Новгородскаго быть намѣстникомъ Псковитину, и изъ Новгорода Псковичей не звать на судъ ни черезъ дворянъ, ни черезъ подвойскихъ, ни черезъ Софіянъ, ни черезъ извѣтниковъ и биричей.

Князь Суздальскій Константинъ.

Испытавши невыгоды союза съ Московскими князьями при Иванѣ Даниловичѣ и Семенѣ Ивановичѣ, Новгородцы, какъ только услыхали о смерти послѣдняго, немедленно отправили своего посланника Семена Судокова къ Татарскому хану въ орду съ просьбою, чтобы онъ отдалъ великое княженіе Владимирское князю Суздальскому Константину, который обязался свято хранить Новгородскіе уставы. Но Татарскій ханъ непослушалъ Новгородскаго ходатайства и далъ великое княженіе Московскому князю Ивану Ивановичу, брату покойнаго Семена. Тѣмъ не менѣе Новгородцы не признали надъ собою власти Московскаго князя, утвержденнаго ханомъ, и остались вѣрными своему избраннику князю Суздальскому до самой его кончины, послѣдовавшей черезъ полтора года. Мало этого, старый Новгородскій архіепископъ Моисей, вновь возведенный на владычень престолъ, думалъ отдѣлить и Новгородскую церковь отъ Московской митрополіи, и въ годъ кончины князя Семена Ивановича отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь къ патріарху и къ Греческому императору

Попытка отдѣлить Новгородскую церковь отъ Московской митрополіи.

съ жалобами на притѣсненія отъ Московскаго митрополита; но жалобы сіи не имѣли успѣха; патріархъ и императоръ, не желая измѣнить того порядка въ церковной іерархіи, который уже заведенъ изкони, покончили дѣло присылкою милостивыхъ грамотъ за золотою печатью и пожалованіемъ Новгородскому архіепископу крестчатыхъ ризъ. А по смерти князя Суздальскаго Новгородцы нашлись въ необходимости войти въ сношенія съ великимъ княземъ Московскимъ, который до сего времени недавалъ имъ мира, и приняли отъ него намѣстниковъ. Впрочемъ в. к. Иванъ Ивановичъ почти не обращалъ вниманія на Новгородскія дѣла и вовсе не тревожилъ Новгорода какими либо притязаніями; а посему Новгородцы во все его княженіе оставались имъ довольны и ни разу не выказали ни какихъ споровъ, да и съ сосѣдями своими оставались въ мирѣ, мирно же у нихъ было и дома. Старый ихъ архіепископъ Моисей спокойно строилъ и украшалъ церкви, которыя еще оставались въ развалинахъ послѣ большаго Троицкаго пожара.

Князь Иванъ Ивановичъ Московскій.

Накопецъ владыка Моисей за старостію снова отказался отъ управленія Новгородскою церковію; и на его мѣсто спокойно выбрали по жребію инока Алексѣя и посадили на владычнемъ дворѣ. Какъ вдругъ весною 1359 года многолюдный и богатый Славенскій конецъ поднялся на посадника Андрея-на Захарьинича, отнялъ у него посадничество и далъ своему кончанскому боярину Сильвестру Лентѣевичу. Лѣтописцы неуказываютъ настоящей и

Междоусобіе въ Новгородѣ.

прямой причины возстанія и говорятъ только, что по совѣту лихихъ людей бысть мятежъ силенъ въ Новгородѣ: Славенскіе кончане пришли на вѣчѣ на Ярославль дворъ въ доспѣхахъ и съ оружіемъ подъ платьемъ, и среди вѣчевыхъ споровъ вдругъ соскочили съ мѣстъ, напали на невооруженныхъ зарѣчанъ (жителей Софійской стороны), стали бить и грабить бояръ, убили до смерти одного боярина Ивана Борисовіча, провозгласили посадникомъ своего боярина Сильвестра Лентѣевича и разогнали вѣче. Это не бывалое между вольными Новгородцами коварство раздѣлило Новгородъ на двѣ враждующія партіи, которыя стали другъ противъ друга въ оружіи. Съ одной стороны вооружились всѣ кончане Софійской стороны, желая мстить за безчестье своей братьи; а съ другой стороны Славенскій конецъ, защищая свои головы и имущество, и такъ прошло три дни. Славенцы переметали мостъ, страшная рѣзня уже была готова начаться, какъ старецъ, бывшій владыка Моисей и вновь избранный и еще не посвященный владыка Алексѣй, взявъ съ собою Юрьевскаго архимандрита и игуменовъ, явились среди враждующихъ, начали благословлять обѣ стороны и говорить со слезами: „дѣти, нетворите брани на радость поганымъ, а святымъ церквамъ и мѣсту сему на запустѣніе, непачинайте битвы“. Добрая рѣчь уважаемыхъ святителей умирила враждующихъ и ополченные разошлись мирно. А собравшееся вновь вѣче опредѣлило въ наказаніе зачинщикамъ мятежа, разграбить села вы-

браннаго мятежниками въ посадники Сильвестра и другихъ богатыхъ Славенцовъ, а на мѣсто Сильвестра выбрало въ посадники Никиту Матвѣевича; и такимъ образомъ обѣ стороны получили удовлетвореніе, мятежъ, взволновавшій Новгородъ, улегся и водворился желанный миръ.

Князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій.

Смерть великаго князя Московскаго Ивана Ивановича, послѣдовавшая въ томъ же 1359 году, подала надежду Новгородцамъ отдѣлиться отъ Московскихъ князей; ибо за малолѣтствомъ Москов. князя Дмитрія Ивановича Татарскій ханъ отдалъ велпкое княженіе Владимирское Суздальскому князю Дмитрію Константиновичу, сыну того Константина Суздальскаго, за котораго Новгородцы въ свое время усердно хлопотали въ ордѣ у хана. Въ Новгородѣ всѣ были очень довольны ханскимъ утвержденіемъ князя Суздальскаго на Владимирскомъ великомъ княженіи, и радостно приняли его намѣстниковъ и посланниковъ, заключили съ княземъ договоръ на основаніи старыхъ грамотъ, и дали намѣстникамъ право суда. Новгородцы такимъ образомъ надѣялись разойтися съ Московскими князьями; но эта надежда не оправдалась, едва прошло два года отъ ханскаго утвержденія великаго княженія Владимирскаго за княземъ Суздальскимъ, какъ бояре Московскіе успѣли выхлопотать въ ордѣ новую ханскую грамоту въ пользу своего малолѣтнаго князя и силою выгнали изъ Владимира и Переяславля князя Димитрія Константиновича; и Новгородцы опять должны были признать своимъ кня-

земъ Московскаго князя. Впрочемъ новый Московскій князь пока не походилъ на прежнихъ и цѣлые десять лѣтъ жилъ мирно съ Новгородомъ, миромъ же во все это время наслаждались Новгородцы отъ сосѣдей, мирно жили и между собою.

Князь Дмитрій Ивановичъ Московскій.

Въ это мирное время былъ одинъ случай, возбудившій гнѣвъ великаго князя, и князь было вывелъ своего намѣстника изъ Новгорода; но дѣло скоро объяснилось и княжій намѣстникъ былъ возвращенъ въ Новгородъ. А дѣло было такого рода: молодежъ Новгородская, воспользовавшись временемъ мира, начала по старинному обычаю составлять ватаги повольниковъ и пробовать свою силу и удаль въ дальнихъ походахъ. Одна ватага такихъ повольниковъ, подъ предводительствомъ молодаго боярина Александра Аввакумовича и какого-то бывалаго удальца Степана Ляпы, отправилась въ 1364 году въ Югорскую землю за Уральскій Хребетъ, пробралась до рѣки Оби и повоевала тамошнюю землю отъ верховьевъ Оби до впаденія ея въ море, а на обратномъ пути разбила на Курьи Двинянъ, думавшихъ загородить ей дорогу. Ватага эта воротилась домой съ богатою добычею и на Редятинѣ улицѣ, вѣроятно въ приходѣ Александра Аввакумовича, выстроила хорошую каменную церковь св. Троицы, на богатства добытыя въ Югорскомъ походѣ. На другій годъ послѣ этаго похода собралась новая ватага повольниковъ, очевидно снаряженная тѣмъ же Александромъ Аввакумовичемъ въ компаніи еще съ двумя молодыми боярами съ Еси-

Повольничьи походы Александра Аввакумовича и другихъ.

помъ Варѳоломѣевичемъ и Василіемъ Ѳедоровичемъ, и подъ ихъ предводительствомъ въ 1366 году вступила на Волгу въ полутораста ушкуяхъ, прошла Волгою до Камы и взяла тамъ богатый Болгарскій городъ Жукотинъ, а на возвратномъ пути ворвалась въ Нижній Новгородъ, избила тамъ множество купцовъ Татарскихъ, Армянскихъ и Бесерменскихъ, а товары ихъ разграбила, лодьи же и другія суда иныя потопила, иныя сожгла. Эта то вторая ватага повольниковъ возбудила гнѣвъ великаго князя Димитрія Ивановича; онъ подумалъ, что такіе грабежи производятся по разпоряженію Новгородскаго вѣча, и потому велѣлъ схватить на Вологдѣ, проѣзжавшаго тамъ съ Двины, знаменитаго Новгородскаго боярина Василья Даниловича Машкова и вывелъ своего намѣстника изъ Новгорода. Но посольство Новгородское, отправленное въ Москву, уладило все дѣло мирно; послы объяснили князю, что по старому Новгородскому обычаю ходили на Волгу молодые люди по своей воли, а не по разпоряженію вѣча и били и грабили только Бесерменъ, Московскихъ же гостей не грабили; и князь, довольный объясненіемъ, отпустилъ боярина Василія Даниловича, отложилъ свой гнѣвъ на Новгородъ и отправилъ туда своего намѣстника, желая жить въ согласіи съ Новгородцами. Новгородскіе повольники послѣ этаго опять ходили на Волгу три раза въ 1369 и 1370 годахъ. доходили до Камы, грабили Болгаръ; и Московскій князь уже не обращалъ вниманія на ихъ походы, и продолжалъ жить въ мирѣ съ Новгородомъ.

Но скоро для повольниковъ и всего Новгорода открылось новое дѣло по разпоряженію Новгородскаго вѣча и по желанію самаго Московскаго князя; съ 1371 года у Московскаго князя и у Новгородцовъ началась упорная война съ великимъ княземъ Тверскимъ, Михаиломъ Александровичемъ, продолжавшаяся пять лѣтъ. Тверскій князь, получивши отъ Татарскаго хана ярлыкъ на великое княженіе Владимирское, началъ войну нападеніемъ на Кострому, Мологу, Углече-поле и Бѣжецкій Верхъ, и посажалъ такъ своихъ намѣстниковъ; таковое нападеніе на Московскія и Новгородскія владѣнія естественно вызвало тѣснѣйшій союзъ Новгорода съ Москвою, и Новгородцы въ томъ же 1371 году заключили съ Московскимъ княземъ договорную грамоту. Грамота сія сохранилась до нашего времени; изъ нея мы знаемъ, что обѣ договаривающіяся стороны цѣловали другъ другу крестъ, чтобы Новгороду помогать противъ Тверскаго и Литовскаго князей Московскому князю, а Московскому князю помогать Новгороду противъ Литовскаго и Тверскаго князей и противъ Нѣмцевъ, и до окончанія войны не оставлять другъ друга и не мириться съ врагами отдѣльно; Новгороду держать великое княженіе честно и грозно безъ обиды, а великому князю держать Новгородъ въ старинѣ безъ обиды. Михаилъ, узнавши о таковомъ союзѣ, немедленно напалъ на Торжокъ, взялъ его и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, какъ только получили объ этомъ вѣсть, отправили въ Торжокъ своего знаменитаго

Война съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

повольника Александра Аввакумовича, прославившагося своими походами по Оби, Волгѣ и Камѣ. Этотъ неутомимый витязь съ своею удалою дружиною выгналъ Михайловыхъ намѣстниковъ, ограбилъ Тверскихъ купцовъ, тамъ бывшихъ, и принялся укрѣплять Торжекъ; а между тѣмъ Московскіе полки выгнали Михаилова намѣстника изъ Бѣжецкаго Верха, Новгородская же рать успѣла занять Ярославль. Но вдругъ неожиданно вспыхнула война у Московскаго великаго князя съ Рязанскимъ великимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ и это сильно помогло Михаилу Тверскому. Московскіе полки потребовались на Рязанскую границу; и Михаилъ, пользуясь такимъ случаемъ, съ большою ратью явился подъ Торжкомъ. Александръ Аввакумовичъ, понадѣявшись на свою удалую дружину, не робѣвшую ни передъ какимъ непріятелемъ, не вытерпѣлъ, вышелъ изъ города и далъ сраженіе полкамъ Михаиловымъ, думая что противъ его отчаянныхъ молодцовъ неустоитъ ни какая рать; но Михаиловы Тверичи также были не трусы, а счетомъ ихъ было вдвое или втрое противъ Александровой дружины, они приняли стремительный натискъ Александра по молодецки, и на первомъ же сступѣ уложили на сыру землю самаго Александра и лучшихъ его товарищей, а прочіе побѣжали и многіе попались въ плѣнъ. Тогда Михаилъ безпрепятственно осадилъ Торжекъ, а чтобы не тратить времени, запалилъ его по вѣтру; и въ нѣсколько часовъ отъ богатаго города остались одни развалины и три обгорѣлыя каменныя

церкви, жители же частію сгорѣли, или задохлись въ дыму, или потопули въ Тверцѣ. Тверичи же, дорого купившіе побѣду, такъ потѣшились надъ нещастными Новоторжцами, что по словамъ лѣтописца и отъ поганыхъ такого зла не бывало; они обдирали всѣхъ до нага, отъ чего добрыя жены и дѣвицы, видя такое поруганіе, сами бросались въ рѣку и тонули. Князь Михаилъ, обративши городъ въ пожарище, захватилъ все, что осталось отъ огня,— и людей, и ихъ богатство, и украшенія церковныя, и книги, и колокола, и спокойно ни кѣмъ не преслѣдуемый возвратился въ Тверь.

Вѣсть о созженіи Торжка привела въ ужасъ Новгородцовъ, они немедлено принялись укрѣплять свой городъ и вырыли около кремля большій ровъ; а великій князь Дмитрій Ивановичъ, во исполненіе договора, прислалъ въ Новгородъ своего двоюроднаго брата князя Владимира Андреевича Храбраго, на случай ежели понадобится защищать Новгородъ отъ Михаила Тверскаго. Впрочемъ этотъ случай не открылся: Михаилъ Александровичъ, желая высвободить изъ Москвы своего сына, переданнаго Московскому князю Татарами, заключилъ съ Димитріемъ и Новгородцами миръ; а по сему и князь Владимиръ Андреевичъ, проживъ въ Новгородѣ съ первой недѣли великаго поста до Петрова дни, воротился въ Москву.

Но миръ, заключенный Михаиломъ Тверскимъ, не продолжался и двухъ лѣтъ; самъ же Михаилъ, подстрекаемый бѣжавшими къ нему Московскими из-

мѣнниками, снова объявилъ войну Дмитрію Ивановичу Московскому, и послалъ рать на Углече поле и своихъ намѣстниковъ въ Торжекъ. Впрочемъ на этотъ разъ Новгородцамъ не понадобилось защищать своихъ владѣній, а напротивъ того имъ выпалъ удобный случай мстить врагу своему Михаилу въ самой Твери. Въ 1375 году Московскій великій князь успѣлъ собрать большую рать, и привелъ къ Твери до двадцати князей съ ихъ дружинами. и такъ повелъ дѣло, что Михаилъ, осажденный со всѣхъ сторонъ, находился въ крайности: Тверскій посадъ былъ уже созженъ, села и волости пограблены и позжены, люди побиты или взяты въ плѣнъ, самый городъ уже былъ обнесенъ острогомъ и черезъ Волгу наведены два моста. Въ это время Московскій князь далъ вѣсть Новгородцамъ, чтобы шли къ Твери. Новгородцы, обрадованные такимъ приглашеніемъ, быстро собрались и въ три дни явились подъ Тверью, спѣша послужить Московскому князю и отомстить Тверичанамъ за созженіе Торжка. Съ прибытіемъ Новгородцовъ великій князь повелъ войска на приступъ, и хотя Тверичи на первый разъ отбили нападающихъ; но Михаилъ, видя что большая часть городскихъ воротъ взята, и не находя возможности защищаться долѣе, поспѣшилъ заключить миръ съ Московскимъ княземъ и Новгородцами. Миръ этотъ, котораго договоръ сохранился до нашего времени, вполнѣ вознаградилъ всѣ убытки и обиды Новгородцовъ: 1-е Михаилъ обязался не имѣть ни какихъ притязаній на владѣнія

Новгородскія, жить съ Новгородомъ и Торжкомъ по старинѣ, а рубежъ держать старый, который рубежъ у Новгорода съ Тверью былъ при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ. 2-е Возвратить Новгородцамъ взятые въ послѣднюю войну подъ Торжкомъ колокола, книги, церковные оклады и сосуды и все имѣніе Новоторжцовъ, взятое войною и грабежемъ, отпустить всѣхъ Новгородскихъ и Новоторжскихъ плѣнниковъ и даже тѣхъ, которые во время взятія Торжка сами продали себя въ рабство. 3-е Князь Михаилъ отступился отъ всего, что Новгородцы грабили по Волгѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, что взяли княжихъ товаровъ и побили людей; а товаръ, взятый у Новгородскихъ и Новоторжскихъ купцовъ до взятія Торжка, далъ слово возвратить хозяевамъ весь сполна по крестному цѣлованію. И 4-е гостямъ и торговцамъ Новгорода и Торжка и пригородовъ давать свободный пропускъ чрезъ Тверскія владѣнія и не измѣнять старинныхъ проѣзжихъ пошлинъ. Во исполненіе всѣхъ сихъ условій Тверскій князь цѣловалъ крестъ къ великому князю Московскому Дмитрію Ивановичу, къ его брату князю Владимиру Андреевичу и къ Великому Новгороду. Вообще Московскій князь такъ хорошо устроилъ для Новгородцовъ, что они по настоящему миру получили во всемъ возможно полное удовлетвореніе, какого никогда не получали прежде ни отъ Тверскихъ, ни отъ другихъ князей, и навсегда отдѣлались отъ борьбы съ Тверью.

Мирный договоръ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ.

Походы повольниковъ.

По окончаніи войны съ Тверскимъ княземъ, Новгородъ десять лѣтъ жилъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями. Пользуясь мирнымъ временемъ, Новгородская молодежь опять принялась за повольничество. Первая ватага повольниковъ, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, собралась еще въ то время, когда Новгородская рать, вмѣстѣ съ Московской, стояла подъ стѣнами Твери. Эта ватага, подъ начальствомъ Новгородца Прокопа и какого-то Смольнянина, очевидно людей неизвѣстныхъ, но бывалыхъ, на семидесяти ушкуяхъ пустилась Волгою и Костромою, и прежде всего напала на городъ Кострому. Костромичи, можетъ быть впередъ увѣдомленные о нападеніи повольниковъ, собрались болѣе пяти тысячъ человѣкъ и подъ предводительствомъ княжаго намѣстника Плещеева вышли изъ города, чтобы поставить бой; но не Костромичамъ было биться съ Новгородскими повольниками. Удалый Прокопъ, очевидно много видавшій разныхъ битвъ, раздѣлилъ своихъ товарищей на двѣ половины и велѣлъ одной половинѣ идти прямо на Костромичей, а другой обойти лѣсомъ и ударить въ тылъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано, Костромичи, смятые и сбитые, пустились бѣжать мимо города по лѣсамъ; а повольники, видя городъ беззащитнымъ, спокойно вошли въ Кострому и начали грабить, и простояли тамъ цѣлую недѣлю, захватили все, что могли увезти и что было подороже, а что не могли увезти, то пожгли или побросали въ рѣку, жителей же съ женами и дѣтьми большею частію увели какъ плѣнниковъ. Отъ Костромы гра-

бители пустились къ Нижнему Новгороду, зажгли городъ, а жителей ограбили, иныхъ избили, иныхъ увели въ плѣнъ; отъ Нижняго Волгою они пустились въ Каму и пограбивши прибрежье, пришли къ Болгарамъ на Волгѣ, и тамъ продали Мусульманамъ Костромскихъ и Нижегородскихъ плѣнниковъ. Отъ Болгаръ внизъ по Волгѣ повольники спустились къ столицѣ ханской Сараю и по дорогѣ грабили всѣхъ христіанскихъ торговцевъ, шедшихъ съ товарами Волгою, а Мусульманскихъ торговцевъ грабили и убивали. Изъ Сарая они спустились въ Астрахань, принялись торговать и разпродали оставшихся еще плѣнниковъ. Но здѣсь Азіатское коварство перехитрило Новгородскую удаль: Астраханскій князь Салчей прикинулся, что очень радъ гостямъ и сталъ честить и угощать Прокопа и его товарищей, поилъ и кормилъ на славу, не разъ звалъ къ себѣ въ гости; и когда они на одномъ пиру напились замертво, то всѣхъ до одного перерѣзалъ, а награбленное ими богатство взялъ себѣ. По всему вѣроятію отчаянная ватага Прокопа, какъ и самъ онъ, состояла изъ голыдьбы оборванцовъ, участвовавшихъ въ прежнихъ повольничьихъ походахъ, ловкихъ и привычныхъ къ бою, но легковѣрныхъ и непонимавшихъ своего положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы эта ватага была собрана какимъ нибудь богатымъ сыномъ Новгородскаго боярина, то она бы не поддалась на ласки Татарскаго князя, хитрый Татаринъ не удивилъ бы Новгородскаго боярича своимъ угощеніемъ. Вторый повольничій походъ этого времени былъ въ 1377 году;

этотъ походъ былъ предпринятъ не голыдьбою, а молодыми людьми изъ богатыхъ боярскихъ фамилій, для него ватага повольниковъ была собрана и снаряжена боярскими сыновьями Иваномъ Ѳедоровичемъ, Василіемъ Борисовичемъ и Максимомъ Ананьичемъ; собравшись и снарядившись какъ слѣдуетъ, они пустились въ Нѣмецкую землю, къ Нѣмецкому Новугородку на рѣкѣ Овлѣ, сожгли посадъ, опустошили тамошнюю область и благополучно воротились домой со множествомъ плѣнниковъ и хорошею добычею.

Ересь Стригольниковъ.

Но въ то время, какъ Новгородъ только что покончилъ войну съ Михаиломъ Тверскимъ и началъ наслаждаться миромъ, въ Новгородской церкви начались смуты, грозившія сдѣлаться опасными для православія. Еще въ 1371 году во Псковѣ открылась ересь стригольниковъ, которые вооружились противъ всѣхъ церковныхъ учителей, архіереевъ, игуменовъ и священниковъ, и стали учить народъ подъ видомъ благочестія: что не должно ходить въ церковь и быть въ послушаніи у святителей и священниковъ, ибо они поставлены на мздѣ и взимаютъ у христіанъ золото и серебро и иныя приношенія за живыхъ и за мертвыхъ; что не должно надъ умершими ни пѣть, ни творить поминовеній, ни совершать службы за души умершихъ, ни дѣлать приношеній въ церковь, ни раздавать за нихъ милостыни; что каяться должно землѣ, а не священникамъ, въ причащеніи же св. таинъ тѣла и крови Христовой для человѣка нѣтъ надобности, и всѣ церков-

ные обряды и таинства вовсе не нужны, довольно только читать священныя книги или слушать начетниковъ; что всѣ церковные уставы ни больше, ни меньше какъ излишніе вымыслы, чтобы собирать съ людей деньги, и вовсе не нужны для спасенія души; что церкви Христовой уже нѣтъ въ видимой церкви. Эта дикая проповѣдь вольномыслія, прикрываемая видимымъ благочестіемъ и смиреніемъ, сперва имѣла огромный успѣхъ во Псковѣ, гдѣ она и началась, а потомъ перешла и въ Новгородъ. Въ Новгородѣ ересь также широко раскинула свои сѣти и имѣла огромное вліяніе на вольнолюбивыхъ Новгороддевъ, многихъ смутила и поколебала, и кажется была тайной причиною того, что въ 1375 году архіепископъ Новгородскій Алексѣй вдругъ оставилъ владычень дворъ и удалился въ Деревяницкій монастырь. Этотъ рѣшительный и неожиданный поступокъ любимаго народомъ владыки, произвелъ самое благопріятное дѣйствіе для церкви; онъ, такъ сказать, образумилъ, отрезвилъ разшатавшійся въ вѣрѣ народъ. Всѣ лучшіе люди были поражены удаленіемъ владыки и стали просить его, чтобы по прежнему принялъ на себя управленіе Новгородскою церковію; но Алексѣй оставался непреклоннымъ, онъ хотѣлъ довести дѣло о церкви до бо̀льшей ясности, чтобы народъ созналъ всю нелѣпость еретической проповѣди, чтобы не было недоразумѣній, и наконецъ успѣлъ въ этомъ. Весь Новгородъ пришелъ въ смятеніе и, послѣ многихъ совѣщаній, рѣшено было послать посольство къ митрополиту съ просьбою о его по-

средничествѣ и благословеніи. Посольство это благосклонно было принято митрополитомъ и привезло отъ него благословеніе, чтобы владыка Алексѣй опять принялъ на себя управленіе Новгородскою церковію. По возвращеніи посольства собралось вѣче на Ярославовомъ дворѣ и отправило съ челобитьемъ къ владыкѣ великокняжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго и многихъ бояръ и лучшихъ людей; и владыка принялъ торжественное челобитье Новгорода и, повинуясь благословенію митрополита, возвратился на владычень дворъ. Въ слѣдъ за тѣмъ народъ, обрадованный возвращеніемъ любимаго архипастыря, побилъ заводчиковъ ереси—діакона Никиту, стригольника Карпа и еще третьяго (имя котораго не сохранилось въ лѣтописяхъ), и сбросилъ ихъ съ моста въ Волховъ. Конечно тѣмъ дѣло не кончилось, ересь и по убіеніи своихъ начальныхъ проповѣдниковъ еще держалась нѣсколько времени и сильно смущала легковѣрныхъ, особенно во Псковѣ; тѣмъ не менѣе важно было то, что большинство ясно и добровольно высказалось въ пользу церкви, слѣдовательно легче уже было справляться съ меньшинствомъ, продолжавшимъ упорствовать въ ереси.

Примирившись съ Новгородомъ, архіепископъ Алексѣй, въ сопровожденіи архимандрита Саввы, Юрья Онисифоровича и иныхъ бояръ отправился въ Москву къ митрополиту Алексѣю и былъ принятъ съ честію и любовію какъ митрополитомъ, такъ и великимъ княземъ, и проживши въ Москвѣ двѣ не-

дѣли и получивъ благословеніе отъ митрополита, возвратился въ Новгородъ 17 октября 1376 года. За чѣмъ ѣздилъ владыка Алексѣй къ митрополиту въ Москву, объ этомъ лѣтописи не говорятъ; но изъ обстоятельствъ дѣла видно, что онъ ѣздилъ съ одной стороны за тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свою покорность митрополиту, для чего собственно его и сопровождали почти тѣ самыя лица, которыя ѣздили съ просьбою къ митрополиту, чтобы онъ убѣдилъ Алексѣя оставить монастырь и по прежнему вступить въ управленіе Новгородскою церковію; а съ другой стороны владыкѣ Алексѣю самому нужно было объяснить митрополиту о положеніи Новгородской церкви и о значеніи ереси стригольниковъ, еще имѣвшей послѣдователей, и получить у него нужныя наставленія, какъ лучше дѣйствовать противъ еретиковъ.

Мирно уложенныя недоумѣнія между Новгородцами и Московскимъ княземъ.

Во все это время у Новгорода было полное согласіе съ великимъ княземъ Московскимъ, доходившее даже до того, что когда поставленный Константинопольскимъ патріархомъ на Русскую митрополію митрополитъ Кипріянъ, проживая въ Литвѣ, прислалъ въ Новгородъ своихъ пословъ съ патріаршими грамотами объ утвержденіи его митрополитомъ на всю Русскую землю; то Новгородцы, выслушавъ патріаршую грамоту, дали такой отвѣтъ: „пошли къ великому князю, и ежели князь великій приметъ тебя митрополитомъ всей Русской земли, то и мы признаемъ тебя митрополитомъ“. Но около 1380 года между Новгородомъ и великимъ княземъ

Московскимъ произошли какія-то неудовольствія, о которыхъ лѣтописи хотя и не говорятъ, но тѣмъ не менѣе по самимъ событіямъ ихъ отрицать нельзя. Въ началѣ 1380 года Новгородскій владыка Алексѣй ѣздилъ въ Москву къ великому князю Димитрію Ивановичу; объ этой поѣздкѣ въ Новгородской лѣтописи сказано: „били челомъ весь Новгородъ господину своему архіепископу, владыкѣ Алексѣю, чтобы принялъ на себя трудъ съѣздить къ великому князю Димитрію Ивановичу; и владыка принялъ челобитье своихъ дѣтей всего Новгорода, пошелъ на Низъ за недѣлю до цвѣтной недѣли; а съ нимъ пошли Юрьи Ивановичъ, Михайло Даниловичъ, Юрьи Онисифоровичъ, Іевъ Аввакумовичъ, Иванъ Ѳедоровичъ и иныхъ бояръ много и житьихъ людей. Князь же принялъ ихъ въ любовь, а къ Новгороду крестъ цѣловалъ на всей старинѣ Новгородской и на старыхъ грамотахъ“. Изъ самой просьбы всего Новгорода къ владыкѣ Алексѣю, чтобы принялъ на себя поѣздку къ великому князю, и изъ многочисленности и знатности посольства, довольно ясно видно, что между Новгородомъ и великимъ княземъ Московскимъ произошли какія-то важныя недоумѣнія. А цѣлованіе великимъ княземъ креста къ Новгороду по всей старинѣ Новгородской и на старыхъ грамотахъ, даетъ право думать, что князь начиналъ вводить какія либо новости въ нарушеніе изконныхъ Новгородскихъ правъ, за которыя и вступились Новгородцы; даже не потребовалъ ли Московскій князь помощнаго Новгородскаго войска

для войны съ Татарами; но грозный Мамаевъ походъ принудилъ его быть снисходительнымъ къ Новгороду, принять посольство ласково и цѣловать крестъ на всей старинѣ Новгородской. Какъ бы то ни было, а весьма замѣчательно, что почти во всѣхъ описаніяхъ Мамаева побоища нигдѣ не упоминается о Новгородцахъ въ числѣ войскъ Димитрія Донскаго, сражавшихся съ Мамаемъ, тогда какъ въ описаніяхъ поименно перечислены даже всѣ незначительныя рати съ ихъ предводителями.

Новгородъ пользуется миромъ и уваженіемъ отъ сосѣдей.

Впрочемъ пока великій князь Московскій былъ занятъ войною съ Мамаемъ, а потомъ съ Тохтамышемъ и другими болѣе близкими для него дѣлами; неудовольствія, возникшія между имъ и Новгородомъ и прекращенныя посольствомъ владыки Алексѣя въ Москву, неимѣли никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для Новгорода. Новгородцы еще въ продолженіе шести лѣтъ, по прежнему наслаждались миромъ со всѣми сосѣдями и пользовались ихъ уваженіемъ, и иные изъ сосѣдей даже искали помощи и покровительства у Новгорода. Такъ въ 1381 году Полотскъ, осажденный Литовскимъ княземъ Скиригайломъ и Нѣмцами, просилъ заступничества у Новгородцевъ; и Новгородъ посылалъ своего посла Юрія Онисифоровича къ великому князю Литовскому Ягайлѣ ходатайствовать за Полочанъ. А въ 1382 году, во время нашествія хана Тохтамыша на Москву, братъ великаго князя Владиміръ Андреевичъ, отправилъ въ Торжекъ подъ защиту Новгородцовъ свою супругу и мать. Потомъ, въ 1383 году при-

шелъ искать покровительства у Новгорода и проситься на Новгородскую службу Литовскій князь Патрикій Наримантовичъ: и Новгородцы приняли его и дали въ кормленье свои пригороды: Орѣховъ, Корѣльскій, половину Копорья и село Луское. Молодежъ Новгородская, пользуясь миромъ, особенно бояричи изъ Заволочья, даже сдѣлали нѣсколько повольническихъ набѣговъ на сосѣднія великокняжескія владѣнія по Волгѣ и захватили тамъ княжія дани. Въ самомъ Новгородѣ начали появляться разныя своевольства и даже нѣкоторая рознь, образовавшая партіи, чуть не дошедшія до битвы на улицахъ. Въ 1384 году Орѣховцы и Корѣльцы пришли въ Новгородъ съ жалобою на князя Патрикія Наримантовича, а за ними явился и самъ Патрикій и подкупомъ поднялъ Славенскій конецъ, и смутилъ Новгородъ. Славляне стали за Патрикія и двѣ недѣли сходились вѣчемъ на Ярославль дворъ, а три конца Софійской стороны составили свое вѣче у св. Софіи и также сходились двѣ недѣли. Тысяцкій Есифъ съ Плотничанами ходилъ на вѣче на Софійскую сторону; Славенцамъ это не понравилось, и они прямо съ вѣча, съ Ярославова двора, ударили на дворъ тысяцкаго Есифа; но Плотничане заступились за Есифа, поколотили и пограбили Славенскихъ грабителей. Потомъ, во вторникъ на масляницѣ, три Софійскихъ конца—Неревскій, Загородскій и Людинъ, вооружившись какъ на рать, съ обѣда до вечерни стояли у св. Софіи на вѣчѣ и пересылались съ Плотницкимъ концомъ, чтобы опъ за одно съ

Смятенія въ Новгородѣ за князя Патрикія.

ними шелъ на Славенцовъ, и Плотничане дали было слово, но на утро отказались. Тогда три Софійскіе конца написали три обѣтныхъ грамоты въ одно слово идти на Славенцовъ; Славенцы же, вооружившись вмѣстѣ съ княземъ Патрикіемъ, съ своей стороны переметали мостъ и тѣмъ кончилось междоусобіе. Всѣ пять концовъ помирились на томъ, чтобы вмѣсто прежнихъ городовъ дать князю Патрикію Русу да Ладогу и Наровскій берегъ, и написавши на вѣчѣ грамоту и приложивши къ ней печать, отдали эту грамоту князю Патрикію.

Война съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ и ссора съ митрополитомъ.

Но лишь смирились враждующія партіи въ Новгородѣ, какъ зимою того же 1384 года отъ великаго князя Дмитрія изъ Москвы пріѣхали его бояре,—Ѳедоръ Свибло, Иванъ Уда, Александръ Белеутъ, брать черный боръ по Новгородскимъ волостямъ и другіе. Новгородцы, всегда не охотно платившіе черный боръ и щитавшіе его нарушеніемъ своихъ правъ, завели споръ съ боярами великаго князя и отъ чернаго бора перешли къ другимъ обидамъ; Новгородскіе бояре нѣсколько разъ ѣздили на Городище, тягаться съ княжими боярами объ обидахъ, и непокончивъ тяжбы принудили Московскихъ бояръ бѣжать съ Городища въ Москву, даже недобравши чернаго бора. Мало этого, на другій годъ на второй недѣли великаго поста, на вѣчѣ на княжемъ дворѣ, посадникъ Ѳедоръ Тимофѣевичъ, тысяцкій Богданъ Аввакумовичъ, всѣ бояре и дѣти боярскіе и житьи и черные люди, всѣ пять концовъ, по общему приговору торжественно

цѣловали крестъ: „незваться на судъ къ митрополиту, а судить владыкѣ Алексѣю въ правду по номоканону, а также посаднику и тысяцкому судить право по крестному цѣлованью, а на судѣ по Русскому обычаю истцу и отвѣтчику, каждой сторонѣ имѣть по два боярина и по два житьихъ человѣка". Таковымъ приговоромъ вѣча Новгородцы за одинъ разъ порѣшили свои мирныя отношенія и къ митрополиту, и къ князю; ибо и у того и у другаго отняли всѣ судебныя пошлины.

Послѣ таковаго рѣшительнаго поступка со стороны Новгородцовъ великому князю Дмитрію Ивановичу оставалось одно, начать войну съ Новгородомъ; и онъ дѣйствительно зимою 1386 года, именно передъ Рождествомъ Христовымъ, открылъ походъ противъ Новгорода, въ этомъ походѣ его сопровождали рати изъ двадцати девяти областей. Вступивши въ Новгородскія владѣнія, великій князь объявилъ свой гнѣвъ за набѣги повольниковъ, грабившихъ по Волгѣ и за не платежъ княжескихъ пошлинъ или княжчинъ. Новгородцы, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно отправили къ князю своихъ посланниковъ Іева Аввакумовича и Ивана Александровича съ просьбою о мирѣ; но князь отпустилъ ихъ безъ мира, а самъ продолжалъ идти впередъ, опустошая все по дорогѣ, и не дошедъ 30 верстъ до Новгорода, остановился на Ямнѣ, куда къ нему пріѣхалъ съ вторымъ посольствомъ владыка Алексѣй и говорилъ такія рѣчи: „княже! тебя благословляю, а Великій Новгородъ весь челомъ

бьетъ о мирѣ, чтобы не было, господине, кровопролитія; а за вину, господине, люди даютъ тебѣ восемь тысячь рублевъ". Но князь непослушалъ и владыки; тогда владыка послалъ напередъ себя въ Новгородъ боярскаго сына, съ приказаніемъ готовиться къ упорному сопротивленію. По вѣсти отъ владыки, Новгородцы поставили острогъ, и вмѣстѣ съ княземъ Патрикіемъ Наримантовичемъ съ княземъ Романомъ Юрьевичемъ и съ Копорскими князьями выступили изъ города въ поле; по простоявши въ полѣ съ утра до обѣда, послѣ обѣда воротились въ городъ, а въ слѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ отъ князя и владыка Алексѣй, не получивши мира. На четвертый день по Рождествѣ Христовѣ былъ большій переполохъ въ городѣ, послѣ обѣда промчалась вѣсть, что князь стоитъ уже на Жилотугѣ; по этой вѣсти Новгородцы всѣ въ оружіи на коняхъ и пѣшіе вышли къ Жилотугу съ полною охотою разчитаться съ врагами; но на Жилотугѣ еще не было ни великаго князя, ни его рати; и потому Новгородцы опять возвратились въ городъ Тогда вѣче послало къ великому князю двухъ архимандритовъ, семь поповъ и пять человѣкъ житьихъ, отъ конца по человѣку; а между тѣмъ разпорядилось сжечь двадцать четыре монастыря, шесть церквей и всѣ строенія въ городскихъ предмѣстіяхъ вплоть до валу, чтобы не гдѣ было укрѣпиться непріятельской рати. Узнавши о такихъ приготовленіяхъ, великій князь сдѣлался гораздо податливѣе и поспѣшилъ заключить миръ съ послѣднимъ Новгород-

скимъ посольствомъ, на всей старинѣ Новгородской и на тѣхъ условіяхъ, которыя предлагалъ на второмъ посольствѣ владыка Алексѣй, т. е. чтобы заплатить 8000 рублей за грабежи повольниковъ и добрать не добранныя княжчины. По этому миру Новгородцы немедленно взяли съ полатей св. Софіи три тысячи рублей и отправили къ князю на Ямны съ посадниками Григоріемъ Якуновичемъ и Васильемъ Ѳедоровичемъ; а пять тысячь рублевъ предоставили князю взять на Заволочанахъ, которые грабили по Волгѣ, для чего и отправили въ Заволочье своихъ приставовъ посадника Ѳедора Тимофѣевича съ товарищами. Заключивши на такихъ условіяхъ миръ, великій князь Дмитрій Ивановичъ съ Ямпъ же поворотилъ въ Москву, а въ Новгородъ послалъ своихъ намѣстниковъ и черноборщевъ добирать не добранный черный боръ.

Новыя укрѣпленія въ Новгородскихъ владѣніяхъ.

Помирившись съ великимъ княземъ Новгородцы, можетъ быть наученые послѣднимъ нашествіемъ непріятелей, съ особенною заботливостію принялись укрѣплять свои владѣнія. Они еще въ 1383 году провели ровъ около Софійской стороны къ старому валу, а въ слѣдующемъ 1384 году поставили въ 33 дня каменный городъ Яму на Лугѣ; по заключеніи же мира съ великимъ княземъ на другій годъ копали валъ около торговой стороны, и въ томъ же году поставили каменный городъ Порховъ. Въ 1388 году весною архіепископъ Новгородскій Алексѣй, правившій Новгородской церковію тридцать лѣтъ безъ одного года и пяти мѣсяцевъ, доброволь-

Выборъ новаго архіепископа.

по оставилъ владычень престолъ, и благословивъ посадниковъ, тысяцкихъ и весь Новгородъ, удалился въ Деревяницкій монастырь. Когда на прощаньѣ Новгородцы просили его, чтобы указалъ себѣ преемника, то онъ сказалъ имъ: „изберите себѣ три мужи достойны, да положите три жеребья на св. трапезѣ, написавши имена, и кого вамъ Богъ дастъ, того я благословлю“. И по такому совѣту владыки посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ (вѣче) и игумены и священники избрали трехъ достойныхъ мужей,— Хутынскаго игумена Іоанна, Благовѣщенскаго игумена Парѳенія и Рождественскаго игумена Аѳанасія, и положили имена ихъ на престолѣ въ храмѣ св. Софіи; за тѣмъ священники соборомъ начали служить обѣдню, а Новгородцы стали вѣчемъ у Софійскаго храма; и по окончаніи обѣдни протопопъ Измаилъ началъ вынимать жеребьи, и первый выпулся Аѳанасіевъ и потомъ Парѳеніевъ, Іоанновъ же остался на престолѣ, и это было признано указаніемъ, что Богъ и св. Софія избрали Іоанна, и въ слѣдъ за тѣмъ всѣмъ Новгородомъ ввели его на сѣни во владычнемъ дворѣ, гдѣ и благословилъ его старый владыка Алексѣй. Это было весною 1388 года; а осенью того же года въ Новгородѣ произошелъ сильный мятежъ: три конца Софійской стороны возстали на посадника Осипа Захарьинича, зазвонили вѣче у св. Софіи, вооружились какъ на рать и пошли грабить посадничій домъ; посадникъ же бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ и за него возстала вся торговая

Мятежъ въ Новгородѣ.

сторона и начала грабить противниковъ, отбивать отъ берега перевощиковъ и рубить суда, Волховскій же мостъ въ это время былъ разрушенъ льдомъ изъ озера, нагнаннымъ бурею въ Волховъ. Мятежъ продолжался двѣ недѣли и кончился миромъ, по которому посадничество отдали Василью Ивановичу. А зимою того же года владыка Іоаннъ ѣздилъ съ большимъ Новгородскимъ посольствомъ въ Москву къ митрополиту на посвященіе. Въ слѣдующемъ же году скончался великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ.

РАЗСКАЗЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

Борьба Новгородцевъ за владѣнія и постепенное разложеніе Новгородскаго общества.

Прежнія отношенія Новгорода къ князьямъ

Исторія Новгорода Великаго, за пройденные нами пять вѣковъ, представляла на первомъ планѣ, какъ мы уже видѣли, постоянную борьбу Новгородцовъ за свои права и вольности. Эта борьба, не смотря на разныя препятствія, велась довольно удачно, Новгородцы твердо стояли за свои права. И хотя иным могущественнымъ князьямъ на время удавалось потѣснить Новгородъ; но общій итогъ борьбы былъ тотъ, что Новгородцы всегда умѣли выпутаться изъ бѣды и стать въ болѣе или менѣе независимое положеніе. Князья, самые сильные въ своихъ спорахъ за права, постоянно оканчивали тѣмъ,

что принимали условія на всей воли Новгородской; такъ что мало по малу утвердился постоянный законъ отношеній Новгорода къ своимъ князьямъ, по которому Новгородцы пользовались полною самостоятельностію и были вольны въ своихъ князьяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить договорныя грамоты Новгородцовъ съ своими князьями; всѣ они, отъ первой дошедшей допасъ до послѣдней, носятъ одинъ характеръ и совершенно одинаковы и по формѣ и по содержанію, такъ что являются какъ бы списками съ одной грамоты, только съ перемѣною именъ и чиселъ. Князья, вступавшіе въ сношенія съ Новгородомъ, были далеко непохожи другъ на друга ни по уму, ни по могуществу, а постоянно должны были принимать одни и тѣже условія отъ Новгородцевъ, ежели хотѣли быть князьями Новгородскими. Новгородъ постоянно былъ раздѣленъ на партіи; но партіи сіи розпились между собою только въ своихъ симпатіяхъ къ тому или другому князю, смотря по выгодамъ, которыя представлялъ тотъ или другой князь той или другой партіи, а въ конечномъ результатѣ всѣхъ споровъ партій было одно.—неприкосновенность правъ и вольностей господина Великаго Новгорода; какъ же скоро которая партія измѣняла сему постоянному закону, то она немедленно падала, не смотря ни на какую поддержку, весь Новгородъ возставалъ на нее. Въ продолженіи пяти вѣковъ исторіи Новгорода мы видѣли только споры партій, разложенія же общества не замѣчали.

Новый характеръ въ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ.

Но совсѣмъ иный характеръ принимаетъ исторія Новгорода по смерти великаго князя Дмитрія Ивановича, споръ съ князьями за права и вольности Новгорода отходитъ на задній планъ; князья Московскіе и другіе почти не спорятъ о правахъ и вольностяхъ Новгорода, они какъ бы соглашаются съ условіями Новгородской жизни, сложившейся вѣками, но предъявляютъ притязанія на тѣ или другія Новгородскія владѣнія, стремятся завладѣть тѣмъ или другимъ Новгородскимъ краемъ, отнять его у Новгорода или просто по праву завоеванія, или разными льготами и обѣщаніями, убѣдивши жителей того или другаго края отложиться отъ Новгорода. Эта перемѣна борьбы, ловко поставленная князьями Московскими, очевидно условливалась внутреннимъ положеніемъ Новгородскаго общества, въ которомъ замѣтно борьба партій, по смерти великаго князя Дмитрія Ивановича, начинаетъ ослабѣвать, и на мѣсто ея выступаютъ признаки апатіи къ общественнымъ дѣламъ и внутренняго разложенія общества; Новгородъ вовсе безъ крайней нужды начинаетъ то и дѣло откупаться деньгами отъ нападеній то того, то другаго князя и какъ-то избѣгаетъ доводить борьбу до конца, хотя бы конецъ борьбы необѣщалъ ничего дурнаго. Незамѣтно еще и слѣдовъ упадка въ силахъ и могуществѣ Новгорода, а между тѣмъ Новгородскія власти явно тяготятся своимъ положеніемъ и стараются сбывать дѣла общественныя кой какъ, только бы отдѣлаться отъ нихъ, свалить съ плечъ; въ самомъ обще-

ствѣ уже нѣтъ прежней энергіи, а если она еще и проявляется, то скоро пропадаетъ; всѣхъ заѣли личныя выгоды, любовь же къ отечеству, ежели иногда еще и проявляется, то только по старымъ воспоминаніямъ о славныхъ былыхъ временахъ.

По смерти великаго князя Дмитрія Ивановича, Новгородцы, какъ только узнали, что его сынъ Василій Дмитріевичъ утвержденъ Татарскимъ ханомъ на великомъ княженіи, немедленно отправили въ Москву своихъ пословъ,—Юрья Семеновича Аврамова внука и Кирилла Андреяновича Захарьина внука, которые послы отъ имени Новгорода заключили миръ по старинѣ и великій князь Василій Дмитріевичъ, принявши всѣ предложенныя ему условія, прислалъ въ Новгородъ своего намѣстника Остафья Сыту. На другій годъ по утвержденіи мира съ Московскимъ княземъ Новгородцы порѣшили покончить розмирье съ Нѣмцами, продолжавшееся уже семь лѣтъ и много вредившее Новгородской торговлѣ, и для этаго по общему согласію обѣихъ сторонъ былъ назначенъ съѣздъ въ Изборскѣ, куда съ Новгородской стороны были посланы посадники Василій Ѳедоровичъ, Богданъ Аввакумовичъ и Ѳедоръ Тимоѳѣевичъ, тысяцкій Есипъ Фалелѣевичъ, Василій Борисовичъ и нѣсколько купцовъ; а съ Нѣмецкой стороны были послы изъ Любека, Готланда, Риги, Юрьева, Колывани и многихъ другихъ городовъ. По заключеніи мира Нѣмецкіе послы пріѣзжали въ Новгородъ, цѣловали крестъ, взяли свои задержанные товары и снова начали ставить Нѣ-

Князь Василій Дмитріевичъ Московскій.

Миръ съ Нѣмцами.

Пріѣздъ митрополита Кипріяна и споръ о докончальной Новгородской грамотѣ.

мецкій торговый дворъ. А зимою того же 1391 года прибылъ въ Новгородъ Кипріанъ митрополитъ Московскій и всея Россіи съ епископомъ Рязанскимъ и былъ принятъ владыкою Новгородскимъ и всѣмъ Новгородомъ съ большими почестями, владыка съ духовенствомъ выходилъ его встрѣчать къ церкви Спаса, на Ильину улицу, со крестами и съ иконами. Митрополитъ пріѣзжалъ въ Новгородъ за тѣмъ, чтобы убѣдить Новгородцовъ подрать докончальную грамоту, по которой они семь лѣтъ тому назадъ цѣловали другъ другу крестъ не звaться на митрополичій судъ въ Москву, и прожилъ по этому двѣ недѣли, много говорилъ съ Новгородцами и представлялъ разныя убѣжденія; но его убѣжденія на нихъ не дѣйствовали, они на отрѣзъ сказали ему, что грамоты не раздерутъ, и онъ съ большимъ нелюбьемъ на Новгородъ уѣхалъ въ Москву.

Война съ княземъ Московскимъ, за докончальную грамоту.

Нелюбье митрополита отозвалось Новгороду войною съ великимъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ Въ 1393 году великій князь прислалъ въ Новгородъ требованіе, чтобы Новгородцы прислали свою докончальную грамоту митрополиту, прибавляя къ тому—„а что на этой грамотѣ вы цѣловали крестъ, то митрополитъ этотъ грѣхъ снимаетъ съ васъ“. Новгородъ на это требованіе отвѣчалъ отказомъ, и великій князь, получивши этотъ отказъ, немедленно началъ войну, взялъ Торжекъ, Волокъ-Ламскій и Вологду съ волостьми и опустошилъ другія Новгородскія владѣнія; Новгородцы же въ отвѣтъ на это нападеніе, сами напали на великокняжескія владѣнія,

сосѣднія съ Заволочьемъ, и взяли города Кличенъ, Устюжну, Устюгъ, и даже Бѣлоозеро, произвели тамъ страшное опустошеніе и воротились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ; но вмѣсто того, чтобы продолжать войну, удачно начатую, Новгородское вѣче, очевидно руководимое сильными людьми, тяготившимися военными разходами и терпѣвшими въ военное время большіе убытки по торговлѣ, вдругъ перемѣнило образъ дѣйствія, и не смотря на успѣхи войны первое подалось на миръ и отправило свое посольство къ великому князю и митрополиту. Посольство это не только отослало къ митрополиту Новгородскую докончательную грамоту, изъ за которой началась война; но и согласилось на такія уступки со стороны Новгорода, которыхъ можно бы было ожидать только послѣ значительныхъ пораженій въ войнѣ, а не послѣ недавнихъ успѣховъ; оно уступило великому князю черный боръ, на который прежніе Новгородцы обыкновенно смотрѣли какъ на безчестіе господина Великаго Новгорода и соглашались на него только въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; мало этого, вѣче согласилось еще сдѣлать великому князю и митрополиту не большую приплату деньгами. Митрополитъ разумѣется былъ доволенъ присылкою докончальной грамоты, которой онъ такъ добивался, и далъ Новгороду отвѣтъ: „не буди сего грѣха на васъ, что цѣловали крестъ на сей грамотѣ, а владыку Ивана и весь Новгородъ прощаю и благославляю“. Великій же князь съ своей стороны для

утвержденія мира отправилъ въ Новгородъ своихъ пословъ: Ѳедора Андреевича Кошку, Уда и Селивана, послы сіи и утвердили миръ съ Новгородомъ, по которому Новгородцы дозволили князю собрать черный боръ по своимъ волостямъ и обѣщали не тапть княжескихъ пошлинъ, и сверхъ того дали князю и митрополиту 350 рублей.

Неудачное нападеніе на Псковъ.

Вожди Новгородскаго вѣча, чтобы какъ нибудь оправдаться передъ народомъ въ постыдномъ и убыточномъ мирѣ съ великимъ княземъ Московскимъ, ни съ того ни съ сего придумали напасть на Псковъ, съ которымъ только полтора года тому назадъ былъ заключенъ миръ. Думая блестящимъ походомъ ослабить впечатлѣніе безчестнаго мира, они убѣдили вѣче снарядить рать и въ 1394 году отправили эту рать подъ предводительствомъ служилыхъ Новгородскихъ князей Константина Бѣлозерскаго и Романа Литовскаго прямо подъ самый Псковъ. Рать дѣйствительно подошла къ стѣнамъ Пскова, стояла подъ ними восемь дней, била изъ тюфяковъ и пушекъ, но ничего не успѣла и въ ночь на девятый день съ безчестіемъ обратилась въ бѣгство, потерявъ много своихъ и оставивъ въ добычу Псковичамъ осадныя стѣнобитныя орудія и пушки. Во Псковѣ въ осадѣ въ это время сидѣлъ храбрый Литовскій князь Андрей Ольгердовичъ. Эта неожиданная неудача крайне раздражила Новгородъ; вѣче немедленно отняло посадничество у Есипа Захарьинича и дало Богдану Аббакумовичу; а когда Псковичи вскорѣ прислали своего князя Андрея Ольгердовича съ посольствомъ для

заключенія мира, то отпустило ихъ, не принявши предлагаемыхъ условій, и только уже въ 1397 году согласилось заключить миръ со Псковомъ, по ходатайству своего владыки Іоанна. По свидѣтельству лѣтописи, владыка Іоаннъ, по просьбѣ Псковскаго посольства, благословилъ Великій Новгородъ, своихъ дѣтей, чтобы отдали нелюбье Псковичамъ и приняли бы ихъ, какъ младшую братью по старинѣ; видите, говорилъ владыка, дѣти, уже послѣднее время, настала пора, что бы вы были въ христіанствѣ за одинъ братъ. И посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ и тысяцкій Никита Ѳедоровичъ, и всѣ посадники и тысяцкіе и бояре, и весь Великій Новгородъ благословеніе владыки приняли, а отъ Псковичей нелюбье отложили и взяли миръ по старинѣ. Но кажется въ настоящемъ случаѣ на Новгородцовъ подѣйствовали не столько убѣжденія владыки Іоанна, сколько серьезныя и рѣшительныя приготовленія Псковичей дать сильный отпоръ въ случаѣ вторичнаго нападенія; ибо Псковичи передъ посольствомъ въ Новгородъ о мирѣ, выстроили въ одинъ годъ четыре сильныя укрѣпленія, дѣлавшія нападенія на Псковъ ежели не невозможнымъ, то крайне затруднительнымъ. А по сему Новгородцы, потерпѣвъ неудачу при нападеніи на Псковъ, недостаточно укрѣпленный, естественно должны были податься на миръ, когда узнали о новыхъ важныхъ укрѣпленіяхъ Пскова; ибо сколько нибудь трудная борьба была не по плечамъ тогдашнимъ себялюбивымъ міроѣдамъ, богатымъ вожакамъ Новгородскаго вѣча; они слиш-

комъ были заняты своими личными интересами, что бы серьезно заниматься интересами общественными. По ихъ мнѣнію было достаточно, ежели Великій Новгородъ,—эта прежняя краса древней Руси, кой какъ отбивается мѣстными средствами отъ внѣшнихъ нападеній; такъ напримѣръ Шведы въ продолженіи пяти лѣтъ (съ 1392 по 1396 годъ) три раза дѣлали набѣги на Новгородскія владѣнія; и вожаки вѣча довольные тѣмъ, что мѣстные жители кой какъ отбивались отъ этихъ нападеній, вовсе не думали предпринимать что либо серьезное противъ такихъ нападеній; Новгородъ или скорѣе его себялюбивыя власти какъ будто были погружены въ непробудный сонъ.

Война съ Московскимъ княземъ за Заволочье.

Между тѣмъ великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ послѣ мира 1393 года не только не спалъ, но и не дремалъ; онъ зорко смотрѣлъ за дѣлами въ Новгородѣ, и перемѣнивъ прежніе пріемы Московскихъ князей начинать прямую безкопечную борьбу противъ изконныхъ Новгородскихъ правъ и вольностей, составилъ себѣ планъ отдѣлить отъ Новгорода Заволочье или Двинскую область, изъ которой Новгородцы въ прошедшую войну такъ удачно воевали противъ него. Заволочьемъ какъ мы уже знаемъ, преимущественно владѣли богатые Новгородскіе бояре, которые имѣли тамъ свои обширныя земли съ городами и селами, они не рѣдко производили смуты даже въ самомъ Новгородѣ, а въ своихъ владѣніяхъ были почти полными самостоятельными владыками, а по сему естественно многіе изъ

нихъ тяготились зависимостію тамошняго края отъ Новгородскаго вѣча. Къ этимъ-то своевольнымъ богачамъ, воображавшимъ себя чуть не владѣтельными князьями, великій князь Московскій обратился съ разными обѣщаніями и ласками, и, должно сознаться, повелъ дѣло съ большою ловкостію; онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, конечно съ тѣми, которые были не въ ладахъ съ Новгородскимъ вѣчемъ, вошелъ чрезъ своихъ агентовъ въ тайныя сношенія, обѣщая Двинской области подъ своимъ покровительствомъ такую же независимость и самостоятельность, какою пользовался самъ господинъ Великій Новгородъ, и даже послалъ туда уставную грамоту, какъ управляться всему тамошнему краю подъ Московскимъ покровительствомъ. Грамота сія написана съ большимъ тактомъ, она обѣщала Двинской области самыя блаженныя времена и дѣйствительно давала значительныя льготы, она дозволяла Двинянамъ свободную безпошлинную торговлю по всѣмъ владѣніямъ великаго князя. Наконецъ это тайное дѣло доведено было до того, что въ 1397 году Московскій великій князь прислалъ въ Заволочье на Двину своихъ бояръ Андрея Албердова съ товарищами, которые княжимъ именемъ объявили всю Двинскую область свободною, и сказали на тамошнемъ вѣчѣ: „разорвите всѣ связи съ Новгородомъ, и цѣлуйте крестъ къ великому князю, онъ хочетъ оборонять васъ отъ Новгорода и стоять за васъ“. Двинскіе бояре Иванъ Никитинъ съ пріятелями, уже прежде договорившіеся съ княземъ, пристали къ рѣчамъ Мо-

сковскихъ бояръ и убѣдили Двинянъ отложиться отъ Новгорода и цѣловать крестъ къ великому князю. А вмѣстѣ съ тѣмъ Московская рать безъ объявленія войны съ другой стороны отняла у Новгорода Волокъ Ламскій, Торжекъ, Вологду и Бѣжецкій Верхъ съ волостьми, а въ слѣдъ за тѣмъ великій князь объявилъ Новгороду войну, и скинувъ крестное цѣлованіе, прислалъ разметныя грамоты.

Такое громадное дѣло, какъ отложеніе всей Двинской области и завоеваніе другихъ Новгородскихъ владѣній, совершенное подъ носомъ себялюбиваго Новгородскаго правительства, какъ громомъ поразило Новгородцевъ и разбудило отъ того усыпленія, въ которомъ ихъ старались держать безпечные вожди вѣча; и народъ потребовалъ объявленія войны великому князю, и безъ переговоровъ опредѣлилъ скинуть крестное цѣлованіе и отослать крестныя грамоты. Между тѣмъ митрополитъ прислалъ къ Новгородскому владыкѣ Іоанну своего боярина съ приглашеніемъ ѣхать въ Москву по святительскимъ дѣламъ; пользуясь этимъ случаемъ, Новгородское правительство, чтобы уклониться отъ войны, убѣдило вѣче отправить вмѣстѣ съ владыкою посольство въ Москву къ великому князю и просить владыку, чтобы онъ сказалъ великому князю доброе слово и подалъ благословеніе за своихъ дѣтей, за Великій Новгородъ. Владыка, пріѣхавши въ Москву, въ точности исполнилъ данное ему вѣчемъ порученіе; но великій князь непринялъ ни добраго слова, ни благословенія владыки, ни чело-

битья Новгородскаго, и отпустилъ изъ Москвы посольство, неотложивъ нелюбья отъ Новгорода.

Послѣ такой полной и оскорбительной безъуспѣшности мирнаго посольства, Новгородскому правительству не оставалось ничего инаго, какъ отдать это дѣло суду оскорбленнаго народа, котораго уже нельзя было долѣе сдерживать разными обѣщаніями. И народъ, раздраженный до крайности, на весну 1288 года, какъ разъ послѣ пасхи, въ полномъ оружіи обратился къ своему владыкѣ съ такими рѣчьми: „не можемъ, господине отче, терпѣть таковаго насилія отъ своего великаго князя Василія Дмитріевича, что отнялъ у насъ у св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, а хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей, своей отчины и дѣдины, и всѣ за одинъ братъ цѣловали на томъ крестъ.“ И били челомъ владыкѣ посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ, посадникъ Юрій Дмитріевичъ, Василій Борисовичъ Синецъ, и бояре, и дѣти боярскіе, и житые люди, и купеческіе дѣти и всѣ ихъ воины и говорили: „благослови, господине владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей; или паки изнайдемъ свою отчину къ св. Софіи и къ великому Ногороду, паки ли свои головы положимъ за св. Софію и за своего господина, Великій Новгородъ“. Владыко Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей — воеводъ Новгородскихъ и всю рать За тѣмъ Новгородцы проводили въ походъ свою братью, наказавъ имъ на прощаньѣ: „поидите св. Софіи пригородовъ и волостей

поищите, и своей отчины" Новгородская рать съ своими воеводами посадниками Тимоѳееемъ и Юріемъ и бояриномъ Василіемъ прямо пошла на Двину къ городку Орлецу. Здѣсь, недоходя Орлеца, ихъ встрѣтилъ владычень волостель Исаія съ Вели, и разсказалъ: что велико-княжескій бояринъ Андрей Албердовъ съ измѣнникомъ Иваномъ Никитинымъ и съ Двинянами въ самый день пасхи напалъ изгономъ на владычню волость Вель, повоевалъ ее и взялъ окупъ; а на Двину отъ великаго князя воеводою посаженъ князь Ѳедоръ Ростовскій блюсти городка и судить, и пошлины брать съ Новгородскихъ волостей; Двинскіе же воеводы Иванъ и Кононъ съ своими друзьями подѣлили между собою волости Новгородскія и Новгородскихъ бояръ. Новгородскіе воеводы, выслушавши этотъ разказъ, сказали другъ другу: „братье! ежели такъ сдумалъ господинъ нашъ великій князь съ крестопреступниками Двинскими воеводами, то лучше намъ, братье, умереть за св. Софію, нежели въ обидѣ быть отъ своего великаго князя", и въ слѣдъ за тѣмъ рѣшили между собою, неходя къ Орлецу, напасть на велико-княжескія волости. По таковому рѣшенію они сперва напали на Бѣлоозеро и взяли всѣ Бѣлозерскія волости на щитъ, сожгли старый Бѣлозерскій городъ, съ новаго же Бѣлозерскаго города ограничились однимъ окупомъ въ шестдесятъ рублей, по челобитью Бѣлозерскихъ князей; потомъ взяли Кубенскія волости, повоевали около Вологды, сожгли Устюгъ. На Устюгѣ сами воеводы съ главною ратью

остановились на четыре недѣли, а часть рати, собственно боярскихъ дѣтей, подъ начальствомъ Дмитрія Ивановича и Ивана Богдановича, отпустили грабить велико-княжескія владѣнія; этотъ удалый отрядъ только за днище не ходилъ до Галича и столько набралъ добычи и плѣнниковъ, что всего немогли поднять, и часть плѣнниковъ была отпущена, а съ другой взятъ окупъ. По присоединеніи этого отряда, вся рать съ Устюга двинулась по Двинѣ къ Орлецу, осадила этотъ городъ и начала бить стѣнобитными орудіями (пороками). Защитники городка держались крѣпко и дѣлали иногда удачныя вылазки, но когда осада затянулась на четыре недѣли, и стѣны городка были уже довольно сбиты; то Двиняне, вышедши изъ городка, стали съ плачемъ бить челомъ Новгородскимъ воеводамъ и всему войску о помилованіи; и воеводы, согласно съ наказомъ, даннымъ отъ Новгородскаго вѣча, отпустили вины Двинянамъ и приняли ихъ въ число Новгородскихъ подданныхъ, городъ же Орлецъ разкопали и сравняли съ землею, Заволочскихъ же воеводъ Ивана и Конона съ пріятелями казнили смертію, а главныхъ заводчиковъ измѣны, бояръ Ивана Никитина, его брата Анфала, Герасима и Родіона заковали въ цѣпи и отправили въ Новгородъ, велико-княжескаго же воеводу, князя Ѳедора Ростовскаго и его дружину отпустили, взявши напередъ у воеводы присудъ и всѣ пошлины, какія онъ успѣлъ собрать, а съ велико-княжескихъ гостей взяли окупа 300 рублей, и наконецъ

съ Двинянъ за пхъ преступленье взыскали 2000 рублей и 3000 коней, ибо всего Новгородской рати было только 3000 человѣкъ. Новгородскіе воеводы и рать, посланная на Двину, напомнили Новгороду старыя былыя времена, когда не было противника Новгородской удали; но вялое правительство Новгородское, ни чѣмъ непробудимое отъ своей дремоты, спѣшило прекратить счастливую войну; оно, услыхавши о побѣдахъ своей рати, осенью тогоже года отправило въ Москву посланниковъ,— архимандрита Парѳенія, посадника Есипа Захарьинича, тысяцкаго Онанью Константиновича и житыхъ людей Григорья и Давыда просить мира. Разумѣется великій князь, потерпѣвъ сильную неудачу въ захватѣ Новгородскихъ волостей, поспѣшилъ заключить миръ по старинѣ, т. е. отступился на время отъ всего взятаго, но отнюдь недумалъ примириться съ Новгородомъ на всегда и отказаться отъ захватовъ на будущее время.

Между тѣмъ зимою тогоже 1398 года возвратилась изъ Заволочья побѣдоносная рать Новгородская, потерявъ въ походѣ только одного ратника, Левушку Ѳедорова, посадничьяго дѣтскаго, убитаго при осадѣ Орлеца; она привела съ собою скованныхъ Двинскихъ измѣнниковъ Ивана Никитина, Герасима и Родіона. Вѣче приговорило ихъ къ смерти, и тутъ же Ивана Никитина сбросили съ мосту, Герасимъ же и Родіонъ упросили Новгородъ дать имъ животъ и постриглися въ монахи, а товарищъ ихъ Анфалъ успѣлъ бѣжать съ дороги въ

Устюгъ, подъ защиту великаго князя. За нимъ былъ посланъ въ погоню Яковъ Прокофьевъ съ отрядомъ въ 700 ратниковъ; онъ, подойдя къ Устюгу, сказалъ сидѣвшему тамъ князю Юрью Андреевичу и гражданамъ: стоите ли за Новгородскаго бѣглеца за Анфала? и тѣ отвѣчали: „мы за него не стоимъ и непособляемъ по немъ, по великаго князя цѣлованью.“ Попадѣясь на ихъ слова, согласныя съ договорной грамотою великаго князя, Яковъ погналъ далѣе и нагналъ Анфала подъ Медвѣжью горой, на которой тотъ устроилъ острогъ и съ своими товарищами вступилъ въ битву съ Новгородскою погонею; а Устюжане съ своими князьями, забывъ данное слово, пришли въ двухъ тысячахъ человѣкъ помогать Анфалу, и вступили въ битву съ Яковомъ у Стрѣльнаго порога на Сухонѣ. Яковъ съ своими удальцами бился храбро, разбилъ Устюжанъ и Анфаловыхъ товарищей и убилъ у нихъ 400 человѣкъ, а другіе утонули въ Сухонѣ; но тѣмъ неменѣе Анфалъ успѣлъ спастись во владѣніяхъ великаго князя. И такимъ образомъ миръ, заключенный Новгородцами, былъ уже нарушенъ великимъ княземъ на слѣдующій же годъ по подписаніи договорныхъ грамотъ; ибо погоня Якова за Анфаломъ была лѣтомъ 1399 года. А слабое Новгородское правительство ни словомъ не отозвалось на эту новую обиду; оно какъ бы невидало, что князь и недумаетъ исполнять договоровъ, и даже съ честію припяло велико-княжескаго брата князя Андрея Дмитріевича, который по приказу великаго князя пріѣзжалъ въ

Новгородъ и прожилъ тамъ отъ 15 Іюля до 1-го Сентября.

Новое нападеніе Московскаго князя на Заволочье.

Но чѣмъ слабѣе поступало Новгородское правительство, чѣмъ оно было покорнѣе и уступчивѣе передъ великимъ княземъ Московскимъ; тѣмъ князь дѣлался смѣлѣе, и тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ относился къ Новгороду и недумалъ исполнять заключенныхъ съ Новгородцами договоровъ; успѣхи Новгородской рати въ войнѣ его не пугали, а только раздражали; онъ хорошо видѣлъ, что горланы и вожаки Новгородскаго вѣча, погрязшіе въ своекорыстіи, нисколько не умѣютъ пользоваться успѣхами храброй рати. А посему едва прошелъ годъ послѣ пораженія Анфала съ Устюжанами, какъ въ 1401 году Московскій князь опять напалъ на Новгородскія владѣнія въ Заволочьѣ и напалъ безъ объявленія войны, и подъ руководствомъ тогоже самаго Анфала и его брата растриги Герасима Никитина, успѣвшаго убѣжать изъ монастыря. Мало этого, великій князь до того простеръ свое презрѣніе къ Новгороду, что передъ нападеніемъ на Заволочье велѣлъ митрополиту Кипріяну вызвать Новгородскаго владыку Іоанна въ Москву, какъ бы на соборъ по святительскимъ дѣламъ, и тамъ этаго лучшаго и дѣятельнѣйшаго изъ Новгородскихъ правителей, заставилъ чрезъ митрополита отписаться отъ своей архіепископіи, запретилъ ему выѣздъ изъ Москвы и засадилъ въ монастырѣ у Николы стараго. Но сколько слабо и презрѣнно было Новгородское правительство, столько еще силенъ и доб-

лестенъ былъ народъ. Московская рать, посланная съ Новгородскими измѣнниками и бѣглецами Анфаломъ и Герасимомъ Никитиными, пользуясь нечаянностію нападенія въ самый Петровъ день, хотя страшно опустошила Двинскую землю, посѣкла и повѣшала множество беззащитнаго народа, захватила тамошняго богатаго боярина Андрея Ивановича и Двинскихъ посадниковъ Есипа Филиповича и Наума Ивановича; но она могла только разбойничать и потѣшаться надъ беззащитными и невооруженными; а какъ скоро пришлось ей имѣть дѣло съ ратными людьми, то она оказалась такою ничтожною и неспособною, что даже не потребовалось особой Новгородской рати, чтобы остановить ея разбойничьи успѣхи, и къ стыду Московскаго князя дѣло обошлось Двинскими и Заволоцкими частными средствами. Богатые Двинскіе бояре братья Степанъ и Иванъ Михайловичи и товарищъ ихъ Никита Головня, собравъ около себя поселенцевъ, жившихъ по Вагѣ, нагнали Анфала и Герасима на Колмогорахъ, разбили ихъ рать, отняли всѣхъ плѣнниковъ и добычу, а самихъ принудили спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ. Такимъ образомъ Двинскіе бояре своими частными средствами отразили Московскую рать, думавшую завладѣть тамошнимъ краемъ. Другой отрядъ Московской рати, посланный великимъ княземъ на Торжекъ, также не имѣлъ большаго успѣха, онъ успѣлъ только захватить тамъ Новгородскихъ бояръ Семена Васильевича и забрать ихъ имѣнье, хранившееся въ соборной церкви св. Спа-

са. Впрочемъ этотъ Московскій отрядъ, состоявшій только изъ трехъ сотъ человѣкъ, очевидно и былъ посланъ только за тѣмъ, чтобы схватить означенныхъ бояръ, можетъ быть съ владыкою Іоанномъ щитавшихся въ Москвѣ опасными по своей энергіи и любви къ отечеству.

Унизительныя отношенія Новгородѣ къ князьямъ Московскому и Литовскому.

Всѣ сіи оскорбленія Новгородское правительство сносило терпѣливо и, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даже не щитало ихъ нарушеніемъ мирныхъ договоровъ. Князь Московскій продолжалъ держать за собою Торжекъ, Волокъ Ламскій и Бѣжецкій Верхъ, томилъ въ заключеніи Новгородскаго владыку и знаменитыхъ бояръ; а правители Новгорода протестовали противъ этого только тѣмъ, что удерживали нѣкоторыя княжескія пошлины, слѣдовавшія съ Новгородскихъ волостей, и непризнавали законнымъ насильственнаго задержанія своего владыки въ Москвѣ, и по сему не выбирали себѣ новаго владыку; иныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не было, они были какъ бы довольны неопредѣленнымъ и унизительнымъ положеніемъ Новгорода; нѣтъ даже извѣстій о какихъ либо посольствахъ и жалобахъ на оскорбительныя отношенія Московскаго князя. Такія же почти отношенія Новгорода въ это время были и къ князю Литовскому Витовту. Въ 1397 году, во время войны съ Московскимъ княземъ, Новгородъ искалъ защиты у Витовта и договаривался съ нимъ признать его власть; но когда война съ Московскимъ княземъ кончилась удачно, то правители Новгорода прекратили сно-

шенія съ Литовскимъ княземъ; въ слѣдствіе чего Витовтъ, въ 1399 году, прислалъ въ Новгородъ свои разметныя грамоты, въ которыхъ писалъ: „вы меня обезчестили, говорили задаться за меня и признать меня своимъ княземъ, а мнѣ васъ оборонять; и потомъ отказались отъ своего слова“. Новгородцы на это отвѣчали сперва отсылкою своихъ разметныхъ грамотъ къ Витовту; а потомъ, когда Витовтъ былъ разбитъ Татарскимъ ханомъ Темиръ-Кутлуемъ и находился въ крайности, то отправили къ нему свое посольство въ Вильну и заключили миръ по старинѣ, и опять искали союза и у Московскаго, и у Литовскаго князя.

Новгородъ еще по старинѣ даетъ у себя убѣжище Московскимъ и Литовскимъ изгнанникамъ.

Но въ то же время Новгородъ по старинѣ давалъ у себя убѣжище всѣмъ знаменитымъ изгнанникамъ и изъ Литовскихъ, и изъ Московскихъ владѣній; такъ въ 1389 г. Новгородцы приняли къ себѣ Литовскаго изгнанника князя Семена Ольгердовича и дали ему въ кормленье нѣсколько пригородовъ; а въ 1393 г. дали убѣжище Московскому изгнаннику князю Константину Бѣлозерскому. Или въ 1387 г. приняли князей Василія Ивановича Смоленскаго и Патрикія Наримантовича Литовскаго. Или въ 1404 году Новгородцы приняли князя Смоленскаго Юрія Святославича, изгнаннаго Витовтомъ, дали ему тринадцать пригородовъ, привели его къ крестному цѣлованію къ Новгороду въ животъ и въ смерть, чтобы князю Юрію за одно съ Новгородцами стоять за Новгородъ противъ иноплеменниковъ, и сами цѣловали къ нему крестъ. Или въ 1407 году приняли къ себѣ

и также дали пригороды князю Семену Ольгердовичу, присланному Витовтомъ; а въ 1408 году приняли къ себѣ намѣстникомъ отъ великаго князя Московскаго его брата Константина Дмитріевича. Такимъ образомъ Новгородское правительство въ одно и тоже время, думало угодить и Московскому и Литовскому великимъ князьямъ, и въ тоже время старалось показать Новгородъ независимымъ, самостоятельнымъ владѣніемъ и давало убѣжище изгнанникамъ и бѣглецамъ той и другой стороны; и, разумѣется, такимъ способомъ веденія дѣлъ Новгородъ не угождалъ ни Литвѣ, ни Москвѣ, и былъ въ большей или меньшей зависимости отъ той и отъ другой стороны и, кажется, въ числѣ своихъ правителей и вождей народа имѣлъ и Литовскихъ приверженцевъ, и приверженцевъ Московскаго князя. Но очевидно приверженцы Московскіе были сильнѣе; и потому Новгородъ преимущественно и почти постоянно, щиталъ Московскаго великаго князя своимъ Новгородскимъ княземъ, и сносилъ терпѣливо всѣ оскорбленія съ Московской стороны; такъ что великій князь Василій Дмитріевичъ щиталъ Новгородъ своею отчиною, и иногда, хотя плохо, помогалъ Новгородцамъ противъ Витовта; такъ, напримѣръ, въ 1406 году онъ присылалъ въ Новгородъ своего брата князя Петра Дмитріевича, на случай нападенія Витовта на Новгородскія владѣнія, который впрочемъ пробылъ въ Новгородѣ только полторы недѣли. Постоянная покорность Новгорода иногда даже вызывала у Московскаго князя нѣко-

торое снисхожденіе: такъ въ 1402 году были возвращены изъ Москвы Новгородскіе бояре Семенъ Васильевичъ и Михаилъ Ѳеофилактовичъ, схваченные въ Торжкѣ въ 1401 году, и наконецъ въ 1404 году великій князь отпустилъ и Новгородскаго владыку Іоанна, содержавшагося въ Москвѣ три года и четыре мѣсяца. Этимъ послѣднимъ поступкомъ особенно были довольны Новгородцы, они встрѣтили владыку со крестами и щитали его возвращеніе народнымъ праздникомъ.

Отношенія Новгорода къ Шведамъ Литвѣ и Польшѣ.

Но дѣйствуя слабо и не дружно въ отношеніи къ Московскому и Литовскому князьямъ, Новгородцы еще нѣсколько напоминаютъ своихъ храбрыхъ предковъ въ отношеніи къ своимъ сѣверозападнымъ сосѣдямъ Шведамъ. Какъ скоро въ 1411 году Шведы напали на Новгородскую Корѣлію и взяли тамъ Тиверскій городокъ; то въ отмщеніе за это нападеніе Новгородцы, въ три дни по полученіи вѣсти о Шведскомъ набѣгѣ, собрали свою рать и подъ предводительствомъ своего служилаго князя Семена Ольгердовича Лугвеня, трехъ старыхъ посадниковъ и десяти бояръ, вступили въ Шведскую землю, т. е. южную Финляндію, страшно опустошили ее и даже осаждали Выборгъ, самый укрѣпленный Шведскій городъ въ этомъ краю; но не успѣвши взять этого города, воротились домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Мало этого, Новгородское вѣче въ томъ же году послало приказаніе Двинскому посаднику Якову Степановичу напасть изъ Заволочья на Норвежскія владѣнія, который по этому

приказанію также сильно повоевалъ тамошнія волости и напомнилъ Норвежцамъ или скорѣе Шведамъ, съ которыми Норвежцы были тогда въ соединеніи, что Новгорода нельзя еще оскорблять безнаказанно. Но только лишь Новгородцы успѣли раздѣлаться съ Шведами, какъ въ 1412 году король Польскій Ягайло и Литовскій великій князь Витовтъ вывели изъ Новгорода князя Семена Ольгердовича Лугвеня и прислали разметныя грамоты къ Новгородцамъ съ такими рѣчами: „вы было обѣщались служить намъ, сложить крестное цѣлованіе къ Нѣмцамъ, а съ нами стать за одно и на обѣ стороны укрѣпиться изъ предосторожности на всякій случай, а если бы случай нужный не вышелъ, то и союзъ нашъ не былъ бы обязателенъ ни для той, ни для другой стороны. И мы къ вамъ послали бояръ своихъ Немира и Зиновія Братошича спросить, — стоите ли вы въ своемъ обѣщаніи? и вы Немиру отвѣчали: „не можетъ Новгородъ того учинити,— мы какъ съ Литовцами мирны, такъ и съ Нѣмцами мирны“. Мы князя Лугвеня вызвали отъ васъ къ себѣ, а съ Нѣмцами вѣчный миръ взяли, и съ Уграми и со всѣми нашими граничными мирны; а вы, забывъ, слова своего не сдержали, какъ намъ обѣщались, да ваши люди еще насъ ругали, безчестили и срамили, называя погаными; и сверхъ всего этого вы приняли къ себѣ нашего врага Юрьева сына Святославича“. Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, сынъ Смоленскаго князя Юрія Святославича, укрывавшійся тогда въ Новгородѣ, услыхавши о послѣдней

жалобѣ, сказалъ Новгордцамъ: „изъ-за меня съ Витовтомъ нелюбья не держите“, и немедленно уѣхалъ къ Нѣмцамъ. Жалобы Витовта и Ягайлы показываютъ, что въ это время въ Новгородѣ всѣмъ руководила Московская партія, а Литовская была назади и неимѣла силы. Тоже сильное значеніе Московской партіи видно и изъ самыхъ переговоровъ Новгорода съ Ягайломъ и Витовтомъ; ибо по удаленіи изъ Новгорода князя Ѳедора Юрьевича, Витовтъ и Ягайло замолчали и при заключеніи мира, послѣдовавшаго въ 1414 году, Новгородскіе послы: посадникъ Юрій Онисифоровичъ, сынъ посадничъ Аѳонасъ Ѳедоровичъ и Ѳедоръ Трябло, настояли на томъ, чтобы не разрывать Новгородской крестной грамоты къ Нѣмцамъ, и всѣ отношенія Новгорода къ Литвѣ оставить по старинѣ, чего конечно нельзя было ожидать, если бы господствующею партіею въ Новгородѣ была Литовская партія.

Между тѣмъ великій князь Василій Дмитріевичъ, хотя съ 1397 года постоянно держалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородѣ, слѣдовательно признаваемъ былъ Новгородцами своимъ княземъ, тѣмъ не менѣе не оставлялъ замысловъ при удобномъ случаѣ отнять у Новгорода ту или другую область и давалъ у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ и бѣглецамъ Повгородскимъ, всѣмъ недовольнымъ Новгородскими порядками, чтобы при случаѣ употребить ихъ противъ Новгорода. Въ числѣ таковыхъ недовольныхъ бѣглецовъ въ 1417 году явились во владѣніяхъ великаго князя, именно въ удѣлѣ брата

Повая война въ Заволочьѣ.

его князя Юрія Дмитріевича, два боярина—Семенъ Жадовскій и Михайло Разсохинъ, неполадившіе съ Новгородскими властями, и предложили великому князю свои услуги при завоеваніи Заволочья. Великій князь, не желая упустить удобнаго случая, принялъ такое предложеніе и дозволилъ Жадовскому и Разсохину собирать рать охотниковъ на Вяткѣ и въ Устюгѣ, а князь Юрій Дмитріевичъ придалъ имъ своего боярина Глѣба Семеновича. Охотниковъ повоевать въ богатомъ Заволочьѣ оказалось довольно и на Вяткѣ и въ Устюгѣ; и Жадовскій и Разсохинъ, собравъ ихъ и снарядивъ нужныя суда для похода, пустились внизъ по Двинѣ, и нечаяннымъ и быстрымъ нападеніемъ успѣли повоевать, захватить и сжечь придвинскія волости—Борокъ, Емцу и Холмогоры, и захватили тамъ Новгородскихъ бояръ Юрія Ивановича и брата его Самсона. Но богатые Двинскіе бояре: Иванъ Ѳедоровичъ, братъ его Аѳанасій, Гаврило Кириловичъ и Иванъ Андреевичъ, не дозволили долго хозяйничать княжескимъ разбойникамъ и Новгородскимъ измѣнникамъ; они поспѣшили собрать значительную рать изъ своихъ людей, и нагнавъ грабителей подъ Моржомъ на островѣ, разбили ихъ на голову, отбили свою братью бояръ Юрія и Самсона, и отнявъ у нихъ весь полонъ и добычу, самихъ отпустили. Посадничій же сынъ Василій Юрьевичъ съ своими товарищами боярами, Самсономъ Ивановичемъ, только что освобожденнымъ отъ плѣна, съ Гавриломъ Кириловичемъ и братомъ его Григорьемъ, недовольствуясь пораженіемъ грабителей,

пустились съ своими ратниками далѣе и пожгли Устюгъ. Такимъ образомъ и эта послѣдняя попытка великаго князя Василія Дмитріевича завладѣть хотя частію Заволочья—не удалась; и великій князь послѣ похода Жадовскаго и Разсохина уже не предпринималъ никакихъ нападеній на Новгородскія волости; да и самый походъ Жадовскаго и Разсохина былъ принятъ въ Новгородѣ за набѣгъ вольницы и не послужилъ поводомъ къ какимъ либо жалобамъ и неудовольствіямъ, Новгородцы по прежнему держали великокняжескихъ намѣстниковъ, и жили въ мирѣ и согласіи съ великимъ княземъ до самой его кончины, послѣдовавшей въ началѣ 1425 года. Великій князь не разрывалъ съ Новгородомъ мира и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ даже тогда, когда въ 1419 году Новгородцы, по старому обычаю давать у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ, приняли къ себѣ изгнаннаго великимъ княземъ брата его Константина Дмитріевича и дали ему свои пригороды, бывшіе прежде за княземъ Семеономъ Ольгердовичемъ Лугвенемъ, и назначили въ его пользу по всей Новгородской волости особый сборъ подъ именемъ коробейщины, такъ что въ одно и тоже время сидѣли въ Новгородѣ и намѣстникъ великокняжескій князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, и врагъ великаго князя братъ его князь Константинъ Дмитріевичъ, и въ 1420 году оба вмѣстѣ, отъ имени Новгорода, вели переговоры съ Нѣмецкими послами и заключили съ Нѣмецкимъ орденомъ миръ по старинѣ. Новгородцы послѣ мира, заключеннаго съ Витовтомъ, вели-

кимъ княземъ Литовскимъ, въ 1414 году, оставались мирны и съ Литвою, и съ другими своими сосѣдями. Только въ 1419 году Норвежскіе грабители, въ числѣ 500 человѣкъ, въ бусахъ и шнекахъ съ Бѣлаго моря ворвались па Двину и въ Заволочье, пограбили и пожгли нѣсколько погостовъ, лежавшихъ недалеко отъ морскаго берега: но этотъ разбойничій набѣгъ не нарушилъ общаго мира въ Новгородѣ; Заволочане, собравши силу, одни управились съ грабителями, разбили ихъ, потопили двѣ шнеки, а остальныхъ заставили спасаться бѣгствомъ; тѣмъ дѣло и кончилось.

Междоусобія въ Новгородѣ.

Но освободившись такъ или иначе отъ внѣшнихъ войнъ, Новгородъ неосвободился отъ внутреннихъ безпорядковъ; давно копившіяся неудовольствія и вражда меньшихъ и большихъ, можетъ быть нѣсколько сдерживаемыя немирьемъ съ сосѣдями, ждали только случая разразиться страшнымъ междоусобіемъ, и случай этотъ, по началу своему самый ничтожный, представился въ 1418 году, и послужилъ поводомъ къ возстанію торговой стороны на Софійскую. Одинъ боярипъ Козмодемьянской улицы Данило Ивановичъ, Божинъ внукъ, чѣмъ то обидѣлъ людина съ торговой стороны, по имени Степанка. Этотъ Степанко, встрѣтивъ боярина на одной улицѣ на торговой сторонѣ, схватилъ его за воротъ и началъ кричать прохожимъ: „господа! помогите мнѣ на этаго злодѣя“. Прохожіе по этому крику бросились на боярина и потащили его какъ злодѣя къ народу, даже одна женщина, отки-

нувъ женскій стыдъ, накинулась на боярина, стала бить его и кричать на вѣчѣ: „онъ мой злодѣй, онъ и меня обижаетъ“. Народъ, давно злобствовавшій на бояръ и много терпѣвшій отъ нихъ, неразбирая долго, приколотилъ Данилу чуть не до смерти и сведши съ вѣча сбросилъ съ моста въ Волховъ, какъ разбойника и обидчика. Въ это время не далеко отъ моста былъ на рѣкѣ одинъ людинъ по прозванію Личковъ сынъ, онъ изъ жалости поймалъ сброшеннаго боярина. втащилъ въ свой челнъ, и такимъ образомъ помогъ ему спастися. Разъяренный народъ разграбилъ домъ Личкова сына. Бояринъ же Данило, думая отомстить обиду, поймалъ своего противника Степанка и началъ его мучить у себя на дому. Народъ, услыхавши, что Степанко схваченъ, зазвонилъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сходился на вѣчѣ нѣсколько дней сряду съ криками: „пойдемъ на онаго боярина, и разхитимъ его домъ“. Противъ такихъ криковъ не было принято ни какихъ мѣръ; и они разрѣшились тѣмъ, что жители торговой стороны вооружились доспѣхами какъ на рать, и взявши знамя пошли на Козмодемьянскую улицу выручать Степанка, разграбили домъ боярина Данила и множество другихъ домовъ, потомъ съ Козмодемьянской улицы пошли грабить набережную Яневой улицы, вездѣ отыскивая Степанка. Тогда Козмодемьянцы, опасаясь новаго грабежа, рѣшились отдать Степанка, и пришедши къ архіепископу просили, чтобы отправилъ его на вѣче къ собравшемуся народу; святитель по этой прозь-

бѣ послалъ его съ священникомъ и своимъ бояриномъ. Но тѣмъ дѣло не кончилось; раздраженный народъ, взявши Степанка, поднялся на Ивана Іевлевича, боярина съ Чудинцевой улицы, разграбилъ его домъ и домы другихъ тамошнихъ бояръ, и даже монастырь св. Николы, гдѣ хранилось многое боярское имущество. Потомъ съ Чудинцевой улицы народъ бросился на сосѣднюю улицу Люгощу и разграбилъ тамъ множество дворовъ и кричалъ: здѣсь живутъ наши супостаты! За тѣмъ разъяренная толпа двинулась на богатую Прусскую улицу; но тамъ успѣли приготовиться, отбили нападеніе и тѣмъ еще большое произвели раздраженіе въ народѣ. Воротившись на свой берегъ, толпа торговой стороны стала кричать: „Софійская сторона хочетъ на насъ вооружиться и разграбить наши домы“. По этому крику начался звонъ по всему городу, люди стали сбѣгаться и вооружаться какъ на рать съ обѣихъ сторонъ, устремляясь къ великому мосту, гдѣ уже началась свалка; между тѣмъ поднялась страшная буря съ громомъ, молніей, проливнымъ дождемъ и градомъ. Отъ всеобщаго смятенія и страшной бури, какъ говоритъ лѣтописецъ, потрясся весь городъ и на обѣ стороны напалъ великій страхъ. Владыка Симеонъ, старецъ любимый всѣмъ народомъ, услыхавъ о междоусобной рати своихъ дѣтей Новгородцовъ, зарыдалъ и сказалъ предстоящимъ созвать священный соборъ, потомъ пошелъ въ церковь св. Софіи, облачился тамъ въ святительскія ризы, совершилъ молебствіе о прекраще-

піи междоусобія, и со всѣмъ священнымъ соборомъ, съ крестомъ господнимъ и съ иконою пресвятыя Богородицы отправился на великій мостъ, тдѣ кипѣло междоусобіе; за нимъ слѣдовали священники и весь церковный причетъ, знатнѣйшіе мужи и множество народа со слезами и надеждою, что молитвами святителя Господь утишитъ междоусобную рать. Пришедши на мостъ, святитель сталъ благословлять животворящимъ крестомъ обѣ враждующія стороны. Это неожиданное пришествіе владыки, его мирное благословеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ пріостановило битву; Софійская сторона выслала къ святителю стараго посадника Ѳедора Тимофеевича и другихъ посадниковъ и тысяцкихъ молить владыку, чтобы онъ послалъ къ степеннымъ посаднику и тысяцкому умирить враждующихъ. Владыка по ихъ молепію послалъ своего духовника архимандрита Варлаама и протодьякона на Ярославль дворъ, да подадутъ благословеніе степенному посаднику Василью Есиповичу и степенному тысяцкому Козмѣ Терентьевичу, и всему народному вѣчу; и вѣче съ посадникомъ и тысяцкимъ отвѣчали: „да повелитъ святитель своей сторонѣ разойтися по домамъ, а мы по твоему благословенію прикажемъ своей братіи также разойтися и потомъ пусть выборные нарочитые мужи, сошедшись вмѣстѣ, разсудятъ, кто былъ причиною междоусобія, кто правъ и кто виноватъ“. И посему отвѣту владыка благословилъ разойтися, и всѣ разошлись, и водворилась тишина, но едвали еще воз-

становилось взаимное согласіе и довѣріе между большими и меньшими.

Лѣтописи не говорятъ былъ ли судъ, предложенный степеннымъ посадникомъ Васильемъ Есиповичемъ, а ежели былъ, то чѣмъ кончился этотъ судъ— мы незнаемъ; но только посадникъ Василій Есиповичъ, очевидно державшійся, во время всеобщаго возстанія, торговой стороны и меньшихъ людей, не удержался на своей степени, и въ 1421 году является уже новый степенный посадникъ Андрей Ивановичъ, какъ должно полагать изъ богачей бояръ Софійской стороны, который педумалъ угождать чернымъ людямъ; слѣдовательно ежели и былъ судъ, предложенный посадникомъ Васильемъ Есиповичемъ, то онъ кончился не въ его пользу и не въ пользу меньшихъ людей. А посему въ 1421 году опять было возстаніе въ Новгородѣ; именно Неревскій и Славенскій концы вступились за одного обиженнаго людина Клементія Артемьева, у котораго завладѣлъ землею степенный посадникъ Андрей Ивановичъ; оба конца въ доспѣхахъ и оружіи пошли на домъ посадника. разграбили его и домы другихъ бояръ, при чемъ въ свалкѣ убили двадцать человѣкъ Неревлянъ. Это послѣднее возстаніе очевидно было продолженіемъ предшествовавшаго междоусобія и взрывомъ вражды меньшихъ людей противъ большихъ, которые послѣ предшествовавшаго междоусобія успѣли уладить дѣло въ свою пользу, и кажется оно кончилось не совсѣмъ въ пользу большихъ людей, или для прекращенія

междоусобія дано было какое либо удовлетвореніе и той и другой сторонѣ; по крайней мѣрѣ посадникъ Андрей Ивановичъ тутъ же былъ смѣненъ и мѣсто степеннаго посадника заступилъ Тимоѳей Васильевичъ, который въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года вмѣстѣ съ тысяцкимъ Козмою Терентьевичемъ возводилъ къ св. Софіи на сѣни новопзбраннаго владыку игумена Троицкаго Клопскаго монастыря Ѳеодосія. Объ окончаніи сего послѣдняго возстанія лѣтопись говоритъ: „и Новгородцы цѣловали крестъ за единъ братъ“. Слѣдовательно симъ возстаніемъ покончена была вражда большихъ и меньшихъ людей и между обѣими сторонами водворилось согласіе, или меньшіе люди на столько ослабѣли, что уже не могли дѣлать новыхъ возстаній противъ большихъ людей; по крайней мѣрѣ лѣтописи, послѣ сего Клементьевскаго возстанія ни разу уже не упоминаютъ о Новгородскихъ междоусобіяхъ.

Пожары и другія несчастія въ Новгородѣ.

Кромѣ плохаго управленія, почти постоянно невыгодныхъ и даже оскорбительныхъ сношеній съ сосѣдями и кромѣ внутреннихъ междоусобій, Великій Новгородъ въ продолженіи 35 лѣтъ княженія великаго князя Василья Дмитріевича терпѣлъ еще много другихъ несчастій. Такъ по свидѣтельству лѣтописей за это время пащитывается двѣнадцать значительныхъ пожаровъ, изъ коихъ особенно замечательны: 1-й пожаръ въ 1391 году, отъ котораго погорѣло на Софійской сторонѣ отъ Борковы улицы до Гзеня, а на торговой сторонѣ отъ

Никитины улицы до Родоковичь, потомъ опять на Софійской сторонѣ Прусская улица и весь Людинъ конецъ, при чемъ сгорѣло 15 деревянныхъ церквей и семь каменныхъ да людей четырнадцать душъ. Этотъ пожаръ столько нанесъ убытковъ бѣднымъ людямъ, что Новгородское правительство нашло нужнымъ взять съ полатей св. Софіи пять тысячь рублей накопленія владыки Алексѣя, и раздѣлить эти деньги на пять концовъ, по тысячѣ рублей на конецъ, и поставили по обѣ стороны острога каменные костры у каждой улицы. 2-й пожаръ, бывшій въ 1399 году, сдвали не сильнѣе перваго, отъ него погорѣла вся торговая сторона, при чемъ однихъ каменныхъ церквей сгорѣло двадцать семь, и погибло множество людей, частію сгорѣвшихъ, частію потонувшихъ въ Волховѣ; по словамъ лѣтописи огонь ходилъ даже по водѣ. 3-й пожаръ, въ 1403 году, опять пожогъ торговую сторону и пощадилъ только княжанскій берегъ и Готскій дворъ. 4-й пожаръ въ 1407 году, отъ котораго погорѣли Неревскій конецъ до самаго дѣтинца, и въ дѣтинцѣ сгорѣла церковь св. Софіи, владычень дворъ и весь околотокъ, кромѣ того погорѣли Владимирскій берегъ, Люгоща и Хревкова улица. И наконецъ 5-й пожаръ въ 1419 году, вскорѣ послѣ страшнаго междоусобія, опустошилъ Славенскій и Плотницкій концы до Ѳедорова ручья, при чемъ сгорѣли 24 церкви и погибло множество имущества и людей, частію сгорѣвшихъ, частію потонувшихъ въ Волховѣ. А въ 1421 году было страшное на-

водненіе, которое поломало всѣ мосты, снесло церковь св. Троицы на Коломцѣ, а по улицамъ Щиловѣ, Соколицѣ и Радоковичахъ церкви были залиты водою, и служба совершалась только на хорахъ; тоже было въ церкви Воскресенія въ Людинѣ концѣ, кромѣ того всѣ строенія въ низменныхъ мѣстахъ были смыты или разнесены водою, и вода была такъ высока, что вступала даже въ городскія ворота до Рыбниковъ. Къ тому же 19 мая вдругъ разразилась ужасная буря съ громомъ, молніей, страшнымъ вихремъ, градомъ, проливнымъ дождемъ и даже камнями Это случилось въ полночь и такъ всполошило людей, что тогдашній владыка Симеонъ на разсвѣтѣ отправился съ священниками и клпрошанами въ церковь св. Софіи, и повелѣлъ пѣть молебенъ къ Пресвятой Богородицѣ о престаніи гнѣва Божія. Въ дополненіе ко всѣмъ симъ нещастіямъ, Новгородъ выдержалъ нѣсколько опустошительныхъ повальныхъ болѣзней, отъ которыхъ погибло множество народа. Особенно страшенъ былъ моръ зимою 1417 года, изтребившій множество народа въ Новгородѣ, Русѣ, Ладогѣ, Порховѣ, Торжкѣ и по волостямъ и селамъ; по словамъ лѣтописи, живые не успѣвали хоронить мертвыхъ, на одного здороваго приходилось по десяти больныхъ, въ иномъ дворѣ остался одинъ человѣкъ, въ иномъ два, а въ иномъ одинъ малый дѣтищь, и многіе дворы остались совершенно пусты и были затворены. Вездѣ народъ пришелъ въ отчаяніе, многіе постриглись въ монахи, и всѣ стали испо-

вѣдоваться, причащаться и собороваться, готовясь къ смерти. Наконецъ владыка Симеонъ со всѣми семью соборами, съ крестами и иконами и множествомъ народа обошелъ весь городъ съ пѣніемъ и молитвами о престаніи гнѣва Божія, и люди въ одинъ день навозили и натаскали бревенъ и построили церковь св. Апастасіи, которую въ тотъ же день владыка освящалъ и служилъ въ ней литургію, изъ остаточнаго же лѣса выстроили другую церковь пророка Иліи, конецъ Прусской улицы; въ Торжкѣ также въ одинъ день выстроили и освятили церковь св. Аѳанасія, и въ тотъ же день соборомъ служили въ ней литургію. Потомъ въ 1420 и 1421 годахъ былъ сильный голодъ и моръ, при чемъ въ одномъ Новгородѣ было наполнено трупами умершихъ три скудельницы, одна у св Софіи за олтаремъ и двѣ при церкви Рождества Христова на полѣ. Этотъ же моръ повторился въ Новгородѣ и въ Корѣльской землѣ и въ Заволочьѣ въ 1424 году.

Торговля Новгорода.

Но не смотря на всѣ бѣдствія и неустройства, Новгородъ во все это время ещс былъ богатъ и велъ обширную торговлю; иностранцы его сравнивали по богатству съ знаменитою въ то время Венеціею. Купцы Новгородскіе тогда вели обширныя торговыя дѣла и во владѣніяхъ Сѣверо-восточной Руси, въ Москвѣ, Твери и другихъ городахъ, и во владѣніяхъ Великаго-княжества Литовскаго. Кромѣ того Новгородъ былъ главною конторою знаменитаго Ганзейскаго союза; Нѣмецкіе и Готландскіе купцы имѣ-

ли обширные торговые дворы въ Новгородѣ. Новгородцы, дорожа торговыми связями съ Нѣмцами, не рѣдко даже съ опасностію для себя отстаивали мирные договоры съ Нѣмецкимъ или вѣрнѣе Ливонскимъ орденомъ; такъ въ 1397 году они отказали великимъ князьямъ Московскому Василью Дмитріевичу и Литовскому Витовту Кестутьевичу, требовавшимъ разорвать миръ съ Нѣмцами. которые въ случаѣ отказа грозили имъ войною, и не смотря на угрозы отвѣчали имъ: „княже Василій, съ тобою свой миръ а съ Витовтомъ ишъ, а съ Нѣмцы ишъ“. Но дорожа торговыми связями съ Нѣмцами, Новгородъ тѣмъ не менѣе держалъ себя въ отношеніи къ Нѣмцамъ самостоятельно, и не рѣдко защищая свои права и по торговлѣ и по другимъ дѣламъ разрывалъ миръ и съ Нѣмцами: такъ напримѣръ при заключеніи мира съ Нѣмецкими городами въ 1391 году сказано, что Нѣмцы пріѣхавши въ Новгородъ, приняли свои задержанные товары и начали вновь ставить свой торговый дворъ. ибо до того семь лѣтъ не было крѣпкаго мира; потомъ лѣтописи упоминаютъ о заключеніи мирныхъ договоровъ съ Нѣмцами подъ 1417 и подъ 1420 годами; слѣдовательно передъ заключеніемъ сихъ договоровъ. каждый разъ было размирье съ Нѣмцами. Изъ за чего были сіи размирья по лѣтописямъ мы не знаемъ; но тѣмъ не менѣе они показываютъ. что Нѣмецкая торговля при всей важности далеко не подчиняла Новгорода своимъ изключительнымъ интересамъ. Да и въ самой торговлѣ Новгородцы вели себя независимо отъ Нѣ-

мецкихъ конторъ. Конечно Ганзейскій союзъ торговалъ въ Новгородѣ компаніями и съ большими ограниченіями по строгимъ средневѣковымъ конторскимъ правиламъ; но и у Новгородцовъ были тѣже правила, и Новгородцы торговали не иначе, какъ компаніями, общинами, подъ надзоромъ выборныхъ старостъ. При томъ же въ торговлѣ у Новгородцовъ принимали дѣятельное участіе богатѣйшіе землевладѣльцы, имѣвшіе въ то время громадный вѣсъ не только въ обществѣ Новгородскомъ, но и въ правительствѣ; а таковыхъ сильныхъ представителей торговли трудно было Нѣмецкимъ конторамъ подчинить себѣ, каждый сколько нибудь обидный случай съ той или другой стороны возбуждалъ споръ и доводилъ дѣло до суда Такъ въ 1400 году, по поводу иска одной Новгородской торговой общины на внукахъ Ревельскаго бургомистра и ихъ компаніи 400 рублей, въ Новгородѣ былъ судъ передъ Новгородскими судьями при Нѣмецкихъ послахъ, и по суду отвѣтчики Нѣмцы были признаны виноватыми и по приговору суда должны были отдать искъ, а въ противномъ случаѣ Новгородъ объявилъ. что 400 рублей иска будутъ взяты на Нѣмецкихъ купцахъ. Или въ 1423 году по какимъ то спорамъ Новгородцы задержали у себя Нѣмецкихъ купцовъ, на что Ганза отвѣчала тѣмъ, что стала въ своихъ пристаняхъ захватывать Новгородскія суда; но вскорѣ принуждена была уступить требованіямъ Новгорода и возвратить захваченныя Новгородскія суда.

Двукратная перемѣна денежной системы въ Новгородѣ.

Новгородцы по торговымъ видамъ въ разсматриваемое нами время два раза мѣняли денежную систему: въ первый разъ въ 1410 году, при посадникѣ Григорьѣ Богдановичѣ и при тысяцкомъ Васильѣ Есифовичѣ, они отложили старыя свои деньги, куны, и начали торговать между собою Любскими деньгами, Литовскими гропами и Нѣмецкими артугами; а потомъ въ 1420 году они продали Нѣмцамъ артуги и начали торговать серебряными деньгами собственной чеканки. Въ торговыхъ своихъ дѣлахъ какъ прежде, такъ и въ настоящее время Новгородцы постоянно отстраняли участіе своего князя, особенно въ торговлѣ съ Нѣмцами; во всѣхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями мы встрѣчаемъ неизмѣнное условіе, что бы князь не затворялъ Нѣмецкаго двора, и торговалъ съ Нѣмцами не иначе, какъ при посредствѣ Новгородскихъ купцовъ. Это очевидно дѣлалось для того, что бы князь, торгуя черезъ своихъ людей, черезъ конкурренцію не понялъ цѣны на Новгородскіе товары.

Безпечность Новгородскаго правительства по смерти кн. Василья Дмитріевича

Смерть великаго князя Василія Дмитріевича вполнѣ показала, что Новгородцы, одержимые внутреннимъ недугомъ, разъѣдающимъ ихъ общество, рѣшительно утратили способность продолжать независимое и самостоятельное существованіе По смерти великаго князя Василья Дмитріевича въ Москвѣ началась усобица между его малолѣтнымъ сыномъ Васильемъ Васильевичемъ и братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ. Усобица эта продолжалась десять лѣтъ, и давала Новгородцамъ всю возможность утвердить

и обезпечить самостоятельность и независимость господина Великаго Новгорода; а между тѣмъ на дѣлѣ они не только не позаботились объ этомъ, но даже не подумали воротить своихъ волостей, отнятыхъ покойнымъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ; они во все это время оставались безъ князя и по старому Новгородскому обычаю,—не принимать участія въ княжескихъ усобицахъ, только ждали кто изъ спорящихъ князей одержитъ окончательный верхъ, не вступая даже въ договоръ ни съ однимъ изъ соперниковъ, и давая свободу современнымъ обстоятельствамъ складываться безъ Новгородскаго участія. Во все это время Великій Новгородъ, съ виду сильный и богатый средствами, подобно одряхлѣвшему богатырю съ разбитыми ногами, только отмахивался, когда на него нападали, самъ же не двигался съ мѣста и не предпринималъ ничего по собственному замышленію.

Нападеніе Устюжанъ на Заволочье.

Въ первый же годъ по кончинѣ великаго князя Василья Дмитріевича, Устюжане, по свѣжему Московскому преданію, сложившемуся въ недавнее время, напали на Заволочье и довольно повоевали тамъ; Новгородцы по обычаю отмахнулись, отбили набѣгъ и сами ходили ратью къ Устюгу и взяли на Устюжанахъ 50,000 бѣлки и шесть сороковъ соболей. Въ этомъ же году скончался ближайшій сосѣдъ Новгорода великій князь Тверскій Иванъ Михайловичъ; и Новгородцы въ слѣдующемъ 1426 году возобновили миръ съ его преемникомъ княземъ Борисомъ Александровичемъ; изъ договорной грамоты, напи-

Договоръ съ Тверскимъ княземъ.

санной при заключеніи этаго мира и дошедшей до нашего времени, видно, что Новгородъ и Тверскій князь договарпвались между собою, какъ добрые сосѣди, у которыхъ предъ заключеніемъ договора не было войны и главный вопросъ состоялъ въ лучшемъ опредѣленіи старыхъ границъ между Новгородскими и Тверскими владѣніями, о взаимной выдачѣ порубежныхъ татей, разбойниковъ и бѣглыхъ рабовъ, о не покупкѣ Тверскимъ княземъ и его братьями земель въ Новгородской области, о свободной торговлѣ обѣимъ сторонамъ и о свободномъ пропускѣ Новгородскихъ пословъ чрезъ Тверскія владѣнія. Этотъ договоръ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что у Тверскихъ князей въ это время уже не было ни какихъ притязаній на Новгородъ.

Война съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ.

Но безопасные со стороны Москвы и Твери, Новгородцы не были безопасны со стороны Литвы. Литовскій великій князь Витовтъ, давно грозившій Новгороду, наконецъ въ 1428 году объявилъ войну, за то будто бы, что Новгородцы его назвали измѣнникомъ, и съ большою ратью вступилъ въ Новгородскія владѣнія и осадилъ Порховъ. Порховичи защищались мужественно и отбили одинъ приступъ Витовтовой рати; но какъ у Витовта были пушки, изъ которыхъ онъ стрѣлялъ въ городъ и производилъ тамъ опустошенія; то Порховичи, чувствуя себя не въ состояніи отсидѣться, вступили въ переговоры, и ихъ воеводы посадникъ Григорій Кириловичъ Посохно, Исакъ Борецкій и другіе явились въ станъ къ Витовту и стали предлагать окупъ. Въ это же

время прибыли изъ Новгорода владыка Евѳимій и съ нимъ Новгородскіе посадники и тысяцкіе, и также вступили въ переговоры и докончали съ Витовтомъ миръ, по которому Порховичи дали за себя окупу 5000 рублей, а другіе пять тысячь рублей заплатили Новгородцы, и сверхъ того владыка Евѳимій далъ тысячу рублей за плѣнныхъ, бывшихъ у Витовта. Чтобы выплатить этотъ окупъ, собрали серебро со всѣхъ Новгородскихъ волостей даже съ Заволочья по рублю съ девяти человѣкъ. Впрочемъ миръ, заключенный съ Витовтомъ подъ Порховымъ, очевидно былъ не проченъ; ибо въ 1430 году Новгородцы укрѣпили Порховъ другою стѣною, да и самый Новгородъ нашли нужнымъ укрѣпить вновь, для чего сзывали со всѣхъ волостей пятаго человѣка, а четверо снаряжали пятаго и снабжали всѣмъ нужнымъ. Но грозный Витовтъ скончался въ томъ же году и на мѣсто его сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ Свидригайло. Къ этому новому Литовскому государю Новгородцы въ 1431 году отправили свое посольство въ Вильну. Посланниками отъ Новгорода были боярин Борисъ Юрьевичъ и отъ житьихъ людей Иванъ Ермолиничъ и Григорій Захарьиничъ, которые и заключили съ Свидригайломъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е Новгородцамъ свободная торговля по всѣмъ Литовскимъ владѣніямъ, а подданнымъ Литовскаго государя свободная торговля по всѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ; 2-е неприкосновенность границъ Новгородскимъ и Литовскимъ владѣніямъ по старому рубежу; 3-е

Договоръ съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ по смерти Витовта.

взаимная выдача рязбойниковъ и бѣглыхъ рабовъ, и 4-е Новгородцы, кажется, уступили Свидригайлу нѣкоторыя дани и пошлины въ Моревѣ, Ржевѣ и другихъ Новгородскихъ волостяхъ, ближайшихъ къ Литовской границѣ и спорныхъ, съ которыхъ очевидно получалъ дани еще Витовтъ, и можетъ быть уже нѣкоторое время владѣлъ ими.

Московскій князь Василій Васильевичъ ищетъ убѣжища въ Новгородѣ.

Между тѣмъ враждовавшіе другъ противъ друга Московскіе князья Василій Васильевичъ и Юрій Дмитріевичъ, въ 1431 году отправились на судъ къ Татарскому хану въ орду, прожили тамъ около года и возвратились домой въ 1432 году; при чемъ по ханскому суду Василій Васильевичъ былъ объявленъ великимъ княземъ. Недовольный такимъ ханскимъ рѣшеніемъ, князь Юрій Дмитріевичъ началъ войну съ племянникомъ и въ 1434 году занялъ Москву, а Василій Васильевичъ, спасаясь отъ преслѣдованія, бѣжалъ въ Новгородъ и засѣлъ съ своею небольшею дружиною на Городищѣ. Новгородцы такъ мало знали о дѣлахъ въ великомъ княженіи Московскомъ, что при появленіи князя всполошились и всею своею ратью выдвинулись къ Жилотугу, думая отражать нападеніе спасающагося бѣгствомъ князя; но невидя нападенія воротились, а великій князь Василій Васильевичъ, проживши на Городищѣ три недѣли и два дни, удалился сперва на Мологу и Кострому, а потомъ въ Нижній Новгородъ. А въ это время внезапно скончался въ Москвѣ великій князь Юрій Дмитріевичъ, и сыновья его, поссорясь между собою, отдали Москву князю Василію Василье-

вичу. При чемъ старшій изъ сыновей Юрія, захватившій было по смерти отца Москву, Василій Косый осенью того же года искалъ убѣжища въ Новгородѣ; но побывши тамъ не долго, ушелъ и по дорогѣ много пограбилъ по Мстѣ, въ Бѣжецкомъ Верху и въ Заволочьѣ, вѣроятно недовольный Новгородскимъ пріемомъ. Въ томъ же году, послѣ продолжительнаго размирья, Новгородцы заключили миръ со Псковомъ по старинѣ.

Новгородцы идутъ казнить Великіе Луки и Ржеву за неплатежъ даней.

Въ 1435 году Новгородцы съ Рушанами и Порховичами ходили тремя дорогами на свои пригороды, Великіе Луки и Ржеву, казнить ихъ за неплатежъ даней и пожгли тамошнія села до Псковскаго рубежа и воротились домой съ полономъ. По всему вѣроятію Ржева въ это время отказывалась платить дань Новгороду потому, что по договору съ Свидригайломъ Литовскимъ часть даней Ржева и Луки должны были платить и Литовскому князю; и очевидно, не желая быть двоеданцами, Ржева и Луки своевольно перечислились къ Литвѣ и отказали Новгороду въ платежѣ дани. Новгородцы же, пользуясь междоусобіемъ, бывшимъ тогда въ Литвѣ между Свидригайломъ и Сигизмундомъ, безъ большихъ трудностей смирили свои отпавшіе пригороды и снова подчинили Новгородской власти. Впрочемъ это дѣло не обошлось безъ неудовольствія со стороны великаго князя Литовскаго; чѣмъ выразилось это неудовольствіе, мы неимѣемъ на это свидѣтельствъ, есть только лѣтописное извѣстіе, что Новгородцы на слѣдующій годъ нашли необходимымъ отправить

къ тогдашнему великому князю Литовскому Сигизмунду своего посла, посадника Григорія Кириловича, который заключилъ съ Сигизмундомъ миръ, и Сигизмундъ при этомъ цѣловалъ крестъ предъ Новгородскимъ посольствомъ.

Между тѣмъ великій князь Василій Васильевичъ, утвердившись въ Москвѣ по смерти Юрія, обратилъ вниманіе и на Новгородъ. Не желая упустить изъ виду этого важнаго владѣнія, онъ въ 1435 году вступилъ въ переговоры съ Новгородцами, и на первый разъ, чтобы получить право быть Новгородскимъ княземъ, цѣловалъ къ Новгороду крестъ на томъ, что онъ отступается отъ Новгородскихъ отчинъ Бѣжецкаго Верха, Волока Ламскаго и Вологды; а Новгородцы цѣловали крестъ, чтобы Новгородскимъ боярамъ отступиться отъ княжчинъ, гдѣ ни есть, и великій князь далъ слово выслать своихъ бояръ на разводъ Новгородскихъ и Московскихъ пограничныхъ владѣній. На слѣдующій годъ Новгородцы отправили своихъ бояръ на рубежъ для отвода границъ по условію въ Бѣжецкій Верхъ, на Волокъ Ламскій и на Вологду; Московскій же князь своихъ бояръ не выслалъ и отвода нигдѣ не сдѣлалъ и не учинилъ никакой исправы. Мало этого, въ слѣдующемъ 1437 году изъ Москвы пріѣхалъ въ Новгородъ отъ великаго князя боярин князь Юрій Патрикѣевичъ, проспть чернаго бора; и Новгородцы дали великому князю черный боръ съ Новоторжской волости на годъ, и написали по этому случаю грамоту, сохранившуюся до нашего времени. Изъ

Московскій князь Василій Васильевичъ вступаетъ въ договоръ съ Новгородомъ, и не исполняетъ его.

Черный боръ.

этой грамоты видно, что чернаго бора великому князю шло съ сохи по гривнѣ по новой, да писцу княжему мортка съ сохи, и сверхъ того княжимъ черноборцамъ полагалось корму съ десяти сохъ 30 хлѣбцовъ, боранъ любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бекарь солп, и коневаго корму пять коробей овса въ старую коробью, и три воза сѣна по старой пошлинѣ. А въ соху положено два коня да третья припряжь, чапъ кожевенный за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣпцы за соху, лодья за двѣ сохи, црѣнъ (соловаренная сковорода) за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взять за полсохи, а съ пріѣзжихъ купцовъ и съ одерноватыхъ холоповъ (полныхъ рабовъ), которые получаютъ мѣсячное, не брать ничего. Такимъ образомъ Новгородъ, почти въ слѣдъ за признаніемъ великаго князя Московскаго Новгородскимъ княземъ, поставилъ себя въ такія же невыгодныя и зависимыя отношенія, въ какихъ онъ былъ къ его отцу, и даже хуже, и не только не позаботился отстоять изкопныхъ правъ на свои отчинныя владѣнія Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду, на уступку которыхъ великій князь только что цѣловалъ крестъ; но и безъ сопротивленія всѣмъ вѣчемъ согласился дать князю черный боръ съ Новоторжскихъ волостей, тогда какъ въ прежнее время одно заявленіе князя о черномъ борѣ служило поводомъ къ войнѣ.

Уступая Московскому князю, Новгородцы также вяло дѣйствовали и въ отношеніи къ великому князю Литовскому. До насъ дошла договорная грамота Новгорода съ Казимиромъ, относящаяся къ 1440 году, или около этого времени. Изъ этой грамоты мы видимъ, что Литовскій князь также получилъ право не только сбирать черный боръ съ нѣкоторыхъ Новгородскихъ владѣній, очень не въ дальнемъ разстояніи отстоящихъ отъ Новгорода, каковы: Молвятичи, Кунско, Березовцы, Морева и другіе; но даже держать своихъ тіуновъ вмѣстѣ съ Новгородскими тіунами въ Великихъ Лукахъ и Ржевѣ, такъ что съ Литовской стороны Демань, Полоново и Цепа были уже пограничными Новгородскими волостями, на которыхъ прекращалось право Литовскаго князя собирать черный боръ. Слѣдовательно отношенія Новгорода къ Литвѣ, судя по этой грамотѣ, едвали не были тяжелѣе и постыднѣе, чѣмъ къ Москвѣ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій, какъ Литовскій князь успѣлъ поставить Новгородъ въ такія унизительныя отношенія; но тѣмъ не менѣе отношенія сіи, по свидѣтельству грамоты, существовали, и ясно указываютъ на то омертвеніе, въ которомъ находилось тогдашнее Новгородское правительство, и на ту безчестность, съ которою вожаки Новгородскаго вѣча продавали владѣнія и права господина Великаго Новгорода, и тѣмъ оправдываютъ замыслы великаго князя Московскаго.

Договоръ съ Литовскимъ княземъ Казимиромъ, унизительный для Новгорода.

Вѣроятно узнавши о договорѣ Новгородцовъ съ Литовскимъ великимъ княземъ и не откладывая въ

Война съ великимъ княземъ Москов-

скимъ Василіемъ Васильевичемъ.

дальній ящикъ, великій князь Василій Васильевичъ въ 1441 году объявилъ свой гнѣвъ Новгороду и прислалъ складную грамоту, а въ слѣдъ за тѣмъ самъ съ большимъ войскомъ вступилъ въ Новгородскія владѣнія, имѣя при себѣ помощныя войска изъ Пскова и Твери. Великій князь сперва остановился въ Торжкѣ, потомъ передвинулся къ Демяну, опустошивши все по дорогѣ; а между тѣмъ Псковичи, пославшіе къ нему свои войска на помощь, съ своей стороны повоевали Новгородскую землю на триста верстъ въ длину и на пятьдесятъ верстъ въ ширину, и стояли три дни подъ Порховомъ; Новгородцы же, по прежнимъ примѣрамъ, велѣли своимъ воеводамъ опустошать великокняжескія волости изъ Заволочья; но это опустошеніе далеко не равнялось тому, которое терпѣла Новгородская земля отъ великокняжеской рати. А по сему Новгородцы поспѣшили выслать къ Демяну, гдѣ стоялъ великій князь, своего архіепископа Евѳимія и съ нимъ бояръ и житьихъ людей, которые и заключили тамъ миръ на томъ условіи, чтобы Повгородъ заплатилъ великому князю 8000 рублей, и чтобы Новгородцы не мстили великокняжескимъ союзникамъ Псковичамъ и Тверитянамъ. Послѣ чего Московскія, Псковскія и Тверскія войска немедленно очистили Новгородскія владѣнія и великій князь остался княземъ Новгородскимъ на прежнихъ условіяхъ. А Новгородъ за уступчивость передъ Литовскимъ княземъ поплатился опустошеніемъ Новгородской земли и платежемъ 8000 рублей окупа Московскому князю.

Вообще Новгородъ, слабо дѣйствовавшій при великомъ князѣ Василію Дмитріевичѣ, по смерти его годъ отъ года дѣлался еще слабѣе, терялъ свою прежнюю энергію, и подобно всѣмъ падающимъ государствамъ, спѣшилъ откупаться деньгами, и тѣмъ, конечно, еще болѣе приманивалъ охотниковъ поживиться на его щетъ. Хотя по лѣтописямъ мы неимѣемъ прямыхъ извѣстій о какой либо разладицѣ Новгородцевъ между собою; по видимому тамъ будто бы не было партій и всѣ дѣйствовали за одно, по крайней мѣрѣ послѣ Клементьевскаго мятежа, бывшаго въ 1421 году, лѣтописи не упоминаютъ о какихъ либо Новгородскихъ междоусобіяхъ и партіяхъ. Но самое молчаніе о партіяхъ указываетъ, что объ нихъ и упоминать нестоило, или что всѣ занялись только своими частными прибытками и охладѣли къ общественнымъ дѣламъ, предоставляя ихъ обычному теченію по казенному, подъ руководствомъ людей или неспособныхъ или продажныхъ; а такая апатія естественно для Новгорода была убійственнѣе самой горячей борьбы партій. Къ тому же, сколько можно судить по намекамъ памятниковъ, около этого времени быстро увеличивалось измѣненіе прежнихъ отношеній между большими и меньшими людьми, между богачами и бѣдняками, мало по малу бояре перестали быть защитниками своихъ уличанъ, совершенно отдѣлились отъ черныхъ людей и составили одну сплошную массу богачей, угнетающихъ бѣдный черный народъ; и такимъ образомъ мѣстныя, прежде крѣпкія, общины очутились безъ руководителей, и сдѣлались безгласными.

Внутренніе недуги Новгородскаго общества и его постепенное разложеніе.

Новгороду, только что испытавшему всю тяжесть отношеній къ Московскому великому князю, скоро представился случай измѣнить сіи отношенія къ лучшему и пріобрѣсти больше самостоятельности и твердости; но онъ нисколько невозпользовался представившимся удобнымъ случаемъ, да и конечно мудрено было Новгородцамъ пріобрѣсти самостоятельность и твердость во внѣшнихъ сношеніяхъ, когда не было твердости и самостоятельности внутри Новгородскаго общества, когда страшный недугъ вражды между большими и меньшими разъѣдалъ его. Въ 1442 году великій князь Василій Васильевичъ объявилъ свой гнѣвъ на князя Дмитрія Юрьевича Шемяку, своего двоюроднаго брата, и началъ преслѣдовать его. Шемяка бѣжалъ въ Новгородскія владѣнія, и изъ Бѣжецкаго Верха прислалъ въ Новгородъ своего посла съ просьбою, чтобы Новгородцы приняли его на своей воли. Новгородцы на это отвѣчали: „хочешь, княже, и ты пріѣзжай къ намъ, а нехочешь, ино какъ тебѣ любо“. Впрочемъ на этотъ разъ Шемякѣ непопадобилось убѣжище въ Новгородѣ, онъ успѣлъ примириться съ великимъ княземъ; а у великаго князя Василья Васильевича собралось много трудныхъ дѣлъ и съ Литвою, и съ Татарами, и съ своими удѣльными князьями, которыя дѣла и затянулись на десять лѣтъ слишкомъ, такъ что ему вовсе было не до Новгорода. Во все то время Новгородцы были свободны отъ Московскаго вліянія, кажется даже прервали свои отношенія къ великому князю Московскому, недержали у

себя его намѣстниковъ и находились въ неутральномъ положеніи какъ къ Москвѣ, такъ и къ ея соперникамъ.

Но необезпокоиваемые со стороны Москвы Новгородцы были обезпокоиваемы съ другихъ сторонъ другими врагами. И первымъ врагомъ Новгорода въ это время оказался разладъ между самыми Новгородцами; въ 1442 году были въ Новгородѣ три большіе пожара, отъ которыхъ сильно пострадали Плотницкій конецъ и часть Славенскаго конца. Пожары сіи, сосредоточенные въ одной мѣстности, естественно навели на мысль о поджогахъ; и разоренные кончане стали хватать разныхъ подозрительныхъ людей, иныхъ жечь въ пылающихъ домахъ, а другихъ топить въ Волховѣ. Впрочемъ это дѣло тѣмъ и кончилось; въ лѣтописи нѣтъ извѣстій ни о судѣ надъ зажигателями, ни о народномъ возстаніи; но за то есть извѣстіе о такомъ недугѣ Новгородскаго общества, который прямо указываетъ на внутреннее разложеніе. Подъ 1446 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „въ то время не было въ Новгородѣ правды и праваго суда. возстали ябедники, нарядили четы и обѣты и крестное цѣлованіе на неправду, начали грабить по селамъ и волостямъ и по городу; и мы обратились въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, живущимъ окрестъ насъ, и въ нашихъ владѣніяхъ были изъѣжа великая и поборы частые, крики и рыданія и вопль отъ всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на градъ нашъ; ибо не было въ насъ милости и суда праваго“. Вопли и рыда-

нія меньшихъ на старѣйшихъ. судъ неправедный и не милостивый, частые поборы и раззореніе бѣднымъ людямъ отъ корыстолюбія большихъ людей и правителей,—вотъ что дѣлало Повгородъ посмѣшищемъ у сосѣдей, вотъ что вязало руки Новгороду во внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдями и давало волю опустошать Новгородскую землю даже такимъ врагамъ, которые уже давно перестали было и думать о нападеніяхъ на Новгородскія земли.

Набѣги Нѣмцевъ и Тверскаго князя.

Пользуясь такою-то внутреннею неурядицею, въ 1445 году, въ одно время напали на Новгородскія владѣнія въ одной стороны Ливонскіе Нѣмцы и пожгли берегъ и посадъ у города Ямы; съ другой же стороны рать великаго князя Тверскаго повоевала много земли и селъ Новгородскихъ, Бѣжецкій Верхъ. Заборовье и Новоторжскія волости. Видя это, великій князь Литовскій Казимиръ, и щитая Новгородъ беззащитнымъ и думая воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, зимою того же года прислалъ къ Новгородцамъ своихъ пословъ, которые его именемъ сказали на вѣчѣ: „возмите моихъ намѣстниковъ на Городище. я хочу васъ оборонять и для сего незаключилъ мира съ Московскимъ княземъ“. Но Ливонскіе Нѣмцы и Тверичи вовсе не были такими страшными врагами для Новгорода, чтобы изъ за нихъ искать покровительства у Литовскаго князя; внутренняя разладица Новгородскаго общества еще немогла настолько ослабить Господина Великаго Новгорода, чтобы у него недоставало силъ на борьбу съ Ливонскими Нѣмца-

ми и Тверичами. А посему Новгородское вѣче отвѣчало Казимировымъ посламъ отказомъ; и въ туже зиму Новгородцы, подъ предводительствомъ своего служилаго князя Ивана Владимировича, пустились въ Нѣмецкую землю за Нарову и поплѣнили и пожгли около Ругодива до Пурдозны и по Наровѣ до Чудскаго озера. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, на лѣто Ливонскій магистръ со всѣми своими силами подступилъ подъ городъ Яму, стоялъ подъ нимъ пять дней и билъ изъ пушекъ; но городъ Яму защищалъ храбрый князь Василій Юрьевичъ изъ Суздальскихъ князей; и магистръ, потерявъ подъ городомъ много своихъ, принужденъ былъ безуспѣшно воротиться домой; впрочемъ въ это нападеніе Нѣмцы успѣли пожечь и поплѣнить многія волости въ Водьской землѣ и по Ижерѣ и по Невѣ. Новгородцы за этотъ набѣгъ хотѣли отвѣчать Нѣмцамъ набѣгомъ же за Нарову, и послали уже напередъ бояръ, имѣвшихъ свои вотчины въ Водьской землѣ и по Ижерѣ и по Лугѣ; но конскій падежъ по Новгородскимъ волостямъ заставилъ отложить этотъ набѣгъ. За то состоялся другій набѣгъ довольно удачный, вѣроятно также вызванный какими нибудь сосѣдскими обидами, именно въ этомъ же году Заволоцкая Корѣла напала на сосѣднихъ къ Бѣлому морю, Норвежцевъ, много тамъ избила народу, опустошила страну и воротилась домой съ добычею и множествомъ плѣнниковъ.

Въ 1446 году, въ началѣ года зимою, великій князь Тверскій Борисъ Александровичъ, обнаде-

женный успѣхомъ прошлаго года, опять напалъ на сосѣднія Новгородскія владѣнія, взялъ, повоевалъ и пограбилъ пятьдесятъ Новгородскихъ волостей въ Бѣжецкомъ Верху и около Торжка и захватилъ самый Торжекъ. Потомъ повторилъ свой набѣгъ лѣтомъ того же года, раззорилъ снова Торжекъ, разогналъ остатокъ жителей, иныхъ побилъ, съ иныхъ взялъ окупъ и захватилъ тамъ Московскихъ, Новгородскихъ и Новоторжскихъ товаровъ сорокъ павозковъ и отправилъ рѣкою въ Тверь; въ Бѣжецкомъ же Верху и по Заборовью повоевалъ восемьдесятъ волостей. Новгородцы на такія опустошенія не сдѣлали Тверскому князю никакого отвѣта; они, кажется, сперва хотѣли примириться съ Ливонскими Нѣмцами и для этаго еще зимою отправляли къ нимъ на съѣздъ князя Юрья Семеновича Лугвеня (поступившаго къ нимъ на службу) вмѣстѣ съ своимъ посольствомъ; но посольство это неимѣло успѣха, магистръ Ливонскій потребовалъ, чтобы Новгородцы уступили ему городъ Островъ, и миръ не состоялся; и такимъ образомъ враги прошлаго года остались врагами Новгороду и въ нынѣшнемъ году.

Десятилѣтній голодъ.

Но что всего ужаснѣе, голодъ, начавшійся въ прошломъ году, продолжалъ усиливаться и страшная дороговизна хлѣба стояла десять лѣтъ, двѣ коробьи (четверти) стоили полтину, иногда и больше, а иногда и купить было не гдѣ, такъ что многіе люди умирали голодною смертію, падали на торгу и по улицамъ, всюду слышны были рыданія и плачь, многіе

разбѣжались по другимъ странамъ, а другіе отдавались изъ хлѣба въ рабство Бесерменамъ, Жидамъ, Нѣмцамъ и въ Литву. Впрочемъ, не смотря на всѣ нещастія и неудачи, Новгородъ былъ еще довольно силенъ и власть его въ отдаленныхъ провинціяхъ поддерживалась съ достоинствомъ; а иныя провинціи или колоніи, какъ напримѣръ богатое Заволочье, не давно еще замышлявшее измѣну, теперь твердо держалось Новгорода и съ успѣхомъ отражало враговъ. Такъ когда въ семъ же 1446 году, вѣроятно въ отмщеніе за прошлогодній набѣгъ Заволоцкой Корѣлы, Шведы и Норвежцы Бѣлымъ моремъ нечаянно ворвались въ Заволочье, на Двину и Неноксу и начали тамъ жечь и грабить; то Двиняне, быстро собравшись, ударили на нихъ, иныхъ побили, а другихъ побрали въ плѣнъ, и въ числѣ ихъ двухъ воеводъ, которыхъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками отправили въ Новгородъ, и такое произвели побоище, что только не многимъ удалось спастись на корабляхъ Заволочье въ это время не только само крѣпко держалось Новгорода, но даже старалось поддерживать Новгородскую власть и въ отдаленной Югрѣ, когда тамошніе князьки выказывали сопротивленіе Новгородскимъ данщикамъ. Такъ подъ тѣмъ же 1446 годомъ есть извѣстіе, что Новгородскіе воеводы Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ въ трехъ тысячахъ Заволоцкой рати ходили на Югру и побрали множество тамошнихъ людей и ихъ женъ и дѣтей, но по оплошности сами попали въ бѣду. Югорцы льсти-

Вѣрность и мужество Заволочанъ.

во обратились къ воеводамъ съ такими рѣчьми: „мы согласны дать вамъ дань, но хотимъ счесться и указать вамъ станы и острова и урочища“; а между тѣмъ замѣтивъ, что воеводы разошлись другъ отъ друга довольно далеко, внезапно напали на остроженъ, гдѣ сидѣлъ Василій Шенкурскій, избили тамъ боярскихъ дѣтей и другихъ удальцовъ до 80 человѣкъ; такъ что Василій едва успѣлъ убѣжать съ своимъ сыномъ Семеномъ и небольшею дружиной, а другіе разбѣжались по лѣсу. Другій же воевода Михайло Яковлевъ, бывшій въ это время на другой рѣкѣ, подошедши къ Васильеву остроженку и видя его разореннымъ и своихъ побитыхъ, принялся отыскивать остальныхъ по рѣкѣ и по лѣсу, и собравши всѣхъ и Василья Шенкурскаго съ сыномъ, привелъ въ свою землю. Заволочье въ это время было оплотомъ Новгорода съ этой стороны и пользовалось у Новгородцовъ такимъ почетомъ, что въ томъ же 1446 году ѣздилъ Новгородскій владыка Евѳимій благословить тамошнихъ посадниковъ и всѣхъ Заволочанъ, своихъ дѣтей; чего въ прежнее время недѣлалъ ни одинъ Новгородскій архіепископъ.

Мятежъ въ Новгородѣ по случаю передѣлки денегъ.

Въ слѣдующемъ 1447 году внутренняя болѣзнь Новгородскаго общества,—неправда въ судѣ и обиды, на которую жаловался лѣтописецъ, высказалась въ новомъ видѣ. Въ народѣ пало подозрѣніе на достоинство серебряныхъ денегъ, вѣроятно пущенныхъ богачами въ уменьшенномъ вѣсѣ или съ примѣсями къ серебру другихъ металловъ. всѣ ста-

ли браковать деньги, неохотно принимать ихъ другъ у друга, и въ слѣдствіе этого начались неудовольствія, шумъ, мятежъ и притѣсненія богатыми бѣдныхъ. Тогдашніе степенные посадникъ и тысяцкій, чтобы прекратить неудовольствія и воротить довѣренность къ деньгамъ, уставили пять денежниковъ и приказали имъ переливать старыя деньги, а новыя ковать въ тотъ же вѣсъ по четыре почки, и отъ переливки положили брать съ гривны по полуденьгѣ. Эта мѣра, необходимая для водворенія кредита въ торговлѣ, большими убытками и даже раззореніемъ отозвалась на бѣдныхъ людяхъ, какъ въ городѣ, такъ и по волостямъ, которые терпѣли и отъ переливки, получая новыхъ денегъ менѣе противъ отданныхъ старыхъ не полновѣсныхъ, и сверхъ того платя за переливку, или отдавая старыя деньги мѣнялямъ за безцѣнокъ. Но что всего прискорбнѣе, и новыя деньги незаслужили довѣренности, и ихъ стали браковать и непринимать также какъ и старыя, и особенно подверглись сомнѣнію крупныя деньги—рубли; богачи, получивши хорошіе подарки отъ денежниковъ, стали требовать, чтобы перелить рубли въ деньги, что конечно доставляло большіе прибытки денежникамъ и отозвалось новымъ раззореніемъ на бѣднякахъ и сильною дороговизною хлѣба. Посадникъ Сокира, чтобы прекратить какъ нибудь безпорядки денежнаго рынка. схватилъ одного литца и вѣсца серебрянаго Ѳедора Жеребца, вывелъ его на вѣче, и напоивъ сталъ допрашивать: „на кого ты лилъ рубли?“ Пьяный Ѳедоръ оговорилъ осьмнад-

цать человѣкъ; и раззорепный бѣдный народъ кинулся на оговоренныхъ, кого сбросилъ съ мосту, а у иныхъ разграбилъ домы и, чего никогда не бывало прежде. повытаскалъ ихъ имѣніе, хранившееся въ церквахъ. Мало этого, неправдивые бояре стали научать тогоже Ѳедора, чтобы онъ указалъ и еще людей, на которыхъ лилъ деньги, грозя въ противномъ случаѣ смертію. Тогда Ѳедоръ, протрезвившись и незная какъ выпутаться, сказалъ: „на всѣхъ лилъ и вѣсилъ на всю землю съ своею братьею ливцы.“ Такое показаніе страшно смутило весь городъ, а голодники, ябедники и посульники радовались и только ждали того, кого бы оговорилъ Ѳедоръ, и на оговореннаго немедленно бросались и предавали его смерти, а имѣніе дѣлили между собою, хотя бы оно хранилось въ церкви. Въ городѣ мятежъ достигъ до того, что посадникъ Сокира отъ горести разболѣлся и умеръ. Это возмущеніе съ одной стороны указываетъ на бездѣйствіе власти: весь городъ въ мятежѣ, грабятъ, бьютъ, врываются въ церкви, а власти молчатъ, въ лѣтописяхъ нѣтъ и намека на дѣятельность властей, мятежъ улегся самъ собою безъ ихъ содѣйствія, люди устали грабить и бить, и разошлись по домамъ. А съ другой стороны въ этомъ возмущеніи слышится крайнее паденіе Новгородскаго общества и разтлѣніе нравовъ съ верху до низу; посадникъ и другіе правители и вожди народа, смущенные движеніемъ раззоренной и голодной толпы, на вѣчѣ подпаиваютъ и угрозами смерти побуждаютъ приведенна-

го на судъ денежника, чтобы онъ оговорилъ того или другаго гражданина, дабы отдать его на разтерзаніе и тѣмъ удовлетворить толпу, первопачально требовавшую суда надъ виновными въ порчѣ денегъ; а голодная толпа младшихъ людей до того забыла нравственныя обязанности, что топтала ногами самыя священныя и высокоуважаемыя людьми того времени чувства, врывалась въ свои приходскія церкви и грабила ихъ, отыскивая имущество оговорсныхъ пьянымъ обвинителемъ; такъ что современный лѣтописецъ съ ужасомъ возклицаетъ: „а преже того по церквамъ неискивали!“

Князь Димитрій Шемяка.

Новгородъ въ это время явно походилъ на старый дубъ, подгнившій въ корняхъ и готовый рухнуть; но внѣшнія обстоятельства, какъ нарочно въ это самое время, ему еще благопріятствовали. Князь Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, побѣдивъ князя Василья Васильевича и занявъ Москву, отправилъ къ Новгородцамъ нарочное посольство съ извѣщеніемъ о своей побѣдѣ и съ прозьбою, чтобы Новгородцы признали его своимъ княземъ; и вѣче въ отвѣтъ на это отправило въ Москву своихъ пословъ, которые условились съ Димитріемъ, чтобы ему быть княземъ Новгородскимъ на всѣхъ старинахъ; и Димитрій на томъ цѣловалъ крестъ къ Новугороду. Въ слѣдъ за тѣмъ и Тверскій князь Борисъ Александровичъ отпустилъ Новгородскихъ пословъ, которыхъ держалъ у себя цѣлыхъ четыре мѣсяца, и тогдаже Псковичи прислали свое посольство и заключили миръ съ Новгородомъ. А

Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами.

въ слѣдующемъ 1448 году Новгородцы съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Черторыйскимъ, пріѣхавшимъ къ нимъ на службу изъ Пскова, открыли походъ на магистровъ Ливонскаго и Прусскаго и на короля Шведскаго. Походъ этотъ былъ вызванъ необходимостію и своимъ исполненіемъ доказалъ, что Новгородъ, не смотря на внутреннее разложеніе своего общества, еще былъ довольно силенъ и крѣпокъ для отраженія внѣшнихъ враговъ, что Новгородцы еще не забыли доблести предковъ, и когда хотѣли сражаться съ врагами, то сражались исправно. Ливонскій магистръ Финке давно уже былъ не въ ладахъ съ Новгородомъ и Псковомъ, взаимные набѣги то возобновлялись, то на время прекращались и Новгородцы съ Псковичами недавали Ливонскимъ Нѣмцамъ держать верхъ. А посему, чтобы вѣрнѣе повести дѣло, магистръ Финке вступилъ въ союзъ съ великимъ магистромъ Нѣмецкаго ордена въ Пруссіи; и въ 1447 году оба магистра заключили договоръ съ Шведскимъ королемъ, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на Новгородскія владѣнія; вызвали изъ Германіи охотниковъ пограбить и подраться, заняли устья Невы вооруженными судами, чтобы непропускать въ Новгородъ съѣстныхъ припасовъ, Прусскія и Ливонскія войска моремъ и сухимъ путемъ уже шли къ Новгородскимъ и Псковскимъ границамъ, а также и Шведы съ своей стороны подвигались къ городу Ямѣ. Въ отраженіе сего то страшнаго нашествія иноплеменниковъ Новгородцы открыли свой походъ

къ Наровѣ, подъ предводительствомъ князя Александра Черторійскаго, и въ тоже время другое свое войско подъ начальствомъ князя Василья Васильевича изъ Суздальскихъ князей, послали на защиту города Ямы отъ Шведовъ. Оба похода для Новгородцовъ кончились благополучно, Новгородцы не только защитили свои границы и оберегли Новгородскую землю отъ непріятельскаго опустошенія, но и нанесли значительный уронъ Нѣмцамъ и Шведамъ, многихъ изъ нихъ побили, другихъ потопили въ морѣ съ кораблями, даже захватили въ плѣнъ двухъ Нѣмецкихъ князей и пріобрѣли богатую добычу; такъ что Ливонскіе Нѣмцы и ихъ союзники принуждены были отступить, и на слѣдующій годъ назначили Новгородцамъ и Псковичамъ съѣздъ на Наровѣ, для мирныхъ переговоровъ. На этотъ съѣздъ Новгородцы и Псковичи отправили свои посольства и послѣ многихъ переговоровъ заключили съ Нѣмцами миръ, по которому Ливонскій магистръ съ своими князьями и Юрьевскій, т. е. Дерптскій, епископъ съ жителями Юрьева отказались отъ всѣхъ своихъ старинъ и возвратили все, что прежде было отнято Юрьевцами у Псковичей.

Договоръ Новгорода съ Московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

Между тѣмъ великій князь Василій Васильевичъ еще въ 1447 году успѣлъ опять завладѣть Москвою и началъ съ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою упорную войну, которая продолжалась пять лѣтъ. Шемяка, разъ пораженный, бѣжалъ въ Новгородъ, и оттуда перебравшись на Двину, опять началъ воевать, и снова потерпѣвъ пораженіе, опять

бѣжалъ въ Новгородъ. Въ этой войнѣ Новгородцы, обыкновенно нелюбившіе вмѣшиваться въ княжескія междоусобія, непринимали ни какого участія и непомогали ни той ни другой сторонѣ; они только по своему старому обычаю два раза неотказывали побѣжденному Шемякѣ искать у нихъ убѣжища. Тѣмъ неменѣе великій князь Василій Васильевичъ, занявши Москву, поспѣшилъ вступить въ сношенія съ Великимъ Новгородомъ и заключилъ съ Новгородцами договоръ, по которому они признали его своимъ княземъ по старинѣ; договорная грамота, написанная въ это время, дошла до насъ. Изъ этой грамоты видно, что Новгородцы сами отправили посольство въ Москву; и великій князь съ этимъ посольствомъ заключилъ договоръ и цѣловалъ къ Новгороду крестъ, что ему быть Новгородскимъ княземъ по старинѣ безъ обиды, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ были Новгородскими князьями его предки, князь Иванъ Калита, сынъ его Семенъ Гордый и прадѣдъ, дѣдъ и отецъ Василія; въ самой грамотѣ всѣ условія написаны старыя, безъ перемѣнъ и прибавленій, какія уже извѣстны по другимъ договорнымъ грамотамъ Новгорода съ своими князьями. Великій князь по этой грамотѣ не налагаетъ на Новгородъ ни какихъ новыхъ обязанностей, не требуетъ ни какихъ уступокъ въ пользу княжеской власти, признаетъ совершенно свободныя отношенія Новгорода къ себѣ; онъ желаетъ только, чтобы Новгородцы признали его своимъ княземъ, приняли его намѣстниковъ. Но это было только въ

грамотѣ, и можетъ быть на первый разъ, на дѣлѣ же князь почитаетъ Новгородъ уже своимъ неотъемлемымъ владѣніемъ и въ договорной грамотѣ съ великимъ княземъ Литовскимъ Казимиромъ, писанной въ 1449 году, прямо называетъ себя великимъ княземъ Московскимъ и Новгородскимъ и требуетъ, чтобы великій князь Тверскій, союзникъ Казимировъ, жилъ съ Новгородомъ въ мирѣ по старинѣ, и въ случаѣ какихъ либо обидъ, обѣщаетъ дѣлать оправу со стороны Новгородцовъ. Даже пишетъ условіе, чтобы Казимиръ не вступался ни въ Новгородъ, ни въ Псковъ, ни во всѣ тамошніе пригороды и не обижалъ ихъ, не принималъ ихъ подъ свою власть, ежели будутъ отдаваться ему, и не вступался бы за нихъ, ежели они сгрубятъ въ чемъ ему, Московскому князю, и онъ вздумаетъ ихъ поналазать. Впрочемъ, пока живъ былъ Шемяка и проживалъ въ Новгородѣ, Московскій князь съ Новгородцами поступалъ осторожно, принималъ и отпускалъ ихъ пословъ, давалъ опасныя грамоты на проѣздъ, отпустилъ безъ окупа Новгородскихъ плѣнниковъ, даже прямо не требовалъ выдачи Шемяки, когда тотъ укрывался въ Новгородѣ, напротивъ, предлагалъ отъ себя Шемякѣ самому, чтобы тотъ положился на его милосердіе и пріѣхалъ въ Москву съ повинною. Когда же Новгородцы и Шемяка вели себя гордо и съ своими посольствами присылали въ Москву не приличныя требованія; то великій князь ввелъ въ это дѣло митрополита Іону, который писалъ нѣсколько посланій къ Новгород-

скому архіепископу Евфимію, чтобы убѣдилъ Новгородцевъ отказать Шемякѣ въ убѣжищѣ, какъ человѣку отлученному отъ церкви, съ которымъ не слѣдуетъ по правиламъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ. Но ни переговоры великаго князя, ни посланія митрополита не имѣли успѣха, Шемяка продолжалъ жить въ Новгородѣ, а Новгородцы недумали отказывать ему въ убѣжищѣ; тогда великій князь, чтобы развязаться съ Шемякою и быть свободнѣе въ отношеніяхъ къ Новгороду, послалъ въ Новгородъ своего приближеннаго слугу Степана Бородатаго (въ 1453 году), который при помощи Шемякиныхъ же служителей отравилъ его ядомъ, примѣшаннымъ въ кушанье, и отравленный Шемяка послѣ двѣнадцати дневной болѣзни скончался. Новгородцы съ честію похоронили его въ Юрьевѣ монастырѣ, которому особенно благодѣтельствовалъ покойный.

Походъ Московскаго князя на Новгородъ.

Смерть князя Дмитрія Юрьевича Шемяки, такъ сказать, развязала руки великому князю Василію Васильевичу, онъ теперь могъ свободнѣе дѣйствовать противъ Новгорода; но тѣмъ не менѣе Новгородцы продолжали вести себя по прежнему, не исполняли его требованій, даже еще не выплатили всѣхъ денегъ по Деманскому договору. Между тѣмъ внутреннее состояніе Новгорода постепенно ухудшалось, вмѣсто суда и правды день ото дня росли своеволія и притѣсненія бѣдныхъ богатыми. Митрополитъ Іона, въ своихъ посланіяхъ къ Новгородскому владыкѣ Евфимію и къ Новгородцамъ, писанныхъ въ это время, пишетъ: „слышалъ я, сыно-

ве, нѣкое богопенавистное и богомерзкое злое дѣло створяется въ вашемъ православномъ христіанствѣ, не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ честныхъ отъ великихъ людей, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: за всякую большую и малую вещь зачинается гнѣвъ и отъ того ярость, и свары, и прекословія, и многонародное сбираніе съ обѣихъ сторонъ; мало этого, напимаютъ на то злое и богоненавистное дѣло сбродней пьяничныхъ и кровопролитныхъ человѣковъ, и бои замышляютъ и кровопролитія и души христіанскія губятъ". Наконецъ великій князь Василій Васильевичъ, поуправившись съ другими дѣлами, зимою 1456 года открылъ походъ на Новгородъ; онъ сперва пришелъ на Волокъ, куда къ нему сошлись братья и другіе князья и воеводы съ своими полками. Прослышавши объ этомъ, Новгородцы отправили къ нему посадника Василія Степанова съ челобитьемъ, чтобы отложилъ свой гнѣвъ; но великій князь не принялъ этого посланника, вступилъ съ своими войсками въ землю Новгородскую, и самъ остановился въ Яжелбицахъ, а своихъ воеводъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Ѳедора Басенка отправилъ къ Русѣ; Новгородцы также выслали свою рать къ Русѣ; но были разбиты и потеряли много своихъ убитыми и плѣнными. Это пораженіе навело ужасъ на Новгородъ; слабое и непользующееся довѣріемъ правительство незнало что дѣлать, немедленно собралось вѣче, на которомъ били челомъ владыкѣ Евфимію, чтобы шелъ умолять великаго князя. Владыка Евфимій съ большимъ Нов-

городскимъ посольствомъ отправился въ великокняжескій станъ въ Яжелбицы и многими просьбами убѣдилъ великаго князя заключить миръ, по которому Новгородцы обязались заплатить 8500 рублей Новгородскихъ. До нашего времени дошли двѣ договорныя грамоты этого мирнаго докончанія, заключенныя Новгородскимъ посольствомъ въ Яжелбицахъ. Первая изъ сихъ грамотъ, основная, опредѣляла общія отношенія князя къ Новгороду; она написана совершенно по старымъ формамъ, какъ обыкновенно писались договорныя грамоты Новгорода съ своими князьями: великій князь Василій Васильевичъ и сынъ его соправитель Иванъ Васильевичъ обязывались цѣловать крестъ къ Новгороду на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ въ свое время цѣловали крестъ всѣ ихъ предки, начиная въ великаго князя Андрея Александровича. Но основныя условія первой грамоты существенно измѣнялись условіями второй, или дополнительной, грамоты, которая ставила Новгородцевъ въ новыя, небывалыя, отношенія къ великому князю. И во 1-хъ важное измѣненіе касалось относительно суда, — этой главной обязанности Новгородскаго князя; по прежнему порядку князь или его намѣстникъ участвовали только въ одномъ посадничьемъ судѣ, по настоящей же грамотѣ кромѣ посадничья суда былъ учрежденъ еще другій судъ съ участіемъ княжей стороны, въ этотъ судъ отъ князя и отъ Новгорода назначалось по боярину, и ежели сіи бояре судьи не согласятся въ рѣшеніи дѣла, то его рѣшалъ князь съ посадникомъ;

Яжелбицкій миръ и договорныя грамоты съ Московскимъ княземъ.

къ этому суду относились только тѣ дѣла, въ которыхъ одинъ изъ тяжущихся былъ княжій человѣкъ, а другой Новгородецъ. Во 2-хъ, отмѣнена въ судныхъ дѣлахъ печать великаго Новгорода, и ее мѣсто заступила печать великаго князя. Въ 3-хъ, отъ опредѣленнаго суда великокняжескихъ намѣстниковъ или самого великаго князя никто не долженъ отговариваться другими дѣлами, исключая двухъ случаевъ,—когда нужно сбираться на войну или укрѣплять городъ. Въ 4-хъ, вѣчевымъ грамотамъ не быть, т. е. мимо суда княжескаго не быть суду и рѣшенію суда вѣчемъ, или на судъ князя нельзя приносить жалобъ вѣчу. Въ 5-хъ, когда придется великимъ князьямъ черный боръ по Новгородскимъ волостямъ, то Новгородцамъ дать черный боръ по старинѣ; этимъ условіемъ навсегда отстранялись всѣ споры Новгорода о черномъ борѣ, такъ много ссорившіе Новгородъ съ князьями. Въ 6-хъ, Новгородъ сею грамотою навсегда отказался отъ стариннаго и самаго важнаго права—давать убѣжище побѣжденнымъ и изгнанникамъ, названнымъ лиходѣями великаго князя. Въ грамотѣ сказано: „Великому Новгороду князя Ивана Андреевича Можайскаго и его дѣтей, и князя Ивана Дмитріевича Шемякина и его дѣтей, и его матери княгини Софьи и ея дѣтей и зятьи не принимати. А послѣ сего докончанія изъ Московской земли кто пріѣдетъ лиходѣй великихъ князей въ Великій Новгородъ и Новгороду ихъ не пріимати; или кто лиходѣй великихъ князей побѣжитъ изъ Русской земли въ Литву или въ Нѣмцы,

а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжитъ къ Великому Новгороду, и Новгороду тѣхъ лиходѣевъ не принимать". За всѣ сіи уступки со стороны Новгорода, великій князь возвратилъ Новгороду Торжекъ со всѣми волостями и тѣ волости, которыя онъ занялъ въ Заволочьѣ, и снялъ съ тамошнихъ жителей крестное цѣлованіе къ себѣ, и наконецъ отпускалъ безъ выкупа всѣхъ старыхъ и новыхъ Новгородскихъ плѣнниковъ, разумѣется съ тѣмъ, чтобы Новгородцы отпустили безъ выкупа всѣхъ Московскихъ плѣнниковъ.

Новыя небывалыя отношенія Новгорода къ Московскому князю.

Ярелбицкимъ миромъ, повидимому, были разрѣшены окончательно всѣ недоумѣнія и, судя по первой грамотѣ, были возстановлены всѣ старыя добрыя отношенія между великимъ княземъ и Новгородомъ. Но уже изъ первой же грамоты видно, что отношенія сіи были далеко не старыя добрыя отношенія, которыя такъ хотѣлось удержать Новгородцамъ; ибо Новгородъ цѣловалъ крестъ великому князю и старшему его сыну соправителю, и такимъ образомъ терялъ право выбора князей въ случаѣ смерти Василія: слѣдовательно поступалъ въ разрядъ наслѣдственныхъ владѣній Московскаго княжескаго дома: и по сему отступленіе отъ Московскихъ князей уже должно было щитаться измѣною, нарушеніемъ договора. А по второй грамотѣ перемѣна отношеній была еще значительнѣе и вовсе не въ пользу Новгорода. Новгородъ, конечно, и по этой грамотѣ еще удерживалъ свою самостоятельность и самоуправленіе, его старое устройство еще остава-

лось большею частію неприкосновеннымъ, даже границы Новгородскихъ владѣній отъ Московской стороны получили твердое опредѣленіе и возстановлены во всей прежней полнотѣ. По обѣимъ договорнымъ грамотамъ князь даже не получилъ права требовать Новгородскихъ помощныхъ войскъ въ случаѣ какой либо войны съ своими непріятелями; по уже по первой грамотѣ Новгородъ обязался держать великое княженіе честно и грозно; а по второй грамотѣ, какъ мы уже видѣли, онъ лишался права давать у себя убѣжище людямъ преслѣдуемымъ отъ великаго князя. Мало этого, Новгородцы даже въ сношеніяхъ съ сосѣдями, послѣ Яжелбицкаго мира, должны были спрашиваться у великаго князя Московскаго; такъ напримѣръ, когда въ 1461 году Нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ для заключенія перемирія, то, какъ сказано въ лѣтописи, Новгородъ и Псковъ отправили въ Москву къ великому князю своихъ гонцовъ съ извѣстіемъ о предложеніяхъ, предъявленныхъ Нѣмецкимъ посольствомъ, и съ просьбою у князя,—благоволитъ ли онъ согласиться на предложенія; и Новгородцы тогда только приступили къ заключенію пятилѣтняго перемирія, когда получили на это дозволеніе отъ великаго князя. Конечно такія стѣснительныя, необычныя отношенія не могли быть желательны Новгороду, и Новгородцы естественно ими тяготились; но послѣднія договорныя грамоты поставили ихъ въ такое безвыходное положеніе, что всякое движеніе, несогласное съ сими грамотами, дѣлало ихъ нарушите-

лями договора и слѣдовательно виноватыми, а всякое притязаніе Московскаго князя, ежели не справедливымъ, то извинительнымъ; такъ что единственнымъ выходомъ изъ такого невыходнаго положенія было только прямое возстаніе и слѣдовательно новая война съ великимъ княземъ. Но положеніе, въ которомъ тогда находился Новгородъ, какъ мы видѣли выше изъ посланій митрополита Іоны, было вовсе неудобно ни для прямаго возстанія, ни для войны; Новгородъ для успѣха въ томъ и другомъ прежде долженъ былъ возстать самъ на себя, отыскать силы для перестройки собственнаго общества, вычистить ту гниль и тлю, которая его разъѣдала; а до этого Новгородцы и недумали добраться, да едвали и могли что нибудь сдѣлать.

Мирный пріѣздъ Московскаго князя въ Повгородъ.

Неудовлетворительный для Новгородцевъ Яжелбицкій миръ далеко не вполнѣ удовлетворялъ и великаго князя Московскаго. Московскій князь желалъ бы окончательно покорить Новгородъ своей власти; а Яжелбицкій миръ былъ только ступенью къ этому покоренію, да и ступенью не послѣднею; еще много дѣла было впереди, чтобы окончательно управиться съ Новгородомъ. Впрочемъ въ Москвѣ, кажется, думали покончить это дѣло мирнымъ путемъ, безъ новой войны, можетъ быть по увѣреніямъ той Новгородской партіи, которая держалась Московской стороны. Какъ бы то ни было, а кажется для этого мирнаго окончанія въ 1460 году великій князь Василій Васильевичъ прибылъ въ Новгородъ мирно и остановился на обычномъ въ Нов-

городѣ княжескомъ мѣстѣ—на Городищѣ, съ нимъ прибыли два его сына Юрій и Андрей и лучшіе довѣреннѣйшіе слуги, и въ числѣ ихъ знаменитый воевода Ѳедоръ Васильевичъ Басенокъ, тотъ самый, который въ прошедшую войну разбилъ Новгородскую рать подъ Русою. Какія намѣренія имѣлъ великій князь при этомъ посѣщеніи Новгорода и насколько успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, по лѣтописямъ неизвѣстно. Но въ одной лѣтописи сказано, что великій князь Василій Васильевичъ приходилъ поклониться св. Софіи, и что Новгородцы во время его шестинедѣльнаго пребыванія у нихъ жили на сторожѣ; слѣдовательно до нихъ дошли слухи о какихъ либо недобрыхъ замыслахъ великаго князя, а можетъ быть онъ чѣмъ нибудь и заявилъ свои недобрыя притязанія, и не привелъ ихъ въ исполненіе потому только, что Новгородцы держали себя осторожно и въ случаѣ надобности у нихъ было на готовѣ оружіе. А въ двухъ лѣтописяхъ есть даже извѣстіе, что Новгородцы созвали вѣче у св. Софіи, на которомъ была сильная партія, требовавшая нечаянно напасть на великаго князя и убить его съ сыновьями, бывшими при немъ, и со всѣмъ дворомъ; но что тогдашній Новгородскій владыка Іона благоразумно остановилъ это беззаконное и безумное предпріятіе; онъ сказалъ: „безумные, убивши великаго князя и его сыновей, вы только большее зло навлекете на Новгородъ; ибо старшій сынъ великаго князя, находящійся въ Москвѣ, подниметъ на васъ свои и Татарскія рати“. Но какъ бы то ни

было, великій князь наружно былъ принятъ Новгородцами съ большими почестями и его шестинедѣльное пребываніе въ Новгородѣ прошло спокойно и мирно; онъ принималъ у себя на Городищѣ посольство отъ Пскова и посылалъ изъ Новгорода къ Псковичамъ своего сына Юрія, гдѣ тотъ тоже былъ принятъ съ большими почестями. По возвращеніи въ Москву великій князь также ничего не предпринималъ противъ Новгорода, или по крайней мѣрѣ мы объ этомъ неимѣемъ никакихъ извѣстій, а въ 1462 году онъ скончался въ Москвѣ.

РАЗСКАЗЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Паденіе Великаго Новгорода.

Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ держитъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ по Яжелбицкому миру, и заботится о Новгородскихъ интересахъ.

Преемникъ великаго князя Василья Васильевича, его сынъ Иванъ Васильевичъ, первые восемь лѣтъ своего княженія жилъ мирно съ Великимъ Новгородомъ, держалъ своихъ намѣстниковъ на Городищѣ по старинѣ и вообще старался не нарушать Яжелбицкаго договора своего отца. По смерти Василія о признаніи Ивана Васильевича княземъ Новгородскимъ не было и вопроса; этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ Яжелбицкимъ договоромъ, по которому Новгородцы одинаково цѣловали крестъ какъ Василію, такъ и его сыну. Великій князь Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на Новгородъ уже какъ на свою отчину, и даже защищалъ Новгородскіе интересы и старался примирить Новгородцовъ съ Псковичами.

Когда Псковичи въ 1464 году просили Московскаго князя, чтобы онъ приказалъ митрополиту Ѳеодосію поставить во Псковъ особаго епископа, отдѣльнаго отъ Новгорода; то князь, заботясь объ интересахъ Новгорода и тамошняго владыки, отвѣчалъ прямымъ отказомъ, что того не повелось, что не столъ во Псковѣ. А когда Псковичи, не довольные такимъ отказомъ, отняли у Новгородскаго владыки земли и воды, изстари уступленныя владычней каѳедрѣ, и въ слѣдствіе этаго у Новгорода произошло розмирье со Псковомъ, и Новгородцы заключили союзъ съ Нѣмцами, чтобы за одно стоять на Псковичей; то великій князь въ этомъ дѣлѣ ни сколько не стѣснялъ Новгородцовъ и не поддерживалъ противъ нихъ Псковичей, такъ что Псковичи принуждены были возвратить отнятое, примириться съ Новгородомъ и дозволить Новгородскому владыкѣ по прежнему держать во Псковѣ своего намѣстника и пріѣзжать для сбора владычныхъ даней. Потомъ когда въ 1469 году Псковичи придумали было со всѣмъ отложиться отъ Новгородскаго владыки и выбрали своихъ церковныхъ управителей, двухъ священниковъ; то великій князь отправилъ во Псковъ своего посла, боярина Селивана съ приказаніемъ, чтобы Псковичи въ церковныхъ дѣлахъ по прежнему подчинились Новгородскому владыкѣ, что и было исполнено Псковичами по настоянію великаго князя.

Между тѣмъ въ Новгородѣ все это время чинились большія нестроенія и безпорядки; по свидѣтельству посланій митрополита Ѳеодосія, дѣлами вѣча

Внутреннія нестроенія въ Новгородѣ, буйная

молодежъ и женщины заправляютъ дѣлами. Марѳа Борецкая.

стала заправлять буйная и своевольная молодежъ, которая кричала и шумѣла, заносилась разными мечтами, попирала ногами всѣ преданія старины и ни въ чемъ не слушала и неуважала старѣйшихъ; вмѣстѣ съ молодежью за общественныя дѣла принялись женщины интриганки, владѣвшія богатыми имѣніями, онѣ, подстрекая молодежъ и водя за носъ стариковъ, захватили нравственно всю власть въ свои руки, раздавали должности, судили и рядили за веселыми пирами, или на едипѣ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ. Особенно всѣмъ разпоряжалась и выдавалась вездѣ напередъ богатая вдова Марѳа, жена покойнаго посадника Исака Борецкаго, съ своими сыновьями; у ней былъ самый лучшій домъ въ Новгородѣ, который былъ постоянно открытъ для всѣхъ людей съ вѣсомъ, и здѣсь рѣшались всѣ общественныя дѣла, и на вѣчѣ кричали и разпоряжались по приказамъ, выходившимъ изъ дома Борецкой. Сюда спѣшили и тѣ, которые думали искать защиты и покровительства въ продажныхъ Новгородскихъ судахъ; но такихъ у Марѳы принимали съ строгимъ разборомъ и допускали къ хозяйкѣ не многихъ, а другихъ и сама хозяйка приказывала отгонять отъ воротъ; такъ это случилось съ преподобнымъ Зосимою, отценачальникомъ Соловецкаго монастыря, который, отыскивая управы въ обидахъ своего монастыря, перебывавши у разныхъ Новгородскихъ властей, отправился наконецъ и къ Марѳѣ, молить ея о заступленіи отъ насильниковъ, приходящихъ на Соловки; но Марѳа, услы-

шавши о его приходѣ, приказала своимъ слугамъ отогнать его отъ дома.

Не уваженіе къ справедливымъ требованіямъ Московскаго государя.

Разчитывая на молодость великаго князя Ивана Васильевича, которому при вступленіи на престолъ было только 22 года отъ рожденія, и на его видимо миролюбивый и уступчивый характеръ, Новгородское слабое правительство, руководимое женщинами и молодежью, мало оказывало уваженія къ разнымъ справедливымъ требованіямъ Московскаго государя. Молодежъ мечтала, что теперь настало удобное время воротить и даже умножить права и вольности Господина Великаго Новгорода, что на Москву можно и не смотрѣть и не исполнять приказаній и требованій, присылаемыхъ отъ тамошняго государя, что Москва не посмѣетъ поднять оружія на Великій Новгородъ; и мечтанія буйной молодежи и женщинъ почти восемь лѣтъ оправдывались. Новгородцы во многихъ статьяхъ не исполняли Яжелбицкаго договора, не платили велико-княжескихъ пошлинъ, удерживали за собою земли, по договору уступленныя великому князю, и приводили тамошнихъ жителей къ присягѣ на имя Новгорода, даже по сосѣдству изъ Заволочья тамошніе бояре своевольно нападали на велико-княжескія владѣнія и захватили тамъ нѣсколько волостей; великій князь и его бояре жаловались на такія не правды, искали суда у Новгородскихъ судей и не находили, судьи или оттягивали дѣло или явно покровительствовали богатымъ грабителямъ. Мало этаго, буйная молодежъ стала толпами приходить на Городище прямо съ

вѣча на велико-княжескихъ намѣстниковъ и дворецкаго, и даже разъ обезчестили велико-княжескаго посла, ограбили и взяли подъ стражу великокняжескихъ людей. А великій князь противъ всего этаго ограничивался только одними посольствами и протестами, ожидая, что Новгородцы исправятся и удовлетворятъ его законнымъ требованіямъ; между тѣмъ бывшій въ Москвѣ Новгородскій посолъ, посадникъ Василій Ананьинъ велъ себя высокомѣрно, и когда бояре велико-княжескіе по государеву приказу спрашивали его,— по чему же Новгородъ не исполнятъ государевыхъ требованій и не проситъ извиненія въ своихъ неправдахъ; то онъ не только не выказалъ ни какой покорности, но еще съ гордостію отвѣчалъ: „о томъ Великій Новгородъ со мною не приказывалъ“. Огорченный такимъ грубымъ отвѣтомъ, великій князь впрочемъ не показалъ и вида какаго либо раздраженія, и только отпуская Василья Ананьина, наказалъ ему, чтобы передалъ вѣчу слѣдующія слова: „исправьтеся моя отчина, сознайтеся, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое великаго князя держите честно и грозно, а ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанью, а я васъ жаловать хочу и въ старинѣ держу“. Но тѣмъ не менѣе терпѣнію и снисхожденію великаго князя насталъ конецъ; отпустивши Новгородскаго посла, онъ въ слѣдъ за нимъ отправилъ своего боярина во Псковъ, который именемъ князя долженъ былъ сказать тамошнему вѣчу: „отчина моя Великій Новгородъ не правитъ, а учнетъ

мнѣ бить челомъ и исправится, и я жаловать хочу; а не учнетъ мнѣ править, и вы бы на нихъ были со мною".

Волненія въ Новгородѣ по смерти архіепископа Іоны.

Когда такимъ образомъ дѣло день отъ дня запутывалось, еще къ большей запутанности въ 1470 году скончался, любимый въ Новгородѣ и въ Москвѣ, Новгородскій владыка Іона. На его мѣсто по старому обычаю выбрали жеребьемъ священноинока Ѳеофила, и новому избраннику должно было ѣхать къ митрополиту въ Москву на постановленіе. Находясь въ несогласіи съ Московскимъ княземъ и получивъ отъ него наказъ, переданный Васильемъ Апаньинымъ, вѣче не рѣшилось отпустить Ѳеофила прямо въ Москву, а напередъ отправило своего посла просить у великаго князя и у митрополита опасной грамоты. Великій князь, уже готовый въ походъ на Новгородъ, приостановился по совѣту своей матери и митрополита, когда пріѣхалъ Новгородскій посолъ, и далъ опасную грамоту на проѣздъ взадъ и впередъ какъ Ѳеофилу, такъ и всѣмъ Новгородскимъ боярамъ, которые будутъ сопровождать его въ Москву, и такую же грамоту далъ митрополитъ, въ которой отъ своего и княжаго имени писалъ: „пріѣхать нареченному на владычество священноиноку Ѳеофилу добровольно по старой пошлинѣ, да и кто съ нимъ пріѣдетъ посадниковъ, или тысяцкихъ, или бояръ, или кто съ нимъ ни будетъ, и отъѣхати добровольно, по божію изволенію имъ путь чистъ безо всякаго слова и безо всякаго опаса и безъ перевода". Но пока Новгородскій посолъ ѣздилъ за опа-

сною грамотою въ Москву и обратно, дѣла въ Новгородѣ сильно измѣнились. Партія Марѳы Борецкой и молодежи съ одной стороны досадовала на то, что ей не удалось на епископскихъ выборахъ провести своего сторонника, казначея софійской казны ипока Пимена, который давалъ Софійскія деньги Марѳѣ для подкуповъ, а съ другой стороны опасалась, что противники ихъ, сторонники Московскаго князя, окончательно примирятъ съ нимъ Новгородъ, и тогда Борецкая и молодежъ потеряютъ всякое значеніе въ управленіи и даже подвергнутся не минуемой опаспости. А по сему, пользуясь тѣмъ временемъ пока посолъ ѣздилъ въ Москву, эта партія постаралась разпалить въ народѣ ненависть противъ Москвы и для этаго не скупилась ни на подкупы, ни на клеветы противъ великаго князя Московскаго; она разглашала, что стыдно Новгородцамъ, вольнымъ людямъ, называться отчиною великаго князя, что Московскій князь чинитъ Новгороду многія обиды и не правды и что союзъ съ Москвою грозитъ Новгороду гибелью и рабствомъ. Когда такимъ образомъ народъ былъ подготовленъ къ разрыву съ Московскимъ княземъ, вдругъ пріѣхалъ посолъ изъ Пскова, съ извѣстіемъ, что великій князь подымаетъ Псковъ на Новгородъ и что Псковичи предлагаютъ Новгородскому вѣчу посредничество и ходатайство у великаго князя. Появленіемъ Псковскаго посольства партія Борецкой и буйной молодежи воспользовалась, какъ нельзя лучше, она прямо начала говорить народу: „слушайте

и вѣрьте добрые люди Московскому князю, онъ говоритъ съ Новгородомъ ласково, а самъ въ тоже время готовится къ войнѣ и поднимаетъ на насъ Псковичей". Такія рѣчи партіи Борецкой имѣли свое дѣйствіе въ народѣ, и къ тому времени, какъ пріѣхалъ изъ Москвы Новгородскій посолъ съ опасными грамотами, произвели въ Новгородѣ страшное волненіе.

Партія Борецкихъ и молодежи требуетъ союза съ Польскимъ королемъ Казимиромъ.

Когда Новгородскій посолъ, пріѣхавшій изъ Москвы, явился на вѣчѣ, то вѣче раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи. Партія молодежи, успѣвшая уже взволновать народъ клеветами и подкупами, прямо закричала на вѣчѣ: „не хотимъ за великаго князя Московскаго, не хотимъ называться его отчиною, мы люди вольные; не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы, хотимъ за короля Казимира! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту нареченному владыкѣ, а самъ хочетъ на насъ идти и поднимаетъ Псковичей. А владыку намъ поставитъ митрополитъ Кіевскій". Партія умѣренныхъ, состоящая изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ и другихъ пожилыхъ и степенныхъ мужей, на крики горячей молодежи отвѣчала: „братія! нельзя тому быть такъ, какъ вы говорите, задаться за короля и поставить своего епископа отъ королевскаго митрополита Латынянина; мы изначала отчина великихъ князей, за Латиною никогда не бывали, и архіепископа отъ нихъ не ставливали, какъ вы нынѣ хотите поставить своего владыку отъ Григорія, называющагося митрополитомъ Руси, а въ сущности Латынянина, ученика Исидорова". Но таковыя увѣщанія людей сте-

пенныхъ и опытныхъ ни сколько не дѣйствовали на буйную ненаказанную молодежъ, давно поправшую отеческія преданія; не имѣя что отвѣчать людямъ умѣреннымъ, она вмѣстѣ съ безсмысленною и пьяною толпою наемниковъ только кричала: „за короля хотимъ“. А когда и Московская партія умѣренныхъ въ свою очередь стала кричать: „къ Москвѣ хотимъ, къ великому князю и къ отцу его митрополиту Филиппу въ православіе“; то богатая молодежъ выпустила самыхъ отчаянныхъ буяновъ, оборванцовъ и пьяницъ, собранныхъ изъ кабаковъ и подкупленныхъ виномъ и деньгами. Эти новые пособники Борецкой партіи съ сиплымъ ревомъ, — „за короля хотимъ“, пустили тучу камней, разогнали умѣренныхъ людей и почали звонить вездѣ въ колокола. Сіи безпорядки и драки продолжались нѣсколько дней и кончились тѣмъ, что партія Борецкихъ восторжествовала; сторонники же Москвы были разогнаны и не смѣли показываться.

Договоръ о подданствѣ Новгорода Казимиру.

Управившись съ своими противниками, партія Борецкихъ, собравши новое вѣче изъ своихъ, постановила нареченнаго владыку Ѳеофила послать на поставленіе въ Кіевъ, къ тамошнему митрополиту Григорію, и принять въ Новгородскіе князья Казимира короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, а для защиты Заволочья, которымъ особенно дорожили пріятели Борецкой, имѣвшіе тамъ богатыя владѣнія, послать съ Новгородскимъ войскомъ служилаго князя Василія Горбатаго изъ Суздальскихъ князей. По этому рѣшенію вѣча начали сна-

ряжать рать въ Заволочье и въ то же время отправили большое посольство къ королю Казимиру для заключенія договора. Посольство это впрочемъ не имѣло представителей отъ черныхъ людей, его составляли только два старыхъ посадника Аѳанасій Астафьевичъ и Дмитрій Исаковичъ Борецкій, одинъ посадничій сынъ и пять человѣхъ житьихъ людей. Послапники сіи, какъ значится въ дошедшей до насъ договорной грамотѣ, заключили съ королемъ Казимиромъ договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: „держать королю Казимиру въ Новгородѣ на Городищѣ своего намѣстника изъ православныхъ, а не изъ Латинянъ, а намѣстнику безъ посадника Новгородскаго суда не судить, а Новгороду у намѣстника суда не отнимать, опричь ратной вѣсти и городоставленія. А дворецкому твоему жить на Городищѣ на дворѣ, а пошлины продавать съ посадникомъ Новгородскимъ по старинѣ съ Петрова дни. А тіуну судить въ одрипѣ съ Новгородскими приставами. А намѣстнику и дворецкому и тіуну быть на Городищѣ въ пятидесять человѣкъ. А намѣстнику судить съ посадникомъ на владычнемъ дворѣ на пошломъ мѣстѣ. А во владычень судъ и въ тысяцкаго и въ монастырскіе суды королю Казимиру не вступаться по старинѣ. А пойдетъ великій князь Московскій на Великій Новгородъ; ино королю Казимиру всѣсть на конь и оборонять Новгородъ. А вѣры Греческой православной у Новгорода не отнимать, а гдѣ будетъ Новгороду любо въ своемъ православномъ христіанствѣ, тамъ Нов-

городцы и поставятъ владыку по своей воли. А Римскихъ церквей въ Великомъ Новгородѣ и по пригородамъ и по всей землѣ Новгородской королю Казимиру не ставить. А умиришь, господине честный король, Великій Новгородъ съ великимъ княземъ; ино тебѣ взять черный боръ по Новгородскимъ волостямъ по старинѣ одиново, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы черный боръ ненадобѣ. А вывода изъ Новгородской отчины нечинить и челяди не закупать и даромъ не принимать. А черные куны брать по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ на Молвятицахъ, на Купскѣ, на Стержи, съ Моревы, па Лопастицахъ и на другихъ мѣстахъ ближайшихъ къ Литовскому рубежу". Вообще Новгородцы по настоящей грамотѣ въ отношеніи къ уступкѣ даней Казимиру были очень щедры. На этихъ условіяхъ, какъ написано въ грамотѣ, Новгородское посольство за весь Великій Новгородъ цѣловало крестъ къ королю Казимиру, и требовало, чтобы также и король цѣловалъ крестъ къ Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду Литовскую; но цѣловалъ ли Казимиръ на этой грамотѣ крестъ къ Великому Новгороду изъ грамоты не видно, и что сдѣлалъ для Новгорода Казимиръ по этому договору, мы также не имѣемъ извѣстій. Знаемъ только, что въ 1470 году жилъ въ Новгородѣ съ довольно значительною дружиною Литовскій князь Михаилъ Александровичъ (Олельковичъ): но онъ жилъ не какъ намѣстникъ Казимировъ, а какъ служилый Новгородскій князь,

получавшій кормленье, и пріѣхалъ въ Новгородъ прежде договора съ Казимиромъ и уѣхалъ въ Кіевъ, проживши въ Новгородѣ только четыре мѣсяца и восемь дней. И лѣтопись говоритъ, что Новгороду отъ этаго князя Литовскаго было очень истомно многими кормами и дарами, да опъ же отъѣзжая въ Кіевъ по дорогѣ пограбилъ всѣ оброки въ Русѣ, и отъ Русы до Литовской границы шелъ какъ непріятель, воевалъ волости лежащія по пути. забиралъ имѣнія и людей, которыхъ тащилъ за собою какъ плѣнниковъ до рубежа.

Посольства Московскаго князя и митрополита, чтобы Новгородцы не вступали въ подданство Казимиру.

Получивши вѣсти о сношеніяхъ Новгородцовъ съ Казимиромъ Польскимъ, великій князь Иванъ Васильевичъ думалъ еще уладить дѣло мирно, отправилъ въ Новгородъ своего посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами, чтобы отчина его Новгородцы отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ Латинству не приставали, и ему бы, великому князю, били челомъ и исправились, а онъ, великій государь, ихъ жалуетъ и въ старинѣ держитъ". Митрополитъ Московскій и всея Руси Филиппъ съ своей стороны отправилъ въ Новгородъ два посланія, въ которыхъ убѣждалъ всѣхъ Новгородцовъ не отступать отъ великаго князя православнаго, не передаваться королю Польскому Казимиру, исповѣдающему Латинскую вѣру, и не измѣнять вѣрѣ предковъ своихъ, и между прочимъ писалъ такъ: „слышу нынѣ въ дѣтехъ вашихъ въ Новгородцахъ, да и въ многихъ у васъ въ молодыхъ людяхъ, которые еще не навыкли

доброй старинѣ, какъ стоять и поборать по благочестіи, а иные изъ нихъ, не познавъ добраго наказанія отцовъ своихъ, благочестивыхъ родителей, по смерти ихъ остались не наученными, какъ жить въ благочестіи. И нынѣ тѣ не смысленные и ненаказанные устраиваютъ сборища и сонмы, на которыхъ поощряютъ другъ друга къ разнымъ замысламъ на великое земли нестроеніе и не тишину, замышляя ввести великій мятежъ и разколъ въ святый Божіей церкви, да оставя православіе и великую старину приступить къ Латинянамъ. А вы, сыпове православные, старые посадники Новдородскіе, и тысяцкіе, и бояре, и купцы, и весь Великій Новгородъ, живучи въ православіи, сами того поберегите, да старые молодыхъ понакажите, а лихихъ въсчюните отъ злаго начинанія, чтобы не было у васъ Латиняномъ похвалы на вѣру православныхъ людей, а имъ не потакайте". Но ни посольство, ни посланія неимѣли ни какого успѣха, молодежъ ненаказанная и давно уже поправшая всѣ священныя преданія предковъ, взявши засилье, ни кого и ничего не слушала, а на старѣйшихъ и благоразумныхъ людей и глядѣть не хотѣла. Партія Борецкихъ, всѣмъ заправлявшая, не только не дала отвѣта ни на посольство, ни на посланія; но въ какомъ то ослѣпленіи и несбыточной надеждѣ на Казимира Польскаго повела дѣло съ такимъ высокомѣріемъ и самонадѣянностію, что окончательно вооружила Псковичей на Новгородъ, она прислала во Псковъ подвойскаго не съ поклономъ и просьбою какъ къ своему бра-

ту, а съ гордымъ наказомъ какъ къ пригороду, въ такихъ словахъ: „обѣщаетесь ли пособить намъ противъ великаго князя“. Псковичи, какъ и слѣдовало ожидать, на такой гордый вызовъ отвѣчали посылкою въ Новгородъ разметной грамоты, и начали готовиться къ войнѣ.

Походъ Московскаго князя на Новгородъ.

Между тѣмъ великій князь Иванъ Васильевичъ, получивши донесенія о безъуспѣшности своего посольства и митрополичьихъ грамотъ, собралъ большую рать и разослалъ грамоты къ своимъ удѣльнымъ князьямъ, въ которыхъ писалъ, чтобы всѣ спѣшили соединиться съ нимъ и идти на Новгородъ, отступившій отъ православія и передавшійся Литвѣ, и въ тоже время отправилъ свое посольство во Псковъ, чтобы и Псковичи шли также на Новгородскія владѣнія. Походъ своихъ и сюзныхъ ратей великій князь разпредѣлилъ такъ, чтобы они по возможности одновременно напали на Новгородскія владѣнія съ разныхъ сторонъ. Прежде всего 31 мая онъ приказалъ своимъ воеводамъ Борису Тютчеву Слѣпцу и Василью Ѳедоровичу Образцу съ своею ратью и съ Вятчанами и Устюжанами идти въ дальный походъ въ Заволочье и на Двину; потомъ 6-го іюня другихъ своихъ воеводъ князя Данилу Дмитріевича Холмскаго и Ѳедора Давыдовича послалъ съ передовымъ полкомъ къ Русѣ, а 13-го іюня отпустилъ своего воеводу князя Василья Ивановича Оболенскаго Стригу съ своими войсками и съ Татарскими на Волочекъ и на рѣку Мсту; и затѣмъ 24 іюня самъ съ своею ратью

прибылъ на Волокъ, гдѣ къ нему сошлись съ своими полками и братья. Наконецъ на Петровъ день великій князь съ своими братьями пришелъ въ Торжекъ, и оттуда послалъ къ Псковичамъ, чтобы не медленно шли къ Новгороду, а свою рать и полки братьевъ отпустилъ по разнымъ дорогамъ опустошать и жечь Новгородскія владѣнія. Между тѣмъ князь Данило Дмитріевичъ Холмскій и Ѳедоръ Давыдовичъ быстрымъ походомъ подошли къ Русѣ прежде, нежели Новгородцы приготовились ихъ встрѣтить, и взявши, пограбивши и пожегши этотъ богатый городъ, двинулись къ рѣкѣ Шелони. Новгородцы, вовсе неждавшіе нашествія Московскихъ полковъ въ лѣтнюю пору, можно сказать были застигнуты врасплохъ; тѣмъ не менѣе, услыхавши о взятіи Русы, они поспѣшили собрать на скоро войско и подъ предводительствомъ своихъ лучшихъ воеводъ, посадниковъ Василья Казимира, Дмитрія Исаковича Борецкаго и другихъ. вышли на встрѣчу Москвичамъ. Войско Новгородское было довольно многочисленно и воеводы хорошо знали свое дѣло и нисколько не опускали случая воспользоваться обстоятельствами, ежели они сулили успѣхъ или указывали на оплошность противниковъ. Многочисленность полковъ велико-княжескихъ еще не очень была страшна для Новгорода, ибо полки сіи шли разными дорогами, не имѣли между собою сообщеній и болѣе занимались грабежемъ и опустошеніемъ беззащитныхъ мѣстъ; по этому Новгородская рать, дѣйствуя массою и съ быстротою, могла

Коростынская битва.

смѣло бить Московскіе полки поодиночкѣ. И такой дѣйствительно планъ войны составили воеводы Новгородскіе Они именно всею массою своего пѣшаго и коннаго войска быстро двинулись къ Шелони, гдѣ Московскій отрядъ подъ начальствомъ князя Даніила Холмскаго и Ѳедора Давыдовича такъ былъ слабъ сравнительно съ Новгородскою ратью, что въ старые былые годы Новгородцы положили бы его на мѣстѣ или перевязали живьемъ, какъ вѣроятно и разчитывали Новгородскіе воеводы, съумѣвшіе слабой силѣ Холмскаго противупоставить свою многочисленную силу. Но дѣло неоправдало видимо вѣрнаго разчета; ибо Новгородская рать, предводимая Василіемъ Казимиромъ и Дмитріемъ Исаковичемъ Борецкимъ, нисколько не походила на прежнія Новгородскія рати; она была собрана не изъ боевыхъ людей, закаленныхъ въ битвахъ, а наибольшею частію изъ мирныхъ ремесленниковъ, видавшихъ развѣ кулачные бои на Новгородскихъ улицахъ и почти неумѣвшихъ владѣть оружіемъ, къ тому же въ Новгородскомъ войскѣ не было единодушія. А посему хотя воеводы съумѣли воспользоваться оплошностію Москвитянъ, стоявшихъ на Коростынѣ, между озеромъ Ильменемъ и Русою, и успѣли высадить свою судовую рать прежде, нежели Москвичи могли ихъ замѣтить; но когда дѣло дошло до боя, то неопытные Новгородскіе ратники не выдержали мужественнаго отпора боевыхъ Москвичей, къ тому же конное Новгородское войско, главнымъ образомъ состоявшее изъ владычня

полка, не пошло на выручку пѣхоты, ибо владычень воевода сказалъ, что намъ владыка невелѣлъ поднимать рукъ на великаго князя, послалъ насъ владыка—на Псковичей. И такимъ образомъ Новгородская рать послѣ довольно жаркаго боя, потерявши до 500 человѣкъ своихъ, обратилась въ бѣгство. Коростынскій бой былъ 7-го іюля 1471 года.

Шелонская битва.

Пораженіе, претерпѣнное при Коростынѣ, страшно всполошило Новгородцовъ и показало больное мѣсто Новгородскаго общества; бѣжавшіе съ боя меньшіе люди поднялись на большихъ, обвиняли ихъ въ томъ, что ихъ замысломъ начата беззаконная война съ великимъ княземъ Московскимъ. И когда большіе люди потребовали новаго похода; то меньшіе кричали: неможемъ идти, мы люди молодшіе и раззорились первымъ походомъ, кто потерялъ коня, кто доспѣхъ и подобн. Такъ что въ удовлетвореніе меньшихъ людей было отправлено посольство къ великому князю, просить опасной грамоты на пропускъ большихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Но удовлетворяя миролюбивымъ требованіямъ меньшихъ людей, умные воеводы Новгородскіе видѣли, что отлагать новаго похода нельзя, что нужно во чтобы то нистало воспрепятствовать соединенію Москвичей князя Холмскаго съ Псковичами, которые также уже вступили въ Новгородскія владѣнія съ своей стороны, и князь Холмскій уже выступилъ на соединеніе съ ними. А посему, не откладывая времени, Новгородское вѣче, руководимое партіею Борецкихъ поспѣшило снаря-

дить новую рать, больше и лучше прежней, въ которую зачислились и лучшіе люди, болѣе или менѣе привычные къ бою. Эта новая рать, предводительствуемая прежними воеводами, пользуясь оплошностію Москвичей, остановившихся по случаю воскреснаго дня на правомъ берегу Шелони, успѣла перерѣзать имъ дорогу къ соединенію съ Псковичами и 14-го Іюля заняла лѣвый берегъ Шелони. Московскіе воеводы, видя всю важность своей оплошности, рѣшились исправить ее отчаяннымъ боемъ, и первые бросились вплавь черезъ Шелонь, а за ними пустилось и войско. Новгородцы приняли храбрецовъ по старому, по Новгородски, такъ что Москвичи должны были отступить на свой берегъ, а за ними бросились и Новгородцы, щитая Московскій станъ уже своею добычею. Но Московскіе воеводы на этотъ разъ не растерялись, съумѣли поставить въ засаду Татарскую рать; и когда уже Новгородцы думали торжествовать побѣду, Татары неожиданно бросились на нихъ съ тыла и произвели такое смятеніе, что Новгородцы, не смотря на свою отчаянную храбрость, были совершенно сбиты, обратились въ бѣгство, и потеряли до двѣнадцати тысячь человѣкъ убитыми и двѣ тысячи плѣнными, въ числѣ которыхъ достались Москвичамъ и главные воеводы Новгородской рати,—Василій Казимиръ, Дмитрій Псаковъ Борецкій, Козма Григорьевъ, Яковъ Ѳедоровъ, Матвей и Василій Селезневы, сестричичи Казимира, Павелъ Теляшевъ и Козма Грузовъ и много житьихъ людей.

Москвичи гнались за бѣгущими двадцать верстъ; но князь Холмскій, довольный побѣдою, далъ приказъ прекратить преслѣдованіе, и разбирая взятый обозъ Новгородскій, между разными бумагами нашелъ договорную грамоту Новгорода съ Казимиромъ Польскимъ, которую вмѣстѣ съ вѣстію о знаменитой побѣдѣ отправилъ къ великому князю, уже стоявшему въ Яжелбицахъ. Порѣшивши съ Новгородскою ратью на Шелони, Холмскій безпрепятственно соединился съ Псковичами и пошелъ опустошать западныя Новгородскія владѣнія, и нигдѣ невстрѣчая новыхъ Новгородскихъ ратей, дошелъ до рѣки Наровы, т. е. до Нѣмецкой границы. Великій же князь Иванъ Васильевичъ, когда были приведены къ нему въ Яжелбицы знаменитые Новгородскіе плѣнники, попавшіеся на Шелонскомъ бою, однимъ изъ нихъ, болѣе виновнымъ въ союзѣ съ Литвою, приказалъ отрубить головы, именно Димитрію Борецкому, Василью Селезневу, Кипріяну Арбузьеву и Іереміи Сухощоку, другихъ же, заковавъ въ цѣпи, отослалъ въ Коломну и Москву, для содержанія по темницамъ.

Новгородцы готовятся выдержать осаду.

Потерпѣвъ страшное пораженіе на Шелонскомъ бою, Новгородцы поспѣшили отправить посла къ Казимиру королю Польскому, чтобы согласно съ договоромъ всѣлъ на коня и шелъ защищать Новгород.; но посолъ воротился назадъ, не доѣхавъ до короля, его не пропустили Ливонскіе Нѣмцы. А между тѣмъ великій князь Московскій съ главною своею ратью уже вступилъ въ Русу; и Нов-

городцамъ осталось одно,—защищать свой городъ во чтобы то ни стало, и они принялись наскоро за укрѣпленія. Но лучшіе ихъ воеводы и воины уже были побиты или находились въ плѣну, и партія противниковъ Москвы, потерпѣвъ столько неудачь, была въ крайнемъ уныніи, а Московская партія начала подавать голосъ. и такимъ образомъ къ войнѣ съ внѣшнимъ врагомъ присоединилась внутренняя неурядица,—одни кричали за короля хотимъ, а другіе за великаго князя Московскаго. Къ томуже безпрестанныя ложныя тревоги, что непріятель уже подступаетъ къ городу, страшно утомляли гражданъ, которые и день и ночь по перемѣнамъ должны были держать караулы по разнымъ городскимъ укрѣпленіямъ. Впрочемъ партія Марѳы Борецкой, состоящая изъ богатой молодежи, еще продолжала держаться и подъ знаменемъ свободы еще пользовалась сочувствіемъ многихъ; она еще питала надежду отбиться отъ Москвичей и по ея разпоряженію, что бы не дать притона непріятелямъ подъ своимъ городомъ, были сожжены всѣ посады около Новгорода и даже монастыри: Антоніевъ, Юрьевъ, Рождественскій и Городище.

Голодъ и ссоры партій Литовской и Московской.

Но толпы разнаго народа, сбѣжавшіяся изъ волостей въ городъ. произвели страшную дороговизну на съѣстные припасы, ржаный хлѣбъ, главная пища бѣдныхъ людей, весь уже былъ съѣденъ, да и пшеничнаго хлѣба было не много на торгу, страшный голодъ грозилъ уже разразиться надъ толпою, и меньшіе люди подняли вопль на большихъ людей, сторонниковъ Мар-

ѳы Борецкой, и стали кричать: „вы привели великаго князя на Новгородъ, всѣ бѣды отъ васъ.“ Московская партія конечно поддерживала и подстрекала недовольныхъ, и одинъ изъ Москвитянцевъ по имени Упадышъ, радѣя великому князю, успѣлъ заколотить на Новгородскихъ укрѣпленіяхъ по однимъ извѣстіямъ пять пушекъ, а по другимъ пятдесятъ пять. Упадыша разумѣется казнили; но голодъ продолжалъ свое, и голодная толпа оборванцовъ, поддерживавшая прежде партію Борецкихъ, отъ которыхъ тогда получала деньги и вино, теперь, не имѣя хлѣба, обратилась къ тѣмъ старымъ посадникамъ и другимъ боярамъ и житьимъ людямъ, которыхъ называла прежде злодѣями и бросала въ нихъ каменьями, когда они убѣждали не передаваться къ Казимиру Польскому и не нарушать старыхъ отношеній къ великому князю Московскому. Теперь этихъ сторонниковъ Москвы толпа стала называть благодѣтелями, и разкаяваясь въ прежнемъ своемъ безуміи, просила ихъ спасти Новгородъ и просить великаго князя о помиловании Старѣйшіе сторонники Москвы ласково приняли моленіе толпы, и сказавши: „хорошо бы было, братія, ежели бы вы бабъ и молокососовъ не слушали и зла не начинали, но хорошо и то, что сознались въ своемъ грѣхѣ и безуміи,“ обѣщали устроить дѣло и снарядить посольство къ великому князю съ моленіемъ о мирѣ. Между тѣмъ какъ Новгородское посольство снаряжалось къ великому князю молить о мирѣ, Московскіе воеводы Борисъ Тютчевъ Слѣпецъ и

Василій Образецъ разбили Новгородскую рать въ Заволочьѣ. Двиняне тамъ измѣнили Новгороду и пепошли на помощь къ князю Василью Васильевичу Суздальскому, который съ Печерянами и Заволочанами цѣлый день бился противъ Московской рати, обѣ стороны рѣзались до остервенепія, хватали другъ друга за руки и продолжали рѣзаться. Солнце уже закатилось, когда рать Заволоцкая, потерявъ наконецъ знамя, обратилась въ бѣгство, успѣвши впрочемъ спасти израненнаго своего храбраго воеводу князя Василья Васильевича. Воеводы же великаго князя, по разбитіи Заволоцкой рати, побрали всѣ тамошніе городки, и всю Двинскую и Заволоцкую землю привели къ крестному цѣлованію на имя великаго князя Московскаго.

Посольство къ Московскому князю о мирѣ.

Новгородское посольство, спаряженное къ великому князю просить о мирѣ, состояло изъ паречепнаго на владычество священноинока Ѳеофила, пяти старыхъ посадниковъ и отъ пяти концовъ по житьему человѣку, оно 27 іюля, въ день разбитія Заволоцкой рати князя Василья Васильевича, пріѣхало въ станъ великаго князя на Коростынѣ, и долго не получало дозволенія явиться на глаза, и только послѣ многихъ поклоновъ и поминковъ у братьевъ и бояръ велико-княжескихъ было допущено въ шатеръ Іоанновъ. Посланники, начиная съ Ѳеофила, вступивши въ шатеръ, пали на колѣни и безмолвно лили слезы, ожидая отъ великаго князя дозволенія говорить: получивши же дозволеніе, Ѳеофилъ, нисколько неоправдывая Новгородцовъ, сталъ

умолять только о пощадѣ, онъ говорилъ: «Господа ради, пожалуй винныхъ предъ тобою людей Великаго-Новгорода, твоея отчины, уложи гнѣвъ твой, уйми мечь, угаси огонь, утиши грозу, не изрушь доброй старины, дай видѣть свѣтъ, пощади безъответныхъ людей, смилуйся, какъ Богъ тебѣ на сердце положитъ.“ Іоаннъ, доселѣ грозный и неприступный, выслушавши рѣчь Ѳеофила, исполненную безъответной полной покорности, въ которой все отдавалось на его волю, вдругъ сдѣлался ласковъ и привѣтливъ, объявилъ, что онъ прощаетъ вины Новгородцамъ и дозволяетъ посольству вступить въ переговоры съ боярами, и въ тоже время далъ приказъ войскамъ прекратить войну и опустошенія и отпустить плѣнниковъ. Переговоры Новгородскаго посольства съ Московскими боярами тянулись нѣсколько дней. Прежде всего составили грамоту, по которой Новгородцы за свои вины обязались заплатить великому князю пятнадцать тысячъ рублей, деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ, въ четыре срока, именно 2500 рублей на рождество Богородицы (8 сентября), 3000 рублей на крещенье Господне (6 января), 5000 рублей на великъ день (на пасху) и 5000 рублевъ на успенъевъ день (15 августа 1472 года). Грамота эта, дошедшая до нашего времени, была написана и утверждена 9 августа 1471 года. За тѣмъ были написаны и утверждены 11-го августа двѣ полныхъ договорныхъ грамоты съ подробнымъ опредѣленіемъ отношеній Новгорода къ великому князю. По зак-

Коростынскій миръ.

лученіи и написаніи договоровъ, великій князь далъ большой пиръ священноиноку Θеофилу и всему Новгородскому посольству и съ почетомъ отпустилъ въ Новгородъ; самъ же, проживши на Коростынѣ до 13-го августа, отправился въ Москву.

Коростынскія договорныя грамоты.

Въ договорныхъ грамотахъ, заключенныхъ Новгородскимъ посольствомъ на Коростынѣ, 11 августа 1471 года, были изложены слѣдующія условія отношеній Новгорода къ великому князю Ивану Васильевичу. Въ *первой грамотѣ* великій князь цѣловалъ къ Новгороду крестъ на старыхъ основныхъ условіяхъ, на которыхъ въ свое время цѣловали крестъ его предки, князья Андрей Александровичъ, Иванъ Даниловичъ, Семенъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ, Дмитрій Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, и особенно настоящая грамота ближе всего подходила къ договорной грамотѣ Новгорода съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, заключенной въ Яжелбицахъ. Лишняго въ своей грамотѣ Иванъ Васильевичъ противъ Яжелбицкой грамоты требовалъ только слѣдующее: 1) За короля и великаго князя Литовскаго Новгородцамъ, мужамъ вольнымъ, не отдаваться ни которою хитростію, а быть имъ неотступнымъ за великими князьями Московскими. 2) На владычество Великому Новгороду избирать себѣ по старинѣ, но посвящать владыку непремѣнно въ Москвѣ у гроба Петра митрополита. При чемъ Новгородцы выговорили, чтобы митрополиту и великому князю пошлины съ владыки Новгородскаго брать по старинѣ и вновь ничего не прибавлять, и сверхъ

того по прежнему оставить за владыкою церкви и десятины въ Вояогдѣ и на Волокѣ, и также по старинѣ оставить землю на Волокѣ за Юрьевымъ монастыремъ, которая была за нимъ прежде. *Вторая договорная* грамота также преимущественно была, за немногими исключеніями, повтореніемъ подобной грамоты великаго князя Василія Васильевича, заключенной въ Яжелбицахъ; она во первыхъ отаосилась до устройства суда, по ней судъ на Городищѣ, согласно съ Яжелбицкою грамотою, устроивался такъ, чтобы на немъ засѣдали судья боярипъ отъ великаго князя и судья боярипъ отъ Новгорода, а чего сіи судьи не управятъ, то рѣшитъ великій князь, или его сынъ, или его братъ. А крюкъ великимъ князьямъ по старинѣ на третій годъ, а отъ волостей даръ по старипѣ, а печати быть великихъ князей, а виры брать великимъ князьямъ по старинѣ, а Новгородцамъ не таить. Далѣе въ этой же грамотѣ великій князь относительно послѣдствій послѣдней войны принялъ слѣдующія условія. 1) Князь освободилъ отъ присяги себѣ Демапцовъ и Новоторяцевъ, и отказался отъ серебра и хлѣба, которые слѣдовало бы собрать съ Торжка и тамошней волости. 2) Обѣ стороны предаютъ полному забвенію все, что понесли убытковъ въ послѣднюю войну и не всчинаютъ исковъ о всемъ погрибленномъ и посженномъ; а если гдѣ война будетъ послѣ сего докончанія по неполученію извѣстія о заключепіи мира, то взятое этою войною на обѣ стороны должно быть возвращено; а будутъ клепать мертвыми и

грабежемъ съ той и другой стороны, тому судъ на Городищѣ предъ вышесказанными судьями съ обѣихъ сторонъ. 3) Та и другая сторона выговариваютъ свободный проѣздъ Московскимъ и Псковскимъ посламъ чрезъ Новгородскія владѣнія и Новгородскимъ посламъ чрезъ Псковскія владѣнія. 4) По требованію великаго князя Новгородъ даетъ слово докончательную грамоту Новгородцовъ о судѣ между собою переписать на имя великаго князя и утвердить великокняжескою печатью; а что закладъ въ той грамотѣ на наѣздщиковъ и грабежщиковъ, тотъ закладъ Новгороду съ великими князьями пополамъ; а сотскимъ и рядовичамъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судить нигдѣ. И наконецъ 5) велнкій князь Иванъ Васильевичъ по сей грамотѣ далъ слово отпустить на свободу всѣхъ арестованныхъ и взятыхъ въ плѣнъ въ продолженіе сей войны Новгородцевъ и возвратить ихъ въ Новгородъ безъ выкупа. И на всемъ этомъ цѣловали крестъ великій князь къ Новугороду, а Новгородское посольство за весь Новгородъ къ велнкому князю. И въ этотъ же день, 11 августа, переписана и утверждена на имя великихъ князей Ивана Васильевича и его сына соправителя Ивана Ивановича докончальная судная Новгородская грамота.

Въ тотъ же день, 11 августа, Новгородское посольство, по опредѣленію вѣча и всего Великаго Новгорода, отказалось отъ всѣхъ земель по Двинѣ, которыя въ 1456 году были уступлены по Яжелбицкому договору великому князю Василію Василье-

вичу, и которыми по смерти его Новгородцы завладѣли снова и привели тамошнихъ жителей къ крестному цѣлованію на имя Великаго Новгорода. По этому отказу была написана особая отказная грамота къ тамошнимъ старостамъ и крестьянамъ, въ которой вѣче написало, что тѣ земли хотя и захватили Заволоцкіе Новгородскіе бояре за себя и привели жителей къ крестному цѣлованію на Новгородское имя; но земли сіи принадлежатъ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и сыну его Ивану Ивановичу, и вѣче Новгородское съ нихъ то крестное цѣлованіе снимаетъ. Наконецъ въ слѣдствіе Коростынскаго или Шелонскаго договора, составлены были подробныя описи Двинскихъ земель, съ опредѣленіемъ границъ, по которыя земли должны принадлежать великому князю, и съ которыхъ начинаются Заволоцкія Новгородскія владѣнія. Изъ сихъ оффиціальныхъ описей, составленныхъ по Новгородскимъ описнымъ книгамъ и судебнымъ дѣламъ, оказывается, что Новгородцы сими землями завладѣли частію вскорѣ послѣ Яжелбицкаго мира, еще при жизни великаго князя Василія Васильевича, и объ нихъ велись судебные процессы по Новгородскимъ судамъ, а частію отняли ихъ у великаго князя Ивана Васильевича въ послѣднюю войну 1471 года. Такъ что, по свидѣтельству означенныхъ описей, Новгородцы въ послѣднюю войну, до прибытія великокняжеской рати на Двину, имѣли тамъ значительный успѣхъ и завладѣли многими мѣстами, принадлежавшими великому князю. И нѣтъ сомнѣнія, что

согласно съ жалобами великаго князя на Новгородскія неправды, война была начата самими Новгородцами, которые первые напали на великокняжескія владѣнія по Двинѣ; Иванъ же Васильевичъ поднялъ оружіе только въ отвѣтъ на Новгородскія нападенія, и только защищая свои права, притомъ послѣ многихъ стараній добиться удовлетворенія мирнымъ путемъ, при помощи судебныхъ исковъ.

Захваты Новгородцевъ по Двинѣ.

Судя по означеннымъ оффиціальнымъ Новгородскимъ описямъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени, большая часть спорныхъ Двинскихъ земель была захвачена безъ воли Новгородскаго правительства самовольствомъ богатыхъ Новгородскихъ бояръ, владѣвшихъ большими поземельными имѣніями по Двинѣ; такъ что въ нарушеніи договоровъ Новгородское правительство преимущественно было виновато въ томъ, что оно было очень слабо и немогло остановить боярскихъ захватовъ, а напротивъ, даже защищало ихъ судебнымъ порядкомъ, или по крайней мѣрѣ тянуло судебныя дѣла въ своихъ судахъ, и по боярскимъ интригамъ не осмѣливалось давать надлежащаго рѣшенія. Такъ, напримѣръ, изъ означенныхъ описей мы видимъ, что огромная вотчина Ростовскаго князя Ивана Владимировича, по рѣкѣ Вагѣ, была захвачена Новгородскими боярами, братьями Василіемъ и Тимоѳѣемъ Степановичами. Или вотчина другаго Ростовскаго князя Ѳедора Андреевича, по рѣкѣ Юмышу, была захвачена боярами Яковомъ Ѳедоровымъ и Василіемъ Селезнемъ. Или вотчины Ростовскаго князя Ивана Александровича, по рѣ-

камъ Велѣ, Кулую и другимъ, были захвачены владычними волостелями. Даже оброчные изстаринные погосты и слободы самаго великаго князя не были свободны отъ захватовъ Новгородскихъ или Двинскихъ бояръ; такъ напримѣръ Великая Слобода была захвачена знаменитыми Новгородскими боярами, преимущественно тогда державшими въ своихъ рукахъ управленіе Новгородомъ,—Михаиломъ Тучею, Иваномъ Максимовымъ, Иваномъ Аѳанасьевымъ, Аѳанасьемъ Астафьевымъ и Василіемъ Степановымъ. При таковыхъ безпорядкахъ Новгородскаго правленія, гдѣ всякая неправда сильныхъ бояръ прикрывалась безсильнымъ правительствомъ, великому князю Ивану Васильевичу естественно оставалось одно, принудить Новгородцевъ войною къ исполненію и уваженію договоровъ. И нельзя не сказать, что здѣсь великій князь Иванъ Васильевичъ, несмотря на огромные успѣхи въ войнѣ, поступилъ самымъ умѣреннымъ образомъ; такъ что Коростынскій или Шелонскій миръ, за немногими исключеніями, былъ только повтореніемъ Яжелбицкаго мира и возстановлялъ лишь то, что Новгородцами было нарушено въ противность Яжелбицкому договору; и Новгородъ по Шелонскому договору оставался при старыхъ правахъ, какія онъ удержалъ за собою при великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ, онъ только лишился права, конечно важнаго, отступать отъ Московскихъ князей, и принимать князей и намѣстниковъ отъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, и обязался посвящать своего владыку непремѣнно въ Мо-

сквѣ у тамошняго митрополита. Но этого права, послѣ всѣхъ неправдъ Новгородскихъ, бывшихъ передъ началомъ войны, великій князь, одержавъ вездѣ верхъ, естественно не могъ оставить за Новгородцами, да и для Новгородцевъ это право было бы не на радость; ибо соединеніе съ Польшею и Литвою повело бы къ стѣсненію православной церкви и Русской народности; вполнѣ же независимымъ ни отъ Литвы, ни отъ Москвы Новгородъ не могъ оставаться по самому своему устройству.

Новые безпорядки и мятежи въ Новгородѣ послѣ Коростынскаго мира.

Но Коростынскій или Шелонскій миръ, примирившій Новгородъ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, не далъ мира и спокойствія самому Новгороду; напротивъ, безпорядки и мятежи усилились еще болѣе, и можно сказать, что самый миръ и старанія великаго князя исполнить всѣ его условія безъ исключенія, были едвали не главными причинами Новгородскихъ нестроеній. По Коростынскому миру Новгородъ возвратилъ себѣ всѣ тѣ права и вольности, которыми онъ пользовался по Яжелбицкому миру; да къ тому еще великій князь, желая въ точности исполнить условіе договора объ отпускѣ всѣхъ плѣнниковъ и находящихся подъ арестомъ, зимою того же 1471 года, по просьбѣ владыки и всего Новгорода, выпустилъ изъ Коломны и Московскихъ темницъ Василія Казимира и его товарищей, всего 30 человѣкъ, взятыхъ на Шелонскомъ бою, людей явно враждебныхъ Москвѣ и бывшихъ главнѣйшими и сильнѣйшими сторонниками Литовской партіи и такимъ образомъ воротилъ главныхъ

предводителей своимъ противникамъ въ Новгородѣ. Старыя же права и вольности, утвержденныя Коростынскимъ миромъ, были вовсе не по силамъ тогдашнему Новгородскому обществу, сильно страдавшему внутреннимъ разложеніемъ. Въ Новгородѣ въ это время богатые и сильные безнаказанно давили слабыхъ и бѣдныхъ; тамъ на богачей не было ни суда, ни управы, суды разгонялись буйными пріятелями или наемниками подсудимыхъ, въ самое вѣче бросали камсньями и грязью, тамъ только сильный могъ найти управу при помощи своей силы и богатства, тамъ уже образовались толпы бездомныхъ голышей, готовыхъ за чарку водки на какое угодно буйство и беззаконіе, тамъ уже можно было ограбить и пустить по міру любую вдову и сироту при помощи самаго суда. А по сему естественно для Новгорода все обезпеченіе старыхъ правъ и вольностей, дарованное Коростынскимъ миромъ, было только обезпеченіемъ своевольства и беззакоція, ручательствомъ за быстрое и окончательное разложеніе Новгородскаго общества. Новгороду по его, тогдашнему внутреннему состоянію, нужна была новая, крѣпкая и непреклонная сила для обузданія своеволія и неправды, нужно было стѣсненіе и ограниченіе старыхъ правъ и вольностей, уже отжившихъ свое время, а не ихъ обезпеченіе и признаніе. Новгородцы, подписывая Коростынскій договоръ, удовлетворяющій ихъ старымъ, отжившимъ притязаніямъ, подписывали смертный приговоръ своей самостоятельности и независимости, скрѣпляли

и утверждали свое паденіе, ими самими давно уже подготовленное. Судная докончательная грамота, которую Новгородцы написали на вѣчѣ и утвердили крестнымъ цѣлованіемъ вскорѣ послѣ Яжелбицкаго мира, и которую по Коростынскому договору великій князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ переписать на свое имя, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ того плачевнаго внутренняго состоянія, въ которомъ былъ тогда Новгородъ. Новгородцы составленіемъ и утвержденіемъ этой грамоты сами публичнымъ актомъ засвидѣтельствовали, что въ то время въ ихъ обществѣ не было уваженія ни къ суду, ни къ закону, и чтобы возстановить это уваженіе, нужно было прибѣгнуть къ искусственнымъ принудительнымъ мѣрамъ. А мѣры, придуманныя въ этой грамотѣ, показываютъ, что и самое желаніе возстановить уваженіе къ суду и закону было не искреннее, а только наружное, только чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ настоятельной потребности и хоть наружно удовлетворить воплямъ недовольныхъ; ибо грамота сія въ сущности давала только средства усиливаться и распространяться своеволію и безпорядкамъ, она написана такъ, какъ будто бы Новгороду нужно было не столько обузданіе буйства и своеволія, непризнававшихъ никакого закона, сколько ограниченіе слишкомъ усилившейся власти суда, который на самомъ дѣлѣ непмѣлъ никакой власти и былъ рѣшительно подавленъ своеволіемъ.

Судная докончальная грамота прежде всего пред- Судная докончаль-
ставляетъ намъ прямое свидѣтельство, утвержденное

ная Новгородская грамота.

самимъ Новгородскимъ вѣчемъ, что въ Новгородѣ въ то время буйное нападеніе на судъ и отбитіе подсудимыхъ было дѣломъ обыкновеннымъ, что нападенія и наводки на судъ дѣлали цѣлые концы, улицы, сотни, ряды и богатые люди при помощи наемной толпы, что сбивали съ суда и владычныхъ намѣстниковъ, и посадниковъ, и тысяцкихъ, и иныхъ судей; такъ что Новгородъ, для прекращенія такихъ безпорядковъ, нашелся вынужденнымъ назначить за наводки огромную пеню, — на боярина 50 рублей, на житьего 20 рублей и на молодшаго десять рублей. Эта пеня, судя по тогдашней цѣнности денегъ, была очень тяжела, и конечно нѣсколько обезпечивала судей отъ наводокъ; но тѣмъ не менѣе она не сообщала особеннаго уваженія къ суду, ибо чтобы внушить уваженіе къ суду пеней было не достаточно, а нужны были нравственныя качества судей и строгое соблюденіе правды на судѣ. На судѣ же Новгородскомъ этаго-то и не было; ибо судьи, выбранные пріятелями грабителями и насильниками изъ вчерашнихъ грабителей и насильниковъ, или получившіе высокій санъ судьи при помощи подкупленной пьяной толпы голышей, естественно не могли внушить къ себѣ уваженія и довѣрія къ суду. А на такое не удовлетворительное качество судей указываетъ сама докончательная судная грамота, она прямо требуетъ, чтобы при началѣ каждаго судебнаго дѣла и судьи и тяжущіеся цѣловали крестъ въ томъ, что первые будутъ судить согласно съ закономъ, а вторые ищутъ и отвѣчаютъ справедливо и покоря-

ются рѣшенію суда; это цѣлованіе креста при началѣ каждаго судебнаго дѣла служитъ прямымъ свидѣтельствомъ взаимнаго недовѣрія и судей и тяжущихся, и тѣмъ самымъ уже нисколько не обезпечиваетъ справедливости и исковъ и судебныхъ приговоровъ. Ежели законъ прямо требуетъ цѣлованіе креста и безъ того не допускаетъ суда; то конечно каждый негодный ябедникъ и каждый продажный судья непремѣнно поцѣлуютъ крестъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ непремѣнно дѣло будетъ рѣшено къ явной обидѣ невиннаго, а сильный обидчикъ, ежели сверхъ чаянія и будетъ обвиненъ судомъ, то непремѣнно сдѣлаетъ самовольный отпоръ при приведеніи въ исполненіе судебнаго рѣшенія. Самый составъ первоначальнаго суда не ручался за его справедливость и строгость, а скорѣе давалъ возможность запутывать дѣло; по докончальной грамотѣ въ тяжебныхъ дѣлахъ первую степень суда составляли два судьи, выбранные самими тяжущимися, по одному судьѣ съ каждой стороны; здѣсь, разумѣется, каждый выбиралъ судью съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы до послѣдней возможности держалъ его сторону; въ противномъ случаѣ тяжущійся по докончальной грамотѣ могъ даже искать на своемъ судьѣ. Кромѣ того, къ большей запутанности и медленности судебныхъ дѣлъ, по докончальной грамотѣ было устроено нѣсколько степеней суда, которые, не смотря на сроки положенные закономъ, могли тянуть дѣло сколько угодно, какъ дѣйствительно и бывало въ это время въ Новгородѣ, что судебныя дѣла, особенно по по-

земельнымъ владѣніямъ, тянулись по десяти лѣтъ и болѣе; рѣшеніе одной степени суда измѣнялось рѣшеніемъ высшей степени суда, а это измѣнялось еще высшею степенью суда и наконецъ рѣшеніемъ вѣча; тогда какъ современное состояніе Новгородскаго общества нуждалось въ судѣ быстромъ, строгомъ и неизмѣнномъ. Но что всего важнѣе, когда общество находилось въ какомъ то враждебномъ отношеніи къ суду, по докончальной судной грамотѣ судъ былъ поставленъ въ самое ложное положеніе къ обществу, въ такое, которое возможно и желательно только тогда, когда общество находится въ мирныхъ отношеніяхъ къ суду, когда судъ пользуется полною довѣренностію общества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на формы вызова въ судъ, узаконенныя докончальною судною грамотою. Нѣтъ спора, что формы сіи построены на началахъ самыхъ гуманныхъ и не стѣснительныхъ для вызываемаго; но также никто не будетъ спорить, что они страшно затягивали дѣло. По настоящей судной грамотѣ вызовъ въ судъ сперва ограничивался только извѣщеніемъ отвѣтчика, чтобы онъ назначилъ срокъ, когда ему можно будетъ явиться въ судъ; послѣ таковаго извѣщенія суда и обѣщанія со стороны отвѣтчика судъ уже недѣлалъ болѣе вызововъ и ждалъ срока назначеннаго отвѣтчикомъ. Ежели же судья въ назначенный отвѣтчикомъ срокъ не можетъ сѣсть на судѣ, то долженъ объ этомъ увѣдомить тяжущихся особою отсылкою съ предписаніемъ новаго срока. И когда вызываемый неяв-

лялся въ судъ на срокъ имъ самимъ или судьею назначенный, тогда судъ приступалъ къ новымъ вызовамъ чрезъ отсылку, которая дѣлалась въ три срока и съ особыми формами. Именно судъ посылалъ трижды позовниковъ во дворъ къ вызываемому, и въ тоже время бричи ходили по городу или волости и кликали по улицамъ, что такой-то вызывается въ судъ. А ежели кто и послѣ таковаго вызова не являлся на судъ; то на него давалась обѣтная грамота съ платежемъ трехъ денегъ штрафа. А кто будетъ сопротивляться позовнику, пріѣхавшему съ обѣтною грамотою, и подговоритъ сосѣдей, чтобы силою прогнать позовника; то на таковаго судъ даетъ родственнику или другу позовника безсудную грамоту, съ которою тотъ является въ мѣсто жительства вызываемаго и при помощи двухъ ятцовъ, (отъ того общества, къ которому принадлежитъ вызываемый), ведетъ его въ судъ, не давая ни какихъ новыхъ сроковъ; при чемъ ятцы отвѣчаютъ передъ судомъ, въ случаѣ сопротивленія со стороны вызываемаго.

Насилія и грабежи въ Новгородѣ, продажность суда и своеволіе

Таковое не сообразное съ обстоятельствами времени положеніе суда, узаконенное докончальною граматою, естественно должно было вести къ крайнимъ безпорядкамъ, которые отрицали всякую возможность самостоятельнаго и независимаго существованія Новгорода. И дѣйствительно, въ слѣдъ за Коростынскимъ миромъ Новгородъ сдѣлался гнѣздилищемъ всѣхъ возможныхъ не правдъ и насилій, противъ которыхъ небыло никакой узды. Кромѣ

враждебныхъ партій Литовской и Московской, тамъ были еще двѣ непримиримыя стороны,—богачей, неуважающихъ ни суда ни закона, и нещастныхъ бѣдняковъ. не находившихъ защиты въ судѣ и законѣ, и принужденныхъ иногда заговоромъ и скопомъ отражать силу силою, или мстить своимъ обидчикамъ поджогами и другими тайными злодѣяніями. Почти въ слѣдъ за утвержденіемъ Коростынскаго мира и выходомъ Московскихъ войскъ изъ Новгородскихъ владѣній, въ Новгородѣ былъ страшный пожаръ въ самомъ богатомъ и торговомъ концѣ Славенскомъ, отъ котораго погорѣло все пространство, начиная отъ берега Варяжской улицы и до Лубяницы, причемъ сгорѣли двѣ церкви, торговые ряды и Нѣмецкій горній дворъ, отъ этого пожара многіе люди раззорились. А въ слѣдующемъ году осенью былъ большій пожаръ на Софійской сторонѣ; онъ начался съ Яневы улицы и погорѣло все побережье и за Даньславлю улицу, причемъ сгорѣла часть городской стѣны, гребельскій мостъ и по гребли до великаго моста. Между тѣмъ насплія и обиды дошли до того, что сами выборные правители съ своими пріятелями явно нападали грабежемъ на цѣлыя улицы: такъ степенный посадникъ Василій Апанынъ, сговорясь съ осьмнадцатью боярами, своими пріятелями, большею частію уже извѣстными по грабежамъ и захватамъ на Двинѣ и въ Заволочьѣ, и значащимися въ судебныхъ актахъ, собралъ толпу головорѣзовъ и напалъ на двѣ улицы Славкову и Никитину, произвелъ тамъ грабежъ на тысячу

рублей и перебилъ нѣсколько народу. Или староста Ѳедоровской улицы Панфилъ, сговорясь съ своими пріятелями, боярами Богданомъ Есиповымъ и Васильемъ Никифоровымъ, напали грабежемъ на домъ бояръ Аполинарьиныхъ, перебили ихъ людей и разграбили имущества на 500 рублей. Мало этого, недовольствуясь грабежами въ своей землѣ, Новгородскіе богачи, бояре, чрезъ своихъ приказщиковъ и ключниковъ, или и сами ключники и приказщики, надѣясь на силу своихъ господъ, своевольно стали производить грабежи по сосѣдству; такъ боярскіе ключники напали ночью разбоемъ, большею толпою на Псковскую волость Гостятино; подобные же разбойничьи набѣги были на сосѣднія Шведскія владѣнія. При такомъ страшномъ безпорядьѣ бѣднымъ и несильнымъ людямъ нельзя уже было искать судебной защиты въ родномъ Новгородѣ; и въ такой крайности житьи и молодшіе люди, вѣроятно по совѣту Московской партіи, обратились за судомъ и управою къ великому князю Московскому, и жалуясь, что ихъ некому судить и защищать отъ насилья посадниковъ и великихъ бояръ, стали просить его, чтобы вступился за нихъ нещастныхъ и своимъ праведнымъ велико-княжескимъ судомъ разсудилъ ихъ съ насильниками и воздалъ каждому по достоянію.

Великій князь Иванъ Васильевичъ, получивши нѣсколько такихъ прошеній отъ обидимыхъ; не заставилъ долго ждать себя, и осенью 1475 года съ огромною свитою воинскихъ людей отправился въ

Московскій князь мирно ѣдетъ въ Новгородъ чинить судъ и управу.

Новгородъ, повѣстивъ напередъ Новгородцовъ, что идетъ къ нимъ миромъ, что хочетъ только навѣстить свою отчину Великій Новгородъ. По этой повѣсткѣ большіе и меньшіе люди начали встрѣчать великаго князя, какъ только онъ переступилъ Новгородскія границы. Первая встрѣча была 5-го Ноября на Волочкѣ, куда явился къ нему прежде всѣхъ Козма Яковлевъ съ товарищами и жаловались на свою братью Новгородцовъ, и тутъ же встрѣтилъ его отъ владыки Ѳеофила посолъ съ подарками. За тѣмъ его встрѣчали поминками или дарами разные бояре и житьи люди 7, 14 и 15 Ноября, а 16 Ноября была встрѣча отъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, преимущественою изъ Литовской партіи насильниковъ и грабителей, и тутъ же въ слѣдъ за ними была подана вторая жалоба на обиды отъ многихъ людей Ѳедора Гагина съ товарищами. За 90 верстъ отъ Новгорода пріѣхали встрѣчать великаго князя владыка Ѳеофилъ, служилый князь и воевода Новгородскій Василій Васильевичъ Шуйскій, степенный посадникъ Василій Ананьинъ, степенный тысяцкій Василій Есиповъ и много бояръ и высшее духовенство, при чемъ всѣ представили разные дары; великій князь всѣхъ принялъ ласково и угостивъ обѣдомъ отпустилъ; за тѣмъ явились старосты Славковой и Никитиной улицы, также съ подарками отъ обѣихъ улицъ. За 50 верстъ отъ Новгорода встрѣчали великаго князя разные бояре и житьи люди и множество купеческихъ старостъ и купцовъ съ разными дарами. А за 25 верстъ отъ

Новгорода и на стану и по дорогѣ встрѣчали разные старые посадники и тысяцкіе, а также бояре и житьи люди и староста Городищенскій также съ дарами. Наконецъ 21 Ноября, въ праздникъ введенія Божіей Матери великій князь пріѣхалъ на Городище, встрѣченный по пути множествомъ народа, слушалъ обѣдню въ городищенской церкви Благовѣщенія и обѣдалъ у себя; а 22 Ноября угощалъ у себя на Городищѣ обѣдомъ владыку, князя Шуйскаго, степеннаго посадника и многихъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ и разпыхъ бояръ. И въ тотъ же день въ третій разъ явились на Городищѣ многіе жалобники изъ Новгорода, Русы, монастырей и другихъ мѣстъ ближайшихъ къ Новгороду, изъ нихъ иные били челомъ великому князю о назначеніи приставовъ, чтобы не быть обидимыми отъ воиновъ, бывшихъ въ свитѣ велико-княжеской, а другіе жаловались на свою братью Новгородцовъ, на разныя убійства, грабежи и раззоренія домовъ. Ноября 23 великій князь въѣхалъ въ Новгородъ и былъ встрѣченъ владыкою и духовенствомъ въ полныхъ облаченіяхъ съ иконами и крестами, за тѣмъ слушалъ благодарственный молебенъ и литургію въ церкви св. Софіи, и весело отобѣдавъ у владыки и получивъ богатые дары, уѣхалъ къ себѣ на Городище. 24 Ноября также, какъ и въ слѣдующіе дни, являлись къ великому князю посадники, тысяцкіе, бояре и житьи люди съ подарками и виномъ, и начали ходить всѣ къ нему и монастыри и изъ Новгородскихъ волостей старосты и лучшіе люди, даже

Корѣла, иные съ жалобами на обиды, а другіе только за тѣмъ, чтобы видѣть его лице; и онъ всѣхъ принималъ ласково и съ любовію. Ноября 25 пришли на Городище опять жалобники, двѣ улицы Славкова и Никитина, которые били челомъ великому князю на степеннаго посадника Василья Ананьина и его товарищей бояръ, Богдана Есипова, Ѳедора Исакова, Григорья Тучина, Ивана Лошинскаго и многихъ другихъ, что многими людьми наѣхали на тѣ двѣ улицы, людей пограбили и побили, и многихъ до смерти убили, а имѣнья взяли на тысячу рублей. Въ тоже время пришли съ жалобою Лука и Василій Исаковы дѣти Аполинарьина, которые били челомъ на Богдана Есипова, на Василья Никофорова и на Панфила старосту Ѳедоровскія улицы, что ограбили ихъ домъ, людей перебили и взяли животовъ на пятьсотъ рублей; жалобники всѣ просили, чтобы великій князь далъ на ихъ насильниковъ своихъ приставовъ.

Судъ Московскаго князя надъ обидчиками

Великій князь во исполненіе сей просьбы далъ своихъ приставовъ и, обратясь къ сидѣвшимъ у него во время жалобъ владыкѣ Ѳеофилу, посаднику Захарью Овинову и къ другимъ боярамъ и житьимъ людямъ, сказалъ: „ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадники, скажите нашей отчинѣ Великому Новгороду, чтобы дали и съ своей стороны приставовъ на тѣхъ насильниковъ, на которыхъ я далъ своихъ приставовъ; ибо я хочу разсмотрѣть это дѣло, да и ты, богомолецъ мой, и вы, посадники, будьте у меня на судѣ, чтобы сообща дать управу обиженнымъ.“

Здѣсь великій князь Иванъ Васильевичъ ни на шагъ нехотѣлъ отступить отъ порядка Новгородскаго суда, утвержденнаго послѣднею докончальною судною грамотою, по которой требовалось, чтобы судъ производился какъ княжою стороною, такъ и Новгородскою; онъ даже отъ себя послалъ бояръ на вѣче просить приставовъ, и вѣче назначило отъ себя приставами подвойскихъ Назара да Василья Анфимова, и велѣло тѣхъ бояръ насильниковъ представить къ княжескому суду на слѣдующій день. Княжіе и Новгородскіе приставы въ тотъ же день взяли посадника Василья Ананьина, да бояръ Богдана Есипова, Ѳедора Исакова Борецкаго, Григорья Тучина и ихъ товарищей, и на слѣдующій день, 26 Ноября, представили на судъ къ великому князю на Городище, и тудаже явились истцы, или жалобники, улицкіе старосты Славковой и Никитиной улицы со всѣми уличанами и Исаковы дѣти Аполинарьина Лука и Василій, а также прибыли для участія въ судѣ съ Новгородской стороны владыка Ѳеофилъ и Новгородскіе посадники. Великій князь предъ всѣми присутствующими самъ разсмотрѣлъ дѣло, разпросилъ истцовъ и отвѣтчиковъ; и послѣ судныхъ рѣчей съ той и другой стороны и по отобраніи всѣхъ судебныхъ доказательствъ, согласно съ Новгородскими законами жалобниковъ оправилъ, а отвѣтчиковъ грабителей обвинилъ, и главныхъ изъ нихъ посадника степеннаго Василья Ананьина, Богдана Есипова, Ѳедора Исакова Борецкаго и Ивана Лошинскаго велѣлъ взять подъ стражу своимъ бо-

ярскимъ дѣтямъ. А прочихъ ихъ товарищей приказалъ своимъ приставамъ отдать на крѣпкія поруки въ полуторы тысячи рублей, чего искали на нихъ истцы и въ тѣхъ деньгахъ, какія обвинешные по Новгородской судной грамотѣ должны были заплатить какъ пеню за паѣздъ и грабежъ; и взялъ ихъ на поруки владыка Ѳеофилъ II въ тоже время великій князь выслалъ вонъ съ суда бояръ Ивана Аѳанасова да сына его Олферія, какъ измѣнниковъ, участвовавшихъ въ переговорахъ съ Польскимъ королемъ Казимиромъ о подданствѣ Новгорода королю, и приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ взять ихъ подъ стражу.

Ходатайство владыки и бояръ за осужденныхъ и отвѣтъ Московскаго князя.

Этотъ судъ великаго князя надъ главными и самыми сильными грабителями, давно уже замѣшанными во многихъ нечистыхъ дѣлахъ еще на Двинѣ, и притомъ главными вождями Литовской партіи, какъ громомъ поразилъ всѣхъ насильниковъ, они увидали, что наступаетъ конецъ ихъ своеволію. Оправдать осужденныхъ не было возможности; ибо судъ былъ веденъ по всѣмъ правиламъ Новгородскаго судопроизводства, великій князь здѣсь строго держался всѣхъ предписаній докончальной судной грамоты, и доказательства виновности были ясны. Цѣлыхъ два дня пріятели обвиненныхъ думали и совѣтовались какъ бы спасти своихъ осужденныхъ товарищей, и надумавшись на третій день явились на Городище владыка Ѳеофилъ съ посадниками бить челомъ отъ Новгорода великому князю, чтобы смиловался надъ осужденными, находя-

щимися подъ стражею, и освободивъ отъ казни отдалъ на поруки. Великій князь на это челобитье отвѣчалъ владыкѣ: „вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, нашей отчинѣ, сколько лиха чинилося отъ тѣхъ бояръ въ прежнее время, да и нынѣча сколько ни есть лиха въ нашей отчинѣ, то все отъ нихъ чинится, но какъ же мнѣ пожаловать за такое зло“. И тогоже дня, заковавъ въ цѣпи, отослалъ ихъ въ Москву съ своими приставами. Это рѣшеніе было новымъ ударомъ для насильниковъ; они увидали, что дѣло шестерыхъ бояръ, отосланныхъ въ Москву, окончательно потеряно и теперь остается подумать, какъ бы выручить остальныхъ осужденныхъ, отданныхъ на поруки владыкѣ; но и здѣсь послѣ всѣхъ думъ ненашлось инаго средства, какъ только просить милости у великаго князя. А по сему на третій день послѣ перваго отказа явились на Городище архіепископъ Θеофилъ со многими посадниками, боярами и житьими людьми бить челомъ отъ всего Новгорода, чтобы великій князь пожаловалъ тѣхъ осужденныхъ, которые отданы на поруки владыкѣ, и освободилъ бы ихъ отъ казни, а свою пеню и убытки истцовъ велѣлъ на нихъ доправить. Великій князь, ради моленій владыки и челобитья своей отчины Новгорода, освободилъ осужденныхъ отъ казни и велѣлъ своимъ приставамъ на нихъ доправить истцовыхъ убытковъ полторы тысячи рублей и своей пени по докончальной судной грамотѣ съ человѣка по пятидесяти рублей. Симъ послѣднимъ милостивымъ рѣшеніемъ кончил-

ся первый судъ великаго князя надъ Новгородскими насильниками, на которыхъ самому Новгороду до сего времени нельзя было отыскать суда и управы по милости продажныхъ судей и по слабости самаго Новгородскаго правительства. Этотъ судъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Новгородцовъ; обидимые здѣсь увидали, что у великаго князя они всегда найдутъ законную защиту и безпристрастный судъ, свободный отъ потворства, родства и кумовства; а насильники обидчики, доселѣ небоявшіеся никакого суда. получили сильный урокъ въ томъ, что и на нихъ есть судъ и управа, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться ни деньгами, ни заступничествомъ пріятелей, ни насиліемъ, на который нельзя сдѣлать наводки или нападенія. Плоды такового впечатлѣнія, какъ увидимъ въ послѣдствіи, не замедлили оказаться въ пользу великаго князя и во вредъ его противникамъ.

Двухъ мѣсячное пребываніе Московскаго князя въ Новгородѣ послѣ суда, пиры и подарки.

По окончаніи суда великій князь оставался въ Новгородѣ еще около двухъ мѣсяцевъ, и все это время провелъ въ пирахъ и угощеніяхъ, которые давали ему посадники, тысяцкіе, владыка и другіе богатые и знатные Новгородцы. По изчисленію лѣтописцевъ, въ это время великій князь Иванъ Васильевичъ былъ на пятнадцати пирахъ, и на каждомъ пиру получалъ отъ хозяевъ богатые дары. Въ числѣ знатныхъ, людей дававшихъ пиры великому князю. была и одна богатая вдова боярыня Настасья Иванова Григорьева, которая съ своимъ сыномъ Юріемъ давала пиръ на Городищѣ 28-го Декабря и под-

несла великому князю 30 кораблеппиковъ (*), 10 ставовъ сукна Ипскаго, два сорока соболей и два зуба рыбьихъ (**). За три дни до пира у Настасьи Ивановой, въ праздникъ рождества Христова, былъ пиръ у самаго великаго князя, на которомъ присутствовали архіепископъ Ѳеофилъ, князь Василій Шуйскій, воевода Новгородскій, всѣ посадники и тысяцкіе, житьи люди и купцы многіе. Великій князь всѣхъ угощалъ, какъ радушный хозяинъ, и пилъ съ ними до поздняго вечера. 11-го Января 1476 года новоизбранный степенный посадникъ Ѳома съ тысяцкимъ Василъемъ Есиповымъ билъ челомъ отъ всего Великаго Новгорода, и явилъ великому князю въ даръ тысячу рублей. А 12 Января пріѣхалъ въ Новгородъ Шведскій посолъ съ прозьбою о продолженіи перемирія, которому изтекъ срокъ. Великій князь принялъ посла съ честію, и желая не нарушать старыхъ правъ Новгорода, предоставилъ заключить перемиріе по старому порядку, владыкѣ Ѳеофилу и Новгородскому вѣчу по старинѣ. Передъ отъѣздомъ великаго князя изъ Новгорода явились къ нему всѣ посадники и тысяцкіе, которые не успѣли дать пировъ, и явили ему дары отъ себя, которые собирались ему поднести на пирахъ. За тѣмъ приходили къ нему также съ дарами купцы, и житьи люди и даже многіе люди молодшіе; такъ что не осталось

(*) Кораблениками лѣтопись называетъ золотые Англійскія деньги или шифнобели, стоющіе каждый около двухъ червонцевъ.

(**) Рыбьимъ зубомъ назывались моржовые клыки, цѣнившіеся тогда очень дорого и составлявшіе значительную статью Новгородской торговли.

человѣка въ Новгородѣ, который бы не былъ у него и не принесъ даровъ, или не билъ челомъ о чемъ нибудь. Великій князь всѣхъ принималъ ласково, ко всѣмъ былъ внимателенъ, и всѣхъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ, посадничьихъ дѣтей и купцовъ и житьихъ людей жаловалъ отъ себя подарками, каждому по достоинству, кого одеждами и камками, кого серебряными кубками и ковшами, кого сороками соболей, кого конями; и такимъ образомъ разпростился со всѣмъ Великимъ Новгородомъ весело и съ любовію, чѣмъ конечно пріобрѣлъ себѣ множество приверженцовъ и усилилъ Московскую партію. Великій князь выѣхалъ изъ Новгорода 26 Января 1476 года, и на первомъ стану явились провожать его владыка Ѳеофилъ, князь Шуйскій и многіе посадники, бояре и житьи люди съ дарами на дорогу; великій князь принялъ ихъ очень ласково, угостилъ обѣдомъ и на прощаньѣ дарилъ владыку и князя Шуйскаго.

Московскій князь вызываетъ Новгородцовъ на свой судъ въ Москву.

Февраля 8-го великій князь Иванъ Васильевичъ возвратился благополучно въ Москву, а 31-го марта пріѣхалъ въ Москву владыка Ѳеофилъ со многими посадниками, боярами и житьими людьми бить челомъ великому князю, чтобы онъ пожаловалъ, отпустилъ въ Новгородъ увезенныхъ въ Москву и заточенныхъ по разнымъ городамъ шестерыхъ Новгородскихъ бояръ, посадника Василья Ананьина съ товарищами. Великій князь принялъ съ честію владыку и пріѣхавшихъ съ нимъ бояръ Новгородскихъ и житьихъ людей, угощалъ ихъ обѣдомъ у себя во

дворцѣ; но изъ заточенныхъ неосвободилъ ни одного. Между тѣмъ судъ великаго князя надъ Новгородскими насильниками и грабителями понравился всѣмъ тѣмъ, которые немогли найдти суда и управы въ Новгородѣ; и они стали пріѣзжать въ Москву и бить челомъ великому князю, чтобы онъ далъ имъ судъ съ обидчиками у себя въ Москвѣ. Это прошеніе или желаніе обиженныхъ, конечно, по законамъ Новгородскимъ было не правильно и нарушало изконное право Новгорода, утвержденное всѣми договорами, по которому Новгородца можно судить только въ Новгородѣ; тѣмъ не менѣе великій князь Иванъ Васильевичъ, вѣроятно по сношенію съ своими Новгородскими сторонниками, началъ принимать жалобы на Новгородскихъ насильниковъ и давать своихъ приставовъ для ихъ вызова и даже назначилъ общій срокъ стать на судъ въ Москву на рождество Христово. Это было явное нарушеніе древнихъ правъ Новгорода, тѣмъ не менѣе противъ него никто недѣлалъ явнаго возстанія; всѣ были довольны велико-княжескимъ судомъ, и всѣ обидимые, немогшіе найдти законной защиты въ Новгородѣ, и посадники. и житьи люди, и монахи, и вдовы потянулись за судомъ въ Москву. Великій князь никому не отказывалъ въ судѣ и чрезъ своихъ приставовъ вызывалъ изъ Новгорода обидчиковъ, и всѣмъ давалъ правый безпристрастный судъ, не обращая вниманія ни на богатство, ни на знаменитость обидчиковъ, ни на ихъ общественныя связи; его приставы приводили въ Москву даже по-

садниковъ и другихъ знатныхъ людей, такъ 23 Февраля 1477 года былъ привезенъ за приставомъ посадникъ Захарій Овиновъ со многими Новгородцами, которые пріѣхали иные отвѣчать, а иные искать суда. И все это дѣлалось мирно, Московская партія такъ была сильна въ Новгородѣ, что приставы велико-княжескіе нигдѣ не встрѣчали явнаго сопротивленія, и никто неосмѣливался отказаться отъ приглашенія ѣхать въ Москву на судъ, древнее право Новгорода, что бы Новгородца на Низу не судить, даже неупоминалось, по крайней мѣрѣ мы объ этомъ неимѣемъ никакихъ извѣстій. Конечно Литовская партія насильниковъ, которой приходилось туго, не молчала, и по свидѣтельству лѣтописей жаловалась и разглашала въ народѣ, что такаго насилья отъ князей никогда не было, какъ и земля Новгородская стала и какъ начали быть великіе князья отъ Рюрика; но такія разглашенія и жалобы разпространялись тайкомъ и на нихъ мало обращали вниманія и пренебрегали ими какъ неопасными толками.

Новгородъ присылаетъ къ Московскому князю грамоту, въ которой называетъ его своимъ государемъ.

Между тѣмъ торжествующая Московская партія разочла, что успѣхи велико-княжескаго суда на столько уже велики и такое произвели благопріятное вліяніе на большинство народа, что можно уже предпринять что либо новое, еще болѣе способствующее разпространенію велико-княжескаго вліянія. А посему въ началѣ 1477 года, она созвала народное вѣче, на которомъ успѣла провести два предложенія: 1-е, чтобы великаго князя Московскаго

назвать государемъ Новгорода, чего прежде никогда небывало, ибо прежде князь Новгородскій назывался только господиномъ; и 2-е, чтобы великій князь имѣлъ право держать своихъ тіуновъ по всѣмъ улицамъ, которые бы творили судъ и управу мимо выборныхъ судей или уличанскихъ старостъ, и право жить, или держать намѣстниковъ не на Городищѣ, а въ самомъ Новгородѣ, именно на Ярославовомъ дворѣ. Вѣче, принявши сіи предложенія, написало отъ имени архіепископа Ѳеофила и всего Великаго Новгорода къ великому князю грамоту въ смыслѣ принятыхъ предложеній, и запечатавши сію грамоту печатьми по порядку, отправило отъ имени Новгорода съ сею грамотою подвойскаго Назара и вѣчеваго дьяка Захарію въ Москву, которые именемъ архіепископа Ѳеофила и всего Великаго Новгорода ударили великому князю челомъ и назвали его государемъ Новгорода (*).

(*) Большая часть нашихъ историковъ какъ бы непризнаетъ эту грамоту подлинною и считаетъ самое посольство продѣлкою подвойскаго и вѣчеваго дьяка съ немногими пріятелями, которые можетъ быть сами собою, желая подслужиться, а можетъ быть и по согласію съ самимъ великимъ княземъ, учинили такую хитрость, чтобы дать великому князю поводъ къ объявленію войны Новгородцамъ. Но съ такимъ толкованіемъ дѣла конечно нельзя согласиться: во 1-хъ по тому, что ни въ одной лѣтописи нѣтъ и намековъ на то, чтобы современники подозрѣвали тутъ какую либо хитрость и тайную продѣлку; во 2-хъ, великому князю вовсе не было надобности хитрить, онъ могъ найдти тысячу причинъ вступиться въ Новгородскія дѣла и безъ такой продѣлки, приличной не могущественному государю и при томъ очень умному, а какому нибудь мелкому интригану; въ 3-хъ, во многихъ лѣтописяхъ прямо сказано, что посольство и грамота присланы владыкою Ѳеофиломъ

Посольство Московскаго князя въ Новгородъ для принятія отъ Новгородцовъ присяги.

Получивши отъ имени владыки Ѳеофила и всего Великаго Новгорода такую важную грамоту, которая измѣняла рѣшительно отношенія князя къ Новгороду, великій князь отправилъ отъ себя въ Новгородъ посланниками бояръ Ѳедора Давыдовича Хромаго и Василья Борисовича Борисова Бороздина, и съ ними своего дьяка Василья Далматова, подкрѣпить присягою то, какого хотятъ государства его отчина Великій Новгородъ,—хотятъ ли того, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобы его тіуны сидѣли по всѣмъ улицамъ, и хотятъ ли дворъ Ярослава очистить для великаго князя? Между тѣмъ Литовская партія богачей и насильниковъ, захваченная въ расплохъ при составленіи грамоты и немогшая остановить отправленія ея въ Москву, пользуясь временемъ, пока ѣздило Новгородское посольство и пока ѣхали велико-княжескіе послы въ Новгородъ, успѣла по-

---

и всѣмъ Великимъ Новгородомъ; въ 4-хъ наконецъ, въ лѣтописяхъ говорится, что послѣ рѣчи Московскихъ пословъ на вѣчѣ, народъ прямо бросился грабить посадниковъ и бояръ, которые ту прелесть учинили, слѣдовательно посольство и грамота были извѣстны Новгороду, и посылавшіе дѣйствовали открыто, завѣдомо всѣмъ и по опредѣленію вѣча. А что вѣче передъ велико-княжескими послами отперлось отъ посылки грамоты и пословъ, то это недоказываетъ, что оно неучаствовало въ посылкѣ, оно могло прежде согласиться на посылку грамоты подъ руководствомъ одной партіи, а потомъ, подъ руководствомъ противной партіи, отречься отъ всякаго участія въ дѣлѣ, таковые случаи не разъ бывали въ Новгородѣ и въ прежнее время. Напримѣръ въ 1132 году, вѣче, руководимое одною партіею, выгнало князя Всеволода Мстиславича, и въ слѣдъ затѣмъ тоже вѣче, подъ руководствомъ другой партіи, опять воротило его и посадило княземъ въ Новгородѣ.

правиться и замутить народомъ, натолковать ему о всѣхъ послѣдствіяхъ отправленной грамоты, и конечно тутъ были пущены въ ходъ и деньги, и великолѣпныя обѣщанія черпымъ людямъ, и особенно толпѣ бездомныхъ голышей. А посему, когда великo-княжескіе посланники, пришедши на вѣче, стали говорить отъ имени своего государя всему Новгороду: „вы де прислали великому князю послов съ своею грамотою, въ которой назвали его своимъ государемъ и задались за него, и писали, чтобы въ Велпкомъ Новгородѣ быть его суду и по всѣмъ улицамъ сидѣть велико-княжескимъ тіунамъ, очистить великому князю Ярославле дворище и не вступаться въ судъ великаго князя“; то вѣче, подстроенное Литовскою партіею, отвѣчало: „мы той грамоты пе посылали и о ней ничего не знаемъ, это ложъ и клевета“. И въ слѣдъ за тѣмъ начался народный мятежъ, подкупленные и подпоенные голыши зашумѣли и прежде всего бросились грабить дворы, оружіе и имущество у тѣхъ посадниковъ и бояръ, которые управляли прежнимъ вѣчемъ, устроили посольство въ Москву и отправили грамоту; и тутъ же на вѣчѣ народъ изрубилъ топорами на части стараго посадника Василья Никифорова, обвиненнаго другимъ посадникомъ Захаріемъ Овиномъ въ измѣнѣ отечеству и въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, а за тѣмъ убили и самаго Овина и брата его Козму на владычнѣ дворѣ, заявили достойными смерти многихъ другихъ. И мятежъ продолжался нѣсколько дней, сопровож-

Литовская партія возбуждаетъ мятежъ и даетъ отвѣтъ Московск. князю, что Новгородъ не посылалъ грамоты въ Москву.

даясь шумомъ, грабежемъ и убійствами; пьяная буйная толпа, руководимая подстрекателями, тѣшилась въ волю, и Литовская партія. видя успѣхъ затѣяннаго дѣла, объявила, что нужно передаться Польскому королю Казимиру, дабы успѣшнѣе дѣйствовать противъ великаго князя Московскаго. Все это время, продолжавшееся шесть недѣль, Московскіе послы не получали отпуска отъ вѣча, впрочемъ ихъ неоскорбляли и даже честили. Наконецъ, по истеченіи шести недѣль, Московскіе посланники получили отъ вѣча отпускъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующій отвѣтъ великому князю и его сыну соправителю: „мы челомъ бьемъ вамъ, господинамъ своимъ, а государями васъ не зовемъ, а судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а вашему суду великихъ князей, ни вашимъ тіунамъ у насъ не быть, ни дворища вамъ Ярославля не даемъ. На чемъ мы съ тобою на Коростынѣ миръ докончали и крестъ цѣловали, по тому докончанью хотимъ съ вами жить. А которые вздумали признать тебя государемъ безъ нашего вѣдома, то ты ихъ самъ вѣдай и какъ хочешь казни, а мы ихъ также, гдѣ котораго поймаемъ, хотимъ казнить. А вамъ, своимъ господинамъ, челомъ бьемъ, чтобы вы держали насъ въ старинѣ по крестному цѣлованію“.

Война Московскаго князя съ Новгородомъ.

Такой отвѣтъ Новгородскаго вѣча не могъ имѣть другихъ послѣдствій кромѣ войны; ибо онъ съ одной стороны оскорбительно какъ бы укорялъ великаго князя въ участіи съ измѣнниками и лжецами, а съ другой стороны лишалъ его той власти,

которую онъ пріобрѣлъ мирною поѣздкою въ Новгородъ въ 1475 году, и возвращалъ къ Коростынскому миру; къ тому же Литовская партія явно уже высказала прежнее желаніе поддаться королю Казимиру и обрекала Новгородъ на страшные безпорядки и грабежи насильниковъ, усмиренныхъ было въ 1475 году, и теперь опять поднявшихъ голову и захватившихъ власть. А по сему великій князь Иванъ Васильевичъ, въ слѣдъ за полученіемъ оскорбительнаго Новгородскаго отвѣта, немедленно началъ готовиться къ войнѣ, разослалъ грамоты ко всѣмъ подручнымъ ему князьямъ, даже во Псковъ и къ великому князю Михаилу Борисовичу Тверскому, требуя, чтобы всѣ собрали свои войска и шли на Новгородцовъ, какъ на измѣнниковъ и клятвопреступниковъ; за тѣмъ 30 Сентября отослалъ въ Новгородъ складную грамоту съ объявленіемъ войны, а 9-го Октября и самъ отправился въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ торжествующая Литовская партія занималась преслѣдованіемъ сторонниковъ Московской партіи, которые, спасая свои головы, одинъ за другимъ начали являться въ Москву. Литовская партія сначала была очень самонадѣянна, можетъ быть разчитывая на помощь короля Казимира; и когда Псковичи прислали къ Новгородцамъ своего посла съ извѣщеніемъ, что великій князь подымаетъ ихъ на Новгородъ, то Новгородцы гордо отвѣчали на это предложеніе: „Ежели вы къ намъ немедленно поцѣлуете крестъ на такихъ условіяхъ, какія намъ при-

годны, опричь Коростынскаго докончанія; тогда вамъ все явимъ по нынѣшнему крестному цѣлованію. А ежели такъ къ намъ неучините; то мы отъ васъ не хочемъ никакого пригожества у великаго князя, ни челобитья вашего, ниословъ". Но высокомѣріе Новгородскаго правительства скоро смѣнилось робостью; вообще Литовская партія, умѣвшая затѣять войну съ великимъ княземъ, вовсе не умѣла вести дѣла и совершенно разтерялась. Думая удержать великаго князя, почти приготовившагося къ войны переговорами, она отправила въ Торжекъ, занятый уже велико-княжескимъ намѣстникомъ Васильемъ Ивановичемъ Китаемъ, старосту Даньславской улицы Ѳедора Калитина, бить челомъ великому князю, чтобы дозволилъ безпрепятственно придти владыкѣ и посламъ Новгородскимъ на переговоры: но великій князь приказалъ Ѳедора Калитина задержать въ Торжкѣ до своего пріѣзда. По присылкѣ уже великимъ княземъ складной грамоты, 16 Октября, отъ Новгородцевъ пріѣхалъ въ Торжекъ другій опащикъ просить о свободномъ проѣздѣ владыки и Новгородскаго посольства; великій князь и этого приказалъ задержать до своего пріѣзда. А въ это же время въ самомъ Новгородѣ сторонникамъ Московской партіи день отъ дня становилось опаснѣе, и они одинъ за другимъ спѣшили къ великому князю съ просьбами принять къ себѣ въ службу; такъ 19-го Октября пріѣхали къ великому князю Новгородскіе бояре Лука Клементьевъ да братъ его Иванъ, 26 Октября встрѣ-

тилъ великаго князя на Волокѣ и билъ челомъ въ службу посадникъ Новгородскій Григорій Михайловичъ Тучинъ, 28 Октября билъ челомъ въ службу на Березкѣ житій Новгородскій Адріянъ Савельевъ.

Но въ то время, какъ владычествующая въ Новгородѣ Литовская партія, способная только производить мятежи и безпорядки, занималась преслѣдованіемъ своихъ домашнихъ противниковъ и непредпринимала ни одной сколько нибудь рѣшительной мѣры въ защиту Новгородскихъ владѣній; войска великаго князя безпрепятственно вступили въ Новгородскую землю и начали жечь и опустошать селенія, нигдѣ не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія и не находя ни одного отряда, высланнаго Новгородскими властями на защиту нещастной земли; вездѣ, гдѣ ни являлись велико-княжескіе войска, жители или разбѣгались по лѣсамъ, или спѣшили укрыться въ стѣнахъ Новгорода. Новгородское правительство, какъ бы потерявши голову, заботилось только о собственной безопасности; оно не только непослало рати или воеводы въ Заволочье, которое по таковой оплошности немедленно было занято Московскими войсками, не только не собрало войска для встрѣчи непріятеля, неукрѣпило разныхъ Новгородскихъ пригородовъ и оставило всю Новгородскую землю на произволъ судьбы; но даже не заботилось сжечь Новгородскихъ окрестныхъ монастырей и посадовъ, дабы не было пристанища врагу во время осады Новго-

рода, какъ это обыкновенно дѣлали Новгородцы въ прежнее время. Московскія войска уже проникли на западъ за городъ Яму до моря, страшно опустошили пройденную страну и нигдѣ не видали ни воеводъ, ни войскъ Новгородскихъ, какъ будто бы сила Новгородская вся вымерла. Такъ что настоящая война не только не походила на древнія войны, когда сотни Новгородцовъ гнали тысячи непріятелей; но даже не могла сравняться съ недавнею войною 1471 года, которая хотя была не удачна, но велась по плану и при томъ такому, который обличалъ въ тогдашнихъ Новгородскихъ вождяхъ и распорядительный умъ, и воинскія способности; теперешнее же Новгородское правительство ничего этаго не имѣло и отличалось только крайнимъ своекорыстіемъ и совершенною безразсудностію.

Первое Новгородское посольство къ великому князю въ станъ въ Сытинѣ.

Когда уже великій князь Московскій былъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода въ Сытинѣ, 23 Ноября явился къ нему владыка Ѳеофилъ съ Новгородскимъ посольствомъ въ числѣ одинадцати человѣкъ изъ бояръ, житыхъ людей и купцовъ. Это первое посольство въ настоящую войну лучше всего говоритъ, что за люди были тогдашніе Новгородскіе правители; ибо когда Новгородъ былъ уже окруженъ велико-княжескимъ войскомъ и дѣло шло о томъ быть или не быть Новгороду самостоятельнымъ государствомъ, послы, явясь на лицо къ великому князю, просили почти прежде всего, чтобы онъ отпустилъ изъ заточенія тѣхъ насильниковъ бояръ, вождей Литовской партіи, которые въ 1475 году, обвиненные

законнымъ судомъ, были отправлены въ ссылку и о которыхъ уже нѣсколько разъ партія просила безъ успѣшно и на освобожденіе которыхъ нельзя было и надѣяться. Далѣе, когда великій князь дозволилъ Новгородскому посольству вступить въ переговоры съ своими боярами; то послы предложили такія условія, которыя можно было сдѣлать послѣ какой либо значительной побѣды; они во 1-хъ потребовали по прежнему возвращенія заточенныхъ бояръ; во 2-хъ, чтобы великій князь пріѣзжалъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ бы за это по тысячѣ рублей. тогда какъ и древніе князья, когда Новгородъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, имѣли право ѣздить на третій годъ и получать дары; въ 3-хъ, чтобы великій князь велѣлъ своему намѣстнику держать судъ вмѣстѣ съ посадникомъ въ городѣ, а чего не исправятъ намѣстникъ и посадникъ, то самъ бы, пріѣхавъ на четвертый годъ, тому управу чинилъ; т. е. такое условіе, которое давно уже было уступлено Московскимъ князьямъ по Яжелбицкому и Коростынскому договорамъ; въ 4-хъ, чтобы великій князь отказался отъ пріобрѣтеннаго имъ права вызывать Новгородцовъ на судъ въ Москву; и въ 5-хъ наконецъ, чтобы велико-княжескіе намѣстники не вызывали Новгородцовъ на судъ даже на Городище, какъ это бывало прежде, а судили бы въ городѣ. Кажется, требованія сіи даже самому посольству показались слишкомъ большими; ибо въ заключеніе посолъ Яковъ Коробовъ говорилъ: „что билъ челомъ государю великому князю бого-

молецъ его владыка и посадники и житьи отъ Великаго Новгорода, то челобитье предъ государемъ великимъ княземъ, а за тѣмъ челобитьемъ отчина его паки проситъ, чтобы государь пожаловалъ своей отчинѣ, какъ ему Богъ положитъ на сердцѣ отчина своя жаловать, и отчина его государю челомъ бьютъ, въ чемъ имъ мочно будетъ быти".

Отвѣтъ великаго князя Новгородскому посольству.

На таковыя требованія Новгородскаго посольства великій князь сперва отвѣчалъ приказомъ къ своимъ воеводамъ, чтобы немедленно придвинули войска къ Новгороду, заняли Городище и всѣ пригородные монастыри и посады, что и было исполнено въ одну ночь съ 24 на 25 число Ноября, и такимъ образомъ Новгородцы не успѣли отнять у непріятеля лучшихъ пристанищъ стоять подъ городомъ во время осады. А на слѣдующій день, 25 Ноября, великій князь приказалъ своимъ боярамъ дать слѣдующій отвѣтъ Новгородскому посольству отъ своего имени: „сами вы вѣдаете, что посылали къ намъ отъ нашей отчины отъ Великаго Новгорода отъ всего пословъ своихъ, Назара подвойскаго и Захарью дьяка вѣчеваго, назвали насъ, великихъ князей, себѣ государями; и мы по вашей присылкѣ и по челобитью вашему, послали къ своей отчинѣ, къ Великому Новгороду, своихъ бояръ и велѣли спросить тебя, богомольца, и свою отчину Великій Новгородъ, какого хотите вы нашего государства на нашей отчинѣ, на Великомъ Новгородѣ? и вы въ томъ заперлися, и присылали своихъ пословъ съ жалобою, что мы вамъ дѣлаемъ насиліе, и тѣмъ положили на насъ, своихъ

государей, ложь, и много другихъ неисправленій и неправдъ было съ вашей стороны. Мы же съ своей стороны долго удерживались, ожидая вашего исправленія и посылали къ вамъ съ увѣщаніями; вы же, продолжая лукавствовать, наконецъ вывели насъ изъ терпѣнія, и мы отправились на васъ войною за ваше неисправленіе. Да и теперь, когда пришли бить челомъ, чтобы я отложилъ нелюбье, вы поставили еще рѣчи о Новгородскихъ боярахъ, на которыхъ я положилъ свою опалу, и просите, чтобы я ихъ освободилъ и отпустилъ въ Новгородъ; а вамъ вѣдомо самимъ и всему Новгороду, что на тѣхъ бояръ билъ мнѣ челомъ весь Великій Новгородъ, что отъ нихъ много зла чинилось Новгороду и волостямъ, наѣзды, и грабежи, и кровопролитіе; и я обыскавъ тобою же, владыка, и вами, посадники„ и всѣмъ Новгородомъ, что много зла чинится отъ нихъ, и казнить ихъ хотѣлъ, но по вашей просьбѣ отъ казни освободилъ; а теперь вы объ нихъ опять заводите рѣчь, чего вамъ дѣлать не годилось, и послѣ того какъ намъ васъ жаловать?“ Далѣе, отъ имени великаго князя бояре сказали посланникамъ: „восхощетъ отчина наша Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и они знаютъ, наша отчина, какъ намъ, великимъ князьямъ, бить челомъ“. И съ тѣмъ отпустилъ посольство. Послѣдпія слова великокняжескаго отвѣта показываютъ, что посольство Назара подвойскаго и Захарія дьяка вѣчеваго было сдѣлано гласно отъ всего Новгорода на вѣче, а не тайкомъ одною партіею Московскихъ приверженцевъ,

что условія этого посольства и предложенія были сдѣланы по согласію всего Новгорода и что великій князь настаивалъ только на исполненіи того, что было предложено Новгородцами; иначе ему не къ чему было бы говорить, что Новгородъ знаетъ какъ бить челомъ.

Крайне стѣснительное положеніе Новгорода, голодъ, безпорядки.

По отпускѣ пословъ, великій князь далъ приказаніе воеводамъ еще ближе придвинуть войска къ Новгороду и обложить его со всѣхъ сторонъ; а 27 Ноября и самъ пришелъ подъ Новгородъ черезъ Ильмень озеро по льду и сталъ у Троицы на Паозерьѣ, за три версты отъ города, близъ Юрьева монастыря. 30 Ноября великій князь далъ приказъ воеводамъ, чтобы половину полковъ отпустили на десять дней на покормъ по волости, а къ 11 Декабря были бы всѣ подъ городомъ непремѣнно. гдѣ бы кто ни былъ, и въ тотъ же день послалъ своего пристава встрѣчать Псковскую рать, бывшую на походѣ, чтобы шла поспѣшнѣе и везла съ собою пушки и другіе осадные припасы. Декабря 4-го явился въ Московскомъ станѣ владыка Ѳеофилъ съ Новгородскимъ посольствомъ въ другой разъ бить челомъ государю, чтобы пожаловалъ указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положитъ на сердцѣ свою отчину жаловать. И великій князь приказалъ своимъ боярамъ дать прежній отвѣтъ, что Новгородъ знаетъ какъ бить челомъ, ежели захочетъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ, осажденномъ со всѣхъ сторонъ, день ото дня увеличивались безпорядки и стѣсненія; съ начала думали защищаться и дорого продать свою свободу,

устроили по обѣ стороны Волхова и черезъ самый Волховъ на судахъ деревянную стѣну; но вскорѣ пошла разладица и споры на вѣчѣ, одни требовали мира съ великимъ княземъ, а другіе хотѣли воевать. Московскіе же полки день ото дня придвигались ближе и тѣснѣе подступали къ городу; а слабое Новгородское правительство, неимѣя во главѣ ни одного дѣльнаго и распорядительнаго человѣка, продолжало чуть не каждый день отправлять къ великому князю въ станъ владыку Ѳеофила съ посольствомъ и непредпринимало ничего для защиты города; явно что въ это время въ рядахъ Литовской партіи уже не было ни Димитріевъ Борецкихъ, ни Казимировъ, ни другихъ способныхъ мужей. Наконецъ городъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ и переполненный народомъ, отвсюду изъ окрестностей сбѣжавшимся въ осаду, сталъ терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и отъ тѣсноты между народомъ появились заразительныя повальныя болѣзни; оторопѣлое и слабое правительство незнало что дѣлать, оно продолжало тянуть время въ безплодныхъ переговорахъ, тогда какъ голодъ и ужасающее развитіе заразы росли съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Между тѣмъ какъ въ Московскомъ станѣ было полное довольство, по приказу государеву, Псковскіе торговцы пригнали цѣлые обозы съ хлѣбомъ и другими припасами и торговали съ войсками поволью ною цѣною; отъ Новгорода небыло никакихъ признаковъ жизни, кромѣ посольствъ къ Великому князю. Московскій станъ своимъ довольствомъ, такъ

сказать, дразнилъ Новгородцовъ, сидящихъ въ осадѣ и крайне нуждающихся въ хлѣбѣ. О довольствѣ Московскаго стана Псковская лѣтопись говоритъ: „А ко Пскову князь великій своего боярина прислалъ, чтобы Псковичи ему еще и тѣмъ послужили, сколько муки пшеничной и рыбы и меду прислали прѣснаго, а иное бы со всякимъ торгомъ купцы Псковскіе тамъ къ нему въ силу подъ Великій Новгородъ со всякимъ товаромъ торговати сами ѣхали; Псковичи же все ему, князю великому, по его слову, и хлѣбъ, и медъ, и муку пшеничную и колачи и рыбы и всего вдоволь, покрутивъ на воза съ своими извощиками, къ нему послали; а съ ними поѣхали и иные купцы многіе Псковскіе съ инымъ товаромъ разноличнымъ многимъ.»

Новыя посольства Новгородцовъ къ великому князю въ станъ.

Туго приходилось Новгородцамъ, а ихъ слабое правительство въ непонятной надеждѣ продолжало вести переговоры съ великимъ княземъ Московскимъ; владыка Θеофилъ съ посольствомъ ровно десять разъ приходилъ въ велико-княжескій станъ. Декабря 5-го числа былъ третій приходъ владыки и посольства; на этотъ разъ посланники Новгородскіе уже пошлись вынужденными повиниться передъ великимъ княземъ и передъ его братьями, что Новгородъ дѣйствительно присылалъ въ Москву Назара подвойскаго и Захарія дьяка вѣчеваго съ граматою, въ которой великаго князя написали государемъ, а потомъ въ Новгородѣ передъ Московскими послами запершись въ томъ; и вмѣстѣ съ повинною просили, чтобы государь великій князь

сказалъ, какого государства онъ желаетъ себѣ въ Новгородѣ? На это великій князь отвѣчалъ, что онъ хочетъ въ Новгородѣ быть такимъ же государемъ, какъ и въ Москвѣ. Такой отвѣтъ съ разу поразилъ посольство; и оно просило, чтобы государь позволилъ ѣхать въ городъ и тамъ подумать о такомъ важномъ дѣлѣ. Государь согласился и далъ сроку на размышленіе два дни. Между тѣмъ подошло Псковское войско, и великій князь велѣлъ ему расположиться въ Троицкомъ монастырѣ на Веряжи, на Клопскѣ и въ селѣ Оедотьинѣ, принадлежащемъ Исаковой женѣ Полинарьина; а на слѣдующій день 6-го Декабря далъ приказъ своему инженеру Фрязину Аристотелю построить отъ города на судахъ мостъ черезъ Волховъ, что и было исполнено. Декабря 7-го владыка Новгородскій съ прежнимъ посольствомъ и съ пятью выборными изъ черныхъ людей отъ пяти концовъ въ четвертый разъ прибылъ въ велико-княжескій станъ и билъ челомъ государю, чтобы пожаловалъ-дозволилъ переговорить съ боярами. Великій князь дозволилъ; и посольство предложило боярамъ слѣдующія условія, которыя послы говорили одинъ за другимъ по очереди: 1-я рѣчь была посадника Якова Короба, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ своему намѣстнику судить вмѣстѣ съ посадникомъ; 2-я рѣчь посадника Ѳеофилакта, чтобы государь пожаловалъ на всякій годъ дань бралъ со всѣхъ волостей Новгородскихъ съ сохи по полугривнѣ Новгородской; 3-я рѣчь посадника Луки, чтобы государь пожа-

ловалъ пригороды Новгородскіе держалъ своими намѣстниками, а судъ бы былъ по старинѣ; 4-я рѣчь посадника Якова Ѳедорова, чтобы государь пожаловалъ вывода нечинилъ изъ Новгородской земли, да в въ вотчины, въ боярскія земли невступался, и не дѣлалъ бы вызова Новгородцовъ на судъ въ Москву. Наконецъ все посольство било челомъ, чтобы Новгородцамъ небыло пограничной службы въ Низовой землѣ, а будутъ Новгородцы защищать по повелѣнію государей только тѣ границы, которыя сошлись съ Новгородскими землями. Предложенія сіи не предоставляли великому князю даже и тѣхъ правъ, которыя Московская партія уступала ему по грамотѣ, присланной съ Назаромъ подвойскимъ и Захаріею вѣчевымъ дьякомъ, хотя уже посольство отъ имени всего Новгорода призналось, что вѣче несправедливо отреклось отъ этой грамоты передъ Московскими послами, и Новгородъ согласился называть великаго князя государемъ Новгородскимъ. А по сему, когда бояре передали великому князю условія посольства; то онъ велѣлъ отвѣчать посламъ отъ своего имени слѣдующее: „Билп челомъ мнѣ, велпкому князю, ты, нашъ богомолецъ, и наша отчина Великій Новгородъ, зовучи насъ себѣ государи, да чтобы мы пожаловали-указали своей отчинѣ, какову нашему государству быть въ Новгородѣ, и мы сказали, что хотимъ государства на своей отчинѣ въ Новгородѣ такова, какъ наше государство въ Низовой землѣ на Москвѣ; а вы сами указываете мнѣ и чините

Рѣшительный отвѣтъ великаго князя.

условія, какъ намъ быть государемъ; ино то какое наше государство". Посланники отвѣчали на это извиненіемъ, что они незнаютъ Низовой пошлины, какъ государи наши великіе князи держатъ свое государство въ Низовой землѣ". На это великій князь черезъ своихъ бояръ далъ такой отвѣтъ: „вы били мнѣ челомъ, чтобы я явилъ вамъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ; ино наше государство великихъ князей таково: вѣчу колоколу въ нашей отчинѣ въ Новѣгородѣ небыть, посаднику небыть; а на чемъ намъ свое государство держать въ своей отчинѣ, для этаго должны быть отписаны на насъ извѣстныя волости и села, какъ у насъ въ Низовой землѣ; (*) а которыя земли наши, великихъ князей, за вами, а то бы было наше. А что вы били челомъ мнѣ, великому князю, чтобы вывода изъ Новгородской земли небыло, да и у бояръ у Новгородскихъ въ вотчины, въ ихъ земли, намъ невступаться; и мы тѣмъ свою отчину жалуемъ, чтобы вывода неопасались, а въ вотчины ихъ мы невступаемся. А суду быть въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ".

Новгородское посольство, получивши такой отвѣтъ, естественно немогло разрѣшить его, и воротилось съ дозволенія великаго князя въ городъ.

(*) Значитъ и въ Низовой землѣ, въ Москвѣ и другихъ Московскихъ владѣніяхъ тогда не вся земля принадлежала государю, а только извѣстныя опредѣленныя волости и села, которыя въ памятникахъ называются дворцовыми.

Въ городѣ, какъ скоро узнали о велико-княжескомъ неожиданномъ отвѣтѣ, произошелъ немедленно страшный мятежъ, народъ и безъ того уже отягченный осадою и терпящій во всемъ крайнюю нужду, теперь ко всему этому узналъ о страшномъ рѣшеніи великаго князя; шуму, крикамъ, воплямъ и рыданіямъ небыло конца. Псковская лѣтопись говоритъ: „и восколебались какъ пьяные, и не было между ими согласія, а были споры и брани“; бояре и богачи, обезпеченные обѣщаніемъ великаго князя невступаться въ ихъ вотчины и имѣнія, стали на сторонѣ великаго князя и требовали, чтобы народъ отдался въ его волю, а черные люди, вѣроятно подстрекаемые остаткомъ Литовской партіи, не надѣявшихся на милость къ нимъ великаго князя, требовали войны; и чернь встала на бояръ, а бояре на чернь, и такъ продолжалась цѣлая недѣля. А между тѣмъ велико-княжескія войска все тѣснѣе и тѣснѣе сжимали городъ и отнимали у осажденныхъ всѣ средства къ защитѣ. Накопецъ 14 Декабря владыка Ѳеофилъ съ прежнимъ Новгородскимъ посольствомъ въ пятый разъ явился въ станъ къ великому князю съ наказомъ отъ вѣча. По этому наказу посольство говорило боярамъ великаго князя, что Новгородъ отмѣняетъ и вѣче и посадника, и проситъ только, чтобы государь недѣлалъ вывода изъ Новгородской земли и невступался въ боярскія вотчины и имѣнія, невызывалъ на судъ въ Москву и ненаряжалъ Новгородцовъ на службу въ Низовую землю. И когда на все сіе великій князь изъявилъ

Новгородцы соглашаются отмѣнить вѣче и посадника.

согласіе; то посольство стало бить челомъ, чтобы государь въ подтвержденіе своего обѣщанія цѣловалъ крестъ Великому Новгороду; великій князь отвѣчалъ на это: „того небудетъ, чтобы я цѣловалъ крестъ“. Тогда послы стали просить, чтобы его бояре цѣловали крестъ; „и этаго небудетъ“, отвѣчалъ великій князь; за тѣмъ послы стали бить челомъ, чтобы цѣловалъ крестъ велико-княжескій намѣстникъ, который будетъ присланъ въ Новгородъ; великій князь и на это несогласился. Тогда наконецъ послы просили объ опасной грамотѣ, чтобы имъ свободно было проѣхать въ городъ; но великій князь и въ этомъ отказалъ; и послы принуждены были оставаться въ велико-княжескомъ станѣ и пробыли тамъ слишкомъ двѣ недѣли. Во все это время въ Новгородѣ продолжались смятенія, слабое правительство находилось въ недоумѣніи и безпокоилось продолжительнымъ отсутствіемъ Новгородсткаго посольства. Князь Василій Васильевичъ Шуйскій, состоявшій воеводою на службѣ у Великаго Новгорода, видя, что ему не у чего оставаться въ Новгородѣ, 28 Декабря торжественно на вѣчѣ передъ народомъ сложилъ съ себя присягу и объявилъ, что онъ идетъ служить великому князю и цѣлуетъ крестъ на его имя. Наконецъ 29 Декабря владыка Ѳеофилъ съ Новгородскимъ посольствомъ сталъ бить челомъ великому князю и сказалъ боярамъ, чтобы государь отложилъ гнѣвъ и самъ своимъ словомъ сказалъ, чѣмъ онъ жалуетъ свою отчину. Великій князь дозво-

лилъ посольству явиться къ себѣ на лицо и самъ сказалъ вошедшимъ посламъ: «вы били мнѣ челомъ, ты, богомолецъ нашъ владыка, и посадники съ тобою, и житьи, и черные люди отъ нашея отчины отъ Великаго Новгорода, чтобы я пожаловалъ гнѣвъ свой отложилъ, и вывода бы изъ Новгородской земли нечинилъ, и въ вотчины и въ животы людскіе не вступался, и позва бы Московскаго не было, и суду быть по старинѣ въ Новгородѣ, какъ судъ въ землѣ стоитъ, да и на службу васъ въ Низовую землю не наряжать; и я тѣмъ всѣмъ васъ, свою отчину, жалую, все то отложилъ.“ Посольство, выслушавъ такую рѣчь, ударило челомъ и вышло отъ великаго князя. Такимъ образомъ судьба Новгорода была рѣшена, остались только нѣкоторые мелкіе разчеты, которые и продолжались еще двѣ недѣли, и все это время Новгородъ находился въ тѣсной осадѣ, терпѣлъ крайній недостатокъ въ хлѣбѣ и опустошался заразительными болѣзнями, произведенными тѣснотою помѣщенія отъ множества людей, сбѣжавшихся на время осады въ городъ.

Переговоры о волостяхъ, которыя Новгородъ уступаетъ великому князю.

Когда посланники вышли отъ великаго князя, то бояре нагнали ихъ и именемъ государя говорили: „великій князь велѣлъ вамъ сказать, что Великій Новгородъ долженъ отписать на насъ волости и села; ибо намъ, великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ безъ того нельзя держать“. Посольство отвѣчало: „скажемъ Новгороду.“ И Новгородъ, узнавши о требованіяхъ великаго князя, тѣхъ же пословъ отправилъ въ Московскій станъ

въ шестый разъ, 1 Января 1478 года; и послы объявили великому князю, что Новгородъ отписываетъ на него волости Великіе Луки и Ржеву пустую; но князь не принялъ сихъ волостей. Тогда Новгородъ 4-го января отправилъ тоже посольство въ седмый разъ съ предложеніемъ десяти волостей владычнихъ и монастырскихъ и всѣхъ земель и волостей, чьи бы ни были въ Торжкѣ; великій князь и сихъ волостей неприпялъ. Послѣ этого посольство било челомъ, чтобы великій князь самъ назначилъ волости, какія желаетъ взять; и великій князь объявилъ черезъ бояръ, чтобы на его имя была отписана половина волостей владычнихъ и монастырскихъ, и половина волостей Новоторжскихъ, чьи бы ни были. Новгородцы, получивъ такой отвѣтъ великаго князя, прислали свое посольство въ осмый разъ 6-го Января съ объявленіемъ, что они согласны уступить половину означенныхъ волостей, только просятъ, чтобы государь взялъ половину волостей и земель только съ шести большихъ монастырей,—съ Юрьева, Баговѣщенскаго, Аркадіева, Антоніева, Никольскаго съ Неревскаго конца и съ Михайловскаго на Сковородкѣ, а съ прочихъ бы монастырей не бралъ; ибо тѣ монастыри бѣдны и земель у нихъ мало. И великій князь велѣлъ посламъ идти въ городъ и написать въ списокъ половину волостей владычнихъ и монастырскихъ, и чтобы ничего не утаили. въ противномъ случаѣ утаенное будетъ взято на великаго князя. На слѣдующій день 7-го Января посольство явилось къ великому князю въ девятый разъ

и принесло съ собою списки владычнихъ и монастырскихъ волостей; и великій князь пожаловалъ половины владычнихъ волостей не взялъ, а взялъ только десять волостей, всего 318 сохъ, да всѣ земли Новоторжскія владычни, монастырскія, боярскія и чьи бы то ни было, а у шести показанныхъ выше монастырей взялъ половину, всего 451 соху съ обжею, да еще взялъ же на себя села, бывшія за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ, всего 78 сохъ. Января 8-го прежнее Новгородское посольство явилось въ десятый разъ,—условиться о дани, какую Новгородъ будетъ платить великому князю, и явило боярамъ, что со всѣхъ волостей Новгородскихъ будетъ платиться дани по семи денегъ съ сохи, а соха Новгородская три обжи, а обжа одинъ человѣкъ на одной лошади пашетъ (*), а кто на трехъ лошадяхъ пашетъ самъ-третей, то соха. Великій князь объявилъ на это, что онъ желаетъ взять по семи денегъ съ обжи; но владыка и посольство упросили, чтобы бралъ по семи денегъ съ трехъ обежъ или съ сохи на годъ. И великій князь согласился брать одинъ разъ въ годъ дань по полугривнѣ или по семи денегъ съ сохи со всѣхъ волостей Новгородскихъ, и на Двинѣ, и въ Заволочьѣ, на всякомъ кто ни пашетъ землю и на ключникахъ и на старостахъ и на одерноватыхъ (полныхъ) холопяхъ. И владыка со всѣмъ посольствомъ били

(*) Въ Новгородскую обжу полагалось около 15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, слѣдовательно въ Новоргодской сохѣ было 45 десятинъ.

челомъ, чтобы государь пожаловалъ писцовъ своихъ и даньщиковъ въ Новгородскія волости не посылалъ, ибо это крестьянству тяжко, а положилъ бы то на Новгородскую душу. а скажутъ всѣхъ, сколько у кого сохъ будетъ, да сами собравъ дань отдадутъ по крестному цѣлованью безъ хитрости тому, кому великіе князи прикажутъ въ Новгородѣ. Великій князь согласился и на это и обѣщалъ непосылать писцовъ и даньщиковъ, и 10-го Января велѣлъ своимъ боярамъ сказать владыкѣ и посольству о Ярославовомъ дворѣ, чтобы тотъ дворъ ему очистили. И посольство отвѣчало: „о томъ, господине, ѣдемъ въ городъ, да и скажемъ Новгороду.“ Отпуская пословъ, великій князь приказалъ имъ явить списокъ, по которому Новгородъ долженъ цѣловать крестъ къ великимъ князьямъ; и послы сказали, чтобы государь самъ послалъ тотъ списокъ въ городъ и явилъ Новгороду. По этой просьбѣ посольства великій князь въ слѣдъ за Новгородскими послами отправилъ списокъ съ подьячимъ своимъ Одинцомъ и велѣлъ его явить Новгороду у владыки въ полатѣ, что и было исполнено въ точности. списокъ объявленъ Новгороду въ палатѣ у владыки, а не на вѣчѣ.

Января 12-го владыка Θеофилъ въ послѣдній разъ пришелъ съ прежнимъ посольствомъ въ велико-княжескій станъ и явилъ боярамъ, что Новгородъ отдаетъ великимъ князьямъ Ярославовъ дворъ, хотятъ они возьмутъ этотъ дворъ, или захотятъ взять другое мѣсто въ околодкѣ противъ этаго двора, и что

списокъ съ цѣловальной (т. е. присяжной) записи объявленъ Новгороду, и Новгородцы тотъ списокъ слышали и на́ всемъ на томъ къ своимъ государямъ крестъ цѣлуютъ, и во всемъ полагаются на Бога и на ихъ, своихъ государей великихъ князей. И великій князь велѣлъ запись цѣловальную записать дьяку Новгородскому съ своего списка слово въ слово, на чемъ Новгородцамъ къ нимъ, великимъ князьямъ, крестъ цѣловать, да тотъ списокъ велѣлъ подписать владыкѣ своею рукою, да и печать свою приложить, да по печати отъ пяти концовъ приложить къ тому же списку, и на завтрашній день быть у великаго князя у Троицы на Паозерьѣ владыкѣ и посадникамъ и житымъ людямъ. Января 13-го пришелъ къ великому князю въ станъ владыка Ѳеофилъ, а съ нимъ бояре Новгородскіе и многіе житьи люди и купцы, и по приказу государеву принесли цѣловальную запись, переписанную владычнимъ дьякомъ, подписанную самимъ владыкою и утвержденную владычнею печатью и пятью печатьми отъ пяти Новгородскихъ концовъ. И въ тотъ же день въ велико-княжескомъ стану у Троицы на Паозерьѣ Новгородскіе бояре, житьи люди и купцы передъ государевыми боярами по той записи цѣловали крестъ къ великимъ князьямъ. При чемъ государевы бояре говорили Новгородцамъ, чтобы они не мстили Псковичамъ за ихъ службу государю, и въ земли бы, и въ воды, и въ дворъ и въ берегъ Псковскій, что въ Новгородѣ, не вступались и не дѣлали бы имъ ни какой обиды, а о всѣхъ обидныхъ дѣлахъ и о

земляхъ и о водахъ Новгородскимъ намѣстникамъ великихъ князей пересылаться съ Псковскими намѣстниками, чтобы былъ судъ и управа на обѣ стороны. Кромѣ того государевы бояре говорили имъ о Повгородскихъ боярахъ и боярскихъ дѣтяхъ и боярыняхъ, которые служили великому князю, чтобы имъ не мстили ни которою хитростью. Да говорили еще о пригородахъ и о Двинѣ и о Заволочьѣ, чтобы въ пригородахъ всѣмъ людямъ да и Двинянамъ и Заволочанамъ крестное цѣлованье къ Новгороду сложить, а цѣловать крестъ на имя великихъ князей. И Повгородцы, бывшіе въ станѣ, цѣловали крестъ къ великимъ князьямъ на всемъ на томъ, что въ записи писано и что имъ говорили государевы бояре. И цѣловавши крестъ, владыка и Новгородскіе бояре и житьи люди и купцы просили государевыхъ бояръ о ходатайствѣ передъ государемъ, чтобы государь пожаловалъ отдалъ имъ нелобье и съ сердца сложилъ гнѣвъ свой и самъ бы въ слухъ сказалъ всѣмъ по прежнему своему слову и жалованью; и великій князь ихъ пожаловалъ, всѣмъ имъ самъ повторилъ все то, что говорилъ прежде 29 декабря 1477 года, да послѣ тѣхъ рѣчей еще прибавилъ: „а что Богъ дастъ и впередъ тебя, своего богомольца, и свою отчину Великій Новгородъ хочу жаловать“ Такимъ образомъ кончился весь древній порядокъ Новгородскій, и Новгородцы чрезъ своихъ представителей, посланниковъ, не только отреклись отъ него, но и цѣловали крестъ на новомъ порядкѣ, какой угодно было дать великому князю.

Бояре великаго князя приводятъ Новгородъ къ присягѣ.

Января 15-го великій князь Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ бояръ своихъ: князя Ивана Юрьевича, да Ѳедора Давыдовича, да князя Ивана Стригу, да Василья и Ивана Борисовичевъ, привести весь Великій Новгородъ къ крестному цѣлованью на той цѣловальной записи, на которой великій Новгородъ добилъ челомъ великимъ князьямъ; при чемъ великій князь приказалъ сказать Великому Новгороду и свое жалованье; а велѣлъ править посольство одному князю Ивану Юрьевичу къ владыкѣ Ѳеофилу и ко всему Великому Новгороду въ полатѣ, чтобы съ этаго дня Новгородскаго вѣча уже и въ помипѣ не было. И князь Иванъ Юрьевичъ, правя посольство, говорилъ: „великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ, тебѣ, богомольцу владыкѣ, и своей отчинѣ Великому Новгороду говоритъ такъ: „ты, нашъ богомолецъ архіепископъ Ѳеофилъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ и вся наша отчина Великій Новгородъ, били челомъ нашей братьи о томъ, чтобы я пожаловалъ смиловался, нелюбье съ сердца сложилъ; и я, князь великій, ради своей братьи, пожаловалъ васъ, свою отчину, нелюбье отложилъ. И тыбы, богомолецъ нашъ архіепископъ, и отчина наша, на чемъ добили челомъ намъ, великимъ князьямъ, своимъ государямъ, и грамоту записали и крестъ цѣловали, и по тому бы отчина наша, всѣ люди Новгородскіе, по той же грамотѣ крестъ цѣловали и правили бы намъ; а мы васъ, свою отчину, впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленью къ намъ“. Послѣ этой рѣчи

бояре великаго князя на владычнѣ же дворѣ стали приводить ко кресту Новгородскихъ бояръ, житьихъ и купцовъ и прочихъ на томъ, на чемъ добили челомъ великому князю по грамотѣ. А на пять концовъ великій князь послалъ своихъ дѣтей боярскихъ и дьяковъ привюдить къ кресту на той же грамотѣ всѣхъ людей, и женъ боярскихъ вдовъ, и людей боярскихъ. А что была у Новгородцовъ грамота, укрѣпленная между собою за пятидесятью осьми печатями, и ту грамоту государевы бояре взяли на владычнемъ дворѣ при крестномъ цѣлованіи. Января 18-го бояре Новгородскіе, и всѣ боярскіе дѣти и житьи люди били государю челомъ въ службу, и получивъ приказъ поступить въ службу, когда вышли отъ великаго князя; то онъ выслалъ въ слѣдъ за ними своего боярина Ивана Товаркова, который двѣнадцати старѣйшимъ боярамъ Новгородскимъ.—Казимиру, брату его Коробу, Θеофилакту Захарьину и ихъ товарищамъ, именемъ великаго князя сказалъ: „по которой грамотѣ великимъ князьямъ крестъ цѣловали, по той бы грамотѣ государемъ своимъ и правили по томужъ крестному цѣлованію, и кто что у брата своего Новгородца о великихъ князьяхъ добро или зло услышитъ и увѣдаетъ подлинно, о томъ бы доносили своимъ государямъ великимъ князьямъ; а что учнутъ великіе князи про какое свое дѣло съ вами говорить, или бояре великаго князя о чемъ отъ васъ провѣдывать про государево дѣло, и тогобъ вамъ государева дѣла не проносить по томужъ крестному цѣлова-

нію; и тѣ бояре всѣ на томъ дали слово, на чемъ цѣловали крестъ. Потомъ въ тотъ же день владыка билъ челомъ, чтобы государь пожаловалъ своихъ приставовъ въ волости и села, ибо крестьяне, сбѣжавшіеся въ осаду, не смѣютъ выйдти изъ города, и государь велѣлъ дать приставовъ. А 20-го Января великій князь послалъ въ Москву къ матери и къ митрополиту и къ сыну своему великому князю Ивану Ивановичу князя Ивана Ивановича Слыха съ тѣмъ, что отчину свою. Великій Новгородъ, привелъ во всю свою волю и учинился въ немъ государемъ, какъ и на Москвѣ. Такъ кончилось независимое, самостоятельное существованіе господина Великаго Новгорода, онъ пересталъ называться господиномъ и поступилъ въ разрядъ обыкновенныхъ Московскихъ волостей.

Великій князь назначаетъ четырехъ намѣстниковъ въ Новгородъ.

По окончаніи всѣхъ переговоровъ и по приведеніи Новгородцовъ къ присягѣ, великій князь Иванъ Васильевичъ прожилъ въ Новгородѣ еще слишкомъ мѣсяцъ. Января 22-го онъ послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ князя Ивана Васильевича Стригу да брата его Ярослава, и велѣлъ имъ стать на Ярославлѣ дворѣ, самъ же еще не въѣзжалъ въ Новгородъ по случаю бывшаго тамъ мороваго повѣтрія; и только уже 29 Января въ четвергъ на масляной недѣлѣ пріѣхалъ съ братьями отслужить молебенъ у св. Софіи и стоялъ тамъ литургію, и потомъ прямо изъ церкви уѣхалъ къ себѣ въ станъ на Паозерье, и далъ тамъ обѣдъ братьямъ своимъ, владыкѣ Ѳеофилу, боярамъ Новгородскимъ и мно-

гимъ житьимъ людямъ и пилъ съ ними, при чемъ владыка передъ обѣдомъ поднесъ великому князю богатые дары. Февраля 1-го числа на маслепое заговѣнье великій князь велѣлъ схватить вождей Литовской партіи, заводчиковъ всѣхъ смутъ, старосту купецкаго Марка Панфильева, а 2-го Февраля Мареу Исакову Борецкую и внука ея Василья Ѳедорова Исакова; 3-го Февраля приказалъ своему намѣстнику князю Ивану Васильевичу Стригѣ взять у Новгородцовъ договорныя грамоты, какія у нихъ были съ великими князьями Литовскими и съ королемъ; а 5-го Февраля назначилъ еще двухъ намѣстниковъ Василья Китая да Ивана Зиновьева, которымъ велѣлъ быть на владычней или Софійской сторонѣ, и повелѣлъ своимъ намѣстникамъ всякія дѣла судебныя и земскія править по великаго князя пошлинамъ, а владыкѣ Новгородскому и Новгородцамъ не вступаться ни во что, и что бы всѣ посольства, которыя откуда придутъ въ Новгородъ, править передъ ними, намѣстниками, а не передъ владыкою и Новгородомъ. Февраля 6-го великій князь приказалъ схватить житьего Григорья Арбузьева Киприанова, Ивана Кузмина Савелкова, Акинфа съ сыномъ Романомъ да Юрья Репехова, и 7-го числа всѣхъ взятыхъ велѣлъ отвезти въ Москву, а имѣнья ихъ отписать на себя. Февраля 8-го въ сборное воскресенье великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ слушать литургію въ церкви св. Софіи и присутствовалъ при совершеніи чина православія, а послѣ литургіи опять уѣхалъ къ себѣ на Паозерье и тамъ

давалъ обѣдъ своему брату князю Андрею меньшему, владыкѣ Θеофилу и многимъ Новгородскимъ боярамъ и житьимъ людямъ. Февраля 12-го владыка Θеофилъ пріѣхалъ на Наозерье и представилъ великому князю богатые дары, состоявшіе въ золотыхъ цѣпяхъ, ковшахъ, чарахъ и серебряныхъ золоченыхъ мисахъ и кубкахъ, наконецъ 17 Февраля великій князь отправился въ Москву и до перваго стана на Ямнахъ его провожали владыка Θеофилъ, Новгородскіе бояре и житьи люди съ дарами. Въ слѣдъ за великимъ княземъ привезенъ былъ въ Москву Новгородскій вѣчевый колоколъ и повѣшенъ на колокольницѣ на площади звонить съ другими колоколами. Какъ провожали Новгородцы свой вѣчевый колоколъ, преданіе умалчиваетъ. А Псковскій лѣтописецъ, заканчивая свою повѣсть о паденіи Новгорода, написалъ: „Се же всё бысть по строенію Божію; что мнѣ о семъ промышляти много, или писанію предавати! якоже Богу годѣ, тако и здѣ все совершилось.“ Дѣйствительно все это совершилось по Божію устроенію, Новгородъ немогъ уже существовать самостоятельно, всѣ доблести, всѣ старые умные порядки, которыми онъ жилъ прежде, были уже давно прожиты, попраны и уничтожены самими же Новгородцами; такъ что великому князю Ивану Васильевичу досталось прибирать къ своимъ рукамъ только полуживый трупъ прежняго Новгорода, который въ послѣднее время даже немогъ и двигаться, нетолько защищаться; въ четырехъ мѣсячный походъ великаго князя Новгородцы не могли

дать ему ни одного сраженія, даже Московскіе полки нигдѣ невстрѣчали Новгородской рати, и ее дѣйствительно вовсе небыло и никто не собиралъ. Правда, въ Новгородѣ былъ еще въ это время доблестный воевода князь Василій Васильевичъ Шуйскій и получалъ отъ Новгородцевъ большое жалованье; но вѣче никуда его неносылало и недавало ему войска; такъ что онъ, видя безполезность своего пребыванія на Новгородской службѣ, самъ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и поступилъ въ службу къ великому князю.

Новыя неустройства въ Новгородѣ и тайныя сношенія съ Казимиромъ.

Впрочемъ Новгородъ, утратившій способность существовать самостоятельно и поступившій въ число Московскихъ областей, еще незабылъ крамолъ раздиравшихъ его въ послѣднее время; партіи Московская и Литовская, бывшія въ послѣдніе дни самостоятельнаго Новгорода, не изчезли еще и въ Новгородѣ, потерявшемъ свое вѣче и посадника; Московскіе полки, увезшіе съ собою вѣчевый колоколъ, немогли увезти изъ Новгорода вражды партій. Даже по естественному порядку вещей, Литовская партія, съ подчиненіемъ Новгорода великому князю Московскому, значительно усилилась, ей не только остались вѣрными всѣ прежніе ея сторонники, всѣ насильники, нежелавшіе суда и управы, которымъ туго приходилось при Московскихъ намѣстникахъ; но на ее сторону перешли и всѣ люди безразличные, умѣренные, которымъ прискорбно было видѣть паденіе отечества и потерю свободы Новгорода, которымъ кололи глаза новые непривычные Мос-

ковскіе порядки; самъ владыка Новгородскій Θеофилъ, очевидно недовольный изходомъ своихъ продолжительныхъ переговоровъ съ великимъ княземъ Московскимъ, присоединился къ Литовской партіи. Московская партія съ своей стороны также не ослабѣвала, и хотя потеряла многихъ изъ своихъ прежнихъ сторонниковъ, перешедшихъ къ противникамъ, тѣмъ не менѣе, поддерживаемая Московскими намѣстниками и конечно находя опору въ самомъ великомъ князѣ, она была ежели не сильнѣе, то ничуть не слабѣе своихъ противниковъ. Литовская партія, какъ и слѣдовало ожидать и по ея сочувствію къ Литовскому государю, такъ и по обстоятельствамъ того времени, должна была вступить въ тайныя сношенія съ Казимиромъ королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, обѣщая ему подчинить Новгородъ, только бы онъ пособилъ въ борьбѣ съ Московскимъ княземъ. Представителемъ Новгорода въ этихъ сношеніяхъ съ Казимиромъ по всему вѣроятію былъ владыка Θеофилъ, какъ единственная выборная власть, уцѣлѣвшая отъ прежняго Новгородскаго порядка.

Пріѣздъ великаго князя въ Новгородъ и судъ надъ владыкою Θеофиломъ.

Московская партія, конечно недремавшая въ то время, какъ только узнала о затѣяхъ своихъ противниковъ, то немедленно дала знать о томъ великому князю Московскому. Великій князь Иванъ Васильевичъ съ своей стороны, что бы не упустить времени и напасть на противниковъ при самомъ началѣ, когда дѣло еще не было улажено, немедленно, 26 октября 1479 года самъ отправился въ Нов-

городъ миромъ, со свитою въ тысячу человѣкъ надежныхъ и хорошо вооруженныхъ людей, и пришедши остановился со всѣми своими людьми въ Славенскомъ концѣ и пробылъ тамъ до Февраля мѣсяца 1480 года. Эта поѣздка великаго князя главнымъ образомъ касалась владыки Ѳеофила. Государь самъ лично принялся разбирать дѣло о Ѳеофилѣ, и занимался имъ около двухъ мѣсяцовъ, и по собраннымъ свѣдѣніямъ и очнымъ ставкамъ нашедши Ѳеофила виновнымъ въ тайной измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ Казимиромъ королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, 19 Января приказалъ его взять, отправить въ Москву и посадить въ Чудовъ монастырь, гдѣ онъ послѣ двухъ лѣтъ съ половиною и скончался.

Лѣтописи, описывая эту поѣздку великаго князя Ивана Васильевича въ Новгородъ, говорятъ, что онъ, отправивши владыку въ Москву, взялъ себѣ его казну, множество золота и серебра и драгоцѣнныхъ сосудовъ; тожс подтверждаетъ и современный польскій историкъ Длугошъ, по словамъ котораго: „Великій князь въ этотъ разъ забралъ несмѣтное богатство и нагрузилъ 300 возовъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и безчисленнымъ множествомъ шелковыхъ тканей, суконъ и мѣховъ, найденныхъ въ древнемъ архіепископскомъ казнохранилищѣ.“ Въ сказаніи Длугоша, кажется, нѣтъ преувеличеній; ибо владычня казна въ Новгородѣ на полатяхъ святыя Софіи, какъ мы знаемъ по лѣтописямъ, была издревле самымъ богатымъ хранилищемъ общественной Новгородской казны, изъ

котораго въ нужныхъ случаяхъ Новгородцы всегда получали хорошія средства на общественныя потребности. При завоеваніи же Новгорода въ 1478 году, какъ мы это уже видѣли, Софійское казнохранилище оставалось не прикосновеннымъ и великій князь тогда не имѣлъ случая его тронуть. Теперь же, когда владыка, какъ обвиненный судомъ въ измѣнѣ, отосланъ былъ въ Москву, преемника же на владычню каѳедру не было назначено, великому князю было свободно воспользоваться несмѣтными богатствами Софійскаго казнохранилища, скопленными въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій; властей, защищавшихъ это казнохранилище, съ отсылкою владыки уже не было, намѣстники велико-княжескіе конечно немогли въ этомъ препятствовать своему государю, вѣче же, посадники, тысяцкіе и другіе выборные власти уже были уничтожены еще въ 1478 году. Такимъ образомъ сей мирный походъ великаго князя въ Новгородъ доставилъ ему огромныя богатства и лишилъ Новгородцовъ запасной казны. Довольный такимъ исходомъ настоящаго дѣла, великій князь, лишивши Новгородъ и запасной казны и владыки, который до сего времени оставался еще послѣднимъ представителемъ прежняго Новгородскаго порядка, къ которому всегда могли примыкать всѣ недовольные новымъ порядкомъ, поспѣшилъ уѣхать въ Москву, непропустивши другихъ участниковъ Литовской крамолы, теперь уже съ удаленіемъ владыки разсыпанныхъ и неимѣвшихъ для себя законнаго средоточія.

Крамолы въ Новгородѣ и выселеніе многихъ Новгородскихъ семействъ въ Московскія владѣнія.

Удаленіе послѣдняго выборнаго Новгородскаго владыки такъ много значило и настолько отняло силъ у Литовской партіи, что не смотря на продолжавшіяся время отъ времени крамолы въ самомъ Новгородѣ и на многія благопріятныя для возстанія обстоятельства со стороны, развлекавшія вниманіе великаго князя, Новгородцы немогли сдѣлать сколько нибудь значительнаго и серьезнаго возстанія, которое бы потребовало посылки особой Московской рати или велико-княжескаго похода. Для уничтоженія всѣхъ послѣдующихъ Новгородскихъ крамолъ всегда оказывалось достаточнымъ однихъ приказаній, присланныхъ изъ Москвы, которыя постоянно исполнялись съ покорностію, не смотря на то, что иногда были очень строги и прямо клонились къ уничтоженію даже отдаленной возможности возобновить старые Новгородскіе порядки. Такъ въ 1481 году, черезъ годъ по удаленіи владыки Ѳеофила, пришло изъ Москвы приказаніе взять знаменитыхъ Новгородскихъ бояръ, Василья Казимира, брата его Ивана Короба, Михаила Берденева и Луку Ѳедорова, давнишнихъ приверженцевъ Литовской партіи; и приказаніе это было исполнено тихо, безъ явнаго сопротивленія. Лѣтописи даже неуказываютъ на преступленія сихъ бояръ, и причина ихъ взятія очевидно состояла въ ихъ прежней приверженности къ королю Казимиру и въ продолжавшихся тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ, которыя были дознаны во время изслѣдованія дѣла о владыкѣ Ѳеофилѣ и можетъ быть подтверждены новы-

ми доносами изъ Новгорода, гдѣ бояре и житьи люди по присягѣ, данной въ 1478 году, должны были доносить другъ на друга государю о добрѣ и злѣ. Въ 1484 году, пришелъ изъ Новгорода въ Москву новый доносъ отъ Новгородцовъ Московской партіи, которые писали, что ихъ противники сносятся съ Литовскимъ королемъ Казимиромъ; по этому доносу было схвачено и отвезено въ Москву тридцать человѣкъ бояръ и житьихъ людей, а домы ихъ разграблены. Хотя доносъ этотъ по слѣдствію оказался не совсѣмъ справедливымъ и нещастные въ жестокихъ пыткахъ въ Москвѣ, оговаривавшіе другъ друга, услыхавъ наконецъ о повелѣніи всѣхъ ихъ повѣсить, передъ смертію стали просить другъ у друга прощенія въ томъ, что не стерпя пытокъ, оговорили другъ друга напрасно; тѣмъ не менѣе великій князь, отмѣнивши смертную казнь, приказалъ ихъ разсажать по тюрьмамъ въ оковахъ, семейства же ихъ сослалъ въ заточеніе, а имѣніе взялъ на себя. При этомъ случаѣ, по свидѣтельству лѣтописей, были ограблены и сосланы въ заточеніе знаменитая Новгородская боярыня Настасья Кузмина, та самая, у которой въ 1475 году, великій князь пировалъ на Городищѣ, и бояринъ Иванъ Кузминъ, въ 1478 году, при взятіи Новгорода бѣжавшій въ Литву къ королю Казимиру въ сопровожденіи 30 человѣкъ служителей, который, не получивъ отъ короля ожиданныхъ милостей и оставленный своими, возвратился въ Новгородъ только самъ-третей.

Въ 1486 году, Новгородское войско съ великокняжескимъ намѣстникомъ Яковомъ Захарьевичемъ по приказу государеву ходило на Тверь; а потомъ въ 1487 году, часть Московской рати, по взятіи Твери, семнадцать недѣль квартировала въ Новгородѣ, и въ томъ же году по государеву приказу были выведены изъ Новгорода пятдесятъ семействъ лучшихъ богатѣйшихъ гостей и поселены во Владимирѣ. Между тѣмъ велико-княжескій намѣстникъ Яковъ Захарьевичъ распоряжался въ Новгородѣ, нисколько несправляясь съ старыми Новгородскими порядками, и своими распоряженіями довелъ Новгородцовъ до явнаго возстанія. Въ 1488 году Новгородцы собрались толпою и замышляли убить намѣстника; но, не имѣя единодушія и порядочныхъ вождей, были легко разогнаны намѣстничьими дворянами, и часть ихъ намѣстникъ самъ пересѣкъ и перевѣшалъ въ Новгородѣ. А потомъ, когда объ этомъ возмущеніи было донесено великому князю; то онъ прислалъ отъ себя приказъ всѣхъ участвовавшихъ въ возмущеніи перевезти въ Москву; и по этому приказу болѣе семи тысячь житьихъ людей были выселены изъ Новгорода и получили для своего поселенія земли въ Московскихъ владѣніяхъ, и частію въ самой Москвѣ, главные же заводчикимятежа были казнены смертію. Но выселеніе Новгородцовъ этимъ неокончилось; изъ Новгорода стало поступать къ великому князю много жалобъ на его Новгородскихъ намѣстниковъ и волостелей въ напрасныхъ обидахъ и продажахъ; а намѣстники и

волостели, оправдываясь, говорили, что жалобники были участниками въ мятежѣ и хотѣли убить ихъ, что они безпрестанно заводятъ крамолы. Въ слѣдствіе этаго великій князь въ 1489 году, прислалъ повелѣніе, по которому до тысячи семействъ Новгородскихъ бояръ и житьихъ людей были высланы въ Москву; и великій князь далъ имъ земли, кому въ Москвѣ, кому во Владимирѣ, кому въ Нижнемъ, Переяславлѣ, Муромѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ и въ другихъ городахъ; а на ихъ мѣсто прислалъ боярскихъ дѣтей и лучшихъ гостей изъ Москвы и другихъ городовъ Московскаго государства, и далъ имъ земли въ Новгородскихъ владѣніяхъ преимущественно около Новгорода и въ самомъ Новгородѣ. Спмъ переселеніемъ были окончены всѣ Новгородскія смуты, Литовская партія пала безъ возврата, и Новгородъ не только по строю своему и по властямъ, но и по высшему слою всего населенія сдѣлался Московскимъ. Московскіе переселенцы не знали и не хотѣли знать старыхъ Новгородскихъ порядковъ, а прежніе изконные Новгородцы, оставшіеся на своей родинѣ, большею частію и прежде тянувшіе къ Москвѣ и не довольные старыми Новгородскими порядками, теперь безпрепятственно стали сливаться и роднться съ Московскими поселенцами.

Новгородъ окончательно подчиняется Московскимъ порядкамъ.

И тѣмъ съ большимъ успѣхомъ Новгородъ сталъ усвоивать себѣ Московскіе порядки, что не только намѣстники и другіе свѣтскіе правители назначались изъ Московскихъ бояръ; но даже и влады-

ка Новгородскій, по удаленіи послѣдняго выборнаго архіепископа Ѳеофила, сталъ присылаться изъ Москвы. Первый изъ Новгородскихъ владыкъ послѣ Ѳеофила Сергій, старецъ Троицкаго Сергіева монастыря, поставленный въ 1484 году, отказался отъ Новгородской каѳедры, не проживши и года, (черезъ 9 мѣсяцевъ и 24 дня) и уѣхалъ изъ Новгорода въ Троицкій Сергіевъ монастырь; такъ горько ему было непривычное Новгородское житье и такъ еще сильна была Новгородская оппозиція владыкѣ, присланному изъ Москвы. По прямому свидѣтельству лѣтописей, онъ постоянно приказывалъ и распоряжался не впопадъ и возбуждалъ въ народѣ и духовенствѣ Новгородскомъ противъ себя неудовольствія и укоризны; такъ что его разглашали помѣшаннымъ или изступленнымъ за неуваженіе къ Новгородскимъ святынямъ. Преемнику Сергія архіепископу Геннадію, изъ архимандритовъ Чудова Московскаго монастыря, поставленному въ томъ же 1484 году, первопачально также было не легко справляться съ старыми Новгородскими порядками; но онъ умѣлъ поставить дѣло церковной Новгородской реформы такъ ловко, что Новгородская оппозиція скоро должна была ему уступить; онъ всѣхъ защитниковъ старины началъ преслѣдовать, отыскивать въ нихъ недостатки и лишать священства, а кого находилъ слишкомъ строптивымъ и опаснымъ, тѣхъ отсылалъ въ Москву, гдѣ, разумѣется, не давали имъ потачки. Геннадій особенно хорошо умѣлъ воспользоваться дѣйствительными и рѣзкими

безпорядками, допущенными въ послѣднее время въ Новгородской церкви; онъ съ умѣлъ напасть на слѣды ереси жидовствующихъ или раціоналистовъ, занесенной въ Новгородъ изъ Литвы въ то время, какъ приглашенъ былъ въ 1471 году Новгородцами князь Михаилъ Олельковичъ. Напавши на слѣды этой опасной ереси, владыка Геннадій началъ сильное преслѣдованіе еретиковъ. самъ судилъ ихъ и сожигалъ на кострахъ на Духовскомъ полѣ, иныхъ предавалъ торговой казни, другихъ ссылалъ въ заточеніе, а другіе сами бѣжали въ Литву и къ Нѣмцамъ. Вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ еретиковъ здѣсь преслѣдовались и всѣ противники разпоряженіямъ Геннадія. И такимъ образомъ Новгородъ и въ церковномъ отношеніи подчинился окончательно Московскимъ порядкамъ, и вся древняя жизнь Новгорода со всѣми преданіями перешла въ исторію; а Новгородцы стали жить по новому, съ другими нравами и понятіями, отъ стараго осталась только одна земля и нѣкоторыя незначительныя учрежденія, немѣшавшія развиваться новымъ Московскимъ порядкамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Новгородскія владѣнія

Виды Новгородскихъ владѣній 1. Новгородъ и его стороны 2. Концы города 3. Улицы 7. Новгородская земля 10. Пригороды на Новгородской землѣ 14. Присуды и погосты 22. Волостки 28. Рядки 29. Перевары 29. Новгородскія волости 30. Первый разрядъ Новгородскихъ волостей, — Торжекъ, Бѣжичи, Волокъ и проч. 32. Второй разрядъ Новгородскихъ волостей,—Заволочье 36. Третій разрядъ Новгородскихъ волостей,—Пермь, Печера и Югра 39.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Новгородское общество.

Элементы Новгородскаго общества 43. Классы Новгородскаго общества 48. Бояре 50. Посадничьи и боярскіе дѣти 69. Гриди или овоземцы 72. Купцы 74. Черные люди 82. Вольные люди 92. Повольники Новгородскіе 96.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Новгородская церковь.

Строи Новгородской церкви 112. Епископы или владыки Новгородскіе 119. Монастыри 131. Бѣлое духовенство 142.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Новгородское правительство.

Вѣче 156. Посадники 168. Тысящкіе 180. Сотскіе 185. Старосты 189. Биричи и подвойскіе 194: Князья 196.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

Новгородъ отъ прибытія Рюрика до кончины Юрія Владимировича Долгорукаго, князя Суздальскаго.

Приглашеніе князей въ Новгородъ 215. Князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ 217. Князь Олегъ и его преемники до Владимира 222. Князь Владиміръ Святославичъ 223. Князь Ярославъ Владимировичъ 225. Князь Изяславъ Ярославичъ 231. Князь Глѣбъ Святославичъ 232. Князья Святополкъ Изяславичъ и Мстиславъ Владимировичъ 233. Состояніе Новгорода при князѣ Мстиславѣ Владимировичѣ 235. Князь Всеволодъ Мстиславичъ 236. Князь Святославъ Ольговичъ 243. Новыя отношенія Новгорода къ князьямъ 245. Борьба съ Юріемъ Долгорукимъ 248. Слѣдствія борьбы Новгорода съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ 255. Торговля Новгорода и отношенія къ Финляндіи 256.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

Борьба Новгорода съ дѣтьми Юрія Суздальскаго съ князьями Андреемъ Боголюбскимъ и братомъ его Всеволодомъ

Святославъ и Давыдъ Ростиславичи 259. Кн. Романъ Мстиславичъ 263. Послѣ Романа Мстиславича 265. Слѣдствія борьбы съ кн. Андреемъ Боголюбскимъ 267. Торговля Новгородцевъ 268. Борьба съ Всеволодомъ Юрьевичемъ 270. Кн. Мстиславъ Ростиславичъ 271 Кн. Владиміръ Святославичъ, присланный Кіевскимъ княземъ Святославомъ Всево-

лодовичемъ 272. Ярославъ Владимировичъ, присланный Суздальскимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ 276. Кн. Святославъ, сынъ Всеволода Суздальскаго 281. Кн. Константинъ, сынъ Всеволода Суздальскаго 283. Казнь Миропкиничей 284. Кн. Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій Удалый 287. Войны съ чудью и Литвою 290. Отношенія къ Финляндіи и Шведамъ 293. Отношенія къ Югрѣ и Печерѣ 295. Торговля Новгорода 297. Договорныя грамоты съ Нѣмцами 298.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ

Борьба Новгорода съ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

Война съ Чудью 303. Война съ Черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Чермнымъ 304. Князь Ярославъ, сынъ Всеволода Суздальскаго 305. Князь Мстиславъ Удалый вторично и война съ Ярославомъ Всеволодовичемъ 309. Кн. Святославъ Мстиславичъ, сынъ Смоленскаго князя 316. Кн. Всеволодъ Мстиславичъ, братъ Святослава 318. Кн. Всеволодъ Юрьевичъ 322. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ 323. Кн. Всеволодъ опять 324. Кн. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій 326. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ 327. Кн. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій 332. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ, Переяславскій 337. Страшный голодъ 337. Князь Александръ Ярославичъ 343. Войны съ Литвою 344. Войны съ Чудью и Ливонскимъ орденомъ 345. Войны въ Финляндіи со Шведами 347.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Новгородъ въ первыя 60 лѣтъ владычества Татаръ надъ Россіею.

Нашествіе Батыя 349. Кн. Александръ Ярославичъ Невскій, война со Шведами 350. Война съ Ливонскими Нѣмцами 353.

Ледовое побоище 354. Набѣги Литвы 356. Князь Василій, сынъ Александра Невскаго 358. Война Новгорода съ княземъ Александромъ Невскимъ 359. Война со Шведами и Ливонскими Нѣмцами 361. Попытка Татаръ наложить дань на Новгородъ 362. Татарская перепись въ Новгородѣ 363. Кн. Дмитрій Александровичъ 364. Князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій 365. Война съ Литвою, князь Довмонтъ 367. Война съ Датчанами и Ливонскими Нѣмцами, Раковорская битва 369. Ссора съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ 374. Уставъ Ярослава о мостовыхъ 379. Договорная грамота съ Нѣмецкими городами и Готландомъ 381. Кн. Дмитрій Александровичъ и Кн. Василій Ярославичъ спорятъ о Новгородѣ 385. Кн. Дмитрій Александровичъ 387. Князь Андрей Александровичъ 391. Князь Дмитрій Александровичъ въ другой разъ 392. Война съ Шведами и Литвою 394. Князь Андрей Александровичъ вторично 395. Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами 397. Моръ и большій пожаръ 398. Война со Шведами 400.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

Борьба Новгорода съ Тверскими и Московскими князьями.

Князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій и борьба съ нимъ 402. Война со Шведами въ Финляндіи 407. Пожары и ссора съ кн. Михаиломъ Ярославичемъ 407. Продолженіе войны со Шведами 409. Союзъ съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ и продолженіе войны съ кн. Михаиломъ Ярославичемъ 409. Князь Юрій Даниловичъ Московскій, походы Новгородскихъ повольниковъ и война со Шведами 417. Кн. Александръ Михайловичъ Тверскій и борьба съ нимъ 421. Кн. Иванъ Даниловичъ Московскій 422. Притѣсненія отъ Московскаго князя и внутреніе раздоры 425. Союзъ

Новгорода съ княземъ Гедиминомъ Литовскимъ 426. Возмущеніе Корѣлы и война со Шведами 429. Ссора съ Московскимъ княземъ 431. Кн. Семенъ Ивановичъ Московскій и война съ нимъ 433. Пожары и смятеніе народа 436. Нападеніе Лйтовскаго князя Ольгерда 439. Нападеніе короля Шведскаго Магнуса 440. Отдѣленіе Пскова отъ Новгорода 443. Князь Константинъ Суздальскій, попытка отдѣлить Новгородскую церковь отъ Московской митрополіи 445. Князь Иванъ Ивановичъ Московскій, междоусобія въ Новгородѣ 446. Князь Дмитрій Константиновичъ Суздальскій 448. Князь Дмитрій Ивановичъ Московскій, повольничьи походы Александра Аввакумовича и другихъ 449. Война съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ 451. Мирный договоръ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ 455. Походы повольниковъ 456. Ересь стригольниковъ 458. Мирно улаженныя недоумѣнія между Новгородцами и Московскимъ княземъ 461. Новгородъ пользуется миромъ и уваженіемъ отъ сосѣдей 463. Смятеніе въ Новгородѣ за князя Патрикія Наримантовича 464. Война съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ и ссора съ митрополитомъ 465. Новыя укрѣпленія въ Новгородскихъ владѣніяхъ. Выборъ новаго архіепископа 468. Мятежъ въ Новгородѣ 469.

РАЗСКАЗЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

Борьба Новгородцовъ за владѣнія и постепенное разложеніе Новгородскаго общества.

Прежнія отношенія Новгорода къ князьямъ 470. Новый характеръ отношеній Новгорода къ князьямъ 472. Князь Василій Дмитріевичъ Московскій, миръ съ Нѣмцами 473. Пріѣздъ митрополита Кипріяна и споръ о докончальной Нов-

городской грамотѣ 474. Война съ княземъ Московскимъ за докончальную грамоту 474. Неудачное нападеніе на Псковъ 476. Война съ Московскимъ княземъ за Заволочье 468. Новое нападеніе Московскаго князя на Заволочье 486. Унизительныя отношенія Новгорода къ князьямъ Московскому и Литовскому 488. Новгородъ еще по старинѣ даетъ у себя убѣжище Московскимъ и Литовскимъ изгнанникамъ 489. Отношенія Новгорода къ Шведамъ, Литвѣ и Польшѣ 491. Новая война въ Заволочьѣ 493. Междоусобіе въ Новгородѣ 496. Пожары и другія нещастія въ Новгородѣ 501. Торговля Новгорода 504. Двукратная перемѣна денежной системы въ Новгородѣ 507. Безпечность Новгородскаго правительства по смерти князя Василья Дмитріевича 507. Нападеніе Устюжанъ на Заволочье. Договоръ съ Тверскимъ княземъ 508. Война съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ 509. Договоръ съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ по смерти Витовта 510. Московскій князь Василій Васильевичъ ищетъ убѣжища въ Новгородѣ 511. Новгородцы идутъ казнить Великіе Луки и Ржеву за неплатежъ даней 512. Московскій князь Василій Васильевичъ вступаетъ въ договоръ съ Новгородомъ и не исполняетъ его. Черный боръ 513. Договоръ съ Литовскимъ княземъ Казимиромъ, унизительный для Новгорода 515. Война съ Московскимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ 516. Внутреннiе недуги Новгородскаго общества и его постепенное разложеніе 517. Набѣги Нѣмцевъ и Тверскаго князя 520. Десятилѣтній голодъ 522. Вѣрность и мужество Заволочанъ 523. Мятежъ въ Новгородѣ по случаю передѣлки денегъ 524. Князь Дмитрій Шемяка. Война съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами 528. Договоръ Новгорода съ Московскимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ 529. Походъ Московскаго князя на Новгородъ 533. Яжелбицкій миръ и договорныя грамоты съ Московскимъ княземъ 534. Новыя не бывалыя отношенія Новгорода къ Московскому князю 536. Мирный пріѣздъ Московскаго князя въ Новгородъ 538.

РАЗСКАЗЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Паденіе Великаго Новгорода.

Московскій князь Иванъ Васильевичъ держитъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ по Яжелбицкому миру и заботится о Новгородскихъ интересахъ 540. Внутреннія нестроенія въ Новгородѣ, богатая молодежъ и женщины заправляютъ дѣлами. Марѳа Борецкая 541. Неуваженіе къ справедливымъ требованіямъ Московскаго государя 543. Волненія въ Новгородѣ по смерти архіепископа Іоны 454. Партія Борецкихъ и молодежи требуетъ союза съ Польскимъ королемъ Казимиромъ 547. Договоръ и подданство Новгорода Казимиру 548. Посольства Московскаго князя и митрополита съ убѣжденіями, чтобы Новгородцы не вступали въ подданство Казимиру 551. Походъ Московскаго князя на Новгородъ 553. Коростынская битва 554. Шелонская битва 556. Новгородцы готовятся выдержать осаду 558. Голодъ и ссоры партій Литовской и Московской 559. Посольство къ Московскому князю о мирѣ 561. Коростынскій миръ 562. Коростынскія договорныя грамоты 563. Захваты Новгородцовъ по Двинѣ 567. Новые безпорядки и мятежи въ Новгородѣ послѣ Коростынскаго мира 569. Судная докончальная Новгородская грамота 571. Насиліе и грабежи въ Новгородѣ, продажность суда и своеволіе 575. Московскій князь по просьбѣ обидимыхъ мирно ѣдетъ въ Новгородъ чинить судъ и управу 577. Судъ Московскаго князя надъ обидчиками 580. Ходатайство владыки и бояръ за осужденныхъ и отвѣтъ Московскаго князя 582. Двухмѣсячное пребываніе Московскаго князя въ Новгородѣ послѣ суда, пиры, подарки 584. Московскій князь вызываетъ Новгородцовъ на свой судъ въ Москву 586. Новгородъ присылаетъ къ Московскому князю грамоту, въ которой называетъ его своимъ государемъ 588. Посольство Московскаго князя въ Новгородъ для принятія отъ Новгородцовъ присяги 590.

Литовская партія возбуждаетъ мятежъ и даетъ отвѣтъ Московскому князю, что Новгородцы непосылали грамоты въ Москву 591. Война Московскаго князя съ Новгородомъ 592. Первое Новгородское посольство къ великому князю въ станъ въ Сытинѣ 596. Отвѣтъ князя Новгородскому посольству 598. Крайне стѣснительное положеніе Новгорода, голодъ и безпорядки 600. Новыя посольства Новгородцовъ къ великому князю въ станъ 602. Рѣшительный отвѣтъ великаго князя 604. Новгородцы соглашаются отмѣнить вѣче и посадника 606. Переговоры о волостяхъ, которыя Новгородъ уступаетъ великому князю 608. Бояре великаго князя приводятъ Новгородцовъ къ присягѣ 614. Великій князь назначаетъ четырехъ намѣстниковъ въ Новгородъ 616. Новыя неустройства въ Новгородѣ и тайныя сношенія съ Казимиромъ 619. Пріѣздъ великаго князя въ Новгородъ и судъ надъ владыкою Ѳеофиломъ 620. Крамолы въ Новгородѣ и выселеніе многихъ Новгородскихъ семействъ въ Московскія владѣнія 623. Новгородъ окончательно подчиняется Московскимъ порядкамъ 626.

2007042948